

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

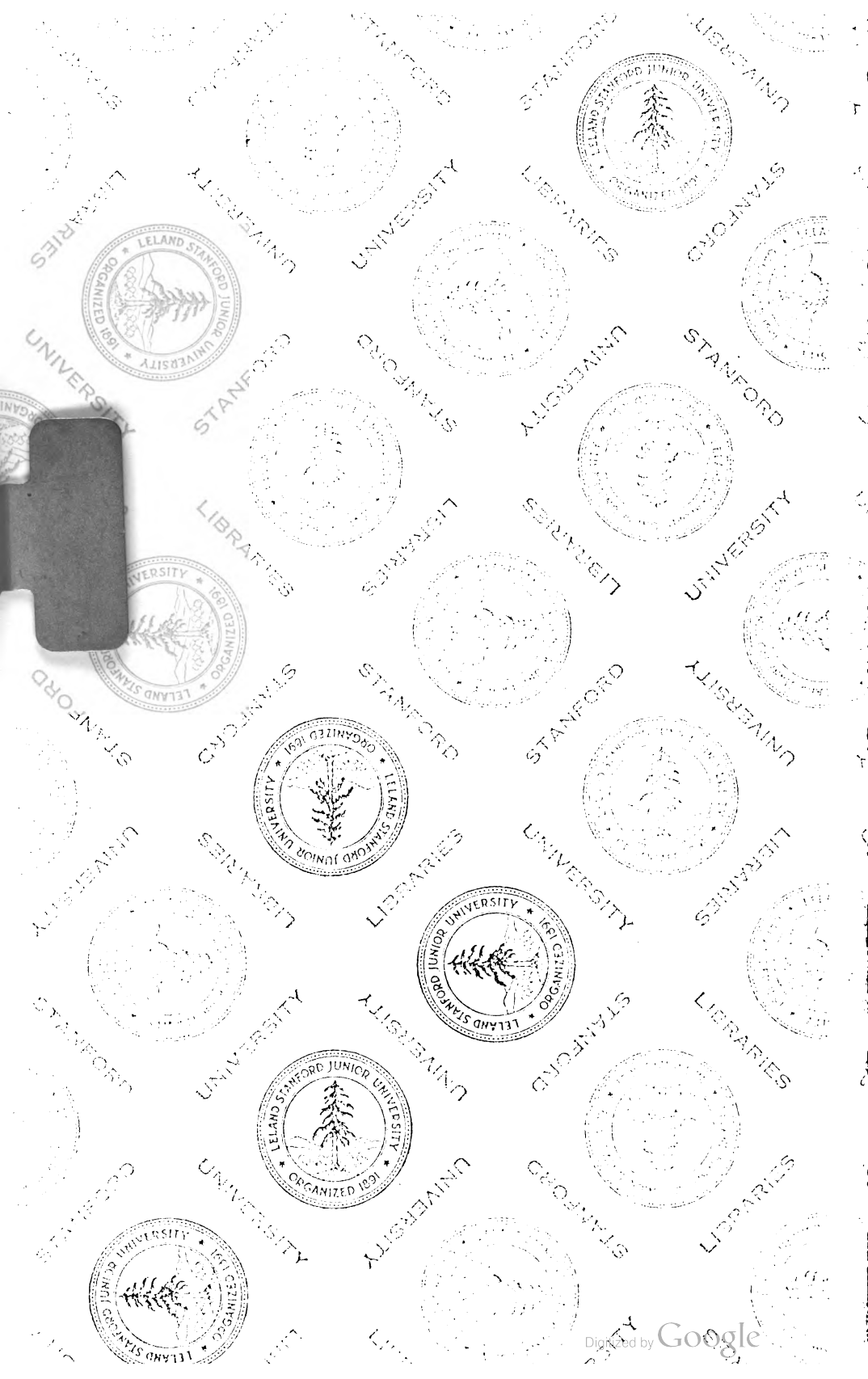
О программе Поиск книг Google

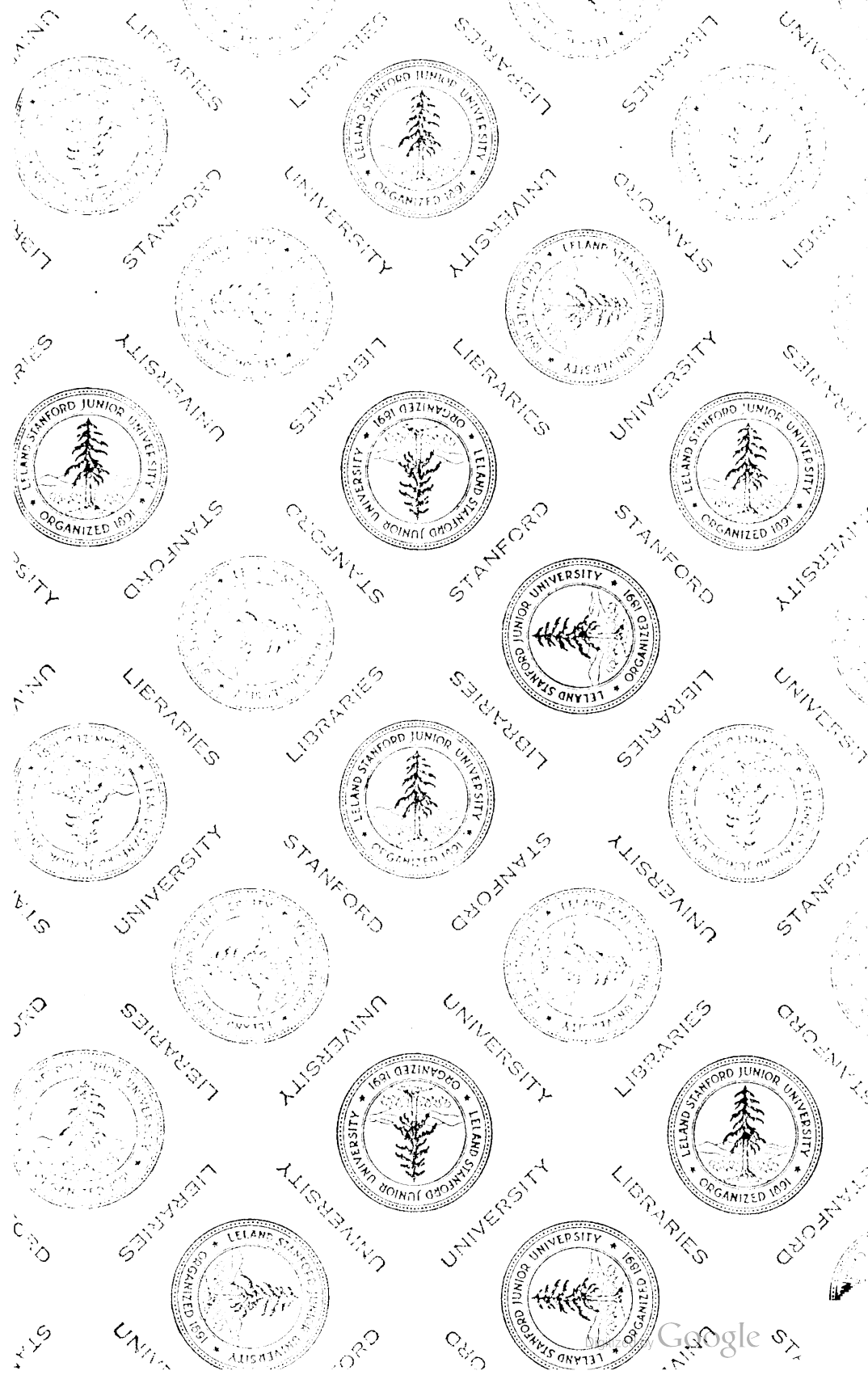
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Наблюдатель

Александр Петрович Пятковскій

MF178

STANFORD UNIVERSITY

LIBRARY
STACKS

NOV 11 1899

НАБЛЮДАТЕЛЬ

AP50

N33

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

№ 6:8

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ XVI. АВГУСТЪ. 1897 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
I. Сквозь огонь и воду. Романъ С. Орлицнаго	7
II. Бъ отлету! Стихотвореніе Л. А. Афанасьева.	101
III. Темы и мотивы лирики Я. П. Полонскаго. Критическій этюдъ. Н. М. Соколова	102
IV. Признаніе. Стихотвореніе А. Лумьянова	141
V. Хлопскій рыцарь. Украинская быль-повѣсть изъ временъ гайдамачины. Н. Вериго. (Оконч.)	142
VI. Громкое дѣло. И. А. Гофштеттера	169
VII. Въ полуснѣ. Стихотвореніе Д. Ратгауза	187
VIII. Наша музыкальная жизнь. В. С. Баскина	188
IX. Томъ Союзъ. Романъ Марка Твэна. (Съ англійскаго)	220
X. Ночи. Стихотвореніе Ѳ. Сологуба	284
XI. Наша кредитная денежная система. Н. X. Весселя	286
XII. М. П. Озмидовъ. (Съ портретомъ).	310
XIII. Вдвоемъ. Стихотвореніе А. Гангелина	314
XIV. Провинціальная жизнь. (Очерки и картинки). Новаго Аргуса.	315
XV. Астры. (Изъ А. Асныка). Стихотвореніе М. М. Гербановскаго.	342
XVI. Безъ вины виноватый. Романъ Мемини, въ трехъ частяхъ. (Съ итальянскаго).	343

(См. на оборотъ).

№ 8 «Наблюдателя» вышелъ 15-го августа 1897 года.

Послѣдующія книги будутъ выходить въ тотъ же срокъ.

Современное обозрѣніе.

СТРАН.

XVII. Политическая хроника 1

Визитъ императора Вильгельма II-го.—Нѣмецкія, австрійскія, англійскія и французскія газеты о свиданіи двухъ императоровъ.—Изолированность Англій.—Проектъ расчлененія Турціи.—Проектъ европейской федераціи.—Продолженіе мирныхъ переговоровъ въ Константинополѣ.—Уже установленные главные пункты мирнаго договора.—Учрежденіе контроля надъ финансами Греціи, по предложенію Германіи.—Прекращеніе торговаго договора между Англійей и Германіей.—Возможныя послѣдствія этого прекращенія.—Болгарія.—Слухи о предстоящемъ провозглашеніи Болгаріи независимымъ королевствомъ.—Князь Фердинандъ въ Константинополѣ.—Процессъ Бойчева и участіе въ немъ болгарскаго правительства.—Убіиство Кановаса-дель-Кастильо.

XVIII. Новыя книги: 1) П. И. Ковалевскій. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Изданіе третье. С.-Петербургъ, 1897 г. 2) Призрѣніе душевно-больныхъ въ С.-Петербургѣ. Алкоголизмъ и возможная борьба съ нимъ. Александра Чехова (Сѣдова). Изданіе А. С. Суворина, 1897 г. 3) Призывъ. Литературный сборникъ въ пользу престарѣлыхъ и лишенныхъ способностей къ труду артистовъ и ихъ семействъ. Изданіе Гарина-Видина. Москва, 1897 г. 20

XIX. Наши внутреннія дѣла 26

Пятнадцатилѣтнее управленіе гр. И. Д. Делянова министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Заслуги министерства и надежды на будущее.—Неравномѣрность обложенія у насъ; недвижимая собственность въ роли легендарной «сидоровой козы».—Русская «тройка» и какъ она везетъ?—Привилегированные коньки: заводская промышленность и банковое-биржевое дѣло.—Доходность акціонерныхъ предпріятій; ихъ обложеніе; дополнительное обложеніе акціонерныхъ предпріятій; пробѣлы въ нынѣ дѣйствующей инструкціи и сведеніе дополнительнаго обложенія на нѣтъ.—Земства и ихъ средства.—Что они могутъ облагать?—Примѣры рыболовныхъ ватагъ въ устьяхъ Волги.—Банки и бнчирскія конторы, ничего и никому не платяще.—Ростъ крупныхъ капиталовъ за счетъ подачекъ казны; отсутствіе энергіи и пониманія.—Роль иностраннаго капитала.—Открытіе новыхъ судовъ въ Сибири.—Грядущія реформы судебнаго вѣдомства; комерческіе суды и ихъ порядки.—Конкурсы и его адепты.

XX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). Стихотворенія: Хмураго Барда и Стараго Капрала. 40

НАВНОДАТЕЛЪ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

№ 8. АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и Главная Контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близъ Невского просп.) № д. 8.

1897.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ:

„УКАЗАТЕЛЬ“

статей, напечатанныхъ въ журналѣ
„Наблюдатель“ за 12 лѣтъ, съ 1882 по
1894-й годъ (по фамиліямъ авторовъ).

ЦѢНА: безъ пересылки 25 коп.; съ пере-
сылкой 30 коп.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1897 Г. ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

Годъ XVI „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ Годъ XVI

Выходитъ ежемѣсячно 15-го числа, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями.

Вступивъ въ 16-й годъ своего существованія, журналъ издается въ томъ же твердо установившемся направленіи, съ которымъ хорошо знакомы наши постоянные читатели. «НАБЛЮДАТЕЛЬ», прежде всего, стремился быть *журналомъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, приютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного определеннаго міросозерцанія* ¹⁾. Общее же направленіе нашего журнала, — насколько намъ удалось выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и вѣшной политики, — мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*.

Въ 1896 г., для подписчиковъ нѣкоторыхъ категорій, была сдѣлана скидка въ размѣрѣ 2 р. съ годовой платы. Въ текущемъ же году редакція нашла возможнымъ — *сбавить подписную цѣну для всѣхъ подписчиковъ безъ различія и приложить къ журналу иллюстраціи*.

¹⁾ «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 по 1894 годъ), былъ приложенъ къ декабрьской книгѣ 1894 года, а затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (см. на оборотѣ титульной страницы).

*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Безъ доставки	10 руб.	6 руб.	— руб.
Съ доставкою въ С.-Петербур- бургъ и съ пересылкою			
въ другія мѣста Россіи	12 >	6 >	3 >
> пересылкою за границу	14 >	7 >	4 >

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра журнала (гербовый сборъ не включается въ уступку). При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается. Гг. служащимъ—разсрочка за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка съ разсрочкою адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала.

Въ первыхъ пяти книгахъ журнала за 1897 г. (№№ 1—5) окончены романы: *Смѣна поколѣній*, *А. Михайлова*, и *Отравленная совѣсть*, *А. В. Амфитеатрова*, и пр.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ Главной Конторѣ Редакціи (Пушкинская ул., близъ Невскаго пр., № 8), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 38); въ конторѣ Березовскаго (Поварской пер., № 2), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ **Москвѣ** — въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета) и въ отдѣленіи конторы «Нов. Времени»; въ **Одессѣ**—въ книжн. магазинахъ Распопова и «Нов. Времени», и въ конторѣ «Новороссійскаго Телеграфа»; въ **Кіевѣ** — въ книжн. магазинахъ Оглоблина, Литова и Идзиковскаго; въ **Харьковѣ** и **Саратовѣ**—въ книжн. магазинахъ «Нов. Времени», въ **Казани**—въ книжн. магазинѣ Дубровиной; въ **Варшавѣ**—въ книжн. магазинѣ Карбасникова. Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.

Адресъ для телеграммъ: **Петербургъ, Редакція «Наблюдателя».**

ОБЪ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ:

ГОДЪ I. „ГЛАСНОСТЬ“ ГОДЪ I.

Газета приостановлена редакціею съ 1-го апрѣла по 1-ое октября 1897 г., по причинамъ, объясненнымъ въ № 87-омъ самой газеты и въ № 4-мъ «Наблюдателя».

Въ вышедшихъ номерахъ «ГЛАСНОСТИ» (№№ 1 — 87), кромѣ обычныхъ газетныхъ отдѣловъ, помѣщены статьи: «На рубежѣ», *К.*; «Московская жизнь», *Москвича*; «Съ береговъ Темзы», *Лондонская Наблюдателя*; «На краю свѣта», *А. Осипова*; «Парижскія письма», *Vidi*; «За недѣлю» (воскресные фельетоны), *Авура*; «Либеральный деспотизмъ»; «Наканунъ тюремной реформы»; «Борьба съ ростовщичествомъ», *В. П.*; «Памяти М. П. Розенгейма», *М. Бородинна*; «Хлѣбная торговля и народное благосостояніе», *А. Н. Котельникова*; «Первая перепись населенія Россіи», *Его же*; «Юбилей народнаго учителя»; «О целибатѣ римско-католическаго духовенства»; «Иностранное обозрѣніе», *И. С. П.—това*; «Изъ страны янки», *А. Ровинскаго*; «Журнальные очерки», *А.—ий*; «Взглядъ «Отечественныхъ Записокъ» на еврейскій вопросъ»; «Женщина на государственной службѣ», *А. И. Фаресова*; «Существуетъ ли еврейскій кагалъ?»; «Долгъ науки и грѣхъ науки»; «Колонизація киргизскихъ степей», *Ф. Добысевича*; «О китобойномъ промыслѣ», *П. Пантелеева*; «Россія и Европа въ критскихъ водахъ»; «Порабощеніе Кіева евреями»; «Общество охраненія народнаго здравія», проф. *Н. Барсова*; «Провинціальныя новости и картинки», *Новая Аруса*; «Нѣмецкое землевладѣніе»; «Новый юридическій журналъ»; «Музыкальные наброски»; «Евреи и воинская повинность»; «Какъ проводитъ время великимъ постомъ?» *А. В. Круглова*; «Современные болгарскіе поэты и беллетристы», *Н. Н. Филипова*; «Литературные типы нашихъ дней»; «Къ вопросу о почтово-телеграфной сѣти», *В. Крупеникова*; «Байкальскій пароходъ-ледоколъ», *В. Вельскаго*; «Преступныя гипнотическія внушенія», *В. П.*; «Дѣйствительное значеніе нашей народной школы», *К. И. Масляникова*; «Положеніе земледѣльческаго класса въ Голландіи»; «Результаты франко-русскаго союза»; «Изъ военной жизни» (рядъ замѣтокъ), *Н.—ва*; «Нѣмецкая колонизація на окраинахъ»; «Вопросъ о выкупѣ конки передъ судомъ общества»; «Римскія малярія», *Н. Попова*; «Юный корпусъ», *Старая солдатка*; «Финляндская фронда»; «Записки оптимиста»; «Торговья сношенія Россіи съ Балканскимъ полуостровомъ»; «Крымское духовенство и вѣчная комисія по вакуфамъ»; «Современная норвежская литература»; «Человѣконенавистнической союзъ» (по поводу книги *А. С. Шмакова*:

«Еврейскія рѣчи»); «Новое движеніе въ нашемъ консервативномъ лагерѣ»; «Въ наши дни», разсказъ *В. Э. Фирсова*; «Сезонный мужъ», *И. А. Гоббитеттера*; «Загробный гость» (психиатрической этюдъ) *З.*; «Защѣтки сельскаго счетчика», *Старожила*; стихотворенія: *А. В. Крулова*, *К. Бальмонта*, *Л. Афанасьева*, *А. Мейснера*, *П. Петровскаго*, *Хмураго Барда*, *Старога Капрала* и *Нескаго Жителя*; «Татарка» (эскизъ), *И. Порошина*; «За цѣлый день», разсказъ *А. Осипова*; «Пока до поста»... *Ею же*; «На рельсахъ», разсказъ *Новогодова*; «Труженикъ» (этюдъ) *А. Молотова* и пр.

Къ тексту приложены портреты: *А. П. Боголюбова*, *И. С. Аксакова*, *Н. В. Муравьева*, графа *Н. П. Инятъева* и *М. Е. Салтыкова*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на газету „ГЛАСНОСТЬ“:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	10 р.	5 р.	2 р. 50 к.	1 р.
Съ перес. за границу	22 »	11 »	6 » — »	2 »

На 1 годъ и 3 мѣсяца (съ 1-го октября 1897 г. по 1-ое января 1899 г.) подписная цѣна назначается по соразмѣрности указанной платы (12 р. 50 к. съ дост. и перес.).

При *совмѣстной подпискѣ на журналъ и газету*, цѣна: на годъ съ дост. и перес. 22 р.; на полгода: 11 р.; на 3 мѣсяца 6 р. На 1 годъ и 3 мѣс. совмѣстная подписка: 15 р. 50 к.

Книгопродавцамъ, принимающимъ совмѣстную годовую подписку, уступка 1 р.; за полугодовую—50 к. Принимающимъ подписку поровнь—уступка по 50 к. съ годоваго экз. журнала и газеты. Служащимъ—разсрочка за поручительствомъ гг. казначеевъ.

Вышедшіе №№ газеты (1—87) выписываются: съ дост. въ Петербургъ—2 р., съ перес. иногороднымъ—3 р.

Съ 1-го октября газета будетъ выходить въ прежнемъ форматѣ (въ форматѣ «Голоса»), по прежней программѣ, но при уменьшенной цѣнѣ и при болѣе льготныхъ условіяхъ подписки по мѣсяцамъ.

Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, Редакція «Гласности».

Телефонъ Редакціи и Конторы—№ 2237.

Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность только за подписку, приняту въ Главной Конторѣ газеты.

Редакція «ГЛАСНОСТИ» считаетъ своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность тѣмъ изъ гг. подписчиковъ (наибольшая часть), которые, изъявляя полное сочувствіе направленію газеты, согласились ожидать ея возобновленія.

Редакторъ-Издатель А. П. Патковскій.

СКВОЗЬ ОГОНЬ И ВОДУ.

Р о м а н ъ .

XXI.

Въ частномъ опереточномъ театрѣ должно было состояться первое представленіе новой оперетки: «Восточный гаремъ». Въ афишахъ стояло заявленіе, напечатанное крупными буквами: «Примадонна Ольга Бѣльская, — впервые выступающая на столичной сценѣ», — исполнить роль Фаины... Въ уличныхъ листкахъ: «Наши помои» и «Столичное помойное ведро», рецензенты, разумѣется, по предварительному соглашенію съ содержателемъ театра, оповѣстили достопочтенную публику, что ей предстоитъ большое эстетическое наслажденіе — послушать Бѣльскую. Въ «Столичномъ помойномъ ведрѣ» даже было добавлено: «мы видѣли новую примадонну: — это вполнѣ красивая женщина, лѣтъ двадцати пяти; она прекрасно знаетъ сцену и безукоризненна въ манерахъ, какъ артистка и пѣвица». Даже большія газеты: «Чего изволите»? и «Пейсы раввина» помѣстили замѣтки, впрочемъ, касающіяся болѣе содержанія и музыки новой оперетки, чѣмъ новой примадонны.

Режисеръ, Васька Петрушевскій, въ великій день перваго представленія былъ совершенно трезвъ и прибѣжалъ сообщить своему другу, антрепренеру Толстобѣгову, свои успѣхи по части газетной рекламы. Онъ надѣялся, при сей вѣрной оказіи, залучить сотню другую рублей, но совершенно ошибся въ расчетѣ. Толстобѣговъ холодно принялъ его сообщенія и въ выдачѣ денегъ отказалъ.

— Послушай! да какъ же мнѣ обойтись? — растопыривъ

руки, въ позѣ комическаго отчаянія, воскликнулъ Петрушевскій.

— А какъ знаешь! денегъ нѣтъ.

— Сборъ будетъ громадный. Половина билетовъ уже продана по возвышенной цѣнѣ.

— Правда, продана. Но только по обыкновенной цѣнѣ.

— Но я совѣтовалъ...

— Ты совѣтовалъ и, какъ всегда, безтолково. А вотъ Бѣльская—опытная артистка—напротивъ, доказала мнѣ, что на первомъ представленіи оперетки и на ея первомъ дебютѣ должно быть какъ можно больше народу, а потому и нѣтъ основанія отпугивать любителей повышенными цѣнами. Вѣдь у насъ — оперетка, а не высоко-художественный репертуаръ. Кто къ намъ идетъ? Любители веселаго. Съ какой же стати отпугивать ихъ, да еще и на первыхъ порахъ, высокими цѣнами? Пусть хоть вся улица приходитъ; пусть лучше жалуются, что билетовъ не достали. Надо брать дешевою!

— Это совершенно такой же принципъ, какъ и въ кабакахъ.

— Несовсѣмъ такой. Но суть дѣла въ томъ, чтобы привлечь публику къ театру, а тамъ видно будетъ.

— Такъ-то такъ! Но ты мнѣ хоть сотнягу давай. Никакъ вѣдь я не обойдусь и твое же дѣло пострадаетъ.

— Денегъ, говорю, нѣтъ.

— Деньги вечеромъ будутъ. Во какія денежищи!! двѣ тысячи рубликовъ заполучишь, если сборъ окажется полнымъ.

— И всего-то тысячу двѣсти. И все-то ты, братъ, врешь и вѣчно врешь. Только теперь я ужь не театральныи младенецъ и ты меня не сманишь обѣщаніями дать жаръ-птицу.

— Неблагодарный! А Бѣльская?! Да развѣ она не жаръ-птица?!

Ножки, ручки, носикъ, глазки,

Голосочекъ соловьиный...

Тутъ не надо яркой краски

И рекламы ни единой.

Кто увидить:—отъ восторга,

Не промедливши минутку,

Кинется въ театръ безъ торгу,

Восхитится не на шутку...

— Каковы стихи?! Ихъ, въ честь Ольги Михайловны, написалъ самъ рецензентъ «Столичныхъ помоевъ», самъ неумолимый Афиногенъ Собакевичъ. Успѣшнице и денежищи ждуть тебя громадныя.

— Стихи, можетъ быть, и хороши, — раздумчиво замѣтилъ Толстобѣговъ. — Я въ стихахъ толку не знаю.

— Еще бы тебѣ знать толкъ въ поэзи. Твое дѣло — финансы. И сейчасъ подавай мнѣ хоть сотенную. Иначе невозможно! Однихъ рецензентовъ на представленіи будетъ пять. Всѣ шибко пьютъ, а который мало выпиваетъ, все же почета требуетъ: необходимо отборно угостить такого. Эти, мало пьющіе, еще хуже. Иной потребуетъ наличныхъ авансомъ за завтрашнюю статью; другому надо насильно въ горло наливать. Потому: любить ломаться. И лакать ему хочется, и гоноръ свой соблюдаетъ. По мнѣ Афиногенъ много удобнѣе: и выпить не надо просить, и когда угостишь — въ статьѣ не сомнѣвайся.

Не смотря на всѣ эти аргументы, Толстобѣговъ остался неумолимъ и твердилъ свое:

— Все же я денегъ тебѣ, Васька, не дамъ, потому: нѣтъ ихъ у меня. И Бѣльскую ты напрасно хвастаешься. Не ты ее отыскалъ и на сцену поставилъ, а я. Твоя примадонна, что ты поставилъ на первыхъ порахъ, пицала, а не пѣла и имѣла такую рожу, что никакая подмазка, никакой гримъ не могли сгладить старушечьихъ морщинъ.

— Ну, положимъ, ты Ольгу Михайловну гдѣ-то тамъ на садовой сценѣ откопалъ; — знаю я все, и ты меня, Ваня, не зли: расскажу, гдѣ прежде пѣла твоя примадонна, якобы въ первый разъ выступающая передъ петербургскою публикою — и всему дѣлу крышка. Не хвались, что самъ выдумалъ Бѣльскую. Скажи по совѣсти: кто ее пѣвицей сдѣлалъ?! Я! Кто обучилъ держаться на сценѣ?! опять же я. А главное: кто ее рекламировалъ? Я, я и все одинъ я: Василій Петрушевскій, коему ты сегодня, въ столь торжественный день, ста рублей жалѣешь. Послѣ этого ты жила, выжига апраксинская и кулакъ.

— Говорять же тебѣ: у меня денегъ нѣтъ.

— Найди, другъ милый; выдумай деньги, залѣзь въ кассу твоихъ водочныхъ заводчиковъ, а сто рублей сейчасъ пода-

вай и въ буфетѣ весь заборъ по угощенію господъ рецензентовъ бери на свой счетъ. Соскряжничашь, — всему дѣлу крышка будетъ. Завтра же въ «Нашихъ помояхъ» разберутъ по косточкамъ твою новую примадонну, напечатаютъ ея біографію въ хорѣ Миллера.

— И ты эту подлость сдѣлаешь?

— Зачѣмъ я буду дѣлать?! Голодные и трезвые, Афиногенъ и этотъ пройдисвѣтъ изъ «Столичнаго помойнаго ведра» Выпивохинъ, до всего сами докопаются. Берегись Выпивохина! Онъ бы давно тебя подкатилъ, еслибы не моя дружба съ нимъ. Ради меня молчить, а дружба съ Выпивохинымъ денегъ стоитъ мнѣ.

— И не молчить онъ. Намедни обозвалъ меня артельщикомъ-антрепренеромъ.

— Ничего изъ этого не слѣдуетъ. Онъ ужъ такъ Господомъ Богомъ устроенъ, что всегда ругается. Но ты его остерегайся...

У Петрушевскаго на лицѣ появилась такая загадочная улыбка, такая скверная гримаса, что Толстобѣговъ не на шутку встревожился. Режисеръ приблизился къ своему принципалу и, показывая ему клочокъ печатной бумаги, шепнулъ, хотя въ комнатѣ они были одни:

— Видишь это?!

— Обрывокъ газетнаго листа.

— Коррекура. Захожу я на дняхъ къ Выпивохину, а онъ править корректуру своей статьи и говорить: «Я твоего хозяина на первый сортъ отлупилъ. Прочитай»... Читаю— сердце екнуло! Написано, что у одного изъ столичныхъ антрепренеровъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, больше сорока тысячъ проухано. Откуда же берутся шальные деньги? Это,— пишетъ Выпивохинъ, — тайна нашей редакціи и еще одной водочной кассы. А?!

— И это онъ напечаталъ?!— вскакивая, закричалъ Толстобѣговъ.

— То-то же не напечаталъ! Благодарю меня, если три дня тому назадъ эта статья не появилась. Отобралъ я у него корректуру и говорю:—Ты, Выпивохинъ, этого не сдѣлаешь. Ивана Петровича такъ не обидишь. Вѣдь малый ребенокъ пойметъ, на кого ты метишь.— «А почему не обижу?»—отвѣ-

еть онъ мнѣ. — Зачѣмъ не пропечатать его?! Какая намъ рысть съ твоего Толстобѣгова, что онъ намъ? Не видали, говорить, скверной мадеры, которою въ его буфетѣ равляютъ публику?! Напечатаю—и баста. Даже объявленія нашу газету сталъ посылать маленькія. Мнѣ редакторъ врюшинъ намекнулъ: «пробери ты, говорить, эту каналью»... проберу! До новыхъ вѣнниковъ не позабудеть. — «Что же бѣ, чорту, нужно»? — спрашиваю Выпивохина. — «А мнѣ, ворить, деньги нужны!» Толкую ему: нѣтъ у насъ теперь негъ—прогораемъ. Вотъ понравится публикѣ новая приманна, пойдутъ сборы... Хохочеть!! Новая примадонна... Знаю я, — кричитъ Выпивохинъ, — откуда вы ее выкопали; мѣ не разъ съ нею ужиналъ, когда она пѣла въ хорѣ еллера. Вотъ я еще раскатаю ее наканунѣ перваго дебюта»... ажъ: дѣло плохо! Началъ съ нимъ обстоятельно торговаться. спросилъ онъ, съ перваго начала, за статью, которую не напечатаетъ, и рекламированье Бѣльской пятьсотъ рублей. Попорили мы, даже до кулаковъ дѣло чуть не дошло. Выпивохинъ, самъ знаешь, семинаристъ; на языкъ и на руку дерекъ и въ пьяномъ видѣ очень предприимчивъ. Я твою пользу ставалъ. Насилу покончилъ на ста рубляхъ. И теперь ты съ не хочешь давать! Смотри: завтра не пожалѣй.

— Грабители, шантажисты!!—хрипѣлъ Толстобѣговъ.—И съ ними заодно, Васька! Втравилъ ты меня въ это пастное театральное дѣло и головой выдаешь.

— Не головой выдаю, а спасаю, какъ другъ. Подавай сейчасъ сто рублей Выпивохину и на расходы двѣ четвертныхъ—и спи покойно. Ольга Михайловна будетъ имѣть огромный успѣхъ. Выпивохинъ превознесетъ; Афиногена накачаемъ дкою и ромомъ до безчувствія послѣ представленія; тому идку, что пишетъ въ «Пейсахъ раввина», надо будетъ дать твертнюю, а рецензенту «Чего изволите»? можно и ничего не давать: не берутъ они.

Толстобѣговъ выдалъ таки сто пятьдесятъ рублей Петруевскому, показавъ при этомъ бумажникъ, въ которомъ осталось только нѣсколько мелкихъ кредитокъ.

— Вечеромъ, въ кассѣ театра, тысячи заграбастаешь,—гѣшалъ его, уходя, хитрый режисеръ.

Оставшись одинъ, Толстобѣговъ былъ золъ и встревоженъ.

Намеки Брися-Доброхотова на нецѣлость его кассы въ памятный вечеръ, когда они кутили и онъ впервые встрѣтилъ Ольгу Михайловну Нѣгову, — по афишамъ: Бѣльскую, — часто приходили ему на память. Многое тревожило его. А вотъ теперь опасность сказывается уже не намеками; ему прямо грозятъ огласкою въ печати. Донесутъ, опорочатъ... Что еще прежде, чѣмъ изъ барышей театра — въ барыши онъ вѣрилъ, рассчитывая на Нѣгову-Бѣльскую — успѣетъ онъ пополнить недочетъ, вдругъ да назначать внезапную провѣрку кассы. Ему, кассиру, тогда не одобровать. Ракалія же и этотъ Пятрушевскій. Иуда предатель! Самъ училъ: взять деньги изъ кассы на антрепризу; позаимствоваться на малое время изъ кассы фирмы «Павловъ и сыновья». И самъ же первый теперь научилъ Выпивохина настроичить пакость. Оба сообщники сочинили шантажъ и начнутъ доить меня. А тутъ еще огласится прошлое Бѣльской-Нѣговой. Да вѣдь это же всему губа... крышка дѣлу! — воскликнулъ антрепренеръ-артелистъ и забѣгалъ по комнатѣ. — Застрѣлиться! или лучше: сбѣжать...

Нѣтъ, глупо такъ кончать. Онъ, Иванъ Толстобѣговъ, не баринъ какойнибудь, а мужикъ крѣпкій. Пусть стрѣляютъ дураки; бѣгутъ еще большіе дураки. Куда сбѣжать? поймаютъ какъ клопа. И еще бѣжать безъ денегъ — это глупѣе самогласности. Надо вывернуться...

И, успокоившись, Толстобѣговъ твердо рѣшилъ *вывернуться*.

XXII.

Былъ восьмой часъ вечера въ исходѣ. Подморозило. Свѣтлый вѣтеръ рѣзалъ лицо и залѣплялъ глаза прохожихъ сухой снѣжной пылью. Электрическіе фонари тускло горѣли; въ туманѣ, какъ тѣни, мелькали экипажи, лошади, пѣшеходы; громыхали конки; воздухъ заполнялся слитнымъ гуломъ многотысячной толпы, все еще тѣснившейся на улицахъ Петрограда. У подъѣзда частнаго опереточнаго театра, по случаю перваго представленія, горѣли два лишніе фонаря и прохожіе могли при свѣтѣ ихъ прочитать, среди чернаго текста афиши, большими красными буквами пропечатанное имя ар

тки, Ольги Михайловны Бѣльской; пропечатано оно было въ десять, въ перемежку съ фразами: «въ первый разъ ступаетъ передъ петербургской публикой»... «впервые явится въ роли Фаины въ новой опереткѣ «Восточный гамъ» и тому подобное. На ступенькахъ подъѣзда торчали олодочный надзиратель и городовые. Они строго покричали на извозчиковъ, подвозившихъ публику, и не давали вломленнымъ ванькамъ времени даже разсчитаться съ сѣдками.

— Гони его взашей! накладй ему въ загривокъ... замѣть меръ! — оралъ на извозчиковъ олодочный, — тотъ самый Максимъ Праховъ, что нѣкогда взялъ Ольгу Михайловну подъ естъ послѣ исторіи ея съ Кочергинымъ у дверей булочной липова. Городовые пулей летѣли исполнять приказъ, но ныки, чуя бѣду, не дожидались и, отрекаясь отъ двугривенго, настегивали кнутомъ клячонокъ и шмыгали въ переулки. Инъ опытный извозчикъ, предвидя, что можетъ потерпѣть въ строгости начальства, не доведъ сѣдока шаговъ десять театральнаго подъѣзда и Христомъ Богомъ молилъ разсчитаться съ нимъ.

— Потому невозможно тамотко у подъѣзда, — жаловался ъ.—Знаю я преотлично этого самого олодочнаго: звѣрь, не человекъ. Накладутъ тебѣ по шеѣ, а разсчитаться все не дадутъ; скажутъ: другимъ мѣшаешь подъѣзжать, кареты держиваешь... Нумерокъ запишутъ, а посла ужь извѣстное ло: три рубля въ участкѣ подавай.

— Кому же эти деньги?! Въ чью пользу онѣ?! — освѣмился любопытный сѣдокъ, разсчитываясь съ извозчикомъ.

— А въ ихнюю же, въ ихнюю пользу. Самые же эти раоны и возьмутъ, подѣлятъ.

— А квитанціи развѣ не выдаютъ вамъ?!

— Ни Боже мой! какія тамъ фитансіи?! По шеѣ накладъ, вотъ тутъ и вся тебѣ фитансіа.

Выпивохинъ—это онъ подѣхалъ къ театру—сейчасъ выщипъ изъ кармана записную книжку, карандашъ и принялся сать замѣтку; хотѣлъ даже для вѣрности обличеній записать меръ извозчика, но тотъ перепугался и заплакалъ, прося рдону и прикрывая бляху шапкой.

— Не погуби, баринь! не записывай... Ты, я вижу, тоже изъ ихней компаніи.

— Дуракъ! я газетчикъ; хочу обличить этихъ живодеровъ.

Отъ этихъ словъ извощикъ просто обомлѣлъ. И Выпивохинъ долженъ былъ бросить свое записыванье и, крѣпко выругавшись, уйти въ подвѣздъ театра.

На лѣстницѣ его подхватили подъ руку помощникъ режисера и, какъ важную персону, затащили въ буфетъ выпить и закусить до начала представленія. У буфетной стойки уже присутствовали Афиногенъ Собакевичъ и пьяненькій романистъ Никита Устюговъ, выпивавшіе свои рюмочки и спрашивавшіе другъ у друга послѣ каждой рюмки:

— Чѣмъ, братецъ, думаешь закусить?!

— А языкомъ... я всегда языкомъ закусываю.

— Да нѣтъ же копченаго языка въ буфетѣ.

— А я сырымъ, братику, сырымъ закушу, своимъ собственнымъ языкомъ.

И оба, опрокинувъ однимъ духомъ рюмки, хохотали на удивленіе и восторгъ толпы, окружавшей буфетъ и состоявшей изъ прикащиковъ Апраксинскаго рынка, кутящихъ купчиковъ, чиновниковъ, писарей и тому подобнаго народа. Выпивохинъ въ буфетѣ, на первыхъ порахъ, поставилъ себя отдѣльно и солидно. Въ числѣ зрителей, въ театрѣ долженъ былъ обрѣтаться самъ редакторъ «Помойнаго ведра» — суровый семинаристъ Іеремія Долговласенскій. При томъ же Выпивохинъ за какую нибудь рюмку «размадереннаго» хереса не желалъ уронить себѣ цѣну. На диванчикѣ, противъ буфета, сидѣли репортеры изъ газеты «Пейсы раввина» — двое чистенькихъ, дохленькихъ жидковъ, а рядомъ съ ними величественный репортеръ большаго органа «Столичные вопли», изъ польскихъ перевертеней, нѣкто Наполеонъ Кржембржецкій. Эти господа не мѣшались съ плебеями прессы, не дотрогивались до рюмокъ и весьма холодно отвѣтили на предложеніе выпить юлившему около нихъ помощнику режисера. Они были при золотыхъ часахъ съ цѣпочками, конечно, не изъ настоящаго золота, въ модныхъ сюртукахъ, съ порядочно причесанными шевелюрами и въ золотыхъ очкахъ. Усѣвшись на диванѣ и ожидая поднятія занавѣса, репортеръ «Столич-

ныхъ воплей», громаднѣйшій мужчина изрекаль сужденія объ актрисахъ и театрѣ, а смиренные жидки изъ «Пейсовъ равнина» поддакивали ему. Всѣмъ троимъ очень хотѣлось попасть за кулисы и представиться Бѣльской. Но Толстобѣговъ, по своимъ расчетамъ, не желалъ сегодня пускать кого либо въ уборную артистки. У дверей стоялъ неумолимый капельдинеръ: усатый солдатище, внушительной корпуленціи, и на всѣ запрашиванія отвѣчалъ басомъ:

— Не приказано пущать! Никакъ-съ невозможно!

Передъ самымъ началомъ представленія, въ буфетѣ на краткій мигъ, показался режисеръ Васька Петрушевскій. Къ нему сейчасъ же кинулись всѣ репортеры и кое-кто изъ зрителей. Но онъ зажалъ пальцами уши и, не слушая никого, твердилъ:

— Все, что хотите, сдѣлаю для милыхъ друзей! Но къ Бѣльской, до начала спектакля, никого не проведу. Потому сегодня это невозможно.

Подхвативъ подъ руку репортера изъ «Столичныхъ воплей», онъ шепнулъ ему:

— Теперь нельзя провести и познакомить. У Бѣльской сидитъ самъ Провскій.

— Ну, чортъ его дери!—выругался Кржембржецкій.

— Пусть его чертъ дереть. Я ничего противъ этого не имѣю,—шутилъ, хихикая, Петрушевскій.—Но мнѣ не съ руки ссориться съ Провскимъ. Въ пяти газетахъ пишеть—и вездѣ, коли захочеть, такъ и облаеть. Сегодня его день, а завтра приѣзжай ты прямо ко мнѣ: свезу на репетицію и познакомлю съ богиней. Оближешь пальчики—такая прелесть!

— Правда ли, что она пѣла въ какомъ-то садовомъ хорѣ?!

— Это тебѣ Выпивохинъ сказалъ? Вреть! Разрази меня Господь сейчасъ на мѣстѣ сотнями громовъ и болѣзней, если ее мой Ваничка не сманилъ со сцены не то въ Кіевѣ, не то въ Харьковѣ. Выпивохину не дали десяти рублей и онъ клевететь. Напечатать этого о Бѣльской, однако, онъ не смѣеть. То-то же!

— Подлецъ этотъ Выпивохинъ. Срамъ прессы.

— И какой еще срамъ! А ничего не подѣлаешь: бойко пишеть и Хаврюшинъ ему вѣрить.

— Вмѣстѣ шантажничаютъ и дѣлятся.

— И это возможное дѣло. Ублажаемъ собаку.

Кржембржецкій плюнулъ съ досады и отошелъ прочь.

Сбывъ его съ рукъ, Петрушевскій черезъ минуту уже тащилъ въ курильную Выпивохина и соваль ему въ руку кредитки.

— Сколько тутъ?—угрюмо упираясь, спрашивалъ видный представитель уличной прессы.

— Двадцать... двадцать пять рублей.

— Не возьму и завтра отбарабаню вашу примадонну, и вашего театральнаго артельщика.

— Ей же богу! денегъ теперь нѣтъ.

— Ври больше. Иди въ кассу и возьми. Говорено было: до начала спектакля пятьдесятъ рублей и засимъ ежемѣсячно сто рублей. Недорого это за рекламу и главное: за то, что промолчимъ, про что знаемъ.

— Ну, ну! бери свои пятьдесятъ рублей и подавись ими.

— То-то же! со мною, братъ, не шути,—ворчалъ Выпивохинъ, пряча деньги въ карманы штановъ. А то выдумалъ: двадцать пять! Я вѣдь не Афиногенъ Собакевичъ: меня одной водкой не прельстишь.

Жидкамъ изъ «Пейсовъ раввина» тоже очень хотѣлось выпить и, хотя бы трѣфнаго, но покушать на даровщину, добывъ кстати и малую толику «гельдочекъ»; но они не знали, какъ приступить, какъ намекнуть режисеру, что они, въ своемъ театральномъ отдѣлѣ, тоже могутъ изъ бѣлаго сдѣлать черное, и наоборотъ. Мѣсяцевъ шесть назадъ оба прибыли изъ Бердичева и сдѣлались «пышателями», но еще не навыкли, не понаторѣли. Пока они совѣтовались и колебались, Петрушевскій исчезъ изъ буфетной залы и представление оперетки «Восточный гаремъ» началось.

XXIII.

Изъ-за кулисъ вышелъ и сѣлъ въ первомъ ряду кресель Ефимъ Павловичъ Провскій, облизываясь, какъ котъ, попробовавшій сливокъ. Это былъ мужчина, начинавшій уже старѣть, но еще крѣпкій; обрюзглое лицо и носъ, утратившій форму, ясно говорили, сколько имъ пожито и прожито; большая

рыжая борода, упавшая красивыми волнами на грудь, начинала серебриться. Но высокий лобъ, хитрые пронизательные глаза, глядѣли быстро и свидѣтельствовали, что нѣкогда онъ многое могъ; что и теперь еще хватить у него умѣнья и статью написать, и репортерскую язвительную замѣтку составить, и еще тамъ кое-что набросать. Когда-то онъ имѣлъ свою газету—но прогорѣлъ и писалъ теперь въ нѣсколькихъ изданіяхъ, писалъ легко обо всемъ, но преимущественно о театрѣ и актрисахъ; сочинялъ пьесы, редактировалъ отдѣлы; за все бралъ большія деньги съ издателей и вѣчно сидѣлъ безъ копѣйки и въ долгахъ. Женщины были его страстью; совѣсти онъ совсѣмъ не зналъ, дѣходя до простаго сводничества театральныхъ богинь разнымъ литературнымъ генераламъ и, не смотря на это, все еще держался съ ловкостью въ первыхъ рядахъ уличной прессы.

— Нельзя обойтись безъ него!—говаривали издатели.—Онъ все знаетъ, повсюду знакомъ и въ часъ напишетъ статью въ триста строкъ, да еще и какую статью! Публика любитъ статьи Провскаго.

Провскій болся только соперничества писателей изъ жидовъ, тоже бравшихъ всезнайствомъ, бойкостью и умѣньемъ проникать повсюду. За послѣднее время, акціи его на литературной биржѣ подорвалъ нѣкій Лейзеръ Лапсердакъ. Этотъ еврей, какъ только появился, сейчасъ же сталъ во всѣхъ театрахъ своимъ человѣкомъ, благодаря красивой наружности, нахальству и страсти русскихъ женщинъ вообще,—а артистокъ, въ особенности,—къ черноглазымъ бердичевскимъ Аполлонамъ. Упоенный удовольствіемъ и гордостью послѣ свиданія съ Бѣльской, усаживаясь въ первомъ ряду на кресло, за которое онъ, конечно, не заплатилъ. Провскій поморщился отъ непріятнаго чувства: въ двухъ шагахъ отъ него сидѣли ненавидистый Лапсердакъ и богачъ-банкиръ Брисъ-Доброхотовъ, фамильярно кивнувшіе ему головами и продолжавшіе, другъ другу на ухо, вести свою особенную интересную бесѣду. До фамильярности съ богачами-банкирами Провскому никогда не удавалось дойти. Онъ досадливо повернулся на своемъ креслѣ, но прогналъ непріятныя впечатлѣнія и добросовѣстно, внимательно приготовился прослушать пьесу.

Провскому Ольга Михайловна очень понравилась. Почетъ

ему быть оказанъ большой, а это онъ любилъ. Одному ему сегодня дозволено было пройти въ уборную артистки. Засталъ онъ ее почти въ неглижѣ.

— Ольга Михайловна, впустите насъ,—обратился къ Нёговой антрепренеръ, постучавъ въ дверь. Къ вамъ гости пришли... желаетъ познакомиться Ефимъ Павловичъ Провскій.

Заранѣе предупрежденная Ольга Михайловна отлично сыграла роль: захлопоталась, заторопилась съ туалетомъ и все же, не окончивъ одѣванія, отворила дверь, убѣжденная словами Провскаго, что онъ — старикъ; что это — ничего. Театраль-сластолюбецъ выпучилъ глаза на бѣлыя плечи артистки, на ея корсетъ, не закрывавшей красивыхъ округлостей груди и едва прикрытый шалью, и залепеталъ...

Онъ совсѣмъ размякъ. Впрочемъ, просидѣть въ уборной ему пришлось недолго. Дали знать со сцены, что занавѣсъ сейчасъ подымутъ. Выходя, Провскій долго держалъ ручку артистки въ своихъ лапахъ, покрытыхъ, какъ сѣтью, вздувшимися синими жилами; глядѣлъ на нее бѣгающими масляными глазками и говорилъ нѣчто запутанное и мудреное о призваніи къ театру, о святомъ огнѣ; упомянулъ некстати имена нѣсколькихъ парижскихъ знаменитостей опереточнаго жанра и въ заключеніе предсказалъ Нёговой-Бѣльской полный успѣхъ.

— Я по глазамъ вашимъ заключаю, что вы—артистка,—шепелявилъ старый газетный котъ.

— Будто бы ужъ мои глаза могутъ говорить? — смѣялась Ольга Михайловна. Однако, господа! мнѣ давно пора на сцену.

— Ваши глаза краснорѣчивы, и я въ нихъ многое могу прочесть.

— Многое?!

Толстобѣговъ умышленно первый вышелъ за дверь. Провскій, осмотрѣвшись и сообразивъ, что онъ самъ-другъ съ артисткою, прижалъ торопливо къ своимъ губамъ ея мягкую, влажную ладонь. На это ему отвѣтили легкимъ пожатіемъ длинныхъ розовыхъ пальчиковъ. Шаль распахнулась, какъ будто отъ смущенія молодой женщины, и, сластолюбецъ, выскальзывая за дверь, запустилъ хищный взглядъ за стѣнку корсета и сладко облизнулся.

Сидя на своемъ креслѣ, отдышавшись и выпрямивъ нѣсколько согнутыя уже старческимъ ревматизмомъ ноги, Провскій добылъ бинокль, вытеръ лобъ платкомъ и рѣшилъ, что Ольга Михайловна Бѣльская—великая артистка. Онъ не видалъ ея игры, не слыхалъ пѣнія, но тѣмъ не менѣе безапелляціонно рѣшилъ, что у нея большой талантъ. Точно также онъ безапелляціонно рѣшилъ бы, что она—бездарность, если бы она ему не понравилась, какъ женщина.

Вновь пожалованная въ великія артистки—позавчера еще жалкая уличная фея и затѣмъ хористка миллеровскаго хора, «ожидающая» въ гостинницѣ «Франція и Россія»,—теперь, оставшись наединѣ, за минуту до выхода на сцену, подошла къ зеркалу и глубоко вздохнула. Съ лица ея сбѣжали улыбка и довольное, радостное выраженіе; оно стало серьезно, почти печально. Роль свою она хорошо знала и надѣялась сыграть удовлетворительно; голосъ у нея былъ пріятный, хотя и небольшой. Зеркало показало ей сильно нарумяненные щеки, глаза, подведенные темными кругами, чтобы ярче блестѣли, и плечи, покрытыя лучшими парижскими бѣлилами и сверкающія, какъ будто были выжжены изъ алебаstra.

«Вотъ я и артистка!—мелькнула въ ея головѣ мысль.— Вотъ даже самъ Провскій цѣлуетъ руку, которую едва не вывихнулъ, годъ назадъ, пьяный мастеровой съ Балтійскаго завода, которую трепали въ участіе всякіе околдочные и прочая дрянь. Все значить: слава богу! Деньги уже есть и деньги будутъ; почетъ и слава тоже не заставятъ себя ждать. Бодрись, бѣдная Оля, и шествуй, не стѣсняясь предразсудками, какъ научалъ тебя секретарь благотворительной баронессы. Худо и опасно только то, что меня, пожалуй, въ новой моей метаморфозѣ узнаютъ старые знакомые. Самый этотъ панъ Владиславъ Пржевальскій навѣрное уже присутствуетъ въ числѣ зрителей театральной залы. На подвѣздѣ я даже видѣла околдочнаго, какъ двѣ капли воды похожаго на Прахова,—того самаго, что чуть не заставилъ меня утопиться. Онъ тоже можетъ узнать... Подумаешь, такъ сердце холодная дрожь пробираетъ. Что жъ?! Пусть и такъ, но во всякомъ случаѣ то ужасное, что много уже прожито, не повторится. А развѣ это не успѣхъ въ жизни, не великая побѣда?»

И Ольга Михайловна, отступивъ на шагъ отъ зеркала,

*

еще раз окинула внимательнымъ взглядомъ свою наружность; еще раз поправила гримировку и приказала подать расшитую золотомъ куртку изъ краснаго бархата—одежду турецкой одалиски, по мнѣнію режисера Васьки Петрушевскаго. Синіе шальвары пикантно обрисовывали ея развитыя бедра, а открытая спереди куртка позволяла видѣть алебастровую шею и упругую бѣлую грудь. Руки артистки были обнажены выше локтей, покрыты кольцами и браслетами; въ ушахъ качались огромные брилліанты-стразы по рублю за штуку. Но въ общемъ артистка и ея нарядъ производили эффектъ.

Бѣльская отъ удовольствія сдѣлала даже пируэтъ и выпорхнула въ коридоръ, гдѣ давно уже ждалъ ее помощникъ режисера, чтобы проводить на сцену.

XXIV.

— Какія были ваши ощущенія?! что вы увидѣли и что ощущали, когда въ первый разъ вышли на сцену?—спросилъ одну артистку пишущій эти строки. Артистка объяснила: когда занавѣсъ взвился, она увидѣла только море головъ, слышала слитный гулъ; глаза ея закрыла точно пелена тумана; голосу не хватало и судорога болѣзненно сжала горло. Она чувствовала, что была на самомъ краюшкѣ той бездны, которая зовется въ театрѣ полнымъ неуспѣхомъ, проваломъ. Удержаться и не упасть въ бездну помогли отчаянныя усилія; самыя энергическія напряженія разума и воли не дали разгуляться нервамъ: зашѣть, сфальшивить и убѣжать съ рыданіями со сцены. Все это казалось артисткѣ неизбѣжнымъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ. Но секунды длились, какъ часы. «Не смотрите на сцену въ первыя минуты!—посоветывалъ опытный режисеръ; не торопитесь начинать; дайте пройти волненію—и вы овладаете со своими средствами». Артистка такъ и сдѣлала. Затѣмъ все пошло, какъ по маслу. Черезъ мѣсяцъ, пѣвица, выпархивая на сцену, уже сама искала глазами знакомыхъ въ партерѣ и ложахъ; успѣвала имъ улыбаться и вовсе не пугалась этого, волнующагося у ея ногъ, моря, разныхъ шевелюръ, лысинъ, мундировъ, фраговъ, сотенъ устремленныхъ на нея глазъ, очковъ, биноклей.

Ольга Михайловна была счастливымъ исключеніемъ изъ

дебютантокъ; ея пѣніе на открытой сценѣ, въ хорѣ и солисткой, придавало ей извѣстную увѣренность и смѣлость. Но, конечно, выходъ въ роли Фаины передъ публикой настоящаго театра былъ совсѣмъ не то, что пѣніе для компаніи нетрезвыхъ гостей въ отдѣльныхъ кабинетахъ ресторановъ. Она сильно испугалась, впрочемъ, на одинъ только мигъ. Тамъ, въ далекой квартирѣ въ Измайловскомъ полку, подъ надзоромъ больной старухи, спали ея дѣти. И вся ихъ участь, вся будущность, самый вопросъ: быть или не быть имъ сытыми, зависѣлъ отъ ея сегодняшняго успѣха.

«Будь что будеть!—подумала она и съ румянцемъ волненія, пробившимся даже сквозь толстый слой бѣлилъ, остановилась среди сцены, стараясь не глядѣть на публику. Въ рукахъ ея была мандолина... Подъ акомпанементъ какого именно инструмента поютъ одалиски, Васька Петрушевскій хорошо не зналъ, но рѣшилъ, что мандолина—самый подходящій. Бѣльская-Нѣгова постояла секунду, давая время зрителямъ осмотрѣть себя, и затѣмъ сдѣлала къ рампѣ три-четыре шага. Тутъ она опустилась въ вызывающей позѣ на софу у края бассейна съ фонтаномъ, бившимъ жиденькой струей посреди декораціи, изображавшей садъ,—и потянулась. Этого *потягиванія* не было у автора въ роли Фаины, но режиссеръ добавилъ «отсебятину». Публика замерла. Кое-кто готовъ былъ вознегодовать. Отсебятина Петрушевскаго могла погубить пѣвицу, но та запѣла... Голосъ былъ хорошъ, звонокъ, нѣженъ; глаза блестящи, какъ звѣзды, благодаря чернымъ ободкамъ внизу; ножки очень граціозно выглядывали изъ-подъ широкихъ опавшихъ складокъ шароваровъ, а колеблющаяся грудь—бѣлая, упругая, вовсе не чахоточно-театральная, а здоровая грудь женщины—довершили побѣду. Провскій первый захопалъ; завизжали какіе-то жидки изъ банка, затопали господа офицеры,—и всѣ коки, лошадиныя гривы, шевелюры, капуги и лысины склонились отъ восторга, какъ клонится трава подъ напоромъ вѣтра.

— Фаину, Фаину! bravo, bravo!—ревѣли сотни голосовъ.—Фора, фора! бисъ, бисъ, бисъ!—катилось, какъ громъ, безъ конца и перерывовъ.

Послѣ перваго акта, успѣхъ и артистки, и пьесы былъ обезпеченъ. Въ уборную прибѣжалъ Петрушевскій и, поздрав-

ляя Ольгу Михайловну съ триумфомъ, посовѣтывалъ сейчасъ же выпить бокаль-другой шампанскаго, чтобы не потерять огонька отъ физическаго утомленія.

— У васъ въ игрѣ и пѣньѣ есть огонекъ, — говорилъ онъ. — Весь вашъ талантъ въ этомъ огонькѣ. Надо его поддерживать и питать.

— Да вѣдь, эдакъ питаю, я, пожалуй, разопьюсь, — смѣялась Нѣгова-Бѣльская.

— И гдѣ тамъ разопьетесь! Только будете веселѣе играть и глядѣть на мѣръ. Я вотъ питаю, уже лѣтъ пятнадцать, коньякомъ и водкою этотъ самый святой огонекъ артиста, а видите: не распился безобразно и для дѣла еще годенъ. Пейте!

И Ольга Михайловна выпила.

Провскій, Кржембржецкій, Долговласенскій, редакторъ «Нашихъ помоевъ», Лейзеръ Лапсердакъ и жидки-репортеры изъ газеты «Пейсы раввина» двинулись въ уборную. За ними самъ Толстобѣговъ ввелъ Шендера Яковлевича Доброхотова и Ицку Шмельцбрудера, желая похвастать своей примадонной и задобрить жидковъ, у которыхъ ему хотѣлось дисконтировать векселя. Еще проникли въ заколдованный уголокъ — въ уборную новой звѣзды опереточнаго міра — разные старцы, театральные завсѣгдагаи; приплелся апраксинецъ Ниль Потаповичъ Колеснинъ, благодаря толстѣйшему бумажнику. Онъ несъ букетъ величиною съ гору и хотѣлъ было обернуть корешки цвѣтовъ сторублевымъ кредитнымъ билетомъ, но баронъ Шульгофъ отсовѣтовалъ.

— Послѣ, разумѣется, можешь идти къ успѣху такимъ прямымъ путемъ, — говорилъ осмотрительный баронъ. А теперь, Ниль Потаповичъ, ты только испортишь свое дѣло.

И апраксинецъ ограничилъ подношеніе цвѣтами. Пьяный Афиногенъ Собакевичъ, на буфетномъ столѣ, сейчасъ же послѣ перваго акта, наваялъ статью весьма благосклонную. Въ статьѣ онъ подробно описалъ даже оваціи, сдѣланныя артисткѣ послѣ пятаго акта и проводы ея публикой.

— Оно, можетъ быть, и несовсѣмъ все такъ произойдетъ, какъ я написалъ, но это — ничего! Не ждате же типографіи и наборщикамъ двѣнадцати часовъ, а то и позже, когда окончится пятый актъ, — говорилъ онъ, отдавая рукопись Петрушевскому, чтобы тотъ самъ отправилъ ее въ типографію. Пе-

трушевскій, разумѣется, предварительно прочелъ и показалъ Толстобѣгову, а потомъ уже послалъ съ нарочнымъ для набора. За Выпивохина онъ не боялся, а восторги Провскаго гарантировали ему отзывы во многихъ газетахъ.

XXV.

Послѣ представленія, проэктировался ужинъ. Артисты, артистки и театральные завсегдатаи были приглашены; общались пріѣхать, редакторъ Долговласенскій, вліятельный театраль Провскій: Кжембржецкій и даже Лейзеръ Лапсердакъ. Въ часъ по полуночи, немного блѣдная и утомленная волненіемъ, Ольга Михайловна, какъ торжествующая королева, вступала въ большую и богато убранную цвѣтами залу той самой гостинницы, у подъѣзда которой, годъ тому назадъ, ее арестовала полиція послѣ побоевъ фабричнаго.

«Какъ все теперь измѣнилось для меня!» — думала она, слабо улыбаясь на комплименты поклонниковъ и оглушаемая полупьяной оравой, которая окружала столъ съ закусками, торжествуя ея первый артистическій успѣхъ. Она бы охотно отказалась отъ этого торжественнаго ужина и уѣхала домой. Но никакъ нельзя было справлять триумфъ безъ виновницы триумфа. Иванъ Петровичъ Толстобѣговъ къ тому же намекнулъ ей, что ужъ какъ она хочетъ, а онъ увезетъ ее послѣ ужина.

— Надо переговорить, условиться, — настаивалъ грубоватый антрепренеръ-артельщикъ.

— Я очень устала... Притомъ всѣ эти люди могутъ замѣтить нашъ отъѣздъ вмѣстѣ; и подумаютъ богъ знаетъ что, — робко пробовала она уклониться. Но Толстобѣговъ былъ неумолимъ. Онъ смотрѣлъ на эту женщину, выросшую уже въ артистку, по прежнему: она была его собственностью; онъ ею хотѣлъ распорядиться по усмотрѣнію; хотѣлъ тѣмъ болѣе, что передъ нимъ была не просто женщина, ему понравившаяся, а артистка, окруженная поклонниками и ореоломъ успѣха. Развалившись на диванѣ возлѣ нея, онъ небрежно, въ позѣ усталаго человѣка, надѣвшаго домашній халатъ, говорилъ, слегка только понижая голосъ:

— Невозможно мнѣ откладывать. Вы сегодня же пріѣз-

жайте. А ну ихъ къ чорту, если замѣтять. Мои дѣла таковы, что и сутки промедленія въ большой вредъ обратятся. И гдѣ же намъ переговорить по душѣ, если вы не заѣдете сегодня ко мнѣ?!

И Ольга Михайловна дала слово прѣхать. Вся радость успѣха, весь ореолъ торжества сейчасъ же померкъ въ глазахъ бѣдной женщины отъ ожиданія, что вотъ послѣ тостовъ торжественнаго ужина, послѣ всѣхъ овацій, ей во всякомъ случаѣ неизбѣжно придется уѣхать съ этимъ грубымъ и мужиковатымъ субъектомъ. О какъ она его ненавидѣла въ эту минуту. Когда ужинъ былъ во всемъ разгарѣ, къ Бѣльской-Нѣговой подсѣлъ Шендеръ Янкевичъ Брисъ-Доброхотовъ и шепнулъ:

— Вы великая артистка. Мое сердце сегодня трепетало, когда я глядѣлъ на вашу игру.

— Благодарю васъ.

— Вашъ голосъ успокоилъ *мою* духа, — тянулъ комплименты жидокъ, еще ближе подвигаясь къ артисткѣ. Она уже искала предлога встать и избавиться такимъ путемъ отъ назойливаго цѣнителя ея голоса, вовсе не интересуясь узнавать, чтó именно успокоило его «духа». Но Шендеръ Яковлевичъ постѣшилъ заинтересовать ее своимъ сообщеніемъ.

— Ну, вы не знаете того, а я знаю. Вашъ антрепренеръ совсѣмъ таки, совсѣмъ банкротъ!

— Можетъ ли это быть? — удивилась Ольга Михайловна. — Сегодня сборъ въ театрѣ, говорятъ, былъ свыше тысячи двухъ сотъ рублей.

— Сегодня былъ! Вѣрно. Тысячу двѣсти семьдесятъ два рубля получено. Видите, какъ мы хорошо все знаемъ. Нельзя! мы, финансисты, должны знать, какъ идутъ дѣла. Вы этотъ сборъ сдѣлали. — Послѣ завтра опять полный сборъ будетъ: пойдетъ повтореніе «Восточнаго гарема»; билеты уже начали сегодня раскупать.

— Что же изъ этого? Пусть еще будетъ десять хорошихъ сборовъ, — трясъ головой, для выраженія сомнѣнія, говорилъ Брисъ; при этомъ онъ наклонился къ Нѣговой, обдавая ее запахомъ какой-то кислоты, и шепнулъ:

— Это не спасетъ Толстобѣгова. Знаете ли, сколько онъ въ эту зиму проухаль?!

— Я слыхала, что были убытки.

— Около ста тысячъ убытковъ и проигрышей въ клубъ «Скотопригонный дворъ». А чьи это деньги, знаете ли?!

— Откуда мнѣ знать? Вѣроятно, его деньги.

— И... и что это вы выдумали! Какія у него деньги?! Десятой части въ этихъ ста тысячахъ нѣтъ его собственныхъ денегъ. Всѣ изъ кассы захватили.

— Изъ кассы... изъ чьей кассы?—наивно переспросила Ольга Михайловна.

— Изъ кассы «Павловъ, сыновья и К^о»; изъ кассы водочнаго завода, гдѣ онъ служитъ кассиромъ. Сегодня—завтра провѣрятъ кассу, обнаружатъ растрату и его въ тюрьму сцапаютъ. Жаль васъ, дорогая барынька! Вы только на дорогу вышли, и вдругъ весь вашъ театръ приставъ опишетъ и продастъ.

— Можетъ ли это быть?!

— Вамъ говоритъ Александръ Яковлевичъ Доброхотовъ, а его Петербургъ знаетъ,—авторитетно, стукнувъ себя двумя пальцами въ грудь, проговорилъ Брисъ и потупился. Помолчавъ, онъ продолжалъ:

— Я къ вамъ расположенъ всѣмъ сердцемъ, потому—умѣю цѣнить таланты. Со временемъ, прошу вѣрить, я еще опредѣленнѣ найду случай доказать вамъ мое искреннее уваженіе.

— Очень вамъ благодарна.

— Не благодарите, а запомните мой совѣтъ берите у Ивана Петровича впередъ свое жалованье и разовья: берите поскорѣ бенефисъ,—а то будетъ поздно.

— Но я еще не подписывала контракта.

— Пссс! зашипѣлъ жидокъ и строго качнулъ головой.

— Вы должны подписать вашъ контрактъ. Я вамъ помогу. Толстобѣговъ хочетъ, въ счетъ будущихъ вашихъ успѣховъ, учесть у меня вексель въ три тысячи рублей. Ну, я учту на мѣсячный срокъ. На болѣе долгій срокъ—опасно. Вы будете дѣлать сборы и онъ уплатить. Но я не приму отъ него векселя къ учету, пока онъ не дастъ вамъ контракта и не предъявить мнѣ; скажу: Ольгу Михайловну могутъ переманить другіе антрепренеры, а на нее вся надежда. Хорошо такъ будетъ?!

— Да, хорошо!—согласилась Ольга Михайловна, съ ужасомъ думая, что вотъ, съ банкротствомъ Толстобѣгова, разлетятся въ пухъ и прахъ всѣ ея мечтанія, все ея эфемерное благосостояніе, и снова она очутится подъ гнетомъ нужды, которая, послѣ кратковременныхъ успѣховъ и довольства, скажется еще нестерпимѣе и тяжелѣе...

XXVI.

Квартира или, скорѣе, логово артельщика Толстобѣгова было очень непрезентабельно. Двѣ полутемныхъ комнаты и кухня въ первомъ этажѣ на дворѣ составляли все помѣщеніе. Сборная мебелировка, диваны и стулья съ подушками, набитыми мочалой, и простѣночное зеркало, засиженное мухами, являлись единственными поползновениями на комфортъ.

Во второй комнатѣ — спальнѣ — помѣщались: массивный, краснаго дерева комодъ, письменный столъ съ сукномъ, залитымъ пивомъ и стеариномъ и въ углу кровать, покрытая выцвѣтшимъ байковымъ одѣяломъ. По стѣнамъ, на вкочлененныхъ прямо въ стѣну гвоздяхъ, висѣли скюртуки, жилеты, брюки; тутъ же, на полу и по кресламъ, валялись грязныя крахмальныя рубашки, а по угламъ—прочее грязное бѣлье, снятое, можетъ быть, недѣлю назадъ и не прибранное, потому что осторожный Иванъ Петровичъ Толстобѣговъ, уходя, накрѣпко запираетъ свою спальню, а когда бывалъ дома, считалъ и писалъ—не допуская чухонку-кухарку Идку входить и мѣшать его занятіямъ. Чухонка и не пыталась входить. Только когда уже всякой всячины, пыли и грязи, накопилось очень много, или приходила сестра Толстобѣгова, бывшая замужемъ тоже за артельщикомъ Сергѣемъ,—спальня очищалась и приводилась въ кое-какой порядокъ. Въ этой комнатѣ господствовалъ непріятный, затхлый запахъ, но хозяинъ совсѣмъ не ощущалъ его и, только ожидая какую нибудь посьвітительницу, или когда чадила печь, на короткое время отворялъ форточку. Мужикъ Толстобѣговъ оставался мужикомъ, проживая десятки тысячъ и держа въ своихъ рукахъ обороты на сотни тысячъ. Загляните въ наши селенья и вы убѣдитесь: насколько простолюдинъ мало заботится о чистотѣ, не говоря уже о дальнѣйшихъ условіяхъ комфорта. И не то

чтобы не хватало средств на эту чистоту, на разные удобства. Совсѣмъ даже напротивъ: изба крестьянина, самая богатая, немислима безъ грязныхъ угловъ, безъ таракановъ, плохо вычищенной грубой посуды, распространяющей неприятный запахъ; крестьянинъ совсѣмъ не заботится о своемъ полушубкѣ, часто съ кипящимъ паразитнымъ населеніемъ; рѣдко и небрежно вычесываетъ свою голову, отлагая всю эту возню отъ бани до бани; рубаха, зачастую потная, грязная, нимало не шокируетъ самаго щеголеватого парня, который за одни «сапоги бутылками» заплатилъ двадцать рублей. О старикахъ и говорить нечего: грязнѣе и неопрятнѣе деревенскихъ старухъ трудно и выдумать что либо. Купецъ—прямое и прямолинейное продолженіе «мужика»; онъ также грязенъ, неопрятенъ и не чувствуетъ ни малѣйшей потребности въ удобствахъ, обычныхъ культурному человѣку. Что ѣдятъ, какъ спятъ такъ называемые *средніе* купцы. Какъ они живутъ?!. Подробности этихъ домашнихъ, закулисныхъ обычаевъ могутъ привести въ отчаяніе любого нѣмца, не говоря уже о комфортабельныхъ англичанахъ или щеголеватыхъ французахъ.

Если вы скажете купцу, что тараканъ во щажъ—омерзительнень, онъ вамъ презрительно отвѣтитъ:

— Барскія выдумки! выплесни ложкой таракана прямо на полъ, подъ ноги,—и кушай остальное во здравіе.

Ситцевую рубаху онъ любить носить потому, что на ней не видно грязи, хотя она отъ этого не дѣлается чище.

«Не видно—и живетъ!»—вотъ его философія.

Толстобѣговъ былъ настоящій мужикъ-кулакъ, выбивающійся въ купцы, въ капиталисты. Онъ жилъ грязно. Правда, щеголялъ брилліантовыми булавками, модными сюртуками и жилетами,—такая ужъ по его дѣламъ линія ему выходила,—но частенько, за хлопотами,—а то и за кутежами,—онъ по недѣлямъ не мѣнялъ ночной рубашки и спалъ на постели, набитой клопами и блохами. Ълъ онъ въ обычные дни всякую мерзость, часто несвѣжую, запивалъ водкою и дулъ въ сутки по три графина дешеваго квасу. Въ модныхъ ресторанахъ онъ уписывалъ, что давали, не очень различая вкусъ омара отъ соленой тешки и мѣшая дорогой шато-лафитъ съ елисѣвскими мадерами, каковыя и предпочиталъ, благодаря ихъ «съ ногъ сшибательной» крѣпости.

До бабъ онъ былъ очень лакомъ. Но и тутъ грубый мужикъ сказывался во всей своей неприглядной дикости. Онъ не зналъ никакой, такъ сказать, специальной привязанности. Спьяна, изъ клуба, послѣ маскарада, ему было все равно какую ни пригласить ужинать. «Замотавшись», какъ онъ типично выражался, съ докторшей Ольгой Михайловной, Толстобѣговъ ничего къ ней не чувствовалъ; она для него была только самкою. Успѣхъ на сценѣ, восхищеніе людей, которыхъ антрепренеръ-артельщикъ считалъ выше себя стоящими, придали въ его глазахъ Нѣговой особую цѣну, но и тутъ нѣжное чувство не играло никакой роли.

— Недурна барынька! смиренная... сборы даетъ по театру полные и распрекрасное это дѣло,—резюмировалъ онъ, по своему обыкновенію, грубо и просто свои отношенія къ Нѣговой. При этомъ онъ уже подумывалъ: не выгоднѣе ли будетъ уступить актерку какому либо богачу-барину, а не то и просто Шендеру Брисю?!. Жидюга на нее глаза пялить... Послѣднее Толстобѣговъ сейчасъ же запримѣтилъ.

— Чрезъ нее мы *того* жидка, значить, въ рукахъ держать можемъ,—думалъ онъ на утро послѣ перваго дебюта Ольги Михайловны, которую изъ гостинницы увезъ къ себѣ, чтобы прихвастнуть полюбовницей и показать, что вотъ онъ можетъ втоптать въ грязь женщину, которой всѣ восхищаются. Уходя отъ него, Нѣгова была въ отчаяніи; нервы ея были почти также разбиты сравнительно съ тѣмъ вечеромъ, когда она сдѣлалась жертвою Кочергина и околodочныхъ. Увезши ее съ ужина, Толстобѣговъ, конечно, не могъ вести никакихъ дѣловыхъ переговоровъ, потому что былъ пьянъ. Но онъ все же не позабылъ намекнуть ей, чтобы она была поблагосклоннѣе къ Брисю.

— А что касается до этихъ газетныхъ строкулистовъ, ты ихъ, голубушка Олечка, только води за носъ. Понимаешь: води и проводи. И самого этого главнаго, Провскаго, близко къ себѣ не допускай. Мнѣ они не очень-то страшны таперь. Ишь сколько вѣдь сегодня привалило народу въ театръ. Привалить и больше...

Говоря это, Иванъ Петровичъ остановился противъ Нѣговой, сидѣвшей на его мочальномъ диванѣ и, сдѣлавъ ла-

сковую физиономию, а въ сущности скорчивъ глупую рожу, наклонился и шепнулъ интимно:

— Видишь, Оля! много я для тебя сдѣлалъ. Теперь твои руки баре цѣлуютъ; цвѣты несутъ тебѣ, въ газетахъ знаменитостью называютъ. Слушайся же меня. Не то еще для тебя сдѣлаю. Озолочу, однимъ словомъ.

— Что же я должна сдѣлать?!

— А допрежь всего жидя этого, Шендера Брися, замани. Изъ него много можно денегъ выудить, умѣючи, конечно. На бабу онъ страсть какъ падохъ.

— Какъ же это поступить мнѣ?! Я васъ, Иванъ Петровичъ, не понимаю...

— Эхъ-ма!—развелъ руками Толстобѣговъ. И, грубо стуча по столу рукою, продолжалъ:

— Ну, стань его полюбовницей, коли иначе оборудовать дѣловъ невозможно будетъ. Векселя мои онъ долженъ дисконтировать.

— О, Господи!

— Ломайся еще! Со мною же живешь?! По улицамъ, называютъ, ходила, а теперь вдругъ жидъ богатый претить тебѣ. Впрочемъ, я же недаромъ требую.

Добывъ изъ бумажника двѣсти рублей, онъ сунулъ ихъ въ руку Нѣговой и объявилъ съ плутоватой улыбкой лошадинаго барышника:

— Если возможно будетъ такъ на-просто обмануть жиденка, я, Олечка, еще больше радъ буду. Все же мнѣ отдавать тебя ему какъ будто и жалко. Мнѣ вѣдь надо, чтобы недѣлю, много двѣ, быть съ нимъ въ ладахъ, пока вексель на 10,000 р. учтется въ его банкѣ, а тамъ и отставку давай этому Брису, коли ужъ онъ тебѣ такъ противень.

Дальнѣйшія наставленія и поясненія Ивана Петровича были еще циничнѣе и грубѣе. Омерзение и негодование наполнили сердце несчастной женщины. Ольга Михайловна встала, надѣла шубку и объявила, что уже поздно. Надо уѣхать! Было три часа пополудни. Толстобѣговъ, у котораго глаза слипались, не противился.

— Поѣзжай, Олечка, поѣзжай!—говорилъ онъ.—Тебѣ тоже сегодня отдохнуть надо; потрудились. Помни: слушайся меня

во всемъ; озолочу... Идка! отвори барынѣ дверь и посвѣти съ лѣстницы.

— Таковъ былъ финалъ торжественнаго вечера перваго дня успѣховъ новой театральнаго «звѣзды», Ольги Михайловны Нѣговой-Бѣльской!

XXVII.

Мы въ помѣщеніи знакомаго уже читателямъ весьма «цибулизованнаго» еврея Шендера Янкелевича Брися-Доброхотова. Онъ занимаетъ комфортабельную квартиру въ одной изъ улицъ, по сосѣдству съ Невскимъ. На лѣстницѣ ковры, газъ въ хрустальныхъ рѣзныхъ букетахъ, толстый, сановитый швейцаръ; дверь квартиры Брися украшена ярко-вычищеною мѣдною доскою съ четкою надписью имени-отчества и фамиліи хозяина. Нажавъ пуговку электрическаго звонка, вы попадаете въ обширную переднюю съ огромнымъ зеркаломъ. Разбогатѣвшіе евреи очень любятъ зеркала. Посѣтителя встрѣчаетъ лакей въ бѣлыхъ, не всегда чистыхъ перчаткахъ. Онъ немного торопится; чего-то оглядывается, несовсѣмъ такъ, какъ слѣдуетъ лакею хорошаго тона; отъ него даже пахнетъ водкою, но онъ ловко снимаетъ пальто и о прибывшемъ доложить съ апломбомъ.

Зала — въ то же время и кабинетъ Шендера Янкелевича Брися — составляетъ главную комнату въ квартирѣ; она переполнена мебелью; неприятно пестритъ ея общій, почти комфортабельный видъ, множество излишнихъ и даже не изящныхъ бездѣлушекъ. Тутъ и цѣнный рояль, и задвинутое диваномъ пьянино въ углу, хотя хозяинъ не обученъ музыкѣ; тутъ же бьютъ въ глаза цѣлыхъ четыре зеркала: два простѣночныхъ, одно надъ каминомъ и наддиванное, слишкомъ высоко повѣшенное, — всѣ въ золотыхъ рамахъ. По стѣнамъ, въ неумѣренномъ количествѣ, развѣшаны картины, литографіи, гравюры, все больше голыхъ женщинъ; нѣсколько экземпляровъ между ними превосходныхъ, дорогихъ; большинство — рыночный хламъ. Часовъ цѣлая колекція, отъ старинныхъ англійскихъ въ темномъ, рѣзномъ дубовомъ футлярѣ, до бронзовыхъ столовыхъ; мебель кабинета-залы мягкая, почти безъ дерева, тяжелая, обитая зеленымъ трипомъ и потому пыльная.

Графчикъ Ника, великосвѣтскій пріятель хозяина, когда входитъ въ его кабинетъ, первымъ дѣломъ останавливаетъ маятники всѣхъ часовъ, увѣряя, что ихъ тиканье разстраиваетъ его нервы. Затѣмъ шутоватый Ника выбираетъ мѣсто, гдѣ бы усѣсться, но прежде заставляетъ хозяина съ размаху опуститься на это мѣсто. Подымается цѣлая туча пыли. Тогда графчикъ сгоняетъ Брися прочь и самъ усаживается, увѣряя, что, не выпыливъ такимъ образомъ, на брисеву мебель садиться опасно...

Брись - Доброхотовъ притворно - добродушно принимаетъ графскія шутки, но въ глубинѣ души ненавидитъ легкомысленнаго Нику и лупитъ съ него двойные и тройные проценты, вымѣщая такимъ, чисто-еврейскимъ, способомъ за обиду своему самолюбію.

Доброхотовъ встаетъ рано. Евреи рѣдко злоупотребляютъ сномъ. И теперь, хотя еще только девять часовъ, мы застаемъ его уже за работою въ кабинетѣ. Но до одиннадцати утра онъ дома не для всѣхъ, а лишь для тѣхъ, которые проникаютъ по черной лѣстницѣ. Это самые мизерабельные жидки, несмѣлые, довольно грязные, со специфическимъ запахомъ еврейскаго племени, запахомъ, упорно держащимся даже и въ великолѣпныхъ палатахъ миллионеровъ израиля, если только эти послѣдніе не очень еще давно вынырнули изъ темнаго и смердящаго еврейскаго племеннаго моря. Посѣтителей съ черной лѣстницы лакей, презрительно сплевывая, пропускаетъ въ кабинетъ по одному. Они низко кланяются и остаются у дверей. Реbbe пориць ¹⁾ Шендеръ, въ зеленомъ бархатномъ халатѣ, въ туфляхъ и темно-красной турецкой фескѣ, кажется этимъ темнымъ жидкамъ «вжасно важнымъ гашпадиномъ». Онъ и въ самомъ дѣлѣ для нихъ очень важенъ, въ качествѣ директора ссуднаго банка и главнаго агента того таинственнаго и всемогущаго еврейскаго синадріона-кагала (*Alliance Israélite*), отдѣленіе котораго находится и въ Петербургѣ, — невѣдомое, но несомнѣнно существующее. Всѣ эти просители-жидки явились изъ провинціи, изъ разныхъ темныхъ и протухлыхъ еврейскихъ мѣстечекъ, гдѣ имъ нечего было ѣсть, такъ какъ окрестная страна захвачена и доѣдается болѣе ихъ

¹⁾ Пориць—господинъ.

счастливыми и ранѣе поспѣвшими другими жидками. Они явились въ столицу поискать хлѣба. Жадность, зоркость, юркость, навѣкъ эксплуатировать дураковъ и подкупать продажныхъ людей и плутовъ — все это въ изобиліи имѣется у каждаго изъ нихъ; недостаетъ только «гельдочекъ» — капитала для операций. Но вѣдь для снабженія деньгами этой черной орды, какъ морской приливъ, неудержимо набѣгающей на наши города, существуютъ большіе еврейскіе банки, въ родѣ Учетнаго и Ссуднаго, долгое время состоявшаго подъ опекою чистокровнаго еврея Зака. И надо отдать справедливость жидкамъ: они рѣдко злоупотребляютъ банковымъ кредитомъ; они устраиваются, пристраиваются и акклиматизируются, особенно въ Петербургѣ, изумительно скоро и прочно. Худощавые и худосочные («сдохлые») на родинѣ, жида, эмигрируя въ столицу, быстро жирѣютъ, развиваются, научаются говорить почти безъ акцента и неумоимо взбираются вверхъ по общественной лѣстницѣ. Начиная карьеру, еврей довольствуется малымъ; съ неумоимой энергіей и врожденной небрежливостью, онъ суетится, назойливо лѣзетъ повсюду, не падаетъ духомъ, если его десятокъ разъ выгонять и выбросить; не стыдится и не смущается ни передъ чѣмъ. Въ самые тяжелые періоды борьбы изъ-за наживы, онъ всегда до известной степени покоенъ, что даетъ ему большое преимущество предъ иноплеменниками: онъ знаетъ, что и въ этомъ *гоймскомъ*, не любящемъ его Петербургѣ, гдѣ-то, въ какихъ-то таинственныхъ, но вліятельныхъ сферахъ, существуетъ «онъ» — кагалъ, еврейскій синагогъ, и что если жидокъ останется правовѣрнымъ талмудистомъ-евреемъ и даже сдѣлается для отвода глазъ христіаниномъ, съ обязательствомъ не измѣнять «своимъ» — ему не дадутъ пропасть. Кагалъ этотъ составляютъ богачи, большіе банкиры — великіе во израилѣ; онъ, мелкій жидочекъ, охотно чтитъ ихъ; при всей безсовѣстности и жадности, рѣдкій рѣшится надуть еврейскій банкъ и не «оправдать» векселя. Шендеръ Янкелевичъ Брисъ знаетъ это и довольно щедрою рукою разрѣшаетъ кредитъ просящимъ, но и здѣсь онъ остается вѣренъ еврейскому характеру: соотечественники-жидки платятъ ему вдвое большій процентъ, чѣмъ онъ самъ платитъ банкамъ, переучитывая ихъ векселя. Пріемъ идетъ довольно гладко; уже съ поль-дюжины просителей

ушло отъ Брися съ обрадованнымъ сердцемъ, т. е. съ гелдами.

Изъ-за портьеры выдвинулся совсѣмъ приличный еврей, Хаимъ Залмановъ Аловердъ. Брись-Доброхотовъ устремилъ на него испытующій взглядъ, переспросилъ фамилію, порылся въ какихъ-то отмѣткахъ и рѣзко отказалъ въ ссудѣ. Хаимъ взвыль, затопалъ ногами и, жестикулируя, осмѣлился даже подступить къ самому дивану, на которомъ возсѣдалъ суровый банкиръ.

— За что? Почему я лишень кредита?! Моя торговля не хуже торговли Мойши Либенберга; ему дали, а мнѣ въ деньгахъ отказъ.

— Иванъ, Иванъ сюда!—крикнулъ Шендеръ Янкелевичъ, поводя носомъ, такъ какъ отъ Хаима скверно пахло.

Явился молчаливый лакей.

— Убери подальше этого парха,—распорядился онъ.

Когда Хаимъ былъ снова водворенъ у двери, по адресу его послѣдовали краткія, рѣзкія фразы:

— Въ синагогѣ ты не бываешь; по субботамъ торгуешь, трэфное фъш; и это бы еще ничего. Но ты собираешься жениться на гоимкѣ... Поди къ гоямъ... Надъ тобой отнынѣ — херемъ¹⁾. Иди къ гоямъ, а намъ до тебя нѣтъ дѣла. Маршъ!

На смѣну Хаима, выползъ изъ-за двери старый Ицекъ Дрягиль.

— Нельзя выдать тебѣ денегъ!

Дрягиль низко поклонился и пояснилъ, что у него много накуплено товару, перезаложено въ «обществѣ движимости» и что ссуда ему необходима, а уплата вѣрна: товаръ приобрѣтенъ дешевый.

— То-есть краденый, темный,—усмѣхнулся Брись.

— Ну, я не знаю какой... Знаеть, кто продаетъ. Я покупаю честно.

— Все же нельзя учесть твоего векселя: нѣтъ на немъ бланконадписателя, поручителя.

— Какой поручитель! Гдѣ я возьму здѣсь поручителя?—взмолился огорченный скупщикъ краденаго. Подумавъ, онъ добавилъ:

¹⁾ *Херемъ*—еврейское проклятіе, отлученіе отъ церкви. Оно произносится и надъ христіанами, чѣмъ нибудь досадившими кагалу.

— Ну, у меня есть поручитель.

— Необходимо, чтобы онъ въ нашемъ еврейскомъ обществѣ былъ человѣкъ извѣстный.

— Онъ извѣстенъ. Самъ раввинъ его знаетъ.

— Раввинъ знаетъ?—глянувъ въ сторону просителя, переспросилъ Брисъ.

— Да, знаетъ. И реббе порицъ Израиль Шмекъ, вашъ дядюшка, знаетъ,—о, хорошо знаетъ!

— Кто же такой твой поручитель, котораго всѣ такъ хорошо знаютъ?

— Старый Лейзеръ, что школу подметааетъ, родня онъ мнѣ, Лейзеръ подметальщикъ. Какъ же его не знать, когда онъ каждый день школу мететь?!

— А, хорошо! Приходи завтра въ контору деньги получить.

— Больше никого не пускать съ чернаго хода,—распорядился Шендеръ Янкелевичъ, увидя, что уже одиннадцать часовъ, и приказалъ принимать съ параднаго входа.

XXVIII.

Первымъ явился присяжный повѣренный, крещеный еврей, Николай Исаевичъ Пинхусъ. Это былъ красивый брюнетъ, съ румяными щеками и высокимъ лбомъ, во фракѣ, бѣломъ галстукѣ, съ неизмѣннымъ портфелемъ подъ мышкою. Николай Исаевичъ вошелъ твердою поступью и дружески-самоувѣренно потрясъ протянутую руку хозяина.

— Опять кутиль! сейчасъ замѣтно, —крикнулъ онъ, отступя на шагъ и оглядывая помятое и обрюзглое лицо Брися.

— Кутиль.

— Неисправимъ! Можешь, однако, выслушать серьезное дѣло?! Голова въ порядкѣ?!

— Голова въ порядкѣ и дѣло всегда могу выслушать, если только ты, по давишнему, не станешь требовать уйму денегъ на постройку воздушныхъ замковъ.

Юристъ нетерпѣливымъ жестомъ отбросилъ волосы со лба. Улыбка обнаружила его крѣпкіе, острые зубы, полуприкрытые толстыми мясистыми губами.

— Основаніе и изданіе большой газеты ты называешь воздушными замками?—заговорилъ онъ.

— Не я одинъ. Что я?! Всѣ наши... они не пойдутъ на этотъ гешефтъ.

— Не понимаютъ, значить, какая сила въ наши дни—пресса, не слѣдуютъ священнымъ завѣтамъ Монтефиоре и Кремля.

— И очень понимаютъ. Но зачѣмъ намъ основывать новую собственную газету, которую обзовутъ жидовскою и которая потребуетъ затраты ста и болѣе тысячъ?

— И дать двадцать процентовъ годовой прибыли.

— Это весьма сомнительное обѣщаніе. Зачѣмъ рисковать, когда почти во всѣхъ газетахъ у насъ—свои люди и эти, якобы русскія изданія, ратуютъ за евреевъ?! Мы въ сторонѣ; мы и расходовъ мало несемъ, а посмотри, много ли осталось газетъ, которыя бы не стояли за насъ?! Да и тѣ, что еще юдофобствуютъ—и тѣ въ долгахъ, сидятъ безъ объявленій и рекламъ; ихъ издатели и руководители на дурномъ счету... На нихъ клеветаютъ сегодня, завтра, послѣ завтра—безъ устали будутъ клеветать! Отъ самой подлой клеветы всегда что нибудь да остается. Такъ вѣдь?!

Николай Исаевичъ Пинхусъ не сталъ спорить. Онъ задумался, вѣроятно, о выгодахъ клеветать исподволь, помаленьку—о маневрѣ весьма удобопримѣнимомъ и въ адвокатурѣ.

— Коко!—воскликнулъ Брисъ, называя этимъ уменьшительнымъ именемъ матераго Пинхуса.—Газеты дѣлаются постепенно акціонерными предпріятіями. Мы поддерживаемъ это движеніе, беремъ акціи, проводимъ ихъ на биржу, взмыливаемъ, а въ правленіе сажаемъ *своего* человѣка... Газета наша—и не наша. Нашего вліянія никто не уничтожить и жидовскою газетою такое изданіе нельзя назвать безъ натяжки. Акціи у насъ; директоровъ правленія выбрали мы, и въ каждое изданіе, для приманки, мы сажаемъ по одному извѣстному писателю...

Брисъ захохоталъ неестественнымъ, дѣланнымъ смѣхомъ, и добавилъ ехидно:

— Пусть ихъ, эти знаменитости—пачкаются въ грязи. Мы имъ хорошо платимъ. Они окружены нашими, опутаны кругомъ... Наша молодежь ведетъ важнѣйшіе отдѣлы, либерально, даже болѣе чѣмъ либерально.

— А ты, Александръ Яковлевичъ, развѣ либераль?! Давно ли?!—перебилъ рѣчь Пинхусъ.

— Я—либераль?! Я консерваторъ?!—дѣлая большіе удивленные глаза и приподнимаясь съ дивана, переспросилъ Брисъ. *Я—еврей!* понимаешь ли: я еврей, и все тутъ. Либерализмъ, консерватизмъ, республика, парламентъ, монархія, какое дѣло намъ, евреямъ, до всего этого?! Это для насъ—вывѣска на нашихъ магазинахъ. Чтò тамъ на вывѣскѣ написано—приманка для публики. Существенно для насъ, изо всей вывѣсочной дребедени, одно: *наши еврейскіе интересы.* Поняль?!

Пинхусъ потупился и думаль: ста тысячъ на газету мнѣ, очевидно, здѣсь не добыть. Однако, этотъ пьянствующій жиденокъ не такъ глупъ, какъ я полагалъ. Гмъ! досадно.

— Эти идеи, признайся, не твои?!

— Мои—и не мои. Онѣ *наши идеи.*—Шендеръ Янкелевичъ всталъ съ дивана и, потягиваясь, продолжалъ:

— Другъ Коко! наши старики правы. Тамъ у насъ обсуждаютъ дѣла не однимъ умомъ—сотнею умовъ; старики тонко все разбираютъ. Не скрою: между ними есть и старовѣры. Ладить надо. Такъ какое же ты дѣло приволокъ? Не лучше ли прямо тебѣ ѣхать къ Израилю?!

— Ни, ни!! старикъ твой меня не жалуешь. У него кто окрещенъ—двери для того заперты,—съ явнымъ сожалѣніемъ пояснилъ Пинхусъ свое деликатное положеніе въ еврействѣ и сурово нахмурился.

— Есть въ старикѣ этотъ грѣшокъ, есть несомнѣнно. Зачѣмъ же ты въ такомъ случаѣ крестился?!

— Потому что иначе мнѣ не попасть въ присяжные повѣренные, а я юристь въ душѣ; умъ у меня юридическій. Ты банкиръ, я—адвокатъ. Сколько я вамъ сомнительныхъ дѣлъ выигралъ?! Сколько золотыхъ совѣтовъ далъ? Не забывайте этого.

— Вѣрно говоришь, Коко. Мы, культурные евреи, отъ тебя и другихъ,—по нуждѣ крещеныхъ, но оставшихся нашими,—и не отворачиваемся, но старики... Ладить, говорю, съ ними надо. И теперь у тебя юридическое дѣло?

— Юридическое. Садись и слушай.

Оба жиды, крещеный и не крещеный, усѣлись и Пинхусъ началъ излагать свое дѣло.

Въ Петербургѣ существуетъ старинная, богатая нѣмецкая торговая фирма. У главы фирмы—старого, капризнаго Карла Карловича Ложке—одна дочь. Онъ выдалъ ее за барона Альфреда фонъ-Гольцендорфа; неохотно выдалъ: дочь очень ужъ была влюблена въ красавца-кутилу Гольцендорфа. Ложке никакъ не могъ помириться съ мыслью, что его зять,—съ дворянскими привычками тратить деньги и лѣниться, съ дворянскимъ непониманіемъ торговыхъ дѣлъ,—послѣ его смерти станетъ во главѣ фирмы.

— Онъ всѣ дѣла прекратитъ,—говаривалъ мнѣ Ложке, такъ какъ я былъ его адвокатомъ,—пояснилъ Пинхусъ, закуривая сигару.—Послѣ разныхъ колебаній Ложке составилъ духовную: въ ней извѣстный крупный доходъ записывалъ дочери, а управленіе фирмою отдавалъ своему племяннику Іоганну Ложке, съ тѣмъ что если у Гольцендорфовъ родится сынъ, то онъ по достиженіи совершеннолѣтія, сдѣлается полнымъ обладателемъ дѣдовскаго наслѣдія, а если сына не родится, тогда, послѣ смерти баронессы Гольцендорфъ, Іогану Ложке достанется наслѣдство—и фирма, и капиталы. Въ случаѣ рожденія дочери у Гольцендорфовъ—дочь эта должна выйти за сына Іоганна Ложке и этой счастливой четѣ достанется все наслѣдство. Прошло около пятнадцати лѣтъ. Старый Ложке совершенно одряхлѣлъ и всѣми дѣлами началъ заправлять племянникъ Іоганнъ. У Гольцендорфовъ не родилось дѣтей. По наружности вполне здоровый, баронъ Альфредъ, благодаря старымъ кутежамъ, по приговору врачей-специалистовъ, признанъ безсильнымъ имѣть дѣтей. Онъ даже великодушно предложилъ женѣ разводъ, чтобы только наслѣдство не досталось ненавистному Іоганну Ложке; отъ другаго мужа у нея могли быть дѣти. Но любящая жена лучше хотѣла рисковать лишеніемъ наслѣдства, чѣмъ развестись съ красавцемъ-мужемъ. Къ тому же въ завѣщаніи стоитъ: наслѣдство достается сыну Гольцендорфа, а о дѣтяхъ отъ втораго брака ничего не сказано. Пунктъ гласящій: если отъ Гольцендорфа не родится сынъ, то наслѣдство переходитъ къ Іоганну Ложке, могъ, и при дѣтяхъ у баронессы отъ втораго брака, вызвать процессъ.

На этомъ мѣстѣ разказа Николай Исаевичъ вдругъ пріостановился, точно не рѣшаясь продолжать исторію...

XXIX.

— Что же? продолжай!—любопытствовалъ Брисъ, вертясь на диванѣ, изъ обивки и подушекъ котораго подымались цѣлыя облака пыли.—Твоя исторія становится интересною.

Адвокатъ громко чихнулъ.

— Знаешь, Александръ Яковлевичъ, прикажи ты выколотить свою мебель. Невозможно дышать.

— Это все мои пріятели, графъ Ника и князь Шерстобитовъ, съ ногами садятся на диваны. Оттого и пыль.

Пинхусъ высморкался, поморщился отъ пыли и продолжалъ:

— Я въ нерѣшимости: говорить ли?! Знаешь: есть вещи, особенно въ нашей юридической практикѣ, до того деликатныя, что о нихъ невозможно говорить ради одного гостиннаго краснобайства. Молчать или говорить въ такихъ случаяхъ равно золоту или прямому убытку. Тебя заинтересовала моя исторія, а я колеблюсь, безъ гарантій, продолжать ее и вскрыть свои карты.

— Какъ хочешь, другъ Кoko!— съ равнодушною миною, нѣсколько обидчиво отвѣтилъ Брисъ.—Я про исторію съ наслѣдствомъ Ложке уже кое-что слышалъ.

— Отъ кого?! Кто могъ говорить?!

— Въ городѣ говорить.

— Не можетъ быть. Не такъ я веду свои дѣла, чтобы о нихъ говорили въ городѣ. У тебя, вѣроятно, былъ Мальчевскій—этотъ полячокъ, служившій у меня писцомъ?!

— Ну, хотя бы и онъ.

— Что онъ знаетъ?! Я одинъ стою *au courant* всего дѣла. Но болтать о немъ...

— Ты, однако же, пріѣхалъ предложить его мнѣ.

— Именно. А если ты, выслушавъ все, откажешься?!

Оба жиды зорко посмотрѣли другъ другу въ глаза.

Шендеръ Янкелевичъ прошелся по комнатѣ, остановился противъ Пинхуса и сказалъ рѣшительно и твердо:

— Вотъ и видно, что ты крестился... ты уже позабылъ, что пока еще не исключенъ изъ общества, не подъ херомъ,—ты нашимъ считаешься, хотя и неполнѣ; твоѣ дѣла

не могутъ у тебя отобрать. Наши старики, стоящіе у общественныхъ интересовъ, не дозволяютъ сдѣлать этого съ тобою даже мнѣ, хотя лично тебя, какъ крестившагося, до себя не допустятъ. Понимаешь?! Мы — гонимое племя; мы въ непрерывной войнѣ съ гоимскимъ міромъ и ни одному чловѣку изъ племени Авраама, — если только онъ самъ не передался окончательно врагамъ, — не будетъ отказано въ справедливости вождями израиля. Все, что ты мнѣ расскажешь, я передамъ нашимъ. Они обсудятъ и рѣшатъ. Теперь продолжай или не продолжай исторію наслѣдства Ложке, какъ самъ знаешь...

Пинхусъ былъ въ нерѣшимости. Онъ, правда, былъ еврей, но и ему неловко стало излагать дальнѣйшія подробности дѣла. Однако, онъ оправился и заговорилъ снова:

— Я посовѣтоваль барону и баронессѣ адюльтерь. Возьмите на время любовника, говорилъ я; отъ него родятся у васъ дѣти. Баронъ и на это согласился; кредиторы его допекали. Но баронесса основательно возразила, что адюльтерь легко завязать, но разорвать трудно безъ скандала, а скандалъ дастъ поводъ для процесса; она можетъ, наконецъ, полюбить любовника и сама пожелаетъ развода и новаго замужства. Барону Гольцендорфу предстояла опасность за всѣ жертвы проиграть, а не выиграть, и онъ отказался отъ мысли дать женѣ разрѣшеніе на адюльтерь. Положеніе запутывалось, становилось безъисходнымъ, когда мнѣ въ голову вдругъ пришла геніальная идея: баронесса должна посѣщать маскарады по клубамъ и завязывать мимолетныя интриги, наконецъ, просто ѣздить въ номерныя бани — и вопросъ о наслѣдствѣ устроится: дѣти будутъ...

Брисъ даже привскочилъ — такъ его поразила смѣлая выдумка еврея-адвоката.

— И баронъ согласился на это?!

— Согласился. Говорю тебѣ, кредиторы грозили объявить его несостоятельнымъ. Подробности, какъ дѣло уладилось, мнѣ неизвѣстны, но мужъ самъ руководилъ. Худо то, что мои совѣты: все дѣлать акуратно, безъ слѣдовъ, позабыты. Сантиментальная нѣмочка-баронесса тратила на случайнаго друга большія деньги, — что ужъ само по себѣ возбудило его подозрѣнія, — и подарила ему на память брилліантовое колечко, когда у нея

родился сынъ. Банщикъ отыскалъ ее по колечку, узналъ, кто его любовница, и опредѣлился къ ней кучеромъ.

— Безъ вѣдома барона?!

— Сначала безъ вѣдома. Потомъ... потомъ несчастный мужъ и на это долженъ былъ согласиться. У баронессы, кромѣ сына, родились двѣ дочери. Кучеръ, эксъ-банщикъ Никаноръ, распился, началъ скандалить, требовать денегъ, ругать самого барона, и угрожалъ доказать, что сынъ—незаконный ребенокъ его, Никанора. Старика Ложке въ это время уже не было на свѣтѣ. Но Іоганнъ... Іоганнъ кое-что пронюхалъ и обратился ко мнѣ; у меня имѣются кое-какія записочки барона и глупой баронессы, могуція выяснитъ дѣло. Но принять веденіе такого процесса, доказать, что сынъ, наслѣдникъ барона Гольцендорфа — незаконный плодъ адюльтера, я колеблюсь. Тутъ есть особыя обстоятельства.

Брисъ, барабана по столу пальцами, замѣтилъ:

— Гмъ! занимательное и замысловатое дѣло! А кучеръ Никаноръ?!

— Онъ у меня теперь. Баронъ его выгналъ, хотя и не безъ протеста со стороны баронессы. Я Никанора приютилъ и уславъ въ деревню, гдѣ онъ и пьянствуетъ. Когда будетъ нужно, онъ явится.

— Чего же ты хочешь отъ насъ!—спросилъ Брисъ.

— Денегъ. Безъ денегъ дѣла не проведешь. Іоганнъ Ложке капиталами не распоряжается; онъ только управляетъ фирмой. Гольцендорфы въ долгахъ, да ихъ сторону, по здравой оцѣнкѣ выгодъ, я принимать не желаю. Іоганнъ въ такомъ случаѣ возьметъ другаго адвоката. Надо получить отъ васъ, господа капиталисты, тридцать тысячъ рублей.

— Деньги небольшія. А чтѣ тебѣ обѣщаетъ Іоганнъ Ложке? Только, Коко, говори правду. До истинной цифры мы все равно доберемся; если обманешь—тебѣ же будетъ хуже.

Новый приливъ нерѣшимости смутилъ Пинхуса. На лицо его легла тѣнь. Но онъ скрѣпился и продолжалъ:

— Іоганнъ даетъ сорокъ процентовъ съ наслѣдства.

— А велико наслѣдство?!

— Простирается до восьмисотъ тысячъ. Разумѣется, такъ высоко цѣнить его невозможно, особливо при ликвидаціи.

— Положимъ и такъ: наслѣдство меньше будетъ,—дѣло-

вито замѣтилъ Брисъ.—Но во всякомъ случаѣ твоя доля будетъ никакъ уже не меньше трехсотъ тысячъ. Мы ссудимъ тебя тридцатью, даже сорока тысячами, словомъ: сколько понадобится, а ты уступи половину своей чистой прибыли.

— Вамъ уступить полтора ста тысячъ? Да развѣ можно предъявлять такія требованія?! И это своему-то? За тридцать тысячъ—больше вы не дадите—вы хотите получить впятеро!

— А если ты проиграешь дѣло, ссуда наша пропадетъ.

— Зачѣмъ ей пропадать. Я гарантирую, буду выплачивать.

— Не говори, Коко, пустяковъ. Ты, въ случаѣ проигрыша, не заплатишь. И что тебя пугаетъ уступка ста пятидесяти тысячъ? У тебя останется такая же сумма.

— Да за что же такая доля тебѣ?!

— Вовсе не мнѣ. Я возьму десять-пятнадцать тысячъ; остальные деньги—общественный капиталъ. Никто до нихъ не коснется, ни Игнатій Мойшевичъ Цибульбергъ, ни самъ Израиль Шмекъ. Такой у насъ порядокъ. Мы помогаемъ нашимъ устраиваться, даемъ имъ деньги на разумный гешефтъ, но часть добычи идетъ въ общественный капиталъ.

— Эти общественные капиталы давно должны уже состоять изъ милліоновъ. Гдѣ же они, у кого хранятся?

— Какъ велики наши общественные капиталы, у кого они, кто ими распоряжается?! про это лучше всего не спрашивать. Капиталы одного лишь петербургскаго общества дѣйствительно велики, но общественные расходы тоже не малы. Ты, Коко, оцѣнилъ ли, что стоитъ синагога въ Малой Мастерской?!

— Немалога стоитъ.

— То-то же. Ея куполь выше купола Казанскаго собора. Не тщеславіе ее выстроило, какъ не тщеславіе заставило премудраго Соломона отяготить древній Израиль налогами и выстроить храмъ Іеговы, какого не было и не будетъ вовѣки.

Легкомысленный кутила Шендеръ Брисъ, говоря эти слова, дѣлался краснорѣчивымъ. Пинхусъ молчалъ. Онъ очень жалѣлъ ста пятидесяти тысячъ, которыхъ долженъ былъ лишиться.

«Нельзя ли выторговать хоть скольконибудь?»—думалось ему. Но всѣ его попытки въ этомъ направленіи остались

тщетными. Собесѣдникъ напомнилъ ему, что и онъ самъ, Пинхусъ, въ качествѣ ассистента, ѣздилъ въ Тифлисъ, когда тамъ судили бѣдняковъ-рѣзниковъ, обвиненныхъ въ убіеніи христіанскихъ младенцевъ съ религіозными цѣлями. Дѣло потушили. Ему, Пинхусу, тогда дали три тысячи; главнымъ адвокатамъ дали въ десять разъ больше. Все дѣло стоило обществу огромныхъ суммъ. Откуда же взяты деньги?! Взяты онѣ изъ тѣхъ общественныхъ капиталовъ, которые всегда готовы и находятся у руководителей...

— Кагала,—обмолвился Пинхусъ.

Брисъ разсердился. Слово «кагаль» не употребляется уже у современныхъ евреевъ; они утверждаютъ, что кагала давно не существуетъ.

— Еслибы ты, Коко, выразился такъ не передо мною, твоимъ другомъ, всѣ разговоры съ тобою были бы кончены. Оставимъ кагаль въ покоѣ. Не будемъ попусту болтать. Согласенъ ты уступить половину своего гонорара по наслѣдству Ложке—тогда я выхлопочу тебѣ деньги. Кромѣ денегъ, устрою и еще кое-что посущественнѣе: помощь нашего общества, а у него вездѣ связи и повсюду друзья.

Подумавъ нѣсколько минутъ, Николай Исаевичъ ударилъ по рукамъ. Уходя, онъ спросилъ Брася:

— Ты сегодня поѣдешь устраивать заемъ?!

— Сейчасъ же. Теперь уже два. Въ два часа я долженъ быть у Игнатія Мойшевича Цибульберга, а отъ него—къ старику моему поѣду. Тамъ и доложу обо всемъ. Дня черезъ четыре они все рѣшатъ.

Адвокатъ, сходя съ лѣстницы, ругался самымъ россійскимъ манеромъ, поминая и мать, и чорта. Онъ считалъ себя ограбленнымъ.

— На общественныя нужды берутъ деньги!—злился онъ. Какъ же, повѣрю я! Грабятъ на свой пай. Этотъ старый Израиль—разбойникъ. Милліоны составилъ, а въ Шкловѣ, въ 60-хъ годахъ, коровами торговалъ; на желѣзныхъ дорогахъ нажился, плутуя съ инженерами; а теперь, видите ли, сталъ воротилой общественныхъ дѣлъ. Хорошъ и Цибульбергъ!.. Знаю, кто эти распорядители общественныхъ еврейскихъ капиталовъ, эти кагальные главари... Поѣхать развѣ къ издателю Тюлюкину и рассказать?! То-то проберетъ грабителей.

Но легкомысленное намѣреніе крещенаго жидка обличить жидковъ некрещенныхъ, было имъ благоразумно оставлено. Онъ, кстати, вспомнилъ участь нѣсколькихъ евреевъ-обличителей, на примѣръ, ученаго доктора Лютостанскаго. Всѣ они куда-то вдругъ исчезли, безъ слѣда пропали! Пинхусъ же вовсе не желалъ «исчезнуть». Ему такъ хорошо жилось на свѣтѣ. Какъ юристъ, онъ понималъ: Тюлюлюкинъ пропечатаетъ, выдетъ крупный скандалъ, о кагалѣ накричатъ, но добраться до него все же не доберутся. Чорта многіе и много ругаютъ, но какой же ему отъ подобной легкомысленной ругани убытокъ?

XXX.

Мы у подъѣзда дворца, принадлежащаго еврейскому Крезу, Игнатию Цибульбергу—очень, очень цибулизованному еврею. Дворецъ выходитъ фасадомъ съ зеркальными окнами на широкую улицу, посрединѣ которой зеленѣетъ бульваръ, что въ Петербургѣ—важное преимущество; подъѣзды его слегка углублены въ землю, какъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Шесть подъѣздовъ охраняютъ шесть пестрыхъ и разнолоченныхъ швейцаровъ, а въ главномъ подъѣздѣ даже два швейцара. Обширная, полукруглая ротонда,—съ мраморнымъ каминномъ, зеркалами, оклеенная темно-красными, съ золотомъ, обоями, толстыми, какъ кожа,—очень эффектна. Широкая лѣстница изъ бѣлаго мрамора, съ бронзовой балюстрадой и яркимъ, пушистымъ персидскимъ ковромъ, вся уставлена тропическими растеніями и статуями, купленными въ Италіи. По слухамъ, когда по вызову Цибульберга приѣзжалъ къ нему коростышевскій «святой», нынѣ уже умершій падикъ, онъ отказался взойти по этой лѣстницѣ, пока банкиръ-милліонеръ не велѣлъ убрать статуи—идоловъ, коихъ самый видъ былъ ненавистенъ святому падику. Послѣ отъѣзда падики, статуи снова поставили, хотя святой мужъ и предсказывалъ, что если идолы будутъ стоять на лѣстницѣ и въ залахъ—Иегова отберетъ дворецъ отъ нарушителя заповѣди и почитателя идоловъ. Странно, но въ послѣдствіи предсказаніе это исполнилось: Цибульбергъ обанкротился и дворецъ продали.

Шендеръ Янкелевичъ Брисъ-Доброхотовъ, вступивъ въ пе-

реднюю миллионера, своего родственника, утратил на половину из своей солидности и представительности. Почти заискивая, он спросил у швейцара:

— Генераль сегодня принимаетъ?!

Швейцаръ нажалъ кнопку; съ лѣстницы быстро, но скользя какъ тѣнь, безъ шума, спустился лакей въ шармеровскомъ фракѣ, въ бѣлыя серебристой бѣлизны, съ лицомъ неподвижнымъ, какъ у автомата. Онъ зналъ Брися и почтительно увѣдомилъ, что Цибульбергъ занятъ: у него сенаторъ Симоновичъ и еще два генерала изъ горныхъ инженеровъ; теперь у нихъ комитетъ по дѣламъ золотыхъ промысловъ.

— А Софья Игнатьевна?—освѣдомился Брисъ.

— Ихъ превосходительство въ гостинной музицируютъ. Только что ушелъ учитель. Они принимаютъ.

Брисъ поднялся во второй этажъ. Налѣво шли пріемныя и кабинеты—рабочій, общій и малый кабинетъ самаго «генерала»; направо—внутреннія семейныя комнаты. Онъ отлично зналъ расположеніе дворца и безъ труда пробрался въ большую залу, гдѣ за роялемъ, почти исчезая и теряясь въ огромной залѣ въ два свѣта, сидѣла красивая еврейка, единственная дочь Цибульберга. Увидя почтительно входящаго Брися, она благосклонно кивнула ему головой.

— Какъ ваше здоровье, кухня Софья?

— Сара!—перебила она его, кладя красивую, тонкую руку на клавиши рояля.

— Ну, пусть и Сара, если это вамъ больше нравится.

— Дѣло не въ томъ, что кому изъ насъ нравится, а въ томъ, что намъ, евреямъ, не для чего передѣлываться даже и наружно въ иноплеменниковъ.

— Да мы и не передѣлываемся, это только имена. Дико звучать въ настоящее время наши старозавѣтныя прозванья.

— Пустяки! Чѣмъ Сара хуже Софьи. Твое имя, кузень—Шендеръ, а ты дозволяешь себя называть почему-то Александромъ. Не вижу, почему это благозвучнѣе. Моего дѣда звали Левзелемъ, отца тоже Левзелемъ, а здѣсь онъ, уступая духу времени, позволяетъ себя называть Игнатиємъ. Не смѣшно ли это?!

— О, я знаю давно, Сара, что вы еврейская патриотка.

— А вы, Шендеръ, почти уже не еврей.

Брисъ, усѣвшійся уже довольно покойно на креслѣ возлѣ хорошенькой кузины, даже вскочилъ при такомъ обвиненіи.

— Какъ же это я не еврей?!

— А что же въ васъ осталось еврейскаго, національнаго? Обрядовъ вы не исполняете.

— Не въ обрядахъ дѣло. Въ душѣ я—еврей.

— Если въ васъ душа еврейская—она, вѣроятно, очень скорбитъ, находясь постоянно въ общеніи съ гоями, оскверняясь трѣфною пищею и едва ли отдыхая когда либо на молитвахъ.

— Что дѣлать, кузина Сара? Я работаю, живу въ обществѣ и долженъ примѣняться. Когда я сдѣлаюсь русскимъ Ротшильдомъ или русскимъ барономъ Гиршемъ...

Хорошенькая еврейка не дала кончить фразы смущенному Брисю и, жестикулируя бѣлыми, какъ мраморъ, руками, искрившимися отъ брилліантовыхъ колець, крикнула:

— Вы, Шендеръ, и тогда останетесь тѣмъ же: полуевреемъ. Хуже: навѣрное женитесь на христіанкѣ и креститесь.

— Никогда! Ни во вѣки вѣковъ.

— Да, до тѣхъ поръ это «во вѣки вѣковъ» будетъ продолжаться, пока живъ старый Израиль Шмекъ, который лишилъ бы васъ за это наслѣдства.

— Какого вы обо мнѣ дурнаго мнѣнія, Сара!

— Я васъ хорошо знаю. Вы дѣльный человѣкъ; хорошо работаете—отецъ это признаетъ—вы легко наживаете деньги—это хорошо! но вы упиваетесь виномъ съ гоями и гоимскія женщины вамъ милѣе розъ нашего Сіона...

— Кузина!—съ непритворнымъ восторгомъ, пожирая глазами хорошенькую еврейку, воскликнулъ Брисъ. Еслибы изъ розъ нашего Сіона, вы, божественная, бросили на меня взглядъ...

— Я?!. Что это вамъ пришло въ голову?!

— Но я буду—непремѣнно буду миллионеромъ, первымъ богачемъ, и тогда...

— И тогда я на васъ не погляжу иначе, какъ на своего кузена. Вы можете сдѣлаться богачемъ, но однимъ изъ вождей израиля—никогда. Полуеврея мнѣ не надо.

Весь восторгъ Шендера Янкелевича вдругъ улетучился. Онъ снова сѣлъ на кресло и переспросилъ дѣловымъ тономъ:

— Генерала видѣть нельзя?!

— У него золотой «комитетъ». Знаете: эти розсыпи въ Сибири; тамъ горные инженеры и Симоновичъ. Процессъ тамъ какой-то надо уладить. Вы пріѣзжайте вечеромъ: мы еще поговоримъ.

— Вечеромъ... Вечеромъ, кузина Сара, мнѣ невозможно: дѣла.

— Просто опять собираетесь кутить. Посмотрите на себя въ зеркало. Вѣдь вы, Шендеръ, въ тридцать пять лѣтъ старикомъ стали. И все это сдѣлали христіанскія женщины, да еще самаго дурнаго тона; эти Иезавели погубятъ васъ, какъ древняго Ахава.

— Авось не погубятъ.

— Нѣтъ, погубятъ. На дняхъ у меня былъ святой человекъ.

— Знаю; сюда пріѣзжалъ цадикъ изъ Любавичъ.

— Онъ предсказывалъ.

— Вы, кузина, вѣрите въ кабалу?!

— Вѣрю. Я ему показала вашу карточку и дала волосы— вы мнѣ изъ нихъ, когда мы были дѣтьми, колечко сдѣлали. Святой мужъ предсказалъ, что вамъ грозитъ изъ-за женщины, гоимской женщины, большая, смертельная опасность. Берегитесь, Шендеръ! предсказанія святаго исполняются.

— Ну, пусть я погибну. Тогда вы, кузина, пожалѣете меня, хоть мертваго.

— Я и теперь васъ сожалью.

Брисъ, уходя, сдѣлалъ знакъ, что не вѣритъ сожальнiю хорошенькой кузины. На лѣстницѣ онъ вздохнулъ: Сара была очень хороша и, притомъ, очень богата. Еслибы онъ могъ изъ полуеврея сдѣлаться опять настоящимъ евреемъ!..

— Впрочемъ, это было бы очень скучно,—рѣшилъ онъ, садясь на свою пролетку. Ёсть пришлось бы только противный кошеръ; вѣчные обряды, молитвы... Да и наши «розы Сиона» или глупы, или, какъ кузина Сара, пропитаны еврейскимъ фанатизмомъ. А я жить хочу, какъ живутъ всѣ люди. Съ христіанскими Иезавеями много веселѣе. Премудрый Соломонъ тоже предпочиталъ язычницъ, а онъ былъ премудрый.

Черезъ полчаса Брисъ-Доброхотовъ входилъ уже въ угрю-

мый, затхлый и плохо меблированный кабинет Израиля Шмека — ортодоксального еврея-талмудиста, своего дяди по матери.

XXXI.

Израиль Шмекъ носилъ, по крайней мѣрѣ, у себя дома, національный длиннополый лапсердакъ; брюки заправлялъ въ чулки и шлепалъ настоящими еврейскими пантофлями; на груди у него висѣли священные цыцѣлы, а на головѣ была надѣта, сдвинутая на затылокъ, довольно таки грязная ермолка. Писалъ онъ за столомъ простой работы; кожаное кресло миллионера было просижено и волосъ вылѣзаль изъ прорванныхъ отверстій порыжѣлой кожи. На столѣ, противъ входа, висѣлъ писанный масляными красками портретъ самого стараго Шмека въ «генеральскомъ» мундирѣ, съ красною лентою черезъ плечо. Дорого обошлось Шмаку генеральство, но онъ не жалѣлъ тѣхъ сотенъ тысячъ, которыя заплатилъ въ разныя благотворительныя заведенія за высокій чинъ. Не смотря на всю свою еврейскую ортодоксальность, прѣзжая и уѣзжая изъ Петербурга, онъ самъ посылалъ въ газеты замѣтки: «дѣйствительный статскій совѣтникъ Израиль Шмекъ выѣхалъ за границу»; «д. с. с. И. Шмекъ вернулся въ С.-Петербургъ». Это его, бывшаго торговца коровами въ Шкловѣ, очень интересовало. Но на этомъ и кончались всѣ его уступки духу времени. Онъ былъ настоящій жидъ по жадности, настойчивости и безсовѣстности въ дѣлахъ и исполненъ какого-то деревяннаго равнодушія ко всему въ мірѣ, кромѣ наживы и «гельдовъ». Своего племянника и наследника Брися онъ встрѣтилъ нелюбезно и хмуро.

— Дурно ведешь себя, дурно! — вскидывая очки на лобъ, бросилъ онъ рѣзкія слова Шендеру, не смѣвшему даже и сѣсть у стараго дяди. Ни слова не отвѣчая, племянникъ положилъ на столъ списокъ разрѣшенныхъ имъ ссудъ еврейчикамъ. Противъ имени Аловерда онъ поставилъ знакъ.

— Почему не дана ссуда?!

— Креститься задумалъ.

— Вѣрно это?!

— Какъ же. Жениться хочетъ на гоимкѣ.

— Скупить векселя, взорвать торговлю, хотя бы съ убыткомъ и неполученіемъ по векселямъ. Разорить измѣнника!

— Слушаю, дядя.

На лицѣ Шмека проявилось нѣчто въ родѣ улыбки, когда онъ дошелъ до фамиліи Ицека Дрягиля и его поручителя школьнаго подметальщика Лейзера.

— Краденымъ торгуешь этотъ Дрягиль, — осмѣлился замѣтить Брисъ.

— Пустяки. Не наше дѣло, — отвѣтилъ Шмекъ, складывая списокъ, — Дрягиль — настоящий, хорошій еврей. Онъ самъ не воруетъ, а чтò и гдѣ имъ куплено — его дѣло. Что у тебя есть еще для доклада?

Разсказъ о дѣлѣ Ложке и о ста пятидесяти тысячахъ, которыя адвокатъ Пинхусъ сулитъ за ссуду въ тридцать тысячъ, старый банкиръ выслушалъ внимательно, долго думалъ, хмурилъ лобъ и порѣшилъ:

— Дѣло выгодное, гешефтное, сто пятьдесятъ тысячъ за тридцать, — хорошая нажива, но самъ Пинхусъ — ненадежный человекъ. Крещеный, совсѣмъ ужъ не еврей — продастъ, обманетъ. И самое дѣло можетъ обратитъ вниманіе общества; опять закричатъ газеты...

— Какія же газеты? — почтительно наклонясь, объяснилъ Шендеръ. — Всѣ почти изданія уже наши, а которыя не наши — повсюду и въ такихъ редакціяхъ сотрудничаетъ кто либо изъ евреевъ. Безъ нашихъ ни одна почти редакція не обходится.

— Ахъ, кстати, — спохватился Шмекъ, — этого Тюлюлюкина... издателя дрянной ругательной газетки, надо покончить.

— У меня все готово: векселя протестованы...

— Но надо, чтобы дѣйствовали противъ него русскіе. Понимаешь: пусть онъ сварится въ собственномъ соку и твердо помнить, что мы — хозяева въ журналистикѣ. Довольно мы терпѣли его брань. Пусть идетъ на старость по міру!

Въ кабинетѣ наступило молчаніе. Старикъ высморкался и, указывая племяннику на стулъ, отрывисто произнесъ:

— Садись, поговоримъ.

Шендеръ сѣлъ. Онъ очень боялся дяди, у котораго были въ рукахъ миллионы и который могъ, по капризу, по навѣтамъ какого нибудь святаго цадика, лишитъ его наслѣдства.

— Тебѣ надо жениться, Шендеръ. Довольно быть псомъ и оскверняться.

— Что же, дядя, я согласенъ. Вотъ и сегодня я былъ у Цибульберга. Сара его—такая восхитительная роза Сіона. Но я самъ по себѣ не доволенъ богатъ, чтобы сдѣлаться зятемъ Цибульберга.

— Нѣтъ, нѣтъ! она тебѣ не годится. У нея въ головѣ—еврейское царство въ Палестинѣ. А что евреи будутъ тамъ дѣлать?! Поудать станутъ другъ друга. Намъ хорошо, гдѣ мы теперь сидимъ. На что намъ Палестина?! Вадоръ все... Тебѣ надо не мечтательницу, а настоящую Ревекку, добрую и богатую.

— Чего ужъ богаче кузины Сары Цибульбергъ!

— Ты такъ думаешь?—И старый Шмекъ снова отбросилъ на лобъ очки.

— Игнатій Мойшевичъ считается въ двадцати милліонахъ.

— А я ему на дняхъ отказалъ въ двухстахъ тысячахъ. Молчи; что я тебѣ скажу—секретъ. И двухъ лѣтъ не продержится торговый домъ Цибульбергъ и К^о. За все хватается: золотые промыслы, фабрики, дома; накупилъ имѣній—и прогорить. Помни, Шендеръ: намъ евреямъ одно дѣло: проценты, проценты и проценты. Еще кто поумнѣе—работай на биржѣ. Я тебѣ невѣсту отыскалъ. Теперь ступай себѣ; у меня много дѣла. По наслѣдству Ложке дай, какъ бы отъ себя, десять—пятнадцать тысячъ, а насъ не мѣшай. Скажи, что я отказался отъ участія. Нельзя довѣрять перекрещенцу Пинхусу; продасть и оскандалить, чуть придетъ дѣло до дѣлежа денегъ.

Уже въ дверяхъ Шендеръ осмѣлился спросить:

— Дядя Израиль! кто же моя невѣста?

Но старикъ строго замахалъ рукой, и будущій женихъ невѣдомой «розы Сіона» исчезъ изъ кабинета, взволнованный и обезкураженный. Впрочемъ, легкомысленный характеръ его скоро взялъ свое. Приказавъ кучеру ѣхать домой, Шендеръ Янкелевичъ, сначала нахмуренный, потомъ улыбающійся, пошелъ пѣшкомъ по направленію конторы водочнаго завода: «Павловъ, сыновья и К^о». Онъ думалъ о хорошенькой пѣвицѣ Ольгѣ Михайловнѣ, о выгодахъ и пріятностяхъ содержать театръ даже и послѣ женитьбы на новой Ревеккѣ, уготован-

ной ему дядей; думалъ о томъ, что Толстобѣгову въ дисконтѣ векселей необходимо отказать и онъ тогда долго не продержится—сдасть театръ ему, Брису, а съ нимъ и Ольгу Михайловну...

XXXII.

Начало апрѣля. Театральный сезонъ близился къ концу. У Толстобѣгова сборы поправились, но дѣла не поправлялись. Уже довольно громко поговаривали, что ему не дотянуть сезона; что того и гляди начнутъ протестовать векселя. Но самъ онъ не терялъ самоувѣренности и все продолжалъ на что-то надѣяться и рассчитывать. Часовъ въ десять одного ненастного дня, посланный изъ конторы завода «Павловъ, сыновья и К^о» приходилъ звать главнаго кассира по самому важному дѣлу. Но Иванъ Петровичъ велѣлъ сказать, что онъ боленъ, перевернулся на другой бокъ и захрапѣлъ. Наканунѣ онъ поздно возвратился изъ клуба, по обыкновенію проигравшись. Теперь онъ спалъ и грезилъ во снѣ, что беретъ мушку за мушкой; насоваль кредитокъ во всѣ карманы и не знаетъ, куда дѣвать остальные; снилась Нѣгова-Бѣльская, дѣловавшая его на сценѣ подъ аплодисменты публики; пригрезился и чортъ—такой лохматый и грязный, взбиравшійся на него, чтобы подавить маленько; кругомъ кричали чертенята, какъ двѣ капли воды похожіе на жидковъ — Шендера Брися и Шмельцбрудера. Пытался онъ ихъ прихлопнуть ладонью и только больно ушибъ руку о кровать.

— О, проклятые! Охъ, Господи, какая пакость сегодня снится,—воскликнулъ Иванъ Петровичъ и совсѣмъ проснулся. Передъ нимъ стоялъ мужъ его сестры, артельщикъ Сергѣй, ходившій еще въ простомъ платьѣ, но ворочавшій большими дѣлами; Сергѣй былъ кремень-мужикъ, скрывавшій подъ притворной простотой умъ и порядочную дозу жадности и безсовѣстности, свойственныхъ русскому торговому человѣку. Родственника своего Ивана Толстобѣгова онъ побаивался, льстилъ ему, но въ душѣ считалъ совершенно нустымъ чело-вѣкомъ. Когда Толстобѣговъ задумалъ антрепризу шансонетнаго театра, Сергѣй самъ и чрезъ жену пытался отклонить «дурашливаго» Ивана Петровича отъ рискованнаго предпріятія.

— А почему же бы мнѣ и не нажать на эфтомъ дѣлѣ?— враждебно спрашивалъ тогда Сергѣя Толстобѣговъ.

— А потому—не наше это дѣло! Ну, тамъ вѣшалку снять въ театрѣ еще туда-сюда можно, а ставить комедь не подходитъ по нашему положенію.

— Дуракъ! и виденъ сейчасъ дуракъ! Комедь... Да развѣ говорить: комедь?! Необразованность и сѣрость ваша въ этомъ видна. Эка хватилъ: ставить комедь?!

— Да не въ словахъ сила. Путаться съ актерами—вотъ что не съ руки.

Но Сергѣя не послушали и театръ былъ открытъ. Проигрыши въ клубѣ «Скотопригонный дворъ» и недоборы театральной кассы не составляли для него тайны.

Сестра Толстобѣгова, Марѳа Петровна, и ея мужъ уже нѣсколько разъ пытались образумить зарвавшася брата, но все было напрасно. Запутавшись въ долгахъ, захвативъ изъ кассы на 70,000 р. разныхъ «цѣнностей», Толстобѣговъ не видѣлъ выхода и продолжалъ изо дня въ день обманывать себя возможностью пополнить недочеты въ кассѣ изъ театральной выручки, или изъ какого нибудь шальнаго выигрыша въ клубѣ. Спектакли съ Нѣговой-Бѣльской давали полные сборы, но въ клубѣ ему по прежнему не везло: два черномазыхъ армянина, интендантскій полковникъ и судебный приставъ изъ жидковъ—обычные его партнеры—продолжали ощипывать свою жертву.

Проснулся онъ злой и отъ дѣлѣ, которыя сейчасъ же вспомнилъ, и отъ скверныхъ сновъ, которые видѣлъ. Толстобѣговъ былъ суевѣренъ, какъ и всякій мужикъ, и вѣрилъ снамъ.

— Ты что это будишь меня?—грубо упрекнулъ онъ Сергѣя и готовъ былъ послать его ко всѣмъ чертямъ. Но, взглянувъ на серьезное и даже нѣсколько испуганное лицо брата, самъ обезпокоился и, торопливо поднявшись, сѣлъ на край кровати.

— А что ты? Развѣ случилось что либо?—спросилъ онъ у Сергѣя.

— Случилось. Наступилъ платежъ по векселямъ нашей конторы въ банкъ, въ суммѣ 21,650 руб.

— Такъ что же?! Уплатилъ ты?!

*

— А чѣмъ уплатить?

— Давай чековую книгу. Я напишу чекъ и надо дѣло кончить, не доводя до отсылки векселя къ нотаріусу.

Сергій уже добылъ изъ незапертаго ящика письменнаго стола чековую книжку, но вмѣсто изготовленія чека принялся считать.

— Что считаешь, чортъ? А послѣ сочтемъ,—закричалъ на него Толстобѣговъ. Давай чекъ—подпишу и сейчасъ поѣзжай въ банки получать деньги.

Сергій отодвинулъ счеты и флегматически отвѣтилъ:

— Не выходитъ!

— Что не выходитъ?! Да говори же толкомъ.

— Толкомъ и говорю: на текущемъ счету остается всего двѣ тысячи сто рублей, а платить надо 21,650 руб. Гдѣ прикажешь добрать недостающія девятнадцать тысячъ?!

— А въ кассѣ сколько?!

— Тысячъ пять будетъ. Нельзя тоже всѣ взять. Не закроешь кассу до четырехъ часовъ, а мелкихъ уплатъ будетъ сегодня почитай на эту же сумму.

Не говоря больше ни слова, Толстобѣговъ пошелъ въ кухню, велѣлъ чухонкѣ Идѣ облить голову холодной водой, натянулъ брюки,—первые попавшіеся подъ руку,—сюртукъ, и пять минутъ спустя, уже вмѣстѣ съ Сергѣемъ, ѣхалъ въ контору. Входя, онъ сурово, отрывисто спросилъ брата:

— Сколько у тебя своихъ денегъ?!

— Малость самая. Тысячи не насобираешь.

— Врешь. Поѣзжай къ сестрѣ, чтобы всѣ отдала. Понимаешь, дурья голова: мнѣ крышка и вамъ не сдобровать.

— Да нѣтъ у насъ денегъ. И несообразно это: отдавай все. А гдѣ ты свои капиталы подѣвалъ? А? растратчикъ... На театралину, на кутежи и картежъ какія тысячи извелъ, по дурусти своей...

Вмѣсто отвѣта, энергическій Толстобѣговъ показалъ ему пальцемъ на часовую стрѣлку, стоявшую близко двѣнадцати, приговаривая:

— Баба! болтать только мастеръ. Чтобы мнѣ черезъ часъ деньги привезъ! Забылъ ты что ли свои подписи по балансовой книгѣ? Мнѣ пропасть и тебѣ отъ тюрьмы не уйти.

На этотъ разъ чорта помянулъ не Иванъ Петровичъ, а

младший кассиръ Сергѣй. На лицѣ его выразилась такая злоба, что еслибы Толстобѣговъ запримѣтилъ, онъ бы сталъ остерегаться всегда молчаливаго и покорнаго брата. Въ конторѣ, гдѣ онъ былъ полный и безконтрольный хозяинъ, Толстобѣговъ собралъ до десяти тысячъ рублей; послалъ младшаго артельщика Николая заложить остальные цѣнныя бумаги, взятыя изъ несгораемаго шкафа, и, когда Сергѣй вернулся и вручилъ ему шесть тысячъ руб., безъ четверти въ два часа,—онъ могъ уже послать нужную сумму въ банкъ.

— Видишь!—обратился онъ къ Сергѣю.—Прошло благополучно. Черезъ два часа закроемъ кассу.

— А завтра какъ?!

— Велики ли платежи по векселямъ на завтра?!

— Тысячъ на десять. Все едино не заплатишь. Говорю тебѣ: верни Николая изъ банка съ двадцатю одной тысячею—и припрядь деньги на черный день. Ваня! Христомъ Богомъ молю: отдай мои шесть тысячъ...

— Экій болванъ!—разсердился Толстобѣговъ. По твоему: воромъ стать и нищимъ съ какими нибудь пятнадцатю тысячами въ карманѣ. Нѣтъ, шалишь... Я до завтра добуду двадцать тысячъ.

Но Сергѣй уныло мотнулъ головой, не вѣря въ возможность добыть такую сумму. Передъ самымъ закрытіемъ кассы уплачено было провинціальными винными торговцами фирмѣ «Павловъ, сыновья и К^о», девять тысячъ рублей, затѣмъ получено мелкими взносами пять тысячъ.

— Видишь, болванъ!—ругался Толстобѣговъ по адресу Сергѣя, подсчитывая кассу. Много ли не хватаетъ до двадцати тысячъ на завтра?!

— Отдай мои шесть тысячъ! Дѣтей моихъ ограбилъ...

Братцы при этомъ такъ посмотрѣли другъ на друга, что сидѣвшій у пріемной кассы младшій артельщикъ Николай,—парень изъ ихъ же деревни,—въ испугѣ отодвинулся въ уголокъ.

XXXIII.

Въ дверяхъ показалось упитанное, самодовольное лицо Брися-Доброхотова. Его горбатый, хищный носъ точно чуялъ

что-то интересное; красныя толстыя губы улыбались саркастически, а зоркіе глаза, встрѣтившись съ глазами артельщика-кассира, сейчасъ же открыли, что здѣсь въ конторѣ не все благополучно. На встрѣчу Брися-Доброхотова, ласково кивая головой, поднялся Толстобѣговъ, со словами:

— А, дорогой гость!! Сюда, къ намъ за рѣшеточку. Мы вотъ подсчитываемъ кассу—тутъ и потолкуемъ. Николай! закрывай контору—почитай четыре часа.

— Безъ четверти. Рановато закрываете,—дѣловито замѣтилъ Брисъ, пожимая руки у обоихъ братьевъ артельщиковъ и отирая потъ со лба шелковымъ фуляромъ. Въ рукахъ у него былъ большой щегольской портфель, который онъ аккуратно и бережно поставилъ на полъ возлѣ своего стула. Толстобѣговъ пересчитывалъ тысячныя связки денегъ, передаваемые ему Сергѣемъ и запиралъ ихъ въ несгораемую кассу. Всѣхъ связокъ онъ положилъ восемнадцать. Девятнадцатую связку и остатокъ, рублей семьсотъ, сунулъ небрежно въ карманы брюкъ и обратился къ Брисю:

— Ну, что дѣла?!

— Какъ сажа бѣла,—шутилъ Брисъ; приподнялъ колѣно и оперся на него подбородкомъ. Какой-то шалопай изъ золотой молодежи, учитывавшій у него векселя, любилъ сидѣть въ такой неудобной позѣ. И жидокъ рѣшилъ, что упираться въ поднятое колѣно подбородкомъ—самый фешенебельный приемъ. Онъ хотѣлъ быть фешенебельнымъ во всемъ; по части внѣшности, ему въ этомъ помогали портной и парикмахеръ; по части приемовъ и манеръ—онъ тщательно изучалъ своихъ многочисленныхъ титулованныхъ клиентовъ, которыхъ въ то же время немилосердно обиралъ. Нечего и говорить, что, обращаясь къ нему за деньгами, они въ его гостинной не стѣснялись въ манерахъ, а еврею казалось, что именно такъ и слѣдуетъ вести себя всякому принадлежащему къ jeunesse dorée. Являсь въ контору «Павловъ, сыновья и К^о», Брисъ былъ одѣтъ съ иглочки. На немъ былъ короткополый сюртъ, открытый жилетъ, свѣтлыя перчатки на рукахъ и завитой капуль.

— Дѣла, какъ сажа бѣла,—хихикая, повторялъ онъ свою остроу. Ничего я тебѣ, другъ Ваничка, хорошаго сказать не могу.

— То есть, какъ же это?—встревожился Толстобѣговъ.

— А такъ! векселя твои на десять тысячъ рублей я въ банкъ представилъ, разумѣется, со своимъ бланкомъ. Видишь: для друга я всѣмъ жертвую.

— Благодарю. Отслужу! Ты заглядываешься на мою новую примадонну. Хочешь, свожу къ ней.

Лоснящееся, толстое лицо Брися стало красно; въ глазахъ загорѣлись огоньки.

— Ой-ли, дружище?! послужишь?! Да вѣдь ты самъ съ нею... въ близкой дружбѣ.

— Никогда! — солидно отперся Толстобѣговъ. — У меня правило: въ своемъ театрѣ, со своими артистками, никакихъ пашней не заводитъ; сейчасъ осѣдлаютъ и оберутъ. И для сцены такія фаворитки непригодны; режисера не слушаютъ, ролей не учатъ, на репетиціяхъ не бываютъ. Другьямъ могу услужить, а самъ не грѣшенъ.

— «Врешь, все врешь» подумалъ Брисъ, но не приминулъ сказать:

— Въ такомъ разѣ — удружи. Свези меня на квартиру Ольги Михайловны. А что она? Не очень строга?!

— Ну, какъ тебѣ сказать? Много около нея теперь всякаго народа трется. Избаловалась, не то что на первыхъ порахъ. Я поговорю, однако! баба все же меня слушаетъ. Все вѣдь черезъ меня—и счастье и слава эта—ей привалили.

У Брися все внутри мѣло отъ мысли сдѣлаться любовникомъ не столько хорошенькой женщины—хорошенькихъ къ услугамъ Брися объявлялся цѣлый легіонъ—сколько артистки, примадонны, про которую пишутъ всѣ газеты, которую знаетъ весь Петербургъ. Онъ масляно, просительно поглядѣлъ на грубаго артельщика.

— А вотъ ты похлопочи прежде, чтобы въ банкѣ учли мои векселя. Шендеръ, — то, бишь, Александръ Яковлевичъ, коль эта кличка тебѣ пріятнѣе, — ты, братъ, насчетъ моихъ вексельковъ обхлопочи, чтобы никакой задержки не было.

— Это особое дѣло, Иванъ Петровичъ. При чемъ тутъ учетъ векселей?—дѣловито возразилъ Брисъ.

— А какъ же ты думалъ?!

Толстобѣговъ положилъ ключи отъ кассы въ карманъ и прямо посмотрѣлъ Брисю въ глаза. Тотъ сдѣлалъ серьезное лицо.

— Дяди нѣтъ въ Петербургѣ! вотъ чего боюсь.

— А гдѣ твой дядя?!

— За границу уѣхалъ. Новый государственный заемъ готовится. Для переговоровъ министръ просилъ дядю съѣздить въ Берлинъ къ Блейхредеру и въ Парижъ къ самому Ротшильду.

— А кто такой вашъ дядя? — освѣдомился Сергѣй, все время молчавшій и поглядывавшій искоса на портфель гостя.

— Дядя мой—Израиль Шмекъ.

— Шмекъ точно на прошлой недѣлѣ за границу уѣзжалъ,—подтвердилъ Сергѣй.—Только вѣдь, если старый Израиль—дядя вашъ, то стоитъ вамъ только слово сказать, учтутъ въ банкѣ не то что десять, а пятьдесятъ тысячъ. Шмекъ въ этомъ банкѣ—сила; почитай что и весь банкъ—его собственный; акціи въ его рукахъ; директора имъ выбраны.

Лицо Брися стало еще серьезнѣе.

— Попросить учеть — немудреное дѣло, — сказала онъ, играя своими кольцами и, по старой привычкѣ, поднося руку къ священнымъ пейсамъ, которыхъ не было. Учеть—учтутъ.

— Тогда въ чемъ же дѣло?!

— А въ томъ братъ, Иванъ Петровичъ, что про тебя дурные слухи ходятъ. Говорятъ: не сегодня-завтра *готовъ* будешь...

— Кто это говорить?..

— Всѣ говорятъ и никто не говорить. Слухомъ земля полнится.

Сказавъ это, еврей уперся глазами въ Толстобѣгова и тотъ невольно потупился.

— Врутъ. Я свои обязательства оправдываю. Театръ теперь пошелъ хорошо. Другой такой примадонны въ Петербургѣ, въ эту зиму, нѣтъ и не будетъ. Осталось еще до конца сезона сорокъ представлений — пятьдесятъ тысячъ въ карманѣ вѣрнѣйшихъ.

— Пятьдесятъ тысячъ не возьмешь. Тысячъ тридцать пять, пожалуй, ожидать можно. Только вѣдь у тебя долговъ и расходовъ на такую же сумму соберется.

— Опять же ты врешь.

— Не вру, Ваня! какъ другу говорю: дѣла твои плохи. Передавай театръ и уходи, пока цѣль. И на что онъ тебѣ?!

Жиль ты кассиромъ при эдакой фирмѣ: «Павловъ, сыновья и К°», жиль не тужиль, деньги наживаль, а съ театромъ прогораешь. А? Какъ по твоему? По моему: передавай театръ и уходи.

— И по моему разумѣнью: дѣло говорить Шендеръ Янкелевичъ,—вмѣшался снова Сергѣй.

— Александръ Яковлевичъ,—поправиль его, нахмурясь, Брисъ.

— Пусть и Александръ Яковлевичъ! Братцу теперь самое время театръ этотъ проклятый передавать.

— Дураки вы оба!—со злобою крикнулъ Толстобѣговъ.— На самую эту оперетку я потратилъ уйму денегъ, хлопоталъ, работалъ, добился успѣха. И теперь: на—поди! сдавай золотое дѣльце другому—небось жидовской компаніи какой. Нѣтъ, не на такого напали.

— Жидовской компаніи, или тамъ христіанской, но во всякомъ случаѣ компаніи денежной,—сердито замѣтилъ Шендеръ Янкелевичъ, обиженный грубостью собесѣдника.

— И у меня будутъ деньги. Теперь только вотъ надо добыть... Да чтѣ говорить пустое? отвѣчай прямо: можешь исплотать учетъ десяти тысячъ, а не то въ другомъ мѣстѣ найдемъ. Только въ такомъ случаѣ и ты, братъ Шендеръ, за кулисы къ намъ лапокъ не просовывай и Ольги Михайловны тебѣ, какъ ушей своихъ, не видать.

— Какой же ты, однако, странный человѣкъ,—подымаясь со стула и потягиваясь съ притворнымъ равнодушіемъ, сказалъ Шендеръ Янкелевичъ.— Говорятъ тебѣ: пока дядя не вернется, обхлопотать тебѣ учетъ десяти тысячъ мудрено. Про тебя, въ послѣднее время, шибко говорили. Въ «Скотопригонномъ клубѣ» этотъ издатель журнала «Солома», адвокатиска, нагрѣлъ тебя тысячъ на двадцать.

— На пять тысячъ, не больше. Только это къ дѣлу нейдетъ. Хочешь получить Ольгу Михайловну, такъ въ субботу деньги мнѣ выдай, а не хочешь: чортъ съ тобою и твоимъ банкомъ.

— Мудрено устроить.

— Чего мудрено?! Почитай и въ этомъ портфелѣ не одинъ десятокъ тысячъ лежитъ. У васъ, у жидовъ, денегъ куча.

— Въ какомъ портфель? — обезпокоился Брасъ и прижалъ ногою портфель.

— Въ твоёмъ, конечно, что къ стѣнѣ прислонилъ, — сурово отвѣтилъ Толстобѣговъ.

— Тутъ бумаги и документы.

— Не правда! покажи... Сто рублей держу пари—деньги въ немъ, тысячь тридцать-сорокъ, навѣрное, найдутся. И ѣдешь ты прямо изъ банка, гдѣ и зацарапалъ эти деньги.

— Ну, пусть въ портфель деньги; пускай я везу ихъ изъ банка. Только все же онѣ не мои. Надо ихъ сегодня же дядѣ въ контору сдать. Получилъ по чеку — и отвезу. Даже пяти рублей изъ этихъ восьмидесяти тысячь я взять для себя не могу.

— А тутъ восемьдесятъ тысячь? — освѣдомился Сергѣй и сталъ блѣденъ, какъ полотно.

— Съ хвостикомъ восемьдесятъ.

Брисъ-Доброхотовъ поднялъ портфель и собрался уходить.

— Значить, ничего не будетъ? — со злобою глядя на него, спросилъ Толстобѣговъ.

— Полагаю: банкъ откажетъ. Хочешь: тыщенку-другую по дружбѣ на мѣсяцъ дамъ и то только ради того, что ты съ Бѣльской контрактъ подписалъ: не сманять ея у тебя, а безъ нея твой хоръ—катценъ-мюзикъ, какъ его обзываютъ и газеты, и публика. Дрянъ у тебя, а не опереточные пѣвцы и пѣвицы.

— Нашелся еще ходатай за Бѣльскую! — съ еще большею злобою хрипѣлъ антрепренеръ-артельщикъ. — Нужны мнѣ очень твои двѣ тысячи. Въ кассѣ у меня и сегодня двадцать тысячь.

— А какъ завтра провѣрку устроить?!

— Кто? Хозяева за границей.

— Не хозяева, а сама ваша артель. Хозяевамъ какая бѣда? не дохватить—артель пополнить.

— И откуда же это ты знаешь про ревизию артели?!

— Ну, ужъ тамъ откуда бы ни зналъ, да знаю.

У Толстобѣгова опустились руки. Ревизию артели онъ боялся больше всего. Въ головѣ у него закружилось и на лбу выступили крупныя капли пота. Онъ уже готовъ былъ сдать

на капитуляцію: отдать и театр, и Ольгу Михайловну Шендеру Бриску, только бы выйти из бѣды. Но, поднявъ глаза остановился пораженный: за плечами Бриса-Доброхотова стоялъ Сергѣй, держа въ рукахъ тяжелый мѣдный безмень. Братья безъ слова поняли другъ друга. На нѣмой вопросъ Сергѣя, Толстобѣговъ, промедливъ одну секунду, даль глазами знакъ согласія и затѣмъ онъ уже несомнѣнно ясно могъ понять и различить то, что произошло.

XXXIV.

Произошло, впрочемъ, совсѣмъ немудреное дѣло. Сергѣй, ловко, лѣвою рукою, набросилъ Бриску на голову и лицо его же пальто, а правую ударилъ по темени безменомъ. Еврейчикъ только охнулъ и свалился снопомъ на полъ, выронивъ портфель. Убийца тигромъ бросился на упавшаго и сжалъ обѣими руками его горло. Артельщикъ Николай, въ испугѣ, побѣжалъ къ дверямъ.

— Держи, верни его подлеца! пусть идетъ помогать мнѣ придавить эту падаль,—сдерживая голосъ, командовалъ Сергѣй, все еще неподвижно, какъ въ столбнякѣ, стоявшему Толстобѣгову.—Да держи же! а не то вѣдь дуракъ съ перепугу донесетъ.

Николай былъ изловленъ въ дверяхъ и притащенъ къ хрипѣвшему и еще слабо стонавшему Бриску.

— Становись колѣнками на животъ. Вотъ такъ! Ну, теперь долго не будетъ храпѣть.

И точно: тѣло Шендера Янкелевича вытянулось и замерло; оглушенный ударомъ безмена и удавленный, онъ умеръ. Убийца поднялся съ полу; онъ былъ блѣденъ, но руки его не дрожали и сердитые глаза глядѣли зорко. Очевидно, никакое волненіе не путало его умственныхъ способностей. Поднявъ портфель и открывъ его, онъ хладнокровно сосчиталъ содержимое: было ровно восемьдесятъ тысячъ рублей и еще, въ особомъ отдѣленіи, лежали кое-какіе векселя на довольно крупныя суммы.

Иванъ Петровичъ Толстобѣговъ какъ-то вдругъ потерялъ весь свой авторитетъ передъ Сергѣемъ и смотрѣлъ теперь на него, точно спрашивая: что будетъ дальше?!

Сергѣй невозмутимо продолжалъ считать деньги. Николай, сдвинувъ колѣни съ живота убитаго, почему-то не вставалъ съ полу и тихонько плакалъ.

— Что ты разрюмился?—сердито спросилъ его Сергѣй.

Николай былъ юноша лѣтъ девятнадцати; неожиданность совершившагося такъ его перепугала, что онъ уже подумывалъ не закричать ли въ форточку: караулъ!

— Дяденька! Сергѣй Емельяновичъ... отпустите меня, отпустите! Богомъ клянусь: уйду въ деревню и никому объ убивствѣ ни слова...

— Да это ты что же задумалъ? — оборвалъ его убійца, приостанавливая счетъ денегъ. — Доносить на насъ съ братцемъ задумалъ?!

— Ни, Боже мой! сейчасъ уйду въ деревню. Прѣпадомъ тамъ пропаду...

— Никуда ты не уйдешь и на насъ не донесешь. Ты жиди убишь.

— Какъ же я, дяденька? Вы убили безменомъ...

— Неправда. Я его только такъ долбанулъ... онъ еще хрипѣлъ. Ты сталъ колѣнками на животъ—и онъ подохъ. Ты—убивецъ! прикосновененъ къ эфтому дѣлу больше насъ, выходить. Коли донесешь—на себя донесешь.

Николай отъ этихъ словъ затрясся и еще пуще заплакалъ.

— Однако, чтѣ же мы будемъ дѣлать? — придя окончательно въ себя, спросилъ Толстобѣговъ, до сей минуты молчавшій.

Сергѣй злобно поглядѣлъ на него.

— Что будемъ дѣлать съ деньгами? Хочешь вѣрно знать.

— Нѣтъ! съ тѣломъ... Куда его?!

— Эфту пададь теперъ выносить нельзя—свѣтло. Запрятать придется жиди въ чуланъ, гдѣ сундуки стоять.

— Отпустите меня, дяденьки!—замолился еще разъ Николай и молитвенно сложилъ руки.

Сергѣй взялся за безмень и крикнулъ:

— Вотъ еще поговори, дуракъ! стукну по башкѣ и протянешься рядомъ съ жидомъ. Бери его за ноги, я возьму подъ плечи—и оттащимъ въ чуланъ.

Возвратившись изъ чулана въ контору, Сергѣй вынулъ деньги изъ портфеля.

— Портфель съ прочимъ, что въ немъ находится, надо бросить въ Неву, — пояснилъ онъ. — Денегъ, братъ Иванъ, я тебѣ въ руки не дамъ: проухаешь опять. Завтра, пораньше, выкупить надо всѣ бумаги фирмы «Павловъ, сыновья и К^о» и положить въ шкафъ на мѣсто; слѣдуетъ намъ къ ревизіи изготовиться. Староста артельный, того и гляди, къ десяти часамъ пожалуетъ.

— А я бы думалъ совсѣмъ другое, — замѣтилъ въ раздумьѣ Толстобѣговъ. Не лучше ли забрать всю сумму и бѣжать.

На лицѣ Сергѣя выразилось презрѣніе и даже насмѣшка.

— Этого дурака съ собою прихватить? — указалъ онъ на трясушагося, какъ въ лихорадкѣ, Николая.

— Его можно и не брать.

— А онъ тутъ, думаешь, молчать станетъ?! Сейчасъ же на дяденекъ и донесетъ.

— Ей богу же, не донесу! — взмолился Николай. Разрази меня Господь...

— Молчи лучше... Такъ я и повѣрилъ. Слушай-ка! Кого мы тутъ убили?! Жиденка... Да развѣ же поганого нехристя убить грѣхъ?! Никакого. Живодеръ онъ, кровопивецъ, христіанскую кровь сосалъ. Хорошее дѣло мы сдѣлали — вотъ что. А ты, болванъ, напугался. Жидъ подохъ, значитъ, только раньше срока въ лапы къ чорту поступилъ — и все тутъ. Смотри веселѣе...

Ободривъ этой своеобразной философіей струсившаго юношу, убійца принялся хладнокровно излагать дальнѣйшій планъ дѣйствій.

Бѣжать теперь, по его мнѣнію, было невозможно: безъ заграничныхъ паспортовъ на чужое имя, безъ приготовленій, сейчасъ поймаютъ. Прежде всего, надо скрыть тѣло Брися. Пока хватятся, пока будутъ искать — времени пройдетъ много. Еслибы опасность уличенія стала грозить, можно и бѣжать, но съ деньгами и паспортами, — такъ чтобы не поймали. Толстобѣговъ, послѣ небольшой нерѣшимости — онъ думалъ о восьмидесяти тысячахъ, которыя забралъ Сергѣй, — одобрилъ планы брата. Контора была заперта съ мертвымъ евреемъ. Сергѣй взялъ съ собою все еще не очухавшагося Николая, а Иванъ Петровичъ, условившись сойтись съ братцемъ въ

трактиръ «Биржа» къ десяти вечера, пошелъ домой пѣшкомъ.

Онъ шелъ и обсуждалъ про себя все случившееся. Не то, чтобы онъ былъ очень взволнованъ, потрясенъ, но и прежняго спокойствія въ душѣ не было. Онъ не убивалъ Брися... Это онъ твердо помнилъ; онъ не убійца. Но какъ ни толкуй: соучастникомъ убійства онъ несомнѣнно былъ. Конечно, убитый—только жидъ; жалѣть поганого жиденка, кровопійцу, много не приходится; деньги, захваченныя у еврея, спасали его отъ великой бѣды: отъ суда за растрату и тюрьмы. Съ этой стороны все обстояло благополучно, но... но было очень много разныхъ *но*, тревожившихъ Толстобѣгова. Необходимо было, прежде всего, найти мѣсто, куда спрятать трупъ. Куда спрятать... какъ?! Сергѣй предполагалъ: пріѣхавъ на лошади вечеромъ, увести за городъ и бросить тѣло въ прорубь Невы. Но какъ пріѣхать, откуда добыть лошадь? Съ кучеромъ лошадей достать не мудрено, а взять съ извожничьяго двора сани съ лошадыю, хотя бы и подъ предлогомъ прокатиться, не значить ли: возбудить подозрѣніе и самимъ отдаться въ руки сыщиковъ? И дадутъ ли еще лошадь съ санями... За этимъ затрудненіемъ являлись еще другія: хватятся сегодня же Брися и, пожалуй, доберутся, что онъ поѣхалъ въ контору «Павловъ, сыновья и К^о» и оттуда уже не выѣзжалъ. Можно, конечно, сказать, что онъ былъ и ушелъ, но... Тутъ, вдругъ, особое сложное чувство наполнило суровую душу Толстобѣгова; онъ сталъ искренно сожалѣть: зачѣмъ убили жидка. Дорого бы далъ онъ, чтобы *этого* не было. Завтра могъ явиться артельный староста и обнаружить недочетъ въ кассѣ. Что же изъ этого?! Арестъ за растрату,—не то, что арестъ за убійство. Наконецъ, арестованный за растрату нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, уворованныхъ у миллионной фирмы заводчиковъ, онъ могъ даже рассчитывать на кое-какое снисхожденіе, а теперь?! Въ душѣ его всѣ ощущенія стали смутны; ему сдѣлалось не по себѣ, точно челоуѣку, разомъ выбитому изъ обычной житейской колеи. Старая колея: театральная антреприза, женщины, добыча денегъ, игра по большой въ клубѣ, кутежи, — все это отодвинулось вдругъ далеко, на второй, даже на третій планъ. На первомъ планѣ упорно оказывалось тѣло жидка Брися въ чуланѣ, распростертое на полу, съ лицомъ, закрытымъ по-

люю пальто, сквозь которую проступила и заpekлась кровь изъ головной раны. Картина эта съ поразительною ясностью и рельефностью представлялась Толстобѣгову, какъ онъ ни старался думать о другомъ, какъ ни увѣрялъ себя, что жидокъ почти не человекъ; что убить жида хриstopродавца, — значить сто большихъ грѣховъ загладить. Наконецъ, онъ же вѣдь и не убивалъ. Убилъ Сергѣй, задавилъ окончательно хрипѣвшаго несчастливца дурачокъ Николай, а онъ только стоялъ и смотрѣлъ. Стоялъ и смотрѣлъ — не помѣшалъ, однако... Совѣсть или, правильнѣе, память напоминали ему, что онъ сдѣлалъ роковой знакъ глазами, послѣ котораго колебавшійся Сергѣй ударилъ безменомъ Брися. Полно? Такъ ли было? Онъ просто смотрѣлъ. Глаза ихъ встрѣтились и Сергѣй во взорѣ брата прочелъ роковое: «бей!» Но какъ же это вышло? Увидя поднятую руку Сергѣя съ безменомъ, онъ точно подумалъ: прикончить бы жида. Но неужели въ его взорѣ отразились его мысли?! Дрожь прошла по всѣмъ членамъ крѣпкаго, мускулистаго и всегда глубоко покойнаго духомъ артельщика-театрала, артельщика-мужика, игрока и развратника. До этой минуты онъ никогда не помышлялъ даже, во всѣхъ случаяхъ своей жизни, что существуютъ протесты совѣсти, сожалѣнья о вредѣ, нанесенномъ ближнему; не допускалъ даже понятія, что всякій человекъ — его ближній. Своихъ родныхъ, однодеревенцевъ, онъ отдѣлялъ отъ остальныхъ людей, болѣе мирволилъ имъ, но въ общемъ и они были для него не ближніе въ евангельскомъ смыслѣ, а то же, что для злой дворовой собаки — однодворные псы, съ которыми она не грызется только до первой кости.

XXXV.

До Невскаго отъ конторы водочнаго завода было менѣе версты, но пока Толстобѣговъ дошелъ до угла Владимірской, въ душѣ его и въ умѣ все измѣнилось; онъ сталъ мнителенъ, пугливъ; началъ, идя, озираться и подозрительно наблюдать за прохожими. Объ убитомъ Брисѣ никто, конечно, не могъ еще узнать, но угрюмому артельщику-антрепренеру все казалось, что вотъ-вотъ его остановятъ; кто-то догонитъ, начнетъ допрашивать...

На поворотѣ съ Невскаго, у магазина Соловьева, попался на встрѣчу, на собственномъ рычажкѣ, Хаимъ Шмельцбрудеръ и, остановивъ кучера, закричалъ Толстобѣгову:

— Былъ у васъ Доброхотовъ?!

— У меня?—смутился спрошенный.—Кто былъ у меня?!

— Доброхотовъ. Онъ утромъ мнѣ сказывалъ, что вы просили его заѣхать.

— Никогда и не думалъ просить.

— Какъ?! Значить, онъ у васъ и не былъ?!

— У меня въ квартирѣ не былъ, по крайней мѣрѣ, до десяти утра, когда я ушелъ въ контору.

— И въ конторѣ вашей не былъ?!

— Не... былъ,—едва могъ выговорить Толстобѣговъ и почувствовалъ, что даже волосы на головѣ у него вспотѣли отъ волненія.

— Странно, странно! — проговорилъ Шмельцбрудеръ, снова запахивая полость саней и приказывая кучеру ѣхать.

— А вамъ онъ нуженъ?—не утерпѣлъ спросить Толстобѣговъ, чувствуя, что дѣлаетъ глупость.

— Очень даже нуженъ. Необходимо сейчасъ же знать, гдѣ онъ теперь пропадаетъ. Съ нимъ была большая сумма денегъ; платить надо сегодня въ банки. Меня послали изъ конторы Шмека разыскивать эту пустую голову Доброхотова. Такъ вы ничего не знаете, гдѣ онъ теперь?!

— Ни малѣйшаго понятія не имѣю.

Шмельцбрудеръ уѣхалъ, а Толстобѣговъ принялся бранить себя: онъ долженъ былъ сказать, что Шендеръ Брисъ заѣзжалъ въ контору и уѣхалъ. Очень можетъ быть, кто нибудь видѣлъ, какъ онъ подѣзжалъ къ конторѣ «Павловъ, сыновья и К^о»; наконецъ, разыщутъ извозчика, который привозилъ Брися. Все выяснится. Его заpiresательство передъ Шмельцбрудеромъ, что убитый еврей не былъ у него, только окончательно скомпрометируетъ его.

— О чортъ!—выругался онъ и сплюнулъ.—Надо же было мнѣ такъ струсить! И чего струсилъ?! Этакъ недалеко и выдать себя. Выдать... А и въ самомъ дѣлѣ: не поѣхать ли сейчасъ къ прокурору и не открыть ли всего, что случилось?! Вѣдь онъ, Иванъ Толстобѣговъ, не убивалъ. Пришибъ жида Сергѣй; помогалъ Николай; заграбленные деньги всѣ цѣликомъ

у Сергѣя. Если теперь выдать убійцу, его, Толстобѣгова, на-
вѣрное оправдаютъ... несомнѣнно оправдаютъ...

И, подѣ влияніемъ этихъ соображеній, онъ позвалъ изво-
щика, сѣлъ, противъ своего обыкновенія, безъ ряда и думаль
уже приказать ѣхать по Литейной къ зданію окружнаго суда,
гдѣ именно въ эти часы—онъ это зналъ отъ своего знакомаго
адвоката Перебреховскаго—принимаетъ прокуроръ. Но, вмѣсто
Литейной, въ самое послѣднее мгновеніе, онъ распорядился
взести себя по Невскому къ своему театру, въ которомъ шла
репетиція. Открыть все прокурору помѣшало особое обстоя-
тельство: денегъ въ карманѣ было у него мало. Послѣ доноса,
его сейчасъ же арестуютъ, кассу театральную опечатаютъ,
представленія останоятся, денегъ ни откуда больше ни ко-
пѣйки не поступить.

«Крышка всѣмъ дѣламъ, значить, будетъ,—думаль онъ.—
Безъ денегъ и въ тюрьму идти. Да за что же?! Вѣдь я же
не убиваль. Подлецъ этотъ, разбойникъ Сергѣй убилъ; онъ
все это надѣлалъ и деньги всѣ онъ захватилъ».

Толстобѣговъ опять вытеръ со лба потъ и едва могъ со-
владать со своимъ волненіемъ, входя въ широкій подвѣздъ
«собственнаго театра», какъ онъ любилъ говорить. До этого
роковаго момента, входя въ собственный театръ, честолюби-
вый и спесивый, какъ всякій мужикъ, выбивающійся въ люди,
Иванъ Петровичъ Толстобѣговъ, всегда бываль если не осо-
бенно весель, то неизмѣнно величественъ, самодоволенъ и
самоувѣренъ. Капельдинеровъ, бросавшихся снимать съ него
шубу, мелкое театральное начальство, маленькихъ актериковъ
и актрисъ онъ трактоваль свысока, почти не отличая ихъ
отъ простой театральной мебели, отъ стѣнъ и дверей. Вхо-
дилъ онъ обыкновенно вверхъ по лѣстницѣ тяжелою хозяй-
скою поступью и глядѣль какъ-то внушительно черезъ го-
ловы тѣхъ, съ которыми приходилось говорить. Даже самъ
режисеръ, Васька Петрушевскій, фамиллярничавшій съ Толсто-
бѣговымъ, *тыкавшій* его, не могъ заставить спесиваго антре-
пренера-хозяина обращаться съ нимъ запросто. Актрисы,
имѣвшія къ нему болѣе чѣмъ бы слѣдовало близкія отноше-
нія, конечно, позволяли себѣ разныя вольности на словахъ и
въ обращеніи, но и съ ними онъ держаль себя сердитымъ
мужиномъ, который нѣтъ-нѣтъ, да и оборветъ грубостью, а

то и просто бранью, черезчуръ зарвавшася подчиненнаго. Теперь эта самоувѣренность и величавость исчезли. Въ двери театра онъ не вошелъ, а торопливо шмыгнулъ, точно за нимъ кто гнался; шубу сбросилъ съ плечъ безъ всякой помпы и побѣжалъ, а не прошеествовалъ по лѣстницѣ на сцену. На сценѣ шла репетиція.

Васенька Петрушевскій кричалъ и носился изъ угла въ уголь. Актерикъ въ запачканномъ скюртукѣ и двѣ актрисы, плохо одѣтыя, съ усталыми лицами, вели вяло реплики; въ первомъ ряду креселъ сидѣли рецензенты и какой-то тощій субъектъ—пѣвецъ-комикъ. Но и они не глядѣли на сцену, а занимались своими разговорами; одинъ рецензентъ съ азартомъ что-то доказывалъ, пѣвецъ оспаривалъ, а другой рецензентъ ковырялъ въ зубахъ обломкомъ соломенки. Собственно и глядѣть было нечего. Толстобѣговъ не прошелъ впередъ; а остановился у входной двери.

«Чего это я приѣхалъ сюда?! Какое мнѣ дѣло теперь до всего этого?! — задался онъ вопросомъ. — Тамъ, въ конторѣ, лежитъ неприбранное тѣло этого проклятаго Брися, а я торчу вотъ тутъ. Уйти поскорѣ!.. Нѣтъ, куда же мнѣ дѣваться?.. Идти некуда. Пусть меня видятъ, замѣтятъ, что я спокоенъ, смотрю за своимъ дѣломъ; ни про какого Брися ничего не знаю. Кто меня заподозритъ?»!

И онъ остался у входныхъ дверей, пока его не замѣтилъ суевившійся Петрушевскій и не закричалъ:

— Иванъ Петровичъ, голубчикъ... Что ты стоишь такимъ казанскимъ сиротою? Шествуй на подобающее твоему величію мѣсто въ первомъ ряду. У меня къ тебѣ пропасть дѣлдовъ.

— А какихъ это? — угрюмо отвѣтилъ Толстобѣговъ, не двигаясь съ мѣста.

— Денежныхъ... разумѣется, денежныхъ. Платить надо.

И онъ, ухвативъ угрюмаго антрепренера подъ руку, зашепталъ ему, что двѣ актрисы-гастролерши не выдутъ на сцену, если имъ сегодня же не уплатятъ разовыхъ.

— А вѣдь безъ нихъ нельзя ставить «Восточный гаремъ». Не одной же Бѣльской купаться и пѣть. Гаремъ—такъ гаремомъ и долженъ быть: всѣ одалиски должны разоблачаться передъ публикою. Въ этомъ, другъ Ваничка, вся соль оперетки. Плати, братъ.

— И заплачу.

— Еще надо группѣ выдать жалованье. За истекшій мѣсяцъ кое-кто взялъ въ счетъ—и только.

— Надо заплатить,—согласился Толстобѣговъ.

Петрушевскій даже удивился: такъ легко шелъ на расплату его хозяинъ, всегда жилившій и оттягивавшій уплату денегъ антрепренеръ.

«Ишь, какой хорошій стихъ на него напалъ»,—подумалъ онъ и заявилъ кстати, что и ему деньги до зарѣзу нужны.

— Подождешь!—отвѣтилъ Толстобѣговъ и задумался. Но когда Петрушевскій разсыпался въ доказательствахъ о необходимости получить сейчасъ, сегодня же, онъ вдругъ замѣтилъ, что театральный хозяинъ не слушаетъ его, не слѣдитъ за его рѣчью и смотреть куда-то вдаль.

— Эге! да съ тобою, братъ Ваня, что-то приключилось,—догадался Петрушевскій, оборвавъ потокъ доказательствъ о необходимости немедленно выдать ему деньги.

Толстобѣговъ продолжалъ смотрѣть вдаль, ничего не отвѣчая.

— Ты или влюбился, если только такое дерево, какъ ты, можетъ влюбляться, или съ тобою несчастіе приключилось?—поставилъ режисеръ свой вопросъ ребромъ. — Какъ у тебя дѣла по кассѣ? А? Да, говори же мнѣ откровенно. Ты въдь знаешь: я твой другъ.

— Въ кассѣ... у меня въ кассѣ... А чтѣ можетъ тамъ у меня случиться?! Заперта касса!—точно испугавшись чего-то, вдругъ съ оживленіемъ заговорилъ Толстобѣговъ.

— И ревизіи не было?

— И ревизіи никакой не было. Хозяева за границую. Да я теперь и ревизіи не боюсь.

— Тогда чего же ты такой ошпаренный?!

— Нездоровится. Нечего, однако, пустое болтать: идемъ въ контору и разсчитаемся.

— О, идемъ, идемъ!

И Васенька Петрушевскій весело побѣжалъ въ контору, гдѣ и заполучилъ для расчетовъ болѣе тысячи рублей,—другими словами болѣе, чѣмъ надѣялся въ самыхъ смѣлыхъ пареніяхъ своей фантазіи.

— Этакая у него нынче на деньги щедрая минута при-

шла!—сообщалъ режисеръ членамъ труппы, снабжая ихъ деньгами.

— Надѣется на успѣхъ оперетки и Бѣльской,—послышалось между актерами.

— Не то, совсѣмъ не то! — затыгиваясь папироской, шутить Васенька.—Я своего друга, Ваничку, знаю: никакія надежды на завтра не сдѣлають его сегодня щедрѣе.

— Такъ что же такое на него повліяло?!

— А видѣли вы его мрачную фізіономію?!

— Да, угрюмъ и сердить.

— Вовсе не сердить, а только угрюмъ. Это большая разнища. Я полагаю,—и Петрушевскій понизилъ голосъ,—нашъ антрепренеръ либо въ карты сплutowалъ и выигралъ большой кушъ, либо...

Всѣ насторожили уши.

Балагуръ закурилъ новую папироску, затынулся и сказалъ:

— Либо просто кого нибудь ограбилъ.

— Ну, вотъ что выдумалъ!

— Экъ, ляпнулъ!

— Ну, съ какой стати грабить солидному комерсанту, да еще и антрепренеру веселаго театра?!—послышались голоса.

Но догадливый Васенька стоялъ на своемъ.

— Другъ Ваничка навѣрное кого нибудь объегорилъ. Можетъ, этихъ самыхъ «Павловъ, сыновья и К^о»; зацапалъ сотню тысячъ и теперь боится.

— Да развѣ ты замѣтилъ, что онъ боится?!

— Не говорилъ бы, еслибъ не замѣтилъ. Я какъ-то громко крикнулъ, онъ такъ и дрогнулъ.

— Нервы это!

— Какія же нервы нашель ты у мужика? У него на душѣ что-то есть—онъ и боится...

XXXVI.

По выходѣ изъ театральнаго подъѣзда, Толстобѣговъ остановился въ раздумѣ. Извозчиковъ вблизи не было. Швейцаръ бросился было позвать сани; онъ остановилъ его рукою и остался стоять въ распахнутой шубѣ, на морозномъ вѣтру.

Въ головѣ его стучали молотки. Онъ снялъ бобровую шапку и освѣжилъ голову. Сознаніе на минуту прояснѣло. Нажатая пружина часовъ—уже стемнѣло и стрѣлокъ не было видно—прозвонила шесть часовъ. До десяти вечера оставалось еще много времени. Куда же дѣваться? Въ десять необходимо было быть въ гостинницѣ «Биржа», гдѣ общалъ ждать Сергѣй. Но куда дѣваться теперь?! Какъ занять остающіеся четыре часа? Толстобѣговъ долго ничего не могъ придумать и вдругъ припомнилъ, что онъ еще не обѣдалъ. Ёсть ему совсѣмъ не хотѣлось. Ближе всѣхъ былъ кабачокъ Доминика; онъ зашелъ туда и велѣлъ дать поѣсть. Ресторанъ, такъ называющійся по фамиліи своего давно умершаго основателя, хорошо извѣстенъ всему фланирующему Петербургу. Онъ на такомъ видномъ и удобномъ мѣстѣ, что обойти его,—когда захочешь поѣсть или выпить,—какъ будто и неудобно. Прямо съ улицы вы входите въ большую залу, гдѣ вдоль длинной стойки у буфета толпится наскоро выпивающій и закусывающій разнокалиберный народецъ. На блюдечко кладутъ слоеный или подовый пирожокъ, жареный на прогорклomъ шмелцѣ, наскоро съѣдаютъ и уходятъ. Мало кто завтракаетъ солидно, присаживаясь къ столу и неторопливо насыщая себя. Для этого имѣются другіе трактиры, гдѣ все это можно продѣлать гораздо удобнѣе, чѣмъ въ залѣ Доминика, съ дверью, поминутно отворяющеюся, переполненной не то чтобы чадомъ, но тяжелымъ запахомъ жира и еще какою-то кислотиною. Ресторанъ Доминика—любимый пріютъ шулеровъ на бильярдѣ и не очень капитальныхъ биржевыхъ зайцевъ; тутъ же кишмя кишатъ маленькіе дисконтеры, все больше изъ «насихъ», т. е. изъ благородныхъ и деликатныхъ жидковъ; всяческіе дѣловые rendez-vous назначаются у Доминика; здѣсь заключаются разныя сдѣлки и производятся *облунаціи*. Шулера пребываютъ въ бильярдной: двое играютъ, а нѣсколько подстрекателей-загонщиковъ сидятъ на диванахъ и заводятъ *мазу*. Въ этомъ вся соль и суть. Посторонній, попавшій въ этотъ вертепъ, видитъ обыкновенно двухъ господъ, неровно играющихъ. За лучше играющаго ставятъ мазу какія-то постороннія, солидныя и не солидныя личности и выигрываютъ. Плохой игрокъ, повидимому, находится въ легкомъ подпитіи. Постороннему кажется легкимъ дѣломъ выиграть деньги и онъ начинаетъ

держатъ пари за хорошаго игрока. Сначала, пока пари маленькія, ему обыкновенно везетъ. Но азартъ и ставки увеличиваются; рюмки подаются и выпиваются; хлопаютъ пробки пивныхъ бутылокъ. Хорошій игрокъ начинаетъ горячиться, проигрывать, но не такъ просто и грубо, чтобы можно было заподозрить, что онъ поддается, а тонко и ловко ведетъ линію игры, дѣлаетъ много шаровъ и вдругъ, у конца партіи, перебрасываетъ шаръ черезъ бортъ, даетъ на себя киксъ, ставитъ свой шаръ у борта, а противнику подставляетъ всю игру. Партнеръ-противникъ, показывая все больше и больше опьяненія, бьетъ кіемъ зря, не цѣлится и дѣлаетъ, однако, при этомъ самыя большія шары. Въ притворномъ азартѣ онъ вызываетъ желающихъ повысить ставку и, въ концѣ концовъ, всѣхъ неизмѣнно обыгрываетъ. Послѣ честная компанія дѣлится выигрышемъ, а обобранные пижоны никакъ не могутъ понять, какъ это они проигрались. Толстобѣговъ зналъ всѣ эти приемы и, разумѣется, его не могли поддѣть благородные артисты, но онъ, зайдя въ бильярдную, продолжалъ сидѣть и глядѣть на играющихъ. Въ бильярдной было накурено и въ ушахъ трещало отъ сталкивающихся шаровъ, отъ сквернаго жаргона присутствующей публики, но все же здѣсь было уютнѣй и покойнѣй сравнительно съ буфетной, гдѣ тошнило и отъ одного запаха пресловутыхъ пирожковъ. Толстобѣговъ съѣлъ какую-то дрянъ и, выпивъ пять рюмокъ водки, чтобы убить время, сидѣлъ и глядѣлъ на играющихъ. Онъ мало слушалъ и почти не различалъ, кто и какъ играетъ. Погруженный въ свои невеселыя думы, сердито вскидывая глазами, когда кто либо, изъ «загонщиковъ дичи» пробовалъ обращаться къ нему, онъ скоро отпугнулъ всѣхъ и очутился въ совершенномъ одиночествѣ. Онъ все думалъ и думалъ. Чѣмъ ближе подходило время, когда надо было съ Сергѣемъ ѣхать въ контору и убрать оттуда мертваго еврея, тѣмъ замѣтнѣе усиливалось его волненіе, сильнѣе кипѣла злоба: зачѣмъ это *такъ* случилось?! Какъ могъ убить Сергѣй?! Какъ онъ самъ допустилъ до убійства? Что теперь будетъ? Неужели же вѣчно, всю жизнь, придется выдерживать подобныя муки: неустанно думать о «подохнемъ жидѣ» и не знать покоя ни на одну минуту?!

Теперь, и только теперь, онъ понялъ, что хотя убить чело-
вѣка иногда такъ просто и немудрено, но потомъ—потомъ

наступает периодъ особенно тяжелый, даже страшный. Человѣкъ, точно судно, потерявшее руль, кружится на одномъ мѣстѣ, въ заколдованномъ кругу, подчиняясь всякому случайному вѣтру, всякому влиянію, своему собственному, часто безпричинному страху, неестественной молчаливости или болтливости, наводящимъ подозрѣнія. Убийца обыкновенно самъ себя выдаетъ. А почему?! Онъ сорвался, вышелъ изъ колеи. И въ этомъ все его несчастье, вся опасность и весь трагизмъ положенія.

Не то, чтобы совѣсть мучила Толстобѣгова, нѣтъ... Иванъ Петровичъ прежде всего убѣдилъ себя, что онъ Брися не убивалъ. Сергѣй и Николай убили. Потомъ... Онъ ненавидѣлъ теперь мертваго еврея больше, чѣмъ живаго, когда тотъ угрожалъ ему ревизіей кассы. Но зачѣмъ же онъ его никакъ не можетъ позабыть, не можетъ освободить своего мозга отъ назойливо засѣвшей въ немъ страшной драмы убійства?! Какъ онъ живо, болязненно помнитъ послѣдній—насмѣшливый, самодовольный—взглядъ убитаго еврея, предлагавшаго ему уступить театръ и уже собиравшагося уйти; помнитъ звѣрское лицо Сергѣя и жилистую руку, поднимавшую безмень; но тверже всего онъ помнитъ нѣмой вопросъ, сдѣланный глазами убійцы: «бить, что ли»?! Онъ не можетъ забыть эти выпятившіеся сѣрые глаза Сергѣя, никогда до того времени не смотрѣвшаго такъ грозно, повелительно и неумолимо гнѣвно.

— Да развѣ я подаль тогда ему знакъ глазами «убивай»— въ сотый разъ задалъ себѣ вопросъ Толстобѣговъ и какимъ-то неистово-громкимъ голосомъ вдругъ крикнулъ:

— Водки! большую рюмку... двѣ разомъ!

Водка была ему подана; онъ выпилъ залпомъ и немного успокоился. Сидѣвшіе рядомъ покосились на него, но промолчали. Въ бильярдную вползли двѣ какія-то личности въ теплыхъ пальто, застегнутыхъ подъ самый подбородокъ и въ шляпахъ. Румяныя отъ мороза щеки украшались большими носами, полными, точно вывороченными губами, изъ-за которыхъ блестѣли здоровые, крѣпкіе зубы, могущіе многое перегрызть и сгрызть. Обѣ личности примостились возлѣ Толстобѣгова, потребовали по рюмкѣ кюммелю и, пока имъ подали, продолжали заранѣе начатый разговоръ.

Акцентъ разговаривавшихъ былъ самый бердичевскій.

Одинъ, причмокивая языкомъ, категорически заявилъ:

— Куда онъ дѣвался?!. Никакъ я этого не пойму.

— Пропалъ. Такъ-таки совсѣмъ пропалъ?!.

— Совсѣмъ пропалъ.

— Шмельцбрудеръ что же говорить?!.

— Да собственно и онъ ничего не знаетъ. Ну, получилъ изъ банка деньги, поѣхалъ; намѣренъ былъ заѣхать тутъ въ одну водочную контору. Справлялись: говорятъ, въ конторѣ не былъ. И засимъ уже никакихъ слѣдовъ.

— А извощикъ, который его возилъ?!.

— Ищутъ. Сыскная полиція вся на ногахъ. Одна надежда найти извощика. Съ нимъ была большая сумма: больше ста тысячъ и документы.

— Это просто поразительно: человекъ днемъ пропадаетъ на улицѣ столицы!..

Толстобѣговъ, сначала не обращавшій никакого вниманія на новыхъ своихъ сосѣдей, вдругъ, при послѣднихъ словахъ, вздрогнулъ; не было сомнѣнія: они говорили объ исчезновеніи Брися-Доброхотова. Вотъ тотъ, чтó сидитъ подальше курчавый, въ очкахъ, упомянулъ даже про водочную контору; онъ—изъ банка Израила Шмека, а другой... Толстобѣговъ узналъ сейчасъ и другаго: это бухгалтеръ банка, гдѣ, очевидно, Брисъ получилъ по чеку деньги, оказавшіяся у него въ портфель. Бухгалтеръ близко зналъ Ивана Петровича и только еще не запримѣтилъ его въ дымной атмосферѣ бильярдной. Черезъ минуту-двѣ онъ будетъ уличенъ... Толстобѣговъ сорвался съ мѣста: ему показалось, что все открыто и его сейчасъ арестуютъ.

— Иванъ Петровичъ!. куда вы?! — закричалъ ему кассиръ банка, узнавшій его. Какимъ вѣтромъ васъ сюда занесло?

Необходимо было остановиться и поздороваться. Проклиная въ душѣ зоркость евреевъ, Толстобѣговъ остановился, выслушалъ странную исторію исчезновенія Брися-Доброхотова и пропажи ста тысячъ рублей.

— Что? Какъ вы думаете?—горячился курчавый бухгалтеръ, выпячивая свои губы и блестя крѣпкими, острыми, какъ у волка, зубами. Можно ли теперъ безопасно ходить по столычнымъ улицамъ, если люди на нихъ, среди бѣла дня, исче-

заютъ безъ слѣда. Какъ вамъ это нравится?!. Какова у насъ полиція? я васъ спрашиваю...

Говорящихъ окружила цѣлая толпа неиграющихъ завсегдадаевъ — «доминиканцевъ». Они очень обрадовались загадочной исторіи. Отставной интендантскій чиновникъ, со лбомъ, — благодаря лысинѣ, — втрое обширнѣйшимъ, сравнительно со лбами самихъ геніальныхъ людей, перебивая негодующаго бухгалтера, закричалъ:

— Держу пари: вашъ пропавшій Доброхотовъ просто бѣжалъ съ деньгами въ Америку.

— Что вы говорите?!. Доброхотовъ, Александръ Яковлевичъ, да вѣдь онъ родной племянникъ самого Израиля Шмека и его вѣроятный наслѣдникъ.

— Сто тысячъ тоже большія деньги.

— Да, для васъ, для меня, но не для Шмека, дѣлающаго миллионные обороты. Не такъ поставленъ былъ Доброхотовъ, чтобы бѣжать съ какими нибудь ста тысячами.

— Ну, значить, чортъ его схапалъ раньше срока.

— Какъ чортъ? Что такое «чортъ схапалъ»? Вы просто заврались, господинъ!

Интендантскій чиновникъ звонко расхохотался.

— Не сердись, Юсиль Юсилевичъ! пошутилъ я, — заговорилъ онъ, трепля по плечу обиженнаго бухгалтера. Сознайся, однако: вѣдь есть же въ народѣ слухи: будто васъ, жидковъ, чортъ иногда хватаетъ? А?!

— Глухая шутка! почему чортъ будетъ хватать именно евреевъ?!. Почему не хватать ему интендантскихъ хапугъ?!. То-то же. Молчали бы лучше.

Въ другое время, Ивана Петровича очень бы заинтересовала и развеселила эта исторія о чортѣ, захватывающемъ жидовъ; онъ бы прибавилъ и отъ себя кое-что, такъ какъ вообще не любилъ эту націю. Но теперь онъ даже не улыбнулся; торопливо пожалъ руку знакомымъ ему еврейчикамъ и даже совсѣмъ незнакомому «интендантскому хапугѣ», и вышелъ изъ бильярдной.

Сердце его сильно билось. Не смотря на морозъ, его лобъ покрылся потомъ. Онъ взглянулъ на часы въ окнѣ Мозера: было безъ четверти десять. Онъ просидѣлъ больше трехъ часовъ въ Доминиканскомъ вертепѣ, въ атмосферѣ дыма ко-

пѣчныхъ сигарь, вони отъ прогорклаго сала и дыханья сотенъ людей. Давно пора было ѣхать въ коммерческій трактиръ.

XXXVII.

Коммерческій трактиръ, или гостинницу, составляетъ длинный рядъ низкихъ, непрезентабельныхъ комнатъ съ закоптѣлыми потолками, еще болѣе закоптѣлыми окнами, вытертыми полами и внѣшностью давно непровѣтриваемой и неподметеной квартиры. Во всѣхъ углахъ пахнетъ жилимъ. Посѣтители, уходя, очевидно, невольнѣ уходятъ, а оставляютъ часть самихъ себя: свой собственный запахъ, часть грязи со своихъ сапогъ; повсюду валяются окурки папиросъ, неубранныя тарелки съ недоѣденными остатками съѣстнаго; за всѣми столами сидятъ купцы, ужинающіе, закусывающіе, разговаривающіе. Къ десяти часамъ вечера, правда, народу этого много убываетъ, но на смѣну являются незанятые актеры изъ Александринки, разные подвыпившіе господа; мечутся въ глаза еще чуйки и рваные кафтаны, засѣдающіе по укромнымъ уголкамъ. Это—барышники театральными билетами. По окончаніи своихъ операцій у подъѣздовъ театровъ и въ ожиданіи заказовъ на-завтра, они приходятъ подъ гостепріимный кровъ «Биржевой»—дѣлать свои подсчеты и перехватить наскоро.

Среди этихъ людей, во второй комнатѣ у окна, Толстобѣговъ нашель Сергѣя, кончившаго ужинъ—апетить у него нимало не пострадалъ послѣ убійства Брися—и курившаго папиросу. Противъ него сидѣлъ блѣдный, съ испуганнымъ лицомъ и устремленными въ пространство глазами, артельщикъ Николай. Увидя входящаго братца, Сергѣй, ничего не говоря, всталъ, сосчиталъ сдачу, поданную ему половымъ, не оставивъ ему ни единого пенязя, чѣмъ тотъ остался весьма недоволенъ, и пошелъ изъ гостинницы. У дверей онъ оглянулся на Николая. Несчастный мальчикъ съежился, но не посмѣлъ послушаться грознаго «дяденьки» и пошелъ за Сергѣемъ. Толстобѣговъ, тоже молча, выбрался на крыльцо.

На дворѣ стояли сани, сданныя на попеченіе дворнику. Сергѣй сѣлъ за кучера, а Толстобѣгову указалъ на лавочку сидѣнья, чтобы смотрѣть за Николаемъ.

— Держи его! уже два раза дуракъ этотъ пытался сбѣжать,—убѣждалъ онъ брата. Тотъ ничего не отвѣтилъ, но подумалъ, что и онъ бы не прочь сбѣжать, какъ Николай.

— Дяденьки, родимые... отпустите!—замолился Николай.

— Отпущу, отпущу! Вотъ дай только покончить дѣло,— не оборачиваясь съ козелъ, отвѣтилъ суровый убійца, съ ожесточеніемъ постегивая лошадь.

По дорогѣ Толстобѣговъ старался не думать, какъ онъ войдетъ въ темную контору, въ которой лежитъ мертвый Брисъ-Доброхотовъ. Онъ былъ еще на три четверти простой крестьянинъ, не смотря на весь свой столичный развратъ, на всю эту уличную цивилизацію; другой цивилизаціи онъ, конечно, не видалъ. Въ Бога и его святую благодать оцивилизовавшійся по своему мужикъ плохо вѣрилъ, но чорта боялся, мертвеца тоже боялся. Живой Брисъ нимало не внушалъ ему страха, но мертвый... Онъ бы дорого далъ, чтобы не входить въ контору, не думать о «подохшемъ» еврей,— и, однако же, долженъ былъ войти первымъ. Контора состояла изъ двухъ комнатъ во второмъ этажѣ и имѣла особую лѣстницу. Ни швейцара, ни постоянного сторожа при ней не было. Фирма «Павловъ и К^о» вела дѣла по старинкѣ, просто, безъ модныхъ затѣй. Еслибы изъ кассы пропали деньги, отвѣчала бы артель. Къ чему держать тунеядцевъ—швейцара или сторожа?

Войдя въ первую комнату, Иванъ Петровичъ сейчасъ же попятился назадъ.

— Что ты? Отдавилъ мнѣ ноги! цыкнулъ на него, шедшій вторымъ, Сергѣй.

— Пахнетъ.

— Ври больше! Какъ онъ могъ провонять, когда и двѣнадцати часовъ нѣтъ, какъ подохъ?!

— Однако же пахнетъ. И завтра будетъ въ конторѣ этотъ запахъ.

— Фортку отвори за кассой, вотъ что!—распорядился Сергѣй и грозно крикнулъ отставшему за дверями Николаю:

— Что жь ты завязъ тамъ?!. Входи!

— Не войду, дяденька! хоть убей, не войду.

— Войдешь...

И взявъ за шиворотъ, при помощи Толстобѣгова, онъ

втокнулъ въ комнату помертвѣлаго Николая. Всклипывая и читая молитвы, глуповатый парень долженъ былъ пройти въ чуланъ и, при свѣтѣ зажженнаго огарка, взявъ тѣло Брися, недвижно распростертое на полу, выволочить его въ контору. При этомъ пола пальто, закрывавшая голову убитаго, свалилась и мертвое лицо со стеклянными зрачками глянуло... Каждому изъ трехъ участниковъ, не исключая и ожесточеннаго Сергѣя, показалось, что глаза мертвеца смотрять именно на него, что ротъ кривится въ насмѣшливую улыбку, а кровоподтеки и запекшіяся сгустки крови дѣлали это мертвое лицо, при трепетномъ, невѣрномъ свѣтѣ огарка, просто страшнымъ.

Николай, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, завылъ и выбѣжалъ на лѣстницу. Оба брата торопливо подняли мертваго, надѣли на его разбитую голову шляпу, закутали въ пальто и, взявъ подъ мышки, точно пьянаго, потащили съ лѣстницы на подъѣздъ, у котораго стояла привязанная лошадь. Въ сани, на сидѣнье, сѣли Николай и Сергѣй, поддерживая тѣло Брися, а Толстобѣгову, которому нужно было еще разъ, одному, поднявшись въ контору, отворить форточку, загасить огарокъ и запереть дверь,—предстояло сѣсть на козлы и править. Лошадь была смиренная извозничья кляча и править ею было нетрудно. Но совсѣмъ иное казалось антрепренеру-артельщику войти одному въ контору, въ которой убили человѣка. Его душилъ запахъ начавшаго уже разлагаться мертвеца; пугали мракъ и страшная тишина въ комнатѣ; пугали воспоминанія совершеннаго въ ней злодѣйства и его участіе въ немъ.

«Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!» шепталъ онъ, выбѣгая вонъ и торопливо хлопая дверями и замкомъ. Очутившись на козлахъ, Толстобѣговъ погналъ лошадь во всю прыть. Минувя уголь, онъ такъ круто повернулъ, что сидѣвшіе въ саняхъ Сергѣй и Николай едва удержались и не выронили на панель мертваго, отяжелѣвшаго уже, Брися.

— Чортъ, дьяволь! не гони такъ...—заругался Сергѣй, одинъ справляясь съ тѣломъ, такъ какъ помертвѣвшій со страха Николай только ёжился и плакалъ.—Чего гонишь, какъ на пожаръ?!. Могутъ остановить еще за скорую ѣзду.

Толстобѣговъ и самъ понялъ свою неосторожность и вы-

ѣхалъ на освѣщенную электрическимъ свѣтомъ Владимірскую уже легкою рысью. Онъ ѣхалъ и смотрѣлъ по сторонамъ; ему все казалось, что ихъ странный поѣздъ непременно замѣтятъ; минуя стоявшихъ на постахъ городскихъ, онъ чувствовалъ, какъ начинало усиленно биться его сердце и замирало; онъ все ждалъ грознаго окрика: «Эй, стой! кто тамъ въ саняхъ встроемъ?!. стой!»! Но городовые или не смотрѣли на проѣзжавшихъ, или имъ не казалось удивительнымъ, что на узенькихъ саняхъ, сидѣло трое, и изъ нихъ двое, едва держась по сторонамъ, поддерживали въ срединѣ третьяго—пьянаго. Тѣло Брися-Доброхотова, закутанное въ пальто, съ нахлобученной шляпой, легко было принять за пьянаго. Только у фонаря, на поворотѣ къ Невскому, шляпа сползла на затылокъ и блѣдное, мертвое лицо глянуло на какого-то встрѣчнаго прохожаго до того страшно, что онъ отшатнулся. Но и прохожій ничего похожаго на истину не разгадалъ, а подумалъ только:

«Экъ его! до чертиковъ, видно, допился... снѣга бѣлѣе, бѣдняга».

Морознымъ вечеромъ Невскій проспектъ,—при двойномъ освѣщеніи электрическихъ фонарей и свѣта изъ оконъ магазинововъ,—красивѣйшая улица вообще красиваго зимою Петербурга. Свѣтло, какъ днемъ; точно бѣлый лунный свѣтъ, усиленный въ десять разъ, залилъ широкой проспектъ. Но свѣтло только внизу. Вверху нѣтъ луны; вверху виситъ тяжелый, черный мракъ, въ который, точно въ черную бездну, уходятъ четвертые и пятые этажи огромныхъ домовъ. Видъ улицы очень оригиналенъ; ѣдешь и созерцаешь впереди какой-то коридоръ, суживающійся къ концу, уставленный фонарями и рядами зданій; по немъ спѣшаютъ прохожіе, катятся экипажи; слышится слитный шумъ и отъ времени до времени прорѣзываются рѣзкіе свистки городскихъ и дворниковъ. Если вы доѣдете до конца Невскаго, предъ вами выступитъ темная масса Зимняго дворца съ окнами, только частью и слабо освѣщенными, съ гигантскою Александровскою колонною передъ главнымъ дворцовымъ подъѣздомъ, на вершинѣ которой ангелъ кажется парящимъ въ воздухѣ. За колонною чернѣетъ, въ полуосвѣщенномъ рѣдкими фонарями пространствѣ площади, арка Главнаго штаба съ колесницею славы и взвивши-

мися во мракъ четырьмя бронзовыми конями. Дворцовая площадь, вечеромъ, обыкновенно пустынна; только къ сторонѣ бульвара, у Адмиралтейства, попадаются рѣдкіе прохожіе, торопливо бѣгущіе и кутающіеся отъ рѣзкаго вѣтра съ Невы. Рѣка за площадью еще пустыннѣе, особливо къ полуночи. Съ лѣвой стороны ее обхватываетъ безконечный рядъ фонарей, почти непрерывающійся; съ правой—Петербургская сторона и Васильевскій островъ; здѣсь дуга фонарей нѣсколько разъ разрывается. За Мытнымъ перевозомъ, у крѣпости—мракъ. Оттуда, изъ Финляндіи, со взморья, катятся тяжелыя снѣговыя тучи, налегая надъ городомъ бѣловато-грязнымъ тяжелымъ валомъ, на фонѣ котораго рѣзко выдѣляется красивое зданіе биржи и фонари-гиганты, стоящіе у края набережной.

Проѣзжая по Невскому, Толстобѣговъ не смѣлъ гнать лошадей. Хотя вечеромъ ѣздить скорѣе и полиція, въ виду уменьшенія прохожихъ, глядитъ на рысачниковъ и троечниковъ снисходительнѣе, но Иванъ Петровичъ постоянно осаживалъ лошадей; ему все казалось, что вотъ-вотъ раздастся окрикъ: «чего гонишь? стой!» Второпяхъ онъ даже сбился со своей руки и сани, дѣлая зигзаги, забѣжали налѣво, вызывая тѣмъ брань и проклятія ѣхавшихъ навстрѣчу кучеровъ.

— Держи ровнѣе, чортъ! право же чортъ! оглупѣлъ! шипѣлъ сзади грозный голосъ Сергѣя.—Съ тобою пропадешь... Что же ты мечешься, какъ раздавленный?! громче крикнулъ онъ на братца, когда сани выѣхали на дворцовую площадь.

— Бери налѣво, мимо Сената по набережной, тутъ будетъ поменѣ прохожихъ...

И сани полетѣли этою дорогою, сравнительно пустынной; только въ окнахъ дворца Полякова (бывшемъ графа Борха) горѣли всѣ окна: банкиръ-еврей, вѣроятно, давалъ балъ. Дальше шли уже совсѣмъ темныя дворцы-дома, рѣдко и скупо освѣщенные кое-гдѣ тусклыми огоньками. Конторы, банки, желѣзнодорожныя правленія вечерами не освѣщены и пусты. За Николаевскимъ мостомъ, ярко и рѣзко выдѣлившимся своими огнями и суетой изъ окружающаго безмолвія набережныхъ, пошла уже Англійская набережная, совершенно пустынная, съ заброшенными снѣгомъ причалами пароходовъ, съ темнымъ зданіемъ Новаго адмиралтейства. У этого послѣдняго былъ спускъ на Неву. Сергѣй съ трудомъ растолковалъ своему, по-

терявшемуся отъ ужаса, братцу, гдѣ надо поворачивать. Но вотъ сани, наконецъ, очутились на льду. Кругомъ никого не видно, тьма и безмолвіе прерываются одними завываніями рѣзкаго вѣтра съ устья рѣки. Только рѣдкіе фонари освѣщали обсаженную елочками дорогу по льду на противоположный берегъ; только гдѣ-то далеко, за Горнымъ институтомъ, горѣло болѣе яркое освѣщеніе рабочей и фабричной части Васильевскаго острова. Поперекъ Невы и чрезъ весь Васильевскій островъ, по которой-то изъ его безчисленныхъ линій, все усиливая бѣгъ лошади, пронесся страшный поѣздъ съ мертвымъ тѣломъ, въ ту пустынную и безлюдную мѣстность, гдѣ лежитъ Смоленское кладбище, протекаетъ Средняя Нева, и за нею идутъ рощи совершенно уже пустыннаго зимою Петровскаго острова. За Тучковымъ мостомъ, свернувъ налѣво, сани снова съѣхали на ледъ. Фонарей вблизи уже не было. Во мракѣ впереди лежало устье рѣки, взморье, съ правой—тянулась роца, а съ лѣвой—гдѣ-то далеко во мглѣ ночной, сквозь пелену медленно падающаго снѣга, чернѣли далекія зданія фабрикъ и тянулись полосы дыма, выбрасываемаго изъ высокихъ заводскихъ трубъ.

XXXIX.

Жутко и страшно было въ полночь въ этой пустынѣ. Остановивъ сани, Сергѣй, сохранившій одинъ хладнокровіе и присутствіе духа, поручилъ братцу Ивану стеречь все собиравшагося удрать, полупомѣшаннаго отъ страха, Николая и лошадь съ трупомъ Брися, а самъ пошелъ отыскивать прорубь.

— Я тутъ днемъ былъ,—говорилъ онъ, удаляясь и исчеза въ мракѣ. Прорубь, должно быть, гдѣ-то по близости. Гляди, не оплошай безъ меня и не выпусти Николая...

Голосъ убійцы, по мѣрѣ удаленія, становился все глуше и глуше, и вотъ вся его фигура мало по малу исчезла, какъ черное пятно, растаявшее на бѣломъ снѣгу.

— Дяденька, голубчикъ, пусти меня!—взмолился Николай, пытаясь вылѣзть изъ саней. Мочи моей нѣтъ. Вцѣпилъ въ мою руку мертвецъ.

— Чего ты, дурашный, боишься?—угovarивалъ его Тол-

стобѣговъ, которому и самому жутко стало.—Мертвъ вѣдь жидокъ. Гдѣ же ему вѣспитися? Тѣло только отяжелѣло и навалилось.

- Ахъ, дяденька, Иванъ Петровичъ! онъ меня убьетъ.
- Кто убьетъ?! Да развѣ мертвый можетъ кого убить?!.
- Не! не мертвый. Царство ему небесное. Мой грѣхъ супротивъ его невольный. Давнулъ я его по приказу.
- Тогда кто жъ тебя убьетъ?!.
- А іонъ, убивецъ этотъ—Сергѣй.
- Ну, ври больше. За что онъ тебя станеть убивать? Вотъ спустимъ жида въ рѣку, вернемся домой; я тебѣ дамъ денегъ—поѣзжай съ Богомъ въ деревню.

— Не! не! ты, Иванъ Петровичъ, може и пустилъ бы меня, а іонъ не отпустить—убьетъ. Я ужъ знаю: живаго не пустить. Не такой человекъ... Боятся: донесу. А какъ доносить мнѣ: самъ вѣдь убивству причастенъ? Словечка не скажу, попу на духу не проболтаюсь, уѣду въ деревню... Иванъ Петровичъ, отецъ родной! не отдавай меня на убивство Сергѣю. Пожалѣй христіанскую душу.

- Тихе ты! еще кто услышитъ.
- Кому услыхать?! Нарочно въ такую пустыню завель, обоимъ намъ тутъ и будетъ конецъ. Онъ и тебя убьетъ, чтобы, значить, жидовы деньги взять себѣ безъ раздѣла.

Холодный потъ прошибъ Толстобѣгова отъ этихъ рѣчей плачущаго мальчика.

«А что какъ и впрямь Сергѣй задумалъ убить ихъ обоихъ?! Нѣтъ, быть не можетъ. Какъ онъ послѣ объяснить, куда дѣвался главный кассиръ и младшій артельщикъ? И зачѣмъ ему убивать?! Деньги и безъ того онъ всѣ прибралъ одинъ. Николай обезумѣлъ отъ страха и плететь невѣсть что». Толстобѣговъ еще не окончилъ своихъ размышлений, когда изъ мрака послышался голосъ Сергѣя:

- Сюда! правѣе держите!—кричалъ онъ.

Сани тронулись и скоро остановились въ двухъ шагахъ отъ широкой проруби. Тутъ брали ледъ для ледниковъ; морозу большаго не было и полынья не успѣла замерзнуть. Черная вода плескала въ края обмерзлыхъ, скользкихъ береговыхъ льдинъ, окружавшихъ пространство свободной воды въ нѣсколько сажень шириною.

— Здѣсь? — спросилъ Толстобѣговъ брата, собственно ради того, что дальше молчать казалось ему невыносимою пыткой.

— А то куда же еще намъ возить жидка?! — сердито огрызнулся Сергѣй и скомандовалъ:

— Берите поганца за ноги и вѣлокомъ тащите къ закраинѣ; ну, толкайте въ воду... Пойдите! нѣтъ ли у него чего въ карманахъ?!

И Сергѣй хлоднокровно началъ осматривать карманы убитаго, приговаривая:

— Часы съ цѣпочкой. Надо взять и припрятать, пригодятся. Бумажникъ... завтра посмотримъ, что въ немъ. Теперь готово. Толкайте его въ воду. Николай, ступай сюда на мою сторону. Подтолкни жидка. Вотъ такъ — поплыветъ теперь... въ Кронштадтъ, а то и дальше...

Тѣло Брися свѣсилось со льдины, заколыхалось въ полыньи и быстро скользнуло подъ ледъ; теченіе засосало и скрыло его на вѣки вѣковъ въ холодныхъ глубинахъ Невы и залива. Толстобѣговъ все еще смотрѣлъ на то мѣсто полыньи, гдѣ было и пропало тѣло еврея, какъ вдругъ слухъ его поразилъ рѣзкій, жалобный, молящій крикъ.

— Дяденька! Сергѣй Емельяновичъ! родимый... За что ты?! Помилосердуй... ой! ой! ой!

Онъ глянулъ и обмеръ. Сергѣй сзади толкнулъ ногой Николая и свалилъ его въ прорубь; мальчикъ вопилъ, плавалъ и хватался за скользкія закраины льдинъ, но вытѣзть самъ не могъ.

— Что ты?! что ты, злодѣй, дѣлаешь? — закричалъ онъ Сергѣю и бросился помогать Николаю выбраться изъ воды. Но убійца заступилъ дорогу.

— Куда ты? Себя побереги. Пустить дурака на волю, онъ тебѣ покажетъ: завтра же донесетъ... пропадемъ!

— Дяденька, Иванъ Петровичъ, спаси! — захлебывался мальчикъ, вцѣпившись ногтями въ льдину. Его засасывало и тянуло подъ ледъ; онъ почти уже выбился изъ силъ.

— Я его вытащу, — рѣшилъ Толстобѣговъ.

— Вотъ только ступи одинъ шагъ... Видишь?! окрикнулъ Сергѣй и показалъ толстую дубину. Дамъ по башкѣ и отправлю туда же.

Наступила минута нерѣшимости и колебанія. Эта минута погубила Николая. Грозя братцу дубиною, Сергѣй наступилъ сапогомъ на оледенѣлые пальцы мальчика, вцѣпившіеся въ льдину. Кости хруснули; раздался еще одинъ крикъ, жалобный, почти ребячій,—и мальчикъ нырнулъ подъ ледъ.

Прошло, по крайней мѣрѣ, минутъ пять, пока голова Ивана Петровича Толстобѣгова могла снова соображать; пока ужасъ, оковавшій его члены, уступилъ мѣсто жгучему опасенію за свою собственную участь. Отступая задомъ, онъ добрался до саней и вскочилъ, подбирая наскоро возжи. Но Сергѣй прямикомъ, шагая по цѣлинѣ снѣга, уже успѣлъ прійти раньше и держалъ лошадь подъ устцы. Онъ сѣлъ на козлы, вырвалъ возжи у братца, обозвалъ его дуракомъ и, не торопясь, поѣхалъ по прежней дорогѣ къ Тучкову мосту.

XI.

Прошло два мѣсяца послѣ смерти Брися-Доброхотова. Нѣгова-Бѣльская пріобрѣла скоропреходящую популярность опереточной дивы; имя ея привлекало публику; объ ея пѣніи и игрѣ писали досужіе рецензенты, точно это было и невѣсть какое важное дѣло. Она жила уже не въ прежней квартирѣ, въ которую ночью, въ первый разъ, зашелъ Толстобѣговъ. Нанялъ ли ей кто просторное и удобное помѣщеніе, или она сама, съ перемѣною обстоятельствъ, подыскала его, но только артистка съ семействомъ—двумя дѣтьми и свекровью—занимала теперь на хорошей улицѣ, неподалеку отъ Фонтанки, квартиру въ пять комнатъ, въ третьемъ этажѣ, со швейцаромъ на лѣстницѣ, съ высокими потолками и свѣтлыми, большими окнами. И мебель у нея была не прежняя, рыночная, а отъ Андреева изъ Апраксина, то есть не новая, но хорошей работы. Въ залѣ стоялъ небольшой рояль Шредера. Ольга Михайловна предпочитала пѣвучій шредеровскій тонъ бравурному тону блестящихъ беккеровскихъ инструментовъ. Въ самой мебелировкѣ проявлялась артистическая особенность: въ лицевыхъ комнатахъ—въ гостиной и небольшомъ будуарѣ—мебель не торчала симметрично на указанныхъ обычныхъ мѣстахъ, а была небрежно раскинута въ изящномъ безпорядкѣ. Васька Петрушевскій, сдѣлавшись навсегдаемъ въ квартирѣ

хорошенькой примадонны, охотно по нѣскольку разъ передвигаль и переставляль диваны, столы и стулья, чтобы выходило уютнѣе и комфортабельнѣе. Онъ помогаль Ольгѣ Михайловнѣ во всемъ—отъ пѣнья и разучиванія ролей до устройства квартиры. Своего друга, Ваничку Толстобѣгова, онъ хитро подбилъ дать Бѣльской довольно выгодный контрактъ и совершенно отказаться отъ интимныхъ отношеній съ ней.

— Для успѣха твоего театра ты обязанъ это сдѣлать,—говорилъ онъ Толстобѣгову:—половина успѣха Бѣльской—толпа ея поклонниковъ. Она ни съ кѣмъ не сближается и всѣ остаются въ надеждѣ будущихъ благъ; всѣ на ея сторонѣ. Ну, и пусть ихъ остаются и надѣются. Вообрази теперь: въ публикѣ узнають, что она съ тобою близка... Крышка, братъ, всему дѣлу будетъ. Кто ея заинтересуется?! Потомъ и газеты...

— Чортъ бы ихъ побралъ, этихъ газетчиковъ! Шантажисты! вотъ кто они,—возразилъ Толстобѣговъ.

— А все же полезный народъ. Споетъ Бѣльская новую пѣсенку, сыграетъ рольку пикантную—глядь, идетъ статья, другая, третья, юмористическое стихотвореніе... Все это даетъ извѣстность, понимаешь?! Публика думаетъ: богъ знаетъ какое диво у насъ на сценѣ—и валить въ театръ. Дай Ольгѣ Михайловнѣ свободу. Мало ли женщинъ?! Не портъ собственного дѣла. Я тебѣ такую канашку отыщу въ нашей же труппѣ, что всѣ пальчики оближешь.

Толстобѣговъ сдался на увѣщанія друга Васеньки. Вообще, послѣ катастрофы съ Брисемъ, онъ какъ-то упалъ духомъ, сталъ нерѣшителенъ, боязливъ, и все задумывался, хотя ни малѣйшей опасности ему пока не грозило. Слѣдственная власть не могла и заподозрить преступленія въ конторѣ богатаго водочнаго фабриканта. Правда, кое-кто изъ сыщиковъ верхнимъ чутьемъ своего носа навѣдывался о немъ, но изъ этихъ развѣдокъ ничего не вышло. Ивана Петровича угнетало особое обстоятельство: лицо Сергѣя, постоянно торчавшее предъ нимъ въ конторѣ и напоминавшее страшное дѣло; затѣмъ давило его полное душевное одиночество. Онъ бы хотѣлъ все рассказать кому нибудь, открыть душу; отъ этого, по его убѣжденію, стало бы ему много легче, но не было никого, предъ кѣмъ онъ могъ бы открыться. Къ Нѣговой-

Бѣльской онъ заѣзжалъ часто. Ему казалось, что она—единственный человѣкъ, которому можно все сказать, не боясь предательства; казалось, что она непременно выведетъ его своимъ умнымъ совѣтомъ изъ темной бездны нравственной сутолоки и страха судебного преслѣдованія. Чтобы не утратить дружбы веселой и умной женщины, онъ согласился, по первымъ намекамъ Петрушевскаго, дать ей выгодный контрактъ, затѣмъ прервалъ свои, очевидно оскорблявшія ея самолюбіе, интимныя отношенія; обѣщалъ ей даже дать полный бенефисъ въ лучшее время, на масляницѣ. Съ признаніями объ угнетавшей его тайнѣ, онъ, однако же, воздерживался. Признанія эти были у него много разъ на языкѣ. Покази она малѣйшій знакъ сочувствія, любопытства—утомленный нравственной пыткой Толстобѣговъ во всемя бы открылся; выплакалъ бы предъ нею и свою больную душу, и свой смертный страхъ. Но Нѣгова-Бѣльская только дивилась неожиданной добротѣ и деликатности мужика-антрепренера; не догадываясь, она все приписывала вліянію и совѣтамъ Петрушевскаго. Чтѣ творилось въ тайникахъ души и сердца этого мужика, какъ онъ искалъ дружескаго уха и сочувственнаго вниманія, объ этомъ ей и въ голову не приходило.

Режисеръ Васенька отлично ладилъ съ нею и находилъ удовольствіе просиживать цѣлыя часы въ ея квартирѣ. Она съ нимъ не стѣснялась, дѣлала свое дѣло, а пьяный или трезвый Васенька брэнчалъ на роялѣ, возился съ дѣтьми, болталъ со старухой-свекровью, передавая ей,—съ привираемъ, конечно,—свои театральныя воспоминанія и анекдоты, не всегда скромнаго свойства; онъ уходилъ, возвращался по нѣсколькы разъ въ день, часто вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь изъ хорошихъ знакомыхъ или актеровъ, и у Бѣльской—у своей Олечки—былъ какъ дома. Пьяноватый, ненадежный человѣкъ въ обыкновенной колеѣ жизни, Петрушевскій имѣлъ неоспоримо артистическую душу и натуру заправскаго актера. Свой театръ онъ считалъ дѣломъ, а не ремесломъ, не средствомъ только добывать деньги; на хорошій голосъ, выразительную игру смотрѣлъ, какъ на нѣчто серьезное, а не просто, какъ на предметы, удобные для эксплуатаціи. Къ Ольгѣ Михайловнѣ онъ привязался именно потому, что она обѣщала въ будущемъ развернуться настоящей артисткою. Васенькѣ, въ

трезвомъ и пьяномъ состояніи, не разъ казалось, что въ роляхъ Нѣговой-Бѣльской проблескиваетъ искра таланта, святаго огня; у нея были, по его мнѣнію, моменты, напоминавшіе Лядову. Игру же этой покойной талантливой исполнительницы ролей Елены и Периколы, Петрушевскій считалъ верхомъ совершенства, идеаломъ, добиться котораго значило вернуть хорошія опереточныя времена семидесятыхъ годовъ, когда въ оперный театръ шли не только ради обнаженія и двусмысленныхъ куплетовъ, но и искусства ради.

Расхаживая по комнатамъ Нѣговой и передавая ей свои, много разъ уже пересказанныя, театральныя приключенія, Петрушевскій всегда заканчивалъ фразой:

— Вы, моя милая Ольга Михайловна, работайте; изъ васъ выдетъ артистка. Ну, поль—Лядовой выдетъ—и то хорошо. Въ—какъ хорошо! Слушайте меня.

— Я васъ и то слушаюсь, — опуская на колѣни свое шитье, отвѣчала Нѣгова. Въ свободное время она обыкновенно что нибудь работала для дѣтей или для себя.

— Гмъ! вы вотъ смотрите на меня теперь хорошими, добрыми глазами—и мнѣ съ вами хорошо. За это я васъ люблю, Оленька! вы не претендуете на мою фамиллярность?!

— Нимало. Безъ васъ я не знала бы, какъ и ступить.

— Интригъ у насъ въ закулисномъ міркѣ много. Съ интригантками въ особенности гдѣ вамъ совладать?! Я вотъ отвадилъ друга Ваничку ѣздить къ вамъ послѣ ужина.

На лицѣ Ольги Михайловны выступилъ румянецъ. Ей всегда было досадно и стыдно вспоминать свои бывшія отношенія къ Толстобѣгову.

— За это я вамъ особенно благодарна. Онъ... онъ, правда, сдѣлалъ для меня много, поднялъ съ улицы, артистическую карьеру даль.

— Артисткою васъ сдѣлалъ я, а не онъ.

— Пусть и такъ. Безъ Толстобѣгова я, однакоже, никогда бы на сцену не попала. Все это я помню и сознаю, чѣмъ обязана ему, но... но такъ расплачиваться... жить съ нимъ—грубымъ и грязнымъ мужикомъ—было выше моихъ силъ.

Петрушевскій подошелъ къ буфету, досталъ графинъ съ померанцевкой, выпилъ рюмку, потомъ другую, и остановился въ нерѣшимости.

— Не пейте больше!—вскидывая на него большіе ласковые глаза, замѣтила Нѣгова.—Сегодня, не забудьте, репетиція.

— Развѣ еще одну рюмашечку?!

И онъ пропустилъ еще рюмочку, прошелся по комнатѣ и продолжалъ свои поученія:

— Мужикъ—мой Ваничка, это вѣрно; животное онъ грязное, грубое и скупое,—и это вѣрно; артистическое дѣло для него все едино, чтѣ для коровы воскресенья. Но вѣрь, Оля, моей опытности: и такихъ сиволапыхъ отучивать отъ себя не слѣдуетъ. Всѣ нужны, всѣ пригодятся!

По теоріи Петрушевскаго выходило вѣрно, какъ аксіома, что опереточная артистка должна была, прежде всего, нравиться публикѣ, приобрести огромный кругъ обожателей. Безъ этого прочный успѣхъ на сценѣ немислимъ. Въ серьезной оперѣ еще можно успѣвать, опираясь исключительно на свой талантъ: брать однимъ голосомъ, поражать, напримѣръ, въ драмѣ и комедіи одною игрою, а въ опереткѣ... гмъ! здѣсь совсѣмъ другое дѣло. Необходимо, чтобы зритель понималъ припѣвъ:

Смотрите здѣсь! смотрите тамъ ..

Нравится ль все это вамъ?!

И чтобы это «тамъ» и «здѣсь» непременно многимъ нравилось. Опереточная артистка должна нравиться не только со сцены, но и за сценой: въ уборной, въ квартирѣ, какъ артистка и какъ женщина. Она должна привѣтливо принимать всѣхъ и принимать ото всѣхъ подношенія, какъ дань своему таланту...

XLI.

— Какъ же это?! Что вы говорите и чему учите меня, Василій Филипповичъ?!—недоумѣвала на первыхъ порахъ Нѣгова, слушая странныя поученія своего ментора.—Не могу я принимать подарки, особенно цѣнные, отъ совершенно чуждыхъ мнѣ людей, отъ полузнакомыхъ, съ которыми не желала бы и сблизаться. Подарки обязываютъ...

— Ни къ чему они васъ не обязываютъ!

Режисеръ Васенька при этомъ садился и доказывалъ по пунктамъ неоспоримость своего положенія.

— Что такое подарокъ? Знакъ уваженія... Мужчина заинтересованъ и подносить цвѣты—это въ началѣ!—туалетную вещьцу, наконецъ—выигрышный билетъ, какъ почти всегда выражаютъ свой восторгъ наши уважаемые комерсанты. Обыкновенныхъ свѣтскихъ женщинъ принятіе подарка, а денежнаго въ особенности, еще можетъ обязывать къ чему нибудь, хотя и въ слабой степени: подарокъ адресованъ въ этомъ случаѣ только женщинамъ. Но артистка, но пѣвица, которою восхищаются тысячи лицъ... Это совсѣмъ изъ другой оперы мотивъ! Подношенія, дѣлаемые артисткѣ или артисту, только доказываютъ, что у него талантъ и обязываютъ его въ одномъ развѣ отношеніи: онъ долженъ играть и пѣть съ талантомъ. Развѣ я, Василій Петрушевскій, которому въ Харьковѣ купцы поднесли серебряную стопу-ведро, въ двадцать фунтовъ вѣсомъ, въ Кіевѣ дорогой хронометръ съ цѣпочкою, въ Нижнемъ Новгородѣ пять выигрышныхъ билетовъ въ бархатномъ бумажникѣ,—развѣ я чѣмъ либо обязывался предъ ними? Почему же вы, артистка, будете чувствовать себя стѣсненною передъ лицомъ, напримѣръ, апраксинца Нила Потапыча Колеснина, послѣ того какъ онъ потратилъ на подношеніе вамъ одну-другую тысячу?! Милѣйшая Ольга Михайловна! вы приняли подарки—и все тутъ, а самого Колеснина можете и не принимать.

— Совсѣмъ не принимать?!

— Затѣмъ же совсѣмъ? Этакъ онъ и подносить перестанетъ. А ласково, ласково держите его на благородномъ разстояніи, дабы мужикомъ близко отъ васъ не пахло. Запахъ этотъ—принюхаться ко всему можно—инымъ прочимъ изъ вашихъ поклонниковъ, пожалуй, и претить будетъ. Вамъ же они всѣ, милая моя, нужны и чѣмъ ихъ больше тутъ толчется, тѣмъ лучше. Около великой артистки Лядовой стояла труба нетолченая. И страсть много пили тогда!

— Я не могу пить.

— Другое время нынче. Я вотъ человекъ прежняго времени и не могу не выпить.

Петрушевскій снова выпилъ и на минуту осовѣлъ.

— А есть у васъ допель-кюммель? — освѣдомился онъ. Нѣгова-Бѣльская покачала укоризненно головой, но встала и подала ему графинчикъ съ этимъ напиткомъ.

— Когда много выпьешь водки, рюмка допель-кюммелю протрезвляеть,—въ раздумьѣ замѣтилъ Петрушевскій.

— Можетъ ли быть?! крѣпкій вѣдь онъ—прекрѣпкій.

— А вотъ увидите. Выпью рюмашечку и голова станеть свѣжа, какъ будто и ничего не пилъ. Но знаете, Оленька, допель-кюммель у васъ покупной?!

— Конечно, покупной! А то какой же еще можетъ быть?!

— Вотъ видите: оттого онъ и не вкусень, не протрезвляеть человѣка. Это сахарное пойло съ водкою, а не допель-кюммель. Такимъ и Толстобѣговъ угостить, сколько пожелаете, любого рецензента. Но развѣ одинъ Афиногенъ только не разбереть и не выплеснетъ эту дрянъ.

— Я прикажу купить для васъ лучшаго. Этоть, дѣйстви-тельно, русскій; надо иностраннаго разлива.

— Только не купить.

— Да вѣдь не дорого же. И для васъ, Василій Филипповичъ, я рада...

— Ради Аполлона и всѣхъ девяти музъ не покупайте. Надо, чтобы вамъ дюжину настоящаго допель-кюммеля поднесли восхищенные поклонники. Такой обойдется вамъ дешевле и вкуснѣе будетъ.

Режисеръ, при этомъ, хитро посмотрѣлъ на неопытную артистку и выпилъ охаяннаго имъ допель-кюммеля еще одну «рюмашечку».

XLII.

Поученія Петрушевскаго не оставались безрезультатными. Ольга Михайловна понемногу усвоивала себѣ нѣсколько безцеремонную и несовсѣмъ чистоплотную философію опереточнаго міра. Она понемногу привыкла смотрѣть на толпу поклонниковъ своего гѣнія и игры, какъ на несомнѣнный источникъ дохода. Сообразуясь съ этимъ, ея благосклонность, улыбка, приглашеніе на чашку чаю послѣ спектакля—все больше и больше строго распредѣлялись лишь между богатыми и щедрыми любителями оперетки. Остальныхъ она трактовала пренебрежительно. Афиногенъ Собакевичъ назвалъ ее жадною, хищною птицею; Выпивохинъ явился къ ней въ квартиру однажды утромъ и безъ церемоніи спросилъ:

— Нравятся ли вамъ, Ольга Михайловна, похвалы, расточаемыя «Столичнымъ помойнымъ ведромъ» вашему голосу и игръ?!

— Ну, разумѣется, нравятся. Я очень вамъ благодарна, — отвѣтила артистка.

— Въ такомъ случаѣ платите.

— Кому и за что?!

— А за похвалы платите редакціи нашей черезъ меня.

— Но какъ же это?! Я бы желала безпристрастной оцѣнки моего дарованія, отзывовъ не купленныхъ, а если за все это платить, какая же это будетъ оцѣнка?!

— Самая правильная. Мы не станемъ васъ безусловно хвалить; въ рецензіяхъ разберутъ добросовѣстно вашу игру и пѣніе. Не будетъ только предвзятой тенденціи обругать. Это важно! Поймите меня хорошенько: какое дѣло нашей газетѣ, собственно говоря, слѣдить за вашею игрою, за игрою другою — третьей артистки?! Много предметовъ найдется и поинтереснѣе. Мы, однако, за вашей карьерой слѣдимъ, васъ хвалили, упоминая ваше имя чуть ли не въ каждомъ номерѣ, въ стихахъ и прозѣ. Сдѣлало ли это вамъ рекламу?! Сдѣлало, конечно. Вы отказываетесь платить — и мы *замолчимъ*. Публика начнетъ забывать васъ. Это будетъ для васъ первое предостереженіе. Станете упрямитесь, начнемъ и мы въ хроникѣ, мелькомъ, кстати и некстати, упоминать, что вотъ Бѣльская — артистка, столь много общавшая, нейдетъ по пути развитія таланта; голосъ у нея пропадаетъ, манера пѣнія многого оставляетъ желать, игра дѣлается банальной... Гмь! можно и дальше продолжать въ томъ же духѣ.

— Но это же несправедливо.

— Совершенно вѣрно. Вы, благодаря газетамъ и, конечно, своему таланту, приобрѣли популярность, а популярность даетъ вамъ деньги. Не желаете платить намъ за наше благо-склонное содѣйствіе, мы похлопочемъ, чтобы публика васъ позабыла, — выдвинемъ другую артистку.

— Нѣтъ, прошу, лучше ужъ не хлопочите въ такомъ направленіи, — рѣшила, подумавъ атакованная артистка и угорворилась платить «Столичному помойному ведру» ежемѣсячно по сту пятидесяти рублей.

Выпивохинъ всталъ очень довольный. Онъ сдѣлался снова

весьма учтивъ и любезенъ и, крѣпко пожимая хорошенькія ручки Нѣговой-Бѣльской своими большими и мозолистыми лапами, высказывалъ въ видѣ интимной, дружеской откровенности:

— Не подумайте, чтобы это все... я для себя. Какое?! я вѣдь тоже на оброкѣ хожу. Нашъ издатель требуетъ, чтобы всякая рубрика его газеты давала доходъ, а театральная рубрика и тѣмъ паче должна родить деньги.

— Но вѣдь, кажется, всѣ антрепренеры посылаютъ въ редакцію ежедневно объявленія, дорого оплачиваемыя?

— Несомнѣнно посылаютъ. Въ буфетахъ всѣхъ загородныхъ и вообще частныхъ театровъ, кромѣ того, для рецензентовъ открыть кредитъ; всякій долженъ, а платить буфету зачастую контора антрепризы. Ничего не подѣлаешь! Но это касается репутаціи собственно театровъ, а не артистовъ. Поймите: это существенное различіе. Артисты, чтобы публика ихъ не забывала, должны платить съ своей стороны. Одинъ театръ, гдѣ ведетъ дѣла Провскій, никому ничего не платитъ. Самъ онъ пишетъ въ газетахъ. Зато вѣдь какъ же и ругаютъ его театръ, его репертуаръ и его артистовъ всѣ прочія газеты!

Ольга Михайловна засмѣялась.

— А я думала на будущій сезонъ перейти въ театръ Провскаго?! Онъ звалъ и обѣщалъ переговорить съ антрепренеромъ.

— Не посовѣтовалъ бы я вамъ этого.

— Развѣ ужъ тамъ такъ плохо?!

— Не плоше, чѣмъ и повсюду, но ругать-то васъ всѣ станутъ, общимъ хоромъ, дружно. И затѣмъ уже послѣ, на иной сценѣ, вамъ трудненько возстановливать разъ пошатнувшуюся репутацію.

Послѣ посѣщенія Выпивохина, послѣ того какъ Васенька Петрушевскій, даже не предупредивъ ее, далъ за ея счетъ сто рублей въ долгъ (до греческихъ календъ) Афиногену Собакевичу и выпросилъ для себя особо еще сто рублей, Ольга Михайловна до того перепугалась за свое финансовое положеніе и грядущіе ресурсы, что при первомъ же визитѣ къ ней Нила Потаповича Колеснина, наивно заговорила объ удручающихъ ее долгахъ: туалетъ очень дорогъ, дѣти требуютъ

воспитанія, старуха — лѣченія, а тутъ еще эти срывы и оброки, уплачиваемые рецензентамъ...

Лицо Нила Потаповича просіяло отъ этихъ рѣчей. Онъ сейчасъ же предложилъ пятьсотъ рублей.

— Разумѣется, я беру у васъ въ долгъ—до моего бенефиса?— значительно смотря въ глаза размякшему купцу, говорила артистка.

— Ну, тамъ въ долгъ—не въ долгъ, а берите.

— Нѣтъ! Если даете въ долгъ, я возьму. Хотите расписку сейчасъ напишу?!

— Расписки не надо. Что расписка?! Не пошлю же я къ вамъ судебного пристава описывать вашъ скарбъ. Пятьсотъ, тысяча рублей, намъ — солиднымъ торговцамъ — наплевать. Берите, голубушка Ольга Михайловна. Тамъ послѣ сочтемся.

Колеснинъ былъ щедръ и влюбленъ. Еслибы тутъ же скоро, на первыхъ порахъ, артистка сдалася, Ниль Потаповичъ навѣрное не очень бы высоко поставилъ ее въ своей лавочнической оцѣнкѣ; подсчиталъ бы потраченныя на нее сотни рублей и подумалъ, что онъ, пожалуй, по «дурости своей», такую уйму денегъ извелъ на совсѣмъ неважную бабенку. Мало ли бабья на свѣтѣ и за «эфтотъ товаръ» основательному купцу дорого платить не приходится. Теперь же сильно пострадившись (онъ много приподнесъ Бѣльской цвѣтовъ и золотыхъ бездѣлушекъ) и оставаясь постоянно при пиковомъ интересѣ, купчина готовъ былъ уже на всякія жертвы и глупости. «Раззадорился», значить. Въ нѣкоторомъ родѣ, онъ даже чувствовалъ себя серьезно влюбленнымъ въ «актерку».

— Охъ, заклюй ее муха! обошла, околдовала меня,—говорилъ Колеснинъ, подвыпивши, въ трактирѣ «Ягодка»,—гдѣ соединялись для чаю и водкопитія всѣ купцы изъ рынка, — своему другу, тоже купцу, Сидору Бутримовичу.—Совсѣмъ я къ ней пристрастился. Сижу въ лавкѣ, отъ дѣловъ голова трещить, а думаю про нее. Самъ вѣдь знаю: ну, баба — что особеннаго?! Наплевать бы и вся тутъ недолга. Анъ, нѣтъ—шалишь! День не повижу—тосковать начинаю. Этому чорту, ейному кіатерному хозяину, Ванькѣ Толстобѣгову — банкротшка онъ, вотъ что!—второй вексель бланкировалъ. И заплачуть мои денежки, знаю: заплачуть. А отказать невозможно: за кулисы можетъ не допустить, въ будуарную... Смерть

моя, люблю видѣть барыньку не въ полномъ туалетѣ. Въ полномъ-то одѣяніи всякій увидитъ ее, за свои три рубля, на сценѣ. Еще она не жадная. Другая бы на ея мѣстѣ вѣ—какъ дурашливаго нашего брата обирала. Охотно жертвую...

Бутримовичъ, уже староватый и лысый купецъ, — сосѣдъ Колеснина по лавкѣ,—только сердито вскинулъ глазами изъ-подъ нависшихъ густыхъ сѣдыхъ бровей, слушая эти непутевыя рѣчи солиднаго комерсанта.

— Нехорошо говоришь, братецъ.

— Самъ знаю: ничего хорошаго. Да все же будетъ она моя. Хотя бы полъ-лавки стоила—будетъ.

— Берегись, Ниль Потапычъ!—заворчалъ Бутримовичъ.— Эдакъ бросать на актерокъ деньги—недолго и шубу выворотить.

— А хотя бы и шубу выворотить, только бы моя была.

— Дешевле можно.

— Какъ же дешевле?

— Женись. Ты вѣдь вдовый.

Колеснинъ ничего на это не отвѣтилъ. Мысль жениться на актеркѣ показалась ему, на первыхъ порахъ, просто дикою. Онъ даже выругался. Но тѣмъ не менѣе эта мысль засѣла въ его упрямой головѣ. Онъ только утѣшалъ себя тѣмъ, что авось и безъ женитьбы бабенка полюбитъ. Полюбитъ! Толстый, съ краснымъ лицомъ, крупнымъ и угреватымъ носомъ; неотесанный грубіянь, лѣтъ поды пятьдесятъ, пресерьезно думалъ, что его могутъ и «такъ» полюбить. Ему теперь страстно хотѣлось обладать артисткою, какъ хотѣлось нѣкогда получить на шею большую медаль. Предметъ, коли хорошенько обсудить, совершенно для него бесполезный; но пока онъ его не получилъ, страшное желаніе украсить свою грудь висюлькою на красной лентѣ съ бѣлыми каёмочками не давало ему спать. Онъ жертвовалъ и жертвовалъ, едва «шубы не выворотилъ»; получилъ—наконецъ—медаль, повеличился съ недѣлю и началъ вздыхать, подсчитывая, во что обошлась ему эта «висюлька».

Отдавъ Нѣговой-Бѣльской пятьсотъ рублей, — дѣло было вечеромъ и они были одни въ гостинной,—Колеснинъ закипѣлъ надеждами, какъ новый тульскій самоваръ, подогрѣтый горячими углями.

«Эге! — думаль онъ, радуясь. — Будеть моя... Запросила сама денегъ. Что же?! мало запросила: и еще десять разъ столько въ охоту дамъ».

Сидя неподвижно въ углу дивана и выпучивая глаза на красивую женщину, Ниль Потаповичъ даже вспотѣлъ отъ волненія. Артистка смѣялась, много говорила и весело подшучивала. За чаемъ были поданы закуски и вина. Колеснинъ хорошо выпилъ и почувствовалъ въ себѣ двойной приливъ водочной храбрости и любви. Хозяйка зѣвнула, наконецъ, и объявила: «первый часть!» Очевидно, изъ театра сегодня никто уже не заѣдетъ. Ей пора и спать. Влюбленный апраксинецъ всталъ, взявъ шляпу—шапку и картузь онъ бросилъ носить, начавъ ухаживать за Бѣльской—и вышелъ, сопровождаемый хозяйкой въ небольшую переднюю, изъ которой, кромѣ выходящихъ, были еще двери въ столовую и спальню.

— До свиданія, Ниль Потапычъ! не забывайте меня, загляните на дняхъ; я же кстати именинница на той недѣлѣ въ среду. За одолженіе благодарю.

— Это намъ, при нашихъ средствяхъ, плевое дѣло. Не стоить благодарности. А вы, Ольга Михайловна, вотъ что...

Собиравшаяся уже уйти артистка остановилась и посмотрѣла въ глаза своему гостю.

«Ужъ не хочеть ли онъ, одумавшись, на пятьсотъ рублей взять вексель по своей купеческой сноровкѣ?» мелькнула у нея мысль.

Колеснинъ изъ краснаго сдѣлся багровымъ и вдругъ выпалилъ:

— Дозволь у тебя остаться, миленькая!

Его большая лапа, съ короткими, похожими на обрубки, пальцами, ухватилась за широкой рукавъ ея блузы.

— Богъ съ вами! что вы?! — испугалась Ольга Михайловна, отступая.

— Потому: влюбленъ я въ васъ.

— Да я то въ васъ, Ниль Потапычъ, пока что, не влюблена.

— А вы влюбитесь... ничего не пожалѣю.

— Оставьте... уйдите. Прошу васъ: уйдите! Маша!—вдругъ спохватившись, крикнула Нѣгова. — Возьми свѣчу и посвѣти господину. На лѣстницѣ газъ навѣрное уже погасили...

И пока влюбленный Колеснинъ успѣлъ собраться съ

мыслями, напуганная имъ артистка ушла въ спальню и заперла дверь.

XLIII.

Сходя съ лѣстницы, купчина только моталъ головой, какъ быкъ, котораго оглушили по лбу ударомъ дубины. «Бросить что ли все это дѣло?» — думалъ онъ. — Вотъ и сегодня, зря, выкинулъ пять сотенныхъ. Жалко вѣдь и обидно: за свои деньги въ дуракахъ остался.

Ну, была — не была: нельзя иначе, такъ женюсь. Не я первый изъ купечества женюсь на актеркѣ. Бабенка она хорошая и этакая... весело съ нею.

Вздыхая, онъ поѣхалъ спать домой, почти уже порѣшивъ жениться на Бѣльской. Что артистка за него могла не пойти, объ этомъ ему и во снѣ не снилось. И какъ это могло бы случиться? Вѣдь у него, крупнаго торговца, капиталовъ за двѣсти тысячъ и дѣла большія. Посовѣтовавшись съ Бутримовичемъ, Колеснинъ нѣсколько дней, однако, не ѣздилъ ни въ театръ, ни къ Бѣльской.

— Ты понатужься, потерпи!—говорилъ опытный Сидоръ Парѣеновъ. А, можетъ, дурь съ тебя и соскочить. Бывало это съ другими: снова въ разумъ приходили.

Но дурь не проходила. Поговоривъ съ Васенькой Петрушевскимъ и нарядившись получше, Нилъ Патаповичъ снова поѣхалъ, послѣ спектакля, къ дамѣ своего сердца. Это случилось какъ разъ въ день ея ангела, въ среду. За кулисами уже рѣшили, что Бѣльская выходитъ замужъ за купца-богача и едва ли останется на сценѣ. Актрисы ей завидовали и радовались, но актеры жалѣли: съ удаленіемъ любимой публикою пѣвицы, они опасались и не безъ основанія: какъ бы театръ снова не захирѣлъ.

Толстобѣговъ, услыхавъ сплетню, встревожился и бросился къ другу Васенькѣ за разъясненіями.

— Много ли тутъ правды?

— А я почему знаю?—отрѣзалъ Петрушевскій.

— Да вѣдь ты же у нея цѣлые дни просиживаешь.

— Весело съ нею: хорошая женщина. И Колеснина тамъ видывалъ; ѣздить къ ней часто.

— Хочетъ жениться?!

— А чортъ его знаетъ.

— Не позволю я ей этого.

— Какъ-же ты не позволишь?

— Ея прошлое расскажу жениху. Не женится тогда!

— Подловато вѣдь это будетъ, Ваничка.

— Молчалъ бы лучше. Не ты ли уговорилъ меня прикончить амуры съ Бѣльской?!

— Ну, я уговорилъ. Что же ты потерялъ? Въ театрѣ валѣмъ валить народъ. За эти два мѣсяца положилъ ты въ карманъ пятьдесятъ тысячъ. Что же ты бабы что ли не видалъ?! Одна Олечка только и есть развѣ на всемъ свѣтѣ?

— Не въ томъ дѣло! Колеснинъ, женившись, возьметъ ее со сцены.

— Пстой, братъ! дай мнѣ допель-кюммелю. На-сухо съ тобою не сговорить,—прервалъ своего хозяина Петрушевскій. Разговаривали они въ квартирѣ Толстобѣгова, въ его спальнѣ. Въ углу стоялъ простой березовый шкафчикъ съ напитками. Режисеръ самъ отперъ, порылся и добылъ бутылку съ рюмкой.

— Пей!—сердито фыркалъ Толстобѣговъ.—Хоть всю выпей, я не жалѣю.

— Еще бы ты мнѣ жалѣлъ?! На ноги я поставилъ твой театр.

— И спибешь его съ ногъ, какъ выдетъ Бѣльская замужъ за купца.

— А ты думаешь: уйдетъ?!

— Какое же сомнѣніе? Вѣдь у него состоянія на полъ—милліона.

— Эхъ, ты Ваня, Ваня!—презрительно глядя на говорившаго и проглатывая допель-кюммель, сказалъ Петрушевскій.—И ничего то ты въ нашихъ артистическихъ дѣлахъ не понимаешь!

— И очень даже хорошо понимаю. Уйдетъ она!

— Ни во вѣки вѣковъ за мужика не пойдетъ, не броситъ сцены. Развѣ вотъ онъ ей капиталъ запишетъ. Только вѣдь Колеснинъ — кулакъ и на запись врядъ ли рискнетъ. Да ты меня озолоти, я въ купцы не пойду, чиновникомъ тоже не сдѣлаюсь; я родился актеромъ, актеромъ и умру. Бѣльская твоя—артистка въ душѣ. Окунулась она въ нашу священную

кастальскую купель, пила из источника музъ, служила Аполлону и за торгаша не пойдетъ.

— Ты думаешь, не пойдетъ?—обрадовался Толстобѣговъ.

— Говорю: не пойдетъ. Вѣрь, когда я говорю. Другъ Ваня! и за тебя не пойдетъ, хотя бы ты ужъ навѣрно со сцены ее не взялъ.

— Отчего же за меня не пойдетъ? Дѣла мои...

— Не въ дѣлахъ тутъ суть. Банкротъ ты или богачъ— все это едино. Ты, братъ—прости за откровенность—все еще мужикъ на половину, а не артистъ, а она—артистка.

— А ты артистъ, но плохой и пьяница на первый сортъ! вотъ кто ты. Лучше что ли ты супротивъ меня? — отрѣзалъ Толстобѣговъ.

— Лучше—не лучше, а ей больше сродни. Только что же намъ перекоряться. Ты, Ваничка, лисьей шкурки на свои волчьи плечи не напяливай: ты бы теперь на Бѣльской охотно женился, то есть взялъ бы себѣ въ собственность большой талантъ и большіе доходы извлекалъ бы. Боишься: какъ бже ее у тебя Колеснинъ не отбилъ. Слушай же: поѣдемъ къ Олечкѣ; теперь день ея ангела. Всѣ тамъ собрались наши; самъ увидишь, что Нилу Потапычу, со всѣми его капиталами до нашей звѣзды, какъ до звѣзды небесной, далеко.

И оба друга отправились къ Нѣговой-Бѣльской, хотя уже былъ первый часъ ночи въ исходѣ и собравшіеся у артистки литераторы, актеры и восхищенные поклонники, навѣрное должны были скоро разойтись. На утро, по случаю масляницы, назначенъ былъ утренній спектакль,—Бѣльская выступала въ новой роли и потому не могла долго задерживать гостей.

XLIV.

Очень любопытны и странно пестры на первой взглядъ всѣ эти «на чашку чаю» «ужины» и просто такъ себѣ:—«собранія-сходки» у артистовъ и артистокъ послѣ спектаклей и въ разные торжественные дни. Въ былые годы мы, юноши, всей душой рвались къ лицедеямъ сцены. Встрѣчалось ужъ очень много оригинальнаго; не пахло свѣтской рутинной; рѣчи шли о «высокомъ», о лучшихъ сторонахъ человѣческой природы. Мужчины и женщины, актеры и актрисы, были въ то давно прошедшее

время совѣмъ особый народъ; хорошее и дурное, нравы—обычай, дружба—вражда, вся жизнь и головной интересъ такъ рѣзко расходились у нихъ съ міромъ *не театральнымъ*, что, попавъ въ сценическое стадо Аполлона, намъ казалось, что мы попали на луну, къ существамъ, ничего общаго не имѣющимъ съ людьми, заполняющими обычный, рутинный, свѣтскій мірокъ Санктъ-Петербургскихъ палестинъ.

Теперь многое измѣнилось. Актеры и актрисы нивелировались; стали болѣе «обще-гражданами». Не оттого ли въ нихъ теперь меньше артистической цѣльности? Они блѣднѣе, менѣе оригинальны и на сценѣ и внѣ сцены: нѣтъ у нихъ прежней характерной рельефности. Актера въ обществѣ, безъ указанія, и не отличишь. Конечно, нынѣшней, нерядовой артистѣ, образованнѣе, приличнѣе; до водки не такъ падохъ и говорить можетъ, какъ настоящій интеллигентъ; конечно, онъ сталъ больше общечеловѣкомъ. Но вотъ бѣда: артиста въ немъ какъ будто и убыло. Не ошибаемся ли мы, впрочемъ?!

Бѣльская-Нѣгова принадлежала къ маленькому театральному мірку; она была, по сравненію съ собратіями большой казенной сцены, все едино, что писатель публицистъ малой прессы относительно писателей изъ большихъ газетъ;—этихъ лягушекъ, зачастую раздувшихся до размѣровъ вола. Къ ней охотно заглядывали разные «литературщики»; познакомились два—три художника изъ начинающихъ; вслѣдъ за Провскимъ, на ея «чашку чаю», изрѣдка показывались Юпитеры и Богдыханы большихъ газетъ; ужь очень пріятно было просидѣть часокъ-другой у этой видимо мягкой и доброй женщины, не красавицы, но хорошенькой, пѣвшей съ такою задумчивой сердечностью. Ей многое прощалось. Даже Выпивохинъ не жаждалъ только сорвать съ нея, а Собакевичъ—только выругать. Нашу опереточную восходящую звѣзду трактовали добродушно; ея прошлое просто игнорировали; другой бы не простили а ей прощали успѣхъ даже женщины-товарки. Театральные завсегдатаи, особливо изъ купечества, таяли и подносили подарки.

— А вѣдь вы счастливица!—говорилъ ей Васенька Петрушевскій.

На вопросительный взглядъ Ольги Михайловны онъ пояснялъ:—Вѣдь вамъ, по таланту, далеко до Лядовой.

— Ну, я это знаю, Василий Филипповичъ.

— А любить васъ больше и подношенія обильнѣе; даже сплетничаютъ на васъ меньше.

— Я этому рада.

— И я радъ за васъ. Но дѣло не въ радости. Попытаюсь опредѣлить причину этого: почему именно это такъ складывается.

Бѣльская интересовалась узнать: почему? Философъ-режиссеръ дѣлалъ глубокомысленное лицо и изрекалъ:— У васъ нѣтъ желчи; вы... вы не только артистка, но и женщина! Это хорошо!

«Хорошо ли?—задумывалась Бѣльская.— Не очень ли ужъ я женщина? Черезъ мѣру, исключительно только женщина? Мнѣ бы хотѣлось больше походить на всѣхъ людей, изъ которыхъ каждый больше чиновникъ, артистъ, купецъ, чѣмъ человѣкъ. А, впрочемъ, очень можетъ быть, что всѣ эти тонкія опредѣленія—вздоръ, и мой Василий Филипповичъ вдается въ философію и отвлеченности единственно потому, что много выпилъ допель-кюммелю».

Въ описываемый нами вечеръ, маленькая передняя Ольги Михайловны была завалена шубами, шубками, пальто съ воротниками изъ дорогаго бобра и пальто съ якобы воротникомъ изъ подцвѣченной кошки; накидками, тальмочками и даже просто теплыми платками, въ которые кутались бѣдныя хористки, находившія, что въ апрѣлѣ мѣховыя одежды обязательно должны уже быть сданы на храненіе въ ломбарды. Все, что не помѣстилось на тѣсной вѣшалкѣ, было свалено прямо на полъ. Ходили и сидѣли повсюду въ квартирѣ, даже въ спальнѣ хозяйки, на ея постели. Заперта была одна дѣтская. Толковали, спорили, кричали, подпѣвали, пѣли, пили и ѣли. Но больше пили. Рѣдко кто пилъ одинъ чай; больше глотали чай пополамъ съ коньякомъ или ромомъ; глотали гольемъ ромъ и коньякъ; еще больше народу пило водку. Русскій человѣкъ, по натурѣ, пристрастенъ къ этой непріятной и въ сущности вредной жидкости; мамка что ли его въ младенчествѣ ушибла и онъ съ тѣхъ поръ свирѣпо пьетъ водку, или чортъ испортилъ при рожденіи, но только къ водкѣ у насъ всѣ имѣютъ большое пристрастіе. Никакъ логически не объяснишь, что побуждаетъ умнаго и сердечнаго человѣка заливать разсудокъ жгучей жидкостью, мутящей пониманіе и

извращающей чувства. Къ водкѣ надо привыкнуть; новичковъ отъ нея мутить. Недаромъ же говорится: первая рюмка *коломъ*, вторая—*соколомъ*, остальные же—порхаютъ мелкими пташками. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ привыкать къ вредному напитку?

— Не надо бы пить!—говорить благополучный россиянинъ, находясь на первомъ взводѣ. И обыкновенно добавляетъ:— выпьемъ, братецъ. Была—не была—выпьемъ.—И напивается до чертиковъ и зеленаго змія. Гости Нѣговой-Бѣльской оказывались въ большинствѣ давно уже привычными къ жидкому яду «поповокъ», «смирновокъ», рябинокъ и прочихъ настоекъ, включительно до настоя спирту на русскомъ гвоздѣ. Въ гостинной накрытъ былъ большой обѣденный столъ, весь уставленный бутылками, графинами, тарелками съ грибами, съ нарѣзанной колбасой; стояли открытыя коробки сардинокъ, банки съ омарами; икра зернистая и паюсная, а посрединѣ всего этого — большой кусокъ ростбифа. Это была закуска предварительная, закуска до ужина. Подходили, выпивали и заѣдали; мужчины и женщины накладывали съѣдобное, кто желалъ, на тарелочки, чтобы отойти и съѣсть въ уголку; остальные заѣдали наскоро, стоя, выпитую рюмку, чтобы черезъ минуту снова подойти и выпить.

— А чего бы еше теперь выпить?—спрашивалъ шаршавый комикъ Акильдинъ и задумывался.

Отставной интендатскій чиновникъ—онъ содержалъ прежде лѣтній театрикъ и даже на сцену въ роляхъ лакея и «народа» выходилъ—тоже подошелъ къ столу.

— О чемъ задумался? Игра нашей Бѣльской что ли смущаетъ?! А?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ! что тутъ думать?! На этой работѣ пусть газетчики изопряются, а я думаю о болѣе существенномъ.

— Подѣлись, сообщн.

— Думаю: чего бы еше выпить?

— Экъ отрѣзалъ. Да вотъ рябиновка—глотаи.

— Пилъ уже, много разъ пилъ.

— Наливай англійской горькой.

— И безъ нея горько.

— Ну, такъ примись за поповку или смирновку. Блондинки эти проще, къ натурѣ ближе.

*

— Геніально, братецъ, ты рассуждаешь. И знаешь ли: въ первый разъ въ жизни ты поумнѣлъ.

— Ври больше!—замѣтилъ необидчивый интендантъ.

И оба налили по громадной рюмкѣ бѣлесоватаго сиводѣра, выпили, поморщились, закусили солененькимъ и, заживъ, что по *одной* пьютъ только подлецы и жиды, выпили по второй. Афиногенъ Собакевичъ распорядился практичнѣе: придвинулъ стулъ къ столу и пилъ, не отходя, даже не закусывалъ, а только икалъ въ антрактахъ. Вокругъ него стояли меньшія дѣти театральнаго Аполлона, но онъ ихъ—и женщинъ и мужчинъ—сурово *тыкалъ* и гналъ.

— Что пристали? Упомянуть просите въ фельетонахъ ваши имена? Лучше не просите... Такъ упомяну, что до новыхъ вѣнниковъ не забудете.

— Афиногенушка! — кричалъ фельетонистъ Нисенбергъ, жидокъ недавно «*моченый*» (окрестившійся). Пьянствуешь?! Эхъ, сердечный... Какъ насвистался? похожъ ты теперь на мокрую собаку.

— А ты?!

— А я—я благоприличень.

— Ты-то благоприличень?! Да ты, какъ окунулся въ купели и на жида даже сталъ не похожъ, а такъ вышла изъ тебя какая-то мразь, и фельетоны твои чортъ знаетъ что, а не фельетоны.

Нисенбергъ обидѣлся; но, отойдя два шага, уже забылъ, что его выругали.

С. Орлицкій.

(Продолженіе будетъ).

Къ отлету!

Ужь лѣсъ одѣлся въ позолоту
И въ чужеземные края,
Спѣша, готовится къ отлету
Веселыхъ ласточекъ семья.

Уже ведутъ переговоры
О томъ, когда пускаться въ путь
И какъ летѣть: чрезъ степь и горы,
Иль къ морю синему свернуть.

Толпясь по каменнымъ карнизамъ,
Щебечуть ласточки весь день,
Пока зарю туманомъ сизымъ
Не омрачить ночная тѣнь.

Съ тоской внимаю щебетанью
И жаль мнѣ, что наступать дни
И ихъ къ другимъ небесъ сіянью
Потянуть южныхъ зорь огни.

Покинувъ старыхъ гнѣздъ солому—
Пріютъ родимой стороны,—
Къ чужимъ краямъ, къ чужому дому,
Они умчатся до весны.

И ихъ, весной обновленной,
Я встрѣчу ль снова въ блескъ дней,
Судьбой отъ смерти пощаженный,
Подъ мирной кровлею своей?

Л. Афанасьевъ.

ТЕМЫ И МОТИВЫ ЛИРИКИ Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Критическій этюдъ.

I.

При разборѣ произведеній поэтического творчества, къ сожалѣнію, очень часто забываютъ, что *мировоззрѣніе* поэта открывается въ самомъ выборѣ образа и въ комбинаціи подробностей этого образа. Но это мировоззрѣніе—не мировоззрѣніе философа, не система отвлеченныхъ истинъ, для пониманія которыхъ нѣтъ нужды въ изученіи живой личности мыслителя. Всѣ біографы Спинозы говорятъ, что это былъ кроткій и очень гуманный человѣкъ. Но это едва ли отразилось на его философіи. Въ его «Этикѣ» много суровыхъ, почти жестокихъ формулъ. Довольно уже и того, что онъ отождествляетъ границы права и силы. Здѣсь темпераментъ не кладетъ на мысль своего отпечатка и поэтому въ области логическаго мышленія возможно полное сходство взглядовъ и убѣжденій.

Не таковы мысли поэтовъ. На нихъ всегда слишкомъ замѣтны слѣды личности и индивидуальности. Здѣсь всегда очень важно знать, чья это мысль, кто говорить это слово. У двухъ поэтовъ, думы, почти одинаковыя по своему внѣшнему выраженію,—въ сущности различны, такъ какъ стоятъ въ неодинаковомъ контекстѣ рѣчи и отражаютъ своеобразную и оригинальную личность того, кто ихъ выносилъ и воплотилъ въ своемъ творствѣ. Каждый стихъ Гейне звучитъ не такъ, какъ звучать гісны Беранже. Всѣ, кто любятъ и понимаетъ поэзію, *чувствуютъ* интимныя и завѣтныя свойства личности поэта. Но до извѣстной степени ихъ можно и *знать*, т. е. перевести въ формы отвлеченной мысли. Но это дѣло требуетъ большой осторожности и полнаго вниманія—уже потому, что мысль и личность поэта воплощается въ образѣ, а не въ теоретической формулѣ... анализъ убьетъ въ поэтѣ все живое, если будетъ видѣть въ немъ только мыслителя. Основные черты поэти-

ческаго міросозерцанія надо *угадывать*, потому что только плохіе поэты даютъ его прямо, въ видѣ голыхъ истинъ и точныхъ опредѣленій.

Въ виду этого, для характеристики поэта безусловно необходимо внимательно изучить его любимые образы, самыя яркія подробности этихъ образовъ, ихъ колоритъ и то психологическое освѣщеніе, въ которомъ даются всѣ чувственные элементы творчества. Только въ этомъ случаѣ можно разчитывать на *безспорные* выводы; иначе дѣло критики сведется къ капризамъ вкуса и слишкомъ субъективной воспримчивости! Надо вполне уяснить себѣ сильныя и слабыя стороны поэтическаго таланта, чтобы знать, гдѣ можно искать полной искренности и яркаго проявленія истинныхъ и живыхъ свойствъ личности. Поэтому, прежде чѣмъ говорить о міровоззрѣніи Я. П. Полонскаго, мы постараемся отгнѣнить характерныя особенности образовъ его лирики и объяснить, почему въ эпосѣ и сатирѣ онъ не имѣлъ и не могъ имѣть большаго успѣха.

II.

Мы указали нѣкоторые приемы поэтическаго творчества, въ силу которыхъ слово утрачиваетъ свои логическія свойства и становится однимъ изъ элементовъ художественнаго образа, конкретнаго по самой своей сущности. Оно перестаетъ говорить мысли и говорить воображенію, ставя передъ нимъ яркое и живое представленіе.

Умѣнье создавать изъ словъ картины и образы—рѣдкое и исключительное умѣнье; но и въ немъ есть свои степени и градации. Иллюстрировать для зрѣнія отдѣльные моменты лирическаго мотива легче, чѣмъ воплотить въ одномъ стройномъ образѣ все лирическое настроеніе и его психическую подкладку. Въ послѣднемъ случаѣ мы *видимъ* чувство поэта, черезъ образъ смотримъ въ его сердце. Пусть здѣсь онъ говоритъ не о себѣ и не о томъ чувствѣ, которое все содержаніе его сознанія окрашиваетъ своими тонами, но потому, что онъ видитъ и какъ смотритъ, мы понимаемъ все, что происходило въ его душѣ и угадываемъ основныя черты его міровоззрѣнія. Правда, это часто только одинъ моментъ изъ сложной и переменчивой исторіи его психической жизни, но въ этомъ моментѣ можно замѣтить обычныя, постоянныя схемы его воспріятія и его чувства.

Критикъ долженъ быть очень остороженъ при сужденіи объ этихъ мастерскихъ произведеніяхъ лирической поэзіи; бываютъ случаи, когда конкретныя черты образа такъ ярки и такъ опре-

дѣлены по своему внутреннему смыслу, что не поддаются воздѣйствію личнаго чувства поэта, не воспринимаютъ въ себя тоновъ его настроенія. Это не мѣшаетъ лирическому произведенію быть образцовымъ по свѣжести красокъ и по яркости впечатлѣнія; оно даетъ новое доказательство таланта поэта, но не характеризуетъ обычныхъ свойствъ его чувства и отношенія къ жизни.

Въ этихъ произведеніяхъ замѣтнѣе всего черты самобытной красоты, присущей только этому поэту и опредѣляющей всѣ подробности его работы. Отметимъ нѣсколько такихъ произведеній у г. Полонскаго.

Зной,—и все въ томительномъ покоѣ:
 Въ пятнахъ свѣта тѣни спать въ аллеѣ;
 Только чуткой чудится лилеѣ,
 Что гроза таятъ въ этомъ зноѣ.
 Блѣдная, поникла у балкона,—
 Ждетъ грозы и чудится ей, бѣдной,
 Что далекой бури призракъ блѣдный
 Сталъ темнѣть въ лазури небосклона.
 Грезы лѣта кажутся ей былью,—
 Грозъ и бурь она еще не знаетъ,
 Ждетъ... зоветъ... и чутко замираетъ,
 Золотой осыпанная пылью..

Эта лилія живетъ всѣмъ зноемъ лѣтняго полдня, который такъ ярко подчеркнутъ «пятнами свѣта» въ тѣни аллеи. Смутное предчувствіе далекой бури—тоже ударъ кисти, который рельефнѣе отмѣчаетъ краски и очертанія лиліи. Осыпанная золотой пылью, она чутко замираетъ и дрожитъ. Все естественно и просто. Нѣтъ ни одной черты, которая переходила бы обычныя свойства лиліи въ знойный день. Эта правдивость образа, сдержанность и осторожность въ выборѣ его подробностей—даютъ особенный смыслъ той ассоціаціи представленій, которая слагается въ сознаніи читателя на фонѣ этой картины. Глазу даны всѣ конкретные элементы представленія и,—что могло сдѣлать только слово поэта,—всѣ эти элементы живутъ предчувствіемъ далекой бури. Краски и линіи приобрѣтаютъ новый психологическій смыслъ. Картина, плѣняя глазъ, дѣйствуетъ и на чувство.

Отметимъ и то, что объектомъ лирическаго мотива является здѣсь не личность самого поэта, какъ это чаще всего бываетъ въ лирикѣ. Эти думы не о себѣ; это—думы о блѣдной лиліи, которая еще не знаетъ бурь и грозъ и, предчувствуя первую грозу, пугливо никнетъ у балкона. И это сдерживаетъ нашу фантазію, когда мы начинаемъ видѣть за лиліею не аллею сада, а сцены жизни, первыя грезы молодости, которыя кажутся былью, и первое предчув-

ствіе бури. Не все, что подошло бы къ этой схемѣ по ея общимъ очертаніямъ, приходитъ намъ на умъ, а только то, что возбуждаетъ такое же глубокое сочувствіе, такую же нѣжную заботливость и тревогу, какими проникнуты всѣ подробности и всѣ штрихи рисунка. Психическій моментъ, воплощенный въ этомъ образѣ, самъ по себѣ сложенъ; онъ создается изъ тонкихъ, едва уловимыхъ ощущеній; но образъ, въ своихъ изящныхъ и тонкихъ линияхъ, въ своихъ нѣжныхъ и неяркихъ краскахъ, даетъ полную определенность всѣмъ переходамъ и измѣненіямъ чувства.

Не такъ опредѣленно и отчетливо обрисовывается на снѣжной пустынѣ «угрюмая ель», покрытая «пушистымъ снѣгомъ». Зимой она жалѣла нагую и сухую березку, которой было такъ жутко и холодно подъ снѣгомъ и стужей. Но когда апрѣльское солнце растопило снѣга, когда березка «въ своемъ свѣжемъ уборѣ» весело зашумѣла,—темная ель «въ своей жесткой зелени», «въ своемъ старомъ кружевѣ сучьевъ», угрюмо смотрѣла на весенній расцвѣтъ молодой сосѣдки. Съ завистью и недовѣрчиво она повторяла свои старыя зимнія пѣсни.

Всю зиму она наготовѣ щеголяла...

Жалѣть ее надо,—жалѣть!

И какъ вамъ не стыдно ласкать ее, право!

И какъ она смѣетъ шумѣть!

Можно только догадываться, какія явленія жизни стояли передъ сознаніемъ поэта, когда онъ задумалъ свою ель и свою березку. Въ конкретномъ матеріалѣ образа не нашлось достаточно красокъ и линий, чтобы отчетливо и ясно обрисовать эти сложные отношенія жизни. Скрипучіе звуки недовѣрчивой старости не заглушаютъ словъ той сурово-добродушной ласки, которая нашлась у ели въ дни зимнихъ морозовъ. Привѣтливо встрѣчая весеннее счастье зазеленѣвшей березки, мы не вправѣ порицать и ель, которая знаетъ, что за лѣтомъ будетъ зима и заранѣе боится за «свѣжій уборъ» нарядной сосѣдки. Впечатлѣніе не сливается въ одинъ стройный аккордъ; наше чувство двойится и образъ остается загадочнымъ и смутнымъ, хотя въ стихотвореніи звучитъ одна изъ самыхъ завѣтныхъ струнъ отзывчивой музыки, всегда счастливой чужимъ счастьемъ.

Совершенно другое впечатлѣніе даетъ блестящее по отдѣлкѣ и яркое по мысли стихотвореніе: «Орель и змѣя». Это стихотвореніе среди другихъ стоитъ какъ-то особнякомъ. Можно подумать, что поэтъ игралъ здѣсь не на своей лирѣ, хотя игралъ съ мастерствомъ истиннаго артиста. На скалѣ, въ тѣни зеленыхъ елей, подъ горными мятелями, съѣлъ орель. Извиваясь по темному граниту и

сверкая серебристой чешуей, къ нему ползеть змѣя. Орлу смѣшно; что змѣя хочет подняться такъ высоко.

Но змѣя ему кротко отвѣтила:
 „Изъ-подъ камня горячаго
 Я давно тебя въ небѣ замѣтила
 И тебя полюбила могучаго».

Она просить орла взять ее въ свои «железные когти», унести ее «въ сферы надзвѣздныя», въ царство темныхъ грозъ. Орелъ прижалъ ее къ своему орлиному сердцу.

Полетѣлъ съ ней въ пространство холодное,
 Туча грозная съ нимъ повстрѣчалася,—
 Изгибалася, змѣя подкожная
 Подъ крыло его робко прижалася.
 Съ бурей борются крылья орлиныя,
 Гдѣ-то молнія близко ударила,
 Онъ сквозь громъ слышитъ рѣчи змѣиныя.
 Вдругъ—змѣя его въ сердце ужалила..
 И въ очахъ у орла помутилось,
 Онъ отъ боли упалъ, какъ подстрѣленный,
 А змѣя упозла и сокрылася
 Въ глубинѣ, подъ гранитной разсѣлиной.

Здѣсь не мѣсто говорить, почему это стихотвореніе, при всей его неподражаемой законченности и яркой опредѣленности, не выражаетъ личности поэта, остается ему чужимъ до известной степени. Сурово и увѣренно очерчены всѣ моменты заоблачной драмы. Подъ горными мятелями сумрачныя ели бросаютъ сумрачную тѣнь. На влажномъ и темномъ гранитѣ изгибы змѣиной чешуи отливаютъ серебромъ. По змѣиному свѣтятся змѣиныя глазки, когда она говорить свои «кроткія» рѣчи. И вблизи громовъ и молній, въ смѣломъ полетѣ, гибнетъ орелъ. Съ беспощадною ясностью мысли поэтъ ведетъ драму къ роковому концу и все сливается въ одномъ сумрачномъ, гордомъ и непримиримомъ аккордѣ. Отъ образа вѣетъ такимъ беспощаднымъ презрѣніемъ, такой мощью страстнаго, но сдержаннаго негодованія, что послѣ трагической смерти орла все змѣиное счастье въ гранитной разсѣлинѣ тонетъ въ сумракѣ жалкаго ничтожества и грязной пошлости. Иначе не могло и быть. Орелъ и змѣя—такъ опредѣленны въ своихъ неизмѣнныхъ свойствахъ, что, кромѣ великодушія и вѣроломства, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ ничего другаго и быть не можетъ. Здѣсь начало зла является въ той холодной наготѣ, въ какой оно почти никогда не входитъ въ лирическіе мотивы Полонскаго. Поэтому здѣсь и фабула проще, и драма сильнѣе, и ярче идея образа. Конкретныя черты образа такъ жестки, такъ неподатливы сами по себѣ, что

поэтъ, взглядываясь въ ихъ подробности, поднялъ строй своей лиры и сорвалъ такой гордый и смѣлый аккордъ, какой рѣдко слетать съ ея струнъ. Также удивительно по исполненію и исключительно по своему содержанію и другое стихотвореніе:

*Пришли и стали тѣни ночи
На стражѣ у моихъ дверей...
Смѣлый глядеть мнѣ прямо въ очи
Глубокой мракъ ея очей.*

Это смѣлый до дерзости образъ, который показался бы намъ слишкомъ рискованною метафорою, еслибы поэтъ не сумѣлъ вполне подчинить его своей мысли и выразить имъ въ немногихъ словахъ все упоеніе молодой любви. Мы знаемъ, *зачѣмъ* пришли эти тѣни,— знаемъ, *что* онѣ принесли поэту. Но... и новая метафора, еще смѣлѣе и еще удачнѣе.

*Но покачнулись тѣни ночи,
Бѣгутъ, шатаясь, назадъ;
Ея потупленные очи
Уже глядятъ и не глядятъ...*

Какъ живыя, стоятъ эти сумрачныя тѣни на стражѣ счастья поэта и сохраняютъ всё свои стихійныя свойства, когда, *покачнувшись, шатаясь*, бѣгутъ назадъ. Эта стихійная стража поднимаетъ тонъ стихотворенія и вливаетъ мощную силу въ пламенную молитву поэта:—«О солнце, солнце, погоди!» Подъ этою тѣнью сливаются въ одномъ фокусѣ отдѣльные моменты фабулы и разнородные элементы картины, полной молодого счастья. Но и здѣсь фабула проще, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ поэта, которые больше соответствовали основнымъ чертамъ его духа.

*Уже надъ ельникомъ, нѣ-за вершинъ колючихъ,
Сіяло золото вечернихъ облаковъ,
Когда я рвалъ вѣслою густую сѣть пловучихъ
Болотныхъ травъ и водяныхъ цвѣтовъ.
То окружая насъ, то снова расступаясь,
Сухими листьями шумѣли тростники;
И нашъ челнокъ шелъ, медленно качаясь,
Межъ топкихъ береговъ нелучистой рѣки.*

Въ этихъ двухъ куплетахъ вся картина вечера на рѣкѣ, въ своихъ яркихъ, правдивыхъ и реальныхъ подробностяхъ, въ тонѣ вечерняго неба и его мирныхъ и грустныхъ впечатлѣній. Здѣсь поэтъ и его спутница далеко «отъ клеветы и злобы черни свѣтской»; здѣсь легко ей, довѣрчиво и свободно, высказывать все, что было на душѣ.

*Но грудь моя тоской невольною сжималась,
Я въ глубину глядѣлъ, гдѣ тысяча корней*

Болотныхъ травъ невидимо сплеталась,
Подобно тысячъ живыхъ зеленыхъ змѣй.

И это напомнило поэту другой, не такой прекрасный міръ,—напомнило ему, что подь свѣтлою поверхностью жизни «суровая таятся глубина».

Не сходя съ челнока, поэтъ нашелъ всѣ краски, чтобы описать сложный психологическій моментъ, всѣ элементы слегка намѣченной драмы. Вечеромъ на рѣкѣ приобрѣтаетъ особенный смыслъ и этотъ «беспорядокъ траурныхъ одеждъ», и этотъ «пророческій голосъ». Но на днѣ—клубки «живыхъ зеленыхъ змѣй»; поэтъ не дѣлитъ вѣры и надеждъ своей спутницы и отдается грустному раздумью.

Ни одной лишней черты, и все, что надо. Этого,—по удачному выраженію Бѣлинскаго,—«нельзя сказать не только лучше, но даже иначе». Всѣ разнородныя впечатлѣнія сложились въ одинъ свѣтлый образъ, сложный по своему содержанію, простой и ясный по своему тону. Здѣсь мы дышемъ воздухомъ ельника и рѣки, любуясь складками траурныхъ одеждъ и думая съ поэтомъ невольную невеселую думу.

То же мастерство мы видимъ и въ стихотвореніи «На закатѣ»; хотя тамъ картина вечера создается на основѣ другихъ,—можетъ быть, самыхъ завѣтныхъ думъ поэта.

Вижу я: связя съ золотомъ тучи
Загромодили весь западъ; въ ихъ щель
Свѣтитъ заря; каменистыя кручи,
Ребра утесовъ, березникъ и ель
Озарены вечерьющимъ блескомъ.
Ниже безбрежное море. Изъ мглы
Темные скачутъ и мчатся валы
Съ неумолкаемымъ гуломъ и плескомъ.

Эта картина удивительно гармонируетъ со строгимъ и грустнымъ содержаніемъ цѣлага. Поэтъ, утомленный жизнью, хочетъ встрѣтить теплымъ привѣтомъ ту волну, которой онъ тщетно ждалъ весь свой день. «Новой волны подожди,—я разбила»—слышится ему безотрадный отвѣтъ. «Жду... все темно... погасаетъ закатъ».

Зная тотъ послѣдній эффектъ, къ которому ведетъ насъ поэтъ, мы имѣемъ право предположить, что другой, менѣе талантливый, поэтъ подготовилъ бы его не такъ. Выводъ слишкомъ печаленъ и суровъ, но въ сумрачной картинѣ вечера мы видимъ тоны суровой красоты и удивительныя по своей правдивости реальныя подробности. Даже это, рѣдкое по своему поводу, настроеніе не заставило фантазію поэта перейти границъ трезвой простоты и естественной правды. Это живая картина, обвѣянная живымъ чувствомъ, въ которомъ нѣтъ ничего надуманнаго и напускнаго. Мы вѣримъ

поэту, потому что его глазъ зорокъ, мысль воспримчива и гибка, а чувство искренно и просто. Одинъ, слишкомъ смѣлый, взмахъ фантазіи,—и весь эффектъ будетъ испорченъ. Поэтъ узнаётъ свой закатъ и его сердце «полное безконечною жаждой», не успокоилось и теперь. Холодомъ вѣетъ отъ озаренныхъ вечерньющимъ блескомъ «реберъ утесовъ и елей»; нѣтъ ничего примѣряющаго въ гулъ и плескъ валовъ, поднимающихся изъ мглы...

Но всѣ особенности лирическаго таланта г. Полонскаго яснѣе и отчетливѣе всего сказались въ его лирической поэмѣ: «Кузничикъ-музыкантъ». Нужна была необычная вѣра въ свои силы, чтобы попытаться воплотить въ образъ такіа сложные отношенія и такіе переходы драматическаго дѣйствія, какіе создаютъ канву этой поэмы. Обыкновенно лирическія произведенія по объему очень скромны. И это вполне понятно. Сложность психической жизни въ смѣнѣ ея моментовъ не легко воплощается въ образъ, который только извѣстными своими чертами отвѣчаетъ цѣлямъ поэта. Поэтому въ каждой лирической поэмѣ по необходимости являются или элементы аллегоріи, или — для связи — отвлеченныя сужденія и мысли. И въ этой поэмѣ сквозозъ прозрачныя покровы образа иногда слишкомъ замѣтно проглядываетъ другая жизнь, сквозозъ типы и положенія не изъ міра насѣкомыхъ. Но въ основныхъ чертахъ фабула проходитъ на превосходномъ лирическомъ мотивѣ, въ которомъ отразилось пламенное и застѣнчивое сердце бѣднаго артиста. Онъ стоитъ въ центрѣ поэмы; капризная и кокетливая Сильфида, добродушный и грубоватый гуляка — только разнообразятъ основную мелодію, не возмущая ея элегическаго и граціозно-грустнаго характера.

Яснѣе всего тонъ поэмы сказался въ тѣхъ превосходныхъ картинахъ русскаго лѣта, въ которыхъ такъ слышны звуки стыдливой и глубокой тоски, затаенныхъ и непризнанныхъ страданій молодого маэстро.

Эось поднимала алыми перстами
Темныя покровы ночи—и мѣстами
Въ небѣ загорались огненные пятна.
Жизнь, полупроснувшись, слабо и невнятно
Бормотала въ роцѣ, бормотала въ полѣ.
Попѣлуй сливался съ ропотомъ неволи
Всюду, гдѣ лишь только брачныя оковы
Гименя были ржавы и не новы.
Попѣлуй былъ звонче, ропоть былъ вѣжвѣе,
Тамъ, гдѣ эти цѣпи были поновѣе.

Эти неясные звуки просыпающагося утра, эти поцѣлуй и ропоть неволи красиво отбѣиваютъ вдохновенныя думы влюбленнаго

маэстро, который обдумывает виньетку къ злой эпиграммѣ, заказанной ему Сильфидой. Онъ еще вѣрить въ свою звѣзду, надѣется тронуть сердце молодой феи своими стихами и музыкой.

Онъ,—скромный питомецъ поля,—

Поля, гдѣ лишь тучи подаютъ свой голосъ,
Колосится жатва и серпа ждетъ колосъ,—

далъ въ своемъ сердцѣ мѣсто слишкомъ нарядной, слишкомъ гордой мечтѣ. Онъ не знаетъ жизни, — не знаетъ, что феи роскошныхъ цвѣтниковъ цѣнять не искусство и не артистовъ. И напрасно его поклонникъ и другъ-гуляка пробоваль открыть ему глаза.

Солнце поднимаетъ

Изъ-за сосенъ шаръ свой. Сильно припекаетъ
Жатву. Сладко пахнетъ въ воздухѣ гречихой,
По ржаному полю утренничекъ тихій,
Вѣтерокъ, гуляя, росу отрясаетъ,
Быть дождю или вѣтру—по росѣ гадаетъ,
И шумить соломой, словно беспокоясь,
И ему колосья кланяются въ поясъ,
А лопухъ, высоко подаемая шишку
Съ вѣникомъ, изъ листьевъ съдѣлалъ точно крышку,
Такъ расположилъ ихъ, что подъ ихъ навѣсомъ,
Въ жаръ всегда прохладно молодымъ повѣсамъ;
Въ сей харчевнѣ много всякихъ насѣкомыхъ.

Въ этотъ жаркій день былъ тамъ и гуляка, который утромъ только даромъ тратилъ слова, стараясь образумить своего талантливаго друга. Въ этотъ жаркій день молодой маэстро искалъ свиданія съ своею Сильфидою и только мучилъ свое сердце, упиваясь милой болтовней легкомысленной кокетки. Ему улыбнулось счастье. Бабочка пригласила его къ себѣ и онъ не помнилъ себя отъ восторга.

Уходя, день ясный плакалъ за горою
И, роняя слезы, жаркою зарею
Изъ-за темной рощи охватилъ край нивы.
Дню вослѣдъ глядѣла ночь—и переливы
Свѣта отражались и, дрожа, блуждали
По ея ланитамъ. Тихо начинали
Выходить свѣтила, мѣсяца предтечи,
Передъ божьимъ трономъ зажигаю свѣчи.
Далеко стемнѣло море жатвы вышкой,
Грустная берега обнялася съ липкой.
Привахла роща. Только дубъ шушугаль,
Только гдѣ-то дятель крѣпкимъ носомъ тукаль,
Только гдѣ-то струйки смутно лепетали...

Еслибы бѣдный кузнечикъ умѣлъ понимать этотъ языкъ природы, онъ не сталъ бы съ такимъ увлеченіемъ дирижировать сво-

имъ оркестромъ. Онъ бы понялъ, что этотъ вечеръ грозитъ ему новою бѣдою. Но онъ, ослѣпленный страстью, весь отдался своей музѣ и любви, и не слышалъ, какъ за его спиною передавались злыя свѣтскія сплетни, — не зналъ, съ какимъ оскорбительнымъ презрѣніемъ говорила царица бала объ его дерзкихъ надеждахъ, какъ ловкіе льстецы увѣряли Сильфиду, что — заѣзжій соловей именно ей даетъ свою серенаду. — Все, — какъ предсказывать грустный вечеръ, — окончилось драмой. Иностранецъ-артистъ погубилъ легкомысленную фею. Одинокимъ трупомъ лежала бабочка «подъ корнями красной полевой гвоздики». Вѣрный рыцарь своей Сильфиды, кузничекъ-музыкантъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ-гулякой отправился на поиски. Они нашли молодую фею, положили ее на носилки и понесли домой, «подъ липки».

Прехраcвѣтнѣй вѣтеръ, невидимкой вѣя,
 Думалъ, что воскреснетъ молодая фея,
 Шевелилъ у мертвой легкими крылами
 И дышалъ въ лицо ей влажными устами.
 И потомъ далекимъ проносился стономъ
 И по всѣмъ дорожкамъ отдавался звономъ,
 Чашечки лѣловыхъ цвѣтчиковъ качая.
 И роса, какъ слезы, холодно сверкая,
 Медленно стекала съ усиковъ цвѣтущей
 Повилики, робко по стволамъ ползущей;
 И благоухали тысячи растений;
 И сквозь дымъ дерева въ видѣ привидѣній
 Головой кивали. Тихо раздвигая,
 Облака, вставала зорька золотая.
 И когда все стало ясно отъ улыбки
 Пламенной богини, принесли подъ липки
 Мертвую Сильфиду; — тамъ ее сложили,
 Вырыли могилу и похоронили.
 И, когда надъ этой новою могилой
 Думалъ злую думу мой артистъ унылый,
 Въ жаркихъ искрахъ солнца за лѣсной куртеной
 Звучно раздавался рокотъ соловьиный.

Этотъ соловьиный рокотъ насмѣшливо и злобно отдавался въ сердцѣ унылаго маэстро. И что могло утѣшить его въ этой утратѣ? И мертвая была хороша Сильфида; вся природа — и вѣтеръ, и роса, и золотая зорька, — казалось, оплакивали ея смерть; красивы и граціозны были всѣ подробности ея похоронъ. Но развѣ это утѣшеніе?

На томъ колосистомъ полѣ, гдѣ любилъ и страдалъ кузничекъ, — въ дуплѣ, подъ липками, гдѣ проводила лѣто избалованная Сильфида, — собиралось такое же пестрое и многочисленное общество, какъ въ любомъ городѣ или модномъ курортѣ. Вотъ мошка,

которая грозить съ помощью науки умертвить звуки, созданные артистомъ; навозный жукъ, «смуглый, толстый и рогатый, упи отъ простуды затыкая ватой», слушаетъ новое произведеніе композитора и, ничего не понявъ толкомъ, рассказываетъ черной козявкѣ, которая весь день вертится и бьетъ баклуши, что «невзраченъ молодой маэстро»; божья коровка ноетъ отъ восторга и падаетъ въ обморокъ; муравей, очень ловкій малый со шнуровкою подъ моднымъ жилетомъ, даетъ ей нюхать спиртъ въ маленькомъ флаконѣ; ночныя бабочки, «въ сѣренкихъ бурнусахъ, въ бѣлыхъ перелинкахъ и гранатныхъ бусахъ», приходятъ въ негодованье, «раскусивши новой пѣсни содержанье». Вотъ аристократическіе черви, которымъ довольно замѣтить бантикъ или узелъ галстуха, чтобы на остальное «не глядѣть и въ гордомъ пребывать покоѣ»; вотъ женихъ кузины Сильфиды, «который, безъ разбора, запахъ старыхъ сосенъ смѣшивалъ съ весеннимъ запахомъ фіалокъ, уважалъ шиповникъ и боялся галокъ»; вотъ смиренный таракашекъ, круглый, какъ булка, который готовъ проводить господъ, если они ему дадутъ «на водку»; вотъ простоватый свѣтлякъ съ разбитымъ фонаремъ, который показываетъ дорогу въ лѣсъ; вотъ лѣсная оса, которая зло и ѣдко распускаетъ сплетни про вѣтряную Сильфиду. Словомъ, тѣ же типы, которыхъ сколько угодно въ любомъ обществѣ, тѣ же глухие и смѣшные люди, тѣ же паучки, пренаивные съ виду, и таракашки, которые такъ любятъ получать «на водку». И здѣсь глупость еще забавнѣе, а мелочность еще смѣшнѣе, потому что цѣли эгоизма, по короткой мѣркѣ царства насѣкомыхъ, даже ничтожнѣе, а общественныя традиціи даже хуже, чѣмъ у людей.

Но все мелочное и смѣшное въ этомъ маленькомъ міркѣ безслѣдно исчезаетъ, какъ только показывается картина природы, въ голосахъ и звукахъ которой такъ трогательно и грустно звучитъ одна жалобная нотка,—горе отвергнутой любви и тоска разбитыхъ надеждъ кузнечика. И эта меланхолически-задумчивая, почти строгая нотка проходитъ сквозь всю мелодію, уничтожая тривіальные и пошлые тоны дѣйствительности. Этотъ основной лирической мотивъ, объединяя въ себѣ всѣ элементы поэмы, граціозно и нѣжно звучитъ своими послѣдними нотами надъ могилой бѣдной феи, пока не начинаютъ раздаваться надъ ней холодныя и блестящія рулады соловьиного рокота.

III.

Остановимся пока на этихъ данныхъ. Ихъ довольно, чтобы отмѣнить самыя существенныя черты техники поэта, наклонъ его вни-

манія и манеру работы. Но, чтобы уяснить этотъ языкъ образовъ, надо на примѣрахъ выяснитъ главные свойства художественной образности.

Поэтъ видитъ въ жизни не то, что видятъ обыкновенные люди или, по крайней мѣрѣ, видитъ это не такъ. Если художественный образъ вѣренъ жизни и самъ себѣ, если фантазія поэта въ созданиіи его не переходитъ границъ естественности и правды,—все таки его несомнѣнно обычное дѣйствіе на людей, доступныхъ чарамъ поэзіи, основывается не на этой внѣшней красотѣ и законченности. Скульпторъ своимъ рѣзцомъ обводитъ внѣшнюю оболочку мраморной глыбы, даетъ фигуру и жестъ, и въ нихъ воплощаетъ моментъ настроенія и чувства. Художникъ пишетъ картину съ ея колоритомъ и тонами, отвѣчающими его настроенію и не имѣетъ въ виду дальнѣйшихъ фазисовъ жизни, ради которыхъ онъ долженъ былъ бы поступиться частными красотами этого момента. Графъ А. Толстой въ своихъ былинахъ хотѣлъ замѣнить рѣзецъ словомъ, пробовалъ стать соперникомъ скульптора, ловилъ жестъ и линіи пластики, и создалъ галерею манкеновъ и красивыхъ куколъ,—пожалуй, годныхъ для балета, но только смѣшныхъ и тривиальныхъ въ поэзіи.

Не всякая красивая картина хороша въ контекстѣ стихотворенія. Она хороша, если хороша только здѣсь и не подходитъ къ общему тону другой мелодіи. Если въ поэзіи поза и жестъ заслоняютъ чувство и личность дѣйствующихъ лицъ, то, какъ бы они сами по себѣ ни были красивы, имъ здѣсь не мѣсто, такъ какъ они ничего не говорятъ воображенію читателя. Поэтъ даетъ свой смыслъ и свое значеніе конкретнымъ элементамъ представленія и образа. Сквозь легкую дымку образа мы видимъ живыя схемы человѣческой жизни. Но эти живыя схемы до своего воплощенія въ образѣ видны только поэту и скрыты отъ глазъ другихъ, потому что въ обычной жизни, не озаренной творческою мечтою, ихъ нѣтъ. Только съ этой точки зрѣнія и приобрѣтаютъ свое полное значеніе слова Шиллера:

Was sich nie und niergends hat begeben,
Das allein verahlet nie.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо только вывести «общую мысль» стихотворенія, т. е. перевести художественную концепцію въ формы отвлеченной мысли, или иллюстрировать образъ будничными фактами жизни. Если образъ поэта весь безъ остатка разрѣшится въ эту «общую мысль»,—стихотвореніе изъ рукъ вонъ плохо. Кто ищетъ житейскихъ комментариевъ къ образу, тотъ не понимаетъ поэзіи.

«Въ рунахъ стоять: на Сигурда сигурдовъ лишь мечъ»,—говорить Брингильда у А. Н. Майкова. Мы поймемъ, въ чемъ поэзия и красота «блѣдной лилии», у балкона, когда посмотримъ на прозаическій комментарий того же поэта почти къ той же темѣ.

Поэтъ однажды сказалъ «Bonjour» своей молоденькой сосѣдкѣ, у которой были «голубенькіе глазки и очень узенькій корсетъ». Съ тѣхъ поръ при каждой встрѣчѣ она краснѣетъ, какъ піонъ, дичится, не говоритъ съ нимъ и не отстаетъ отъ маменьки. Чего же она боится? Поэтъ даетъ за нее свой отвѣтъ: «листы молоденькой осины дрожать безъ вѣтру иногда»...

Ждетъ... вовесть... и чутко замираетъ,
Золотой осыпанная пылью...

Бѣдная барышня, какъ она много теряетъ въ сравненіи съ этою лиліею!

Она мило принарядилась; ея дѣтскій взглядъ поумнѣлъ; по лицу разлился плѣнительный румянецъ; сосѣдки говорятъ, что она влюблена. — Въ кого? — Поэтъ знаетъ въ городѣ «каждый уголокъ». «Проѣзжихъ нѣтъ,—своихъ немного,—чиновниковъ, плутовъ, какіе только есть, немудрено по пальцамъ перечесть... Какого жь это полубога ты встрѣтила, чтобъ такъ расцвѣсть?!..

.... И чудится ей, бѣдной,
Что далекой бури призракъ блѣдный
Сталъ темнѣть въ лазури небосклона.

И золотая пыль осѣла на лепесткахъ лиліи.

Въ городѣ поэтъ какъ будто забылъ, что, когда «заря подъ тучами взошла и загорѣлась, и смотритъ на дорогу сквозь кусты, какъ блѣдны въ ихъ тѣни поникшіе цвѣты и какъ въ блестящій пурпуръ грязь одѣлась».

Онъ, повидимому, забылъ, что говорить «въ уѣздномъ городѣ» о другихъ герояхъ его лиризма? Тамъ говорятъ, что его «темная ель» — почтенная патронесса, которая любитъ старыя брусельскія и венеціанскія кружева, а березка «въ свѣжемъ уборѣ» — ея молоденькая воспитанница, которая постоянно огорчаетъ свою благодѣтельницу потому что «шумитъ» и любитъ «свѣжіе наряды»... — Тамъ говорятъ, что его орелъ — спился съ кругомъ и загубилъ молодость и красоту своей «кроткой жены», дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ. — Говорятъ, что его «музыкантъ-кузнечикъ» — смѣшенъ и дерзокъ, потому что осмѣлился поднять глаза на львицу бомонда... Словомъ, въ этомъ городѣ говорятъ все, что надо забыть, чтобы наслаждаться его граціозными образами. Туда, гдѣ высоко надъ жизнью поднимаются его свѣтлыя мечты, нѣтъ дороги сплетнѣ и злословію, вульгарной насмѣшкѣ и пошлымъ пересудамъ. Онъ под-

няли их надъ грязью жизни, освободилъ отъ будничныхъ и сѣренькихъ тоновъ дѣйствительности, и сдѣлалъ вѣчнымъ то, чего никогда не было.

Покойный Кельсиевъ одной фразой доказалъ, что онъ отъ природы не былъ способенъ понимать поэтическія созданія, когда въ своей большой статьѣ: «Я. П. Полонскій, какъ юмористъ»¹⁾, вздумалъ разбирать «Кузнечика-музыканта», который будто бы «не удался автору». Ему показалось, что поэтъ въ своемъ «Кузнечикѣ» на кого-то жалуется. «Нѣтъ ничего комичнѣе мужчины, которому женщина отказываетъ въ любви. Подобные случаи бывають и бывають весьма нерѣдко, но жаловаться на нихъ не годится».

Очевидно, что въ стихахъ онъ понималъ только то, что доступно самому послѣдовательному и убѣжденному прозаику. Онъ не могъ понять, что часто отвергнутая любовь не бываетъ комичною и не смѣшно жаловаться на это. Неужели ему смѣшно, что лермонтовскій угрюмый утесъ тихонько плачетъ, когда золотая тучка ушла съ его груди? И русалка смѣшна, когда она тоскуетъ надъ сонной рѣкой, когда не знаетъ, *зачѣмъ* витязь чужой стороны остается нѣмъ и холоденъ въ ея объятіяхъ? И смѣшна одинокая сосна, которой все снится роскошная пальма на далекомъ югѣ? И смѣшенъ кузнечикъ? Критикъ, должно быть, слишкомъ уже смѣшливъ, если смѣется надъ тѣмъ, что у другихъ будить совершенно другія чувства.

Въ томъ-то и секретъ образа, что онъ будить только то чувство и настроеніе, какое воплотилъ въ немъ поэтъ. Тамъ нѣтъ мѣста смѣху, гдѣ поэтъ тоскуетъ. Смѣшное въ жизни перестаетъ быть смѣшнымъ въ художественномъ воплощеніи. Зависть, злоба и всѣ худшія стороны человѣческаго эгоизма судятъ то, что дано въ жизни; но образъ поэта, весь живой и во всемъ правдивый, внѣ ихъ компетенціи.

Отсюда каждое истинное художественное произведеніе—смѣлый и суровый урокъ толпѣ, протестъ противъ ея рутины и неизменности, призывъ къ болѣе чистому и болѣе высокому взгляду на людскія отношенія. Каждый истинный поэтъ «благородитъ просторожденца»,—по выраженію Бенедиктова,—указывая идеальныя очертанія факта. Гейне доказывалъ, что звѣзды умнѣ цвѣтовъ, потому что онѣ далеко. Люди топчуть цвѣты, потому что цвѣты у нихъ подъ ногами. Кельсиевъ ошибся. Образы поэта умны и далеки отъ насъ, какъ звѣзды.

Какъ только дѣло касается фактовъ и явленій текущей жиз-

¹⁾ «Всемирный Трудъ». 1868 г., октябрь, стр. 103—144.

ни,—является страсть противорѣчить, спорить и имѣть свое мнѣніе. Положимъ, темой будетъ отвергнутая любовь. Это очень широкая арена для споровъ. Можно добиваться любви, можно бороться за любовь, заставить любить себя. Вѣдь отвратительный герцогъ Глостеръ добился же любви леди Анны, имѣвшей всѣ основанія презирать его и ненавидѣть; вѣдь мавръ Отелло увлекъ гордую венеціанскую патриціанку; вѣдь дочь Кочубея полюбила убійцу своего отца, сѣдаго Мазепу. Но поэтъ говоритъ объ утесѣ и тучкѣ, и этимъ сразу кладетъ конецъ ненужнымъ предположеніямъ и спорамъ. Утесъ *не могъ* удержать на своей груди золотой тучки—и передъ стихійнымъ смысломъ этого факта останавливается всякій вопросъ и всякое сомнѣніе.

Въ лирикѣ графа А. Толстаго слишкомъ замѣтны эгоистическіе мотивы чувства, что отнимаетъ отъ его произведеній все обаяніе поэзіи. Читатель получаетъ право судить поэта, а поэтъ прежде всего долженъ стоять внѣ юрисдикціи толпы. Самая возможность суда надъ нимъ, по кодексу житейской мудрости, лишаетъ его правъ на власть, которая ему нужна для достиженія его высокихъ цѣлей. Въ самомъ дѣлѣ, отчего поэты до сихъ поръ охотно берутъ сюжеты изъ античнаго міра и пользуются мотивами романтизма? Откуда эта любовь къ обстановкѣ и костюмамъ чужой стороны, къ «мѣстному колориту» далекой жизни? Или это только остатки традиціи и рутины? Отнюдь нѣтъ. Это очень удачный приѣмъ—отвлечь вниманіе отъ вульгарныхъ мелочей дѣйствительности и сконцентрировать его на основной идеѣ художественнаго замысла. Пушкинъ взялъ Моцарта и Сальери, чтобы дать превосходную психологическую картину зависти, хотя можно думать, что недурные экземпляры завистниковъ были у него и подъ рукою. Отчего бы Скупаго рыцаря не назвать Плюшкинымъ?—Плюшкинъ—для насъ свой братъ и, подсмѣиваясь надъ нимъ, мы объяснили бы его манію условіями жизни того времени, въ вѣчномъ увидѣли бы временное и этимъ лишили бы художественное произведеніе его высокой серьезности и общечеловѣческаго значенія. Отчасти отсюда же объясняются и нѣкоторые случайные аксессуары поэтической техники. И до сихъ поръ у поэтовъ стрѣла быстрѣ пули. При всѣхъ успѣхахъ военнаго дѣла, мечъ для поэтовъ отнюдь не утратилъ своего значенія. Жрецъ и рабъ, кумиръ и лира давно уже отжили свой вѣкъ въ прозѣ, но до сихъ поръ живы въ поэзіи.

Были слишкомъ прыткіе по своей молодости критики, которые, гордясь успѣхами современной цивилизаціи и культуры, видѣли въ этомъ черты традиціи и рутины, запоздалое старовѣрство въ искусствѣ, что-то такое, что скоро должно безслѣдно исчезнуть и

уступить мѣсто новымъ образамъ и представленіямъ. Этотъ взглядъ доказываетъ полное непониманіе дѣла. Создавая свой образъ, поэтъ имѣетъ право пользоваться всѣми элементами знанія и жизни, лишь бы только достигнуть своей цѣли, которая большинству даже и не видна.

Успѣхъ вполне оправдываетъ его средства. Мечъ и лира помогаютъ ему коротко, ярко и сильно воплотить въ нихъ свою мысль, потому что внутренній смыслъ ихъ всѣмъ ясенъ и простъ. Здѣсь одна черта воспроизводитъ сложное представленіе и даетъ слову такую выразительность и меткость, что поэтъ получаетъ возможность въ немногомъ сказать очень многое. Всѣмъ понятенъ совѣтъ — «вложи свой мечъ въ ножны». Всѣ знаютъ, что значитъ, если вождь «отбросилъ свой мечъ». Это сокращенные значки длинной вереницы представленій. И здѣсь, среди этихъ лиръ, кумировъ, рабовъ и мечей, мысль по неволѣ отрѣшается отъ прозаическихъ тоновъ будничной жизни, вниманіе поднимается въ идеальную сферу красоты и правды,—что именно и нужно поэту. Конечно, отрѣшаясь отъ житейской прозы, поэтъ своею послѣднею цѣлью ставитъ жизненность образа и жизненность его идеи. Классическая красота вѣшнихъ очертаній, безъ правдивости наблюденія и жизненности основнаго мотива, скучна и бесплодна. Современное искусство не боится суровыхъ и рѣзкихъ штриховъ, если видитъ ихъ въ жизни, и не поступится характерною типичностью ради анемичной правильности и мечтательной гармоніи цѣлаго.

Но это только одна сторона красоты и обаянія лирическаго образа. Другая—и почти столь же существенная—основывается не на творчествѣ автора, а на воспріятіи слушателей и читателей. «Каждое художественное произведеніе,—говоритъ Шопенгауэръ,—можетъ производить впечатлѣніе, только дѣйствуя на фантазію зрителя или читателя. Это—основное условіе эстетическаго впечатлѣнія и поэтому основной законъ всѣхъ изящныхъ искусствъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ художественномъ произведеніи далеко не все надо давать чувственному воспріятію зрителя: — скорѣе надо давать лишь столько, сколько необходимо для того, чтобы вывести его фантазію на вѣрную дорогу; всегда надо оставить этой фантазіи нѣчто такое, что она должна додѣлывать сама, и притомъ оставлять ей самое послѣднее. Поэтому писатель всегда долженъ оставлять читателю кое-что такое, что тотъ долженъ додумать самъ; и Вольтеръ очень вѣрно сказалъ: «секретъ быть скучнымъ—это говорить *все*». Кромѣ того, въ искусствѣ самое лучшее слишкомъ духовно для того, чтобы его можно было прямо дать чувствамъ; оно должно возродиться въ фантазіи зрителя, хотя и рождено уже

въ художественномъ произведеніи; на этомъ основывается и то, что эскизы великихъ мастеровъ часто производятъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ ихъ законченныя картины; къ этому, конечно, присоединяется еще и то преимущество, что эскизы были сдѣланы въ одномъ порывѣ творчества, въ моментъ самой концепціи, тогда какъ законченныя картины (ибо вдохновеніе не могло, конечно, сопровождать ихъ до окончанія) создались только путемъ продолжительныхъ усилій, посредствомъ умной вдумчивости и постоянной преднамѣренности»¹⁾.

Какъ бы ни былъ законченъ во всѣхъ своихъ очертаніяхъ тотъ образъ, въ которомъ воплотился лирическій мотивъ поэта, въ немъ много недоговореннаго, много такого, что читатель долженъ додѣлать въ своей фантазіи путемъ личной вдумчивости. Сквозь чувственную оболочку сквозитъ иное содержаніе,—то духовное начало, которое и даетъ смыслъ цѣлому. Въ темпѣ данной мелодіи и въ тонѣ даннаго колорита воображеніе читателя поднимаетъ вереницы личныхъ наблюденій и воспоминаній, озаряя ихъ свѣтомъ новаго откровенія. Вотъ почему читатель не всегда беретъ отъ поэта все, что ему можетъ дать художественный образъ. Чѣмъ богаче личный опытъ, чѣмъ смѣлѣе вдумчивость читателя, тѣмъ больше для него содержанія въ стихѣ и образѣ. Образъ не старѣется, потому что каждый разъ, когда онъ снова и снова встаетъ передъ нашимъ сознаніемъ, мы вливаемъ въ него новое содержаніе. Въ этомъ—залогъ его вѣчной свѣжести и новизны. Если не измѣняется слово поэта, то измѣняемся мы, и съ каждымъ измѣненіемъ иначе представляемъ художественный замыселъ. То, что не дѣйствовало на наше чувство прежде, что оставляло насъ спокойными и равнодушными,—встаетъ передъ нами въ сіяніи правды и красоты, когда мы въ жизненномъ опытѣ сроднимся съ поэтомъ. Тотъ, кто былъ въ молодости нашимъ любимымъ поэтомъ, сходить съ пьедестала, когда мы съ годами «сжигаемъ все, чему поклонялись и кланяемся всему, что сжигали». Поэтъ становится или нашимъ другимъ, или нашимъ врагомъ. Спокойно или безстрастно мы сможемъ только на то, къ чему наша душа совсѣмъ не лежитъ.

Эти разочарованія и восторги, конечно, доступны не всѣмъ. Тамъ, гдѣ все обезличивается въ рутинѣ житейской мудрости и практическихъ интересовъ,—нѣтъ почвы и для любви къ искусству. Тамъ, гдѣ нѣтъ почвы для возрожденія образа поэта въ личной фантазіи, нѣтъ главнаго условія художественнаго наслажденія. За-

¹⁾ «Міръ, какъ воля и представленіе». Т. II. 1894 г. Пер. Н. М. Соколова, стр. 496.

то тамъ, гдѣ слово поэта находить полный и звучный откликъ, гдѣ умѣютъ смотрѣть на жизнь его глазами и по своему отвѣчать на его вдохновенное слово,—смѣло и стройно поднимается этотъ величавый призракъ, обвѣянный дыханіемъ нетлѣнной красоты.

Но,—какъ мы говорили,—есть только оригинальные и уже по этому не похожіе на другихъ поэты. Кто не оригиналенъ въ чувствѣ и представленіи, тотъ не поэтъ. Отсюда различіе по конкретнымъ элементамъ творчества и по основнымъ мотивамъ лиризма. Имѣеть свое значеніе самый выборъ образа. Иное дѣло—угрюмый утесъ, который одиноко плачетъ въ пустынѣ,—иное дѣло блѣдная лилія у балкона, которая пугливо ждетъ первой лѣтней грозы. Демонъ, спокойный и гордый въ сознаніи того, что «его никто не любить и все живущее клянеть», и кузнечикъ,—артистъ деревенскаго поля, который думаетъ злую думу надъ могилой легкомысленной Сильфиды, — стоять почти на крайнихъ точкахъ контраста. Сумрачно и одиноко тоскуетъ на дикомъ сѣверѣ сосна, когда ей снится на горячемъ утесѣ прекрасная пальма. Ей не нужно сочувствія, она не ищетъ утѣшенія. Но мы любимъ и цѣнимъ безшабашнаго гуляку, который не покидаетъ въ дни бѣды своего тоскующаго друга.

При неограниченной свободѣ выбора, поэтъ инстинктивно останавливается на тѣхъ чертахъ и тонахъ, которые больше всего отвѣчаютъ его настроенію. Золотая пыль на лепесткахъ лиліи, шумъ и свѣжій нарядъ зазеленѣвшей березки, предразсвѣтный вѣтеръ, который думаетъ, «что воскреснетъ молодая фея», — и «влажный слѣдъ въ морщинѣ стараго утеса», его тяжелыя слезы и думы въ пустынѣ; сосна на голой вершинѣ дикаго сѣвера и тоска отверженнаго духа въ безграничномъ просторѣ голубаго эфира — это черты *личности и мировоззрѣнія*.

Спокойно и властно звучитъ у Пушкина—«Довольно, сокройся»... вслѣдъ «последней тучѣ». Онъ знаетъ зло жизни и, рядомъ со свѣтлыми картинками, увѣренной рукой рисуетъ черную зависть Сальери, восторги личности и тревожное раздумье Скупаго рыцаря, лицемѣріе и злобу вѣроломнаго Мазепы, казнь Кочубея, смерть раба у ногъ непобѣдимаго владыки, оскорбленное и мстительное чувство отца въ «Галубѣ». Онъ «зритъ на правыхъ и виновныхъ, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва, какъ старый дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый», хотя и неравнодушно «внимаетъ добру и злу».

Холодомъ и высокомерной гордостью вѣетъ отъ сумрачныхъ и угрюмыхъ образовъ лермонтовскаго вдохновенія. Даже русалка, которая тоскуетъ надъ сонной рѣкой, тоскуетъ одна и не дѣлитъ ни съ кѣмъ своей печали.

«Жалобная нотка» слишком часто звучит у г. Полонскаго, тоскующаго о веснѣ и счастѣѣ.

Чтобы пѣсня моя разлилась, какъ потокъ,
 Ясной зорьки она дожидается:
 Пусть не темная ночь, пусть горящій востокъ
 Отражается въ ней, отливаается.
 Пусть чликаютъ вольныя пташки вокругъ,
 Сонный гѣсъ пусть проснется—нарядится,
 И сова—пусть она не тревожитъ мой слухъ—
 И, слѣпая, подальше усядется.

Этой жаждой счастья для всѣхъ объявны всѣ образы г. Полонскаго. Въ лирикѣ онъ чаще поэтъ не своей воли. Съ глубокой нѣжностью онъ смотритъ на чужое чувство и боится каждой тучки, которая поднимается надъ его блѣдною лиліею. И «На закатѣ» онъ ищетъ, кого бы встрѣтить ему теплымъ привѣтомъ. Ему ненавистна слѣпая сова. Онъ отворачивается отъ всякаго зла и горя, не знаетъ ненависти, боится бурь и, забывая о себѣ, тоскуетъ чужою печалью. Это чувство сложно, чтó и отразилось въ сложности его образовъ, которые отъ этого утрачиваютъ иногда рельефность и опредѣленность.

Только разъ, какъ сарказмъ, какъ ударъ бича, въ его лиризмѣ прозвучалъ беспощадный и суровый мотивъ. Змѣя ужалила въ сердце горнаго орла и скрылась подъ гранитной разсѣлиной. Но этотъ холодный и гнѣвный аккордъ какъ-то случайно сорвался со струнъ его слишкомъ чуткой и отзывчивой на горе лиры.

IV.

По внѣшнимъ чертамъ, есть нѣкоторое сходство между образомъ и аллегоріею, хотя по существу дѣла аллегорія почти не имѣетъ ничего общаго съ поэзіею. По прямому смыслу конкретныхъ данныхъ мы здѣсь не поймемъ того, что хочетъ сказать авторъ; это—ненужный изворотъ рѣчи, чтобы отмѣтить отвлеченное понятіе, которое лучше всего отражается въ простомъ словѣ. Это слишкомъ искусственный и мудреный намекъ на самыя простыя вещи. Прямой и естественной связи между формою и содержаниемъ здѣсь нѣтъ. Конкретный значокъ,—какъ въ деревняхъ елка у кабака,—имѣетъ только условный смыслъ. Это скучная и искусственная загадка, плодъ праздности и досужей затѣйливости.

Яркій примѣръ самой безжизненной аллегоріи въ русской литературѣ—это «Драконъ» гр. А. Толстаго. Поэтъ мучитъ и дразнитъ воображеніе читателя самыми загадочными, самыми причудливыми подробностями. Мысль пристально и зорко слѣдитъ за его

усердной и, повидимому, очень серьезной работой. И въ результатѣ—ничего, какая-то дѣтская шалость. Этотъ удивительный драконъ — только предтеча, т. е. символъ свирѣпаго кесаря. Стоило изъ-за этого огородъ городить!.. Вся тонкость работы, всѣ затѣйливые узоры хитрой изворотливости—только пустая трата времени, потому что произведеніе ничего не потеряло бы и при меньшей виртуозности исполненія. Читать это стихотвореніе второй разъ также трудно, какъ трудно снова заинтересоваться уже давно разгаданнымъ ребусомъ. За плотными и тяжелыми покровами аллегоріи чахнетъ искусственный и тусклый огонекъ; за очертаніями художественнаго образа разстилается широкая даль, полная жизни и мысли. Здѣсь глазъ не упирается въ стѣну, какъ въ аллегоріи, а идетъ все дальше и дальше, угадывая все новыя и новыя очертанія намѣченной перспективы.

Въ виду этого поэтъ, осторожный въ выборѣ образа, долженъ быть очень осторожнымъ и въ выборѣ той идеи, которую онъ думаетъ воплотить въ образѣ. Не всегда безопасно скользить по краю обрыва, гдѣ подъ ногами открываются всѣ бездны и ужасы прозы.

И у Я. П. Полонскаго можно подмѣтить рискованныя по замыслу пьесы. Въ его стихотвореніи «На кораблѣ» слышится мотивъ гейневскаго: «Возьми барабанъ да не бойся».

Стихаетъ. Ночь темна. Свисти, чтобъ мы не спали.
Еще вчерашняя гроза не унялась...

Фонарь разбитъ, не видно компаса, направленіе потеряно «въ безлунномъ мракѣ».

Неси огня. Звони, свисти, чтобъ мы не спали!
Еще вчерашняя гроза не унялась...

Задумчиво стоитъ у руля капитанъ. Но идетъ заря, зажигается день, можно подсчитать потери. Погибло многое, но не все.

Мы мачты укрѣпимъ, мы паруса подтянемъ,
Мы нашимъ топотомъ встревожимъ правдныхъ глѣнь,
И дальше въ путь пойдемъ, и дружно пѣсно грянемъ—
Господь, благослови грядущій день!

Гейне, который умѣлъ превосходно говорить на языкѣ образовъ, для этой темы взялъ болѣе простые и болѣе понятные звуки. И, дѣйствительно, здѣсь слишкомъ легко сбиться на публицистическій паеосъ, заговорить языкомъ трибуна и оратора, или, исходя отъ отвлеченной мысли, создать блѣдный аллегорическій образъ, гдѣ все будетъ намекомъ и хитрой притчей.

Поэтъ сдѣлалъ все, чтобы избѣжать этой опасности. Чтобы очертить данный моментъ общественной жизни, онъ взялъ изъ картины

только не теоретическое обобщение наличных фактовъ, а общее настроеніе тѣхъ, кто находился на этомъ кораблѣ. Образъ не весь цѣликомъ, но все таки разрѣшается въ прозаическую формулу. При переводѣ на простой языкъ, красивыя подробности теряютъ отчасти свое значеніе. Топотъ ногъ на палубѣ едва ли разбудить тѣхъ, кто могъ заснуть и въ такую минуту. Это пѣсня времени; какъ такая, она сравнительно бѣдна содержаніемъ и не особенно долговѣчна. Какъ только измѣнятся контуры перспективы, она утратитъ свое значеніе, хотя въ свое время въ ней, можетъ быть, было много наркотическихъ и опьяняющихъ элементовъ.

Въ стихотвореніи «Нагорный ключъ» сказалась поэтическая вѣра г. Полонскаго въ безсмертіе всякой живой силы. Ключъ рвется изъ-подъ ледяныхъ оковъ своихъ родныхъ высотъ, хочетъ разлиться по долинамъ и утолять жажду людей. Пусть не легка дорога, пусть встрѣтятъ его скалы и кручи, и между скалами темный провалъ въ бездну, гдѣ отъ вѣка горятъ подземные огни,—онъ вѣритъ въ свою побѣду.

У какой нибудь горы
 Я сгущу мои пары;
 Надъ дымящимся жерломъ
 Встану темнымъ я столбомъ;
 Буду грозно влокотать,
 Сѣрнымъ пламенемъ дышать
 И меня сопровождать
 Будутъ молнія и громъ.
 Но едва лучистый видъ
 Неба взоръ мой прояснитъ,
 Я не въ грѣсахъ, наяву
 Синей тучкой поллыву,
 Засверкаю жемчугомъ,
 Упаду косымъ дождемъ,
 Буду жажду утолять,
 Ваши силы обновлять.

Этотъ рядъ живыхъ картинъ иллюстрируетъ одно изъ самыхъ заповѣдныхъ вѣрованій поэта; но мотивъ самъ по себѣ прозаиченъ. Та вѣра во всякую живую силу, которая лежитъ въ основѣ этого стихотворенія, *выше* этого образа. Она—результатъ убѣжденія, подъ которымъ лежитъ исторія и культура, и поэтому понятна только тѣмъ, кто дѣлитъ убѣжденія и взгляды автора. Здѣсь образъ можетъ только сопровождать и иллюстрировать убѣжденіе, не поглощая его цѣликомъ. А въ этомъ убѣжденіи такъ много теоретическаго содержанія, что оно не можетъ объединиться въ предѣлахъ только *настроения* поэта; здѣсь нужны доказательства и поясненія. Поэтому здѣсь образъ предполагаетъ уже опредѣленную точку зрѣнія и опредѣ-

ленные взгляды; какъ такой, онъ доступенъ критикѣ и возраженіямъ. Всѣ эти черты лишаютъ образъ *спокойной* красоты и *безспорной* правды. А образы поэта должны быть вѣчны, какъ жизнь, которая ихъ создала, доступны и понятны всѣмъ, не обусловлены субъективными элементами міросозерцанія и историческаго момента.

Самая страстность мотива не отвѣчаетъ свойствамъ темы. Всѣ вулканы и гейзеры менѣе пламенны, чѣмъ простые слова Шамиссо — «Слышишь? полночь! Этимъ звономъ» и т. д. *Здѣсь* сила страстности—въ отрицаніи; страстность же, въ положительной формулѣ идеала, неестественна и поэтому лишена силы. Въ стихотвореніяхъ на эти темы «жгутъ сердца» звуки негодующей сатиры и гнѣвнаго протеста, чтѣ, конечно, не вмѣщается въ спокойныхъ очертаніяхъ художественнаго образа. Большіе мастера такихъ пѣсень, какъ Гейне и Шамиссо, говорили злымъ и ѣдкимъ языкомъ злости, а не умиленными возгласами вѣры и восторга. Это смѣлый мотивъ другихъ формъ и видовъ лирической пѣсни, гдѣ вѣнокъ дается не столько за красоту творчества, сколько за гражданскія заслуги.

V.

Единство впечатлѣнія,—какъ отраженіе единства въ настроеніи поэта, воплощающаго въ предѣлахъ даннаго момента всю свою личность,—требуетъ того, чтобы всѣ подробности и штрихи соответствовали смыслу и духу конечнаго эффекта. Это—общій законъ для всѣхъ поэтовъ; но понимаютъ его не всегда одинаково.

Плохой поэтъ, подготавливая послѣдній аккордъ, становится рабомъ своей темы, торопится къ концу и въ выборѣ подробностей обнаруживаетъ слишкомъ много щепетильности и педантизма. Примѣръ этого—наши молодые поэты пессимистическаго пошиба, которые такъ сгущаютъ мрачныя краски, что ихъ уныніе не въ мѣру преувеличенное, не трогаетъ, а смѣшитъ. Въ картинахъ изъ прошлаго они пользуются только данными археологіи. Пирамиды, сфинксы, обелиски, гіероглифы, лотосъ, Ниль—надежные аксесуары «мѣстнаго колорита» египетской жизни, и поэтъ, подавленный своей эрудиціей, не рискуетъ искать, на свой страхъ и на свою отвѣтственность, другихъ подробностей картины. Въ стихотвореніяхъ на античныя темы — почти не бываетъ зари; вмѣсто нея всегда торжественно выступаетъ Эось или Аврора, какъ будто грекъ всегда и на все смотрѣлъ только сквозь дымку своей міеологіи. Картина становится одноцвѣтною и монотонною, манера работы — сухой и

жосткой, и поэтъ подъ ношей своего сюжета, какъ заморенная кляча, бѣжитъ къ призовому столбу конечнаго эффекта.

Крупный поэтъ, увѣренный въ своихъ силахъ, спокойно и свободно, широкой кистью рисуетъ перспективу драмы и въ подробностяхъ рисунка воплощаетъ свое личное отношеніе къ темѣ. Въ этомъ отношеніи г. Полонскій обнаруживаетъ рѣдкое мастерство и особенную, только ему присущую, своеобразность техники.

Мы въ Египтѣ. Въ Мемфиоѣ, въ храмѣ Изиды, стоитъ кумирь, закрытый со всѣхъ сторонъ таинственнымъ покрываломъ. Это — «Закрытая истина». Два грека вошли въ храмъ съ дерзкой рѣшимостью поднять со статуи богини «дѣвственный покровъ», который, «въ тысячѣ неуловимыхъ складокъ» спускался съ головы до подножія пьедестала. До сихъ поръ только одинъ безстрашный безумецъ дерзнулъ поднять святое покрывало; но, когда онъ отошелъ отъ богини, онъ никого не узналъ и съ тѣхъ поръ никто не понималъ его странныхъ рѣчей. Старый жрецъ при входѣ въ храмъ ждетъ, съ чѣмъ выдутъ эти дерзкіе греки. Мы на порогѣ великой тайны.

День вечерѣлъ. Вершины пирамидъ
Своими верхними ступенями сіяли;
Дворцовыхъ лѣстницъ простывалъ гранитъ;
Межъ дальнихъ отмелей кой-гдѣ едва мелькали
Повисшіе надъ Ниломъ паруса;
Слетались ибисы на гнѣзда. Тѣнь ложилась,
Какъ будто для того, чтобъ ярче золотилась
Заря, и пурпуромъ свовели небеса.
На роскошь приближающейся ночи
Глядѣли сфинксовъ каменные очи,
И тайной вѣяло отъ царственныхъ могилъ...
Изиды храмъ еще отворенъ былъ...

Вполнѣ понятны эти торжественные и таинственные штрихи картины: вершины пирамидъ, остывающій гранитъ дворцовыхъ лѣстницъ, каменные очи сфинксовъ. Здѣсь открывается великая тайна храма Изиды. Но зачѣмъ эти паруса надъ Ниломъ? Зачѣмъ эти ибисы, которые слетаются на гнѣзда? Какъ всегда, ставить свой парусъ рыбаки и ибисы заботятся о своемъ выводкѣ, хотя въ таинственномъ полумракѣ храма открывается величайшая тайна знанія и мудрости. Кстати ли эти подробности трудовой жизни и мирнаго вечера, когда сейчасъ же должно прозвучать великое и таинственное слово? Не задерживаютъ ли онѣ дѣйствія, не нарушаютъ ли общаго колорита картины?

Книжный поэтъ, конечно, побоялся бы этихъ ибисовъ и парусовъ. Они показались бы ему ниже его фантазіи на египетскія темы. Но *здѣсь* это — начало скептицизма, невѣрія въ тайны за-

крытой истины. Пусть дерзкіе греки, въ безумной жадѣ истины, рискуютъ всёми, чтобы разгадать «загадку всёхъ загадокъ» и постигнуть «тайну всёхъ вѣковъ»,—рыбакъ все таки бросаетъ свой неводъ и ибисъ вечеромъ летитъ на гнѣздо, потому что истины въ храмѣ Изиды *нѣтъ* и греки не унесутъ оттуда великой тайны. Такъ думаетъ поэтъ, хотя старый жрецъ пока и не дѣлитъ съ нимъ этой вѣры, потому что онъ *ждетъ* грековъ.

И греки вышли. Одинъ сіялъ торжествомъ. Истина,—какъ видѣлъ онъ,—«гармонія, свѣтъ, сила, красота». Другой былъ блѣденъ и унылъ; истина, — какъ онъ узналъ, — «скелетъ, нетлѣнный символъ уничтоженія всего». И поэтъ былъ правъ. Эта двойственность загадочнаго откровенія могла разрѣшиться только скептическимъ выводомъ. Мاستитый жрецъ долго наблюдалъ движеніе свѣтилъ и, наконецъ, сказалъ въ какомъ-то «пророческомъ томленьѣ».

—Духъ творчества! И ты, духъ темный разрушенья!
 Одно стремленье васъ когда нибудь сроднить.
 Враждуйте—потому, что *истина молчитъ!*
 Когда жъ съ народами она заговоритъ,
 Миръ вашу старую вражду, какъ сонъ, забудетъ,
 Но боги—что тогда? Ужель тогда не будетъ
 Ни храма этого, ни этихъ пирамидъ?

Но мы уже *видѣли* этотъ выводъ. Мы знали уже, что истина еще молчитъ и предчувствовали, что этого храма не будетъ, когда заговоритъ она съ людьми. По подробностямъ картины мы могли догадаться, что истины нѣтъ, хотя, можетъ быть, она еще и будетъ... Маленькія реальныя подробности внесли въ эту картину больше жизни и свѣта, чѣмъ всё историческія и археологическія детали.

Съ этой стороны заслуживаетъ особеннаго вниманія стихотвореніе «Казимиръ Великій». Его тема очень эффектна—смѣлая пѣсня о голодѣ пѣвца изъ народа и гнѣвъ великаго короля на корыстныхъ пановъ. Какой просторъ для нарядной фантазіи тѣхъ поэтовъ, которые такъ охотно берутъ на прокатъ красоту изъ оперы и балета! Сколько гордости и ослѣпительнаго блеска припасено на такіе случаи у пѣвцовъ, падкихъ на все исключительное и рѣдкое! Скальдъ, который поетъ свои три пѣсни могущему Освальду, не идетъ, а «выступаетъ» на царскую рѣчь, съ мечемъ у пояса, съ арфой подъ мышкой. Слѣпой пѣвецъ у гр. А. Толстаго перерождается въ величавый парентирсъ и пышную гиперболу.

И кажутся царской хламидой на немъ
 Лохмотья раздранной одежды.

Эти лохмотья затасканной и условной красоты, конечно, по плечу тому, кто не умѣетъ смотрѣть своими глазами и не носить

въ себѣ личнаго чутья и критерія поэзіи и красоты. Для плохаго поэта это—опасная тема, потому что на ней пробовали и пробуютъ свои силы и большіе, и маленькіе поэты; всѣ удобства плагиата здѣсь особенно соблазнительны. Если всѣ люди склонны думать, что и обстановка великаго событія должна быть величавой и внушительной, то особенно склонны къ этому поэты, муза которыхъ одержима маніей величія. Чтобы видѣть великое въ простомъ, надо быть пѣвцомъ своей красоты.

Яркость и самобытность дарованія г. Полонскаго находитъ свое лучшее доказательство въ томъ, что онъ совершенно по своему справился съ этимъ труднымъ и рискованнымъ сюжетомъ.

Съ обычной точки зрѣнія, возвращеніе съ охоты, по логикѣ сюжета, ненужная и излишняя подробность. Эта картина какъ будто понижаетъ строй гордаго и смѣлаго мотива. А если уже и было необходимо взять ее исходнымъ моментомъ, то къ чему эти будничныя подробности—«расписныя сани, покрытыя ковромъ», «боевая бурка на распахку», «позвонки на хомуцахъ» и особенно — «изъ саней торчатъ собачьи морды, свѣсилась оленья голова»? Все это слишкомъ заурядно и просто, слишкомъ невыразительно въ поэмѣ, центръ которой—всепобѣдныя чары могучей пѣсни. Такъ кажется съ шаблонной точки зрѣнія опытныхъ пѣвцовъ «всего великаго и прекраснаго въ мірѣ».

Но это возвращеніе съ охоты у г. Полонскаго — серьезный и безусловно нужный моментъ въ развитіи основной мысли. Данъ темпъ мелодіи, мѣрка нашихъ представленій и ожиданій; сразу и мѣтко установлена точка зрѣнія на смыслъ дѣйствія. Казимиръ не первый разъ такъ возвращается въ Краковъ подъ веселые звуки охотничьяго поѣзда. Весело брячатъ звонки на хомуцахъ, весело трубятъ впереди роги; съ ласкою склонилась на его могучее плечо молодая королева. Но круль не въ духѣ; онъ насупилъ брови и горячо дышетъ на морозѣ. Изъ пѣсни гуслара онъ узналъ о голодѣ. Ъдетъ ли за ними этотъ гусларь? Пусть онъ споетъ магнатамъ, что «спяна» пѣлъ лѣсникамъ. Это первые раскаты грома; но и по нимъ уже видно, что изъ этой тучи не брызнутъ олимпійскія молніи, которыя низвергли сторукихъ гигантовъ. Мы знаемъ, что мы услышимъ смѣлую пѣсню гуслара, но это не поставитъ его въ центрѣ событій. На первомъ планѣ останется великій король, — «хлопскій круль», какъ говорили паны.

Въ Краковскомъ замкѣ, на пиру, «Казимиръ сидитъ въ полу-жафтанѣ, подпирая бороду рукой».

Борода впередъ выходитъ клиномъ,

Волосы подстрижены въ кружокъ.

Передъ нимъ съ виномъ стоять на блюдѣ
Въ золотой оправѣ турій рогъ.

Надъ его «бровями дума бродить, словно тѣнь отъ тучи грозобой»,—но поэтъ уже отнялъ отъ нашего воображенія право фантазировать на темы грома и молній. Это не могучій Торъ, не грозный Перунъ, не олимпійскій громовержецъ. Мы уже не смѣемъ по своему радить и рисовать королевскій гиввъ. Борода клиномъ и волосы въ кружокъ—зовутъ нашу мысль къ землѣ и земнымъ громамъ, которые несутъ дождь деревенскому полю.

И, когда утомилась пляской королева, «дышетъ зноемъ молодая грудь»,—она съ ласковой улыбкой идетъ къ своему мужу, не боясь признаковъ бури.

— Государь мой, *веселѣ* будь!

Воеводы «чинно сѣли подъ столбами залы», панны «съ розовой усмѣшкой на устахъ» разсѣлись по ступенькамъ трона и—ждутъ.

... И вотъ на праздникъ королевскій
Сквозь толпу идетъ, какъ на базаръ.
Въ сѣрой свиткѣ, въ обуви ремяной,
Изъ народа вызванный гуслирь.
Отъ него надворной вѣетъ стужей,
Искры свѣга таютъ въ волосахъ,
И, какъ тѣнь, лежитъ румянецъ сизый
На его обвѣтренныхъ щекахъ.
Низко передъ царственной четою,
Преклоняся косматой головой,
На ремняхъ повиснувшія гусли
Поддержалъ онъ лѣвою рукой.
Правую подобострастно къ сердцу
Онъ прижалъ, отдавъ поклонъ гостямъ...

Это почти жестоко со стороны поэта—отнять всякую свободу отъ нашей фантазій. Еслибы не эти конкретные штрихи, мы по своему представляли бы себѣ пѣвца изъ народа,—создали бы, какъ сумѣли, образъ пѣвца-героя, смѣлаго и вдохновеннаго вѣстника народной правды. Наша мысль, изнѣженная пѣвучими напѣвами величавой и неземной красоты, съ трудомъ нагибается къ этой сѣрой свиткѣ, къ этимъ поршнямъ, къ этимъ гуслимъ на ремнѣ и особенно къ этому подобострастному жесту при поклонѣ гостямъ. Надо признаться, что наши поэты не научили насъ считаться съ реальными чертами жизни, рисуя намъ великія событія.

Но въ картинѣ г. Полонскаго это удивительно смѣлый и удачный ударъ кисти. Если Казимиръ не владыка олимпійскихъ громовъ, то и пѣвецъ съ простыми гуслими, вмѣсто гремучей лиры,—простой парень изъ деревни. Онъ пѣлъ про старые походы на

нѣмцевъ и татаръ, пѣлъ красоту королевы, не зная, чего ждать отъ него король. Но король сказалъ свое слово и гусярь, «какъ плѣнникъ, дико озираясь, заунывнымъ голосомъ запѣлъ».

Это была простая, заунывная пѣсня,—пѣсня голода, какъ ее поютъ въ деревнѣ,—безъ искусственныхъ эффектовъ, безъ громкихъ фразъ, полная молчаливой покорности, безысходнаго горя и жестокаго упрека панамъ, богатѣющимъ отъ народной бѣды. И она не заслонила отъ насъ крупной фигуры взволнованнаго короля, когда онъ «въ гнѣвѣ, весь багровый, озираетъ онѣмѣвшій пирь», когда онъ въ поясъ поклонился гусярю «за правду» и «въ порывѣ панской корысти» рѣшилъ отпереть «свои амбары».

Это не только не молніи зевесова орла, но даже и не гнѣвъ нашего Грознаго. Это «громъ въ засуху»; онъ ниже эстетики польскихъ пановъ и ихъ женъ, которые увидѣли въ этомъ «хлопство». Только такой громъ и былъ понятенъ поэту. «Въ засуху» онъ гнѣвно провожалъ «молніеносную глыбу тучи», которая безъ дождя «перевалила за лѣса».

Никто не скажетъ ей спасибо,
 Съ упрекомъ глядя въ небеса.
 Ушла.. Но гдѣ жь надъ вломъ побѣда?
 Въ чемъ торжество? Все тотъ же зной—
 И не осталось даже слѣда
 Отъ бѣдной капли дождевой.

Поэтъ мастерски, въ шенкеляхъ, сдержалъ нашу пылкую фантазію, круто отнялъ отъ сюжета всѣ безжизненные черты условнаго величія, всѣ декоративные орнаменты ходульной эстетики, и далъ смѣлый урокъ простой правды и простаго добра. Фальшивый въ своемъ мишурномъ блескѣ и риторической пышности, мотивъ этотъ зазвучалъ на его струнахъ величаво-просто. Это скромное благородство, этотъ порывъ прямаго и горячаго сердца—вылились изъ родника той чистой красоты, откуда черпаетъ свои вдохновенія только поэтъ и за нимъ—никто.

VI.

Критики и рецензенты Я. П. Полонскаго не разъ пытались понять особенности его «фантастичности», дивились силѣ и смѣлости его воображенія.

«Это фантастичность чисто русская, навѣянная сѣверной природой съ ея суровой зимой и продолжительными ночами»,—говорить г. Л. ¹⁾. Едвали это достаточно понятно и ясно. Какія же

¹⁾ «Голосъ», 1876 г., № 139.

черты «сѣверной фантастичности» имѣетъ критикъ въ виду? Да это невѣрно и по существу. «Наяды», «Статуя (изъ воспоминаній художника)», «Факиръ», «Вавилонское столпотвореніе», «Вакханка и Сатиръ», «Сонъ язычника» и особенно «Кассандра»—даютъ черты вполне «южной» фантастичности, если только здѣсь можно руководиться географическими терминами и опредѣленіями.

Первая особенность фантастичности г. Полонскаго—это почти полное отсутствіе фантастичности. Его воображеніе почти всегда остается въ предѣлахъ земнаго существованія и сторонится отъ выходцевъ загробнаго міра; онъ работаетъ безъ помощи демоновъ и привидѣній. Мы говоримъ *почти*, потому что безъ этого фактора не обойтись ни одному изъ поэтовъ; можно указать кое-что по этой части и у г. Полонскаго, помня, однако, что у него вообще фантастичность сведена до minimum'a. Но и здѣсь поэтъ оригиналенъ; у него каждый разъ фантастическіе элементы стоятъ передъ сознаниемъ недолго и всѣ безъ остатка разрѣшаются въ самыя простыя, естественныя и реальныя величины.

Мы считаемъ нужнымъ отмѣтить и эту сторону его поэтической техники, такъ какъ и это отчасти помогаетъ уяснить его міровозрѣніе.

Мельникъ съ *пожелья* заснулъ въ телѣгѣ и сбился съ дороги. Его сынишка напрасно старается разбудить батьку. Лѣсъ становится глуше.

Что тамъ? Не мѣсяцъ ли всходитъ?
Али съ зажженой лучиною бѣсъ
Между деревьями бродить?—

Такъ, чисто по русски, воображеніе ребенка оживляютъ темныя сумерки лѣса.

Что ты боишься! Чего ты кричишь!
Это костры зажигаютъ;
Черезъ огни дѣвки прыгаютъ,—слышь,—
Наши ребята гуляютъ...

Но ребенокъ видитъ другіе огни:—сквозь дымъ, черезъ огни, скачутъ вѣдьмы, въ телѣгу глядитъ морда лѣшаго.—«Батька, мнѣ страшно,—ребенокъ кричитъ».

Что тутъ за страсти! Откуда ты взялъ?
Билъ я тебя,—билъ, да мало!
Что за бѣда, что народъ загулялъ
Въ ночь подъ Ивана Купала!

Изъ лѣсу идетъ и поэтъ, распустивъ косы, старшая дочка мельника; парень ловитъ ее сзади рукой. Мельникъ останавливаетъ дочку.

— Батюшка, батюшка!— молвила дочь.—
 Дай ужь ты мнѣ нагуляться,—
 Такъ нагуляться, чтобъ было не въ мочь
 Завтра съ постели подняться.

Идетъ, вся разгорѣвшись, и его меньшая дочка; рубашка льнетъ къ ея тѣлу. «Загуляю, запыю злую неволю, кручину свою»,— приговариваетъ она.—Мельникъ сталъ слѣзать съ телѣги, чтобы проучить своихъ загулявшихъ дочерей; но, «оскаливши зубы», его остановилъ кумъ и позвалъ вмѣстѣ выпить съ горя. Мальчикъ старается остановить своего батьбу, потому что это «не кумъ».

Мельникъ не слышитъ—и съ кумомъ своимъ
 Сталъ за кострами теряться.
 Хохотъ, какъ буря, пронесся за нимъ;
 Начали тѣни сгущаться;
 И красноватыми пятнами сталъ
 Дымъ пропадать-пропадать и пропасть.
 Только туманъ изъ-за низменныхъ пней
 Смутно бѣлѣлъ, да во мракѣ
 Дождикъ дробилъ по листьямъ, да ручей
 Глухо ворчалъ въ буеракѣ.
 Ирѣдка воздухъ ночной доносилъ
 Шорохъ проснувшихся галокъ...

Удивительно сильное впечатлѣніе производитъ этотъ крутой переходъ отъ таинственныхъ призраковъ купальской ночи къ самымъ простымъ и реальнымъ чертамъ ранняго утра. Арена купальскаго разгула опустѣла. Слышенъ шорохъ галокъ, дробить по листьямъ дождь, глухо ворчить въ буеракѣ ручей. Но въ этихъ живыхъ и простыхъ звукахъ чудится что-то неладное, темное, загадочное; по инерціи фантазія, все еще обвѣянная видѣніями ночной нечисти, съ удивленнымъ ужасомъ смотритъ на сѣренькую картину лѣса въ ненастье. Становится какъ-то еще страшнѣе, еще ужаснѣе на этомъ непелищѣ отгорѣвшихъ костровъ. Кажется, что не туманъ, а все еще дымъ стелется по низинѣ. Жутко ждешь новыхъ раскатовъ безшабашнаго хохота и криковъ пьяной ночной вакханаліи. Вотъ почему такъ болѣзненно и беспомощно, такъ робко и рѣзко звучить по лѣсу крикъ покинутаго ребенка.

Слухи пошли по деревнѣ, какъ бѣсъ
 Душу сгубилъ. Толковали:
 «Чортъ ли понесъ къ ночи пьянаго въ лѣсъ?
 Пьянъ такъ отъ лѣсу подалъ!»
 Но и донынѣ душа старика
 Стонетъ въ лѣсу позади кабака.

Съ рѣдкимъ мастерствомъ рассказана эта деревенская баллада. Послѣдній куплетъ естественно и просто заключаетъ полуфанта-

стическую драму въ лѣсу, гдѣ вѣдьмы, лѣпшіи и подозрительный кумъ—живые яркою жизнью русскихъ повѣрій—набросили свои причудливыя тѣни на фактъ, который, можетъ быть, понятенъ и безъ ихъ сатанинскихъ обольщеній, хотя, конечно, всякое естественное объясненіе только убило бы въ немъ переливы поэзіи.

Но надо помнить, что вѣдьмы и лѣпшіи—образы, такъ сказать, обиходной крестьянской нечисти и,—что очень важно,—не выходя изъ могилы; они живы и ничего не говорятъ о смерти. Въ балладѣ они занимаютъ сравнительно скромное мѣсто. Разгульныя и хмельныя рѣчи мельниковыхъ дочекъ ярче рисуютъ оргіи безпутной ночи. И лучший эффектъ стихотворенія—это смѣлый и мастерской переходъ отъ фантазіи къ дѣйствительности.

Здѣсь, впрочемъ, поэтъ пользовался уже готовыми образами народной фантазіи. Въ стихотвореніи же «Симеонъ, царь болгарскій» онъ создавалъ фантастическіе элементы за свой счетъ и поэтому основныя свойства его «фантастичности»—яснѣе. Это безукоризненное по формѣ стихотвореніе, по духу, чуждо лирѣ г. Полонскаго; только здѣсь поэтъ ставитъ болгарскому царю въ вину, что онъ «опустилъ свой мечъ»; но это не помѣшало ему съ рѣдкимъ искусствомъ справиться съ темой. На грозный призывъ Симеона, властитель Византіи, императоръ Романъ, «блѣдень, золъ и молчаливъ», плыветъ черезъ заливъ «въ позолоченной триремѣ».

Онъ къ царю плыветъ съ дарами,—
Отвернулся отъ гребцовъ.
По гербамъ и горностаамъ
Ходить тѣнь отъ парусовъ.

Отчеркнувъ этимъ живымъ и меткимъ штрихомъ общее впечатлѣніе императорскаго переѣзда, поэтъ картинно рисуетъ хитрую рѣчь византійской дипломатіи. Романъ

Взоры клонять и возводить,
И величественно льстить,
И царю напоминаеть,
Что Богъ миловать велить.

Миръ заключенъ. Въ полночь, опередивъ воеводъ и копыеносцевъ, Симеонъ ѣдетъ въ свой станъ. Вдругъ, на каменномъ уступѣ древняго храма—

Встала тѣнь; монахъ какой-то,
Сѣдовласый, съ костылемъ;
Бѣлый крестъ на черной рябѣ,
Запахъ ладана кругомъ.
Видно, грекъ; на блѣдномъ лицѣ
Выраженіе тоски,—
И повисъ рукавъ широкий
Вдоль протянутой руки.

Въ лунномъ свѣтѣ полночи раздается «полу-ропотъ, полу-стонъ»,—голосъ таинственнаго «инока», который пророчить рабство и горе болгарскому народу. Въ этомъ инокѣ гораздо больше жизни, чѣмъ въ привидѣнiяхъ и призракахъ, чѣмъ въ образахъ народной фантази, которые сполна исчерпываются съ своими традиционными и условными признаками и атрибутами. Костыль, широкій рукавъ рясы и бѣлый крестъ на груди—черты не призрачной, не кажущейся жизни. Еще недавно пѣна царьградскихъ винъ лилась на ковры императорской ставки, скрѣпляя «долгій миръ двухъ монарховъ». Теперь открылась обратная сторона договора. И,

... почувъ вѣщій страхъ,
Симеонъ рванулъ браздами
И привсталъ на стременахъ,
И стремглавъ промчался мимо,
Какъ отъ встрѣчи съ мертвецомъ,
Отъ измѣнника-пророка
Заслонивъ себя щитомъ.

Сквозь этотъ превосходный образъ мы видимъ, какъ глубоко «содрогнуся» Симеонъ, когда новая мысль молнiей озарила его умъ,—видимъ, съ какимъ ужасомъ и тревогой онъ старался «заслониться» отъ страшной думы. Это предположенiе невольно приходитъ на умъ, какъ только начинаетъ говорить сѣдой монахъ «съ тоской на блѣдномъ ликѣ»: все фантастическое въ немъ, заслоняясь суровой правдой его укорины, не оставляетъ никакихъ слѣдовъ въ нашемъ сознании. Подавленные серьезностью пророчества, мы забываемъ спросить у поэта: что же это былъ за инокъ?—и во всѣ глаза смотримъ на «вѣщій страхъ» испуганнаго Симеона.

По нашему мнѣнiю, фантастичнѣе всего у г. Полонскаго его фантази на астрономическiя темы, но и онѣ всегда имѣютъ подъ собою предположенiя и гипотезы науки, что, сдерживая слишкомъ вольный размахъ воображенiя, даетъ его мечтамъ отпечатокъ простоты и правдивости.

Границы его воображенiя—могила съ одной стороны и видимое небо съ другой. Для поэта это очень характерно и скромно, потому что настоящая фантастичность начинается только за этими предѣлами.

VII.

Воображенiе поэта, не раскидываясь по туманной дали царства призраковъ, всю свою недожинную силу вложило въ воспроизведенiе простыхъ и естественныхъ явленiй природы и жизни. Здѣсь

у г. Полонскаго нѣтъ соперниковъ ни среди сверстниковъ, ни среди молодыхъ поэтовъ. Онъ не миньютюристъ, рисуетъ широко и смѣло, и каждый его штрихъ живъ и ясенъ. Внѣшнее впечатлѣніе всегда ложится на широкое и свободное воспріятіе. Это не «природы праздной соглядатай»; онъ смотритъ, а не подсматриваетъ, чтобы подобрать къ ничтожному и безцвѣтному настроенію случайную конкретную подставку.

Вездѣ,—и въ его эпосѣ, и въ его юмористическихъ поэмахъ,—фонъ картины прозраченъ и просторенъ; каждое отдѣльное впечатлѣніе вырѣзывается отчетливо и стройно.

Картины природы въ его «Собакахъ» иногда не уступаютъ описаніямъ деревенскаго лѣта въ «Кузнечикъ-музыкантъ», хотя здѣсь, по самой цѣли работы, его муза не поетъ, а воетъ,—не пищеть, а царапаетъ; здѣсь, повидимому, нѣтъ и струнъ, чтобы пѣть гимны природѣ; но и здѣсь, при нѣкоторой странности колорита, щедро раскиданы мастерскіе этюды и эскизы.

Чутко угадывая основной мотивъ общей картины, поэтъ не знаетъ трудностей, когда задается цѣлью воплотить въ словѣ самыя сложные и тонкіе оттѣнки своего наблюденія.

Чтобы достигнуть своей цѣли, поэтъ пользуется самыми простыми словами языка, которыхъ такъ боятся тренированные поэты новой школы.

Въ настоящее время, въ поэзіи замѣтна погоня за красивыми словами. Каждое слово у нѣкоторыхъ изъ молодыхъ поэтовъ, кажется, обвязано розовой ленточкой, вспрыснуто духами, жеманно до приторности и сладко до «совершенно ясной и своеобразной стихотворной пѣвучести рѣчи». Тощій и чахлый словарь въ золото-обрѣзномъ переплетѣ этихъ женоподобныхъ евнуховъ поэзіи возникъ изъ ненависти къ шипящимъ и свистящимъ звукамъ, изъ пламенной любви къ южнымъ буквамъ «о» и «и», какъ особенно способствующимъ пѣвучести слова. Это забавное фарисейство хочеть замѣнить ухомъ глазъ и перезвономъ рифмъ—мышленіе. Ихъ пѣсни—школьное упражненіе въ пѣніи безъ согласныхъ звуковъ.

VIII.

Природа только тому открываетъ свои лучшія тайны, кто умѣетъ зорко и вдумчиво смотрѣть въ тайники ея творчества, безъ предвзятой мысли, безъ узкой тенденціи. Чтобы понять ее, надо почти забыть о себѣ. Каждая теорія и система туманной пеленой ложатся между ея тайнами и «созерцающими очами». Поэтому

самыя чистыя и самыя тонкія наблюденія надъ жизнью мы собираемъ въ дѣтствѣ.

Такова же и личность каждаго отдѣльнаго, сколько нибудь оригинальнаго, человѣка. Правда, насъ больше всего интересуетъ въ немъ то, что намъ симпатично, отвѣчаетъ нашему личному характеру и міровозрѣнію; но и въ симпатичномъ мы тѣмъ лучше угадаемъ все самобытное и свое, чѣмъ меньше будемъ говорить сами и чѣмъ больше будемъ слушать другаго.

Г. Полонскій вполне обладаетъ этимъ художественнымъ тактомъ, этимъ чуткимъ вниманіемъ, когда въ своемъ стихѣ передаетъ свои впечатлѣнія отъ вдохновившихъ его лицъ. Каждая строчка въ его стихотвореніи на праздникъ Пушкина напоминаетъ намъ то или другое изъ произведеній нашего великаго поэта,—напоминаетъ даже его собственныя выраженія.

Это тотъ «ничтожный міра»,
 Что, когда бряпала лира,
 Жегъ сердца намъ, какъ пророкъ.

Онъ какъ будто отказывается отъ своего права голоса и даетъ слово тому, кто разбудилъ въ немъ вдохновеніе и чувство. И такъ онъ дѣлаетъ всегда. Въ стихотвореніи «Памяти В. М. Гаршина» передъ нами въ общихъ очертаніяхъ встаютъ лучшія произведенія трагически погибшаго писателя.

Безъ крика и безъ сожалѣнья
 Покинулъ онъ больной нашъ свѣтъ;
 Его не восторгаль онъ,—нѣтъ!..
 Въ его глазахъ онъ былъ темницей,
 Гдѣ гордой пальмѣ мѣста нѣтъ,
 Гдѣ такъ роскошенъ пустоцвѣтъ,—
 Гдѣ пойманной, помятой птицей,
 Не вѣря собственнымъ крыламъ,
 Сквозь стекла потемнѣвшихъ рамъ,
 Сквозь дымку чадныхъ испареній,
 Напрасно къ свѣту рвется геній,
 Къ полямъ, къ дубравамъ, къ небесамъ...

Удивительнѣе всего, въ этомъ отношеніи, его стихотвореніе «На юбилей А. Фета». Ему показалось, что пѣсни Фета—«вѣчныя пѣсни», что въ нихъ просунулись и ожили лучшія чары природы. И онъ въ шести строчкахъ набросалъ величавую и широкою картину міра, которая, по смѣлому размаху фантазіи, по тонкому, почти языческому чутью творческихъ силъ природы и по могучему полету вдохновенія, стоитъ внѣ всякаго сравненія.

Ночи текли, звѣзды трепетно въ бездну лучи свои сѣяли..
 Капали слезы—рыдала любовь,—и агаль

Жаркій рассвѣтъ,—и тѣ грезы, что въ сердцахъ мы тайно легляли,
Трель соловья разносила,—и бурей шумѣлъ
Моря сердитаго валь, думы зрѣли, и рѣяли
Сѣрыя чайки... Игру эту боги ватѣяли..

Конечно, боги—и прежде всего боги Эллады. Эта, повидимому, беспорядочная смѣна отдѣльных моментовъ наизана на нить высокаго художественнаго единства;—до дерзости смѣлое вдохновеніе поэта создало хаотическую картину міра, встрѣчающаго творческія силы Зиждителя-Зевса. Живымъ пантеистическимъ чувствомъ вѣетъ отъ этой картины. И это не сухой логическій пантеизмъ Спинозы, а первобытный пантеизмъ Эллады, гдѣ все живетъ своимъ богомъ, т. е. всюю полнотою своей жизни. Рыдаетъ любовь, алѣетъ рассвѣтъ, зрѣютъ думы, рѣютъ сѣрыя чайки—и все это сразу, въ одномъ актѣ воспріятія, въ одномъ аккордѣ все,—все въ каждомъ звукѣ живой и вдохновенной пѣсни. Все сливается въ одинъ стройный аккордъ, полный космической мощи, обвѣянный хмѣлемъ творческаго вдохновенія и кипучей жизни. Здѣсь слезы—не слезы, рыданія—не рыданія, потому что каждый штрихъ порознь не имѣетъ значенія и получаетъ смыслъ только въ общей мелодіи, гдѣ скорби нѣтъ, гдѣ все дышетъ мощью и огнемъ кипучаго, страстнаго и безконечнаго порыва.

Еслибы Фетъ воплотилъ въ своихъ стихахъ столько жизни и творчества, онъ былъ бы величайшимъ поэтомъ нашего вѣка. Къ сожалѣнію, это только мечты г. Полонскаго о Фетѣ, а не самъ Фетъ.

IX.

На всемъ, что мы отмѣтили въ поэзіи г. Полонскаго,—въ колоритѣ образовъ, въ выборѣ темъ и сюжетовъ, въ основныхъ мотивахъ мелодіи,—лежитъ ясная печать свѣжаго и оригинальнаго лирическаго дарованія. Все окрашено субъективными тонами личности и настроенія. Чужая жизнь вездѣ встаетъ въ окраскѣ ея чувства. И это очень цѣнно для пониманія и характеристики его музыки. Но это еще не *личные* мотивы лирики; это только—и то отчасти—результатъ его личнаго лиризма, его личнаго опыта, его надеждъ и разочарованій.

Личныя скорби и радости ярко комментируютъ самый складъ его чувства, наклонъ симпатіи и общее отношеніе къ жизни съ ея тревоженіями и бурями. Чѣмъ же было живо сердце поэта? Чего онъ ждалъ отъ жизни? Какъ,—завѣтный вопросъ каждой лирики,—какъ онъ любилъ?

Вмѣстѣ съ Аполлономъ онъ, повидимому, когда-то оправдалъ рѣзваго Эрота, олимпійскаго шалуна, когда тотъ бойкой ручонкой сталъ бить по гулкимъ и непослушнымъ ему струнамъ на лирѣ бога пѣсенъ и музыки,—когда въ отвѣтъ на эти нестройные звуки гнѣвно сверкнула глазами Минерва, молча потупились музы и лицо встревоженной матери крылатаго бога зардѣлось румянцемъ смущенія и стыда. Онъ зналъ, что дочери смертныхъ и нимфы, жертвы острыхъ стрѣлъ лукаваго сына Венеры, за это «брянчанье» увѣнчаютъ его, какъ бога пѣсенъ. Но нуждался ли въ этой добродушной снисходительности повелителя музъ самъ поэтъ?

«Пришли и стали тѣни ночи», «За окномъ въ тѣни мелькаетъ русая головка»—это пѣсни слишкомъ молодаго и неопытнаго чувства, пѣна котораго неудержимо бьетъ черезъ край въ первыхъ восторгахъ пламенной Киприды. Быстро и ярко вспыхиваетъ факель Амура и—также быстро гаснетъ. Первые разочарованія радужной дымкой туманятъ молодое сердце и ласково нашептываютъ легкомысленныя рѣчи. Подъ звуки вальса, въ его головѣ звенятъ игривые мотивы веселой музыки Овидія.

Среди безчисленныхъ забавъ,
Среди страданій быстротечныхъ,—
Какихъ страстей ты хочешь вѣчныхъ,
Какихъ ты хочешь вѣчныхъ правъ?

Есть серьезная нотка и въ этой думѣ о «вѣчныхъ правахъ», но подъ звуки вальса она неслышно замираетъ въ легкомъ и насмѣшливомъ аккордѣ,—сagre floret. «Лови летучія мгновенья и на пустыя увѣренья минутнымъ жаромъ отвѣчай».

Но Полонскій не сталъ «пѣвцомъ своего легкомыслия, какъ Овидій. Его скромная и цѣломудренная муза строго отвернулась отъ всѣхъ соблазновъ эротической лиры. Чувство поднялось надъ уровнемъ «мгновенія», пустило глубокіе корни въ сердца и скоро зазвенѣло серьезными и задушевными нотами. Его «натурщица» дала художнику смѣлый и высокій урокъ, поднимая его глаза выше минутной чувственности.

Обожай, какъ душу, тѣло!

Послѣ этого чистаго завѣта, Эротъ долженъ былъ выпустить изъ своихъ юныхъ рукъ лиру Аполлона, такъ какъ ему не подѣ силу новый, серьезный строй струнъ.

Я служу искусству; чужды
Мнѣ приличья свѣтскихъ дамъ:
Какъ онъ, я не скрываюсь—
И, когда я раздѣваюсь,
Раздѣвать себя не дамъ.

Но любовь все таки осталась на своемъ высокомъ пьедесталѣ,—
подъ эгидою Психеи, съ которою въ умномъ языческомъ миѣ, по
волѣ верховнаго Юпитера, Эротъ заключилъ узы вѣчнаго и не-
расторжимаго брака. Эта любовь осталась самою живою и свѣтлою
силою жизни.

Умъ смотреть тысячами глазъ,
Любовь глядеть однимъ;
Но нѣтъ любви,—и гаснетъ жизнь,
И дни плывутъ, какъ дымъ!

Поэтъ знаетъ, что «грустнымъ правомъ—надменно презирать,
негодовать и отрицать»—можетъ пользоваться только тотъ, кто
«по неволѣ», «съ болью нестерпимой» оторвалъ отъ своего сердца
«любимыхъ» думъ предметъ любимый; въ его зломъ словѣ, можетъ
быть, таится «сѣмя грядущихъ благъ». Но безъ этого горькаго
опыта никто не вправѣ бросать грязью въ это высокое чувство.

Не потому ли осмѣять
Ты радъ любовь, святыню нашу,
Что самъ не въ силахъ приподнять
И смѣло вылить эту чашу?

Самъ поэтъ, цѣною личныхъ страданій, приобрѣлъ это незавид-
ное право—«негодовать и презирать», хотя и не воспользовался
имъ до конца и въ послѣднемъ выводѣ совсѣмъ отказался отъ
этого права. Поэтъ, оглядываясь на свое прошлое, когда, при мер-
цаніи безчисленныхъ звѣздъ, въ его сердце холодной дрожью про-
никала ночная мгла, съ грустью говорить:

Мнѣ видѣлось такъ мало, мало
Лучей любви надъ бездною зла...

И были минуты, когда поэтъ боялся этого чувства. Онъ не
боится холоднаго и оскорбительнаго отказа, но медлитъ признаньемъ,
потому что

Кто передъ женщиной, рыдая, пасть готовъ,
Тотъ не готовъ еще назвать ее своею;
Кто съ юныхъ лѣтъ страстей обуздывалъ языкъ,
Кто приученъ людьми не вѣрить ихъ участию,
Кто къ лицемерію привыкъ,—
Тому нужна привычка къ счастью.

Суровый опытъ, очевидно, унесъ много надеждъ и иллюзіи
поэта. Онъ не привыкъ къ счастью, но знаетъ, что рано называть
своею ту женщину, передъ которою мы, рыдая, готовы склонить
колѣни. И онъ медлитъ, какъ медилъ бы грѣшникъ на порогѣ рая,
не смѣя вѣрить своему счастью.

Есть что-то роковое въ этомъ зачарованномъ счастьѣ.

Я вѣрю иногда, что мнѣ въ глазахъ твоихъ
 Читать любовь—была бѣ отрада;
 А иногда мнѣ страшно вольгѣ ихъ,
 Какъ темной ночью вольгѣ влада.

Послѣдній стихъ, превосходный въ своемъ лаконизмѣ, рисуетъ застѣнчивое, глубокое чувство, которое слишкомъ полно, чтобы быть довѣрчивымъ.

Поэта мучитъ безпріютность, гнететъ чувство одиночества. Онъ хочетъ вѣрить, но его сердце такъ боится печальнаго разочарованія!. И онъ торопится набраться дорогими и счастливыми впечатлѣніями, чтобы беречь и лелѣять ихъ въ своей памяти въ дни, когда онъ, какъ и прежде, будетъ одинъ съ своимъ сердцемъ. Въ его «Чивита-Векія» грустно звучитъ мотивъ лермонтовскаго стихотворенія: «Тучки небесныя»...

Въ миломъ лицѣ я искалъ предъ разлукою,
 Нѣтъ ли для сердца чего нибудь новаго...

И понятно, зачѣмъ такъ ревниво и зорко онъ копилъ воспоминанія для своего сердца:

Снова помчуся я въ море шумящее,
 Новыя пристани ждутъ меня, странника;
 Лишь для тебя, мое сердце скорбящее,
 Нѣтъ родной пристани, какъ для изгнанника.

Но не всѣмъ такъ дороги черты милаго, далекаго лица, не у всѣхъ въ памяти сердца такъ долго хранятся завѣтные чувства. Подъ звуки колокольчика, подъ мутнымъ дымомъ облаковъ, передъ его памятью стоитъ «любимыхъ думъ предметъ любимый». Его тамъ ждутъ, его помнить, о немъ говорятъ:

И, когда я дремлю, мое сердце не спитъ,
 Все по немъ невывая тоской...

Но... если это не такъ? Если она больна, если все измѣнилось, поблѣднѣло, поблекло среди знакомой, памятной ему, обстановки? Что если тамъ говорятся другія рѣчи?

Я, больная, брожу и не ѣзжу къ роднымъ;
 Побранить меня некому—милаго нѣтъ...
 Лишь старуха ворчить, какъ приходитъ сосѣдь,
 Оттого, что мнѣ весело съ нимъ...

«Оттого, что мнѣ весело съ нимъ»... тоскливо отзывается въ душѣ поэта подъ звуки дорожнаго колокольчика.

И ему тяжело, когда въ минуты новаго счастья память ставитъ передъ нимъ сны прежней жизни и прежнихъ страданій.

Все, что въ жизни съ улыбкой на встрѣчу мнѣ шло,
 Все, что время навѣкъ отъ меня унесло,
 Все, что гибло, и все, что стремилось любить—
 Ты напомнила мнѣ,—помоги позабыть!..

«Помоги позабыть»,—если сердце можетъ забыть, что погибло и что было такъ дорого. И онъ съ грустью, но безъ жалобъ и упрековъ, уходитъ съ дороги, боясь повѣрить своему сердцу и чужой любви. «Страдая самъ, твоимъ страданьямъ я отозваться не хотѣлъ»—говорить онъ.

Искалъ я счастья, но повѣрить
 Не смѣлъ я счастьемъ своему;
 Мнѣ было легче лицепрятать,
 Чѣмъ вѣрить сердцу твоему.

Недовѣрчивое и стыдливое чувство, гордое въ своей замкнутости, охотнѣе прячется подъ маской, чѣмъ вѣрить нарядной мечтѣ. Зачѣмъ обманывать себя? Развѣ можно бороться за любовь, склеивать обломки разбитаго счастья? И поэтъ грустно мирится съ грустной истиной, не хочетъ «запоздалой жалобой беречь свѣжую рану»...

«Ты, можетъ быть, не рада, что съ тобой остался я вдвоемъ»?—спрашиваетъ онъ въ минуту прощанья.

Не смущайся! ни о томъ, что было,
 Ни о томъ, какъ могъ бы я любить,
 Ни о томъ, какъ это сердце ныло,
 Я съ тобой не стану говорить.

Ему только жаль покинуть скамью, гдѣ она любить предаваться мечтамъ и слушать ночнаго соловья;—но онъ никого не винить, хотя ложь иногда ходитъ «въ видѣ женщины милой и скромной».

Самъ я хотѣлъ, самъ я жаждалъ
 Сладкой отравы обмана...
 О, глубока была вѣра!—
 И глубока была рана!—

«Нѣмой и суровый кумиръ», оковы котораго поэтъ думалъ влачить до смерти, упалъ

И я же, рабъ его смиренный,
 Его обломки растопталъ.

Но онъ не признаетъ права за женщиной судить его за прежнія увлеченія и ошибки.

И, слезы поднія роняя,
 Мнѣ шепчешь: о какъ ты грѣшилъ,
 Какъ низко падалъ! Но—святая—
 Гдѣ ты была, когда я жилъ?

На обломкахъ этой любви и этихъ увлеченій выросла другая любовь,—холодная, чуждая «веселой мечты». Она

не грезить, но зато не спать,
 Отъ нуждъ и волъ тебя спасая, какъ тяжелый,
 Ударами избитый щить.
 Не замѣню тебѣ, какъ старая кольчуга
 На старой рыцарской груди;
 Въ дни непрерывныхъ битвъ она вѣрнѣе друга,
 Но—отъ нея тепла не жди.

Но, отказавшись отъ личнаго счастья, поэтъ съ безконечнымъ сочувствіемъ смотритъ на скорби и счастье любви во всѣхъ ея искреннихъ и честныхъ проявленіяхъ. Онъ съ нѣжною ласкою выслушиваетъ «наивныя жалобы» молоденькой дѣвушки, которой такъ хочется понравиться молодому студенту; студентъ живетъ у нихъ на дачѣ и она нарочно распускаетъ косу, выбѣгаетъ къ нему въ садъ въ вѣнокъ изъ васильковъ, собираетъ по сырой травѣ букетъ изъ его любимыхъ цвѣтовъ,—но «ничто не помогаетъ». Онъ

По прежнему сидитъ, да книги все читаетъ,
 Какъ будто хуже я его несносныхъ книгъ.

Поэтъ горячо оправдываетъ «неотвязную», для которой любовь не была праздною забавой и которая пылко бьется за свои права, не позволяетъ соперницѣ разорвать кровный союзъ. Онъ отмѣчаетъ роковую силу страсти, которая беззавѣтно идетъ на встрѣчу бѣдѣ и разочарованію. Тихая, безпомощная грусть звучитъ въ печальномъ признаніи:

Говоритъ она: обманъ твой
 Я предвижу,—и не лгу,
 Что тебя возненавидѣть
 И хочу, да не могу.

Еще серьезнѣе и мучительнѣе драма любви въ «Слѣпомъ таперѣ». «Рекомендованный женой официанта», онъ попалъ въ игорный притонъ богатой и эффектной барыни. Подъ его рукой «гремя, богъ музыки проснулся», когда онъ нажалъ педаль. Ему вспоминается милая дѣвушка, мечты и надежды первой любви, и эти воспоминанія звенятъ и плачутъ въ его вдохновенной игрѣ. Онъ слѣпъ и не видитъ, что его молодая любовь—пустая и извѣженная хозяйка этого салона, знакомая съ подозрительными аферистами и дѣльцами. Грубая и вульгарная дѣйствительность въ упоръ поставлена противъ чистой и красивой мечты артиста.

Что еслибъ онъ прозрѣлъ,—что еслибы другъ друга
 Вглядысь, они могли съ усиліемъ узнать,—
 Онъ поблѣднѣлъ бы отъ смертельнаго недуга,
 Она бы—стала хохотать.

Н. Соколовъ.

(Окончаніе будетъ).

Признаніе.

Ахъ! другъ милый, ты вызвалъ признанье невольное,
Я открылъ предъ тобою всю душу мою,—
И ты видишь, какъ жить мнѣ мучительно-болжно,
Но страданья свои я глубоко таю.

Ночь придетъ,—но не сонъ къ моему изголовью,
А суровая совѣсть спѣшитъ подойти—
И твердить мнѣ, твердить: «ты, горѣвшій любовью,
Что ты сдѣлалъ, свершилъ на пройденномъ пути?»

«Ты бѣжалъ отъ борьбы, вида призракъ могилы,
И порывы любви заглушилъ навсегда...
Что же даль тебѣ правдникъ? О, гдѣ твои силы?—
Оглянись, оглянись на былые года!»

«Ты былъ счастливъ, и юныя пылкія грезы
Уносили тебя въ неземные края.
Отчего же теперь на глазахъ твоихъ слезы?—
Гдѣ же счастье твое? Гдѣ же юность твоя?»

И молю я: «замолкни, довольно, довольно»!..
Но напрасно суровую совѣсть молить.
Ахъ, другъ милый, ты вызвалъ признанье невольное,
Помоги же мнѣ юность мою искупить!

А. Лукьяновъ.

ХЛОПСКІЙ ЛЫЦАРЬ.

Украинская быль-повѣсть изъ временъ гайдамачины.

XV.

Чтобы объяснить читателю, какимъ образомъ Кобза и Данила стали свидѣтелями такъ непріятно окончившагося, благодаря имъ, свиданія влюбленныхъ, мы должны вернуться нѣсколько назадъ.

На Кобзу напала хандра. Вотъ уже третій день сидитъ онъ у себя на хуторѣ, почти не выходя изъ хаты. Мысль о Настѣ гвоздемъ засѣла у него въ головѣ и не даетъ ни минуты покоя. Въ тотъ самый день, когда произошелъ только что описанный нами случай, Кобза, выждавъ вечера, когда стало прохладнѣе, вышелъ изъ хутора пройтись по направленію къ Зеленому яру, чтобы хоть немного разсѣяться отъ гнетущаго его тяжелаго чувства. Не доходя до села, онъ увидѣлъ на полѣ Довгополенку, который отдавалъ какое-то приказаніе Омелькѣ. «Сама судьба посылаетъ его мнѣ; теперь или никогда», — рѣшилъ Кобза и твердымъ шагомъ направился къ Данилѣ.

Довгополенко покончилъ свой разговоръ съ Омелькой и медленно, съ уставшимъ видомъ, шелъ домой. Нагнавъ его, Кобза окликнулъ. Данила вздрогнулъ отъ неожиданности и обернулся. Хотя оба до сихъ поръ ни разу не говорили между собой, но это не мѣшало имъ отлично знать другъ друга.

— Здоровъ будъ, Кобза, — отвѣчалъ Данила на привѣтствіе, — а что скажешь?

— Да что скажу? Стыдно намъ, ей богу, — оба старые запорожцы, живемъ давно подъ бокомъ одинъ у другаго, а

еще парой словъ до сихъ поръ не перемолвились, — отвѣчалъ Петро, идя рядомъ съ Данилой.

— Не я тому виною, — промолвилъ тотъ, — ты самъ такъ живешь, какъ будто знать никого не хочешь.

— Трошечки есть, только несовсѣмъ; съ такими голодранцами, какъ у васъ здѣсь въ Зеленомъ яру, не подобаетъ мнѣ, старому запорожцу, водить хлѣбъ-соль и брататься, а съ тобой, пане Данила, я всегда радъ.

— Спасибо на добромъ словѣ, — отвѣчалъ польщенный Довгополенко, — а не были ли мы съ тобой, пане Кобза, въ одно время въ Запорожьѣ?

— Что-то не помню. А сколько годовъ, какъ ты оставилъ Сѣчь?

— Гмъ!.. годовъ 25 минуло!

— Въ такомъ разѣ, наврядъ ли.

— Ты какого былъ куреня?

— Переяславскаго.

— А ты?

— Кіевскаго.

— У васъ кто былъ куренной?

— Карпо Бородатый.

— А, Карпо... знаю, знаю. И здоровый же былъ казарлюга. Какъ же, я помню, — Карпо тогда былъ еще простымъ запорожцемъ, — такъ онъ ногайцевъ въ брѣнь разрубалъ до сѣдла, — такой сильный!..

И старые запорожцы начали вспоминать общихъ знакомыхъ сѣчевиковъ. Потомъ Данила посвятилъ своего собесѣдника въ исторію Дужихъ, нашедшихъ пріютъ въ его домѣ. Во все время этого разсказа Кобза хитро улыбался.

Разговаривая такимъ образомъ, они стали приближаться къ хатѣ Довгополенки. Наконецъ, Кобза собрался съ духомъ.

— А что сказалъ бы ты, пане Данила, еслибы я посвятился къ твоей дочкѣ? — твердо произнесъ онъ, глядя въ упоръ на Довгополенку своими горящими глазами.

Вопросъ былъ такъ неожиданъ, такъ страненъ въ устахъ Кобзы, что Данила растерялся и не могъ произнести въ первое время ни слова.

— Ты... ты... хочешь взять мою Настю? — переспросилъ онъ, думая, что ослышался.

— Да, да, я!—въ тонѣ ему отвѣчалъ Кобза.

Данила ничего не имѣлъ въ душѣ противъ этого сватовства; наоборотъ, онъ даже былъ доволенъ, такъ какъ Кобза, благодаря своему богатству, болѣе чѣмъ соотвѣтствовалъ его идеалу жениха для Настя. Но во всякомъ случаѣ Данила счелъ нужнымъ, — какъ это вообще водится, — немного помолиться.

— Спасибо, Кобза, за честь, — отвѣчалъ онъ, — только я теперь ничего не могу сказать; подождемъ, а тамъ побачимъ.

— Добре, почекаемъ! — покорно согласился Петро.

— Правда, Настя у меня славная и выдетъ, за кого батько укажетъ, а все же треба будетъ съ нею объ этомъ побалакать; да и тебѣ не мѣшаетъ съ ней повидаться.

— Такъ, такъ, нехай будетъ по твоему.

Но, вотъ, спутники приблизились къ самой хатѣ Довгополенки. Ночь уже наступила, — быстро, по южному, смѣнивъ вечеръ.

— Ну, бувай здоровъ, пане Данила! — хотѣлъ проститься Кобза, — какъ нибудь на дняхъ навѣдаюсь, да и ты моего хутора не забывай, хлѣба соли не цурайся.

— Теперь ужъ я тебя не отпущу, — сказала Довгополенко, — прежде зайдемъ въ хату, да выпьемъ по чаркѣ доброй горилки! — И съ этими словами онъ, пропустивъ гостя впередъ, вошелъ за нимъ въ хату. Въ хатѣ было пусто и темно.

— Гей, Хивря! — окликнулъ Данила. Отвѣта не послѣдовало. — А, бисова баба, коровъ теперь доить, — вспомнилъ онъ и пошелъ посмотрѣть, что дѣлаетъ дочка. Свѣтлица Настя была пуста. Катри тоже не было; вѣроятно, работающая дивчина помогаетъ Хиврѣ.

— Настя, а Настя! — позвалъ дочку Данила. Опять нѣтъ отвѣта.

— И та сибирна дивчина запропастилась! — разсердился Довгополенко. — Да гдѣ же она? Пойдемъ, пошукѣемъ ее въ садочку.

Кобза загадочно улынулся и отправился вслѣдъ за нимъ. Вотъ они уже недалеко отъ плетня, упирающагося въ дорогу; подходятъ ближе; имъ слышатся шопотъ, жгучіе поцѣлуи — и на свѣтломъ фонѣ прелестной лунной ночи вырисовываются неясные слившіеся силуэты Семена и Настя.

Что произошло дальше, читатель знает.

— Вотъ, тебѣ и наука, пане Данило, какъ принимать къ себѣ, точно въ корчму, всякую бездомную, бѣглую сволочь!— говорилъ Кобза, слѣдя къ хатѣ за несущимъ на рукахъ дочку Довгополенкой.

— Да що жъ теперь робить? впередъ буду осторожнѣе. Вѣдь такой собачій сынъ,—поилъ его, кормилъ, а онъ!..

— Въ томъ-то и дѣло. Хорошо еще, что, можетъ быть, дальше жартъ у нихъ не шло, ну, а если?..

— Молчи! Не смѣй говорить такъ про мою чистую голубку, а не то я тебѣ заткну глотку!—гаркнулъ Данила такъ гнѣвно и грозно, что Кобза, который вообще былъ далеко не изъ робкаго десятка,—опѣшилъ и замолчалъ сразу.

— Гей, Хивря, кто тамъ, скорѣе сюда!—крикнулъ Довгополенко, входя въ хату.

— Ой, лышенько мое, що жъ се таке съ панночкой!—въ одинъ голосъ воскликнули появившіяся Катря съ Хиврей,—онѣ были поражены мрачнымъ видомъ обоихъ казаковъ и лежащей на рукахъ отца обезпамятѣвшей Настей. Въ души ихъ закралось предчувствіе чего-то недобраго.

— Будетъ вамъ причитывать, иродовы бабы!—оборвалъ ихъ Данила.—Возьмите лучше ее, положите въ постель, раздѣньте да облейте хорошенько голову холодной водой,—скоро должна будетъ очухаться.

XVI.

Быстро, не переводя духа, бѣжалъ Семень между хатами покоившихся мирнымъ сномъ зеленоярцевъ, пока не очутился на берегу рѣки, за которымъ сейчасъ же чернѣлась мрачная громада лѣса.—«Что дѣлать теперь? Куда бѣжать?»—былъ первый вопросъ, промелькнувшій у бѣднаго Семена.—«Конечно, туда, въ этотъ лѣсъ, могущій надежно укрыть отъ преслѣдованія; иначе тебя поймаютъ и изъ мести выдадутъ въ Листвяны, гдѣ тебя ждетъ лютая казнь!»—Такъ шепталъ Дужему внутренній голосъ. Паробокъ рѣшился. Оглянувшись, онъ увидѣлъ, что вблизи нѣтъ челна, на которомъ онъ бы могъ переплыть рѣку. Какъ тутъ быть?—Долго думать не годится, а то—чего добраго!—за нимъ вслѣдъ и тутъ снаряжается по-

гона; уйти же от нея, пожалуй, будетъ труднѣе, нежели отъ жолнеровъ Жетомскаго. Прикинувъ взглядомъ ширину рѣки, онъ рѣшилъ, что легко переплыветъ ее даже въ отягощенной водою одеждѣ. Перекрестившись, босой Дужій бросился въ рѣку и поплылъ на противоположную сторону. Минуты черезъ три, онъ вышелъ на берегъ. Вода ручьями текла съ его платья, но она была тепла и только освѣжила паробка. Пройдя, для бѣльшей безопасности, около версты въ глубь тихаго, величаво безмолвнаго лѣса, Дужій упалъ въ изнеможени на траву у подножя развѣсистой старой сосны. Мысли путались и обрывались у него въ головѣ, и мозгъ лихорадочно работалъ. Что будетъ съ Катрей? Не выместитъ ли мрачный Данила, съ этимъ чортомъ въ красномъ жупанѣ, на бѣдной дивчинѣ свою бессильную злобу и ненависть противъ него, Семена? «Нѣтъ,—успокоивалъ онъ себя,—они ничего не сдѣлаютъ ей. Чѣмъ она виновата?»—Онъ вспомнилъ и то, что она нравилась самому Довгополени; это замѣчалъ всякій, не исключая даже и простоватаго Омельки; что же касается Насти, то Семень былъ спокоенъ за обожаемую дивчину, зная, какъ любить старый Данила свою дочку. «О, доля, злая доля! За что ты преслѣдуешь меня, бѣднаго сироту?»—съ болью вырвалось у Семена. Прележавъ около часу, въ теченіе котораго онъ успѣлъ немного отдохнуть, Дужій пошелъ наудачу дальше. Вскорѣ онъ набрелъ на едва замѣтную лѣсную тропинку, которой и рѣшилъ продолжать свой путь, надѣясь, что она въ концѣ концовъ куда нибудь да приведетъ его. Угрюмъ и тихъ былъ таинственный лѣсъ. Семень невольно вспомнилъ свое недавнее бѣгство изъ Листвянъ—но тогда съ нимъ была Катря. Чтѣ теперь она безъ него дѣлаетъ? Вотъ, вѣроятно, встревожена бѣдная дивчина бѣгствомъ брата! Одинъ онъ у нея, сиротинки, былъ защитникъ, а теперь и того не будетъ. Когда-то они увидятся? «О подлые, злые люди!»—Непримиримая ненависть къ Кобзѣ, Пржегодскому, Жетомскому, Данилѣ, закипѣла въ груди Семена и онъ поклялся жестоко отомстить всѣмъ тѣмъ, кто только былъ причиною его несчастій. Долго шель паробокъ. Вотъ ужъ теплый ночной воздухъ становится все свѣжѣе и свѣжѣе. Вотъ уже стало понемногу свѣтать и неясные причудливо-фантастическіе силуэты деревьевъ приняли свой обыкновен-

ный реальный видъ; вотъ уже доселѣ безмолвная чаща начала мало по малу оглашаться гнѣиємъ и чириканьемъ своихъ безчисленныхъ пернатыхъ обитателей, и вотъ, наконецъ, постепенно алѣвшій горизонтъ сразу вдругъ озарился чуть-чуть выглянувшимъ большимъ солнечнымъ дискомъ. Еще слабые пока лучи, жезнерадостно проникнувъ повсюду, торжественно оповѣстили о началѣ новаго дня со всѣми его радостями, утѣхами, печалами и тревоженіями. А Семень все продолжалъ свой путь.

Но что это? Вдали, шагахъ въ чытистахъ отъ тропинки, онъ видитъ между деревьями нѣсколько небольшихъ дымковъ, вѣроятно, отъ зажженныхъ костровъ. Послѣ нѣкотораго раздумья, удивленный и заинтересованный Семень пошелъ прямо на этотъ невѣдомый дымъ. Когда онъ подошелъ поближе и, притаившись за сосной, сталъ наблюдать,—глазамъ его представилась слѣдующая картина. На небольшой лѣсной полянкѣ, густо защищенной со всѣхъ сторонъ деревьями, горѣло нѣсколько костровъ, видимо разведенныхъ для варки пищи; вокругъ нихъ расположился гайдамацкій загонъ, человекъ въ двѣсти. Что это были никто иные, какъ гайдамаки, Душій сообразилъ сразу. Они, видимо, только что проснулись. Нѣкоторые одѣвались, нѣкоторые принялись за приготовленіе обѣда, а другіе просто бездѣйствовали, лежа и не желая вылѣзть изъ-подъ теплыхъ жупановъ и свитокъ на прохладный воздухъ наступившаго утра. Тамъ и сямъ слышны были говоръ, смѣхъ и шутки. Поодаль, пощипывая траву, паслись стреноженные добрые кони. Мы еще въ нашемъ вступленіи сказали, что гайдамачина являлась прямымъ результатомъ безобразнаго политическаго и гражданскаго строя Польши. И, дѣйствительно, несчастные украинцы, въ конецъ изнемогшіе подъ бременемъ польско-жидовскаго гнета, бѣжали въ Запорожье, принося такимъ образомъ туда, со всѣхъ сторонъ польской украины, жалобы и вѣсти о возмутительномъ произволѣ поляковъ вкупѣ съ ихъ прислѣшниками-жидами. Нечего и говорить, что запорожцы не оставались равнодушными къ подобному порядку вещей. Жажда безопаснаго мщенія овладѣвала ими. И вотъ, съ наступленіемъ весны, изъ Сѣчи выступали походомъ въ Польшу конные гайдамацкіе загоны, численностью отъ пятидесяти до трехсотъ и больше человекъ. Въ каждомъ загонѣ

былъ свой особый начальникъ, называемый «ватажкой». Ватажкой выбирался обыкновенно храбрый опытный запорожець, отлично знакомый съ той мѣстностью, въ предѣлахъ которой намѣревались похозяйничать гайдамаки. Достигнувъ такой мѣстности въ польскихъ владѣніяхъ, гайдамаки выбирали какое-нибудь глухое, никому незнакомое мѣсто въ дремучемъ лѣсу, долженствовавшее служить имъ лагеремъ, изъ котораго они дѣлали набѣги на окрестности и въ которое возвращались, отягощенные добычей. Чтобы вселить своимъ товарищамъ увѣренность въ ватажкѣ, а суевѣрному народу страхъ,—ближайшіе сподвижники окружали его легендарнымъ ореоломъ таинственности, распуская слухи, что онъ «характерникъ», т. е. колдунъ, что его никакая сила не беретъ, что онъ можетъ при желаніи сдѣлаться невидимкой и т. д. Нечего и говорить, что обаяніе такого ватажки было велико. Гайдамацкіе лагеря носили самый примитивный характеръ. Никакихъ палатокъ или шатровъ у нихъ не полагалось. Закаленные сѣчевики спали подъ открытымъ небомъ, на голой землѣ. Для бѣльшей безопасности въ случаѣ нападенія, лагерь обрубался вокругъ засѣками.

Котель, повѣшенный на дерево, игралъ роль барабана; въ случаѣ тревоги или какой либо сходки, били палкой по котлу; гулко разносился звонъ по лѣсу, скликая разбредшихся запорожцевъ, или будя всѣхъ, если звонъ являлся результатомъ ночной тревоги. Посрединѣ лагеря были обыкновенно ссыпаны въ кучу войсковыя деньги или казна, переkreщенные двумя натянутыми на колышки нитками. Никакихъ другихъ хранилищъ не полагалось.

Въ строгомъ смыслѣ, гайдамаковъ нельзя было назвать разбойниками. Грабежъ у нихъ всегда стоялъ на второмъ планѣ, являясь однимъ изъ орудій мести. Кромѣ того, они, грабя поляковъ и жидовъ, старались сразу вернуть то, что въ теченіе многихъ лѣтъ выжималась изъ ихъ же соотечественниковъ и братьевъ вмѣстѣ съ потомъ и кровью, но выжималось, частью, по всѣмъ пунктамъ и статьямъ литовскаго, магдебургскаго и саксонскаго права, а большею частію, просто по праву сильнаго. Для развѣдки непріятельскихъ силъ, а также для агитаціи среди украинскаго населенія, изъ главнаго лагеря рассылались по мѣстечкамъ, селамъ и городамъ.

опытные запорожцы, переодѣтые старцами, лирниками, кобзарями и бандуристами. Они проникали повсюду, и въ панскія усадьбы, и въ хлопскія хаты; вели свою дѣятельную пропаганду на базарахъ, площадяхъ, цвинтаряхъ и другихъ людныхъ мѣстахъ. Нельзя было отказать гайдамакамъ въ свойственномъ имъ чувствѣ признательности и способности помнить и цѣнить добро. Нерѣдко случалось, что среди польскихъ усадебъ, обратившихся въ груды пепла и развалинъ, оставалась цѣлой и невредимой какая нибудь одна, принадлежавшая гуманному пану, человѣчно относившемуся къ своимъ хлопамъ, и въ силу этого пощаженная жестокими къ другимъ гайдамаками.

Вотъ на одинъ изъ подобныхъ гайдамацкихъ загоновъ и набрелъ въ лѣсу нашъ Семень Дужій.

— Самъ Богъ послалъ мнѣ ихъ!—радостно промелькнуло у Семена при видѣ этихъ здоровыхъ, рослыхъ молодцовъ съ энергичными, смуглыми, усатыми лицами.—Вотъ съ помощью кого я отомщу моимъ врагамъ!—думалъ онъ, любуясь этими мужественными сынами Запорожья, возставшими на защиту поработенныхъ братьевъ и попрааннаго поляками православія.

XVII.

Рѣшивъ, что ему нечего оставаться невидимымъ зрителемъ, Дужій быстро вышелъ изъ-за скрывавшихъ его деревьевъ на поляну. Нѣкоторые изъ гайдамаковъ, удивленные такимъ неожиданнымъ появленіемъ паробка, обратили на него свои недоумѣвающіе взоры, другіе же продолжали невозмутимо лежать, куря свои люльки.

— Здравствуйте, товарищи гайдамаки! — привѣтствовалъ ихъ паробокъ, входя въ кругъ лагеря и снимая шапку.

— Здоровъ бувъ, человѣче!—радушно отвѣчали тѣ на привѣтствіе.

— А что скажешь, хлопче, и якої бисъ тебя сюда занесъ?—грубоватымъ голосомъ обратился къ Дужему подошедшій запорожець высокаго роста, одѣтый щеголеватѣе другихъ, статный, сильный, лѣтъ тридцати пяти, съ замѣчательно энергичнымъ, мужественнымъ лицомъ. Это впечатлѣніе еще

усиливалось проходившимъ черезъ всю правую щеку прямою отъ польской или мусульманской сабли, нисколько не портившимъ красивой фizioноміи казака. Изысканность одежды заставляла въ немъ предполагать «ватажку». Высокая красно-верхая барашковая шапка, надѣтая на бекрень, ловко сидѣла на его красивой головѣ. Тонкаго сукна жупанъ былъ стянутъ въ талия поясомъ, за которымъ были заткнуты два пистолета и дорогая турецкая сабля. Синіе широкіе шаровары и красные сафьянные чоботы дополняли костюмъ загорожца. И, дѣйствительно, это былъ извѣстный Степанъ Зализный, неустрашимый организаторъ и предводитель многихъ гайдамацкихъ загоновъ, въ томъ числѣ и того, на который набрелъ нашъ Семень Дужій. Однимъ своимъ именемъ Зализный приводилъ въ трепеть поляковъ, среди которыхъ онъ пользовался положительно легендарнымъ обаяніемъ, благодаря своей удивительной смѣлости, часто доходившей до дерзости. Степанъ и его семья были крѣпостными нѣкоего пана Пшецыньскаго, отличавшагося особенной жесткостью и разнузданнымъ самодурствомъ даже среди магнатовъ, у которыхъ этихъ качествъ было не занимать стать. Ненависть къ полякамъ, самая жестокая, самая непримиримая, явилась у Степана еще въ юности. Онъ былъ слишкомъ впечатлителенъ, чтобы оставаться равнодушнымъ и безучастнымъ зрителемъ того жалкаго положенія, въ которомъ находились его соотечественники, имѣвшіе несчастье родиться и жить подъ небомъ польской украины. Необходимо было только сильный толчокъ, чтобы заставить вспыхнуть эту страстную и сильную натуру. Онъ не замедлилъ явиться. Съѣхалось однажды къ пану Пшецыньскому много гостей. Нужно было, конечно, ихъ позабавить. А ужъ и мастеръ былъ на всевозможнаго рода забавы почтенный хозяинъ! Чего, бывало, только не придумаетъ изобрѣтательная голова пана Пшецыньскаго? Вотъ и захотѣлось ему съ нѣкоторыми панами покататься «по русски». Явилось желаніе поглумиться надъ красивой великорусской ѣздой. Рѣшено было взять на пристяжку двухъ шинкарей, Сруля и Лейбу, а въ корень — того хлопа, который первымъ пройдетъ мимо панскаго двора. Выпало это счастье на долю молодого паробка Степана, возвращавшагося откуда-то домой. Лишь только онъ поравнялся съ воротами панской усадьбы, какъ выскочили

четверо дюжихъ гайдуковъ и за чубъ поволокли несчастнаго во дворъ, гдѣ уже стояла приготовленная нетычанка. Бѣдные Сруль и Лейба были на своихъ мѣстахъ,—недоставало только коренника. Насилу впрягли Степана, молча, со стиснутыми зубами, отбивавшагося отъ нѣсколькихъ здоровыхъ конюховъ. Вышли паны и сѣли въ нетычанку; править же взялся самъ Пшецыньскій, который щедрыми ударами хлесткаго бича заставилъ оригинальную тройку выѣхать со двора и мчаться по улицѣ. Хлопы съ жалостью и удивленіемъ смотрѣли на это, никогда еще не виданное ими, зрѣлище. Послѣ двухчасоваго бѣшенаго катанья, доставившаго немало удовольствія панамъ, а въ особенности радушному и остроумному хозяину, Сруль и Лейба представляли собой безжизненные трупы, которые и были сданы обезумѣвшимъ отъ горя роднымъ. Что же касается Степана, отличавшагося болѣе крѣпкимъ организмомъ, чѣмъ худосочные сыны Израиля, то его полумертваго принесли въ родную хату, въ которой онъ два мѣсяца провалялся въ жестокой горячкѣ, въ борьбѣ между жизнью и смертью, послѣ чего, благодаря своей желѣзной натурѣ, паробокъ всталъ совершенно здоровымъ. Не прошло и двухъ дней послѣ выздоровленія, какъ Степанъ безслѣдно исчезъ. Пять лѣтъ о немъ не было ни слуху, ни духу. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день разнеслась вѣсть, что невдалекѣ отъ маіонтка пана Пшецыньскаго появился гайдамацкій загонъ, предводительствуемый Степаномъ Зализнымъ,—тѣмъ самымъ Степаномъ, который когда-то ретиво везъ нетычанку подъ градомъ ударовъ панскаго бича. Въ одну осеннюю бурную ночь, когда дождь лилъ какъ изъ ведра, и стояла непроглядная темень, имѣніе Пшецыньскаго было атаковано гайдамаками. Степанъ однимъ изъ первыхъ ворвался въ опочивальню Пшецыньскаго, вытащилъ его раздѣтаго на дворъ и велѣлъ гайдамакамъ гонять вельможнаго пана нагайками. Потомъ, вдоволь насладившись этимъ зрѣлищемъ, Зализный приказалъ его повѣсить. Тщетно избитый и окровавленный Пшецыньскій валялся въ грязи у ногъ Степана, умоляя о пощадѣ и цѣлуя его запачканные, обильно смазанные дегтемъ, чоботы. «Ватажка» былъ непреклоненъ—и, нѣсколько минутъ спустя, въ воротахъ усадьбы болтался бездыханный трупъ повѣшеннаго пана. На другой день, вся шайка въ полномъ составѣ

выѣхала изъ имѣнія Пшепыньскаго. Мѣсто, гдѣ еще вчера стоялъ красивый панскій «палацъ», представляло груды пепла и развалинъ. Все польское и еврейское населеніе было поголовно вырѣзано. Послѣ этого страшнаго погрома, заставившаго затрепетать всѣхъ магнатовъ польской украины, Степанъ опять пропалъ на нѣсколько лѣтъ. Говорили, что онъ вернулся въ Запорожье, участвуя въ турецкихъ и крымскихъ походахъ. Потомъ онъ опять появился, сдѣлавъ по пути на ту сторону Днѣпра привалъ въ лѣсу, недалеко отъ Зеленаго яра. Вотъ вся исторія Степана Зализнаго, обратившагося съ вопросомъ къ нашему бѣглецу.

XIX.

— Не доброю волею бродилъ я по лѣсу,—отвѣчалъ Семень,—а принудили меня къ тому злые люди.

— Эй, да ты, видно, здорово выкупался! — замѣтилъ Зализный, глядя на еще не успѣвшее высохнуть платье паробка!—Ужь не приключилось ли съ тобой чего нибудь,—не бѣжалъ ли ты отъ ляховъ?

— Бѣжалъ я и отъ ляховъ, — только не теперь; отъ ляха мы уже привыкли видѣть кривду и все переносить; а, вотъ, когда въ тебя ни за что ни про что стрѣляютъ, какъ въ бѣшеную собаку, свой человекъ украинецъ и отъ него приходится утекать въ лѣсъ,—это ужь совсѣмъ погано!—Дужій замолчалъ и поникъ головой.

— А ну-ка, расскажи, что тамъ съ тобой было, дуже ужь ты занятно говоришь. Какъ и за что въ тебя свои же стрѣляли?—спросилъ заинтересованный Зализный.—Да ты сядай, оно удобнѣе будетъ; скоро и обѣдъ поспѣетъ,—поѣдимъ, что Богъ послалъ! — И Семень съ Зализнымъ расположились на разостланной по землѣ буркѣ.

Лишь только Дужій приготовился начать свой рассказъ и вокругъ него сгруппировалась кучка любопытныхъ гайдамаковъ, желавшихъ послушать пришельца, къ ватажкѣ подошелъ знаменитый его есаулъ—коренастый пожилой богатырь Иванъ Глекъ, отличавшійся удивительной хитростью и рѣдкой храбростью. Остановившись, онъ началъ всматриваться въ Дужаго.

— А скажи-ка мнѣ, хлопче, — обратился есауль къ Семену, — ты часомъ не изъ Листвянъ?

— Такъ, — изъ Листвянъ, а ты почему знаешь? — спросилъ удивленный паробокъ.

— Бачивъ тебя тамъ! — отвѣчалъ Глекъ, лукаво усмѣхаясь.

— А, вотъ я такъ тебя никогда не бачивъ, — простодушно сказалъ Дужій.

— Подумай хорошенько, можетъ, и ты меня бачилъ?

— Ни, не припомню, — отвѣчалъ Семень послѣ нѣкотораго раздумья.

— Ну, такъ я тебѣ помогу. Ты не забылъ лирника, что былъ у васъ въ Листвянахъ на цвинтарѣ и еще такъ ловко удралъ отъ вашего маршалка, оставивъ ему и одному жолнеру добрую памятку по себѣ?

— Ага, помню, помню... Такъ этотъ лирникъ!.. — началъ паробокъ, внимательно вглядываясь въ лицо Ивана и, видимо, на половину догадываясь о тожествѣ его съ лирникомъ, пѣвшимъ на Листвянскомъ цвинтарѣ.

— Этотъ лирникъ я! — подсказалъ расхохотавшійся Глекъ, набивая трубку.

— А и молодчина же ты! — вырвалось у Семена, — здорово такъ огрѣлъ тогда обоихъ ляховъ.

— Гмъ!.. не первый разъ, голубе, въ такихъ передѣлкахъ бывалъ я, — отвѣчалъ запорожець, затыгиваясь люлькой и пуская клубы дыма въ свѣжій утренній воздухъ. — И не такое бывало! — добавилъ онъ задумчиво. — Зато добре же я теперь знаю Листвяны, — все высмотрѣлъ, такъ что, если нагрянемъ туда въ гости, все равно какъ дома будемъ. И безъ хозяина распорядимся.

— О, Глекъ у насъ молодчина! — раздался одобрительный возгласъ окружающихъ гайдамаковъ.

— Ну, теперь начинай; послушаемъ! — сказалъ ватажка Семену.

Дужій подробно разсказалъ все, начиная съ исторіи въ его хатѣ и кончая побѣгомъ изъ Зеленаго яра отъ гостепримнаго Довгополенки. Нѣмая тишина воцарилась во время его рѣчи; иногда прерывалась она ропотомъ негодованія, вырвавшимся изъ устъ гайдамаковъ.

— Ай да ляхи! Покажемъ мы имъ, вражьимъ дѣтямъ. Кровью, а не слезами заплачуть! Вырѣжемъ всѣхъ, какъ собаку, вмѣстѣ съ жидами!—слышались мрачные возгласы.

— А ну, скажи-ка хлопче, какъ звать того казака, что чуть не подстрѣлили тебя, какъ горобца? — спросилъ Зализный.

— Петро Кобза.

— Петро Кобза? — переспросилъ ватажка, причемъ лицо его сдѣлалось мрачно и на немъ появилась жестокая складка.—А каковъ онъ на видѣ?

— Бачивъ я этого чортова сына разъ и то въ ночи, а никогда не забуду. Высокій, сухой, черный, какъ воронъ, носъ у него, какъ у шуляка ¹⁾; очи блестять, якъ у бѣса. Одѣтъ, здается, въ червонный жупанъ.

— Такъ и есть!—привскочивъ на мѣстѣ, вскричалъ Зализный съ искривившимся отъ гнѣва лицомъ.—Это тотъ самый Кобза, который продалъ ляхамъ подъ Ровнымъ моего дядьку—Охрима Кришку, что былъ лѣтъ двадцать назадъ въ Сѣчи кошевымъ.

— Почекай, Степанъ; може это не тотъ Кобза! — вмѣшался Глекъ.

— Какъ не тотъ!—Сколько на видѣ ему лѣтъ?—спросилъ Зализный Семена.

— Да годовъ, я думаю, пятьдесятъ, а то и болѣе будетъ.

— Ну, вотъ, видишь, Глекъ, что тотъ,—замѣтилъ ватажка есаулу,—а ты всегда не вѣришь.

— Теперь вижу, что твоя правда. А жаль бѣднаго Охрима. Сколько мы съ нимъ походовъ сдѣлали, Боже мой! И не вспомнить. Ну, мы еще доберемся до этого проклятаго Кобзы, не одну шкуру спустимъ!

— А онъ около Зеленаго яра живетъ? Что онъ тамъ дѣлаеть?—спросилъ ватажка.

— Не знаю, — отвѣчалъ Дужій, — кажутъ люди, что онъ дуже богатый и гроши на процентъ даетъ.

— Это онъ, чортовъ сынъ, съ тѣхъ поръ разбогатѣлъ, какъ получилъ пять тысячъ червонцевъ за голову бѣднаго Охрима!—съ негодованіемъ замѣтилъ есаулу.

¹⁾ Шулякъ—воршунъ.

— Почекай, мы ему припомнимъ это проклятое богатство. Жутко оно ему придется, иродову сыну—злбно усмѣхнулся Степанъ.

— Этотъ Кобза, кажутъ, колдунъ!—замѣтилъ Дужій.

— Добре, будемъ же мы его и казнить, якъ колдуна,— пошутилъ Глекъ,—я слышалъ, що гдѣ-то тамъ, у нимцевъ, палили колдуновъ на медленномъ огнѣ; сдѣлаемъ и съ Кобзой такъ. А, пане ватажко, какъ ты думаешь?

— Будь по твоему, ты всегда хорошее что нибудь выдумаешь,—отвѣчалъ Зализный:—собакъ собачья и смерти!

Семень невольно вздрогнулъ. Даже его, выросшаго въ самыхъ мрачныхъ условіяхъ, и то поражала та холодная, невозмутимая жестокость, съ которой люди говорили о лютой казни человѣка, точно это также просто, какъ затянуться разокомъ изъ доброй люльки.

— Что же ты, человѣче, теперь думаешь дѣлать съ собой?—спросилъ Зализный Дужаго.

— Да, що жъ? хотѣлъ бы въ Запорожьѣ пробратъся.

— Ну, до Запорожья тебѣ одному далеко, — вмѣшался Глекъ,—а, вотъ, лучше приставай къ намъ; мы еще здѣсь мѣсяца два попрацуемъ, а тамъ и въ Сѣчь назадъ. А ты куда захочешь, туда и пойдешь.

— Такъ, такъ оставайся у насъ,—сказалъ ватажка.—Казарлюга выдетъ изъ тебя добрый. Ишь ты, какой здоровый!—И Зализный довольнымъ взоромъ окинулъ фигуру богатыря.

— Что жъ, я ничего... Я остаюсь у васъ, спасибо за ласку; только, вотъ, примутъ ли меня товарищи гайдамаки?

— А, вотъ мы сейчасъ спытаемъ. Гей, панове! — змчно крикнулъ ватажка.—Эта малая дѣтинка,—показалъ онъ пальцемъ на чуть ли не сажennaго паробка,—хочетъ поступить къ намъ; що вы скажете?

Сначала, среди общаго хохота гайдамаковъ, нельзя было ничего разслышать, но когда онъ сталъ стихать, раздался единодушный возгласъ:—Принимаемъ, ватажко, принимаемъ! Развѣ можно такого молодца не принять? Намъ бы побольше ихъ—ляхамъ страшнѣе будетъ!

— Спасибо вамъ, панове, що приняли меня, бездомнаго

сиротину, — отвѣчалъ тронутый Дужій, снимая шапку и низко кланяясь.

— Нема за що, хлопче! хорошъ, — отвѣчали гайдамаки.

— А знаешь, Зализный, зададимъ же мы перцу въ Листвянахъ Жетомскому и его маршалку! — сказалъ Глекъ. — Отомстимъ за Дужаго добре; и богатства же тамъ до бѣса; есть около чего руки погрѣть!

— Отчего же? все равно, мы хотѣли туда идти, — теперь пойдемъ трошки раньше.

— Только, вотъ что, панове, — сказалъ Семень, — стоило бы пощадить графиню; она такая жалостливая, такая добрая, що кто не знаетъ, — подумаетъ, — не изъ ляшской породы.

— Добре, тамъ ближе будетъ, побачимъ, — коротко отвѣчали оба главаря загона.

— Что жъ! — Може сегодня и двинемъ на Листвяны? — спросилъ Зализнаго нетерпѣливый Глекъ.

— Развѣ къ ночи?

— А хоть и къ ночи.

— Добре, заразъ скажу хлопцамъ. — Слушайте, панове молодцы, — громко сказалъ Зализный, обведя своимъ орлинымъ взоромъ всю шайку.

Мигомъ воцарившееся молчаніе было отвѣтомъ любимому ватажкѣ.

— Наслушались мы, что дѣется въ Листвянахъ, — продолжалъ Степанъ, — и раньше намъ рассказывалъ вернувшійся оттуда Глекъ, а теперь выслушали всѣ отъ Дужаго. Какой-то собачій сынъ маршалокъ позорить тамъ дивчать; вмѣстѣ со своимъ графомъ, — чтобъ имъ пусто было, — заставляетъ людей работать въ свято и здорово къ тому же полосуетъ нагайками бѣдное казацкое тѣло. Жиды тамъ пануютъ. Они и церкву Божію арендуютъ, и гроши на чертовскіе проценты отдають, и рыбы нельзя безъ нихъ половить православному человѣку. А мало было повѣшенныхъ богъ знаетъ за что, мало посаженныхъ на палю безъ всякой вины?!

Вокругъ началъ раздаваться зловѣщій ропотъ. Краткая рѣчь ватажки электризующимъ образомъ повліяла на гайдамаковъ.

— Умремъ всѣ за вѣру православную и за рѣдную

Украину! Кровью заплачутъ ляхи!—раздавались со всѣхъ сторонъ негодующіе возгласы.

— Нарѣжу я ремней изъ панскихъ спиць себѣ на очкуръ!—гаркнулъ здоровенный, звѣрскаго вида гайдамакъ, прозванный Шибеникомъ.

— Какъ только начнеть вечерѣть, — продолжалъ Зализный, выждавъ пока у гайдамаковъ стихъ порывъ энтузіазма, — мы окольною дорогою, что намъ покажетъ Глекъ, — онъ тутъ всѣ мышинныя норки знаетъ, — двинемся быстро къ Листвянамъ; переплывемъ на коняхъ Днѣпръ, — кони, слава богу, у насъ добрые, и къ поздней ночи будемъ въ гостяхъ у Жетомскаго, по пански! Жолнеровъ намъ не страшно; ихъ тамъ около тысячи, а насъ двѣсти; но кто же не знаетъ, что каждый добрый запорожець смѣло уберетъ пять ляховъ. Когда зруйнуемъ ¹⁾ дотла это поганое гнѣздо, поѣдемъ въ Зеленый яръ, освободимъ сестру Дужаго отъ стараго Долгополенки, а паробка женимъ на его дочкѣ. По дорогѣ провѣдаемъ Кобзу, — не поздоровится ему отъ нашей визиги ²⁾! — Ну, добре я кажу, панове?

Единодушный одобрительный крикъ запорожцевъ былъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ.

XX.

Темная полночь окутала Листвяны. Вотъ уже вторую недѣлю продолжается празднованіе именинъ графини. Сегодня послѣдній прощальный балъ, поглотившій послѣдніе червонцы, занятые у Кобзы. Весь замокъ залитъ огнями. Подъ гостепріимнымъ кровомъ его собралось около двухсотъ человекъ пріѣзжихъ гостей, сопровождаемыхъ многочисленной прислугой, нашедшей тамъ же себѣ пріютъ въ огромныхъ людскихъ замка.

Дорого, охъ, какъ дорого, обходилось панамъ такое широкое гостепріимство! Откуда только не понаѣхало гостей къ графу Жетомскому? Было тутъ досужее богатое и бѣдное панство изъ разныхъ концовъ Волыни, Подолии, изъ Варшавы и даже Галиціи.

¹⁾ Зруйновать—разорвать.

²⁾ Визига—визить.

Однако, поспѣшимъ въ огромную двухсвѣтную залу, предназначенную для пышныхъ баловъ, и посмотримъ, что тамъ дѣлается. Роскошный ужинъ въ самомъ разгарѣ. Красиво и богато разодѣтые гости сидятъ за громаднымъ столомъ, съ одного конца котораго нельзя узнать въ лицо сидящихъ на другомъ. Самые причудливыя и дорогія явства смѣняются одно за другимъ многочисленными «покоевцами» и комнатными дворянами, служащими за столомъ своихъ господъ при сабляхъ. Старое венгерское вино весело искрится въ бокалахъ. Музыка, скрытая на хорахъ, во время каждого тоста играетъ тушь.

Графъ Жетомскій на седьмомъ небѣ, что ему удалось такъ пышно отпраздновать именины жены. Онъ сегодня великолѣпнень въ своемъ богатомъ, разукрашенномъ драгоценными камнями, кунтушѣ.

— Что же мои дорогіе гости не пьютъ, не ѣдятъ?— Не любятъ они, вѣроятно, хозяина!—то и дѣло раздается голосъ радужнаго графа.

Въ доказательство, что, наоборотъ, гости очень любятъ Жетомскаго, они спѣшатъ опоражнивать кубокъ за кубкомъ.

— А не покоштуешь ли вельможный панъ Побрехальскій меду?—обратился графъ Ксаверій къ сосѣду, толстому пучезлазому пану—первому вралю и мазуристу во всей Польшѣ,— у меня превосходно варить его отецъ Игнатій!

Упитанный, съ лоснящимся выбритымъ лицомъ монахъ, сидѣвшій немного поодаль, скромно, но съ достоинствомъ улыбнулся, услышавъ похвалу своему, всѣми признанному, искусству.

— Покоштуемъ, вельможный пане грабя,—отвѣчалъ панъ Побрехальскій,—отчего не покоштовать!.. А дѣйствительно, добрый медъ, далибугъ, добрый!—произнесъ онъ, осушивъ большую половину огромнаго кубка.—Но я вамъ расскажу, какой былъ у меня крѣпкій медъ, вотъ такъ медъ!

Всѣ насторожились, надѣясь услышать чтонибудь забавное. Отецъ Игнатій, самолюбие котораго было задѣто паномъ Побрехальскимъ, устался на него съ далеко недвусмысленной улыбкой.

— Однажды, лѣтомъ, взялъ я флягу съ этимъ медомъ,— началъ панъ Побрехальской—и пошелъ въ своемъ маіонткѣ

погулять по лѣсу. Не успѣлъ я сдѣлать и тысячу кроковъ ¹⁾ лѣсомъ, какъ смотрю—на меня лѣзетъ съ раскрытой пастью огромный медвѣдь. Оружія, какъ на зло, при мнѣ не было никакого. Что тутъ дѣлать?—А медвѣдь уже шагахъ въ пяти отъ меня... Я, недолго думая, взялъ да и плеснулъ ему медомъ изъ фляжки—слово гонору! прямо въ морду. Такъ что жъ вы думаете?

Панъ Побрехальскій сдѣлалъ для большаго эффекта паузу.

— Смотрю, мой медвѣдь потихоньку зашатался, да, какъ подкошенный, упалъ на землю,—сразу заснулъ, лайдакъ! Видно въ ротъ ему попало. Я себѣ преспокойно пошелъ домой и прислалъ за медвѣдемъ возъ; его спящаго положили, какъ мѣшокъ муки, на подводу и повезли. На третій день проснулся только, подлець, уже на цѣпи. Онъ и теперь у меня. Вотъ какой былъ крѣпкій медъ!—И любитель правдивыхъ повѣствованій обвелъ всѣхъ торжествующимъ взоромъ своихъ выпученныхъ глазъ.

Слушатели сдержанно-насмѣшливо улыбались. Одинъ отецъ Игнатій безцеремонно расхохотался.

— Чему отецъ Игнатій смѣется?—спросилъ его съ вызывающей миной Побрехальскій.

— Я ничего, такъ,—отвѣчалъ монахъ,—а вотъ мнѣ удивительно, что медвѣдь заснулъ отъ того меду, который панъ преспокойно всегда пилъ. Выходить, что медвѣдь слабѣ пана!

— Почему же? Я только привыкъ къ меду, а онъ нѣтъ.

— Ага, развѣ, что такъ!

— Скажите на милость, пане Побрехальскій,—почтительно обратился съ самымъ невиннымъ видомъ молодой человѣкъ изъ Варшавы, Сосницкій,—этотъ медвѣдь не выучился у пана говорить?

Побрехальскій презрительно смѣрилъ молодаго человѣка и, не удостоивъ отвѣтомъ, отвернулся къ хозяину.

— Что-то, панове, о гайдамакахъ теперь у васъ ничего не слышать?—началъ панъ Сосницкій.

Всѣ какъ-то невольно вздрогнули и насторожились. Страшно такъ боялось панство гайдамаковъ въ глубинѣ души.

¹⁾ Кроковъ—шаговъ.

— Пока ничего,—отвѣчала графъ Жетомскій,—мы здѣсь ихъ не боимся; пусть попробуютъ сунуться; у меня подъ ружьемъ около тысячи человѣкъ хорошо вооруженныхъ жолнеровъ.

— Все это такъ, но надо принять во вниманіе, что это очень дерзкіе разбойники и съ ними часто приходится серьезно считаться,—возразилъ панъ Сосницкій.

— Отъ, панъ Сосницкій очень молодъ и поэтому говорить глупство!—вскипятился Побрехальскій.

— Кто? я говорю глупство?—хотѣлъ было посерьезничать Сосницкій, но вдругъ расхохотался.—Ха, ха, ха! панъ Побрехальскій, вѣроятно, гайдамаковъ не боится? Ха, ха, ха!—слышалось сквозь его безцеремонный смѣхъ.

Опять презрительное молчаніе было отвѣтомъ молодому человѣку.

— Вы знаете, пане грабя,—обратился панъ Побрехальскій къ Жетомскому,—тамъ, гдѣ я, нечего бояться этой гайдамацкой голытьбы. Якъ Бога кохамъ, нечего! Они при одномъ моемъ имени приходятъ въ паническій ужасъ. Сколько я ихъ перевѣшалъ,—тысячъ до десяти, по крайней мѣрѣ. Былъ я, знаете, на охотѣ какъ-то одинъ. Вдругъ меня окружила банда этой сволочи, человѣкъ въ шестьдесятъ. Я былъ почему-то не въ духѣ.—Ахъ, вы, пся кровь, лайдаки!—накинулся я на нихъ,—вѣроятно, хотите отвѣдать нагайки пана Побрехальскаго?! Да какъ пошелъ ихъ чесать нагайкой, какъ пошелъ!—мигомъ всѣ разбѣжались. Вотъ какъ я съ ними! Со мной шутки плохи!—И Побрехальскій еще сильнѣе выпучилъ глаза, молодецки закручивая свои длинные усы.

Тонкія губы Жетомскаго чуть-чуть сложились въ насмѣшливую улыбку и онъ подлил еще венгерскаго въ кубокъ разсказчика.—Пусть панъ Побрехальскій выпьетъ еще венгржины!

Храбрый панъ поспѣшилъ отдать должную дань дѣйствительно превосходному венгерскому.

— А, вѣроятно, нагайка пана Побрехальскаго, если онъ одинъ разогналъ шайку гайдамаковъ, какъ барановъ,—была волшебная?—замѣтилъ Сосницкій.

— Я тоже такъ полагаю,—поддакнулъ отецъ Игнатій. Какъ разъ въ эту же самую минуту, его чуткое ухо уловило какой-то странный тихій шумъ извнѣ. Но монахъ не придалъ

ему никакого значенія, думая что это просто веселится на дворѣ прислуга.

Но вотъ ужинъ кончился; сытые и пьяные гости, отправились въ танцевальную залу, чтобы завершить балъ традиціонной мазуркой. Графскій оркестръ заигралъ веселую, бравурную мазурку и нѣсколько десятковъ паръ пустились по гладкому скользящему паркету. Лучшіе балетные танцоры нашего времени могутъ дать только весьма слабое понятіе о томъ, какъ танцевали мазурку поляки описываемой нами эпохи.

Сколько граціи, ловкости и удали обнаруживали въ мазуркѣ оборочительныя пани и панны, а также статныя длинноусые паны съ мужественной осанкой!

Вотъ пара, приковывающая къ себѣ всеобщее вниманіе. Она состоитъ изъ виновницы торжества—графини Жетомской—и пана Побрехальскаго. И не хотѣлось бы графинѣ этого веселья, но что дѣлать,—суровый графъ Ксаверій такъ желаетъ. Она сегодня особенно хороша въ своемъ бархатномъ кунтушѣ и станикѣ ¹⁾ изъ золотой парчи. На красивую голову графини надѣта маленькая соболья шапочка съ алмазнымъ перомъ; ея изящныя небольшія ножки обуты въ сафьянныя, узинанныя жемчугомъ и подкованныя золотомъ, сапожки. Нѣкоторая томность, разлитая по лицу графини, придаетъ ей особенную прелесть. Сколько самой неуловимой граціи скаывается въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ поворотѣ! Побрехальскій могъ считаться вполне достойнымъ кавалеромъ графини. Не смотря на свою тучность и далеко немолодые годы, онъ положительно изумлялъ всѣхъ своею чисто юношескою ловкостью. Его ноги, обутыя въ желтыя сафьянныя сапоги, съ большими серебряными звѣздчатыми шпорами, выдѣлывали такіе изумительно трудные на, которымъ позавидовалъ бы любой профессиональный танцоръ. Всѣ остановились и любовались съ чисто-эстетическимъ наслажденіемъ этой чудной парой.

Даже графъ Жетомскій измѣнилъ своей обычной черствости по отношенію къ женѣ и нѣжно, съ любовью, слѣдилъ за ея движеніями:—видимо, онъ гордился ею.

Но въ этотъ моментъ случилось нѣчто ужасное...

¹⁾ Станика—родъ наружной шнуровки.

XXI.

Объ половины массивныхъ дубовыхъ дверей, ведущихъ въ другіе покои замка, вдругъ съ шумомъ и трескомъ распахнулись и въ залу ввалилась толпа гайдамаковъ, впереди которыхъ видѣлась высокая фигура Зализнаго. Сзади его были Дужій съ Глекомъ. Дужій по внѣшности превратился въ заправскаго гайдамака. У всѣхъ были сабли на-голо.

Это внезапное появленіе незваныхъ гостей, вовсе не входившее въ программу бала, навело всеобщую панику.

Веселые звуки мазурки моментально смолкли; пары разстроились. Нѣкоторыя дамы упали въ обморокъ. Мужчины быстро оправались, столпились около нихъ и схватились за сабли. Панъ Побрехальскій быстро, какъ ужъ, поползъ въ страхъ, на четверенькахъ, подъ столъ:

— Ни съ мѣста!—страшно гаркнулъ въ воцарившейся тишинѣ Зализный, такимъ голосомъ, что въ большихъ венеціанскихъ окнахъ задребезжали стекла.

— Если кто только посмѣетъ сопротивляться,—велю всѣхъ, какъ барановъ, перерѣзать!—Со мной двѣсти человѣкъ!

— А въ замкѣ около тысячи жолнеровъ,—пролепеталъ перепуганный Жетомскій.

— Да, было, вельможный пане,—съ усмѣшкой отвѣчалъ Зализный, а теперь часть перебилась мертвецки, часть перевязана, а другіе, извѣстно, уткли до ясу.

Это извѣстіе окончательно сразило всѣхъ. Паны безпомощно опустили сабли, видя, что сопротивленіе не приведетъ къ хорошимъ результатамъ.

— Кидайте сабли на землю!—властно крикнулъ ватажка, метнувъ своимъ повелительнымъ взоромъ.

Послѣ минутной нерѣшительности, въ мертвой тишинѣ сталъ явственно раздаваться лязгъ стали, бросаемой на паркетъ.

— Гей, хлопцы!—крикнулъ Зализный,—убрать все это панство, оставить только вельможнаго графа и маршалка!

Толпа гайдамаковъ хлынула въ сбившуюся кучу гостей. Здоровенный Шибеникъ грубо схватилъ было своей огромной лапой графиню Жетомскую за ея нѣжную шею, желая, въ-

рнятно, сорвать дорогое ожерелье. Возмущенный этимъ, Сосницкій выстрѣлилъ и гайдамакъ рухнулъ замертво. Почти одновременно грянулъ второй выстрѣлъ, направленный меткой рукой Глека и заставившій Сосницкаго упасть съ раздробленнымъ черепомъ. Послѣдовала короткая возня—и мигомъ все исчезло. Остались въ огромной залѣ только трепещущіе отъ страха Жетомскій съ Пржегодскимъ, да Зализный съ есауломъ и Дужимъ.

— Эге, да ты, голубе, вотъ куда забрался!—насмѣшливо сказалъ Глекъ, нагнувшись у стола, подъ которымъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ бѣдный панъ Побрехальскій.

Какое-то жалкое мычаніе изъ-подъ стола было отвѣтомъ храбраго пана.

— Что ты тамъ мымришь?—продолжалъ глумиться есауль;—ты поди ка сюда!—А, не хочешь?—И съ этими словами Глекъ сильно потянулъ изъ-подъ стола за ногу пучеглазаго пана Побрехальскаго. Еще усиліе—и есауль извлекъ его на свѣтъ божій, причемъ благородная голова пана преболбно стукнулась объ столъ. Картина была бы забавная, еслибы только не представляла собой прелюдіи къ обычному кровавому эпизоду.

Смертельно перепуганный толстый панъ, жалко вращая выпученными глазами, балансировалъ, стоя на одной ногѣ, такъ какъ за другую держалъ его Глекъ.

— А, ну, потанцуюмъ; ты,—я видѣлъ изъ окна,—гораздъ на это!—сказалъ онъ, начиная бѣжать рысью и не выпуская въ то же время ноги злосчастнаго пана; Побрехальскій по неволѣ прыгалъ на одной ногѣ, стараясь удержать равновѣсіе; но оно ему измѣнилось и тучное тѣло пана грузно шлепнулось о паркетъ.

— Ой, змилуйся надо мною, вельможный панъ казакъ!—раздался жалкій вопль.

Глекъ, которому уже это надоѣло, пинкомъ ноги заставилъ Побрехальскаго встать и вытолкалъ его изъ залы.

Жутко, ой, какъ жутко, чувствовали себя въ это время графъ съ маршалкомъ, стоя лицомъ къ лицу съ Зализнымъ и Дужимъ, видъ которыхъ не предвѣщаль ничего хорошаго!

— Весело вамъ живется, вельможный графъ! Вы себѣ тутъ банкетуете, танцуете, а нашъ братъ хлопъ,—быдло, какъ

вы его называете, — своимъ потомъ и кровью землю поливаетъ. Не такъ ли?

Ни слова въ отвѣтъ. Только дрожація челюсти и страшная мертвенная блѣдность выдавали состояніе духа обоихъ.

— Мало того, — продолжалъ Зализный, — что хлопы не доѣдаютъ, не допиваютъ, работая на васъ; вы еще берете поборы за то, что они молятся въ храмѣ, ловятъ рыбу; послѣдніе соки изъ несчастныхъ выжимаете вмѣстѣ съ вашими погаными жидами. — А эта сволочь, — метнулъ Зализный презрительнымъ взоромъ на маршалка, — еще позоритъ бѣдныхъ женъ и дочерей этихъ же хлоповъ. Забавляется себѣ панъ! Почекай же, больше ты не будешь забавляться.

— Вмѣсто благодарности, що я тебя не убилъ, якъ лядащую собаку, — вмѣшался Дужій, — ты еще посылаешь погоню!

— А ты меня не познаешь, пане? — спросилъ Пржегодскаго подошедшій Глекъ.

Тотъ испуганно таращилъ свои маленькіе глазки.

— Не познаешь? — А помнишь того лирника, что добре запустилъ тебѣ въ поганую грудь лирой?.. Ага, теперь припоминаешь!

— Гей, хлопцы, сюда! — крикнулъ Зализный.

Моментально ввалилось нѣсколько запорожцевъ.

— Взять этихъ пановъ, съ того содрать шкуру и потомъ на палю, — указалъ ватажка на маршалка, — а этого просто на палю!..

— Змилуйся, пощади, помилуй! — съ раздирающимъ душу воплемъ бросился Пржегодскій въ ноги Зализному.

Но тщетно, — его никто не слушалъ и, нѣсколько минутъ спустя, страшное лаконическое приказаніе ватажки уже приводилось въ исполненіе.

XXII.

Печальное и страшное зрѣлище представляла собой на слѣдующее утро усадьба Жетомскаго. Роскошный и огромный замокъ, въ которомъ всего нѣсколько часовъ назадъ безопасно веселились сотни людей, обратился въ груды дымящихся и обуглившихся развалинъ. Зализный приказалъ его сжечь до-

гла. Все цѣнное было разграблено гайдамаками. Изъ погребовъ выкатили нѣсколько бочекъ завѣтнаго венгерскаго, которое тутъ же было на половину выпито, на половину разлито запорожцами. Гости были всѣ поголовно перерѣзаны. Не избѣжалъ общей участи и шинкаръ Йосель; его безжизненное тѣло болталось на перекладинѣ его собственной хаты. Графиня Жетомская исчезла безслѣдно. Среди пустыннаго большаго двора замка стояли два высокихъ заостренныхъ кола, на которыхъ были крѣпко посажены графъ и маршалокъ, уже умершіе въ жесточайшихъ мученіяхъ, длившихся нѣсколько часовъ. Гайдамаки слѣпо исполнили приказаніе ватажки и нагое тѣло маршалка было неестественно красно, вслѣдствіе содранной предварительно кожи.

А лѣтній день былъ такъ тихъ, такъ спокоенъ! И голубое небо, и солнце также горделиво высились надъ этимъ разореннымъ пепелищемъ, усѣяннымъ массою обезображенныхъ смертью труповъ, какъ и тогда, когда здѣсь широкой волной текла и кипѣла шумная безпечная жизнь.

Послѣ полудня, вся шайка, пьяная, забрызганная кровью и обремененная добычей, покинула Листвяны, предоставивъ неудободвижимую часть добычи хлопамъ, для которыхъ, наконецъ, насталъ широкий праздникъ.

Надолго ли?

Въ тотъ же самый день, въ вечеру загонъ былъ въ двухъ верстахъ отъ хутора Кобзы. Ватажка, есаулъ и Дужій ѣхали впереди всѣхъ рядомъ.

— А знаешь, Глекъ,—обратился Зализный къ есаулу, сдерживая горячившагося коня своей сильной рукой; я думаю, треба, не доѣзжая до хутора этого поганца, послать хлопцевъ окружить его издалека, щобъ не утикъ, собачій сынъ!

— Я тоже такъ думаю,—отозвался Глекъ.

— Гей, панове!—крикнулъ Зализный гайдамакамъ, обочиваясь назадъ на сѣдлѣ,—отдѣлитесь пятьдесятъ человекъ и на разстояніи кроковъ (шаговъ) чотыреста одинъ отъ другаго, окружите помаленьку хуторъ со всѣхъ сторонъ. Глядите добре, чтобы не пропустить, если этотъ Кобза вздумаетъ бѣжать; ловите и стрѣляйте въ случаѣ чего, да только цѣль

тесъ въ ноги, чтобы не убить собаку:—онъ намъ нуженъ! слышали?

— Слышали, пане ватажка! Сейчасъ раздѣлимся,—отвѣчали гайдамаки.

— Добре, а я съ остальными поѣду прямо къ нему въ гости.

Наступаетъ прохладный вечеръ. Лежить подь развѣсистымъ дубомъ Кобза; лежить и мечтаетъ; не веселы его думы. Послѣ того вечера, когда онъ стрѣлялъ въ Дужаго, Настя не выносить его присутствія и уходитъ съ нескрываемой ненавистью при его появленіи въ хатѣ Довгополенки. Ни просьбы, ни угрозы стараго Данилы не помогаютъ. Большею частью Настя уединяется куда нибудь съ Катрей, которая притихла, какъ голубка, послѣ бѣгства брата. Нечего и говорить, что всѣ помыслы обѣихъ дивчатъ сосредоточены на немъ, Семенѣ. Гдѣ-то онъ теперь, что съ нимъ? вернется ли?

Однако, этимъ Кобзу не смутить. Вотъ онъ и сегодня пойдетъ къ Данилѣ, посидитъ и побалакаетъ. Но что это? Онъ слышитъ дружный конскій топотъ. Кто бы это могъ быть? Кто нибудь ѣдетъ за деньгами? Но тогда къ чему же столько народу? Вскрикиваетъ подозрительный Кобза и начинаетъ всматриваться въ приближающихся всадниковъ, окутанныхъ облаками пыли. Ого, да тутъ около ста человекъ! Чего имъ надо?—Но вотъ всадники подѣзжаютъ ближе и ближе. Кобза уже ясно различаетъ ихъ запорожское одѣяніе. А больно онъ не долюбивалъ встрѣчаться съ запорожцами, послѣ того какъ продалъ кошеваго полякамъ.

— Положимъ,—успокаивалъ себя старый злодѣй,—съ тѣхъ поръ много воды утекло и врядъ ли меня кто еще помнить.

Наконецъ, гайдамаки очутились шагахъ въ двухстахъ отъ Кобзы; къ своему ужасу онъ узналъ въ одномъ изъ переднихъ всадниковъ своего соперника, котораго чуть-чуть не застрѣлилъ. Какъ затравленный звѣрь, метнулся было Кобза, чтобы спастись, но некуда, да и наконецъ было поздно. Тогда имъ овладѣла отчаянная рѣшимость.

— Постой же, чертовъ сынъ, на этотъ разъ я не промахнусь!—прошепталъ онъ, вынимая изъ-за пояса пистолетъ и взводя курокъ.

— Онъ, онъ, этотъ самый!—вскричалъ Дужій, узнавая

Кобзу и указывая на него Зализному и Глеку. И всё трое ринулись вскачь прямо на стараго запорожца, вынувъ на всякій случай сабли. За ними поспѣшали и остальные гайдамаки.

— А, такъ ты такъ!—заревѣлъ Кобза,—на жь тебѣ!

И съ этими словами онъ моментально прицѣлился и выстрѣлилъ въ Дужаго.

Но и на этотъ разъ промахнулся Кобза. Пуля пролетѣла надъ самымъ ухомъ Семена, угодивъ прямо въ лобъ слѣдовавшему за нимъ запорожцу,—который замертво, какъ мѣшокъ, свалился съ сѣдла. Кобза швырнулъ со злостью прочь далеко отъ себя пистолеть и, какъ вкопанный, остановился на мѣстѣ, рѣшивъ, что все равно пришелъ конецъ его грѣшной жизни. Только глаза его горѣли мрачнымъ, недобримъ огнемъ. Нѣсколько слѣшившихся запорожцевъ съ бѣшеной бранью схватили его и крѣпко связавъ, грубо бросили на землю.

— Ну, теперь пришелъ твой конецъ, лютый конецъ!—сказалъ, наклоняясь надъ нимъ, Зализный.

Петро молчалъ, обдавая ватажку полнымъ ненависти взоромъ.

— Я пришелъ съ тобой расчитаться за моего дядьку!—продолжалъ Зализный,—ты его продалъ ляхамъ за 5,000 червонцевъ. Помнишь?

Ни одинъ мускуль не дрогнулъ при этомъ на лицѣ Кобзы. Онъ упорно рѣшился молчать.

— А, не хочешь говорить и не надо. Можетъ быть, огонь развяжетъ тебѣ языкъ. Гей, хлопцы, возьмите-ка его поближе къ хатѣ;—тамъ, я думаю, дрова есть.

Мигомъ его схватили и понесли во дворъ.

Я не буду описывать, какъ жгли Кобзу на медленномъ огнѣ, какъ пытали его, гдѣ спрятаны деньги и какъ, наконецъ, онъ героически умеръ, не произнеся ни слова и ни разу не застонавъ отъ ужасной боли. Найденный запорожцами глухо-нѣмой хлопчикъ знаками показалъ оригинальное хранилище денегъ Кобзы. Видимо, онъ какъ-нибудь подсмотрѣлъ, когда покойникъ лазилъ въ свою кассу. Запорожцы здорово таки набили свои карманы червонцами.

Уже давно возшелъ мѣсяцъ, когда гайдамаки покинули

зажженный ими хуторъ Кобзы и двинулись къ Зеленому яру, взявъ съ собой нѣмага хлопчика, котораго Глекъ посадилъ къ себѣ на сѣдло. Яркое зарево пожара, встревожившее всѣхъ зеленоярцевъ, освѣщало обуглившіеся останки Кобзы, валявшіеся возлѣ хаты въ кучѣ пепла. Такъ ужасно отомстили Зализный за своего дядю.

Однако, довольно читатель, довольно! Передъ нами развертывались слишкомъ мрачныя картины. Ничего отраднаго, ничего такого, надѣ чѣмъ бы можно было отдохнуть душой. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о судьбѣ нашихъ героевъ.

Торжественно прибыли гайдамаки въ Зеленый яръ. Нечего говорить, какъ обрадовались возвращенію Семена Настя съ Катрей. На долю Дужаго, какъ участника въ дѣлежѣ добычи, пришлось немало червонцевъ и всякаго добра. Это возымѣло магическое вліяніе на стараго Довгополенку и онъ благословилъ Дужаго и Настю. Бравый Зализный сразу произвелъ сильное впечатлѣніе на Катрю; въ свою очередь и онъ не остался къ ней равнодушнымъ. Спустя нѣсколько времени, въ зеленоярской церкви вѣнчались двѣ пары. Изъ кого онѣ состояли, читатель легко догадается.

Зализный рѣшилъ бросить бурную жизнь гайдамака, остался въ Зеленомъ яру, построилъ себѣ славную хату и мирно зажилъ со своей доброй Катрей. Что же касается его пріятеля, есаула Глека, то онъ былъ выбранъ гайдамаками въ ватажки и повелъ загонъ на зимовку въ Запорожье, чтобы съ весной опять выступить въ походъ.

Н. Вериго.

К о н е ц ъ .

ГРОМКОЕ ДѢЛО.

Общественная жизнь имѣетъ свои нормы и свои аномаліи. Нормы ея—это законы; вѣками выработанные порядки отношеній; твердые устои права, охраняемаго властью, и власти, охраняющей право. Судъ, карающій нарушителей закона, поставленъ лицомъ къ лицу съ отрицательными явленіями общественной жизни, съ ея патологіею. Ислѣдую преступленія, онъ нерѣдко обнаруживаетъ глубокія язвы соціального организма, развивающіяся на болѣзненной, зараженной почвѣ... Богиня правосудія съ повязкою на глазахъ разить виновныхъ своимъ мечемъ и, удаляя зараженные члены, не касается общихъ условій жизни, создавшихъ преступленіе и послужившихъ источникомъ его. Она лѣчитъ недугъ, такъ сказать, оперативнымъ способомъ и не знаетъ, не хочетъ знать соціальной гігіены, которая стремится предупредить болѣзнь, установивъ болѣе нормальныя условія общественной жизни. Это задача не представителей общественной совѣсти, а работниковъ общественной мысли. Гласный судъ раскрываетъ картину соціальныхъ недуговъ, а печать, какъ выразительница общественнаго мнѣнія, указываетъ ихъ причины и пути къ устраненію источниковъ зла. Ихъ гармоничная, совмѣстная работа даетъ высшему правительству и законодательной власти всѣ средства и способы къ полному оздоровленію общества.

Съ этой точки зрѣнія, необычайный, выходящій изъ ряда, интересъ представляетъ собою дѣло Меранвила де-Сентъ-Клера и Зеленки, съ фактической стороною котораго читатели, вѣроятно, уже знакомы.

Все дѣло возникло изъ-за дѣлежа, между братьями Юріемъ и Павломъ Поповыми, двѣнадцатимилліоннаго наслѣдства, оставшагося послѣ смерти отца ихъ, генерала Попова. Такъ какъ младшій братъ, за женитьбу на дочери управляющаго вопреки волѣ отца своего, генерала Попова, былъ, по прошенію послѣдняго, формальнымъ актомъ окружнаго суда лишенъ правъ наслѣдства, то единствен-

нымъ юридическимъ наслѣдникомъ остался старшій братъ его Юрій. Передъ смертью генераль Поповъ вызывалъ къ себѣ отца Іоанна Кронштадскаго. Павелъ какимъ-то образомъ узналъ объ этомъ и просилъ пастыря исходатайствовать прощеніе у умирающаго отца. Генераль Поповъ простилъ сына, но никакого заявленія въ судъ относительно возвращенія ему права наслѣдства не подавалъ и черезъ три дня умеръ. Разныя бумаги и телеграммы онъ подписывалъ, но ни одного шага къ восстановленію имущественныхъ правъ Павла не сдѣлалъ. Свидѣтели говорятъ, что, по настоятельнымъ увѣщаніямъ о. Іоанна, В. Поповъ, наконецъ, отвѣтилъ: «Благословляю и прощаю, остальное онъ долженъ заслужить», а на просьбу о. Іоанна удѣлить что нибудь Павлу и обезпечить его, больной замѣтилъ, «что это—его дѣло, и онъ еще подумаетъ объ томъ».

Между тѣмъ, о. Іоаннъ истолковалъ его прощеніе не только въ смыслѣ возврата родительской любви и благословенія, но также и въ смыслѣ восстановленія формально отнятыхъ у Павла правъ на наслѣдство. Выходя изъ сферы нравственнаго и религіознаго воздѣйствія и активно вступая въ чисто житейскій споръ о правахъ на миліоны,—о. Іоаннъ Кронштадскій выдалъ Павлу слѣдующее удостовѣреніе: «Симъ удостовѣряю, что отставной ген.-майоръ В. П. Поповъ, въ августѣ сего 1894 г., пригласилъ меня въ свое имѣніе, въ мѣстечкѣ Васильево, Таврической губ., гдѣ, по его желанію, я исповѣдывалъ его 26-го августа и причастилъ животворныхъ тайнъ. При исповѣди онъ заявилъ мнѣ, что сына своего Павла прощаетъ во всемъ и благословляетъ, *и чрезъ это, по моему мнѣнію*, онъ восстановилъ его въ правахъ наслѣдства, котораго лишилъ его передъ тѣмъ, во гнѣвѣ своемъ, судебнымъ порядкомъ. *По слабости своего здоровья и крайнему изнеможенію, онъ не могъ выразить свою волю письменно*. Кронштадскій протоіерей Іоаннъ Сергіевъ, 23-го сентября 1894 года».

Опредѣленіе слабости здоровья, какъ препятствія къ оформленію прощенія,—это уже вопросъ не пастырскій, а медицинскій, и мы знаемъ, что здоровье не мѣшало больному подписывать другія бумаги. Послѣдними строками отецъ Іоаннъ какъ бы восстанавливаетъ права Павла отъ имени его отца, исполняя волю умирающаго, но при этомъ не говоритъ, чтобы покойный за слабостью здоровья просилъ и уполномочилъ его сдѣлать это. Гражданскіе акты, установленные судебнымъ порядкомъ, должны быть и отмѣнены судомъ же. О. Іоаннъ, какъ пастырь, могъ и долженъ былъ просвѣтить сердце генерала Попова, но матеріальныя послѣдствія прощенія совершенно уже выходятъ за предѣлы компетенціи духовнаго лица:

дѣятельность христіанскаго пастыря не имѣть ничего общаго съ дѣятельностью нотаріуса, удостовѣряющаго акты. Съ этимъ удостовѣреніемъ въ карманѣ Павелъ Поповъ почувствовалъ за собою кое-какія права на долю наслѣдства. Еще раньше, по первому его требованію, ему были выдѣлены братомъ Юріемъ всё тѣ имѣнія, которыя онъ желалъ получить, общею стоимостью около 4-хъ милліоновъ. Получивъ ихъ, онъ написалъ и подалъ въ судъ формальное отреченіе отъ какихъ бы то ни было правъ на наслѣдство, да и вообще, кажется, не имѣлъ уже больше претензій къ брату и даже письменно благодарилъ послѣдняго за исполненіе своихъ «завѣтныхъ желаній».

Юристы, съ которыми онъ совѣтовался, по крайней мѣрѣ, не совѣтовали начинать дѣла противъ Юрія, считая выигрышъ въ судѣ юридически невозможнымъ и самое предъявленіе иска послѣ формальнаго отреченія—нравственно неловкимъ. Не подвернись въ этотъ моментъ подъ руку Меранвиль, навѣрное Павелъ Поповъ удовольствовался бы своими 4-мя милліонами, Юрій былъ бы счастливъ своими 8-ю милліонами—и никакого дѣла, вѣроятно, не возникло бы. Но на ловца и звѣрь бѣжитъ. На какомъ-то концертѣ Павелъ Поповъ встрѣтился со старымъ знакомымъ отца—полковникомъ Меранвилемъ. Эта встрѣча рѣшила судьбу того и другаго. До встрѣчи съ Меранвилемъ, Павелъ Поповъ заявлялъ, что онъ доволенъ тою долей, которую получилъ отъ брата. Послѣ встрѣчи оказывается, что онъ ищетъ адвоката, который бы взялся вести его дѣло съ братомъ Юріемъ. У Павла Попова есть исковое дѣло,—у Меранвиля есть другъ-ходатай, который это дѣло можетъ повести. Еще счастливое совпаденіе: Павелъ Поповъ хочетъ повести дѣло секретно и келейно, черезъ канцелярію прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ, чтобы не трепать имя отца въ судахъ, а можетъ быть и въ виду юридической безнадежности и спорности иска, о которой ему говорили прис. пов. Шефтель и пріятель Меранвиля г. Зеленко,—какъ разъ такой странный ходатай, который самъ въ судебныхъ мѣстахъ не выступаетъ, а «проводитъ дѣла» только въ административныхъ учрежденіяхъ. Скромность и деликатность кліента удивительно гармонируетъ со специальностью «подпольнаго адвоката» и званіемъ вліятельнаго по своимъ административнымъ связямъ посредника. Для петербургскаго проводителя дѣлъ, Зеленки, конечно, не существуетъ такихъ препятствій, которыя смущали профессиональную совѣсть провинціальнаго гласнаго адвоката; онъ нисколько не считаетъ «неловкимъ» выступать съ претензіями послѣ отреченія; по крайней мѣрѣ, защитникъ его г. Герардъ категорически заявилъ на судѣ, что отреченіе Павла, сопровождавшееся

уступкою ему имѣній, никакой юридической силы не имѣло—и съ своей стороны добавилъ, что діагнозъ дѣла, данный Зеленкой, «совершенно правиленъ». Я не знаю, руководствуется ли самъ прис. пов. Герардъ въ своей практикѣ тѣми этическими правилами, которыя рѣшается публично защищать на судѣ, но во всякомъ случаѣ это мѣсто его защитительной рѣчи несомнѣнно мараетъ честь петербургской адвокатуры. Если онъ не видитъ ничего неловкаго съ нравственной стороны предъявлять иски послѣ отреченія, купленного подачкою четырехъ милліоновъ, и притомъ только потому, что такое отреченіе по закону не имѣетъ никакой юридической силы, то, несомнѣнно, онъ самъ—не особенно чистоплотный адвокатъ; если же онъ считаетъ для себя такіе приемы унижительными, то ему бы не слѣдовало выступать съ защитой ихъ въ дѣлѣ Поповыхъ. Въ процессахъ профессиональныхъ, когда адвокатъ защищаетъ адвоката, оба они становятся рядомъ. Обвиняемый—товарищъ защитника; защитникъ, заявляя свою нравственную солидарность съ подсудимымъ, становится съ нимъ на одну доску. Защищать нравственную неразборчивость коллеги въ судебныхъ дѣлахъ—значитъ проявлять ее и съ своей стороны. Какъ бы тамъ ни было, но Зеленко счелъ выигрышъ дѣла возможнымъ, съ полной готовностью принялъ на себя веденіе его не въ судѣ, а черезъ канцелярію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, и при посредствѣ Меранвила заключилъ съ Павломъ Поповымъ условія, въ силу которыхъ Павелъ Поповъ обязуется, въ случаѣ, если помирится съ братомъ помимо Зеленки, уплатить послѣднему неустойку въ 200 т. р. Съ того момента, какъ подобное условіе было заключено, необходимо было устроить примиреніе братьевъ помимо Зеленки. Планъ дѣла заключался именно въ томъ, чтобы не дѣлать его. Зеленко въ теченіе мѣсяца ровно ничего не предпринимаетъ. Защитникъ его Андреевскій оправдываетъ его бездѣятельность тѣмъ, что ему нездоровилось, что онъ ожидалъ въ Петербургъ управляющаго Поповыхъ, какого-то Сѣрикова для оцѣнки имѣній и прибавляетъ, что «такія дѣла скоро не дѣлаются». На здоровье, конечно, можно ссылаться всегда и во всемъ, но почему непременно съ милліонными дѣлами надо тянуть и медлить—это тайна г. Андреевскаго. Если Зеленкѣ дѣйствительно нуженъ былъ Сѣриковъ, то отчего онъ не вызвалъ его телеграммой, даже не дѣлалъ никакой попытки ускорить его прїѣздъ, а предпочиталъ сидѣть и ждать? Мы думаемъ, что гораздо естественнѣе бездѣятельность Зеленки объяснить усиленную дѣятельностью Меранвила. Какъ разъ въ этотъ моментъ Меранвиль ѣдетъ «по своимъ дѣламъ» въ Парижъ. По дружбѣ съ Поповыми, онъ изъявляетъ согласіе попутно быть посредникомъ въ

ихъ дѣлѣжъ наслѣдства. По черновику, составленному Зеленкой, Павелъ пишетъ вѣрительную грамоту къ брату Юрію, сверхъ того, Зеленко вручаетъ уѣзжающему еще отъ себя рекомендательное письмо къ юрисконсульту русскаго посольства въ Парижъ, прис. пов. Борковскому. Снаряженный всѣми этими письменами и рекомендаціями, Меранвиль вдругъ является въ водолѣчебницу, гдѣ жилъ и лѣчился нервно больной Юрій Поповъ и объявляетъ ему, что знавшій его отца генераль Рихтеръ, а также генералы Мезенцевъ и Черевинъ крайне недовольны несправедливымъ раздѣломъ наслѣдства, что Павелъ подастъ жалобу на Высочайшее имя, что въ комисіи прошеній это дѣло уже предрѣшено, что, въ случаѣ несогласія на полюбовный раздѣлъ, состоится Высочайшее повелѣніе, по которому доля Юрія можетъ быть конфискована. При этомъ онъ грозилъ больному Юрію личнымъ гнѣвомъ государя, говорилъ о своемъ закулисномъ вліяніи, какъ старшаго адъютанта шефа жандармовъ, и, являясь съ одной стороны неофициальнымъ уполномоченнымъ вліятельныхъ лицъ, а съ другой стороны старымъ другомъ и благожелателемъ семейства Поповыхъ, въ концѣ концовъ заставилъ Юрія удовлетворить всѣ требованія Павла, котораго вызвалъ въ Парижъ телеграммой. Юрій Поповъ, слабовольный, безхарактерный, нервно разстроенный, считалъ Меранвиля, какъ жандармскаго полковника, всеисильнымъ, а законныя права и юридическія гарантіи передъ волею сильныхъ людей совершенно ничтожными, и поэтому, безропотно подчинившись всѣмъ условіямъ, которыя продиктовалъ ему жандармскій полковникъ Меранвиль, подписалъ договоръ съ миллионною неустойкою. О душевномъ состояніи Юрія можно судить хотя бы потому, что онъ безропотно подписываетъ договоръ съ такою неустойкою и, по показаніямъ свидѣтелей, одинъ изъ нихъ говоритъ, что Юрій казался совершенно подавленнымъ, былъ нервно разстроенъ, взволнованъ, а по словамъ другаго свидѣтеля, Русселя— «доведенъ до ужаса».

Меранвиль очень ловко пользуется дѣйствіемъ своего мундира. Онъ говоритъ, будто управляющій Юрія, Галеа, серьезно скомпрометированъ въ политическомъ отношеніи, и онъ, Меранвиль, имѣетъ право выслать его изъ предѣловъ Россіи въ 24 часа, и даже предлагалъ свое содѣйствіе, если пойдетъ рѣчь объ арестѣ. По его словамъ, жандармы пользуются громаднымъ вліяніемъ въ Россіи, лично же онъ, Меранвиль, занимаетъ въ Петербургѣ очень видный, служебный постъ съ широкими полномочіями и даже рассчитываетъ вскорѣ быть петербургскимъ градоначальникомъ. Съ цѣлью дать понять Ю. Попову, что и за границей онъ не можетъ считать себя въ полной безопасности, Меранвиль указалъ ему на свои пріятель-

скія отношенія къ находившемуся въ Парижѣ чиновнику министерства внутреннихъ дѣлъ Рачковскому, который, по словамъ Меранвила, пользуется будто бы ббольшимъ вліяніемъ и значеніемъ въ Парижѣ, чѣмъ русскій посоль.

Подъ вліяніемъ такихъ разговоровъ, растерянный Юрій Поповъ могъ подписать рѣшительно все, что угодно ловкому Хлестакову мистификатору. Меранвиль признанъ судомъ виновнымъ въ вовлеченіи Юрія Попова путемъ угрозъ и нравственнаго насилія въ невыгодную сдѣлку, поэтому мы не будемъ останавливаться на имѣющихся въ дѣлахъ уликахъ противъ него. Весь интересъ сосредоточивается на томъ: въ какой мѣрѣ прикосновененъ къ преступленію Меранвила другой подсудимый Зеленко? За недостаткомъ прямыхъ уликъ по суду, онъ остался оправданнымъ, но, быть можетъ, и самый оправдательный приговоръ и недостатокъ прямыхъ уликъ явился въ извѣстной степени результатомъ большой осторожности и исключительнаго положенія подсудимаго, его удивительной юридической ловкости и, быть можетъ, тайной сдѣлки съ другимъ обвиняемымъ. Его связь съ Меранвилемъ, какъ по этому дѣлу, такъ и вообще, установлена. У нихъ не только дѣла общія, но даже и домъ общій, купленный на паяхъ. Дружба самая тѣсная! За границу къ Юрію Попову Меранвиль ѣдетъ по порученію, съ согласія и съ рекомендаціями Зеленки и даже письмо отъ Павла Попова сочиняетъ тотъ же Зеленко. Хотя Зеленко и говорилъ сначала, что узналъ о поѣздѣ Меранвила только случайно, когда къ нему обратились съ просьбою составить письмо къ Юрію отъ имени Павла, но потомъ измѣняетъ свое показаніе. Оно, впрочемъ, опровергается всѣми обстоятельствами дѣла и показаніями свидѣтеля пр. пов. Рейнбота, котораго онъ просилъ составить черновикъ вѣрительнаго письма къ Юрію отъ Павла Попова и которому даже предлагалъ ѣхать въ Парижъ—оформить вырабатываемое Меранвилемъ соглашеніе между братьями Поповыми. Наконецъ о своемъ пріѣздѣ въ Парижъ, о ходѣ и объ исходѣ дѣла Меранвиль постоянно телеграфируетъ Зеленкѣ и не только изъ Парижа, но даже и поздѣе изъ Симферополя, гдѣ Меранвиль, опять таки случайно и попутно съ своими личными дѣлами, явился къ Юрію, чтобы наблюдать за исполненіемъ условія парижскаго договора между братьями Поповыми и поторопилъ Юрія отдать Павлу 350 т. р. для того, чтобы поскорѣе получить съ Павла 265 тыс. частью въ благодарность за свое дружеское, безкорыстное посредничество (60 т.), частью же въ видѣ неустойки по договору, заключенному при его, Меранвила, посредствѣ между Павломъ и Зеленкой (200 тысячъ рублей). Быть можетъ, благодаря вольнымъ или невольнымъ

грѣхамъ нашихъ не особенно акуратныхъ почтово-телеграфныхъ учреждений, не всѣ телеграммы, отправленныя Меравильемъ Зеленкѣ изъ Симферополя, дошли до суда, но и тѣ, которыя приобщены къ дѣлу, устанавливаютъ близкую связь между обоими подсудимыми. Андреевскій довольно наивно говорить о невинности телеграфныхъ извѣщеній Меравиля и находить вполне естественнымъ, что онъ по приѣздѣ въ Парижъ, въ незнакомый городъ, телеграфировалъ тотчасъ же своему другу, гдѣ остановился. Вполнѣ естественно также и увѣдомленіе объ окончаніи дѣла Поповыхъ миромъ, потому что Зеленко, какъ адвокатъ, ведущій дѣло, не могъ не интересоваться его исходомъ. Но и послѣ того, когда оно было окончено «помимо» Зеленки—чѣмъ же объяснить эти телеграммы изъ Симферополя: «Разсчитываю въ субботу или понедѣльникъ получить и выѣхать безостановочно въ Петербургъ. Здѣсь братья Поповы, Корецкій и управляющій. Здоровъ, обнимаю. Константинъ». Чѣмъ, спрашивается, увѣдомлять посторонняго человѣка о парижскихъ и симферопольскихъ настроеніяхъ Юрія Попова, о лицахъ, его окружающихъ, о ходѣ переговоровъ, о полученіи денегъ и пр.? Одной дружбой всего этого никакъ не объяснишь. Дѣловая солидарность Зеленки вытекаетъ изъ всего плана компаніи. Подъ видомъ договора между Павломъ и Юріемъ Поповыми, справедливо говорить г. Плевако, къ общему ихъ вреду совершился такой актъ, главнѣйшей, преобладающей цѣлью котораго было получить обманнымъ способомъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей дѣльцамъ и это полученіе обезпечить всѣми мѣрами; имъ нуженъ былъ этотъ договоръ для того, чтобы Юрій Поповъ въ теченіе шести недѣль доставилъ имъ 200,000 руб. и чтобы въ силу договора, составленнаго на Васильевскомъ островѣ, Зеленко имѣлъ на нихъ право. Съ этой точки зрѣнія всѣ обстоятельства дѣла доказываютъ, что это положеніе не есть вымышленное, о немъ говорятъ не только люди и документы—камни говорятъ!

Заклучивъ такой договоръ, обвиняемые приступаютъ къ другому рода дѣятельности, но въ судъ нейдутъ, никакихъ гласныхъ судебныхъ дѣйствій не предполагается, для того чтобы, когда имущество получится путемъ ихъ ходатайствъ, получить негласно, секретно намѣченную сумму. Привязавъ къ себѣ крѣпкими путами Павла Попова, подсудимые приступили къ своей дѣятельности.

По этому хитро-задуманному плану, жандармскій полковникъ Меравиль хотя и запугивалъ Юрія Попова угрозами, какъ якобы полуофициальный уполномоченный генераловъ Рихтера, Мезенцева и Черевина, но тѣмъ не менѣе самъ-то отъ себя онъ представился другомъ Павла и Юрія, другомъ всего семейства Поповыхъ; этотъ

добрый и безкорыстный другъ, по личному расположенію къ нимъ, хочетъ предотвратить грозу, вѣстникомъ которой является. На этой двойственной роли былъ построенъ весь расчетъ, этимъ объясняются и всѣ выраженія дружескаго расположенія Юрія къ Меранвилю, о которыхъ такъ укоризненно распространялась защита. По плану интриги, жертва должна была чувствовать благодарность къ грабителю. Невинна телеграмма Меранвиля изъ Парижа къ Зеленкѣ: «съ Юріемъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ», извѣщавшая Зеленку о блестящемъ исполненіи задуманнаго имъ плана. Этимъ объясняется и отсутствіе всякихъ угрозъ въ сочиненномъ Зеленкою вѣрительномъ письмѣ Павла къ Юрію, и весь примирительный тонъ письма, въ которомъ защитники видятъ доказательство отсутствія у Зеленки всякой мысли о запутываніи Юрія.

Еслибы, отправляя въ Парижъ Меранвиля,—сказалъ г. Герардъ,—Зеленко давалъ ему тѣ правоученія, которыя заключаютъ въ себѣ подстрекательства къ совершенію преступленія, которое совершалъ Меранвиль, то въ этомъ письмѣ что нибудь подобное промелькнуло бы, и—что же? весь смыслъ письма ясно говоритъ совершенно противоположное; достаточно его прочесть, чтобы видѣть, что Павелъ Поповъ никуда еще, ни къ какой власти не обращался. Онъ въ письмѣ этомъ именно говоритъ, что желаетъ кончить дѣло съ Юріемъ по братски, чтобы избѣжать обращенія къ властямъ. Письмо это не только не можетъ служить доказательствомъ того, что Зеленко былъ подстрекателемъ, оно является прямымъ доказательствомъ противнаго; оно не только не минусъ для Зеленки, но прямой для него плюсъ. Боже мой! да могъ ли Павелъ давать официальную довѣренность на запугиваніе Юрія? Письмо Павла, написанное Зеленкой, должно было выставить Меранвиля добрымъ геніемъ, который по знакомству съ семьей Поповыхъ, примиряя братьевъ, спасаетъ Юрія отъ гнѣва сильныхъ міра сего. Герардъ не разбиваетъ уликъ, а ловко обходитъ ихъ. Въмѣсто того, чтобы опровергнуть схему обвиненія, и Герардъ, и Андреевскій старались всячески запутать въ клубокъ всѣ обстоятельства дѣла и оба, указывая на отсутствіе Зеленки въ моментъ преступленія въ Парижѣ, наивно повторяли вопросъ: «Зеленко тутъ не причемъ, онъ сидѣлъ въ Петербургѣ»—наивничаетъ Герардъ. Въдъ въ то время, когда Меранвиль орудовалъ въ Парижѣ, «Зеленко безотлучно находился въ Петербургѣ»—повторяетъ Андреевскій,—причемъ тутъ Зеленко? Но, будто бы, соучастіе въ преступленіи непременно требуетъ присутствія всѣхъ участниковъ въ одномъ мѣстѣ? Развѣ не можетъ прикащикъ поджечь застрахованную лавку по порученію хозяина, въ отсутствіе его? Сложное мошенничество съ нѣсколькими дѣй-

ствующими лицами и въ нѣсколькихъ актахъ, непременно дома, предполагаетъ строгое распредѣленіе ролей въ извѣстной послѣдовательности во времени и въ пространствѣ. Меранвиль и Зеленко вмѣстѣ вели дѣло, вмѣстѣ и получили барышъ. Говорятъ, что одинъ получилъ, какъ адвокатъ, другой—за рекомендацію дѣла и за безкорыстное усердіе, да еще заграбасталъ кушъ путемъ злоупотребленій, о которыхъ товарищъ не зналъ и за которыхъ поэтому не отвѣтственъ. Но несомнѣнно, что они дѣйствовали просто какъ компаньоны. При доказанности преступленія Меранвиля, очень трудно опредѣлить черту, гдѣ онъ мошенничалъ самостоятельно и гдѣ дѣйствовалъ по порученію Зеленки. Давая ему расписку о полученіи съ Павла всей суммы даже безъ проставленныхъ цифръ, Зеленко въ сущности давалъ ему полную *carte blanche* закончить дѣло съ Павломъ Поповымъ какъ угодно, представляя на полное усмотрѣніе другіе свои интересы въ сотни тысячъ рублей. Обыкновенная дружба до этого не доходитъ. Зеленко говоритъ, что онъ отнюдь не хотѣлъ взыскивать съ Павла двухсотъ-тысячную неустойку, но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же она была вписана въ договоръ? Трудно повѣрить, чтобы эти двѣсти тысячъ были получены его легкомысленнымъ другомъ безъ его вѣдома и согласія, что эта получка составляла не главную цѣль всѣхъ махинацій двухъ друзей, а явилась какимъ-то случайнымъ и Зеленкою непредвидѣннымъ эпизодомъ, результатомъ его обманутаго довѣрія къ Меранвилю... Друзья-закадыки не одинъ пудъ соли съѣли; вмѣстѣ и дома покупали, и всякія дѣла вершили; каждый зналъ другаго, какъ свои пять пальцевъ,—и вотъ вдругъ главный результатъ сложной интриги достигается только благодаря тому, что одинъ изъ нихъ ошибся въ другомъ! При этомъ еще оказывается, что болѣе глупый и легкомысленный провель болѣе умнаго и хитраго... Хотя въ такомъ дѣлѣ и не могло быть прямыхъ уликъ соучастія, въ видѣ напр. формальнаго и у нотариуса засвидѣтельствованнаго договора—огрabitъ Поповыхъ и подѣлиться сорваннымъ кушемъ пополамъ,—тѣмъ не менѣе выгородить Зеленку изъ преступленій Меранвиля было все же очень трудно; оправданіе его достигнуто легендою о двойномъ мошенничествѣ Меранвиля. Защита изобразила все дѣло такъ, будто бы Меранвиль получилъ неустойку безъ вѣдома Зеленки и обманулъ товарища по оружію—и всѣ повѣрили этой легендѣ, хотя она и не могла быть установлена на какихъ бы то ни было объективныхъ данныхъ, а пущена въ ходъ со словъ обвиняемыхъ и составляла единственный способъ защиты Зеленки. На эту удочку попалъ обвинитель, попались оба представителя гражданскаго истца—и Преображенскій, и Плевако—обвиняв-

шіе Меранвила въ недостатокѣ даже профессионально-мошеннической честности; попалась публика, попались, наконецъ, и присяжные засѣдатели, оправдавшіе Зеленку. Зеленко сознается только въ полученіи 60-ти тысячъ изъ суммы, мошеннически выманенной Меранвилемъ у Поповыхъ, но разъ, что эти деньги награблены и Зеленко получилъ часть добычи, то какъ тутъ установить: какая доля заграбастаннаго куша заработана честно, какъ адвокатскій гонораръ, а какая представляетъ собою плоды мошенничества и разбоя? Между работавшими вмѣстѣ и подѣлившимися плодами совмѣстной работы друзьями и сообщниками, гдѣ кончается дружба и гдѣ начинается соучастіе? Съ одной стороны, Зеленко отдаетъ Меранвилю обязательство Павла Попова о вознагражденіи Зеленки и заранѣе написанную расписку: «сими удостоверяю, что по договору, заключенному дворяниномъ Павломъ Васильевичемъ Поповымъ, 29-го декабря 1894 г., получилъ полное удовлетвореніе и никакихъ претензій по расчетамъ, истекающимъ изъ сего договора, не имѣю и имѣть не буду. Колежскій ассессоръ Петръ Михайловичъ Зеленко, 27-го марта 1895 года». Это дружба и довѣріе. Съ другой стороны Меранвиль хлопочетъ, чтобы у Павла были деньги для расплаты по обязательству, и пишетъ Юрію: «Мнѣ извѣстно, что у Павла Васильевича имѣется крупный срочный платежъ, и что онъ, съ вашихъ же словъ, рассчитывалъ получить 200 тыс. руб. до 9-го апрѣля, о чемъ вы мнѣ говорили въ Парижѣ. Лично я уполномоченъ М. П. Зеленкою окончить расчетъ съ Павломъ Васильевичемъ, получивъ причитающуюся ему по ихъ договору сумму съ неустойкою, и такъ какъ для перевода слѣдующихъ съ васъ по договору 200 тыс. руб. мнѣ ѣхать въ Симферополь не имѣетъ смысла, то я позволяю себѣ просить васъ, дорогой Юрій Васильевичъ, въ личное мнѣ одолженіе, не задержать перевода брату вышеозначенныхъ денегъ».

Словомъ, это рядъ совмѣстныхъ дѣйствій «по дружбѣ», но какъ только разговоръ идетъ о совмѣстной отвѣтственности за дѣйствія, тотчасъ жезащитники проводятъ между Меранвилемъ и Зеленкой черту мѣломъ по полу и говорятъ, что послѣдній нисколько не отвѣтствененъ за перваго. Между тѣмъ, въ этомъ приведенномъ письмѣ къ Юрію, Меранвиль открыто и громко, во всеуслышаніе, говоритъ, что уполномоченъ Зеленкою получить съ Павла 260 тыс. Еслибы онъ хотѣлъ получить ихъ тайно, безъ вѣдома Зеленки, то едва ли бы оставлялъ такую улику противъ себя въ рукахъ постороннихъ лицъ: такъ наивно и простодушно не мошенничаютъ. Трудно допустить мысль, что Зеленко, получающій телеграфическія сообщенія о всѣхъ подробностяхъ дѣла до настроенія Юрія вклучительно,

ничего не зная о средствахъ, пущенныхъ въ ходъ для склоненія Юрія на сдѣлку, и поздне снова остался въ полномъ невѣдѣннн относительно того, какъ Меранвиль исполнилъ его порученіе—произвести расчетъ съ Павломъ. Весь Крымъ кричалъ «о продѣлкѣ Меранвиля», дѣловой Петербургъ громко говорилъ о «заработанныхъ друзьями кушахъ»—одинъ только Зеленко не зналъ, что по его порученію онъ получилъ съ Павла 260 тыс. руб. Дѣйствовать такъ гласно повѣренный не могъ тайно отъ довѣрителя, потому что рано ли, поздно ли до свѣдѣнн послѣдняго дошла бы вѣсть о злоупотребленн, и возникла бы уголовщина. Это значило бы лѣзть на рожонъ и рыть самому себѣ яму. На подобный опрометчивый шагъ самый недалновидный мошенникъ можетъ рискнуть только въ крайнихъ, отчаянныхъ обстоятельствахъ, но въ положенн Меранвиля не было ничего похожего. Еслибы по вашему порученн взяли съ кого нибудь 200 тыс., на которыя вы не имѣете никакого права,—то позволили ли бы вы безнаказанно мошенничать отъ своего имени? Но Зеленко, и обнаруживъ мошенничество Меранвиля, ничего не дѣлаетъ, чтобы исправить его и не только не преслѣдуетъ въ уголовномъ порядкѣ Меранвиля, но даже не считаетъ себя обязаннымъ понудить его возвратить Павлу деньги. Когда возникло дѣло и грабежъ Меранвиля обнаружился на слѣдствнн, между ними происходитъ разговоръ лишь о томъ, кто возьметъ на себя грѣхъ. Какъ подѣлать отвѣтственность передъ судомъ? Рассказываютъ, будто бы Меранвиль просилъ Зеленку заявить, что двѣсти тысячъ получилъ онъ, какъ адвокатскій гонораръ, но гораздо вѣроятнѣе и правдоподобнѣе, что въ дѣйствительности всю отвѣтственность взялъ на себя именно Меранвиль, противъ котораго было больше уликъ, и тѣмъ прикрылъ Зеленку:—недаромъ же они друзья-закадыки! На категорически-поставленный вопросъ присяжнаго повѣреннаго Плеваки: считаетъ ли онъ дѣло Поповыхъ своимъ собственнымъ, или признаетъ соучастникомъ и Меранвиля?—Зеленко уклонился отъ отвѣта. Зато и другіе свидѣтели совершенно опредѣленно говорятъ за полную солидарность подсудимыхъ. Такъ напр., бесѣдуя въ дорогъ съ Меранвилемъ о Зеленкѣ, Корецкнй могъ убѣдиться, что Меранвиль и Зеленко тѣсно связаны между собою общими интересами, въ томъ числѣ и биржевою спекуляціей. Генераль Скалонъ изъ бесѣды съ Меранвилемъ вынесъ полное убѣжденн въ томъ, что условнн парижскаго договора Поповыхъ были предначертаны Зеленкою, который и былъ несомнѣнно единственнымъ руководителемъ Меранвиля въ этомъ дѣлѣ.

Для личныхъ интересовъ генерала, какъ тестя Юрія, а тѣмъ

болѣе для Корецкаго, совершенно безразлично, будетъ ли признанъ виновнымъ Зеленко, или пострадаетъ одинъ только Меранвиль. Слѣдовательно, ихъ показаніямъ, какъ вполне безпристрастнымъ, нѣтъ основаній не довѣрять. По словамъ генерала, Зеленко строилъ въ Одесѣ казармы и заявилъ, что онъ все состояніе потерялъ на этихъ работахъ. Съ тѣхъ поръ онъ бросилъ адвокатуру и занялся какимъ-то ходатайствомъ по административнымъ дѣламъ. Свидѣтель знаетъ нѣсколько крупныхъ дѣлъ на югѣ Россіи, гдѣ замѣшано имя Зеленко, все съ прибавкой солидныхъ кушей. Кромѣ того, шли слухи о баснословно-роскошной жизни Зеленки въ Петербургѣ, о вечерахъ, ужинахъ... Конечно, правыми путями такихъ средствъ не добудешь.

Меранвиль тоже рекомендуетъ Зеленку Павлу Попову, какъ «специалиста по подачѣ прошеній на Высочайшее имя». Странная специальность для юриста, особенно если вспомнимъ, что въ комисію прошеній обращаются только за милостью, — по дѣламъ, которыя не могутъ быть распутаны судомъ гражданскимъ или рѣшены обыкновеннымъ административнымъ порядкомъ, и что существуетъ законъ, безусловно запрещающій быть повѣреннымъ въ комисіи прошеній.

Подпольная адвокатура, веденіе дѣлъ изъ-за угла, безъ гласнаго обсужденія вопросовъ права — похожа на ловлю рыбы въ мутной водѣ. Сами ловцы — народъ очень ловкій и неуловимый, широко пользующійся всѣми обстоятельствами и такими людьми, какъ Меранвиль. На расходы по дѣлу Павла Зеленко выговариваетъ 10 тыс. руб. На вопросъ присяжнаго повѣреннаго Пржевальскаго: «какіе могли быть расходы по подачѣ прошенія, если оно пишется на простой бумагѣ?» Зеленко говорить, что нужно было произвести оцѣнку имѣній, которой, однако, никто въ дѣйствительности не производилъ, хотя лишніи 10 тыс. съ Павла все таки получены...

Доказывая невинность Зеленки, присяжный повѣренный Герардъ сравниваетъ его прикосновенность къ парижскимъ переговорамъ съ прикосновенностью Павла Попова, и задаетъ слѣдующій вопросъ: если преступленіе совершено, если обманъ былъ, то отчего нѣтъ на скамьѣ подсудимыхъ П. В. Попова? Зеленко получилъ кое-что отъ преступления Меранвиля и попалъ на скамью подсудимыхъ, а Павелъ получилъ въ десять разъ больше и не попалъ. Дѣйствительно, какъ личность Павла, такъ и все его участіе въ дѣлѣ представляется крайне страннымъ и двусмысленнымъ. Отношенія Юрія къ нему всегда были самыми хорошими. Когда Павелъ былъ въ опалѣ у отца и нуждался въ средствахъ, то, по его собственнымъ словамъ, братъ Юрій помогалъ ему изъ своихъ карманныхъ денегъ и обѣщалъ въ случаѣ смерти отца по-

дѣлиться поровну, но, повидимому, все это не внушило Павлу довѣрія къ брату. При первыхъ свѣдѣніяхъ о тяжелой болѣзни отца, онъ старается какъ нибудь обезпечить свои наслѣдственные права, проситъ кронштадтскаго протоіерея о. Іоанна вымолить прощеніе, тотчасъ же стремится учесть прощеніе отца и оформливаетъ родительское благословеніе въ юридическій документъ. Удостовереніе отца Іоанна онъ понесъ къ своему повѣренному Шефтелю; просмотрѣвъ документъ—показываетъ Павелъ на судѣ—Шефтель сказалъ, что теперь есть основаніе для начатія судебного процесса, но миролюбивый исходъ болѣе предпочтителенъ. *Мои дѣла были таковы, что я не могъ ожидать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ исхода процесса, а потому я согласился на мировую сдѣлку*

Послѣ мировой сдѣлки, получивъ отъ Юрія всѣ имѣнія, которыхъ просилъ, онъ говоритъ предводителю дворянства Оливѣ, что «очень доволенъ» своею долею; другому свидѣтелю, Корецкому, говорить, что Юрій раздѣлился «по братски», а послѣ встрѣчи съ Меранвилемъ возбуждаетъ противъ Юрія дѣло! Въ виду его отреченія, Шефтель отказывается вести процессъ въ судѣ, считая дѣло безнадежнымъ; тогда Павелъ проситъ Зеленку вести искъ черезъ канцелярію прошеній. Въ судебномъ процессѣ онъ рисковалъ проиграть, а въ канцеляріи прошеній рассчитывалъ почему-то выиграть, уповавъ на ловкость Меранвала, на искусство Зеленки проводить и обдѣлывать всякія дѣла и высказывая надежду, что, вслѣдствіе личнаго знакомства генераль-адъютанта Рихтера съ его покойнымъ отцомъ настоящая его просьба будетъ встрѣчена сочувственно въ этомъ вѣдомствѣ. Для публики всѣ эти расчеты были маскированы благоговѣйнымъ уваженіемъ къ памяти покойнаго отца и боязнь огласки семейныхъ дѣлъ. Подпольное веденіе дѣла даетъ свои плоды: запуганный Меранвилемъ, Юрій соглашается на всѣ условія Павла, съ «братскою» неустойкою въ миллионъ рублей. Павелъ присутствуетъ при заключеніи договора въ Парижѣ и пожинаетъ плоды меранвилевскихъ мистификацій, зная о пущенныхъ въ ходъ приемахъ и способахъ воздѣйствія на больнаго, разстроеннаго и запуганнаго брата. Чтò онъ зналъ обо всемъ этомъ, видно изъ того, что когда послѣ заключенія парижскаго договора, онъ обратился къ брату съ предложеніемъ вознаграждать Меранвила за участіе его въ дѣлѣ, то Юрій замѣтилъ ему, что считаетъ это неудобнымъ, *такъ какъ Меранвилъ безпрестанно повторялъ, что принимаетъ участіе въ ихъ дѣлѣ совершенно безкорыстно, какъ должностное лицо, исполняющее служебное порученіе, и что по этому всякое вознагражденіе имѣло бы, при такихъ условіяхъ, характеръ взятки.*

Не забудемъ, что къ соучастію въ нравственномъ насиліи надъ братомъ и къ пользованію результатами насилія онъ прибѣгаетъ не изъ крайности, но уже получивъ отъ Юрія имѣній на нѣсколько милліоновъ рублей. Его гонить не нужна, а жадность милліонера. Адвокаты объясняютъ его дѣйствія желаніемъ получить что нибудь не въ видѣ подачки отъ брата, а «по праву», но вѣдь гражданское право устанавливается судомъ и закономъ, а не разными ходатайствами и не милостію монарха, которая стоитъ внѣ законовъ и выше законовъ. Адвокатскія попытки облагородить побужденія Павла явно не достигаютъ цѣли. Меранвилю, запугавшему Юрія до согласія на сдѣлку, онъ выдаетъ, въ видѣ благодарности за участіе въ дѣлѣ обязательство на 50 тыс. руб. и безъ всякаго возраженія уплачиваетъ ему и выговоренныя Зеленкою 10 тыс. на расходы по дѣлу, которые не были произведены (оцѣнка имѣній и пр.) и 200 т. р. неустойки, условленной въ случаѣ примиренія съ братомъ помимо и безъ вѣдома Зеленки,—хотя Зеленко же сочиняетъ ему для Меранвиля вѣрительное письмо къ Юрію и, слѣдовательно, по буквальному тексту договора не имѣетъ никакого права на полученіе неустойки. Вообще его денежныя отношенія къ подсудимымъ въ высшей степени подозрительны. За что онъ платитъ имъ столько денегъ? Въ этомъ есть какая-то тайна. На судѣ обвинительная власть и гражданскіе истцы весьма настойчиво добиваются отъ него, сколько, какъ и за что онъ уплатилъ г. Зеленкѣ, и не согласился ли бы онъ такую же уступку сдѣлать брату своему; но всѣ эти допросы заканчиваются тѣмъ, что Павелъ Поповъ заявляетъ, что вѣдь это значитъ—считать въ чужомъ карманѣ; что онъ нисколько не жалѣетъ уплаченныхъ денегъ, никогда никому не жаловался и жаловаться не намѣренъ. Прекрасно такое великодушіе и миролюбіе; но вѣдь, кромѣ личнаго интереса, здѣсь замѣшаны интересы правосудія. Они несомнѣнно нарушены Меранвилемъ, и излишняя скромность и молчаливость Павла оставляетъ въ высшей степени невнятнымъ характеръ его отношеній къ преступленію и даже, быть можетъ, степень его соучастія въ преступленіи...

Другой братъ, Юрій, рисуется, по судебному дѣлу, болѣзненнымъ, трусливымъ, безвольнымъ и безхарактернымъ лицомъ. Меранвилъ заставляетъ его подчиняться всѣмъ требованіямъ Павла, а тесть, генералъ Скалонъ, ведетъ его къ прокурору и заставляетъ подать жалобу на Меранвиля. Милліоны отца дѣлаютъ его мишенью всякихъ происковъ и всевозможныхъ обхаживаній. Тяжесть наследственнаго богатства топить его въ белотѣ человѣческой податливости и жи. Всякій пользуется, кто сколько можетъ, его безхарактерностью. На судѣ присяжный повѣренный Мироновъ удостовѣряетъ передъ

присяжными, что знакомство генерала Скалона съ Юріемъ Поповымъ относится къ 1894 году, когда Юрій въ августѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Одессу отбывать воинскую повинность въ одинъ изъ полковъ, подвѣдомственныхъ генералу; что уже въ ноябрѣ Юрій Поповъ былъ женатъ на дочери генерала, а вскорѣ мы уже встрѣчаемъ Юрія Попова въ Парижѣ, въ лѣчебномъ заведеніи д-ра Келлера, но уже безъ жены.

Защита ловко воспользовалась этой необычайно быстрой женьитбой рядоваго наслѣдника миллионѣвъ на дочери дивизионнаго генерала, для оправданія меранвилевской спекуляціи на безхарактерность Юрія. Можно ли было при такихъ условіяхъ думать, — спрашиваетъ присяжный повѣренный Мироновъ, — чтобы генералъ Скалонъ выдалъ свою дочь за ненормальнаго человѣка? Конечно, нѣтъ, а на мой вопросъ генералъ рѣшительно заявилъ, что Юрій совершенно здоровый и нормальный человѣкъ. А Андреевскій прибавляетъ къ этому: если только играть на безхарактерности Юрія, то въ такомъ случаѣ всякія дѣла и сношенія съ нимъ нужно будетъ причислять къ преступленіямъ. Но считаемъ лучшимъ не распространяться на эту тему.

Какъ море въ сильную бурю выбрасываетъ изъ глубины на берегъ всевозможныхъ гадовъ, такъ и судебное разбирательство выводитъ на свѣтъ божій много всякой нечисти, которая творится, въ типинѣ и безмолвіи, въ нѣдрахъ нашей общественной жизни. Присяжный повѣренный Пржевальскій справедливо замѣтилъ въ своей рѣчи, что рѣдко можно встрѣтить имущественное преступленіе, въ которомъ бы интересы личности такъ тѣсно связывались съ интересами общественными, какъ въ настоящемъ дѣлѣ. Попадъ на судъ, оно открываетъ уголокъ совершенно отдѣльнаго міра дѣльцовъ особой своеобразной формации, съ особыми пріемами и характеромъ ихъ. Общественный интересъ его далеко не исчерпывается присутствіемъ на скамьѣ подсудимыхъ блестящаго жандармскаго полковника и вліятельнаго по родственнымъ и дѣловымъ связямъ дѣльца. Въ такомъ учрежденіи, какъ корпусъ жандармовъ, которое по самому своему назначенію не контролируется гласностью, дѣятельность его органовъ всецѣло основывается на довѣрїи правительства къ нравственнымъ качествамъ исполнителей. И Меранвилъ понесъ вполне заслуженную кару за то, что злоупотребилъ изъ корыстныхъ видовъ своимъ служебнымъ положеніемъ. Глубоко поучительна, съ общественно-моральной точки зрѣнія, раскрытая судебнымъ слѣдствіемъ сатурналія людской подлости и хищничества, которая происходила вокругъ миллионѣвъ генерала Попова, этого крѣпостника, обезумѣвшаго отъ богатства; но, пожалуй, еще болѣе

возмутительна та картина беззавѣтнаго и безбрежнаго адвокатскаго вранья, та яркая иллюстрація своеобразной адвокатской этики, которая вырисовалась въ судебныхъ преніяхъ. И Герардь, и Миرونвъ, и Андреевскій построили свою защиту на томъ обстоятельстве, что будто бы дѣлежъ братьевъ Поповыхъ не былъ убыточнымъ для Юрія и, доказывая отсутствіе невыгодной сдѣлки, долго мучили судъ бесплодными попытками выяснитъ цѣнность имѣній Юрія и Павла. Но еслибы даже раздѣлъ былъ совершенно справедливъ и соотвѣтствовалъ бы правамъ обѣихъ сторонъ — развѣ можетъ быть для юристовъ безразличенъ тотъ способъ, которымъ право осуществлено? Еслибы Павелъ убилъ или обокралъ Юрія, для того чтобы взять себѣ свою законную долю—кто бы рѣшился отрицать въ этомъ дѣйствіи уголовное преступленіе? Меранвиль не убилъ, не обокралъ, но съ помощью нравственнаго насилія, обмана и запугиванія ограбилъ Юрія, заставилъ его отдать Павлу около 4-хъ милліоновъ рублей—и самъ получилъ за это 200 тыс. Еслибы даже результатъ дѣлежа былъ совершенно справедливъ и законенъ, все таки способъ, которымъ онъ достигнутъ, явно преступенъ и преступность его несомнѣнно корыстна. Для присяжнаго повѣреннаго Миронова гражданскій или точнѣе коммерческій вопросъ дѣлежа совершенно заслонилъ общественно-правовую сторону дѣла; всякую этику онъ сводитъ къ рублю и, не обинуясь, задаетъ такой вопросъ: «какое же нравственное право, въ виду предстоящаго примирительнаго разбирательства, имѣемъ мы рѣшать и утверждать, будто парижская сдѣлка и несправедлива, и невыгодна»? Онъ торжественно ставитъ на видъ, что 200 тысячъ получены Меранвилемъ изъ половины Павла, а не Юрія; какъ будто бы это хоть сколько нибудь измѣняетъ характеръ насильственнаго и корыстнаго участія Меранвиля,—а Андреевскій патетически восклицаетъ: «да когда же мы перестанемъ, наконецъ, рыться въ чужихъ карманахъ и огорчаться за Павла Попова не только безъ его воли, но даже противъ его желанія! Павелъ Васильевичъ охотно подписалъ условіе и притомъ вполне сознательно, онъ охотно заплатилъ по этому условію, никому не жалуется и заплаченныхъ имъ денегъ не жалѣетъ, кому же какое дѣло — великъ или малъ былъ условленный гонораръ?! Правда, слушая страстныя нападки и непрощенную за Павла Попова заботливость, начинаешь думать иногда, не сквозитъ ли во всѣхъ этихъ восклицаніяхъ чувство зависти». Вслушайтесь, какою низкою инсинуаціею на товарищѣ звучатъ эти слова! Мы уже не говоримъ о непростительной для юриста, элементарно ложной постановкѣ вопроса о подсудности уголовному суду такого важнаго въ общественномъ смыслѣ преступленія, какъ вымо-

гательство жандармскаго полковника Меранвила,—разъ лицо, заплатившее за преступленіе (изъ кармана потерпѣвшаго) не предъявляетъ никакихъ исковъ.

Вообще защитники въ этомъ дѣлѣ совершенно не церемонились ни съ логикою, ни съ правдою, ни со здравымъ смысломъ. До геркулесовыхъ столбовъ беззабѣчивости дошелъ присяжный повѣренный Мироновъ, доказывавшій, что Меранвилъ нисколько не запугивалъ Юрія Попова, угрожая ему отъ имени генераловъ Рихтера, Мезенцева и Черевина конфискаціею имущества. «Развѣ можно,—вопрошалъ этотъ своеобразно-смѣлый ораторъ,—допустить угрозу обращеніемъ къ государю. Повелѣніе высочайшее считается за законъ, а закономъ угрожать нельзя. Да и странно какъ-то звучатъ слова: «угрожать обращеніемъ къ императору». Каждый можетъ лишь обрадоваться и сказать, что онъ былъ бы счастливъ, если его дѣло можетъ дойти до царя. Вѣдь и Юрій могъ просить государя, да онъ, по словамъ докторовъ Мартиньи и Келлера, говорилъ имъ: «Я самъ пойду къ императору». Значить, онъ понималъ тогда то, чего не хотятъ понимать его представители, и обращенія къ императору не боялся».

Но могъ ли онъ испугаться именъ Рихтера и Мезенцева? Нѣтъ, это имена друзей его отца, имена лицъ, которыхъ онъ и самъ зналъ. Вотъ еслибы Меранвилъ, говоря эти имена, выдумалъ про ихъ участіе къ брату Павлу, но вѣдь это участіе было въ самомъ дѣлѣ. Мы уже знаемъ теперь изъ дѣла, что и Рихтеръ, и Черевинъ, и Мезенцевъ считали Павла обиженнымъ, вступились за него предъ отцомъ, а генералъ Рихтеръ писалъ ему о томъ письма. Это зналъ и Юрій. Въ чемъ же была неправда со стороны Меранвила? А именно въ томъ, что ни тотъ, ни другой, ни третій изъ названныхъ генераловъ, ходатайствовавшихъ за Павла передъ отцомъ, даже и не думали *вмѣшаться* въ условія раздѣла его съ братомъ, отнюдь не предрѣшали исхода братской тяжбы въ канцеляріи прошеній и не давали никакого повода *угрожать* отъ ихъ имени Юрію гнѣвомъ государя, конфискаціею имущества и даже административною расправою съ личностью Юрія! Высочайшее повелѣніе — законъ, но тѣмъ отвѣтственнѣе тѣ, кто съ царскимъ именемъ на устахъ, всеу призываемымъ, творять насиліе и беззаконіе...

Не отставалъ отъ Миронова въ смѣлости софизмовъ и присяжный повѣренный Герардъ. Защищая Зеленку и полученіе имъ богъ вѣсть за что десятковъ тысячъ по дѣлу Поповыхъ, какъ обыкновенный адвокатскій гонораръ, онъ приравнивалъ этотъ гонораръ къ литературному! Въ литературной профессіи оплачивается-де не трудъ, а талантъ и успѣхъ въ публикѣ, выгодный издателю. Точно то же,

но въ гораздо большей мѣрѣ, мы видимъ и въ адвокатурѣ. Еслибы въ гражданскомъ дѣлѣ предложили кліенту оплачивать количество труда или достоинство его, онъ скажетъ: да, позвольте, когда я пришелъ къ вамъ съ гражданскимъ дѣломъ, когда я рассчитывалъ получить наслѣдство, которое у меня оспариваютъ, мнѣ нужно одно: получить наслѣдство; развѣ мнѣ рѣчи нужны? Если одинъ будетъ трудиться много и выхлопочетъ наслѣдство черезъ три года, а другой напишетъ такъ исковое прошеніе, что отвѣтчикъ, получивъ его, немедленно предложитъ мировую, я думаю, что всякій кліентъ съ гораздо большимъ удовольствіемъ заплатитъ полный гонораръ адвокату, чѣмъ вести въ судѣ продолжительный процессъ.

Если цѣнить только успѣхъ въ «проведеніи дѣла» — какими бы путями онъ ни былъ достигнутъ, — то несомнѣнно, что Павелъ Поповъ долженъ былъ бы очень щедро вознаградить и Меранвила, и Зеленку, но только удобна ли подобная этическая точка зрѣнія подпольнаго адвоката — «спеціалиста» по подачѣ прошеній и юридическаго штукмейстера для представителя гласной адвокатуры, который долженъ считаться съ общественными обязанностями юриста и съ требованіями общественного приличія, наконецъ? Г. Герардъ, какъ извѣстно, адвокатъ съ «либеральными» традиціями и съ еще болѣе либеральной репутаціей. Привычною рукою этотъ опытный прелюбодѣй слова ударилъ по знакомымъ струнамъ и эффектно закончилъ свою пѣсню красивымъ либеральнымъ аккордомъ. «Для обвиненія Зеленки онъ, — видите ли, — усматриваетъ мало данныхъ, а если будутъ допускаться обвиненія, основанныя не на фактахъ, а на догадкахъ и инсинуаціяхъ, то для обвинительной власти не будетъ преграды привлекать всякаго, и привлеченіе къ суду сдѣлается результатомъ произвола власти и насилія. Всю жизнь мою я былъ врагомъ произвола и насилія, потому что всегда ясно сознавалъ, что произволъ, направленный противъ одного, есть угроза для всего общества».

Съ помощью такихъ полированныхъ фразъ и уловокъ можно, насколько не рискуя репутаціей свобододолюбца и разсыпая громы противъ произвола и насилія, защищать произволъ и насиліе въ дѣлѣ, гдѣ фигурируютъ «спеціалисты» по подачѣ прошеній въ тѣсномъ союзѣ съ жандармскими полковниками, рѣшающими по своему усмотрѣнію гражданскій споръ помимо суда. Не завидна судьба того общества, которое выдвигаетъ изъ своей среды такихъ дѣятелей и такихъ «юристовъ»!

И. Гёфштеттеръ.

Въ полуснѣ.

Тишина, тишина!
Грустно свѣтитъ луна.
Подъ навѣсомъ мимозъ
Вьются рои стрекозъ.
Съ искрометныхъ небесъ
Въ очарованный тѣсъ,
Въ яркомъ блескѣ лучей,
Сходятъ сонмы тѣней.
Говорятъ мнѣ они:
«Позабудь эти дни,
Эти дни на землѣ,
Въ изнывающей мглѣ.
Жизнь—мечта, жизни нѣтъ!
Мы несемъ яркій свѣтъ,
Къ намъ ведутъ всѣ пути...
Улети, улети!»
Поднялись, унеслись
Тѣни свѣтлыя въ высь.
И не стало тѣней.
И безъ крыльевъ, пигмей,
Я бреду средь мимозъ,
Безъ желаній, безъ грѣзъ.
Грустно свѣтитъ луна,—
Тишина, тишина!

Д. Ратгаузъ.

НАША МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Чѣмъ ознаменовался истекшій сезонъ въ сферѣ художественно-музыкальной жизни? Вератцѣ можно отвѣтить на этотъ вопросъ— «немногимъ»; особенно мало проявила свою энергію и дѣятельность казенная русская опера, не поставившая ни одного новаго произведенія, ни иностраннаго, ни русскаго репертуара. Нельзя сказать, чтобы частныя оперныя сцены слишкомъ баловали петербуржцевъ новинками, хотя у нихъ все жь таки кое-что было по этой части. Нѣкоторое оживленіе замѣчалось въ концертахъ, которыхъ было довольно много въ сравненіи съ прежними сезонами. Кромѣ того, музыкальный міръ былъ заинтересованъ нашей новой консерваторіей, перешедшей въ собственное помѣщеніе. Если къ этому прибавимъ кое-что объ отпразднованныхъ юбилеяхъ, да объ успѣхахъ учащихся въ консерваторіи, то мы получимъ въ суммѣ все пережитое за сезонъ 1896—1897 г. Сообразно съ этимъ, мы и раздѣлимъ нашъ обзоръ, начавъ съ Маріинскаго театра, какъ главнаго центра, откуда долженъ сіять лучъ роднаго искусства.

А. Маріинскій театръ.

Жизнь нашей большой сцены обыкновенно слагается изъ постановки новыхъ, никогда не поставленныхъ оперъ,—изъ возобновленія давно не дававшихся произведеній русскаго или иностраннаго репертуара, изъ участія приглашенныхъ изъ-за моря иностранныхъ знаменитыхъ артистовъ (къ сожалѣнію, обычай этотъ твердо вкоренился у насъ) и изъ выходовъ, пробующихъ свои силы предъ петербургскою публикой, русскихъ артистовъ (въ нихъ мы мало вѣримъ: имъ необходимо проходить двадцать семь мытарствъ для того, чтобы они услышали въ концѣ концовъ довольно лаконическое, но очень выразительное: «васъ намъ не нужно, своихъ дѣвать некуда»). Посмотримъ, какіе изъ этихъ элементовъ имѣли мѣсто за разсматриваемый періодъ времени на нашей «образцовой» сценѣ.

Впервые была поставлена опера Сень-Санса «Самсонъ и Далила», но—увы!—тогда, когда весь Петербургъ уже перевидалъ эту оперу на всѣхъ частныхъ сценахъ, неи включая даже и клубныхъ. Объ этой оперѣ названнаго французскаго композитора, лежавшей

подъ спудомъ лѣтъ двадцать, покуда раскусили ея красоты, мы бесѣдовали въ одномъ изъ нашихъ прежнихъ обзорѣнъ (за 1894 г., №№ 7—9). Поэтому совершенно достаточно будетъ, если мы скажемъ нѣсколько словъ о постановкѣ и объ исполненіи ея. Что касается обстановки, то мы въ этомъ отношеніи настолько избалованы, что уже перестали изумляться всему; мы такъ привыкли къ роскоши костюмовъ, къ художественнымъ декораціямъ, ко всевозможнымъ свѣтовымъ эффектамъ, не говоря уже объ истинно-образцовыхъ хорахъ и оркестрѣ,—что ужъ ничѣмъ не поражаемся. Единственное, что вноситъ удивительный диссонансъ въ общую гармонію нашей обыкновенно великолѣпной постановки,—такъ это *балетъ*, ставящійся шаблонно, безъ малѣйшей фантазіи, изумительно ordinarily и прямо бездарно.

Мы говоримъ о балетѣ въ операхъ, не касаясь специальныхъ балетовъ, о которыхъ наши «специалисты-критики» кричатъ, что они превосходны, замѣчательны и пр. Мы не специалисты по такимъ головоломнымъ вопросамъ, какъ «пуанты, балоны, стальные носки, двойные туры» и прочія ужасныя слова, которыми насъ, бѣдныхъ, запугиваютъ гг. «специалисты-критики»; не беремся судить о великой премудрости ноговерченія и разныхъ прыжковъ; можетъ быть, гг. критики, выдающіе въ этихъ пустякахъ и акробатскихъ упражненіяхъ какіе-то симптомы «таланта», и правы; мы этого не знаемъ. Но балетъ въ операхъ ставится у насъ съ рѣдкой бездарностью, нужно отдать полную справедливость гг. поставщикамъ балетовъ; всѣ они на одинъ ладъ; ни малѣйшаго оживленія нѣтъ; все идетъ по заученному разъ навсегда, вездѣ однѣ и тѣ же группы, однѣ и тѣ же помахиванія ручками и пригиптованія ножками; настолько уже все извѣстно «по бывшимъ примѣрамъ», какъ выражаются въ канцеляріяхъ, что и смотрѣть-то на сцену не хочется.

Исключенія въ смыслѣ исполненія, не представляли и превосходные восточные танцы «Самсона и Далилы»; оставимъ ихъ въ покоѣ и перейдемъ къ исполнителямъ главныхъ партій; ихъ пѣли: г-жа Славина—Далилу, Самсона—гг. Ершовъ и Морской, а жреца Дагона—гг. Яковлевъ и Тартаковъ. Петербургъ выдалъ такихъ двухъ Далилъ, какъ г-жа Ришаръ, создавшая эту партію въ Парижѣ, и Борги, составившая себѣ извѣстность исполненіемъ партіи Кармень; послѣ нихъ трудно сказать что либо новое, какъ въ вокальномъ отношеніи (г-жа Ришаръ), такъ еще менѣе въ смыслѣ созданія художественнаго типа (г-жа Борги). *Comparaison n'est pas raison* и мы должны сказать, что изъ русскихъ исполнительницъ г-жа Славина лучше изъ всѣхъ, видѣнныхъ нами, а видѣли мы всѣхъ. Она проходила эту партію въ Парижѣ съ извѣстнымъ артистомъ Grand-Oréga г. Дельмасомъ и, благодаря своему таланту, темпераменту, сценическому опыту и прекрасному голосу, вполне совладала съ партіей.

Прибавимъ кстати, что г-жа Славина празднуетъ въ этомъ году двадцатилѣтіе своего служенія на Марининской сценѣ, на которой она въ теченіе этого времени всегда занимала первое мѣсто, выдѣляясь именно вышеупомянутыми качествами и никогда не при-

бѣгая къ шарлатанскому рекламированію своего имени; это въ настоящее время приходится цѣнить. Тутъ именно дѣйствительныя заслуги играли роль, а не разныя фокусы и выкидываніе «кожѣнецъ» для того, чтобы выдвигаться. Въ этомъ же году г-жа Славина удостоилась званія «солистки двора Его Величества». Но мы опять уклонились въ сторону отъ «Самсона и Далилы». Изъ двухъ теноровъ г. Ершову партія Самсона больше по голосу, чѣмъ г. Морскому, хотя и послѣдній отнесся къ своей задачѣ весьма добросовѣстно. Что же касается баритоновъ, то у г. Яковлева ббльшій (по силѣ) голосъ, чѣмъ у г. Тартакова, но послѣдній болѣе одаренъ художественной жилкой, не такъ форсируетъ свои средства, какъ первый, и производитъ болѣе выгодное впечатлѣніе.

Кромѣ этой старой новинки, ничего больше не было на Маринской сценѣ. Возобновленій же было довольно много: «Виндзорскія кумушки» Николаи, «Отелло» Верди, «Мефистофель» Бойто (въ новомъ составѣ), «Карменъ» (съ четой Фигнеръ въ главныхъ роляхъ), «Демонъ» Рубинштейна (въ новой обстановкѣ) и пр. Поговорили еще о возобновленіи «Опричника» Чайковского, но издатель оперы, г. Бессель, обнаружилъ такіе волчьи аппетиты въ видѣ авторскаго гонорара, что пришлось, кажется, забыть о ней; онъ отбилъ всякую охоту ставить эту оперу; по крайней мѣрѣ, въ истекшемъ сезонѣ ужъ ея не поставили; а что будетъ дальше—неизвѣстно. Между тѣмъ очень жаль, что одна изъ лучшихъ оперъ Чайковского не держится на репертуарѣ; уже изъ-за одного этого слѣдовало г. Бесселю не такъ дорожиться и согласиться на условія, предложенныя дирекціей. Особо слѣдуетъ выдѣлить спектакль, въ который праздновалось шестидесятилѣтіе первой постановки оперы Глинки «Жизнь за Царя».

Опера Николаи «Виндзорскія кумушки» не шла у насъ довольно давно и возобновленіе ея представляло бы интересъ, еслибы, во-первыхъ, ее поставили теперь съ лучшимъ исполнителемъ партіи Фальстафа, г. Стравинскимъ, и—во-вторыхъ—еслибы давали для публики. Послѣднее условіе можетъ показаться страннымъ: для кого же ставить оперы, какъ не для публики? Странность эта, однако, разсѣется, если прибавимъ, что она давалась только въ абонементные дни, когда неабонированная публика не можетъ проникнуть въ театръ; слѣдовательно, никто ее видѣть не могъ, за исключеніемъ обязательныхъ посѣтителей. Почему распорядились поставить «Виндзорскія кумушки», которая для многихъ представляла бы интересъ новизны, въ самомъ концѣ сезона (передъ масляницей) и притомъ только для абонентовъ,—не знаемъ; вѣроятно, были причины, о которыхъ намъ смертнымъ невѣдомо. Во всякомъ случаѣ хорошо уже и то, что хоть сколько нибудь поразнообразили представленія абонентамъ, а то имъ бѣднымъ ужъ надоѣли однѣ и тѣ же оперы, повторяемыя неуклонно изъ года въ годъ.

«Отелло» Верди—довольно слабое произведеніе, возобновленное, вѣроятно, по желанію г. Фигнера, который все еще «дѣлаетъ погоду» въ русской оперѣ и притомъ довольно пасмурную для русскихъ композиторовъ и отечественныхъ произведеній, вообще не признаваемыхъ этимъ великимъ радѣтелемъ русской оперы (за

исключеніемъ «Онѣгина» и «Дубровскаго», г. Фигнеръ, кажется, не поеть ни въ одной русской оперѣ: Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ, Рубинштейнъ, Бородинъ, Римскій-Корсаковъ, Чайковскій и др. еще не досрости до таланта этого артиста). Что же сказать объ его «Отелло»? Когда публика наша еще не видѣла знаменитаго г. Таманьо, г. Фигнеръ, рабски копирующий его, могъ понравиться; къ тому же онъ пѣлъ лѣтъ 7—8 тому назадъ, когда голосовыя средства его были гораздо сильнѣе и лучше, чѣмъ теперь. Но для чего понадобился ему «Отелло» послѣ Таманьо, поразившаго всѣхъ въ этой партіи и могучимъ, неподобнымъ голосомъ, являющимся феноменальнымъ среди современныхъ теноровъ, и прекрасной игрой («Отелло» лучшая роль въ репертуарѣ итальянскаго тенора), — не знаемъ.

«Мефистофель» Бойто еще болѣе напрасно былъ возобновленъ, чѣмъ «Отелло»: весь составъ былъ новый и настолько неудачный, что, право, лучше хотѣлось бы вовсе промолчать о немъ; достаточно сказать, что Маргариту и Елену пѣла далеко таки недаровитая г-жа Куза, Мефистофеля — гг. Серебряковъ и Майборода, плохо совладавшіе съ главнымъ героемъ, и Фауста — г. Ершовъ, которому партія видимо не по сердцу, чтобы составить себѣ ясное понятіе о томъ, что вышло изъ произведенія Бойто, недолго державшагося въ репертуарѣ; всего только, кажется, «Мефистофель» шелъ три или четыре раза: забудемъ и мы о немъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ неудачныхъ вечеровъ, и перейдемъ къ «Демону». Послѣдній не давался прошлый сезонъ, потому что декорации и костюмы устарѣли. Костюмы теперь, дѣйствительно, роскошныя, т. е. богатые, но мало характерны. Что же касается декораций, то онѣ «новыя» только со старыми прорѣхами. Не любятъ въ дирекціи Рубинштейна и его оперъ, хотя «Демонъ» принесъ нѣсколько сотъ тысячъ сбору, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, но это въ резонъ не принимается.

У насъ три Демона, три Тамары, три Генія добра, три Слуги, три Синодала, — словомъ тройной составъ и опера все таки рѣдко дается, не смотря на полные сборы, даваемые ею. Разбирать исполненіе всѣхъ артистовъ не видимъ необходимости: мѣстнымъ посѣтителемъ они хорошо извѣстны со всѣми своими достоинствами и недостатками (у каждого имѣются и тѣ, и другіе), а для иногородныхъ читателей это едва ли интересно. Поэтому скажемъ еще два слова о «Карменъ» и «Жизни за Царя», а затѣмъ перейдемъ къ гастролерамъ. Чета Фигнеръ исполняла главные партіи въ оперѣ Бизе не одинаково: г. Фигнеръ превосходный Хозе; онъ приводилъ публику въ восторгъ, особенно своей драматической игрой и, нужно отдать ему справедливость, онъ увлекался самъ и увлекалъ слушателей; такого Хозе Петербургъ еще не видалъ ни на русской сценѣ, ни на иностранной; этого мы не можемъ сказать о г-жѣ Фигнеръ, ничѣмъ не выдѣлявшейся изъ общаго уровня исполнительницъ этой партіи, для которой требуется, кромѣ голоса и таланта, еще граціозность, ловкость, поворотливость и пр.

Шестидесятилѣтіе первой національной оперы Глинки было торжественно отпраздновано; впервые (за послѣднее время, по край-

ней мѣрѣ) исполнена была г. Ершовымъ сцена Сабинина въ лѣсу (съ хоромъ), предшествующая сценѣ Вани предъ монастыремъ. Сцена эта («Братцы, въ метель») обыкновенно пропускается вслѣдствіе неимоверной трудности тесситуры ея; въ ней встрѣчается шесть разъ подъ рядъ высокое *do* и тенора бояться рисковать своими голосами. На русской сценѣ, кажется, только г. Никольскій пѣлъ ее во времена оны. Мы слышали эту сцену въ исполненіи французскаго тенора г. Шевалье, пѣвшаго одно время лѣтомъ въ Аркадіи, когда Гинсбургъ ставилъ оперу Глинки по французски. Г. Ершовъ, рѣшившійся на этотъ *tour de force*, поразилъ многочисленныхъ слушателей, собравшихся на этотъ спектакль, своимъ высокимъ голосомъ и огнемъ, съ которымъ онъ провелъ сцену; но восхищеніе публики дошло до апогея, когда артистъ не побоялся повторить тутъ же всю арію на *bis*. Г. Ершовъ былъ вызванъ разъ шесть или семь.

Гастролерами были г-жа Сандерсонъ изъ парижской оперы и г. Ванъ-Дейкъ изъ вѣнскаго *Opern-haus'a*. Оба артиста, собственно говоря, уже извѣстны были раньше нашей публикѣ: первая по Маринскому же театру, въ которомъ она пѣла лѣтъ шесть тому назадъ, а второй—по Малому, гдѣ онъ впервые появился у насъ въ «Вертерѣ». Но разъ необходимы гастролеры, то не все ли равно, какіе именно. Гастролеры тормозятъ репертуаръ, вытѣсняють русскую оперу (и безъ того тѣсняемую четою Фигнеръ) поютъ въ общемъ не лучше нашихъ артистовъ, хотя получаютъ громадныя деньги; особенныхъ сборовъ не дѣлають, но вносятъ смѣшеніе языковъ и пр. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти доблести гастролеровъ мало принимаются въ резонъ и они находятъ у насъ широкій просторъ и распростертыя объятія. Изъ двухъ названныхъ заморскихъ знаменитостей теноръ появился всего разъ пять, а сопрано чуть ли не четырнадцать. Такимъ образомъ, почти пятая часть всѣхъ спектаклей отнята была у отечественныхъ произведеній.

Послѣднія находятъ себѣ мѣсто въ репертуарѣ, или въ началѣ сезона, когда, съ одной стороны, нашъ *high-life* еще не съѣхался и чета Фигнеръ еще не вступила въ роль командировъ сцены,—или въ концѣ сезона, съ другой стороны, когда наступаетъ пора дебютовъ и знаменитая чета уже окончила свои гастроли; тогда, пожалуй, можно послужить и родному искусству, — т. е. ставить «Руслана», «Русалку», «Демона», «Игоря» и прочую мелочь, которой не мѣсто въ теченіе сезона, когда «Паяцы», «Сельская честь», «Вертеръ» и другія «капитальныя» произведенія ставятся для гастролеровъ, какъ иностранныхъ, такъ и собственныхъ. Когда наступитъ конецъ подобному режиму, когда начнутъ цѣнить своихъ композиторовъ, хоть наравнѣ съ сомнительными извѣстностями иностраннаго производства,—неизвѣстно; но надо полагать не скоро, ибо мы все еще падаемъ ницъ предъ «гнилымъ западомъ» (въ области современнаго искусства, въ буквальномъ значеніи этого слова) и все еще восхищаемся, какъ бы по обязанности, а въ сущности изъ подражанія, всѣми кто патентованъ на заграничныхъ бульварахъ.

Итакъ, поговоримъ о гастролерахъ. Г. Ванъ-Дейкъ принадле-

жить къ типу безголосыхъ знаменитостей, какъ гг. Решке, Фигнеръ и др., покрывающихъ бѣдность голосоваго матеріала осмысленной игрой, умѣняемъ держаться на сценѣ, хорошо придуманными сценическими эффектами, хорошей дикціей, умѣняемъ носить костюмъ и красиво фехтовать и пр. Они выучиваютъ и обрабатываютъ нѣсколько ролей, на которыхъ они всегда выѣзжаютъ и которые ихъ всегда вывозятъ, набиваютъ себѣ цѣну при помощи услужливыхъ репортеровъ-интервьюеровъ (ихъ развелось теперь вездѣ видимо-невидимо) вѣчно мусируютъ свою славу, благодаря бульварнымъ и уличнымъ листкамъ, и создаютъ себѣ реномѣ перворазрядныхъ пѣвцовъ, хотя, собственно говоря, для *тѣмня* у нихъ очень мало данныхъ, ибо для него, по выраженію Мейербера, нужны прежде всего три вещи: голосъ, голосъ и голосъ. Но искусство пѣнія, встрѣчающееся еще развѣ только у итальянцевъ, кажется, совсѣмъ вымираетъ, коли восторгаются (искренно или неискренно—все равно) и безголосыми пѣвцами.

Г. Ванъ-Дейкъ спѣлъ у насъ Тангейзера, кавалера де Грїѣ въ «Манонъ» Массенэ и еще какую-то партію, но не Вертера, которую онъ имѣетъ право считать лучшей въ своемъ репертуарѣ; подробно разбирать его исполненіе мы не станемъ, ограничившись уже сказаннымъ. Г-жа Сандерсонъ принадлежитъ къ тому же типу раздутыхъ рекламами знаменитостей, но съ лучшими вокальными средствами. Она выступила въ цѣломъ рядѣ партій—Манонъ, Маргариты («Фаустъ»), Джульетты, Эсклармонды и пр. Особенно кричащимъ успѣхомъ она не пользовалась, какъ и г. Ванъ-Дейкъ, хотя за полученные ими деньги (просто баснословныя въ сравненіи съ тѣмъ, чего они на самомъ дѣлѣ стоятъ) можно было бы ожидать и блестящаго, во всѣхъ отношеніяхъ, исполненія и успѣха. Голосъ ея еще свѣжій, но обработка его чисто французская, т. е. со значительными облегченіями; напр., трели нѣтъ, она замѣняется чѣмъ-то въ родѣ простой вибраціи голоса и пр. Если staccato недурно, она на этомъ выѣзжаетъ, гдѣ только можетъ; словомъ, отношеніе къ школѣ—не безъ нѣкоторой «легкости въ мысляхъ».

Позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ оперѣ «Эсклармондѣ», вѣроятно, мало извѣстной читателямъ, такъ какъ она нигдѣ въ Россіи не дается, да и въ Петербургѣ была поставлена для многорумной г-жи Сандерсонъ и возобновлена для нея же; съ тѣхъ поръ, какъ она ее пѣла у насъ въ первый свой прїѣздъ, опера эта не давалась до ея втораго прїѣзда. Думаемъ, что читатели не посядутъ на насъ, если расскажемъ содержаніе оперы и познакомимся съ ней.

«Эсклармонда».

Опера названа «волшебной», поэтому всякая чепуха, встрѣчаемая въ либретто, совершенно естественна и извинительна. Эсклармонда—императрица Востока (?) и рядомъ съ ней французскій король Клеомеръ (должно быть, современникъ нашему царю Гороху); авторы либретто, Бло и Грамонъ, словомъ: «волшебная» опера сложила съ себя всякую отвѣтственность предъ логикой; но мотивъ

оперы совсѣмъ не волшебный, — напротивъ, реальный, реальный во французскомъ, т. е. порнографическомъ, смыслѣ: любовь главной героини къ рыцарю Роланду совсѣмъ не поэтическаго свойства; она даже убѣгаетъ съ нимъ для этой любви на волшебный островъ, но зрители и тутъ отъ нея не избавляются, ибо французскіе авторы переносятъ зрителей и на этотъ островъ. Впрочемъ вотъ въ чемъ дѣло.

Прологъ. Императоръ Форкасъ рѣшилъ уйти «вдаль отъ свѣта» и передать тронъ дочери своей Эскармондѣ, унаслѣдовавшей отъ него «даръ повелѣвать силой духовъ»; но до 20 лѣтъ она должна скрывать свое лицо отъ мужчинъ; послѣ этого она достается тому, кто побѣдитъ на турнирѣ. Дѣйствіе первое. Эскармонда и сестра ея Персеида бесѣдуютъ... разумѣется о любви (о чемъ же и разговаривать благовоспитаннымъ барышнямъ?). Персеида узнаетъ, что Эскармонда любитъ рыцаря Роланда и совѣтуетъ ей призвать его помощью своей волшебной силы (волшебство, значить, можетъ пригодиться). Женихъ Персеиды сообщаетъ, что онъ побѣжденъ на турнирѣ рыцаремъ Роландомъ, которому, въ награду за это, французскій король Клеомеръ отдаетъ свою дочь. Эскармонда рѣшаетъ, что этой ночью Роландъ къ ней придетъ, что она его очаруетъ «пламенемъ лобзаний жаркихъ и поцѣлуевъ огневыхъ, и что надо немедленно приступить къ дѣлу, въ которомъ ей оказываютъ помощь Астарта, Геката, Луна, Танитъ и другіе благодѣтельные духи.

Дѣйствіе второе. Въ немъ двѣ картины: на волшебномъ островѣ и въ комнатѣ волшебнаго замка; чтó тутъ происходитъ, — рассказывать не станемъ; впрочемъ, главная героиня общается любимому рыцарю заманчивую перспективу: «И славы, и любви часы будутъ чередоваться для тебя всю жизнь», но — «Знать не долженъ ты, кто я». Роландъ довольно покладистъ и соглашается; она его отпускаетъ только во второй картинѣ, снабдивъ волшебнымъ мечемъ и слѣдующимъ напутствіемъ: «Въ какой бы дальній край ты ни ушелъ, ночь каждую, мой милый, буду прилетать къ тебѣ» (восточная натура). Дѣйствіе третье опять въ двухъ картинахъ. Король Клеомеръ въ отчаяніи: его тѣснить «проклятый Сервегуръ», король сарациновъ. Читатель догадывается уже, что волшебный мечъ Роланда спасетъ Клеомера, что послѣдній въ награду предложитъ ему руку дочери и что, вѣрный своей дамѣ, рыцарь отъ нея откажется; но читатель никакъ не предвидитъ, что въ слѣдующей картинѣ явится къ Роланду епископъ развѣдать причину отказа, которую добродушный Роландъ ему въ простотѣ и открываетъ.

Но волшебная Эскармонда тутъ какъ тутъ: епископъ, недолго думая, срываетъ съ нея покрывало и тутъ ужъ происходитъ скандалъ форменный, какъ и полагается въ оперѣ: Роландъ видитъ впервые свою очаровательницу и стремится къ ней, епископъ кричитъ — «назадъ», Эскармонда снова призываетъ духовъ (волшебная барышня); епископъ не унимается и кричитъ — «исчезни», Эскармонда на этотъ разъ послушна, а рыцарь, по выраженію переводчика, «остается уничтоженный». Четвертое дѣйствіе, къ счастью, въ одной только картинѣ (авторы либретто не безъ жа-

лости къ людямъ). Старикъ Форкасъ въ арденскомъ лѣсу. Здѣсь онъ узнаётъ отъ Персеиды, на что употребила свою волшебную силу Эсклармонда и недоволенъ. Является виновница всѣхъ бѣдъ; ей ставится ультиматумъ: или позабыть «его», или «онъ» умереть; нелегко съ ея темпераментомъ рѣшить подобную задачу, но тутъ является «точно заблудившійся» Роландъ; они уже готовы опять помчаться на волшебный островъ, но не тутъ-то было: голоса напоминаютъ ей о данномъ обѣщаніи.

Эсклармонда рѣшается солгать и говорить Роланду: «Я больше не люблю тебя». Роландъ снова «остаётся уничтоженнымъ»; но конецъ оперы только въ эпилогѣ, происходящемъ тамъ же, гдѣ и прологъ. Героинѣ исполнилось двадцать лѣтъ. Турниръ рыцарей. Побѣдитель, конечно, Роландъ. Эсклармонда достается ему. Оба въ восторгѣ и никакого волшебнаго острова имъ уже теперь не нужно. Вотъ съ какими характерами и «типами» имѣеть дѣло въ этой оперѣ Массенэ, написанной, если не ошибаемся, для г-жи Сандерсонъ, т. е. подогнанный къ тому, что у нея лучше выходитъ,—и въ стилѣ... вагнеровскихъ реформъ (!) не безъ нѣкоторой дозы, однако, «самостоятельнаго» къ нимъ отношенія. И по сюжету уже видно, что Массенэ подражаетъ «Лоэнгрину»: тамъ Эльза не должна знать имени героя, здѣсь Роландъ не долженъ знать, кто героиня. Но это только еще вѣншее подражаніе. Внутреннее заключается въ безпрестанномъ *fortissimo*, въ трескѣ, въ преобладаніи мѣдныхъ инструментовъ, въ отсутствіи арій, кантленъ и пр.

Этого мало. Призывъ рыцаря Эсклармондой—перифразъ восклицаній Брюнгольда въ «Кольцѣ Нибелунговъ» («Валькирія»). «Самостоятельность» Массенэ, о которой мы сейчасъ упомянули, выразилась въ точкѣ зрѣнія композитора на трактуемый имъ сюжетъ; въ любви его героини нѣтъ ничего возвышеннаго, никакой идеализаціи; безконечнымъ каскадомъ звуковъ онъ старается прикрыть бѣдность своихъ музыкальныхъ мыслей, которыя замѣнены звуками и такой массой, что голова болитъ отъ нихъ. И нельзя сказать, чтобы рѣшительно не было кое-гдѣ интересныхъ мѣстъ въ оркестрѣ или у отдѣльныхъ исполнителей, но на протяженіи восьми картинъ онѣ тонуть въ общей массѣ звуковъ и рева оркестра, и проходятъ почти незамѣченными. Рѣчь идетъ, напр., о царикѣ Востока; не ищите, однако, ни одного восточнаго мотива: напрасный трудъ,—вы его не найдете. Что же касается фантастическаго элемента, который былъ бы не лишнимъ въ «волшебной» оперѣ, то его также мало, какъ мало и мелодическаго дара у композитора.

Массенэ написалъ «Эсклармонды» цѣлый рядъ произведеній: музыку къ драмѣ «Эриннія» (это первое и лучшее изъ его сочиненій), оперы: «Ева», «Донъ-Пекаръ де-Базанъ», «Иродіада», «Манонъ», «Король Лагорскій», «Садъ» и «Магъ» (въ послѣднее время онъ еще прибавилъ: «Вергера» и «Наварянку», о которой скажемъ ниже). Нѣтъ ничего мудренаго, что онъ уже набилъ руку въ мастерствѣ писанія, что онъ имѣеть извѣстную сноровку въ дѣлѣ оркестровки, что онъ уже освоился съ приемами и пр. Но ни одно изъ названныхъ произведеній не имѣло нигдѣ,—кромя Парижа, гдѣ композиторъ имѣеть много «друзей» среди

представителей печати, готовых трубить о немъ на всѣхъ бульварахъ,—рѣшительнаго, серьезнаго успѣха; да ихъ я не ставялъ особенно усердно. Одни мы, русскіе, или—вѣрнѣе—петербуржцы, почему-то полюбили именно Массенѣ въ ущербъ всѣмъ талантливымъ и выдающимся французскимъ композиторамъ, бывшимъ и сущимъ, которые вовсе не ставятся у насъ (пріятное исключеніе сдѣлано было, и только въ этомъ году, для «Самсона» Сень-Санса).

Такимъ талантикамъ, какъ Массенѣ, надо ограничиваться райономъ своей родины; но мы европействуемъ и полюбили его. Мы увѣрены, что если бы русскій композиторъ принесъ въ нашу дирекцію такую слабую оперу; какъ «Эсklarмонда», ему бы на хорошій конецъ возвратили партитуру со снисходительной улыбкой, припѣвая: «что вы, батюшка! помилуйте, можно ли такую оперу поставить на Марининской сценѣ»? Но фамилія автора Массенѣ, французская, тогда ему говорить: «je vous prie, monsieur»... Главная бѣда этого многошумнаго композитора заключается въ холодности его натуры; его Эсklarмонда должна быть по меньшей мѣрѣ горячей, страстной, а она по музыкѣ холодна: у автора нѣтъ живаго, бьющагося нерва; онъ вездѣ разсудоченъ и поэтому скученъ. Только по артистическимъ порывамъ и узнается истинный художникъ. На два-три момента Массенѣ еще хватаетъ, но этого слишкомъ мало для такой громадной оперы, какъ разсматриваемая. Къ лучшимъ мѣстамъ слѣдуетъ отнести: дуэтъ двухъ сестеръ, дуэтъ Роланда съ Эсklarмондой, да пожалуй сцену епископа. Все остальное—речитативы, придуманные, вымученные; оркестръ непрестанно гудить. Впечатлѣніе слабое.

Дебюты.

Дебютантовъ было семь человекъ: три сопрано, два меццо-сопрано и два баса. Г-жа Мелодистъ, довольно знакомая петербургской публикѣ по частной русской оперѣ въ Маломъ театрѣ, выступила въ «Демонѣ» (Тамара). Голосъ ея достаточно обработанный, свѣжій,—роль ведетъ обдуманно. Хотя партія и не особенно выигрышная для дебюта, однако, артистка понравилась. Вторая дебютантка, г-жа Духова, тоже лирическое сопрано, появилась два раза въ партіи Антонида въ «Жизни за Царя». Это еще совсемъ юная пѣвица, крохотная ростомъ, съ небольшимъ, но свѣжимъ голоскомъ, съ короткимъ дыханіемъ. Она имѣла успѣхъ, хотя дебюты ея, какъ и г-жи Мелодистъ, оказались, кажется, безуспѣшными, вѣроятно, по той причинѣ, что у насъ лирическихъ сопрано довольно своихъ. Необходимость является въ драматическомъ сопрано, которыхъ у насъ, строго говоря, нѣтъ: г-жи Фигнеръ и Куза лишь исправляютъ должность таковыхъ, а г-жѣ Взуль почему-то не даютъ ходу. Ожидали многого отъ дебюта г-жи Астафьевой. Послѣдняя пѣла въ Италіи нѣсколько лѣтъ (здѣсь же она и училась), затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ сезоновъ, несла на кievской сценѣ репертуаръ перваго драматическаго сопрано. У насъ она появилась впервые, въ выигрышной партіи Аиды. Увы,—дебютъ оказался неудачнымъ: голосъ ея распатанъ и надтреснутъ;

средній регистръ слабъ (она его весь беретъ грудью). Артистка очень волновалась, что впрочемъ совершенно понятно, при дебютѣ предъ незнакомой публикой. Успѣхъ она имѣла нерѣшительный. Быть можетъ, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, ей удалось бы показать себя съ лучшей стороны. Изъ двухъ меццо-сопрано,—г-жъ Марковичъ и Лузиновой,—первая положительно понравилась. Обѣ онѣ—ученицы нашей консерваторіи: г-жа Марковичъ окончила по классу г-жи Ирецкой, а г-жа Лузинова у г-жи Раабъ. Первая дебютировала въ «Аидѣ» (Амнерисъ) и въ «Фаустѣ» (Зибель), а вторая въ «Русалкѣ» (Княгиня). Первая выступила въ концертахъ и достаточно уже извѣстна по участию въ симфоническихъ собраніяхъ русскаго музыкальнаго общества. Она очень музыкальна и голосъ ея прекрасно звучалъ въ Маріинскомъ театрѣ. Не бывши никогда на сценѣ, г-жа Марковичъ такъ хорошо провела свои партіи, что можно было бы подумать, что это опытная артистка; это, конечно, говорить за ея сценическое дарованіе. Г-жа же Лузинова, хотя голосъ ея по матеріалу и недурень, крайне оробѣла и не произвела благоприятнаго впечатлѣнія ни своимъ пѣніемъ, ни сценической передачей роли.

Басы выступили: г. Раздальскій въ партіи Мельника («Русалка»), а г. Бухтояровъ въ Мефистофелѣ («Фаустъ») и Фарлафѣ («Русланъ и Людмила»). Первый имѣетъ мало данныхъ для такой трудной и отвѣтственной роли, какъ Мельникъ; голосъ его не низкій, мало обработанъ, речитативы произносить не выпукло, безъ должной акцентуаціи; сцену сумасшествія провелъ блѣдно; одной храбрости мало для дебюта на образцовой сценѣ. Совсѣмъ другое нужно сказать о г. Бухтояровѣ, окончившемъ нашу консерваторію нѣсколько лѣтъ тому назадъ по классу г. Габеля и пѣвшимъ уже на провинціальныхъ сценахъ, гдѣ онъ приобрѣлъ извѣстный навыкъ къ публикѣ и опытъ на подмосткахъ. У него basso cantante симпатичнаго тембра; держится очень мило, подражая такому превосходному образцу, какъ г. Стравинскій, замѣчательно ясно выговариваетъ слова, не сбивается съ такта, не грѣшитъ противъ ритма; словомъ онъ обнаружилъ хорошія данныя и имѣлъ большой успѣхъ на обоихъ дебютахъ. Изъ всѣхъ, пробовавшихъ свои силы, приняты въ труппу, какъ намъ передавали, г-жа Марковичъ и г. Бухтояровъ.

В. Частныя сцены.

Частныхъ оперъ было у насъ въ истекшемъ сезонѣ три: одна русская и двѣ итальянскія. Первая пріютилась въ залѣ Кононова, вторая—въ Маломъ театрѣ, а третья—въ новомъ помѣщеніи консерваторіи, о которомъ рѣчь будетъ впереди. Изъ частныхъ оперъ не дотанула сезона, конечно, только русская; впрочемъ, по порядку.

1) Русская опера.

Намъ уже неоднократно приходилось говорить о бѣдственномъ положеніи въ Россіи русской оперы, о томъ разлѣвающимъ значе-

ніи для дѣла, которее имѣють такъ называемыя наши «товарищества», и вообще о томъ режимѣ, въ которомъ находится оперное дѣло у насъ; повторять не станемъ, а скажемъ лишь, что мы, къ сожалѣнію, ошиблись въ своихъ надеждахъ на театральнѣйшій сѣздъ въ Москвѣ. Мы полагали, что тутъ выскажутся специалисты по этому вопросу, что будутъ предложены какія нибудь серьезныя мѣры къ поднятію дѣла, что будутъ обсуждаться какія нибудь предложенія со стороны заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ и притомъ знающихъ по опыту дѣло. Ничего подобнаго на сѣздѣ не было; тутъ говорила всякая чепуха, говорилось много, а толку вышло мало, и бѣдной русской оперѣ придется еще, вѣроятно, долго ждать «лучшихъ временъ». Въ силу такой постановки вопроса о частной оперѣ, мы ужъ думали видѣть въ труппѣ конововскаго театра-зала пріятное исключеніе, судя, по крайней мѣрѣ, по началу ея дѣятельности, но и тутъ ошиблись.

Труппа организована была извѣстнымъ провинціальнымъ дѣятелемъ, г. Любимовымъ, и въ нее вошли хорошія силы, пользующіяся въ провинціи добрымъ реномѣ. Репертуаръ, хотя и не былъ новъ, но порядочно обставлялся въ смыслѣ костюмовъ и декораций; оперы добросовѣстно репетировались; какъ хоръ, такъ и оркестръ состоялъ изъ 35—40 человекъ, количества совершенно достаточнаго для частной сцены; массы эти находились въ рукахъ опытныхъ руководителей; дирижировалъ г. Сузь, хорошій музыкантъ, любящій свое дѣло и понимающій его. Тутъ были: очень хорошія сопрано (г-жи Дворецъ, Томарова и Эйгенъ), недурныя меццо-сопрано (г-жи Фингеръ, Лидина), отличные басы (гг. Ильяшевичъ, Корси и Федоровъ); въ рендантъ къ нимъ были и тенора (гг. Михайловъ-Стоянъ, Рейзенауэръ и Гурскій); баритоны были немного слабѣе (гг. Эгiazаровъ и Тартаковъ 2-й), но все таки дѣло не портили, особенно первый. Словомъ, составъ въ цѣломъ былъ такой, что можно было ожидать если не блестящихъ результатовъ, то, по крайней мѣрѣ, удачнаго исхода сезона.

Но не тутъ-то было. Дѣла «хозяйственныя» помѣшали. Этой частью завѣдывала дама, арендовавшая театръ и получавшая плату отъ г. Любимова; между ними-то и произошли «недоразумѣнія», которыя, если не ошибаемся, закончились въ судахъ. Дѣло пришлось прекратить посреди сезона; кажется, даже предъ праздниками, когда труппа именно и надѣялась кое-какъ поправить распатавшіяся дѣла. Не судьба, значить, частной русской оперѣ толкомъ обосноваться въ Петербургѣ, а необходимость въ ней чувствуется и она могла бы существовать, хотя бы по тѣмъ причинамъ, что, во-первыхъ, Маринскій театръ по цѣнамъ не всѣмъ доступенъ; во-вторыхъ, что при существованіи трехъ абонементовъ (съ будущаго года будетъ пять абонементовъ) для публики необонированной остается всего два вечера въ недѣлю (по вторникамъ и пятницамъ), количество, слишкомъ незначительное для нашего столичнаго населенія,—и въ результатъ, что публика любитъ оперу и охотно ее посѣщаетъ; надобно только ставить свѣжій репертуаръ, незаѣзженный...

Но не будемъ говорить о томъ, что надо, а о томъ, что было;

было же довольно грустно для артистовъ-солистовъ, оставшихся посреди сезона безъ ангажемента, еще печальнѣе для бѣдныхъ труженниковъ хора и оркестра, лишившихся всякихъ средствъ къ существованію, — и, для представителя, стоявшаго въ обязательныхъ условіяхъ ко всемъ членамъ труппы. Очень жаль, — только и можно сказать; но въ этомъ сожалѣніи мало утѣшительнаго для бѣдныхъ русскихъ артистовъ, зависящихъ отъ вѣтра, каприза и такихъ обстоятельствъ, которыхъ и предвидѣть иногда нельзя. А между тѣмъ, какъ подумаешь, что казенныя сцены не могутъ помѣстить у себя всѣхъ артистовъ, что большинство послѣднихъ находится въ самомъ незавидномъ матеріальномъ положеніи, что они совершенно безпомощны въ борьбѣ съ кулаками-антрепренерами, или такъ называемыми «представителями товариществъ», оказывающимися подчасъ хуже всякихъ антрепренеровъ, что при такихъ печальныхъ условіяхъ не до искусства и художественныхъ задачъ, — грустно становится и за несчастныхъ голодающихъ артистовъ, и за бѣдное искусство.

Была еще другая частная опера подъ управленіемъ г. Бестриха, дававшая свои представленія разъ въ недѣлю въ «Купеческомъ обществѣ для взаимнаго вспоможенія»; также ставились изрѣдка оперы на сценѣ благороднаго собранія. Но спектакли эти, дающіеся для извѣстнаго кружка лицъ, для членовъ того или другаго собранія, носятъ столько же характеръ семейнаго вечера, сколько и случайный. Тутъ не преслѣдуются какія либо извѣстныя задачи; ставятъ то, что больше нравится мѣстнымъ заправиламъ. Артисты приглашаются больше изъ мѣстныхъ музыкальныхъ дѣятелей, свободныхъ отъ своихъ постороннихъ и въ то же время постоянныхъ занятій (чиновники, любители пѣнія; оставшіеся безъ ангажемента артисты и пр.); спектакли ставятся на спѣхъ, какъ попало; мало репетируютъ, поютъ, что знаютъ; словомъ, объ этихъ спектакляхъ строго и серьезно говорить не приходится, а между тѣмъ публику и они привлекаютъ, что можетъ служить подтвержденіемъ нашей мысли о необходимости у насъ постоянной частной русской оперы.

2) Первая итальянская опера.

Не будемъ останавливаться на попыткахъ гельсингфорской итальянской труппы, пробовавшей ставить спектакли по субботамъ въ Маломъ театрѣ; труппа состояла изъ двухъ только настоящихъ итальянцевъ; остальные артисты были что-то въ родѣ Богданини, Иванини, Карпини и Сидорини. Играли они все старое, цѣны были большія, силы незначительныя, и публика неохотно ихъ посѣщала. Послѣ нѣсколькихъ представленій, они прекратили свои дѣйствія и на ихъ мѣсто вскорѣ водворилась труппа г. Лаго со старымъ любимцемъ, г. Мазини, во главѣ. Во временной труппѣ выступила, между прочимъ г-жа Ольгина, бывшая примадонна Маріинской сцены, игравшая, по выходѣ изъ состава казенной труппы, въ Италиі, гдѣ она создала партію Манонъ въ шумной оперѣ Пуччини, и даже дебютировала въ знаменитомъ миланскомъ театрѣ «Scala», — честь,

которой многие артисты добиваются, но немногие удостоиваются. Г-жа Ольгиной дань был дебютъ на Маринской сценѣ въ «Травиатѣ», не приведшій, однако, къ благополучному для нея исходу.

Итакъ, что сдѣлала первая итальянская опера? Не особенно много, чтобы не сказать ничего. Ставились, конечно, все заигранные вещи, въ родѣ «Риголетто», «Севильскаго Цирюльника», «Искателей жемчуга», «Травиаты» и пр. Попробовалъ было г. Мазини спѣть кавалера де-Гриѣ въ «Манонъ» Массенэ, но это былъ одинъ изъ самыхъ неудачныхъ спектаклей знаменитаго тенора, котораго не въ мѣру увлекающіяся имъ поклонницы-психопатки иначе не называютъ, какъ «божественный» и пр. Въ этой оперѣ для чисто-мазиниэвскихъ элементовъ bel-canto мало простора, тутъ нуженъ голосъ, а послѣдній у г. Мазини все жъ таки сталъ подаваться влиянію времени. Артистъ еще замѣчательно владѣетъ дыханіемъ, чаруетъ своимъ тембромъ, великолѣпно продѣлываетъ piano и pianissimo, но голосъ сталъ сипѣть; въ мѣстахъ «легкихъ» это не такъ замѣтно, но въ Cantabile, Andante — это уже чувствуется. Кромѣ того, г. Мазини почему-то былъ гримированъ старикомъ, что еще болѣе огорчило его поклонницъ; словомъ, произошло нѣкоторое разочарованіе, но прежній кумиръ все таки кумиръ.

Составъ труппы былъ не особенно хорошъ, а цѣны итальянскіе антрепренеры любятъ назначать хорошія; съ грѣхомъ пополамъ они дотянули до Рождества, поставивъ одну новинку для г-жи Нуовина, — многошумную оперу Массенэ «Наварянку», о которой вкратцѣ скажемъ нѣсколько словъ. Мы сказали «многошумная опера» — это несовсѣмъ вѣрно: не опера надѣлала шумъ, какъ выдающееся произведеніе, а авторъ ея, держашійся только уличнымъ шумомъ и бульварной рекламой. Массенэ — это композиторъ, ловко умѣющій пользоваться разными вѣяніями. Повѣяло въ Парижѣ Вагнеромъ и онъ пользуется минутой, чтобы быть на языкѣ у всѣхъ и «создаетъ» свою «Эсclarмонду»; Масканьи, благодаря невѣроятнымъ шарлатанскимъ рекламамъ нотнаго издателя Сондзоньо, имѣлъ столь же невѣроятный успѣхъ своей «Сельской честию», одноактной оперой съ Intermezzo; m-r Massenet, недолго думая, пишетъ одноактную оперу съ Intermezzo «Navarraise»; вслѣдъ за этимъ выплываетъ въ Германіи «Гензель и Гретль» Гумпердинка и... Массенэ не можетъ успокоиться; нужно ему написать сказочную оперу, — въ результатѣ: «Сандрильона».

Но это не значитъ, что Массенэ совмѣщаетъ въ себѣ дарованіе Вагнера, Масканьи и Гумпердинка; нѣтъ, Массенэ остается вездѣ Массенэ. но онъ шумитъ, — этотъ современный французскій музыкальный Репетилловъ — я заставляю о себѣ кричать; репортеры и интервьюеры трубятъ повсюду о геройскихъ подвигахъ своего confère'a, прибѣгающаго еще вотъ къ какому способу самоподдержки: онъ прилаживаетъ свои творенія къ способностямъ и даннымъ той или другой бульварной знаменитости изъ артистовъ, которая имѣетъ цѣну въ данную минуту на рынкѣ уличной славы. Разсчитъ довольно вѣрный: минутная «знаменитость» (а пути, какими становятся таковыми, французамъ извѣстны болѣе, чѣмъ кому либо) не провалится, а вмѣстѣ съ нею спасется и произведеніе, само по

себѣ настолько неустойчивое, что безъ «красивыхъ» подпорокъ оно провалится. Такъ, «Эсklarmonda» напумѣла, благодаря средней артисткѣ г-жѣ Сандерсонъ, для которой она написана; такъ «Navarraise» произвела гулъ, благодаря г-жѣ Камье, которую избралъ Массенэ создательницей главной героини.

Въ современномъ «электрическомъ» творествѣ цѣлыя трагедіи переживаются въ одну минуту; не нужно никакого развитія страстей, никакой психической обработки, никакихъ художественныхъ рамокъ; все совершается съ быстротой молніи, люди становятся звѣрми, убиваютъ и рѣжутъ другъ друга подъ влияніемъ аффектовъ, и зритель доволенъ, если онъ выходитъ изъ театра съ потрясенными нервами. Добро еще, если такія бѣшенныя явленія происходятъ вслѣдствіе обстоятельствъ, хоть сколько нибудь оправдываемыхъ душевнымъ состояніемъ героя, напр., вслѣдствіе ревности, что ли, какъ въ «Сельской чести» или «Паяцахъ» (Шекспиру для обрисовки этой страсти Отелло понадобилось пять актовъ, а гг. Масканьи и Леонковалло всѣ перипетіи, все переживаемое героями укладываютъ въ одно дѣйствіе: вѣкъ электричества, телефоновъ, телеграфовъ, кинематографовъ, кинетофоновъ и пр.—вотъ все, что можно сказать). Мотивъ же «Наварянки» еще проще, грубѣе—даже можно сказать: героиня рѣшается на убійство не вслѣдствіе какого нибудь возвышеннаго чувства (патріотизма, что ли), а за деньги, которыми она хочетъ купить свое личное счастье.

Опера имѣетъ своимъ сюжетомъ эпизодъ изъ карлистской борьбы въ Испаніи. Бѣдная дѣвушка изъ Наварры, Анита, страстно любитъ сержанта Араквила, общавшаго жениться на ней; препятствіемъ является его отецъ, не соглашающийся на стотъ бракъ, пока у нея не будетъ въ приданое, по крайней мѣрѣ, 2,000 дуросовъ. Услыхавъ случайно брошенное слово генерала Гаррида, что онъ бы охотно заплатилъ за голову непріятеля Цуарача, подъ предводительствомъ котораго дѣйствуютъ карлисты, Анита вызывается убить его за нужную ей сумму и съ этой цѣлью отправляется въ непріятельскій станъ. Тѣмъ временемъ женихъ ея, Араквиль, узнаетъ отъ товарищей, гдѣ его невѣста; въ отчаяніи онъ бросается туда и его приносятъ смертельно раненымъ въ то время, когда Анита, получившая отъ генерала деньги за свой поступокъ (и очень не симпатичный, прибавимъ тутъ же), радуется своему близкому счастью. Изъ бесѣды съ ней Араквиль убѣждается въ невѣрности своего предположенія, что она продана непріятелю и что она ему не вѣрна; но ужъ поздно: онъ умираетъ, а она сходитъ съ ума.

Такой сюжетъ могъ бы послужить канвой для оперы, еслибы его обработать; но такъ какъ главная цѣль — *скорость* работы, какъ того требуетъ новѣйшее творчество, то мы имѣемъ: вмѣсто пѣнія—речитативы, отсутствіе мѣстнаго колорита, т. е. испанскаго (единственное исключеніе составляетъ то мѣсто, въ которомъ Анита вспоминаетъ о первомъ знакомствѣ съ Араквилемъ; но мѣсто это такъ коротко, что оно проходитъ почти незамѣченнымъ), блѣдную оркестровую обработку (лучшій № сравнительно — это Intermezzo, когда Анита ушла и солдаты засыпаютъ), отсутствіе музыкально-очерченныхъ фигуръ и пр. Зато много пальбы, раненыхъ, вздо-

ховъ, криковъ, обезображенныхъ лицъ, окровавленныхъ рукъ и пр., что можетъ воздѣйствовать на нервы. Г-жа Нуовина—артистка съ большимъ темпераментомъ—красокъ не жалѣла и «играла» такъ, что за человѣка страшно становилось, какъ сказалъ бы Гамлетъ. Г. Мазини художественно велъ партію Аракивиля и опера была спасена отъ провала, только благодаря имъ.

3) Вторая итальянская опера.

Начала она свою дѣятельность неудачно: нѣкоторые артисты заболѣли (извѣстный теноръ г. де-Лючія); иные, приглашенные, вѣроятно, за мѣдные гроши, оказались очень плохими; обѣщанные спектакли приходилось замѣнять другими; назначенные абонентамъ дни стали путать. Публика и печать роптали и были совершенно правы, ибо за спектакли антреприза не церемонилась взимать по 9 руб. еще въ 13 ряду креселъ и по 5 руб. въ 27. Но это было только на первыхъ порахъ, пока г. де-Лючія былъ замѣненъ г. Мазини, приглашеннымъ изъ Москвы; тѣмъ временемъ прибыли г-жа Видалъ (меццо-сопрано) и г. Таманьо; составъ первыхъ сюжетовъ сталъ дѣйствительно первоклассный и невгоды миновали. Конечно, антреприза по обыкновению не сдержала своихъ обѣщаній; новая опера «Андрей Шенья» Джардано поставлена не была, также какъ и «Поліэвктъ» Доницетти, но съ этимъ горемъ приходится ужъ мириться. Все таки въ труппѣ были такія силы, какъ названные и г-жи Зембрихъ, Макинтейръ, Тетрацини, гг. Баттистини, Росси и др.

Репертуаръ по обыкновению былъ довольно таки заѣзженный; впрочемъ, освѣжили его постановкой для г-жи Видалъ и г. Таманьо «Пророка», «Отелло» (Верди) и «Самсона и Далилы», для г-жи Зембрихъ «Диноры», а для г-жи Тетрацини—«Любовнаго напитка». Казалось бы, что въ лицѣ такихъ пѣвцовъ, какъ г-жа Видалъ и г. Таманьо, обладающихъ феноменальными голосами, мы должны были бы видѣть образцовыхъ Далилу и Самсона; на дѣлѣ же получилось разочарованіе: она плохо играла (а тутъ спеническая игра также важна, какъ и пѣніе); что же касается «короля теноровъ», то голосъ его особенно могучъ и поразителенъ на высокихъ нотахъ, а партія Самсона центральная. Нельзя сказать, чтобы и г-жа Зембрихъ особенно порадовала насъ, какъ Динора: она ужъ и не молодая и слишкомъ грузная для этой роли; кромѣ того, колоратура ея оставляетъ желать многого для мейерберовской героини. Выдѣлилась, и очень, юная пѣвица, г-жа Тетрацини, чудеса продѣлывающая своимъ маленькимъ колоратурнымъ сопрано.

Объ остальныхъ исполнителяхъ мы уже достаточно высказывались въ свое время; также не станемъ говорить о репертуарѣ, состоящемъ обыкновенно у «знаменитостей» изъ пяти-шести всегда и вездѣ повторяемыхъ оперъ; они вѣдь новаго учить не любятъ, ибо и старое хорошо оплачивается; въ качествѣ гастролеровъ они вездѣ выступаютъ въ тѣхъ операхъ, которыя для нихъ и ставятся; очевидно, имъ нѣтъ расчета тратить свои силы и время на разучиваніе новыхъ произведеній. Тѣмъ не менѣе, дирекція поставила

одну новинку, оперу г. Капри «Ленора», о которой скажемъ пару словъ. Опера эта была поставлена постомъ, когда антреприза продолжала свои представлѣнія (чтобы прикрыть дефицитъ, какъ говорили), для которыхъ, кромѣ г. Мазини, приглашена была г-жа Арнольдсонъ, тоже раздутая бульварными листками и газетами знаменитость, не представляющая, строгѣ говоря, изъ себя ничего особеннаго: треди никакой, поетъ «легкя» вещи съ большими затрудненіями, выѣзжаетъ на разныхъ куншттюкахъ и дешевыхъ эффектахъ (на *piuissimo* и пр.),—но все таки «знаменитость» (реклама—великое дѣло въ наше время!).

«Ленора».

Пошла теперь мода писать оперы, главными героями которыхъ являются поэты; такъ, въ «Вертеръ» выведенъ почти самъ Гёте (написалъ французъ Массенё), Андрей Шенье вдохновилъ итальянца Джордано, нѣмецкій поэтъ Бюргеръ—г. Капри (франко-русскій композиторъ). Бюргеръ и есть главное дѣйствующее лицо разсматриваемой оперы, непонятно почему названной «Ленорой», почти не дѣйствующей въ оперѣ; правильнѣе было бы назвать ее,—если ужъ композиторъ желалъ поставить въ заглавіи непремѣнно женское имя,—«Молли», по имени второй героини, на которой вращается весь интересъ трагетимаго сюжета. Композиторъ (онъ же и либреттистъ) идеализируетъ своего героя; отъ дѣйствительнаго Бюргера и его отношеній къ сестрѣ жены осталось лишь воспоминаніе; но мы не требуемъ *исторіи* отъ драматурга и композитора, согласно теоріи Лессинга, и творчество всякаго совершенно свободно, лишь бы оно только было мотивировано и логически оправдываемо. Разъ авторъ выбралъ нѣмецкую среду, мы вправѣ ожидать нѣмецкой музыки.

Если центромъ пьесы избранъ извѣстный дѣятель, интересъ представляетъ не только данная личность, но и среда, въ которой онъ жилъ; тутъ нуженъ извѣстный колоритъ, переносящій насъ въ данную эпоху, разъ мы имѣемъ дѣло съ историческимъ лицомъ. Если же этого нѣтъ, букетъ «историчности» отпадаетъ и главный герой остается только при имени и костюмѣ. Нѣчто въ этомъ родѣ мы видимъ въ оперѣ г. Капри. Его герой—шаблонный оперный выдыхатель, дѣйствующій внѣ времени и пространства; остальные лица,—извѣстный «Союзъ добродѣтели» (*Tugendbund*), корпорація студентовъ, молодые поэты, пеки и пр.,—не имѣютъ никакого соотношенія къ главнымъ персонажамъ и насильственно пристегнуты. Впрочемъ, вотъ краткѣ сюжетъ «Леноры», вращающійся на судьбѣ четырехъ лицъ: поэта Бюргера и его жены, сестры ея Молли и барона Гюттена, друга Бюргера. Опера состоитъ изъ четырехъ актовъ и могла бы быть уложена собственно въ два дѣйствія. Но посмотримъ, что даетъ намъ авторъ.

Дѣйствіе первое. У Бюргера. Онъ на составаніи поетовъ. Жена его и сестра ея, Молли, бесѣдуютъ; изъ ихъ разговоровъ выясняется, что Молли замужъ не собирается, ибо она любитъ одного поэта, имени котораго не знаетъ (мужа сестры она никогда не видала;

Ленора вышла замужъ въ ея отсутствіи). Ленора, безумно любящая мужа, находится въ большомъ волненіи въ ожиданіи его. Гюттенъ приноситъ радостную вѣсть о побѣдѣ Бюргера; всѣ въ восторгѣ; вскорѣ появляется и виновникъ торжества, въ которомъ Молли узнаетъ предметъ своей страсти, равно какъ и Бюргеръ. Всѣ въ смущеніи. Второй актъ. У Гюттена. Пиръ послушаю побѣды Бюргера. Послѣдній мечтаетъ о Молли. Другъ его, Гюттенъ, влюбленный въ нее, проситъ поэта содѣйствовать ему въ полученіи руки. Бюргеръ сначала рѣзко ему отказывается, а потомъ рѣшается отречься отъ личнаго счастья въ пользу друга.

Третье дѣйствіе. Тамъ же. Гюттенъ проситъ руки у Молли; послѣдняя при немъ спрашиваетъ совѣта у Бюргера, который соглашается. Но когда Гюттенъ объявляетъ друзьямъ объ этомъ, ему открываютъ глаза и Бюргеръ заявляетъ, что онъ никогда не допустить этой свадьбы. Молли рѣшается оставить домъ сестры, но передъ тѣмъ объясняется съ Гюттеномъ (послѣдній актъ) и признается Бюргеру, что она его любитъ; послѣдній въ восторгѣ, готовъ бѣжать съ ней (какъ всѣ оперные любовники), но жена подслушиваетъ (удивительно некстати являются иногда жены въ операхъ) ихъ разговоръ и рѣшается покончить съ собой, ибо до свадьбы они дали другъ другу слово: если кто изъ нихъ перенесетъ свою любовь на другое существо, лишній не станетъ мѣшать новому счастью,—а она чувствуетъ себя лишней. Оставивъ письмо мужу, она убѣгаетъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, Бюргеръ хочетъ предотвратить несчастье, но поздно: ее вносятъ мертвой. Молли уходитъ въ монастырь, а Бюргеръ... «сознаетъ, что онъ вскорѣ послѣдуетъ за Ленорой». Таковъ сюжетъ оперы г. Капри.

Мы уже сказали, что въ оперѣ нѣтъ необходимаго *couleur local* и что массы являются на сцену по произволу автора; но и этого мало: по музыкѣ «Ленора» скорѣе итальянская опера, чѣмъ нѣмецкая, хотя композитору нравится и музыка Гуно. Ансамбли его мало интересовали и въ нихъ мало выдающегося, за исключеніемъ, впрочемъ, женскаго хора сплетницъ (на балу рассказывающихъ Гюттену о любви Молли и Бюргера). Финалъ третьяго акта заключаетъ въ себѣ извѣстный подъемъ, но онъ все таки крикливъ и шуменъ. Застольная пѣсня во второмъ дѣйствіи мало характерна для студентовъ XVIII вѣка. Но ансамбли въ данномъ случаѣ, если стать на точку зрѣнія композитора, не играютъ особенной важной роли, поэтому перейдемъ къ его главнымъ героямъ. Никто изъ нихъ не имѣетъ опредѣленной характеристики. Г. Капри награждаетъ каждого изъ нихъ однимъ или двумя романсами, написанными довольно благозвучно, эффектно кончающимися на высокихъ нотахъ и способными вызвать аплодисменты у нетребовательныхъ слушателей.

Особенной глубины въ этихъ романсахъ искать не приходится. Связующимъ элементомъ между отдѣльными аріями, порученными то тому, то другому пѣвцу, являются речитативы, мало характеризующіе данную личность. Въ романсахъ настроенія порою недурно переданы. Къ болѣе удачнымъ, по мелодическому рисунку, мѣстамъ можно отнести дуэтъ между теноромъ и баритономъ, заканчивающій второй актъ. Самый слабый—первый, въ которомъ,

за исключеніемъ разсказа Молли о своемъ первомъ знакомствѣ съ Бургеромъ, рѣшительно нечего отмѣчать; во второмъ дѣйствіи больше интересныхъ моментовъ. Для послѣднихъ двухъ актовъ нужна была бы драматическая музыка, но или авторъ не сумѣлъ написать такую (попытки у него сдѣланы въ этомъ отношеніи), или же онъ видитъ ее больше въ оркестровомъ шумѣ,—во всякомъ случаѣ «Ленора» таковой похвастать не можетъ. Танцы, которые внесли бы, можетъ быть, какое нибудь разнообразіе почему-то поставлены не были. Увертюра же не даетъ ничего опредѣленнаго. Тѣмъ не менѣе, опера г. Капри имѣла шумный успѣхъ, благодаря обширному знакомству композитора въ нашемъ большомъ свѣтѣ, гдѣ онъ даетъ уроки. Друзья автора вызывали его много разъ и поспѣшили выразить свой восторгъ вѣнками и, между ними, двумя серебряными (благо, серебро теперь дешево) и пр. Короновать г. Капри рано еще, но отмѣтить успѣхъ надо.

В. Концерты.

Обо всѣхъ концертахъ истекшаго сезона нѣтъ возможности,—да, пожалуй, и надобности,—говорить; мы остановимся на крупнѣйшихъ, т. е. на симфоническихъ собраніяхъ русскаго Музыкальнаго и Филармоническаго обществъ; скажемъ еще кстати нѣсколько словъ о такъ называемыхъ «Русскихъ симфоническихъ концертахъ».

1) Симфоническія собранія.

Симфоническія и камерныя собранія русскаго Музыкальнаго общества происходили въ этомъ году въ новомъ помѣщеніи консерваторіи, о которомъ скажемъ ниже; симфоническія—въ Большой залѣ, а квартетныя—въ Малой. Первыхъ было по обыкновенію десять, вторыхъ—восемь; первыми дирижировалъ г. Эрдмансдерферъ, тотъ самый, который и въ прошломъ году забралъ въ свои руки бразды правленія. Изъ капитальныхъ произведеній оркестромъ исполнены были: вторая симфонія Шумана, «Манфредъ» Чайковскаго, восьмая симфонія Бетховена, симфонія «Данте» (Divina comedia) Листа, вторая симфонія Сень-Санса, «Донъ-Кихотъ» Рубинштейна, четвертая симфонія Бетховена, «Мелюзина» Мендельсона, симфонія B-dur Гайдна, отрывки изъ «Парсифала» Вагнера и первая месса (C-dur) Бетховена. Мы назвали только крупнѣйшія произведенія, вошедшія въ программы. Кромѣ того, исполнено было нѣсколько новыхъ произведеній русскихъ авторовъ (нужно при этомъ замѣтить, что одинъ изъ №№ каждой программы удѣлялся какому нибудь русскому автору).

Назовемъ: «Весну» г. Глазунова, увертюру «Борисъ Годуновъ» г. Юрія Арнольда (о немъ скажемъ ниже по случаю его шестидесятилѣтняго юбилея), «Силуэты» г. Аренскаго, двѣ давно неигранныя пьесы г. Направника: «Похоронный маршъ» и «Русскую пляску»

и др. Особеннаго успѣха не имѣло ни одно изъ названныхъ сейчасъ сочиненій у посѣтителей симфоническихъ собраній; да ни одно изъ нихъ и не представляетъ чего либо выдающагося по своему вдохновенію. Мы ждали отъ г. Глазунова нѣчто молодое, свѣжее въ его «Веснѣ» и ошиблись въ ожиданіяхъ; мы снова услышали игру въ звуки, болѣе или менѣе удачное комбинированіе тембровъ разныхъ инструментовъ и пр., хотя текстъ Тютчева, на который написана эта «музыкальная картина» и могла бы вдохновить на колоритную вещь. Муза г. Аренскаго довольно тяжеловѣсна на подъемѣ; его творенія въ большинствѣ случаевъ носятъ на себѣ отпечатокъ высиженнаго труда, чего-то придуманнаго не безъ усилій, вымученнаго.

Много мѣста удѣлялось въ этихъ собраніяхъ и солистамъ: пѣвцамъ, пѣнистамъ, скрипачамъ, виолончелистамъ и др. Здѣсь выступаютъ обыкновенно болѣе или менѣе извѣстные артисты; къ сожалѣнію, въ этомъ году попали и такіе исполнители, которые пользуются «меньшей извѣстностью» и которымъ, собственно говоря, не слѣдовало бы фигурировать въ нашихъ симфоническихъ собраніяхъ. Мы, конечно, не говоримъ о такихъ выдающихся талантахъ, каковы, напр., г-жа Корено или г. Ауэръ, Гофманъ, Жирарди и др. Среди пѣвцовъ появлялись ученики консерваторіи; пѣнистки выступали такія, которымъ и во снѣ не силось удостоиться подобной чести (г-жа Панчера); выпускали исполнительницъ незрѣлыхъ (юная г-жа Рюггеръ), которымъ еще слѣдуетъ серьезно поработать, прежде чѣмъ концертровать, а тѣмъ болѣе въ такомъ серьезномъ обществѣ, какъ петербургское музыкальное. Вообще, въ этомъ отношеніи, замѣчался произволъ со стороны ставшаго во главѣ художественной части этихъ вечеровъ—г. Кюи.

Программы обѣщали г-жу Познанскую, а ее замѣнили первой подвергнувшейся заѣзжей піанисткой (г-жа Панчера) и все это для того, чтобы вымѣстить свою злобу... впрочемъ, это исторія некрасивая и будемъ надѣяться, что подобныхъ явленій не будетъ. Въ итогъ нужно сказать, что интереснаго, выдающагося, было мало въ истекшемъ сезонѣ; за исключеніемъ нѣкоторыхъ солистовъ, къ которымъ публика отнеслась весьма сочувственно, большинство выступавшихъ здѣсь не поражало ни выдающейся талантливостью, ни особенно виртуознымъ блескомъ. Послѣднее симфоническое собраніе было посвящено исключительно произведеніямъ Франца Шуберта по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія. Чтобы закончить съ этими симфоническими собраніями, нужно прибавить, что по окончаніи ихъ русское Музыкальное общество устроило пять воскресныхъ собраній подъ управленіемъ г. Галкина (днемъ) по болѣе дешевымъ цѣнамъ и публика охотно ихъ посѣщала. Тутъ же, между прочимъ, исполнена была месса Россини въ первый разъ.

2) Русскіе симфоническіе концерты.

Съ общимъ характеромъ этихъ вечеровъ мы ужъ достаточно познакомили нашихъ читателей въ прежнихъ нашихъ обзорнѣяхъ

сезона; новаго въ этомъ отношеніи ничего не произошло; тутъ все царствуетъ тотъ же кружковый духъ, та же нетерпимость ко всему, что не принадлежитъ къ этому кружку, та же замкнутость для тѣхъ, которые пожелали бы вступить сюда, тѣ же кружковыя одобренія и ободренія и пр. Нужно при этомъ прибавить только, что и публика, посѣщающая обыкновенно концерты, также равнодушна къ нимъ, какъ и прежде, также рѣдко приходитъ сюда, какъ и раньше. Непонятно, зачѣмъ понадобилось давать эти вечера для тѣснаго кружка слушателей въ такомъ обширномъ помѣщеніи, какъ зала дворянскаго собранія; число посѣтителей едва ли наполнило бы залу нашего кредитнаго общества. Въ этомъ году всего было дано четыре вечера, изъ которыхъ одинъ (второй) былъ посвященъ памяти Бородина (послужаю десятилѣтія со дня его смерти).

Здѣсь мы, однако, познакомились съ нѣкоторыми новыми произведеніями: шестой симфоніей г. Глазунова, симфоніей московскаго композитора г. Рахманинова (опера его «Алеко», на сюжетъ пушкинскихъ «Цыганъ», имѣла въ Москвѣ нѣкоторый успѣхъ), двумя неигранными у насъ сочиненіями Чайковскаго: симфонической поэмой «Фатумъ» и симфонической балладой «Воевода» (первая написана на сюжетъ Батюшкова, вторая—Пушкина), свитой г. Соколова для виолончели и фортепіано, маленькой сюитой Бородина, инструментованной г. Глазуновымъ (написана для фортепіано) и пр. Большая заслуга за устроителемъ этихъ вечеровъ ужь та, что онъ знакомитъ публику съ новыми сочиненіями; авторы извѣстнаго направленія находятъ здѣсь пристанище и могутъ прослушать свои произведенія въ оркестровомъ исполненіи, да, пожалуй, найдутъ и судъ надъ ними, правда пристрастный (въ пользу авторовъ), но все же судъ, а это ужь не мало, если принять въ соображеніе недостаточное у насъ количество симфоническихъ концертовъ вообще.

3) Концерты Филармоническаго общества.

Было время, когда наше Филармоническое общество первое знакомило петербуржцевъ съ классическими произведеніями; оно впервые ставило у насъ ораторіи Гайдна. Когда оно открыло свои дѣйствія въ 1802 г., оно дало «Сотвореніе міра» Гайдна. Успѣхъ былъ такъ великъ, что общество, имѣвшее цѣлью (какъ и теперь) помогать вдовамъ и сиротамъ музыкантовъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ разбогатѣло, собственно благодаря сборамъ отъ ораторіи Гайдна; объ этомъ можно заключить по посланной нашимъ обществомъ въ 1808 г. медали, вычеканенной для него съ надписью въ такомъ духѣ, что общество «обязано, какъ успѣхомъ, такъ и своимъ состояніемъ его ораторіи «Сотвореніе міра». Но времена мѣняются: вмѣсто того, чтобы продолжать стоять впереди, Филармоническое общество въ послѣднее время совсѣмъ отошло на второй планъ; изрѣдка, разъ или два въ годъ, оно какъ будто просыпается отъ непробуднаго сна и даетъ какой нибудь вечеръ.

Въ этомъ году, въ видѣ исключенія, оно дало четыре концерта подъ управленіемъ г. Реша изъ Мюнхена, довольно односторонне

и слабо зарекомендовавшего себя въ прошломъ году, когда онъ былъ приглашенъ петербургской музыкальной школой. Какъ досадно въ самомъ дѣлѣ, что общество и учрежденія, нуждающіяся въ дирижерахъ, обращаются за такими за границу, точно у насъ нѣтъ своихъ; добро бы еще, еслибы приглашали такихъ знаменитыхъ капельмейстеровъ, какъ г. Артуръ Никишъ, выступившій у насъ впервые въ этомъ году въ концертахъ, устроенныхъ въ память Чайковскаго; это, дѣйствительно, замѣчательный талантъ, составившій себѣ въ музыкальной Германіи прочное реноме; на его вечера собираются сотнями. Но приглашать мало извѣстнаго даже у себя на родинѣ дирижера, когда есть свои, которые не хуже были бы (чтобы не сказать лучше) иностраннаго, — намъ кажется совершенно неосновательнымъ; тѣмъ болѣе, что у насъ своимъ дѣваться некуда, за отсутствіемъ эстрады и популярныхъ концертовъ. Такъ или иначе, но дирижировалъ г. Решъ; слѣдовательно, о немъ и приходится говорить.

Какъ онъ ни слабъ въ качествѣ предводителя музыкальной арміи, какъ мало ни бьется въ немъ художественная жилка, какъ блѣдно онъ ни представляетъ инныя произведенія даже своихъ, нѣмецкихъ, авторовъ, — за нимъ все же нужно признать одну заслугу: онъ исполняетъ новыя произведенія. Такъ, благодаря ему, мы познакомились: съ симфонической поэмой Цезаря Франка «Искушеніе», съ увертюрой Раффа «Ромео и Джульетта» (о, насколько она ничтожна въ сравненіи съ увертюрой того же названія нашего Чайковскаго!) съ танцами XVII вѣка «Rigodon» Рамо и «Chaconne» Монсиньи, съ симфонической поэмой «Sursum corda» Риттера и съ двумя вступленіями (къ первому и второму дѣйствіямъ) къ оперѣ «Гунтрамъ» Рихарда Штрауса. Назвавъ эти произведенія, мы этимъ не хотимъ сказать, что это перлы вдохновенія; совсѣмъ напротивъ, — современное нѣмецкое, равно какъ и французское (Ц. Франкъ) творчество очень бѣдно мелодической изобрѣтательностью и также выѣзжаетъ больше на технику и оркестровыхъ кунштюкахъ.

Но все таки знать новыя произведенія надо, и это знакомство доставилъ намъ г. Решъ. Тутъ выступали и солисты, изъ которыхъ назовемъ, какъ наиболѣе выдающагося, извѣстнаго скрипача г. Хазира, знакомаго впрочемъ петербуржцамъ по симфоническимъ собраніямъ русскаго музыкальнаго общества, въ которыхъ онъ появлялся нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Затѣмъ играли здѣсь пианистъ г. Бузони, получившій на первомъ рубинштейновскомъ международномъ конкурсѣ въ Петербургѣ первую премію, какъ композиторъ, виолончелистъ г. Дехертъ, и пѣла еще артистка берлинской королевской оперы г-жа Гётце, впрочемъ, ничего особеннаго изъ себя не представлявшая. Чтобы закончить съ концертнымъ отдѣломъ, прибавимъ кстати, что въ этомъ сезонѣ играли у насъ г-жи Ментеръ и Есипова (пианистки), Чарлоне (арфистка, весьма одаренная, и не только, какъ виртуозка, но и какъ композиторша) и гг. Гофманъ, д'Альберъ (на роялѣ), г. «Удель», пріѣхавшій изъ Вѣны и имѣвшій большой успѣхъ у нашей нѣмецкой публики, Ондричекъ (скрипачъ), Мельниковъ и др.

Г. Консерваторія.

Новое помѣщеніе консерваторіи.

Благодаря монаршимъ щедротамъ, наша консерваторія перешла въ этомъ году въ собственное помѣщеніе,—въ зданіе, перестроенное изъ бывшаго Большаго театра, подареннаго покойнымъ Государемъ Императоромъ русскому Музыкальному обществу. Освященіе церкви новой консерваторіи состоялось 18 октября, а торжественное открытіе въ присутствіи Высочайшихъ Особъ—12 ноября. Консерваторія, образованная по инициативѣ и стараніямъ покойнаго А. Г. Рубинштейна, сначала въ видѣ «музыкальныхъ классовъ» при Михайловскомъ дворцѣ (1859 г.), а потомъ (съ 1865 г.) перешедшая въ зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ, просуществовала въ этомъ тѣсномъ помѣщеніи слишкомъ тридцать лѣтъ. Неоднократно мечталъ Рубинштейнъ о болѣе удобномъ помѣщеніи,—о такомъ, которое вполне соответствовало бы нуждамъ обучающихся спеціально музыкѣ, и, когда мечты его сбылись, ему не суждено было вести свое взлелѣванное дѣтище на мѣсто постоянной его обидности.

Правда, духъ Рубинштейна присутствовалъ въ видѣ увертюры, написанной имъ «на открытіе новой консерваторіи» (послѣднее его сочиненіе), но личное отсутствіе основателя консерваторій въ Россіи, этого великаго радѣтеля отечественной музыки, очень чувствовалось. Можно сказать, что консерваторія перешла изъ хижины въ чертогъ. Невольно приходятъ на память слова Рубинштейна въ его горячемъ письмѣ въ «Новомъ Времени», въ отвѣтъ на нападки «Гражданина» на консерваторію, въ которомъ онъ такъ убѣдительно защищаетъ свое дѣтище отъ взведенныхъ на него напраслинь людьми, мало знакомыми съ истиннымъ положеніемъ музыкальнаго дѣла въ Россіи; вотъ эти слова: «А когда я вспоминаю музыкальную Россію 25 лѣтъ тому назадъ и сравниваю ее съ нынѣшнею, то не могу не воскликнуть: неужели такихъ огромныхъ результатовъ консерваторія могла достигъ въ 25-лѣтній срокъ своего существованія!» (іюль, 1889 г.). Желающихъ познакомиться съ пережитымъ Рубинштейномъ при основаніи нашей музыкальной *almae matris* отошлемъ къ его «Автобіографіи», гдѣ онъ, хотя и сжато, но достаточно краснорѣчиво и убѣдительно излагаетъ все.

Можно пожелать только одного, чтобы консерваторія въ новомъ помѣщеніи давала не менѣе блестящіе результаты дѣятельности, чѣмъ въ старомъ зданіи, и чтобы мысли ея основателя («Консерваторія должна расти въ вышину, а не раздаваться въ ширь» и «Консерваторія не должна быть музыкальной фабрикой, а художественной мастерской») нашли своихъ послѣдователей и горячихъ поборниковъ на пути прогресса въ новомъ зданіи: въ этихъ двухъ формулахъ выражены всѣ *ria desideria* А. Г. Рубинштейна и къ нимъ онъ стремился всю свою жизнь и всей душой, хотя и не имѣлъ въ своемъ распоряженіи такого удобнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, помѣщенія, какимъ обладаютъ замѣнившіе его те-

перь. А теперешнее помѣщеніе, дѣйствительно, очень удобно и распадается на нѣсколько частей,—главнымъ образомъ, на двѣ: собственно консерваторію и помѣщеніе для публичныхъ представлений, въ свою очередь раздѣляющееся на двѣ половины—Большая и Малая залы со всѣми при нихъ удобствами для посѣтителей.

Собственно консерваторія имѣетъ свой особый подъѣздъ съ Офицерской улицы (съ вестибюлемъ при немъ и двумя комнатами для верхняго платья). Изъ вестибюля по коридору—входъ въ помѣщенія для администраціи, расположенныя въ первомъ этажѣ, частью на Офицерскую, частью въ переулочкѣ, и состоящія изъ десяти комнатъ: общей пріемной, кабинета директора съ особой пріемной, кабинета инспектора, канцеляріи, кассы, комнатъ для канцеляріи главной дирекціи русскаго Музыкальнаго общества, вспомогательной кассы музыкальныхъ художниковъ и архива. Классы для занятій расположены во всѣхъ остальныхъ этажахъ огромнаго зданія. Всѣхъ классовъ тридцать пять; изъ нихъ одинъ—большой, съ эстрадой для упражненій учащихся въ сценическомъ искусствѣ, и два, довольно помѣстительные, для духоваго оркестра. Классы сообщаются между собою посредствомъ шести коридоровъ. Въ началѣ замѣчено было большое неудобство: звуки доносились изъ смежныхъ классовъ и этажей; но впоследствии нашли мѣры къ уменьшенію этого зла: чѣмъ-то, кажется, обили потолка и боковыя стѣны.

Къ этой половинѣ слѣдуетъ причислить церковь, двѣ большія уборныя, бібліотеку съ комнатой для выдачи книгъ и нотъ, музеи (Глинки, Рубинштейна и др.), помѣщеніе для склада нотъ, декорационный залъ, квартиры для служащихъ и помѣщеніе для служителей. Церковь въ византійскомъ стилѣ отличается превосходной живописью художниковъ гг. Рябушкина и Бѣляева и г-жи Крамской (Ликъ Спасителя). Разсчитана церковь на 300 человекъ, хотя на торжество ея освященія собралось болѣе 500 лицъ, размѣстившихся въ прилегающихъ къ церкви прекрасныхъ коридорахъ. Во всѣ названныя помѣщенія ведетъ изъ вестибюля парадная лѣстница. Вездѣ существуютъ подъемныя машины, приспособленныя къ поднятію тяжестей, напр., роялей, въ верхніе этажи. Электрическое освѣщеніе проведено повсюду, также и водопроводы. Отопленіе во всемъ зданіи паровое; это едва ли можно одобрить съ гигиенической точки зрѣнія; странно, что на этотъ важный пунктъ не обратили должнаго вниманія.

Для публичныхъ представленій предназначены, какъ мы уже сказали, Малая и Большая залы. *Первая* расположена въ третьемъ этажѣ, окнами къ Маринскому театру съ одной стороны, а съ другой—къ Офицерской улицѣ; входы съ двухъ сторонъ. Изъ довольно помѣстительнаго вестибюля въ залу ведутъ двѣ наружныя лѣстницы, изъ которыхъ одна продолжается до хоръ. Самая зала въ два свѣта; потолокъ прекрасно разрисованъ. При этой залѣ имѣются: хоры, разсчитанные на 150 человекъ, помѣщающіеся противъ эстрады и расположенные амфитеатромъ, аванъ-зала, въ которой находятся портреты директоровъ консерваторіи: Зарембы, Давыдова и Рубинштейна, помѣщеніе для солистовъ съ отдѣльнымъ

входомъ, буфетъ и курительная комната (площадкой выше, рядомъ съ хорами) и уборныя, какъ мужскія, такъ и дамскія. Въ залѣ 450 мѣстъ, кромѣ эстрады, которая по мѣрѣ надобности можетъ быть увеличена и уменьшена. Здѣсь происходили квартетныя собранія русскаго Музыкальнаго общества, разные *Lieder-Abend*, концерты и пр. На первыхъ же собраніяхъ обнаружился крупный недостатокъ залы въ акустическомъ отношеніи. Много возлагали надежды на улучшеніе, съ постановкой сюда новаго большаго органа, но надежды оказались, въ большинствѣ случаевъ, обманчивыми. Очень можетъ быть, что именно по этой причинѣ такъ мало здѣсь устраивалось концертовъ, и въ особенности частныхъ лицъ, т. е. такихъ, которые приносили бы доходъ обществу. Публика какъ-то неохотно посѣщаетъ эту залу. Быть можетъ, теперь, т. е. лѣтомъ, приняты будутъ какія-нибудь мѣры къ удаленію этого важнаго недочета для концертнаго помѣщенія.

Большая зала выходитъ на Торговую и Глинкинскую улицы. Десять дверей ведутъ въ вестибюли, окружающіе общее огромное помѣщеніе для сохраненія платья; здѣсь же находится касса для продажи билетовъ. Отсюда поднимаются по тремъ лѣстницамъ въ залу; двѣ боковыя ведутъ на хоры, а средняя, широкая, мраморная, доводитъ только до втораго этажа, т. е. до аванзалы Большой залы. Съ двухъ сторонъ, на площадкахъ этой лѣстницы будутъ размѣщены бюсты отечественныхъ композиторовъ, а на средней площадкѣ, находящейся противъ входныхъ дверей въ залу, предполагаютъ поставить статую А. Г. Рубинштейна; предположеніе это, однако, не слѣдуетъ осуществлять. При залѣ имѣются: съ двухъ сторонъ аванзалы съ зеркалами, прилично меблированныя (здѣсь же во время представленій находится небольшой буфетъ), фойе для партера и ложъ, фойе для хоръ (въ верхнемъ этажѣ), кабинетъ покровителя консерваторіи, курительная комната (весьма неудобная: маленькая, душная, темная и далеко нечистая) и уборныя.

Самая зала, длиною въ 20 саж. и вышиною въ 7½ саж., съ хорами съ трехъ сторонъ и ложами въ партерѣ съ двухъ сторонъ, рассчитана на 1,700 человекъ; она, однако, значительно меньше залы дворянскаго собранія (2,300 мѣстъ). Здѣсь давались симфоническія собранія русскаго музыкальнаго общества и представленія итальянской оперы. Въ этомъ помѣщеніи имѣются и большіе недостатки; во-первыхъ,—самое главное: акустика и здѣсь очень неважна; во-вторыхъ, лѣстницы, ведущія на хоры, по крайней мѣрѣ, со стороны аванзалы, очень узкія, такъ что только двоимъ и можно взбираться по нимъ; едва ли такая лѣстница удобна въ случаѣ несчастія, пожара, напримѣръ; затѣмъ, въ третьихъ, съ середины боковыхъ хоръ вплоть до самой сцены абсолютно ничего не видно, что происходитъ на сценѣ,—и это не только съ третьей скамейки, но и съ первой; кромѣ того, электрическій свѣтъ прямо бьетъ въ глаза; правда, во время представленій убавляютъ свѣтъ на половину, но удобствомъ для публики такое положеніе свѣта назвать нельзя. Затѣмъ ложи внизу—безъ аванложъ; это тоже неудобно. Ко всему этому надо прибавить, что здѣсь дуетъ отовсюду. Какъ ни стараются прикрывать двери (сдѣланы были вездѣ драпри), зло

отъ этого не уменьшается и многимъ дамамъ приходилось сидѣть въ полупшубкахъ даже въ среднихъ мѣстахъ кресель.

Какъ Малая, такъ и особенно Большая залы, имѣютъ очень привлекательный видъ: мебель вездѣ новая, уютная, правда не роскошная, но удобная; плафоны, какъ здѣсь, такъ и тамъ, прекрасно разрисованы (кажется, объ этомъ больше безпокоились, чѣмъ объ акустикѣ; архитекторы, надо думать, совсѣмъ упустили изъ виду цѣль и назначеніе этого зданія) и изображаютъ аллегорическія фигуры изъ области искусства. При Большой залѣ вмѣсто эстрады имѣется сцена, на которой помѣщается, однако, нѣсколько сотъ человѣкъ (хоръ и оркестръ). При сценѣ,—довольно большой въ ширину и глубину, и совершенно достаточной для оперныхъ представленій (хотя непонятно, зачѣмъ оставленъ задній порталъ),—имѣются всѣ нужные для спектаклей приспособленія: декоративная и машинная части, помѣщеніе для оркестра, уборныя для артистовъ (въ достаточномъ количествѣ) съ отдѣльными выходами на сцену (и на улицу, въ переулокъ), режисерская и пр.

Посреди правой стороны Большой залы находится императорская ложа, имѣющая отдѣльный подъѣздъ съ Торговой улицы, вестибюль, уборныя, аванложу и пр. Говорятъ, что перестройка Большаго театра въ консерваторію обошлась чуть ли не въ два милліона; специалисты увѣряютъ (мы въ этомъ дѣлѣ мало понимаемъ и всякую отвѣтственность за высказываемое мнѣніе съ себя слагаемъ), что на эти деньги можно было бы выстроить роскошное новое зданіе для консерваторіи, оставивъ Большой театръ для нуждъ столицы; въ доказательство приводятъ одесскій городской театръ, обошедшійся всего въ 900 тысячъ рублей. Но господа специалисты всегда бываютъ недовольны; то имъ кажется дорого, то имъ кажется неудобно, словомъ на нихъ не угодишь никакъ. Оставимъ ихъ въ покоѣ съ ихъ мечтами о дешевизнѣ и удобствахъ, или—вѣрнѣе—о дороговизнѣ и неудобствахъ, и перейдемъ къ тому, что насъ больше интересуетъ, т. е. къ ученическимъ опернымъ спектаклямъ, даннымъ въ истекшемъ сезонѣ въ новомъ помѣщеніи, т. е. въ Большой залѣ.

Консерваторскіе спектакли.

Ученическіе спектакли въ свое время составляли событіе сезона: интересовались профессорами пѣнія, интересовались учившимися; каждый выходъ кончавшихъ курсъ заставлялъ публику внимательно слѣдить за ними; совсѣмъ не то происходитъ въ настоящее время: ученики и ученицы думаютъ о себѣ невѣсть что и выходятъ на сцену побѣдоносно, точно они оказываютъ услугу тѣмъ, что удостоиваютъ себя послушать; каждый или каждая изъ нихъ считаетъ себя по меньшей мѣрѣ Патти или Мазини и во всякомъ случаѣ настолько готовымъ артистомъ, что ни о какихъ недочетахъ и рѣчи быть не можетъ. Въ этомъ глубокомъ заблужденіи поддерживаютъ ихъ (и совершенно напрасно) ихъ родные и друзья, думающіе, что они этимъ оказываютъ имъ большую пользу, совершенно не зная тѣхъ горькихъ разочарованій, которыя ждутъ на-

чинающих карьеру артистовъ съ перваго момента до самостоятельныхъ шаговъ на ихъ тернистомъ и далеко незавидномъ пути. О, сколько горькихъ минутъ приходится потомъ переживать воѣмъ этимъ воображающимъ себя Патти и Мазини!

Болѣе спокойные посѣтители консерваторскихъ спектаклей видятъ положеніе вещей въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, — болѣе мрачно, но, кажется, болѣе правдивомъ. Консерваторія за послѣднее время крайне оскудѣла талантами, истинными дарованіями. Мы не ставимъ этого въ укоръ училищу; школа можетъ только обрабатывать таланты, отшлифовывать ихъ, но не создавать; консерваторія не виновата, если въ нее вступаютъ мало одаренныя натуры; но отъ этого дѣлу вѣдь не легче; мы только констатируемъ фактъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности. А разъ нѣтъ такихъ явленій, о которыхъ слѣдовало бы кричать? Все получаетъ у насъ ординарную окраску: учатся столько-то лѣтъ и выучиваются съ грѣхомъ пополамъ за это время тому-то и тому-то. Хорошо еще, если хоть чему нибудь научаются. Вотъ развѣ съ какой оговоркой мы можемъ приступить къ тому, что обнаружено было учащимися на публичныхъ оперныхъ испытаніяхъ, въ которыхъ участвовали исключительно ученическія силы (солисты, хоры и оркестръ).

Впрочемъ, за дирижерскимъ пюпитромъ почему-то всегда сидитъ профессоръ пѣнія г. Габель, тогда какъ желательно было бы видѣть на этомъ мѣстѣ какого нибудь ученика-теоретика, для котораго дирижированіе явилось бы весьма полезной практикой (при Рубинштейнѣ, по крайней мѣрѣ, всегда дирижировали ученики). Тѣмъ болѣе странно, что управляетъ оркестромъ г. Габель, что оркестровый классъ находится въ рукахъ г. Галкина; слѣдовательно, ему и слѣдуетъ показать свой классъ, если ужъ нѣтъ способнаго дирижировать теоретика, или почему либо не хотятъ довѣрить все дѣло ученику. Поставлены были въ этомъ году: «Волшебная флейта» Моцарта (дана была три раза) и сборный спектакль: картины изъ «Трубадура» и «Мазепы» и два дѣйствія изъ «Демона» (тоже три раза). Въ общемъ второй спектакль прошелъ лучше перваго: классическая опера не оказалась по плечу ученикамъ. Во «Флейтѣ» сравнительно лучше другихъ были ученицы: г-жи Донковская и Гладкая (онѣ же оказались хорошими Тамарами) и баритонъ г. Кедровъ, обладающій небольшими средствами, но не лишенный огонька и сценическаго чутья. Въ «Демонѣ» же выдѣлился баритонъ г. Полуяновъ, у котораго порядочный голосъ. Выборъ же отрывковъ изъ «Трубадура» и «Мазепы», которыя и заправскимъ артистамъ не по силамъ, доказываетъ, что гг. профессора не знаютъ средствъ и способностей своихъ учениковъ.

Д. Юбилей.

Въ истекшемъ сезонѣ праздновали нѣсколько юбилеевъ; остановимся на крупнѣйшихъ; скажемъ нѣсколько словъ о столѣтнемъ юбилей со дня рожденія Франца Шуберта, о шестидесятилѣтнемъ юбилей литературной и композиторской дѣятельности г. Юрія Арнольда, о сорокалѣтнемъ—режиссерской дѣятельности г. Морозова

въ нашей русской оперѣ, о двадцатипятилѣтнемъ—московскаго баритона г. Корсова, о двадцатилѣтнемъ—артистической дѣятельности баса русской оперы г. Стравинскаго, и закончимъ десятилѣтними юбилеями маринской сцены.

Францъ Шубертъ.

Вотъ слова этого гениальнаго композитора, самымъ яркимъ образомъ опредѣляющія его profession de foi; заимствуемъ изъ письма его къ отцу: «я никогда не насилую себя, а пишу только подъ влияніемъ неотразимой потребности души излиться въ звукахъ». Тутъ вся характеристика и критика его дѣятельности; для такихъ натуръ, какъ Моцартъ, Шубертъ, Глинка,—царство звуковъ, въ которые изливается ихъ душа—все! Имъ ничего не нужно: ни богатства, ни похвалъ, ни славы, ни матеріальныхъ благъ; они точно ниспосланы на землю для того, чтобы пропѣть людямъ свои безсмертныя пѣсни и уйти, оставивъ ихъ въ изумленіи. Первый, растолковавшій міру истинное значеніе Шуберта (мы говоримъ о либретурномъ истолкованіи), былъ Робертъ Шуманъ; если «плодовитость, — сказалъ онъ, — признакъ гения, то Шубертъ безспорно одинъ изъ величайшихъ гениевъ»; это мнѣніе такъ и осталось за нимъ, но при жизни... Онъ имѣлъ двухъ спутниковъ, — обычные друзья гениа!—голодь и нужду, Hunger und Mandel.

Непродолжительная жизнь Шуберта (род. 31 января 1797 г., ум. 19 ноября 1828 г.) очень мало изслѣдована именно по той причинѣ, что въ ней ничего нѣтъ, кромѣ постоянныхъ лишеній и неудачъ. Не баловала его судьба и не выдала онъ никакой радости, хотя бы въ видѣ удовлетворенной сердечной привязанности; вся жизнь его была сплошнымъ трудомъ, ничѣмъ вознагражденнымъ; у него ничего не было такого, что можетъ утѣшить человѣка въ горѣ, зато горя онъ имѣлъ достаточно и топилъ его въ своихъ пѣсняхъ, пока хватило его физическихъ силъ; незамѣтнымъ бѣднякомъ прожилъ свой короткій вѣкъ вдохновенный создатель нѣмецкой пѣсни. Только два человѣка принимали нѣкоторое участіе въ его судьбѣ,—это композиторъ Сальери и въслѣдствіи баритонъ Фогль, популяризовавшій его пѣсни по всей Австріи и Венгрии. Даже Бетховень, котораго Шубертъ обожалъ, узналъ о немъ на смертномъ одрѣ, хотя они жили въ той же Вѣнѣ, но, познакомившись съ его пѣснями, онъ уже онъ нихъ не могъ оторваться: «Въ этомъ человѣкѣ живетъ божественный огонь; значеніе его будетъ очень велико».

Когда престарѣлый Сальери познакомился съ одиннадцатилѣтнимъ Шубертомъ, онъ воскликнулъ: «Да, это истинный гений, для него нѣтъ ничего невозможнаго; пѣсню, мессу, оперу, квартетъ,—онъ все можетъ написать», а въ 1814 году, прослушавъ его мессу, написанную Шубертомъ по случаю столѣтія лихтенбергской приходской церкви, Сальери воскликнулъ: «Францъ, другъ мой, ты составишь мою гордость, мою славу. Ты сдѣлаешь бессмертнымъ имя твоего учителя!» Нужно, однако, прибавить, что педантическія требованія учителя были мало по нутру рвавшимся къ свободному

изліянiю своихъ чувствъ, юному ученику; мысли его, которыя онъ едва успѣвалъ набросать на бумагу, были слишкомъ богаты и разнообразны, чтобы укладываться въ узкія рамки старо-итальянской школы. Великій пѣвецъ пренебрегалъ ими и писалъ такъ, какъ писалось, — какъ требовала его душа, изливавшаяся въ звукахъ, а писалъ онъ невѣроятно скоро и много.

Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, съ какой быстротой онъ работалъ, достаточно сказать, что въ теченіе одного только 1815 года, считающагося обыкновенно началомъ его зрѣлаго творчества, имъ сочинено и написано: болѣе ста пѣсенъ (всѣхъ около 600), — между прочимъ, пѣснь Миньоны и высоко-поэтическія *Lieder* Оссиана, разныя баллады, пьесы большаго и меньшаго объема для многоголоснаго пѣнія, пьесы для фортепiano и смычковыхъ инструментовъ, двѣ симфоніи, двѣ мессы *Stabat Mater*, большое *Magnificat*, множество мелкихъ церковныхъ произведеній и — ни больше, ни меньше — какъ пѣлыхъ семь оперъ и оперетъ. И такое количество произведеній (не говоря уже о качествахъ) могъ написать человѣкъ въ теченіе одного года! Вообще, нужно сказать, что нѣтъ такой отрасли музыкальнаго письма, которую не обогатилъ бы этотъ гений своими вдохновенными произведеніями, а между тѣмъ онъ до знакомства съ пѣвцомъ Фогелемъ, знакомившимся публику съ именемъ Шуберта (последній аккомпанировалъ), онъ все это писалъ для себя, безъ всякихъ надеждъ на вознагражденіе и славу.

Вотъ тѣ немногочисленные факты изъ жизни Шуберта, которые мы находимъ въ его біографіяхъ (лучшая изъ нихъ — Крейсле). Отецъ его — сынъ крестьянина, мать — бывшая кухарка. Отецъ, большой любитель музыки и самъ игравшій, былъ школьнымъ учителемъ въ Лихтенталѣ. Семья его состояла изъ 14 человѣкъ — дѣтей отъ перваго брака и 5 отъ втораго. Нетрудно себѣ представить, какъ существовала эта семья на скудныхъ средства главы ея, какія радости могъ видѣть въ дѣтствѣ Францъ. Шести лѣтъ сталъ онъ уже ходить въ школу; къ ученію относился равнодушно, а занимался больше музыкой. Разъ только въ жизни испыталъ Шубертъ прелесть восторговъ публики, но это уже было при самомъ концѣ жизни, когда онъ выступилъ публично въ Вѣнѣ и познакомилъ вѣнцевъ съ нѣкоторыми своими новыми произведеніями. Но это былъ первый и послѣдній его триумфъ при жизни. Зато ему принадлежитъ будущее: нѣтъ угла на земномъ шарѣ (конечно, въ музыкальномъ отношеніи), гдѣ не раздавалась бы музыка Шуберта.

Г. Юрій Арнольдъ.

На долю извѣстнаго музыкальнаго ученаго, Юрія Карловича Арнольда, выпала завидная доля: праздновать на 85 году отъ роду свой *шестидесятилѣтній* юбилей; рѣдкій случай въ наши дни! Желающимъ всесторонне познакомиться съ разнообразной его дѣятельностью можемъ рекомендовать прочесть его книгу, озаглавленную «Воспоминанія» и заключающую въ себѣ три выпуска; тутъ

обильный материал, интересный не только для музыкантовъ, но и для всей читающей публики. Въ теченіе своей многолѣтней трудовой жизни, нашъ маститый юбиляръ пробовалъ свои силы на разныхъ поприщахъ литературной и музыкальной дѣятельности, и вездѣ оставлялъ почтенные слѣды: онъ теоретикъ, композиторъ, драматургъ, лекторъ, педагогъ и критикъ. Въ каждой изъ этихъ областей онъ проявлялъ обширныя познанія, талантъ, изученіе дѣла, любовь къ нему и желаніе по мѣрѣ силъ своихъ приносить пользу.

Дебютировалъ онъ въ 1836 г. на музыкальномъ поприщѣ романсомъ на слова Кольцова «Вечерній звонъ», а на литературномъ — въ томъ же году повѣстью «Любовь музыкальнаго учителя», помѣщенной въ «Библиотекѣ для чтенія» Сенюковского, подъ псевдонимомъ *Карло Кармини*. Чтобы покончить съ этой стороной его дѣятельности, упомянемъ главнѣйшія композиціи и литературныя работы. Къ первымъ относятся: опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Цыганка», оперетка «Инвалидъ», комическая опера «Ночь подъ Ивана Купала», большая опера «Послѣдній день Помпей», переименованная въ «Нидію» (нигдѣ еще не поставленная), увертюра «Борисъ Годуновъ», много романсовъ, трехголосная обѣдня въ демественномъ стилѣ, соната, псалмы и пр. Многія изъ названныхъ произведеній давались у насъ и за границей, въ театрахъ и на эстрадахъ, съ большимъ успѣхомъ. Ко вторымъ причислимъ драматическія произведенія, изъ которыхъ «Andreas Brupau» написано на конкурсѣ въ стихахъ въ двѣ недѣли. Имъ переведены на нѣмецкій языкъ либретто «Руслана», «Русалки», «Юдифи», «Орлеанской дѣвы» и др.

Главнѣйшія его заслуги основываются на его теоретическихъ трудахъ, охватывающихъ музыкальную науку, какъ въ области свѣтской, такъ еще болѣе въ области церковной музыки. Еще въ 1837 г. сталъ г. Арнольдъ заниматься изученіемъ русскихъ народныхъ пѣсень и древняго церковнаго пѣнія. Въ этомъ отношеніи замѣчательны его труды: «Теорія древне-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія на основаніи аутентическихъ трактатовъ и акустическаго анализа», «Общій сводъ правилъ гармонизаціи знаменнаго распѣва», «Гармоническія начала церковныхъ гласовъ», «Примѣненіе древне-византійской и византійской теоріи музыки къ знаменному пѣнію» и проч. На нѣмецкомъ языкѣ имъ написаны: «Die Lehre von der Tonkunst» (три части). Изъ крупныхъ его сочиненій нельзя не упомянуть о «Рациональной музыкальной грамматикѣ на основаніи акустическихъ и эстетическихъ началъ», по собственной системѣ юбиляра (обширный этотъ трудъ находится еще въ рукописи, хотя и совершенно оконченъ).

Юрій Карловичъ состоялъ сотрудникомъ многихъ періодическихъ изданій; писалъ въ «Neue Zeitschrift für Musik», основанной Шуманомъ, въ «Сынѣ Отечества», «Сѣверной Пчелѣ», Прибавленіяхъ къ «Московскимъ Вѣдомостямъ», редактировалъ «Neue Allgemeine Zeitschrift für Theater und Musik», въ «Театральномъ и Музыкальномъ Вѣстникѣ» и мног. др. Кромѣ того, онъ неоднократно выступалъ публично въ качествѣ лектора, читая лекціи по разнымъ музыкально-научнымъ вопросамъ и исторіи музыки, какъ за гра-

ницей, такъ и въ Россіи (въ лейпцигской консерваторіи, въ московскомъ университетѣ, въ Петербургѣ и др. городахъ). Изъ этого бѣлаго обзора уже нетрудно убѣдиться въ заслугахъ маститаго юбиляра, такъ много сдѣлавшаго для музыкальной науки, но лишь трудъ его, «Воспоминанія», можетъ дать всестороннее понятіе о всей совокупной его дѣятельности. Юбилей Юрія Карловича былъ торжественно отпразднованъ многочисленными почитателями этого выдающагося ветерана-художника.

Г. Морозовъ.

Режиссеръ русской оперы праздновалъ свою сорокалѣтнюю службу, — срокъ большой для закулиснаго дѣятеля. Празднованія, собственно говоря, официальнаго никакого не было, но товарищи по службѣ и артисты русской оперы поднесли ему цѣнный подарокъ. Упоминаемъ объ этомъ негласномъ юбилеѣ, зная, какого труда, какихъ усилій, заботъ, хлопотъ и безконечныхъ неприятностей стоитъ режиссерская обязанность, невидимая для обыкновенныхъ посѣтителей театра, но хорошо извѣстная людямъ, близко стоящимъ къ театру. Огромная машина, именуемая оперой, состоитъ изъ тысячи мелкихъ частей, которыя всѣ должны быть на мѣстѣ и во время; услѣдить за ними—дѣло далеко не легкое и неумѣющій загребать жаръ чужими руками долженъ очень много трудиться, постоянно быть на посту, обо всемъ помнить, за все отвѣчать и проч. Занимать такую отвѣтственную должность въ теченіе сорока лѣтъ—въ своемъ родѣ подвигъ, достойный быть отмѣченнымъ. Пожелаемъ г. Морозову еще много лѣтъ продолжать свою безусловно похвальную дѣятельность.

Б. Б. Корсовъ.

Только въ этомъ году талантливый баритонъ московской русской оперы официально справлялъ свой 25-лѣтній юбилей, поставивъ въ свой бенефисъ, никогда не дававшуюся въ Россіи, оперу Сень-Санса «Генрихъ VIII». Юбилей былъ по истинѣ торжественно отпразднованъ: съ подношеніями, подарками отъ товарищей, разныхъ труппъ и театровъ, съ рѣчами, адресами, оваціями, аплодисментами, вѣнками и проч. Всякій, кто хоть когда либо видѣлъ г. Корсова на сценѣ, сознается, что изъ числа немногихъ артистовъ, по истинѣ заслуживающихъ вниманія общества и печати, этому артисту принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Начитанный, литературно-образованный, съ философски-историческимъ взглядомъ на искусство, обширный сценическій талантъ, всесторонне-развитый, — г. Корсовъ надѣленъ всѣмъ, что нужно артисту для его карьеры: сценической внѣшностью, прекраснымъ голосомъ и драматическимъ талантомъ, которому могли бы позавидовать многіе актеры.

При этихъ блестящихъ качествахъ, онъ крайне любитъ свое искусство и можно смѣло сказать, что процвѣтающая теперь русская опера въ первопрестольной на половину обязана своимъ су-

ществованіемъ г. Корсову, такъ много сдѣлавшему для ея пресуспѣянія. Какъ художникъ, преданный интересамъ отечественнаго искусства, г. Корсовъ принадлежитъ къ той блестящей плеядѣ нашихъ дѣятелей, имена которыхъ занесены будутъ въ исторію русской оперы; за какую бы роль онъ ни взялся, онъ изъ нея создаетъ живой образъ, не сглаживающійся въ памяти зрителей. Особеннаго удивленія заслуживаетъ то разнообразіе, которыми отличаются другъ отъ друга созданные имъ художественные типы. Припомните, напр., его Донъ-Жуана, Риголетто, Невера, Яго, Телля, Петра, Олоферна, Демона, Іуду Маккавея, Бориса Годунова, Уріяля Акосту, Мазепу и др. Какое разнообразіе и богатство фантазій! Какъ пѣвецъ, онъ обладаетъ прекраснымъ голосомъ, мощнымъ, звучнымъ и высокимъ. У него въ репертуарѣ насчитывается сорокъ четыре оперы.

Ө. И. Стравинскій.

Ө. И. Стравинскій, служащій на Маріинской сценѣ двадцать лѣтъ, имѣетъ уже право оглянуться назадъ и полюбоваться своимъ прошлымъ, которое очень завидно въ художественномъ смыслѣ и заслуживаетъ всякаго уваженія; онъ пѣлъ въ Петербургѣ и до того въ Кіевѣ въ пятидесяти семи операхъ (63 партіи; въ нѣкоторыхъ по двѣ). Г. Стравинскій принадлежитъ, по своему образованію, серьезному отношенію къ искусству и таланту, къ тому же типу артистическихъ натуръ, что и г. Корсовъ. И онъ—врагъ всякой шарлатанской рекламы и рыночнаго шума, къ которому такъ охотно прибѣгаютъ молодые да еще изъ раннихъ артистовъ, видящихъ въ искусствѣ прежде всего дойную корову и всячески старающихся поднять искусственнымъ образомъ свои фонды на рынкѣ славы, если не артистическими достоинствами, то всякими иными средствами, дозволенными и часто... унижающими человѣческое достоинство. Неизмѣнный успѣхъ г. Стравинскаго основанъ на болѣе серьезныхъ основаніяхъ.

Онъ также изъ каждой роли создаетъ нѣчто вполне законченное, зрѣло обдуманное, обработанное исторически до мелочей и притомъ вполне жизненное, реальное, но не переходящее, однако, границы дозволеннаго законами эстетики. Какъ въ очертаніи трагическихъ фигуръ, такъ и въ изображеніи комическихъ, онъ вездѣ соблюдаетъ чувство мѣры. Широкий и гибкій талантъ, которому одинаково доступна художественная отдѣлка — пропойцы Скулы, какъ и Олоферна, Еремки, какъ и Грознаго, Милорда, какъ и Сенъ-Бри, и т. д.,—явленіе исключительное въ сценическомъ искусствѣ. Голосъ его (*basso cantante*) очень хорошъ еще до сихъ поръ; дикція у него изумительная; мимика обработана до совершенства; гримируется онъ мастерски; словомъ, онъ обладаетъ всѣми данными, способными производить сильное и яркое впечатлѣніе, — и онъ дѣйствительно вездѣ его производитъ; оттого-то у него такая масса восторженныхъ поклонниковъ среди посѣтителей Маріинскаго театра.

М. М. Карякинъ (некрологъ).

Почтимъ еще память, скончавшагося въ началѣ этого года, баса русской оперы, Михаила Михайловича Карякина, умершаго внезапно отъ разрыва сердца. Онъ умеръ еще сравнительно молодымъ, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта. Родился онъ въ 1850 г. въ харьковской губерніи, въ г. Чугуевѣ, гдѣ отецъ его имѣлъ значительное помѣстье. Его чудеснымъ голосомъ (настоящее basso profundo), рѣдкимъ по красотѣ и мощи, наша сцена могла смѣло гордиться. Этотъ феноменальный голосъ заставилъ его переимѣнить профессію, оставить медицину (окончилъ медицинскій факультетъ въ московскомъ университетѣ) и пойти на сцену. Учился онъ пѣнію въ Москвѣ же, у г-жи Александровой-Кочетовой. Послѣ блестящаго дебюта въ партіи Сусанина, перешелъ въ Петербургъ, гдѣ и служилъ до дня своей внезапной кончины, исполняя первыя партіи; во многихъ изъ нихъ (Сусанинъ, Мельникъ, Морозъ, Джеронимо, Марсель, Илья и др.) онъ и до сихъ поръ незамѣнимъ. Sit tibi terra levis!

В. Баскинъ.

ТОМЪ СОУЭРЪ.

РАЗСКАЗЪ Марка Твэна.

(Съ англійскаго).

I.

Это было на слѣдующую весну послѣ того, какъ я и Томъ Соуэръ освободили нашего стараго негра Джима, который былъ прикованъ на цѣпи, за попытку къ бѣгству, на фермѣ дяди Сайльса въ Аркенсю. Морозы ослабѣли, воздухъ становится теплѣе, все ближе и ближе придвигалось лѣто. Мальчикамъ, какими мы были тогда съ Томомъ, бываетъ особенно грустно въ такое время. Безпричинная тоска давить грудь и невольно вздыхаешь, самъ не зная о чемъ. Хочется уйти куда нибудь въ пустынное мѣсто, на вершину горы, на опушку лѣса,—сидѣть тамъ и смотрѣть, какъ Миссисипи разливается широко и струится вдаль на цѣлыя мили, огибая лѣсъ, туманный и далекій, и все вокругъ такъ тихо, такъ безмолвно, что вамъ начинаетъ казаться будто все, что вы любили, умерло, и сами вы умерли, и все давно прошло, все забыто и кончено навѣки.

Знаете ли вы, что это за чувство? Это весенняя горячка. Вотъ какъ оно называется. И когда васъ охватила эта горячка, вы хотите—о, вы сами не знаете, чего вы хотите, но ваше сердце болить и вы такъ стремитесь куда-то! Вамъ страстно хочется уйти куда нибудь, избавиться отъ старой, томительной, прискучившей вамъ обстановки, увидѣть что нибудь незнакомое, новое. Эта мысль не даетъ вамъ покою. Вамъ хочется идти, сдѣлаться путникомъ, скитальцемъ; вамъ хочется видѣть чужія страны, гдѣ все такъ таинственно, такъ

удивительно, такъ романтично. И если вы не можете исполнить этого желанія, вы согласны и на меньшее: вы готовы идти хоть куда нибудь, лишь бы уйти подальше отсюда.

Вотъ такой-то весенней горячкой заболѣли и мы съ Томомъ Соуэромъ и заболѣли очень опасно. Но Тому нечего было и думать о путешествіяхъ; онъ говорилъ, что его тетка Полли очень ясно дала ему понять, что ни въ какомъ случаѣ не допустить, чтобы онъ бросилъ школу и отправился бродяжничать. Однажды мы сидѣли на ступенькахъ крыльца въ довольно мрачномъ настроеніи, когда вдругъ изъ дому выходитъ тетка Полли съ письмомъ въ рукѣ и говоритъ:

— Томъ, тебѣ надо уложить свои вещи и отправляться въ Аркенсю—твоя тетка Салли проситъ тебя пріѣхать.

Я чуть не подпрыгнулъ на мѣстѣ отъ радости. Я думалъ, что Томъ бросится къ теткѣ на шею и задушитъ ее поцѣлуями, а онъ — вы только подумайте! — сидитъ себѣ неподвижно, какъ скала, и хоть бы слово сказалъ. Я просто готовъ былъ заплакать съ досады, что онъ поступаетъ такъ глупо и не пользуется счастливымъ случаемъ. Вѣдь все могло быть потеряно, благодаря тому, что онъ не выразилъ словами своей признательности и радости. Но онъ продолжалъ сидѣть молча и думать, думать о чемъ-то безъ конца, пока я въ отчаяніи уже не зналъ, что и дѣлать; наконецъ, Томъ, подумавши, сказалъ съ самымъ убійственнымъ хладнокровіемъ:

— Тетя Полли, мнѣ ужасно жаль; но я надѣюсь, что тетя Салли извинитъ меня, если я не исполню ея просьбы.

Тетя Полли до того была поражена этимъ неожиданнымъ отвѣтомъ, что въ теченіе нѣсколькихъ секундъ не могла произнести ни слова и это дало мнѣ возможность толкнуть Тома локтемъ и шепнуть ему:

— Что ты съ ума сошелъ, что ли? Не пользоваться такимъ превосходнымъ случаемъ!

Томъ, нимало не теряя своего хладнокровія, отвѣчалъ мнѣ, тоже шопотомъ:

— Гекъ Финнъ, ужъ не хочешь ли ты, чтобы я показалъ ей, насколько я радъ ѣхать? Она тотчасъ же стала бы сомнѣваться, раздумывать, воображать тысячи болѣзней, опасностей и препятствій для этой поѣздки, и не успѣлъ бы я оглянуться,

какъ она запретила бы мнѣ ѣхать. Не мѣшай мнѣ; я знаю, какъ съ нею обращаться.

Ничего подобнаго никогда не пришло бы мнѣ въ голову. Но Томъ былъ правъ. Томъ Соуэръ всегда былъ правъ— всегда благоразумный, находчивый, готовый на все; каждый могъ на него положиться во всемъ,—за это я ручаюсь. Тѣмъ временемъ, тетя Полли пришла въ себя и накинулась на Тома:

— Тебя извинить! Скажите, пожалуйста! Нѣтъ, право, я ничего подобнаго во всю мою жизнь не слыхала. Какимъ тономъ разговариваетъ со мной этотъ мальчишка! Сейчас же иди укладывай свои вещи и если я услышу хоть одно слово насчетъ извиненій, я покажу тебѣ такія извиненія, что ты ихъ долго будешь помнить.

Она въ заключеніе пристукнула Тома по головѣ своимъ наперсткомъ, и мы проскользнули мимо нея на лѣстницу, причемъ Томъ сдѣлалъ видъ, будто хнычетъ. Очутившись наверху, въ своей комнатѣ, Томъ кинулся ко мнѣ на шею и былъ внѣ себя отъ радости, что ѣдетъ путешествовать.

— Прежде чѣмъ мы уѣдемъ, она станетъ жалѣть, что заставила меня ѣхать, но ей уже нельзя будетъ взять назадъ своего слова. Послѣ того, что она сказала, гордость не позволить ей уступить.

Томъ уложилъ свои вещи въ десять минутъ, остальное должны были уложить ему тетя Полли и кузина Мэри; потомъ онъ подождалъ еще десять минутъ, чтобы тетка успокоилась и стала доброй и ласковой, какъ прежде; такъ какъ Томъ говорилъ, что для успокоенія его тетки требовалось десять минутъ. Послѣ этого мы спустились внизъ, сильно желая узнать содержаніе письма тети Салли.

Тетя Полли сидѣла внизу, глубоко задумавшись; письмо лежало у нея на колѣняхъ. Когда мы сѣли, она начала:

— У нихъ большія непріятности и огорченія, и они думаютъ, что ты съ Гекомъ придумаешь что нибудь и поможешь имъ. У дяди Сайльса есть сосѣдъ, по имени Брэсъ Дунлапъ. Этотъ Брэсъ Дунлапъ уже мѣсяца три, какъ вздумалъ свататься за Бенни. Дядя Сайльсъ, наконецъ, объявилъ ему разъ навсегда, что не отдастъ за него Бенни. Тогда Брэсъ, изъ мести, всячески сталъ досаждать ему. Я полагаю,

что Брэсъ, должно быть, важный человекъ въ той сторонѣ, потому что дядя Сайльсъ, повидимому, не хочетъ ссориться съ нимъ и, чтобы какъ нибудь его умилостивить, взялъ даже его брата работникомъ къ себѣ на ферму, когда ему никакого работника не надо и тяжело платить жалованье лишнему чело-
вѣку. Кто такіе эти Дунлапы, Томъ?

— Они живутъ, тетя Полли, около мили отъ фермы дяди Сайльса,—въ тѣхъ мѣстахъ, всѣ фермы отдѣлены другъ отъ друга на разстояніи цѣлой мили—и Брэсъ Дунлапъ считается самымъ богатымъ фермеромъ. Ему тридцать шесть лѣтъ; онъ вдовецъ, бездѣтный, чванится своими деньгами, притѣсняетъ бѣдныхъ и сосѣди боятся его. Мнѣ кажется, онъ воображалъ, что можетъ выбирать себѣ любую невѣсту; стоитъ ему только захотѣть, и, должно быть, ему было очень досадно, когда Бенни отказала ему. Вѣдь ей всего восемнадцать лѣтъ и она такая милочка, такая хорошенькая—но вѣдь вы видѣли ее, тетя Полли. Бѣдный дядя Сайльсъ! Это очень жаль, что ему приходится ублажать Брэса Дунлапа, и ради этого держать у себя на фермѣ ни къ чему ненужнаго Юпитера Дунлапа и платить ему жалованье изъ послѣднихъ средствъ.

— Юпитерь! имя-то какое! Что это его вздумали такъ обозвать?

— Это прозвище. Я думаю, что его настоящее имя давно забыли. Теперь ему двадцать семь лѣтъ и онъ получилъ это прозвище съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ научился плавать. Учитель увидалъ у него на ногѣ, повыше колѣна, темное родимое пятно, величиной въ десяти-центовую монету, а вокругъ четыре пятнышка поменьше, и сказалъ, что это Юпитерь и его спутники; школьники нашли это забавнымъ и стали звать его Юпитеромъ; такъ это прозвище осталось за нимъ и до сихъ поръ. Это высокій малый, лѣнивый и хитрый тихоня, довольно трусливый, но не злой, съ длинными темными волосами, безъ бороды; онъ не имѣетъ гроша за душой, такъ что Брэсъ держитъ его у себя изъ милости, даетъ ему носить свое старое платье и обращается съ нимъ презрительно. У Юпитера есть братъ близнецъ.

— А тотъ братъ каковъ?

— Точь въ точь такой же, какъ Юпитерь, если вѣрить разсказамъ—то есть былъ такой, потому что вотъ уже семь

лѣтъ, какъ о немъ ничего не слышно. Девятнадцати лѣтъ онъ попался въ воровствѣ и его посадили въ тюрьму; но онъ бѣжалъ изъ тюрьмы куда-то на сѣверъ. Первое время ходили слухи, что онъ грабилъ то здѣсь, то тамъ, но уже много лѣтъ, какъ о немъ ничего не слышно. Онъ, вѣроятно, умеръ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ всѣ.

— Какъ его зовутъ?

— Джекъ.

Нѣсколько времени длилось молчаніе. Старушка задумалась. Наконецъ, она проговорила:

— Главное, что болѣе всего тревожитъ тетю Салли, это раздраженіе, до котораго доводитъ Юпитеръ твоего дядю Сайльса.

Томъ былъ пораженъ, я тоже. Томъ сказалъ:

— Раздраженіе? Дядя Сайльсъ раздраженъ? Праведное небо! должно быть, вы шутите, тетя Полли. Въ первый разъ слышу, что онъ можетъ раздражаться.

— Юпитеръ приводитъ его въ совершенную ярость, говорить тетя Салли; иногда доходитъ дѣло до того, что дядя Сайльсъ готовъ ударить этого человѣка.

— Тетя Полли, это просто невѣроятно! Вѣдь дядя Сайльсъ мухи не обидитъ.

— Ну, ужъ я не знаю, только тетя Салли очень встревожена. Она пишетъ, что дядя Сайльсъ сталъ точно другимъ человѣкомъ и все изъ-за этой ссоры. А сосѣди начинаютъ осуждать твоего дядю, обвиняютъ его во всемъ, потому что онъ—говорятъ—пасторъ и ему не пристало заводить ссоры. Тетя Салли пишетъ, что онъ и проповѣди говорить неохотно,—такъ его измучило все это,—и прихожане становятся къ нему холоднѣй; онъ уже не пользуется такимъ вліяніемъ на нихъ, какъ прежде.

— Это очень странно! Вѣдь онъ всегда былъ такой добрый, ласковый, снисходительный—ну, просто ангель, а не человѣкъ! Что такое приключилось съ нимъ, какъ вы думаете?

II.

Счастье повезло намъ: мы успѣли захватить пароходъ, управлявшійся въ Луизиану, черезъ верхнюю и нижнюю

Миссисипи вплоть до фермы дяди Сайльса въ Аркенсю, такъ что намъ не было надобности пересаживаться въ Сень-Луизъ.

На пароходъ было почти пусто; кое-гдѣ сидѣли пассажиры, по большей части старые люди, отдѣльно другъ отъ друга и дремали безмятежно. Мы ѣхали уже четыре дня, но намъ не было скучно. Развѣ могутъ скучать мальчики, которые вырвались на свободу и ѣдутъ путешествовать? Съ перваго же дня мы догадались, что на пароходѣ есть больной и что онъ помѣщается въ офицерской каютѣ, по сосѣдству съ нашей, потому что лакеи всегда подавали туда кушанья. Между разговоромъ мы спросили объ этомъ—то есть Томъ спросилъ—и слуга отвѣчалъ, что, дѣйствительно, тамъ есть мужчина, но онъ не кажется имъ больнымъ.

— И онъ, въ самомъ дѣлѣ, вовсе не былъ боленъ?

— Я не знаю; можетъ быть, онъ былъ боленъ, но теперь поправился.

— Почему вы это думаете?

— Потому что, еслибы онъ былъ боленъ, онъ, конечно, раздѣлся бы и лежалъ въ постели, не правда ли? А этотъ совсѣмъ напротивъ. Онъ все время не снималъ даже сапогъ.

— Вотъ такъ штука! И не ложился въ постель?

— Нѣтъ.

Тома Соуэра хлѣбомъ не корми, только подавай ему какуюнибудь тайну. Еслибы вы положили передъ нами на столѣ тайну и хорошій пирогъ на выборъ, мы недолго колебались бы. Моя натура такова, что я тотчасъ же взялся бы за пирогъ, а Томъ, напротивъ, ухватилъ бы тайну. Натуры бываютъ различны. Томъ спросилъ у слуги:

— Какъ зовутъ этого человѣка?

— Филипсъ.

— Откуда онъ ѣдетъ?

— Кажется, онъ сѣлъ на пароходъ въ Александрию.

— Какъ вы думаете, что онъ за птица?

— Не знаю—я совсѣмъ не думалъ объ этомъ.

«Вотъ,—подумалъ я про себя,—еще одинъ, который скорѣе возьметъ за пирогъ, чѣмъ за тайну!»

— Есть въ немъ чтонибудь особенное? въ его манерахъ или въ разговорѣ?

— Ничего нѣтъ особеннаго, только онъ кажется очень боязливымъ, держитъ свою дверь на замкѣ и днемъ, и ночью, и если къ нему постучишь, онъ никогда не отворитъ двери сразу, а сначала посмотритъ въ щелку, чтобы узнать, кто къ нему стучитъ.

— Клянусь Богомъ, это интересно! Хотѣлось бы мнѣ взглянуть на него. Въ слѣдующій разъ какъ вы пойдете къ нему, не можете ли вы отворить дверь пошире, и...

— Нѣтъ этого никакъ нельзя! Онъ всегда стоитъ за дверью, и сейчасъ же ее захлопнетъ.

Томъ подумалъ съ минуту и потомъ сказалъ:

— Слушайте. Вы дадите мнѣ свой передникъ и позволите мнѣ утромъ отнести ему завтракъ въ каюту.

Слуга сказалъ, что онъ согласенъ, если только буфетчикъ позволитъ это. Томъ взялся устроить это дѣло съ буфетчикомъ и, дѣйствительно, устроилъ его. Намъ было разрѣшено попеременно завѣшиваться передниками и носить кушанья въ каюту незнакомца.

Томъ почти не спалъ эту ночь, такъ его волновала тайна, окружавшая Филиппа; и всю ночь онъ старался разгадать эту тайну, но, конечно, его старанія были безуспѣшны. А я, напротивъ, воспользовался случаемъ хорошенько соснуть. Вѣдь все равно, сколько ни думай, мнѣ не разгадать, чтѣ за штука этотъ Филиппъ, говорилъ я себѣ, засыпая.

Хорошо. Утромъ мы, какъ только встали, надѣли передники, взяли въ руки подносы и Томъ постучалъ въ дверь. Тайнственный обитатель каюты посмотрѣлъ на насъ въ щелочку, потомъ впустилъ насъ и тотчасъ же захлопнулъ за нами дверь. Когда мы только взглянули на него, клянусь Богомъ, мы чуть не выронили подносы изъ рукъ, такъ мы были изумлены!

— Юпитеръ Дунлапъ, какъ вы сюда попали? — спросилъ Томъ.

Юпитеръ былъ пораженъ и, повидимому, не зналъ: бояться ему или радоваться, но потомъ выбралъ послѣднее и сталъ радоваться; краска вернулась ему въ лицо, хотя сначала онъ сильно поблѣднѣлъ. Мы принялись болтать о томъ, о семъ, пока онъ ѣлъ свой завтракъ. Поѣвши, онъ сказалъ:

— Только я не Юпитеръ Дунлапъ. Я скажу вамъ, кто я

такой, если вы поклянетесь молчать, потому что я и не Филиппъ.

— Мы будемъ молчать,—сказаль Томъ,—но только, если вы не Юпитеръ Дунлапъ, вамъ нѣтъ надобности объяснять намъ, кто вы такой.

— Это почему же?

— А потому, что если вы не онъ, такъ значить вы другой близнецъ — Джекъ. Вы настоящая копія Юпитера.

— Хорошо, не буду отказываться; я дѣйствительно Джекъ. Но только слушайте, ребята, какимъ это образомъ вы знаете Дунлаповъ?

Томъ разсказаль ему наши приключенія, происшедшія прошлымъ лѣтомъ на фермѣ дяди Сайльса, и когда Джекъ увидѣль, что они нисколько не касаются ни его самого, ни его братьевъ, онъ сразу сталъ откровеннымъ и разговорчивымъ. О себѣ, впрочемъ, онъ избѣгалъ говорить опредѣленно; только сказаль, что ему досталась суровая доля, и что онъ, можетъ быть, худо кончитъ; что жизнь, которую онъ ведетъ, очень опасна и...

Тутъ онъ остановился и, открывъ ротъ, затаилъ дыханіе, какъ будто къ чему-то прислушиваясь. Мы тоже не произносили ни слова и нѣсколько секундъ было такъ тихо, что не слышалось ничего, кромѣ легкаго сѣрипа деревянныхъ частей парохода и шума машины внизу. Потомъ мы понемногу успокоили его, разсказывая ему про его братьевъ, и о томъ, какъ жена Брэса умерла три года назадъ, и какъ Брэсъ хотѣль жениться на Бенни, а она отказала ему, и какъ Юпитеръ служить на фермѣ у дяди Сайльса, и какъ онъ ссорится съ дядей Сайльсомъ — такъ что, наконецъ, Джекъ совсѣмъ успокоился и началъ смѣяться.

— Боже мой! — сказаль онъ, — ваша болтовня напоминаетъ мнѣ доброе, старое время и мнѣ такъ пріятно васъ слушать. Уже болѣе семи лѣтъ, какъ я ничего не слыхаль о родныхъ. Что они думали обо мнѣ все это время?

— Кто?

— Да всѣ сосѣди и мой братья.

— Они совсѣмъ о васъ не думали, вспоминали, иногда, вотъ и все.

— Неужели?—сказалъ Джекъ, удивленный.—Почему же это такъ?

— А потому что всѣ считали васъ мертвымъ давнымъ давно.

— Не можетъ быть! Правду ли вы говорите? Дайте честное слово, что это правда, тогда повѣрю!—Онъ вскочилъ съ мѣста въ волненіи.

— Честное слово. Никто не сомнѣвается, что вы давно умерли.

— Тогда я спасенъ, я спасенъ—въ этомъ нельзя сомнѣваться! Я вернусь домой. Они спрячутъ меня и спасутъ мнѣ жизнь. Вы только молчите. Поклянитесь, что будете молчать, что никогда, никогда не предадите меня. О, мальчики! сжалитесь надъ несчастнымъ, котораго преслѣдуютъ днемъ и ночью, какъ травленнаго звѣря, такъ что онъ не смѣетъ никуда показаться! Я никогда не сдѣлалъ вамъ никакого зла и никогда не сдѣлаю, именемъ Господа Всемогущаго клянусь вамъ въ этомъ! Поклянитесь же и вы, что сжалитесь надо мной, и поможете мнѣ спасти свою жизнь!

Мы согласились бы дать клятву, даже еслибы онъ былъ не человѣкъ, а собака. Когда мы поклялись, бѣдный малый не зналъ, какъ выразить намъ свою любовь и благодарность.

Мы продолжали разговаривать, а Джекъ тѣмъ временемъ досталъ небольшую дорожную сумку и сталъ открывать ее, попросивъ насъ отвернуться и не смотрѣть. Мы исполнили его желаніе, а когда онъ сказалъ намъ, что мы можемъ попрежнему смотрѣть на него, онъ оказался до такой степени измѣнившимся, что невозможно было узнать его. Выпуклыя синія очки закрывали его глаза и у него какимъ-то чудомъ выросли самыя натуральныя, темныя бакенбарды и усы. Родная мать не узнала бы его. Онъ спросилъ насъ, похожъ ли онъ теперь на своего брата Юпитера.

— Ни малѣйшаго сходства,—отвѣчалъ Томъ,—за исключеніемъ длинныхъ волосъ.

— Этому горю легко помочь, я остригу волосы подъ гребенку, прежде чѣмъ вернусь домой. Брэсъ и Юпитеръ сохранятъ мою тайну, я буду жить у нихъ, какъ посторонній человѣкъ и сосѣди никогда меня не узнаютъ. Что вы думаете насчетъ этого?

Томъ подумалъ немного и отвѣчалъ:

— Мы съ Гекомъ, конечно, будемъ молчать, но и вамъ не лишнее придержать языкъ за зубами, иначе вы рискуете, что васъ узнаютъ. Потому что, видите ли, если вы заговорите, всѣ тотчасъ же замѣтятъ, какъ похожъ вашъ голосъ на голосъ Юпитера и не наведетъ ли это ихъ на мысль о томъ близнецѣ Джекѣ, котораго считали умершимъ, но который отлично могъ оставаться живымъ, скрываясь подъ чужимъ именемъ?

— Клянусь Богомъ, вы очень сметливый мальчикъ! — вскричалъ Джекъ.—Вы совершенно правы. Я буду притворяться глухимъ и нѣмымъ, когда вблизи есть ктонибудь изъ сосѣдей. Еслибы я вернулся домой, забывъ объ этой маленькой предосторожности... Впрочемъ, я вѣдь не думалъ возвращаться домой. Я просто хотѣлъ скрыться куданибудь отъ этихъ людей, которые преслѣдуютъ меня; еслибы мнѣ удалось отъ нихъ ускользнуть, я могъ бы надѣть фальшивые усы и бакенбарды, достать гдѣнибудь другое платье и...

Онъ вдругъ однимъ прыжкомъ очутился возлѣ двери, приложилъ къ ней ухо и сталъ слушать, блѣдный, задыхающійся. Вслѣдъ затѣмъ онъ прошепталъ:

— Мнѣ показалось, будто щелкнулъ курокъ. Боже, какую жизнь приходится мнѣ вести!

Онъ упалъ въ кресло, дрожа отъ волненія и страха, и принялся вытирать потъ съ лица.

III.

Начиная съ этого времени, мы были почти постоянно въ его какотѣ, а ночью ктонибудь изъ насъ, поочередно, спалъ у него на верхней койкѣ. Онъ говорилъ, что онъ совсѣмъ одинокъ и что для него большое утѣшеніе разговаривать съ нами и чувствовать, что хоть ктонибудь относится къ нему съ участіемъ и раздѣляетъ его тревоги и беспокойство. Намъ страшно хотѣлось узнать, въ чемъ заключается тайна Джека и почему онъ скрывается; но Томъ сказалъ, что самый вѣрный путь узнать тайну, это—не выказывать ни малѣйшаго любопытства; тогда Джекъ самъ все расскажетъ; если же мы станемъ приставать къ нему съ вопросами, онъ сдѣлается по-

доверителенъ и замкнется въ себѣ. Все такъ и случилось, какъ предполагалъ Томъ. Нетрудно было замѣтить, что Джеку сильно хочется подѣлиться съ нами своей тайной, но каждый разъ, когда мы приближались къ этому вопросу, Джекъ начиналъ уклоняться отъ прямыхъ объясненій и заговаривалъ о другомъ. Но, наконецъ, ему пришлось таки исповѣдаться и вотъ какъ это случилось. Между прочимъ, онъ спросилъ насъ однажды довольно равнодушнымъ тономъ, какіе пассажиры ѣдутъ на палубѣ парохода. Мы сказали ему. Но онъ былъ не удовлетворенъ нашимъ отвѣтомъ и попросилъ описать пассажировъ болѣе подробно. Томъ взялся за это. Наконецъ, когда онъ описывалъ самаго грубаго и оборваннаго изъ этихъ пассажировъ, Джекъ задрожалъ и у него вырвался вздохъ.

— О, Боже мой, это одинъ изъ нихъ!—простоналъ онъ.— Они, значить, на пароходѣ—я зналъ это! Я надѣялся, что ускользнулъ отъ нихъ, но не смѣлъ вѣрить этому. Продолжайте.

Но едва Томъ началъ описывать другаго оборванца изъ числа палубныхъ пассажировъ, какъ Джекъ опять вздрогнулъ и прервалъ его:

— Это онъ,—это другой! Ахъ, еслибы только настала хорошая, темная, бурная ночь, такъ чтобы мнѣ можно было незамѣтно сойти на берегъ! Видите ли, *они* слѣдятъ за мной, и какъ только я сойду на берегъ, *они* сейчасъ же узнаютъ объ этомъ.

И не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ уже принялся намъ рассказывать про себя.

— Это была ловкая игра,—началъ онъ.—Мы намѣтили себѣ одинъ ювелирный магазинъ въ Сенъ-Луизѣ. Насъ очень интересовала тамъ пара великолѣпныхъ, огромныхъ брилліантовъ, величиною съ орѣхъ, которыми всѣ сбѣгались любоваться. Мы одѣлись самымъ шикарнымъ образомъ и разыграли свое представленіе на глазахъ у всѣхъ при дневномъ свѣтѣ. Мы попросили прислать брилліанты къ намъ въ отель, чтобы мы могли лучше разглядѣть ихъ; когда же они были присланы мы ловко замѣнили ихъ подѣльными камнями, которые были у насъ приготовлены и отослали ихъ назадъ въ магазинъ вмѣсто настоящихъ, сказавъ посланному, что вода брилліан-

товъ оказалась недостаточно прозрачной и они не стоятъ двѣнадцати тысячъ долларовъ.

— Двѣнадцать тысячъ долларовъ! — повторилъ Томъ. — Неужели они стоили этихъ денегъ, какъ вы думаете?

— Стоили до послѣдняго цента.

— И вы бѣжали съ этими бриллиантами?

— Само собой разумѣется. Я думаю, въ магазинѣ еще не успѣли открыть нашу поддѣлку, но все равно намъ было опасно оставаться въ Сень-Луизѣ и мы сочли за лучшее бѣжать. Мы бросили жребій, какой стороны держаться и вышла — верхняя Миссисипи. Мы завернули бриллианты въ бумагу, написали на ней свои имена и отдали этотъ свертокъ на хранение конторщику своего отеля, сказавъ ему, что онъ долженъ намъ его возвратитъ лишь тогда, когда мы всѣ трое будемъ на лицо, а не отдавать его кому нибудь одному изъ насъ. Покончивъ съ этимъ, мы направились въ городъ, но каждый отдѣльно, самъ по себѣ, — потому, я думаю, что каждый изъ насъ, вѣроятно, тайлъ про себя одну и ту же мысль. Я не знаю этого навѣрное, но только думаю, что это могло быть такъ.

— Какую мысль? — спросилъ Томъ.

— Ограбить товарищей.

— Какъ! одному присвоить себѣ то, что украли всѣ сообща?

— Именно.

Томъ былъ возмущенъ и сказалъ, что подлѣе и гнуснѣе этого поступка ничего нельзя себѣ представить. Но Джекъ Дунлапъ объяснилъ ему, что въ ихъ профессіи такія вещи случались постоянно. Затѣмъ онъ продолжалъ разсказъ:

— Видите ли, затрудненіе наше состояло въ томъ, что никакъ нельзя раздѣлить двухъ бриллиантовъ между тремя людьми. Еслибы ихъ было три... Но что толку говорить объ этомъ, когда ихъ было только два. Я кружилъ по глухимъ улицамъ города, думая и передумывая, какъ бы мнѣ поступить. И я сказалъ себѣ, что при первомъ же удобномъ случаѣ стащу бриллианты, переодѣнусь въ другое платье, измѣню себѣ физиономію при помощи накладныхъ бакенбардъ, и тогда пусть попробуютъ найти меня. Я купилъ синія очки, фальшивыя бакенбарды, костюмъ для переодѣванья и, уложивъ эти вещи

въ сумку, направился домой. Проходя мимо одной мелочной лавки, я замѣтилъ тамъ, къ своему удивленію, фигуру одного изъ моихъ товарищей. Это былъ Бодъ Диксонъ. Я обрадовался этому случаю. Теперь,—сказалъ я себѣ,—я узнаю, голубчикъ, что ты покупаешь. Притаившись въ тѣни, я сталъ слѣдить. И что же, вы думаете, онъ покупалъ?

— Бакенбарды?—сказалъ я.

— Нѣтъ.

— Синія очки?

— Нѣтъ.

— Ахъ, замолчи, Гекъ Финнъ; ты только мѣшаешь ему рассказывать,—перебилъ меня Томъ съ досадой.—Что же онъ покупалъ, Джекъ?

— Вы не угадали бы ни за что на свѣтѣ. Онъ покупалъ отвертку, простую, маленькую отвертку—и ничего больше.

— Вотъ такъ штука! Для чего же она ему понадобилась?

— Вотъ объ этомъ-то и я подумалъ. Это было любопытно. Я просто недоумѣвалъ. Зачѣмъ ему понадобилась отвертка? спрашивалъ я себя. Какъ только онъ вышелъ изъ лавки, я спрятался, чтобы онъ меня не замѣтилъ и выслѣдилъ его до слѣдующей лавки, гдѣ онъ купилъ красную, фланелевую рубашку и другое старое платье,—то самое, въ которомъ вы видѣли его здѣсь, на палубѣ, и описали мнѣ. Свой мѣшокъ я спряталъ на шлюпкѣ, которую мы приготовили себѣ, чтобы подняться вверхъ по рѣкѣ. Послѣ этого мы взяли у конторщика свертокъ съ брилліантами, сѣли въ шлюпку и отправились въ путь.

Никто изъ насъ не рѣшался заснуть; мы взаимно сторожили другъ друга. Это было очень досадно, тѣмъ болѣе, что нѣсколько недѣль назадъ мы поссорились и, только благодаря этой исторіи съ брилліантами, между нами произошло временное примиреніе. Положеніе ухудшалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что на троихъ приходилось два брилліанта. Сначала мы поужинали, потомъ стали прохаживаться на палубѣ и курить, пока не настали сумерки; тогда мы спустились въ каюту, замкнули дверь, развернули свертокъ, чтобы посмотрѣть, цѣлы ли брилліанты, положили ихъ на нижнюю койку, чтобы они оставались на самомъ виду, и стали сто-

рожить ихъ, дѣлая всевозможныя усилія, чтобы не заснуть. Наконецъ, Бодъ Диксонъ не выдержалъ. Какъ только онъ храпѣлъ настоящимъ образомъ, опустивъ голову на грудь, Гель Клейтонъ кивнулъ мнѣ сначала на брилліанты, а потомъ на дверь, и я понялъ. Я протянулъ руку и осторожно взялъ свертокъ; нѣсколько времени мы стояли неподвижно, затаивъ дыханіе; Бодъ не шевелился; я тихо и осторожно повернулъ ключъ въ дверяхъ, нажалъ ручку и мы вышли изъ каюты, также тихо притворивъ за собою дверь.

Кругомъ не было слышно ни звука; шлюпка быстро и легко скользила по водѣ въ туманномъ лунномъ свѣтѣ. Не говоря ни слова, мы прямо пошли на верхнюю палубу и сѣли въ самомъ концѣ люка. Мы оба знали, что это значитъ, безъ всякихъ объясненій. Бодъ Диксонъ проснется и, не найдя брилліантовъ, отправится прямо сюда къ намъ, потому что этотъ человѣкъ ничего и никого не боялся, когда дѣло касалось денегъ. Еслибы онъ пришелъ, мы или швырнули бы его черезъ бортъ, или убили бы во время борьбы. Эта мысль бросала меня въ дрожь, потому что я не такъ храбръ, какъ другіе, но я боялся выказать свою слабость передъ Гелемъ Клейтономъ. У меня таилась надежда, что наше судно пристанетъ гдѣ нибудь къ берегу и мы успѣемъ ускользнуть, избавившись, такимъ образомъ отъ роковой встрѣчи съ Бодомъ Диксономъ, котораго я боялся до смерти, но эта надежда едва ли могла оправдаться, такъ какъ не предвидѣлось нигдѣ остановокъ на нашемъ пути.

Мы продолжали сидѣть, время проходило, а Бодъ Диксонъ и не думалъ появляться на палубѣ. Наконецъ, стала занимать заря. «Чортъ возьми!» говорю я Гелю Клейтону, «принимаешь ты тутъ что нибудь! Это становится подозрительнымъ!» «Разрази меня Богъ!»—отвѣчалъ Гель Клейтонъ: «ужь не сыгралъ ли онъ съ нами какой нибудь штуки. Развернемъ-ка бумагу!» Я развернулъ бумагу, и что же вы думаете? въ ней ничего не было, кромѣ двухъ маленькихъ кусочковъ сахару! Вотъ почему онъ такъ безмятежно храпѣлъ всю ночь въ каютѣ. Ловко придумано? Ужь ловчѣе ничего быть не можетъ! Онъ заготовилъ другой свертокъ, гдѣ вмѣсто брилліантовъ лежали два кусочка сахару и незамѣтно перемѣнилъ свертки у насъ подъ носомъ.

Мы чувствовали себя вполне одуроченными. Но необходимо было выпутаться из затрудненія и мы составили планъ.

Мы рѣшили завернуть кусочки сахара въ бумагу, по прежнему, затѣмъ потихоньку пробраться въ каюту и положить свертокъ на прежнее мѣсто, такъ, какъ будто мы его не трогали и даже не подозрѣваемъ, что Бодъ хотѣлъ сыграть съ нами штуку, и теперь храпить себѣ преспокойно въ полной увѣренности, что проведеть насъ. Мы рѣшили также, не оставлять его одного ни на минуту и въ первый же вечеръ, какъ сойдемъ на берегъ, напоить его до пьяна, обыскать его, найти брилліанты и затѣмъ *прикончить* его, если это можно будетъ сдѣлать безъ риска. *Прикончить* его было необходимо, потому что въ противномъ случаѣ онъ самъ постарался бы *прикончить* насъ. Но я мало надѣялся, что намъ удастся найти брилліанты. Напоить его пьянымъ нетрудно—онъ всегда готовъ пить—но что толку изъ этого? Онъ навѣрное такъ сумѣлъ запрятать брилліанты, что мы будемъ его обыскивать цѣлый годъ и все таки ничего не найдемъ...

Но въ эту самую минуту у меня вдругъ захватило дыханіе отъ одной мысли, блеснувшей въ головѣ. Эта мысль пронизала мнѣ мозгъ, ослѣпила меня, и сердце у меня всколыхнулось отъ радости! Какъ разъ въ это время я снялъ сапоги, чтобы дать отдыхъ ногамъ и, когда сталъ снова обуваться, взглядъ мой нечаянно упалъ на каблукъ моего сапога. Вы помните, что я вамъ рассказывалъ на счетъ маленькой отвертки?

— Еще бы не помнить!—отвѣчалъ Томъ, до крайности заинтересованный.

— Ну, такъ вотъ, когда взглядъ мой случайно упалъ на каблукъ, у меня вдругъ блеснула мысль, что я знаю, гдѣ искать брилліанты! Вгляните на этотъ каблукъ. Видите, снизу онъ покрытъ стальной пластинкой, которая привинчена маленькими винтиками. Значить, у Бода Диксона не было нигдѣ винтиковъ за исключеніемъ его каблуковъ и, значить, я легко могъ догадаться теперь, для чего ему понадобилась отвертка.

— Гекъ, ну, развѣ это не ловкая штука!—воскликнулъ Томъ.

— Ну, вотъ, я надѣлъ опять сапоги и мы тихонько спустились въ каюту, положили бумагу съ сахаромъ на прежнее мѣсто, а сами осторожно сѣли и стали слушать, какъ хра-

пить Бодъ Диксонъ. Гель Клейтонъ очень скоро задремаль, но я и не думаль спать; я все время старался разглядѣть украдкой изъ-подъ широкихъ полей своей шляпы не валяется ли гдѣ нибудь на полу кусокъ кожи, вырѣзанный изъ средины каблука. Наконецъ, мнѣ удалось найти его, а вскорѣ послѣ того и другую такую же вырѣзку изъ втораго каблука, и я подумаль про себя. теперь я знаю, гдѣ лежать брилліанты!

Подумайте только о хитрости и хладнокровіи этого бездѣльника! Онъ придумаль этотъ планъ, рассчитавъ заранѣе, какъ мы должны поступить, и мы все исполнили по его плану, точно два дурака. Онъ украдкой отвинтилъ пластинки отъ своихъ каблуковъ, выдолбилъ ихъ въ серединѣ, положилъ туда брилліанты и снова завинтилъ пластинки. Онъ зналь, что мы украдемъ подложный свертокъ и будемъ ждать его всю ночь на палубѣ, чтобы утопить его, когда онъ кинется къ намъ и, клянусь Богомъ, мы утопили бы его! Я нахожу, что это была чертовски ловкая штука.

— О, еще бы!—сказаль Томъ въ восторгѣ.

IV.

Весь слѣдующій день мы провели въ томъ, что слѣдили другъ за другомъ и могу васъ увѣрить, что это очень скучное и тяжелое занятіе. Вечеромъ мы пристали къ одному изъ маленькихъ миссурійскихъ городовъ, поужинали и взяли себѣ маленькую спальню на верху, съ одной койкой и одной двуспальной кроватью. Когда мы поднимались по лѣстницѣ, гуськомъ—впереди хозяинъ таверны, со свѣчей въ рукахъ, позади всѣхъ я—мнѣ удалось незамѣтно задвинуть свою сумку подъ столъ въ прихожей. Мы спросили себѣ виски, сѣли играть въ карты и, какъ только виски начала дѣйствовать на Бода, мы перестали пить, а его все подпайвали. Наконецъ, мы до того его нагрузили, что онъ свалился со стула и захрапѣль.

Теперь надо было приниматься за дѣло. Я сказаль Гелю, что намъ лучше снять сапоги, чтобы безъ всякаго шума двигаться по комнатамъ и затѣмъ хорошенько обыскать Бода. Такъ мы и сдѣлали. Я поставилъ свои сапоги возлѣ сапогъ Бода, чтобы не слутать ихъ. Тогда мы раздѣли Бода, обыскали его

карманы, носки, внутренность сапогъ, каждую складку его одежды, развязали даже узелъ съ его вещами. Бриллиантовъ нигдѣ не было. Намъ попалась отвертка и Гель сказалъ: «Какъ ты думаешь, зачѣмъ она ему понадобилась»? Я отвѣчалъ, что не знаю, но какъ только онъ отвернулся, я спряталъ отвертку въ карманъ. Наконецъ, Гель пришелъ въ уныніе и сказалъ, что лучше намъ оставить это дѣло. Я только того и ждалъ.

— Есть одно мѣсто,—говорю я ему, — котораго мы еще не обыскивали.

— Какое это мѣсто?—спросилъ онъ.

— Его желудокъ.

— Чортъ возьми, я и не подумалъ объ этомъ! Но какъ же намъ поступить теперь?

— А вотъ какъ,—говорю я,—посиди возлѣ него, пока я навѣдаюсь въ одно мѣстечко, гдѣ надѣюсь отыскать брилліанты.

Онъ вполне одобрилъ это и все время смотрѣлъ на меня, пока я быстро надѣвалъ сапоги Бода вмѣсто своихъ, чего онъ совсѣмъ не замѣтилъ. Они были только чуть-чуть велики мнѣ, но это гораздо лучше, чѣмъ еслибы они были малы. Я ощупью нашелъ свою сумку, когда пробирался въ темнотѣ черезъ прихожую, а черезъ минуту я былъ уже на дорогѣ и быстро шелъ впередъ.

И я чувствовалъ себя очень недурно, зная, что въ каблукѣхъ у меня скрыты драгоценности. Минуть черезъ пятнадцать, я сказалъ себѣ: теперь меня отдѣляетъ отъ нихъ цѣлая миля и все кругомъ спокойно. Прошло еще пять минутъ и я сказалъ себѣ: теперь меня отдѣляетъ отъ нихъ гораздо болѣе мили, но позади меня остался человѣкъ, который теперь начинаетъ чувствовать нѣкоторое безпокойство. Еще пять минутъ и я говорю себѣ: онъ очень встревоженъ теперь; онъ безпокойно ходитъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Еще пять минутъ и я говорю себѣ: позади меня осталось двѣ съ половиной мили, теперь онъ *ужасно* встревоженъ, онъ начинаетъ догадываться. Послѣ сорока минутъ я сказалъ себѣ: теперь онъ уже *знаетъ*, что дѣло неладно! Черезъ пятьдесятъ я сказалъ: теперь онъ уже знаетъ почти все. Онъ думаетъ, что я нашелъ брилліанты въ то время, какъ мы обыскивали Бода и прикарманилъ ихъ. Теперь онъ кинулся въ погоню за мной. Онъ станетъ отыскивать свѣжіе слѣды на пыльной дорогѣ, но

они могутъ его повести вверхъ по теченію рѣки точно также, какъ и внизъ.

Въ эту минуту я увидѣлъ человѣка, ѣхавшаго ко мнѣ навстрѣчу, верхомъ на мулѣ и я, не подумавъ хорошенько, нырнулъ въ кустарникъ. Всадникъ, поравнявшись со мной, остановился и сталъ поджидать меня, но, не дождавшись, поѣхалъ далѣе. Это былъ глупый поступокъ съ моей стороны. Я возбудилъ подозрѣніе въ этомъ человѣкѣ тѣмъ, что спрятался, а вѣдь онъ могъ встрѣтить Геля Клейтона.

На разсвѣтѣ я добрался до Александріи, гдѣ стоялъ этотъ пароходъ и очень обрадовался, потому что теперь я былъ въ полной безопасности. День только что начинался. Я взобрался на пароходъ и занялъ эту каюту. Съ нетерпѣніемъ сталъ я ждать отплытія парохода, но онъ все стоялъ, потому что, къ несчастію, въ немъ испортилась какая-то машина и необходимо было ее исправить.

Короче сказать, пароходъ не тронулся съ мѣста раньше полудня, и еще задолго до завтрака я замкнулся въ своей каютѣ, потому что увидалъ вдали человѣка, который шелъ къ пристани и былъ такъ похожъ на Геля Клейтона, что я испугался. Я сказалъ себѣ: если только онъ узнаетъ, что я на пароходѣ, онъ прихлопнетъ меня здѣсь, какъ мышъ въ западнѣ. Онъ станетъ слѣдить за мной и ждать — ждать, пока я сойду на берегъ, воображая, что онъ отъ меня за тысячу миль, и тогда онъ выслѣдитъ меня, найдетъ въ какомъ нибудь укромномъ мѣстечкѣ, отниметъ у меня брилліанты и потомъ... О, я знаю, что онъ сдѣлаетъ потомъ! Это ужасно, ужасно! А теперь еще и *другой* тоже оказался на пароходѣ. Ахъ, это очень тяжело, мальчики, очень тяжело! Но вы поможете мнѣ спастись, не правда ли? О, мальчики! пожалѣйте несчастнаго, котораго преслѣдуютъ затѣмъ, чтобы убить, спасите меня, и я готовъ буду цѣловать землю, по которой вы прошли!

Мы начали его успокаивать и сказали ему, что готовы употребить всѣ средства, чтобы спасти его, и что ему незачѣмъ такъ бояться. Понемногу онъ успокоился, развинулъ свои каблуки, вынулъ брилліанты и сталъ поворачивать ихъ во всѣ стороны, любуясь ими. И, дѣйствительно, они были прекрасны, когда свѣтъ падалъ на нихъ: они горѣли, переливались, изъ нихъ сыпались искры, вырывались цѣлые снопы

лучей. Но я все же думалъ, что онъ большой дуракъ. Будь я на его мѣстѣ, я отдалъ бы брилліанты этимъ бездѣльникамъ, чтобы избавиться отъ нихъ и покончить все это дѣло. Но онъ былъ совсѣмъ инаго мнѣнія на этотъ счетъ. Для него брилліанты представляли цѣлое состояніе и онъ ни за что не согласился бы отдать ихъ.

Пароходъ, за это время, останавливался два раза и во второй разъ довольно долго простоялъ вечеромъ; но такъ какъ было недостаточно темно, то Джеку не рѣшился прыгнуть въ воду, боясь, что его замѣтятъ. Наконецъ, третья остановка произошла при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Мы пристали къ берегу у лѣснаго двора, миль на сорокъ выше того мѣста, гдѣ была ферма дяди Сайльса; былъ второй часъ ночи, темнота сгущалась и въ воздухѣ чувствовалась гроза. Скоро сталъ накрапывать дождь, подулъ сильный вѣтеръ. Джеку удалось незамѣтно соскочить съ парохода, замѣшавшись въ толпу матросовъ. Увидѣвъ, какъ онъ мелькнулъ при свѣтѣ факела и тотчасъ скрылся въ темнотѣ, мы вздохнули съ облегченіемъ. Но радость наша была непродолжительна. Вѣроятно, преслѣдователи Джека узнали какъ нибудь объ его исчезновеніи, потому что не прошло и десяти минутъ, какъ два какихъ-то человѣка стремглавъ кинулись съ парохода, выбрались на берегъ и тоже исчезли въ темнотѣ. Мы ожидали до самаго разсвѣта, что они вернуться, но они не вернулись. Это ужасно поразило и опечалило насъ. Оставалось только, что они не найдутъ въ темнотѣ слѣдовъ Джека и онъ успеетъ благополучно добраться до фермы своего брата.

Онъ собирался идти дорогой по берегу рѣки и просилъ насъ, когда мы придемъ къ дядѣ Сайльсу, узнать, дома ли его братья Брессъ и Юпитеръ, и нѣтъ ли у нихъ кого изъ постороннихъ людей. Онъ будетъ ждать насъ при закатѣ солнца, у небольшой группы сикоморъ, позади табачнаго поля дяди Сайльса, въ очень уединенномъ мѣстѣ, куда мы и придемъ украдкой, чтобы сообщить ему свои свѣдѣнія.

Мы долго сидѣли и разговаривали, стараясь рѣшить, удастся ли спастись Джеку; Томъ сказалъ, что если его преслѣдователи пойдутъ вверхъ по рѣкѣ, а не внизъ, то онъ въ безопасности, но это едва ли возможно, такъ какъ они, вѣ-

роятно, знаютъ откуда онъ родомъ, и попадутъ на вѣрный слѣдъ. Скорѣе можно предполагать, что они будутъ цѣлый день выслѣживать ничего не подозрѣвающаго Джека, а затѣмъ, съ наступленіемъ темноты, убьютъ его и снимутъ съ него сапоги. Все это сильно опечалило насъ.

V.

Лишь къ вечеру остановился пароходъ у пристани и такъ какъ солнце уже закатывалось, то мы прямо отправились скорымъ шагомъ на условленное мѣсто, близъ группы сикоморъ, чтобы объяснить Джеку, что мы не успѣли еще побывать дома, и что если онъ подождетъ насъ подъ сикоморами, то мы черезъ нѣкоторое время придемъ къ нему опять и сообщимъ всѣ необходимыя для него свѣдѣнія. Уже начинало темнѣть, когда мы повернули мимо лѣса и, задыхаясь отъ быстрого бѣга, направились къ сикоморамъ, до которыхъ оставалось еще ярдовъ тридцать; въ эту самую минуту мы увидѣли, какъ двое людей кинулись въ чащу сикоморъ и оттуда послышались раздирающіе вопли о помощи. «Бѣдный Джекъ вѣроятно, убитъ!»—сказали мы. Насъ охватилъ такой ужасъ, что мы, не помня себя, кинулись бѣжать на табачное поле, и спрятались тамъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ. Едва мы успѣли спрятаться, какъ мимо насъ пробѣжали еще двое людей и скрылись подъ сикоморами, а черезъ секунду оттуда выскочили всѣ четверо и побѣжали по дорогѣ—двое убійцъ впереди, а за ними въ догонку двое преслѣдователей.

Мы продолжали лежать на землѣ, еле дыша отъ страха, и прислушивались, не раздастся ли еще крикъ, но ничего не слышали, кромѣ біенія нашихъ сердець. Мы думали о томъ, кто лежитъ теперь неподвижный и страшный, тамъ подъ сикоморами, и при этой мысли холодъ пробѣгалъ у меня по спинѣ. Между тѣмъ луна поднялась съ небосклона за группою темныхъ деревьевъ, огромная, круглая, яркая, и стала смотрѣть на насъ съвозъ вѣтви сикоморъ, точно человѣческое лицо, выглядывающее изъ-за рѣшетки тюрьмы; а на землѣ, облитой луннымъ блескомъ, сгустились черныя тѣни, и все вокругъ было такъ ужасно спокойно, такъ тихо, такъ похоже

на мрачное кладбище, что страх невольно проникалъ въ сердце. Вдруг Томъ прошепталъ:

— Смотри! Что это такое?

— Не пугай меня, Томъ! — сказала я ему. — Ну разве можно такъ внезапно пугать человѣка? Я и безъ того почти готовъ умереть отъ страха.

— Смотри, говорю тебѣ! *Что-то* выходитъ изъ-подъ сикоморъ.

— Охъ, замолчи, Томъ!

— *Оно* ужасно высокое!

— О, Боже, Боже!..

— Тихе! *оно* идетъ сюда.

Онъ былъ такъ возбужденъ, что у него не хватало голоса, чтобы говорить. Мнѣ оставалось только посмотреть. Это было неизбѣжно. И вотъ мы оба, стоя на колѣняхъ и затаивъ дыханіе, стали смотрѣть черезъ плетень. *Оно* приближалось, двигаясь по дорогѣ, подъ тѣнью деревьевъ, такъ что нельзя было ясно разглядѣть его. Наконецъ, уже совсѣмъ приблизившись къ намъ, *оно* вдругъ выступило на яркій лунный свѣтъ и мы чуть не умерли отъ страха—это было привидѣніе Джека Дунлапа. Мы оба сказали это себѣ тотчасъ же. Нѣсколько минутъ мы не смѣли пошевелиться; привидѣніе медленно прошло мимо насъ и скрылось. Мы немного опомнились и стали перешептываться. Томъ сказалъ:

— *Они* по большей части бываютъ, неясныя, дымныя, точно сдѣланныя изъ тумана, а *это* было не такое.

— Да,—подтвердилъ я,—совсѣмъ не туманное. Я очень ясно разглядѣлъ и синія очки, и бакенбарды.

— И цвѣтъ его одежды — клѣтчатыя брюки, зеленыя съ чернымъ...

— Жилетъ изъ шерстянаго бархата, огненно-красный съ желтымъ...

— Кожаныя штрипки и одна изъ нихъ виситъ неза-стегнутая...

— И эта шляпа...

— Дѣйствительно, странная шляпа для привидѣнія!

Дѣло въ томъ, что шляпы такого фасона тогда только что входили въ моду — черныя, съ узкими полями и очень вы-

сокой тулей, сѣуженной и закругленной къ верхушкѣ—точь въ точь сахарная голова.

— А ты не замѣтилъ, Гекъ, волосы у *нею* остались такіе же, какъ прежде?

— Не замѣтилъ. Что-то ничего не помню насчетъ волосъ.

— Я, тоже; но у *нею* была сумка, это ужь я хорошо замѣтилъ.

— Да, и я тоже видѣлъ сумку. А какъ ты думаешь, Томъ, бывають сумки-привидѣнія?

— Вотъ вопросъ! Ну, Гекъ Финнъ, на твоёмъ мѣстѣ я не былъ бы такъ невѣжественъ. Развѣ ты не знаешь, что всѣ вещи, составляющія собственность привидѣнія, тоже принимаютъ призрачную форму. У привидѣній бывають всякія вещи и платье, точно также какъ и у живыхъ людей. Вѣдь ты видѣлъ, что на *нею* было платье, значитъ, оно тоже сдѣлалось призрачнымъ. Почему не могло случиться того же и съ сумкой?

Эти замѣчанія были основательны. Противъ нихъ ничего нельзя было возразить. Въ это время, на дорогѣ показался Билль Уитерсъ и его братъ Джо. Они разговаривали и мы слышали, какъ Джо сказалъ:

— Какъ ты думаешь, что онъ такое тащилъ?

— Не знаю; только вѣрно что нибудь очень тяжелое.

— Да, видно что тяжелое. Я думаю, что это негръ укралъ мѣшокъ хлѣба у стараго пастора Сайльса.

— Я то же самое подумалъ и сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю.

Они оба засмѣялись и прошли мимо, такъ что мы уже не могли слышать ихъ разговора. Но ихъ слова ясно доказывали, насколько старый дядя Сайльсъ былъ теперь не популяренъ. Еслибы негръ укралъ хлѣбъ у кого нибудь другаго, они не оставили бы этого безнаказаннымъ.

Мы опять услышали говоръ приближающихся голосовъ, который становился все громче и громче, и по временамъ прерывался смѣхомъ. Это были Лемъ Бибъ и Джимъ Ленъ. Джимъ Ленъ спрашивалъ у Лема Биба:

— Кто? Юпитеръ Дунлапъ?

— Да.

— Не знаю. Можетъ быть, и такъ. Я видѣлъ, какъ онъ

копаль землю вмѣстѣ съ пасторомъ, часъ тому назадъ, передъ солнечнымъ закатомъ. Онъ сказалъ, что сегодня никуда не пойдетъ, и что мы можемъ взять его собаку, если намъ нужно.

— Слишкомъ утомился, я думаю.

— Еще бы не утомиться отъ такой работы!

Они захохотали и пошли далѣе. Томъ сказалъ, что намъ лучше всего идти слѣдомъ за ними, потому что они направляются въ ту же сторону, да и не особенно пріятно идти однимъ, когда вы рискуете встрѣтить привидѣніе. Такъ мы и сдѣлали и благополучно добрались до дома.

Это было вечеромъ, втораго сентября—въ субботу. Я никогда не забуду этого вечера. Вы скоро узнаете почему.

VI.

Мы шли все время за Джимомъ и Лемомъ, пока не достигли плетня, гдѣ стояла хижина стараго негра Джима. Собаки кинулись къ намъ съ радостнымъ лаемъ и окружили насъ; въ домѣ свѣтился огонь; намъ нечего было теперь бояться. Оставалось только войти во дворъ, но Томъ сказалъ:

— Стой! посидимъ здѣсь минутку.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— А вотъ сейчасъ узнаемъ!—отвѣчалъ онъ.—Ты, конечно, думаешь, Гекъ, что мы первые расскажемъ сейчасъ дядѣ и теткѣ о томъ, кто лежитъ тамъ убитый подъ сикоморами, и какіе злодѣи убили его, и какъ они стащили съ убитаго бриллианты, однимъ словомъ, расскажемъ все, чтобы намъ досталась слава, какъ людямъ, которые прежде всѣхъ узнали объ этомъ дѣлѣ, и могутъ рассказать о немъ гораздо болѣе, чѣмъ кто бы то ни было.

— Ну, конечно. И, разумѣется, ты, Томъ, взялся бы рассказывать, потому что никто лучше тебя не сумѣетъ сдѣлать этого.

— Хорошо, Гекъ,—отвѣчалъ Томъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ,—а что ты скажешь, если я объявлю тебѣ, что вовсе не намѣренъ ничего рассказывать?

Я былъ пораженъ, услышавъ это, и отвѣчалъ:

— Скажу, что ты шутишь. Ты не можешь говорить этого серьезно, Томъ Соуэръ.

— Вотъ увидишь. Такъ было ли привидѣніе съ босыми ногами, или въ сапогахъ?

— Въ сапогахъ! Но что жь изъ этого слѣдуетъ?

Погоди—ты скоро увидишь, что изъ этого слѣдуетъ. Такъ оно было въ сапогахъ?

— Да. Я видѣлъ это совершенно ясно.

— Клянешься?

— Да, клянусь.

— И я клянусь. Знаешь ли ты, что это доказываетъ?

— Нѣтъ. Что можетъ это доказывать?

— Это доказываетъ, что убійцы *не взяли брилліантовъ!*

— Чортъ возьми! почему ты это думаешь?

— Я не только думаю, но знаю это. Развѣ мы не видѣли на привидѣніи синихъ очковъ, клѣтчатыхъ брюкъ, бакенбардъ и даже сумки у *него* въ рукахъ? И если на немъ были его сапоги, это доказываетъ, что они не были сняты съ него убійцами, или я не знаю послѣ этого, что такое называется доказательствами.

Только подумайте, что за голова была у этого мальчика! Вѣдь у меня тоже были и глаза, и соображеніе, но мнѣ никогда не приходили въ голову подобныя мысли. У Тома Соуэра была особенная натура. Когда Томъ взглянетъ на какуюнибудь вещь, она точно живая начинаетъ ему рассказывать обо всемъ, какъ по писаному. Я никогда не видалъ такой головы, какъ у этого мальчика.

— Томъ Соуэръ,—сказалъ я ему,—много разъ уже говорилъ я тебѣ и опять повторю тѣ же слова: Господь Всемогушій создалъ насъ всѣхъ; Его святая воля была — сдѣлать однихъ слѣпыми, а другимъ дать такіе глаза, что они видятъ все съ перваго взгляда. Но довольно объ этомъ. Я вижу теперь ясно, что убійцы не взяли брилліантовъ. Почему они ихъ не взяли, какъ ты думаешь?

— Потому что они не успѣли снять сапогъ: за ними погнались двое людей, которые услышали крики и прибѣжали на помощь.

— Ну, конечно, такъ. Теперь я понимаю. Но, слушай, Томъ, почему же намъ не рассказать объ этомъ?

— Ахъ, безтолковый Гекъ Финнъ, неужели ты не понимаешь? Слушай, я расскажу тебѣ впередъ, какъ будетъ идти все это. Утромъ начнется слѣдствіе. Тѣ два свидѣтеля покажутъ, что, услышавъ крики, они бросились на помощь, но не успѣли спасти убитаго. Судьи будутъ судить и обсуждать дѣло и, наконецъ, произнесутъ вердиктъ, что убитому нанесена смертельная рана какимъ либо тупымъ или рѣжущимъ орудіемъ, а чьей рукой она нанесена,—это неизвѣстно. Послѣ этого, убитаго схоронятъ, а его вещи продадутъ съ аукціона, чтобы покрыть издержки на похороны и вотъ тутъ-то представится для насъ *удобный* случай.

— Какой случай, Томъ?

— Купить сапоги за два доллара!

У меня просто захватило дыханіе.

— Клянусь Богомъ, Томъ. Да вѣдь намъ тогда достанутся брилліанты!

— Это ужъ навѣрно. За нихъ, конечно, будетъ предложена большая награда — можетъ быть, цѣлая тысяча долларовъ. Это наши деньги! Такъ помни же, мы не знаемъ никакого убійства, никакихъ брилліантовъ, никакихъ убійць — не забывай этого.

Я тихонько вздохнулъ, видя, что онъ поставилъ вопросъ на такую точку. По моему, выгоднѣе было бы продать брилліанты — да, сэръ, продать — за двѣнадцать тысячъ долларовъ, чѣмъ ждать награды въ одну тысячу долларовъ. Но я не сказалъ ничего. Мои слова не произвели бы никакого дѣйствія.

— А что ты отвѣтишь тетѣ Салли, Томъ, если она спроситъ, почему мы такъ запоздали? — спросилъ я.

— О, я предоставляю это тебѣ, — отвѣчалъ онъ. — Ты сумѣешь какънибудь выпутаться.

Онъ всегда былъ такой правдивый и деликатный, и, если приходилось лгать, онъ предоставлялъ это мнѣ.

Мы перешли черезъ большой дворъ, съ радостью замѣчая то здѣсь, то тамъ какойнибудь знакомый предметъ, а когда вступили въ длинный, крытый проходъ, отдѣляющій двухъэтажный корпусъ дома отъ кухонной части, то оказалось, что по стѣнамъ висѣли тѣ же самыя вещи на прежнихъ мѣстахъ, включая даже старое, выцвѣтшее, рабочее платье дяди Сайльса изъ зеленой байки, съ капюшономъ и бѣлой заплатой между

плечами, которая всегда имѣла такой видъ, какъ будто кто нибудь пустилъ дядѣ Сайльсу въ спину большимъ комкомъ снѣга. Тетя Салли была занята домашней стряпней, дѣти столпились въ одномъ углу; а старый Сальсъ въ другомъ — читалъ вечернюю молитву. Тетя Салли бросилась къ намъ, плача отъ радости, и стала обнимать, и цѣловать, и угощать легкими затрещинами, а потомъ снова переходила къ поцѣлуямъ, и просто не знала, что дѣлать отъ радости. Наконецъ, она спросила:

— Гдѣ же вы до сихъ поръ пропадали, бездѣльники? Я такъ безпокоилась о васъ, просто не знала, что и думать. Раза четыре подогрѣвала ужинъ, чтобы онъ былъ горячій къ вашему приходу, и, наконецъ, мое терпѣніе лопнуло, я готова была одуть васъ, какъ только вы явитесь. Вы, должно быть, съ голоду умираете, бѣдняжки! Садитесь же, садитесь, не теряйте времени.

Пріятно было сѣсть за столъ и приняться за горячія свиныя котлеты и свѣжій черный хлѣбъ. Старый дядя Сайльсъ тоже сѣлъ за столъ, покончивъ молитву и призвавъ на головы всѣхъ домочадцевъ небесное благословеніе, а я тѣмъ временемъ старался придумать, чѣмъ бы объяснить нашъ поздній приходъ. Когда наши тарелки были наполнены и мы принялись за ѣду, тетя Салли повторила свой вопросъ.

— Видите ли... мис... миссисъ... — началъ я, запинаясь.

— Гекъ Финнъ! Съ какихъ это поръ я стала для тебя миссисъ? Жалѣла ли я когда нибудь для тебя тумаконъ и поцѣлуевъ съ той минуты, когда ты впервые стоялъ въ этой комнатѣ, а я приняла тебя за Тома Соуэра и благословляла Создателя, за то, что онъ послалъ тебя мнѣ, хотя ты успѣлъ тогда солгать мнѣ четыре тысячи разъ, а я всему вѣрила, какъ дура? Зови меня тѣтей Салли, какъ ты всегда дѣлалъ.

Я исполнилъ ея желаніе и затѣмъ продолжалъ:

— Ну, такъ вотъ мы съ Томомъ рѣшили пройтись пѣшкомъ, подышать чистымъ воздухомъ лѣсовъ, и дорогой повстрѣчали Лема Биба и Джима Лена. А тѣ пригласили насъ идти съ ними — собирать ежевику сегодня и сказали, что возьмутъ собаку у Юпитера Дунлапа, такъ какъ онъ сказалъ имъ, всего минуту назадъ...

— Гдѣ они могли видѣть его? — прервалъ меня старый

Сайльс, и когда я взглянул на него, удивленный тѣмъ, что онъ выказалъ недоувѣріе по поводу такихъ пустяковъ, я замѣтилъ, что онъ былъ сильно взволнованъ. Его вопросъ немногo сбиль меня съ толку, но я оправился и отвѣчалъ ему:

— Они видѣли его, когда онъ копалъ землю вмѣстѣ съ вами, незадолго до заката солнца.

Онъ сказалъ только: «гмъ!» съ нѣсколько разочарованнымъ видомъ и не сдѣлалъ болѣе никакихъ замѣчаній. Я продолжалъ:

— Ну, такъ вотъ, какъ я уже говорилъ вамъ...

— Довольно, можешь не продолжать!—перебила меня тетя Салли. Она смотрѣла мнѣ прямо въ глаза и пылала негодованіемъ.—Гекъ Финъ,—заговорила она съ угрозой,—какимъ это образомъ люди собираются идти за ежевикой въ *сентябрь*?

Я увидѣлъ, что промахнулся, и молчалъ, не зная, что сказать. Она подождала отвѣта, все еще продолжая смотрѣть на меня, и тогда заговорила снова:

— И какимъ это образомъ пришла имъ въ голову идиотская мысль отправиться за ежевикой вечеромъ?

— Видите ли, миссисъ, они... сказали... что возьмутъ фонарь, и...

— О, замолчи же, наконецъ! Отвѣчай мнѣ: зачѣмъ имъ нужна была собака? Охотиться за ежевикой, что ли?

— Я думаю, миссисъ, что они...

— Ну, Томъ Соуэръ, послушаемъ теперь, какую ложь придумалъ ты, въ дополненіе къ его вранью! Говори—и предупреждаю тебя заранѣе, что я не повѣрю ни одному слову. Ты и Гекъ Финъ навѣрное были тамъ, гдѣ васъ вовсе не спрашивали, я въ этомъ увѣрена; я хорошо знаю васъ обоихъ. Теперь объясни мнѣ всю эту чушь насчетъ собаки, ежевики и фонаря, да смотри не увертывайся—слышишь?

Томъ, сильно уязвленный, отвѣчалъ ей съ важностью:

— Очень жаль, что Геку пришлось выслушать столько оскорбленій изъ-за пустой ошибки, которую всякій могъ сдѣлать.

— Какую же онъ сдѣлалъ ошибку?

— Да только ту, что сказалъ: ежевика, когда надо было сказать: земляника.

— Томъ Соуэръ, если ты будешь продолжать бѣсить меня, то даю тебѣ слово, что я...

— Тетя Салли, вы жестоко заблуждаетесь, конечно, не подозрѣвая этого. Еслибы вы изучили, какъ слѣдуетъ, естественную исторію, вы знали бы, что во всей вселенной, за исключеніемъ только Аркенсю, *всегда* охотятся за земляникой съ собакой.. и фонаремъ..

Но тутъ тетя Салли точно обезумѣла. Она накинулась на Тома съ такой яростью, что слова не выходили у нея изъ горла отдѣльно, а вылетали залпомъ, какъ выстрѣлы. Тому этого только и нужно было. Онъ довелъ ее до вспышки, а затѣмъ спокойно предоставилъ ея гнѣву сгорѣть и утихнуть. И когда гнѣвъ тети Салли проходилъ, ей было такъ тяжело вспоминать о своей вспышкѣ, что она не хотѣла уже слышать объ этомъ ни слова. Такъ случилось и теперь. Когда она успокоилась и оправилась, Томъ заговорилъ совершенно невозмутимо:

— И все таки тетя Салли, я повторяю...

— Замолчи!—крикнула она.—Я не хочу тебя слушать.

Такимъ образомъ, вопросъ этотъ былъ поконченъ и мы избавились отъ всякихъ объясненій. Томъ устроилъ это дѣло мастерски.

VII.

Бенни казалась нѣсколько задумчивой и по временамъ вздыхала; но вскорѣ она стала спрашивать насъ про Мери, Сиду и тетю Полли. Тетя Салли тоже повеселѣла и въ свою очередь обратилась къ намъ съ вопросами, постепенно успокоиваясь и становясь по прежнему доброй и ласковой, такъ что ужинъ закончился весело и пріятно. Но старый дядя Сайльсъ не принималъ участія въ разговорѣ; онъ казался встревоженнымъ; его мысли были чѣмъ-то заняты. Онъ часто вздыхалъ, и сердце надрывалось при видѣ его грустнаго, встревоженнаго лица.

Вскорѣ послѣ ужина пришелъ негръ, постучалъ въ дверь, просунулъ голову къ намъ въ комнату и, держа въ рукѣ свою старую соломенную шляпу, сталъ неловко кланяться и топтаться на мѣстѣ; наконецъ, онъ объявилъ, что его послалъ

сюда мастеръ Брэсъ за своимъ братомъ, котораго онъ все время поджидалъ къ ужину, и что онъ спрашиваетъ у мастера Сайльса, не знаетъ ли онъ, гдѣ его братъ? Никогда не слыхаль я у дяди Сайльса такого рѣзкаго и суроваго тона, какимъ онъ отвѣтилъ негру:

— Развѣ я сторожъ, приставленный къ его брату, чтобы смотрѣть за нимъ?—И тутъ ему какъ будто сдѣлалось стыдно за свой рѣзкій тонъ и онъ добавилъ гораздо мягче, какъ будто сожалѣя, что сказалъ эти слова: — Не обижайтесь на меня, Билли; я раздражаюсь безъ всякой причины; мнѣ нездоровится эти дни и вы должны меня извинить. Скажите вашему мастеру Брэсу, что его брата нѣтъ здѣсь.

Когда негръ ушелъ, дядя Сайльсъ всталъ съ мѣста и началъ тревожно ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, что-то шепча и бормоча про себя. Право, жаль было смотрѣть на него. Тетя Салли шопотомъ сказала намъ не обращать на него вниманія, потому что это его смущаетъ. Она прибавила, что съ тѣхъ поръ какъ начались всѣ эти неприятности, онъ все задумывается да задумывается, и она увѣрена, что въ тѣ минуты, когда на него находитъ эта задумчивость, онъ не вполне сознаетъ, чтó онъ дѣлаетъ или говоритъ; онъ чаще прежняго встаетъ теперь ночью во снѣ и ходитъ по всему дому, а иногда выходитъ даже на дворъ и въ такое время не надо его будить или останавливать. Она прибавила еще, что только одна Бенни умѣла съ нимъ обращаться. Бенни знала, когда надо подойти къ нему и успокоить его и когда надо оставить его одного.

Онъ продолжалъ такимъ образомъ ходить по комнатѣ и бормотать, пока, наконецъ, совсѣмъ утомился. Тогда Бенни подошла къ отцу, нѣжно прильнула къ нему, взяла его за руку, а другой рукой обняла его за талию и стала ходить съ нимъ вмѣстѣ; онъ улыбнулся ей и, наклонившись, поцѣловаль ее; такъ, мало по малу, тревога исчезла съ его лица, и Бенни проводила его въ спальню. Они были такъ нѣжны другъ съ другомъ, что пріятно было смотрѣть на нихъ.

Тетя Салли принялась укладывать дѣтей спать; это была долгая и скучная исторія, а потому мы съ Томомъ сдѣлали маленькую прогулку при лунномъ свѣтѣ—отправились на огородъ, выбрали спѣлый арбузъ и съѣли его, бесѣдуя все время

о томъ, что занимало наши мысли. Томъ высказаль предположеніе, что во всѣхъ этихъ ссорахъ виновать Юпитеръ, и что онъ, Томъ, при первомъ же случаѣ, постарается убѣдиться въ этомъ; если окажется, что его предположеніе справедливо, тогда онъ заставитъ дядю Сайльса прогнать Юпитера.

Такимъ образомъ, мы бесѣдовали, курили и угощались арбузомъ часа два, такъ что, когда мы вернулись домой, тамъ было уже темно и всѣ спали.

Томъ всегда замѣчалъ каждую мелочь; такъ и теперь онъ замѣтилъ, что стараго зеленаго платья дяди Сайльса нѣтъ на вѣшалкѣ, а когда мы выходили изъ дома, оно висѣло здѣсь. Мы оба нашли это страннымъ, а затѣмъ пошли въ свою комнату и улеглись спать. Мы слышали, какъ Бенни ходила по своей комнатѣ, которая была какъ разъ возлѣ нашей, и заключили изъ этого, что она очень тревожилась о своемъ отцѣ, такъ что даже не могла спать. Намъ тоже не спалось. Мы стали курить и разговаривать шопотомъ, чувствуя тоску и уныніе. Убіиство и привидѣніе Джека, явившееся намъ при лунномъ свѣтѣ, были темой нашего разговора и нами овладѣлъ такой страхъ, что мы совсѣмъ не могли уснуть.

Наконецъ, уже передъ разсвѣтомъ, Томъ толкнулъ меня и сказалъ мнѣ шопотомъ посмотрѣть въ окно; когда я посмотрѣлъ, то увидѣлъ человѣка, который бродилъ по двору, точно самъ не зная, что ему нужно, но было еще настолько темно, что мы не могли разсмотрѣть его. Вдругъ онъ направился къ плетню и, когда сталъ перелѣзать черезъ него, лунный свѣтъ озарилъ фигуру этого человѣка и мы увидѣли, что на плечѣ онъ несетъ заступъ, а на спинѣ его стараго рабочаго платья бѣлѣетъ заплата.

— Онъ ходитъ во снѣ,—сказаль Томъ.—Какъ жаль, что нельзя пойти за нимъ и посмотрѣть, куда онъ идетъ. Вотъ онъ повернулъ къ табачному полю. Теперь его не видно. Ужасно жаль, что бѣдняга не знаетъ покоя даже во снѣ.

Мы долго ждали, но онъ не вернулся или, можетъ быть, вернулся другой дорогой, такъ что мы не замѣтили его. Наконецъ, измученные, мы уснули и все время намъ снились ужасные кошмары. Едва настало утро, какъ мы уже проснулись, потому что началась страшная гроза, гремѣлъ громъ,

сверкала молнія; вѣтеръ гнулъ деревья до земли, повсюду струились и шумѣли дождевые потоки.

— Послушай, Гекъ,—началь Томъ,—я скажу тебѣ одну вещь, которая кажется мнѣ чрезвычайно странной. До сихъ поръ еще никто не знаетъ про убійство Джека Дунлапа. Тѣ двое людей, которые гнались за Гелемъ Клейтономъ и Бодомъ Диксономъ, могли въ полчаса распространить это извѣстіе по всему округу отъ одной фермы до другой. Клянусь Богомъ, такія исторіи случаются не каждый день. Гекъ, это ужасно странно, что никто еще ничего не знаетъ; я не понимаю этого.

Томъ съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать, когда прекратится дождь, чтобы можно было выйти изъ дому и узнать, не слышно ли чего нибудь про убійство. Онъ сказалъ мнѣ, что если мы встрѣтимъ людей, которые сообщать намъ, что Джекъ найденъ убитымъ подъ сикоморами,—мы должны притвориться, что очень испуганы и поражены этимъ.

Какъ только дождь прекратился, мы вышли изъ дому. Уже насталъ день и мы, идя по дорогѣ, встрѣчали то одного, то другаго изъ сосѣдей, съ каждымъ изъ нихъ останавливались побесѣдовать, рассказывали о томъ, когда мы пріѣхали, и какъ поживаетъ дядя Сайльсъ, и сколько времени мы думаемъ прогостить у него, но никто изъ нихъ не говорилъ намъ ни слова про убійство. Это начинало казаться непонятнымъ. Томъ сказалъ, что еслибы мы пошли подъ сикоморы, то навѣрное оказалось бы, что убитый лежитъ тамъ одинъ-одинешенекъ и кругомъ нѣтъ ни души. Затѣмъ онъ высказалъ предположеніе, что тѣ двое людей загнали убійца такъ далеко въ глубину лѣса, что злодѣи воспользовались случаемъ и убили своихъ преслѣдователей, такъ что теперь некому и сообщить про убійство.

Разговаривая такимъ образомъ, мы, сами того не замѣчая, очутились передъ сикоморами. Я похолодѣлъ отъ ужаса и не могъ сдѣлать ни шагу далѣе, не смотря на всѣ уговоры Тома. Но Томъ не могъ удержаться; ему необходимо было видѣть, надѣты ли сапоги на убитомъ. Осторожно проползъ онъ подъ деревья, но не прошло и минуты, какъ онъ вернулся назадъ съ вытаращенными отъ изумленія глазами и прошепталъ:

— Гекъ, онъ исчезъ!

Я былъ ошеломленъ.

— Не можетъ быть, Томъ!—сказалъ я.

— Онъ исчезъ, это несомнѣнно. Нигдѣ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ. Если здѣсь была кровь, ее смыло дождемъ, и остались только лужи грязной воды.

Наконецъ, и я рѣшился войти подъ сикоморы; Томъ оказался правъ—нигдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ трупа.

— Да, онъ исчезъ,—сказалъ я, — и брилліанты тоже исчезли. Какъ ты полагаешь, Томъ, не вернулись ли *ты* сюда, чтобы унести его?

— Похоже на это. Весьма возможно. Только гдѣ они его спрятали, какъ ты думаешь, Гекъ?

— Не знаю,—отвѣчала я съ отвращеніемъ,—и не желаю знать. Во всякомъ случаѣ, они заплучили сапоги; меня только это и интересуеетъ. Что же касается Джека, онъ можетъ оставаться тамъ, гдѣ его положили, я не стану его искать.

Напротивъ, Тому было интересно знать, куда дѣвался трупъ Джека; но онъ сказалъ, что намъ слѣдуетъ молчать и ждать, и что въ скоромъ времени или собаки, или кто нибудь изъ сосѣдей найдутъ убитаго.

Мы вернулись домой къ завтраку, очень разстроенные, огорченные и недовольные. Никогда еще я не былъ въ такомъ печальномъ настроеніи.

VIII.

Завтракъ прошелъ не особенно весело. Тетя Салли казалась старой, измученной, и позволяла дѣтямъ шалить за столомъ, не обращая на нихъ вниманія, чего съ ней прежде не бывало; мнѣ и Тому было не до разговоровъ, такъ какъ надо было о многомъ подумать. Бенни имѣла такой видъ, какъ будто не спала всю ночь, и каждый разъ, когда она поднимала голову, чтобы украдкой взглянуть на отца, въ глазахъ ея стояли слезы; что же касается стараго Сайльса, его тарелка оставалась нетронутой, а онъ все думалъ и думалъ, ничего не замѣчая и не обмѣниваясь съ нами ни однимъ словомъ.

Когда молчаніе сдѣлалось особенно тягостнымъ, въ дверь опять просунулась голова вчерашняго негра и онъ сказалъ,

что его мастеръ Брэсъ начинаетъ сильно беспокоиться насчетъ мастера Юпитера, который еще не вернулся домой, и мастеръ Брэсъ спрашиваетъ, не будетъ ли мастеръ Сайльсъ такъ добръ...

Говоря это, онъ смотрѣлъ на дядю Сайльса, но тутъ вдругъ остановился, какъ будто слова застряли у него въ горлѣ, потому что дядя Сайльсъ поднялся съ мѣста, трясаясь всѣмъ тѣломъ и, опершись одной рукой на столъ, другой рукой сталъ хвататься за горло, задыхаясь, захлебываясь; наконецъ, съ трудомъ и останавливаясь послѣ каждаго слова, онъ произнесъ:

— Развѣ онъ... онъ... думаетъ... Скажите ему... скажите ему...—Тутъ онъ упалъ въ кресло, ослабѣвшій, измученный, и прошепталъ еле слышно:—Уходите... уходите!..

Негръ, испуганный и растерянный, удалился, а мы всѣ почувствовали—не знаю, что именно мы почувствовали, но намъ было ужасно тяжело смотрѣть на этого старика, который сидѣлъ въ креслѣ, еле дыша и уставившись въ пространство неподвижнымъ взглядомъ. Никто изъ насъ не рѣшался его тревожить; только Бенни тихонько подошла къ нему, нѣжно прижала къ себѣ его старую, сѣдую голову и, между тѣмъ какъ слезы струились по ея щекамъ, она стала гладить рукой его волосы, сдѣлавъ намъ знакъ, чтобы мы ушли, и мы вышли изъ комнаты такъ тихо, какъ будто тамъ лежалъ покойникъ.

Грустные отправились мы съ Томомъ бродить по лѣсу, невольно вспоминая, какъ весело жилось намъ здѣсь прошлымъ лѣтомъ, когда всѣ были такъ счастливы и спокойны, а сосѣди относились почтительно къ дядѣ Сайльсу и самъ дядя Сайльсъ былъ такой веселый, простодушный добрякъ,—а теперь-то взгляните на него! Если онъ еще несовсѣмъ потерялъ рассудокъ, то этого недолго ждать. Таково было наше мнѣнiе.

День былъ чудесный, яркій, солнечный; чѣмъ далѣе уходили мы, приближаясь къ преріи, тѣмъ роскошнѣе казались деревья и цвѣты, такъ что казалось страннымъ и неестественнымъ, что въ такомъ прекрасномъ мiрѣ могутъ существовать заботы и огорченія. Вдругъ я увидаль нѣчто, отчего у меня волосы поднялись дыбомъ на головѣ, а все внутри похолодѣло и я судорожно схватилъ Тома за руку.

— Оно тамъ!—прошепталъ я. Мы спрятались въ кусты, дрожа отъ страха, и Томъ сказалъ:

— Тихе!—не говори громко.

Оно, то есть привидѣнiе, задумчиво сидѣло на бревнѣ, у лѣсной опушки. Я сталъ уговаривать Тома уйти, но онъ не согласился, а мнѣ было страшно уйти одному. Томъ сказалъ, что едва ли намъ удастся еще разъ видѣть такъ близко привидѣнiе, и что онъ хочетъ насмотрѣться досыта, даже еслибы ему пришлось умереть за это. Я тоже смотрѣлъ на привидѣнiе, хотя морозъ пробѣгалъ у меня по спинѣ. Томъ дѣлалъ шопотомъ различныя замѣчанiя по поводу своихъ наблюденiй:

— Бѣдный Джекъ!—говорилъ онъ, — оно переодѣлось именно такъ, какъ хотѣлъ Джекъ. Теперь мы можемъ узнать остались ли у него длинные волосы. Нѣтъ, они коротко острижены, точь въ точь, какъ хотѣлъ Джекъ. Гекъ, я никогда не видалъ привидѣнiя, болѣе натурального и болѣе похожаго на живое существо.

— Я тоже,—отвѣчалъ я.—Мнѣ кажется, я тотчасъ же узналъ бы его, еслибъ встрѣтилъ на улицѣ.

— И я узналъ бы. Ну, право, оно кажется такимъ же крѣпкимъ и здоровымъ, какъ былъ Джекъ тамъ, на парохдѣ.

Мы продолжали смотрѣть. Вдругъ Томъ сказалъ:

— Знаешь ли, Гекъ, меня смущаетъ одно странное обстоятельство: вѣдь привидѣнiя не могутъ являться днемъ.

— Твоя правда, Томъ,—я никогда не слыхалъ, чтобы являлись дневныя привидѣнiя.

— Да, сэръ, они являются только ночью и не ранѣе полуночи. Даю тебѣ слово, что это очень странное привидѣнiе. Оно не имѣетъ никакого права расхаживать здѣсь среди бѣла дня. И какой у него натуральный видъ! Джекъ говорилъ, что будетъ притворяться глухимъ и нѣмымъ, чтобы сосѣди не узнали его по голосу. Какъ ты думаешь, что сдѣлаетъ это привидѣнiе, если мы закричимъ ему?

— Ради бога, Томъ, не говори такихъ ужасовъ! Если ты закричишь ему, я умру на мѣстѣ.

— Не пугайся, я не буду кричать. Смотри-ка Гекъ, оно почесываетъ себѣ голову, видишь?

— Вижу, — что жь изъ этого?

— А вотъ что: съ какой стати привидѣнію почесывать себѣ голову? Его голова сдѣлана изъ тумана и ничего не чувствуетъ. Нельзя почесывать туманъ; всякій дуракъ это знаетъ.

— Хорошо, если его голова ничего не чувствуетъ, зачѣмъ же онъ ее скребетъ? Можетъ быть, къ нему перешла эта привычка отъ Джека. Какъ ты думаешь?

— Нѣтъ, сэръ, я вовсе этого не думаю. И, сказать правду, мнѣ сильно не нравятся манеры этого привидѣнія. Кромѣ того, если оно, дѣйствительно... Гекъ!

— Ну, что тамъ еще?

— *Сквозь него нельзя видѣть, оно не прозрачно!*

— Совершенно вѣрно, Томъ! Оно не болѣе прозрачно, чѣмъ корова. Я начинаю думать...

— Гекъ, оно откусило кусокъ бетеля и начинаетъ его жевать! Клянусь Богомъ, это ужъ слишкомъ странно! Они никогда не жуютъ—невозможно вообразить себѣ привидѣніе, которое жуетъ чтонибудь. Гекъ!

— Я слушаю.

— Это вовсе не привидѣніе. Это Джекъ Дунлапъ, своей собственной персоной!

— Охъ, батюшки мои!—воскликнулъ я невольно.

— Гекъ Финнъ, нашли мы какойнибудь трупъ подъ сикоморами?

— Нѣтъ.

— Или какойнибудь признакъ, что тамъ лежало тѣло убитаго человѣка?

— Нѣтъ.

— Для этого была очень основательная причина — тамъ никогда не было никакого трупа.

— Но, Томъ, вѣдь мы же слышали...

— Да, мы слышали крики. Развѣ это доказываетъ, что ктонибудь былъ убитъ? Въсепе нѣтъ. Мы видѣли, какъ два человѣка гнались за двумя другими людьми, а потомъ этотъ малый вышелъ изъ-подъ сикоморъ и мы приняли его за привидѣніе. Онъ столько же похожъ на привидѣніе, какъ ты. Это былъ Джекъ Дунлапъ своей собственной персоной и онъ остается Джекомъ Дунлапомъ до сихъ поръ. Онъ обстригъ

себѣ волосы, именно такъ, какъ говорилъ, и притворяется теперь нѣмымъ и глухимъ, точь въ точь какъ собирался это сдѣлать тогда. Привидѣніе! Онъ привидѣніе? Ничего подсобнаго!

Тутъ я понялъ все и догадался, что мы приняли за привидѣніе живаго человѣка. И я, и Томъ страшно обрадовались, что Джекъ не убитъ, только не могли рѣшить, будетъ ли для него пріятнѣе, чтобы мы его узнали, или не узнали. Томъ сказалъ, что самое лучшее—подойти къ нему и спросить. Онъ тотчасъ же направился къ Джеку, а я держался нѣсколько позади, потому что вѣдь могло оказаться, что это вовсе не Джекъ, а дѣйствительно привидѣніе. Подойдя къ Джеку, или его привидѣнію, Томъ сказалъ:

— Мы съ Геккомъ очень рады видѣть васъ опять и вы можете быть увѣрены, что мы ничего не разболтаемъ. Если же вы хотите, чтобы мы дѣлали видъ, будто вовсе не знаемъ васъ, то скажите только слово и вы убѣдитесь, что на насъ можно положиться; мы скорѣе позволимъ отрѣзать себѣ руки, чѣмъ подвергнемъ васъ хоть малѣйшей опасности.

Сначала, при видѣ насъ, онъ казался удивленнымъ и не особенно довольнымъ; но мало по малу, пока Томъ говорилъ, лицо Джека прояснялось, а когда Томъ кончилъ, Джекъ улыбнулся, кивнулъ нѣсколько разъ головой, сталъ дѣлать намъ какіе-то знаки руками и замычалъ, какъ мычатъ нѣмые.

Тутъ мы увидѣли, что по дорогѣ идутъ нѣсколько человѣкъ рабочихъ съ фермы Стива Никерсона, который жилъ по ту сторону преріи, и Томъ сказалъ:

— Вы замѣчательно играете свою роль; я никогда не видалъ подобнаго искусства. Вы правы: вамъ необходимо притворяться и передъ нами, чтобы скорѣе пріобрѣсти навыкъ и какъ нибудь не проговориться. Мы будемъ держаться подале и дѣлать видъ, что не знаемъ васъ, но если вамъ понадобится наша помощь, дайте намъ знать.

Послѣ этого мы пошли по дорогѣ, навстрѣчу работникамъ Никерсона, которые тотчасъ же стали спрашивать насъ, какой это незнакомецъ разговаривалъ съ нами, откуда онъ пришелъ, какъ его зовутъ, какой онъ религіи и каковы его политическія убѣжденія—короче сказать, предложили намъ тѣ вопросы, которые всегда предлагаютъ люди при видѣ ка-

когонибудь новаго лица. Но Томъ сказалъ, что этотъ человекъ глухо-нѣмой, и что знаки, которые онъ дѣлаетъ руками, и его мычаніе совершенно непонятны. Мы остановились, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ работники Никерсона объясняться съ Джекомъ, потому что мы очень тревожились за него, и Томъ сказалъ, что пройдетъ много дней, прежде чѣмъ Джекъ научится не забывать, что онъ глухонѣмой. Убѣдившись послѣ нѣсколькихъ минутъ наблюденія, что Джекъ играетъ свою роль хорошо, мы пошли далѣе и рѣшили посѣтить школу, которая была въ трехъ миляхъ разстоянія.

Я былъ сильно разочарованъ тѣмъ, что Джекъ не рассказывалъ намъ о томъ, что случилось съ нимъ подъ сикоморами, и какимъ образомъ онъ избавился отъ смерти; Томъ былъ разочарованъ не менѣе моего, но говорилъ, что еслибы намъ пришлось быть на мѣстѣ Джека, мы, вѣроятно, дѣйствовали бы точно также скрытно и осторожно.

Школьники и школьницы были очень рады видѣть насъ и мы вволю наговорились съ ними, такъ какъ въ это время у нихъ былъ перерывъ между занятіями. Мальчики Гендерсона, по дорогѣ въ школу, видѣли глухонѣмаго и рассказали объ этомъ остальнымъ, такъ что всѣ школьники только и говорили объ этомъ, и каждому ужасно хотѣлось посмотрѣть глухонѣмаго, потому что никто изъ нихъ никогда не видалъ глухонѣмыхъ.

Томъ сказалъ мнѣ, что при такихъ условіяхъ очень тяжело молчать; онъ говорилъ, что мы сдѣлались бы героями, еслибы могли рассказать все, что знали; но въ концѣ концовъ молчаніе—еще болѣе героическій поступокъ; изъ цѣлаго милліона мальчиковъ, едва ли найдутся двое способныхъ на это. Такъ думалъ Томъ Соуэръ насчетъ этого предмета и я полагаю, что онъ былъ правъ.

IX.

Черезъ нѣсколько дней глухонѣмой сдѣлался необыкновенно популяренъ. Онъ рассказывалъ отъ одной фермы къ другой, и всѣ сосѣди очень гордились знакомствомъ съ такой интересной личностью. Они приглашали его то къ завтраку, то къ обѣду, то къ ужину; они кормили его до отвала, и ни-

когда не уставали таращить на него глаза, удивляться ему, спрашивать о немъ всякія подробности—до такой степени казался онъ имъ необыкновеннымъ и таинственнымъ. Его мимическіе знаки не были никому понятны и, вѣроятно, онъ самъ не понималъ ихъ, но продолжалъ добросовѣстно играть свою роль, и все окрестное населеніе съ удовольствіемъ смотрѣло на него и слушало, какъ онъ издавалъ отрывистые звуки, похожіе на мычаніе. Онъ носилъ повсюду грифельную доску и грифель; ему писали на доскѣ вопросы, а онъ писалъ отвѣты, но его каракули могъ разобрать только одинъ Брэсъ Дунлапъ. Брэсъ говорилъ, что и онъ несовсѣмъ ясно разбиралъ написанное, но почти всегда угадывалъ смыслъ. Такимъ образомъ, черезъ Брэса мы узнали, что глухонѣмой былъ родомъ съ далекой стороны, что прежде онъ былъ богатъ, но разорился, благодаря мошенничеству людей, которымъ довѣрялъ, и теперь не имѣетъ никакихъ средствъ къ жизни.

Всѣ хвалили Брэса Дунлапа за то, что онъ пріютилъ бѣднаго глухонѣмага. Онъ позволилъ ему жить въ маленькой бревенчатой избушкѣ, куда присылалъ ему съ неграми все необходимое. Глухонѣмой бывалъ нерѣдко и у насъ въ домѣ, потому что дядя Сайльсъ такъ упалъ духомъ въ это время и былъ такъ печаленъ, что всякое другое существо, пораженное душевнымъ или тѣлеснымъ недугомъ, возбуждало его состраданіе. Я и Томъ не подавали и виду, что знаемъ глухонѣмага; онъ тоже скрывалъ это. При немъ говорили обо всѣхъ домашнихъ дѣлахъ, вполне увѣренные въ его глухотѣ, и мы съ Томомъ думали, что нѣтъ никакой бѣды въ томъ, если онъ будетъ знать, чтò говорится въ семьѣ дяди Сайльса.

Прошло нѣсколько дней, и всѣ начали тревожиться насчетъ Юпитера Дунлапа. Всѣ спрашивали другъ у друга, какъ объяснить его исчезновеніе. Никто не могъ объяснить; всѣ покачивали головами и говорили, что въ этомъ было что-то очень странное. Еще и еще прошелъ день, и стала распространяться молва, что Юпитеръ убитъ. Вотъ когда началось волненіе! Всѣ языки только и болтали, что объ этомъ. Въ субботу двое людей отправились въ лѣсъ, надѣясь найти гдѣ нибудь останки убитаго. Мы съ Томомъ также заразились всеобщимъ возбужденіемъ. Томъ былъ такъ взволнованъ, что не могъ ни ѣсть, ни спать. Это было славное, веселое время.

Томъ говорилъ, что еслибы намъ удалось найти трупъ, то мы прославились бы гораздо болѣе, чѣмъ даже еслибы мы утонули. Всеобщее возбужденіе скоро утихло и всѣ успокоились, но не такъ было съ Томомъ Соуэромъ; спокойствіе было не въ его стилѣ. Въ субботу онъ всю ночь не смыкалъ глазъ, пытаясь изобрѣсти какой нибудь планъ, и къ разсвѣту планъ былъ готовъ. Страшно возбужденный, онъ стащилъ меня съ постели и сказалъ:

— Скорѣе одѣвайся, Гекъ—я придумалъ! Ищейка!

Черезъ двѣ минуты мы уже шли въ темнотѣ по берегу рѣчки, направляясь къ деревнѣ. У стараго Шеффа Гукера была ищейка и Томъ хотѣлъ попросить у него собаку. Я и говорю Тому:

— Томъ, слѣдовъ теперъ уже не найти, и, кромѣ того, вѣдь ты знаешь, что ихъ смыло дождемъ.

— Это все равно, Гекъ. Если только тѣло скрыто гдѣ нибудь въ лѣсу, ищейка найдетъ его. Если онъ убитъ и зарытъ въ землю, его не могли зарыть очень глубоко, и какъ только собака подойдетъ къ этому мѣсту, она сейчасъ же найдетъ его чутьемъ. Гекъ, мы прославимся, это также вѣрно, какъ то, что ты родился на свѣтѣ!

Онъ увлекался и его увлеченіе росло съ каждой минутой. Такъ всегда бывало съ Томомъ. Онъ уже высчиталъ по секундамъ, когда именно найдетъ трупъ и не только трупъ,— онъ выслѣдитъ убійцу и поймаетъ его; мало того — онъ не отстанетъ отъ убійцы до тѣхъ поръ, пока...

— Отлично!—прервалъ я его,—но сперва найди трупъ; я полагаю, что и этого будетъ довольно на сегодня, потому что, насколько намъ извѣстно, никакого трупа не существуетъ и никто не былъ убитъ. Этотъ малый просто могъ уйти куда нибудь и совсѣмъ не быть убитымъ.

Томъ отвѣчалъ мнѣ съ досадой:

— Гекъ Финнъ, я никогда еще не встрѣчалъ человѣка, который умѣлъ бы такъ все портить и отравлять, какъ ты. Если ты считаешь какой нибудь случай безнадежнымъ, ты не хочешь оставить надежды никому другому. Ради чего ты выливаешь цѣлый ушатъ холодной воды на меня и на этотъ трупъ и проводишь эгоистическую теорію, что никакого убійства не было? Твои слова не имѣютъ никакого смысла. Я

просто не понимаю, какъ ты можешь говорить это. Никогда не могъ бы я относиться къ тебѣ такъ не по дружески, и ты самъ это знаешь. Намъ представляется счастливый случай сдѣлать себѣ имя и...

— Полно, Томъ,—прервалъ я его,—мнѣ очень жаль, что я такъ сказалъ и я беру свои слова назадъ. У меня не было никакой задней мысли. Ты можешь устроить это дѣло какъ хочешь. Трупъ не составляетъ для меня никакой важности. Если онъ убитъ, я также радъ этому, какъ ты, а если онъ...

— Я никогда не говорилъ, что я радъ; я только...

— Хорошо, я также опечаленъ этимъ, какъ ты. Короче сказать, я вполнѣ придерживаюсь твоего мнѣнія.

Но Томъ уже забылъ, о чемъ мы говорили, и шелъ впередь, задумавшись. Понемногу онъ опять начиналъ волноваться и вскорѣ сказалъ:

— Гекъ, это будетъ замѣчательно ловкая штука, если мы найдемъ тѣло, послѣ того какъ уже всѣ потеряли надежду найти его, и если потомъ намъ удастся поймать и убійцу. Это будетъ не только честью для насъ, но и для дяди Сайльса, потому что мы вѣдь родня ему. Это возстановитъ его репутацію; вотъ увидишь, что такъ.

Но старый Джеффъ Гукеръ сильно охладилъ Тома, когда мы пришли къ нему въ кузницу и сказали, что намъ надо.

— Можете взять собаку, — отвѣчалъ онъ, — только тѣла вамъ не найти, потому что никакого тѣла тамъ нѣтъ. Всѣ уже бросили искать и они совершенно правы. Когда они поразмыслили хорошенько, то оказалось, что никакого тѣла нѣтъ. И я скажу вамъ почему. Ради чего одинъ человѣкъ убиваетъ другаго? Томъ Соуэръ,—отвѣчай мнѣ на этотъ вопросъ.

— Ради того... что...

— Отвѣчай! Вѣдь ты не дуракъ. Ну, для чего же онъ его убиваетъ?

— Иногда изъ мести, иногда...

— Стой. Обсудимъ первый отвѣтъ. Изъ мести, говоришь ты; правда, это бываетъ. Теперь скажи мнѣ, кто и за что сталъ бы мстить этому бѣдному малому? Кому надо было убивать этого безвреднаго кролика?

Томъ былъ ошеломленъ. Я думаю, ему никогда не прихо-

*

дило въ голову раньше ставить вопросъ такимъ образомъ, и теперь онъ увидѣлъ, что, дѣйствительно, никто не имѣлъ причины убивать такую смиренную овцу, какъ этотъ Юпитеръ Дунлапъ. Кузнецъ, между тѣмъ, продолжалъ:

— Предположеніе о мести, какъ видишь, не выдерживаетъ критики. Ну, что же еще? Грабежъ? И многимъ же пришлось бы отъ него поживиться, Томъ! Пожалуй, какому нибудь грабителю вздумалось воспользоваться пряжками съ его помощью и онъ...

Но эта идея показалась Джеффу такой забавной, что онъ сталъ покатываться со смѣху, и хохоталъ до того, что чуть не умеръ отъ смѣха, а Томъ казался такимъ разстроеннымъ и пристыженнымъ, что я былъ увѣренъ, онъ сожалѣлъ о томъ, что пришелъ къ кузнецу и рассказалъ ему, зачѣмъ понадобилась собака. А старый Гукеръ все не унимался. Онъ продолжалъ дѣлать шуточные намеки на людей, которые не имѣютъ никакой причины убивать другъ друга, и принимался опять заливаться смѣхомъ, какъ только вспоминалъ мертвое тѣло, которое собираются отыскивать съ ищейкой иные люди. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Еслибы у васъ былъ какой нибудь смыслъ въ головѣ, вы поняли бы, что этотъ лѣнтяй просто захотѣлъ попраздничать и отправился куда нибудь пошататься. Черезъ нѣсколько недѣль онъ вернется сюда и что-то вы скажете тогда, ребята? Но, Господь съ вами! берите собаку и отправляйтесь охотиться за его останками. Счастливой дороги, Томъ!

Тутъ съ нимъ сдѣлался новый припадокъ смѣха. Послѣ этого Томъ уже не могъ отказаться и сказалъ кузнецу:

— Отлично! спустите собаку съ цѣпи.

Джеффъ спустил собаку и мы пошли домой, оставивъ старика смѣяться.

Это была прелестная собака. Ни у одной породы собакъ нѣтъ такого веселаго нрава, какимъ обладаютъ ищейки, а собака Джеффа, кромѣ того, знала насъ и любила. Она прыгала вокругъ насъ, радостно визжала и всячески выражала свой восторгъ по поводу неожиданно полученной свободы. Но Томъ былъ такъ разстроены, что не обращалъ вниманія на собаку, и говорилъ, что ему надо было дважды подумать, прежде чѣмъ рѣшиться на такое глупое предпріятіе. Онъ былъ

увѣренъ, что старшій Джеффъ Гукеръ расскажетъ всѣмъ, и тогда конца не будетъ насмѣшкамъ.

Такимъ образомъ, пробирались мы домой мимо изгородей, въ довольно мрачномъ настроеніи, и ни о чемъ не разговаривали. Когда мы проходили черезъ дальній конецъ нашего табачнаго поля, мы услышали, что собака, бѣжавшая впереди насъ, издала протяжный вой, и поспѣшили къ тому мѣсту. Собака изо всѣхъ силъ скребла землю передними лапами и по временамъ, закидывая голову, снова принималась выть.

Мѣсто, на которомъ собака скребла землю, представляло собою продолговатую насыпь, въ родѣ могилы; отъ дождя земля осѣла и подъ ней обрисовывалось что-то похожее на человѣческую фигуру. Мы остановились, пораженные, и молча взглянули другъ на друга. Когда собака разрыла землю всего на нѣсколько дюймовъ, она ухватилась за *что-то* зубами и это *что-то* оказалось человѣческой рукой. У Тома захватило дыханіе.

— Пойдемъ, Гекъ,—сказалъ онъ,—тѣло найдено.

Я охотно послѣдовалъ за нимъ. Мы вышли на дорогу и, встрѣтивши нѣсколькихъ человѣкъ, сообщили имъ о своей находкѣ. Они взяли изъ сосѣдняго амбара лопату и откопали тѣло. Лицо сдѣлалось неузнаваемо, но въ этомъ и не было надобности. Каждый, при взглядѣ на трупъ, говорилъ:

— Бѣдный Юпитеръ! Это его платье—все до послѣдней тряпки.

Многіе изъ присутствовавшихъ побѣжали сообщить новость сосѣдямъ и шерифу, а мы съ Томомъ отправились домой. Томъ весь горѣлъ отъ нетерпѣнія и задыхался, когда мы вошли въ комнату, гдѣ сидѣлъ дядя Сайльсъ, вмѣстѣ съ тетей Салли и Бенни. Томъ сейчасъ же началъ:

— Мы съ Гекомъ, при помощи собаки, одни нашли тѣло Юпитера Дунлапа, когда уже всѣ перестали искать его и еслибы не мы, тѣло *никогда* не было бы найдено. Онъ былъ дѣйствительно *убитъ* — дубиной или чѣмъ нибудь въ родѣ этого; а теперь я собираюсь найти также и убійцу, и готовъ биться объ закладъ, что найду его!

Тетя Салли и Бенни вскочили, блѣдныя и испуганныя,

а дядя Сайльсъ повалился съ кресла прямо на полъ и про-
стоналъ:

— О, Боже мой, ты уже нашель его!

X.

Эти ужасныя слова привели насъ въ столбнякъ. По край-
ней мѣрѣ, съ полминуты мы не могли пошевелить ни рукой,
ни ногой. Потомъ мы пришли въ себя, подняли стараго
Сайльса, усадили его въ кресло, и Бенни стала его ласкать
и цѣловать, чтобы какъ нибудь успокоить, а бѣдная, старая
тетя Салли, тоже пыталась его утѣшить; но бѣдняжки были
такъ испуганы, что совсѣмъ потеряли голову и не знали, что
дѣлать. На Тома все это произвело самое ужасное дѣйстви-
е; онъ былъ уничтоженъ сознаниемъ, что подвергъ дядю Сайльса
ужаснѣйшей опасности, даже погубилъ его, и что этого, мо-
жетъ быть, никогда бы не случилось, еслибы онъ не былъ
такъ честолюбивъ и не гонялся такъ за славой, а оставилъ
несчастный трупъ въ покоѣ, какъ сдѣлали другіе. Но скоро
онъ оправился и сказалъ дядѣ Сайльсу:

— Дядя Сайльсъ, не надо говорить такихъ словъ. Они
опасны и въ нихъ нѣтъ ни капли правды.

Тетя Салли и Бенни были благодарны Тому за его слова
и высказали ему это; но старикъ только печально и безна-
дежно качалъ головой, и слезы струились по его лицу.

— Нѣтъ — я сдѣлалъ это. Бѣдный Юпитеръ! Я сдѣ-
лалъ, — повторялъ онъ.

Страшно было слушать, когда онъ говорилъ это. Потомъ
онъ сталъ рассказывать все подробно; это случилось въ тотъ
самый день, когда пріѣхали мы съ Томомъ — такъ, передъ сол-
нечнымъ закатомъ. Юпитеръ до такой степени раздражилъ
его, что онъ просто обезумѣлъ отъ гнѣва и, схвативъ палку,
изо всѣхъ силъ ударилъ Юпитера по головѣ; Юпитеръ пова-
лился на землю. Тогда онъ очень испугался и сталъ жалѣть
Юпитера; онъ сталъ возлѣ него на колѣни, поднималъ его го-
лову и умолялъ его сказать хоть одно слово, что онъ не
умеръ. Скоро Юпитеръ пришелъ въ себя, но когда онъ уви-
дѣлъ, кто поддерживаетъ его голову, онъ такъ страшно испу-
гался, что вскочилъ съ мѣста, перепрыгнулъ черезъ ограду

и скрылся въ лѣсу. Тутъ у дяди Сайльса явилась надежда, что Юпитеръ не очень сильно раненъ.

Но, увы!—продолжалъ онъ,—только страхъ придалъ ему силы на нѣсколько времени; вскорѣ онъ, вѣроятно, ослабѣлъ, упалъ гдѣ нибудь въ лѣсу и умеръ тамъ, безпомощный.

Тутъ бѣдный старикъ началъ плакать и сокрушаться. Онъ называлъ себя убійцей, говорилъ, что на немъ лежитъ печать Каина, что онъ опозорилъ свою семью, и что, когда его преступленіе сдѣлается извѣстнымъ, его повѣсятъ.

— Нѣтъ, вы никакого преступленія не сдѣлали,—сказалъ Томъ. — Вы не убивали его. Одинъ ударъ палкой не могъ убить его. Онъ убить кѣмъ нибудь другимъ.

— Нѣтъ! — повторилъ дядя Сайльсъ,—я убилъ его—я и никто другой. Кто другой имѣлъ что нибудь противъ него? Кто другой *могъ* имѣть что нибудь?

И онъ смотрѣлъ на насъ, какъ будто надѣясь, что мы упомянемъ кого нибудь, кто чувствовалъ вражду къ Юпитеру, но мы, конечно, молчали, не зная, что сказать. Онъ замѣтилъ это и снова поникъ головой; нельзя было смотрѣть безъ жалости на его печальное лицо. Вдругъ у Тома мелькнула новая мысль и онъ сказалъ:

— Пойдите-ка! Кто нибудь долженъ былъ *зарыть* его. Кто же?..

Онъ внезапно умолкъ. Я понялъ причину. Холодная дрожь пробѣжала у меня по тѣлу, какъ только онъ произнесъ эти слова, потому что я вдругъ припомнилъ, какъ дядя Сайльсъ бродилъ въ ту ночь по двору съ лопатой на плечѣ. И я зналъ, что Бенни тоже видѣла его тогда, потому что она какъ-то въ разговорѣ упоминала объ этомъ. Внезапно прервавъ свою рѣчь, Томъ перемѣнилъ разговоръ, сталъ просить дядю Сайльса молчать обо всемъ и сказалъ, что мы тоже будемъ молчать. Томъ прибавилъ, что дядя Сайльсъ *обязанъ* молчать, что онъ не имѣетъ права доносить на себя, и что, если онъ будетъ молчать, никто ничего не узнаетъ, а если же дѣло выдетъ наружу, и если съ нимъ случится какое нибудь несчастье, то все его семейство умретъ съ горя и, слѣдовательно, его признаніе не принесетъ никакой пользы, а только одинъ вредъ. Наконецъ, дядя Сайльсъ обѣщалъ молчать. У всѣхъ насъ немного отлегло отъ сердца и мы стали утѣшать старика. Мы

говорили ему, что отъ него требуется только, чтобы онъ молчалъ, и не пройдетъ много времени, какъ все это дѣло будетъ забыто. Мы говорили, что никто не станетъ подозрѣвать его, что даже и во снѣ этого никому не приснится, потому что онъ такой добрый, такой ласковый человѣкъ, и пользуется такой почтенной репутаціей. Томъ добавилъ горячимъ, задумшевымъ тономъ:

— Только подумайте минуту; взвѣсьте всѣ обстоятельства! Передъ нами дядя Сайльсъ, который былъ здѣсь пасторомъ, исполняя эту обязанность безвозмездно; всѣ эти годы дѣлалъ добро, какъ могъ и какъ умѣлъ, тоже изъ своего кармана; всегда былъ всѣми любимъ и уважаемъ; всегда былъ миролюбивъ, думалъ только объ исполненіи своихъ обязанностей, и былъ самымъ послѣднимъ человѣкомъ въ этомъ округѣ, способнымъ кого нибудь тронуть хоть пальцемъ, и это всѣ знаютъ. Его подозрѣвать? Но это также возможно, какъ...

— Именемъ закона, я арестую васъ за убійство Юпитера Дунлапа!—раздался голосъ шерифа въ дверяхъ.

Это было ужасно. Тетя Салли и Бенни кинулись къ дядѣ Сайльсу, крича и плача, обняли его, повисли у него на шеѣ, и тетя Салли говорила, что не отдастъ его, что они не смѣютъ взять его, а въ дверяхъ столпились негры и тоже плакали... однимъ словомъ, я не могъ болѣе выдержать; этого было достаточно, чтобы надорвать сердце всякому, и я ушелъ.

Его посадили въ маленькую деревенскую тюрьму, куда мы всѣ пошли проститься съ нимъ. Томъ, который никогда не приходилъ въ уныніе, сказалъ мнѣ:

— Гекъ, намъ предстоитъ благородное и смѣлое дѣло,—попытаться въ какую нибудь темную ночь освободить его; объ этомъ всѣ заговорятъ и мы сдѣлаемся знаменитыми.

Но какъ только онъ шепнулъ объ этомъ дядѣ Сайльсу, тотъ разрушилъ его планъ, сказавъ, что не согласится бѣжать. Его долгъ,—говорилъ онъ,—принять наказаніе, которому подвергнетъ его законъ, и онъ останется въ тюрьмѣ до самаго конца. Это сильно разочаровало и огорчило Тома, но приходилось мириться съ обстоятельствами.

Тѣмъ не менѣе, онъ считалъ своимъ долгомъ освободить дядю Сайльса. На прощанье онъ сказалъ тетѣ Салли не унывать, такъ какъ онъ намѣренъ работать надъ этимъ дѣломъ

дни и ночи, и—наконецъ—доказать невинность дяди Сайльса. И тетя Салли съ любовью слушала его, благодарила, сквозь слезы, и говорила, что надѣется на него, и знаетъ, что онъ сдѣлаеть все, что возможно. Тутъ она стала просить насъ помогать Бенни въ заботахъ о домѣ и дѣтяхъ, послѣ чего мы простились, всплакнули еще разъ, и пошли обратно на ферму, а тетя Салли осталась въ тюрьмѣ, гдѣ она помѣстилась у жены тюремнаго сторожа, и должна была прожить тамъ цѣлый мѣсяць, до октября, когда назначенъ былъ разборъ дѣла.

XI.

Тяжелый это былъ мѣсяць для всѣхъ насъ. Бѣдняжка Бенни крѣпилась, сколько могла, и мы съ Томомъ старались поддерживать въ домѣ веселое настроеніе, но вы легко можете догадаться, что эти старанія не вели ни къ чему. И въ тюрьмѣ дѣла шли не лучше. Мы каждый день навѣщали стариковъ и на сердцѣ у насъ дѣлалось еще тяжелѣе, потому что старикъ очень мало спалъ и часто бродилъ во снѣ; видъ у него былъ изнуренный и жалкій, умъ его былъ сильно потрясенъ, и мы всѣ боялись, что огорченія подорвутъ его здорověе и онъ умретъ. Каждый разъ, когда мы просили его смотрѣть веселѣе, онъ только покачивалъ головой и отвѣчалъ, что еслибы мы знали, какъ тяжело носить на своей груди бремя челоуѣкоубійства, мы не просили бы его объ этомъ. Томъ и всѣ мы продолжали увѣрять его, что это вовсе не было убійство, а просто несчастный случай, но слова наши не оказывали никакого дѣйствія; онъ все твердилъ, что это было убійство и не хотѣлъ ничего слушать. И постепенно, когда приближалось время суда, онъ начиналъ даже поговаривать, что это было *преднамеренное* убійство. Ужасно было слушать его. Это желаніе усугублять свою вину дѣлало его положеніе въ пятьдесятъ разъ ужаснѣе прежняго, и мы не знали, какъ утѣшить тетю Салли и Бенни.

Томъ Соуэръ, между тѣмъ, ломалъ голову, стараясь найти какія нибудь средства для спасенія дяди Сайльса. Онъ не спалъ цѣлыя ночи напролетъ и часто не давалъ спать мнѣ, обсуждая вмѣстѣ со мной все это дѣло, но нигдѣ не видѣлъ

спасенія. Что касается меня, то я прямо сказалъ ему, что лучше бросить это дѣло, потому что оно совершенно безнадежно. Томъ, однако, не согласился со мной. Онъ не бросилъ дѣла, но все продолжалъ думать, строить планы и ломать свою голову.

Наконецъ, въ половинѣ октября, насталь день разбора дѣла и мы всѣ явились въ судъ. Судебная зала, конечно, была переполнена публикой. Бѣдный, старый дядя Сайльсъ! онъ былъ похожъ на мертвеца, со своими ввалившимися глазами, и былъ такой исхудалый, убитый горемъ. Бенни сидѣла возлѣ него съ одной стороны, а тетя Салли — съ другой; обѣ, закрыты вуалями и терзаемыя страхомъ мучительной неизвестности. А Томъ сидѣлъ рядомъ съ нашимъ адвокатомъ и, конечно, ничто не могло укрыться отъ его вниманія. И адвокатъ, и судья позволяли ему дѣлать замѣчанія. Иногда онъ почти совершенно бралъ дѣло изъ рукъ адвоката и говорилъ за него, что было вовсе не лишнее, потому что адвокатъ былъ порядочная мямля и не отличался находчивостью.

Свидѣтели приняли присягу, а затѣмъ прокуроръ поднялся съ мѣста и началъ говорить. Онъ сказалъ такую ужасную рѣчь противъ старика, что тотъ все время вздыхалъ и стоналъ, а Бенни и тетя Салли плакали. Онъ описалъ исторію убійства такимъ образомъ, что мы были приведены въ столбнякъ, — до такой степени она была не похожа на рассказъ старика. Онъ говорилъ, что два человѣка *видѣли*, какъ дядя Сайльсъ убивалъ Юпитера Дунлапа, и что, замахнувшись на него дубиной, онъ кричалъ, что убьетъ его; тѣ же свидѣтели видѣли, какъ онъ спряталъ тѣло Юпитера въ кустахъ, и подтверждаютъ, что Юпитеръ былъ тогда мертвъ, какъ камень. Затѣмъ онъ говорилъ, что, когда стемнѣло, дядя Сайльсъ пришелъ и перенесъ тѣло Юпитера на табачное поле и опять два человѣка видѣли, какъ онъ дѣлалъ это. Потомъ онъ говорилъ, что ночью дядя Сайльсъ вышелъ изъ дому и закопалъ Юпитера, и опять одинъ человѣкъ видѣлъ, какъ онъ дѣлалъ это.

Бѣдный, старый дядя Сайльсъ! — подумалъ я, — онъ не рассказаль намъ всего, думая, что никто его не видѣлъ, и не имѣя силъ разбить сердце тети Салли и Бенни правдивымъ рассказомъ о своемъ преступленіи. И онъ былъ правъ; я самъ

рѣшился бы солгать такимъ же образомъ, и такъ поступилъ бы каждый человѣкъ, имѣющій хоть какое нибудь чувство, лишь бы избавить этихъ бѣдняжекъ отъ лишняго горя и униженія, которое они терпѣли не за свою вину. Нашъ адвокатъ казался сильно обезкураженнымъ послѣ рѣчи прокурора; и Томъ былъ не въ духѣ нѣкоторое время, но крѣпился и не подавалъ вида, что онъ разстроены, однако, меня-то онъ не обманулъ: я видѣлъ, что онъ разстроены. А публика—Боже, какъ она тутъ заволновалась! Когда обвинитель кончилъ рѣчь, онъ сѣлъ на мѣсто и началъ вызывать своихъ свидѣтелей. Сперва онъ вызвалъ тѣхъ, которые могли подтвердить, что между дядей Сайльсомъ и Юпитеромъ существовали недружелюбныя отношенія; свидѣтели добавили къ этому, что они слышали, какъ дядя Сайльсъ грозилъ Юпитеру и что вражда между ними становилась все сильнѣе, такъ что всѣ начинали объ этомъ говорить, а покойный сталъ бояться за свою жизнь и говорилъ двумъ или тремъ изъ нихъ, что дядя Сайльсъ непременно убьетъ его когда нибудь. Томъ и нашъ адвокатъ задали имъ нѣсколько вопросовъ; но это не повело ни къ чему,—они упорно стояли на своемъ. Вслѣдъ затѣмъ вызвали Лема Биба и онъ началъ давать показаніе. Тутъ я вспомнилъ, какъ въ тотъ вечеръ Лемъ Бибъ и Джимъ Ленъ шли по дорогѣ и говорили о томъ, что хотѣли попросить собаку или еще что-то у Юпитера Дунлапа; а вслѣдъ за этимъ я вспомнилъ и ежевику, и фонарь, и Билля Уитерса съ его братомъ Джо; вспомнилъ, какъ они, проходя мимо насъ, говорили про негра, который тащилъ на спинѣ мѣшокъ съ хлѣбомъ, украденнымъ у дяди Сайльса; и вспомнилъ, наконецъ, привидѣніе, такъ напугавшее насъ тогда, между тѣмъ какъ теперь это самое привидѣніе сидѣло преспокойно здѣсь на почетномъ мѣстѣ за рѣшеткой, въ качествѣ глухо-нѣмаго иностранца, и очень удобно расположилось въ креслѣ, скрестивъ ноги, между тѣмъ какъ остальная публика столпилась позади, и едва могла дышать отъ тѣсноты. Такимъ образомъ, мнѣ ясно припомнились всѣ происшествія того дня, и я съ грустью подумалъ, какъ тогда все казалось веселымъ и пріятнымъ, а теперь все стало такимъ мрачнымъ и безотраднымъ.

Лемъ Бибъ подъ присягой заявилъ:

— Я шель по дорогѣ въ тотъ день, втораго сентября,

вмѣстѣ съ Джимомъ Леномъ; это было передъ солнечнымъ закатомъ. Вдругъ мы услышали крупный разговоръ, похожій на ссору, который раздавался недалеко, изъ-за кустовъ орѣшника, росшихъ вдоль изгороди; вслѣдъ затѣмъ мы услышали, какъ одинъ голосъ сказалъ: «Я уже говорилъ вамъ, что убью васъ!» и мы тотчасъ узнали, что это голосъ обвиняемаго. Потомъ мы увидѣли, какъ надъ орѣшникомъ поднялась дубина, и снова опустилась, сопровождаемая звукомъ тяжелаго удара и болѣзненными стонами. Тогда мы осторожно приблизились къ тому мѣсту и увидѣли, что Юпитеръ Дунлапъ лежалъ на землѣ мертвый, а надъ нимъ стоялъ обвиняемый съ дубиной въ рукахъ. Послѣ этого онъ перетащилъ трупъ въ кусты и скрылъ его тамъ, а мы тихонько выбрались на дорогу и ушли.

Да, это было ужасно. Кровь леденѣла у слушателей и, пока свидѣтель говорилъ, въ залѣ было такъ тихо, какъ будто она была совершенно пуста. Когда же онъ кончилъ, всѣ перевели дыхание, по всей залѣ пронеслись вздохи; всѣ смотрѣли другъ на друга, какъ бы говоря: «Это ужасно! чудовищно!»

Но тутъ произошло одно обстоятельство, поразившее меня. Все время, когда первые свидѣтели показывали, что между обвиняемымъ и убитымъ существовала вражда и что первый часто грозилъ послѣднему,—все это время Томъ внимательно слѣдилъ за ихъ показаніями и не пропускалъ случая уличить ихъ во лжи. Но теперь — какая перемѣна! Сначала, когда Лемъ только что сталъ давать показанія, ни однимъ словомъ не упоминая о томъ, что онъ говорилъ съ Юпитеромъ и просилъ у него собаку, Томъ былъ еще по прежнему внимателенъ и я видѣлъ, что онъ подвергнетъ Лема пытке перекрестнаго допроса; а вслѣдъ затѣмъ, вѣроятно, придется и мнѣ съ Томомъ давать показанія насчетъ того, какой разговоръ происходилъ между Лемомъ Бибомъ и Джимомъ Леномъ. Но тутъ вдругъ съ Томомъ произошла такая перемѣна, что я почувствовалъ холодную дрожь. Я сразу увидѣлъ, что онъ погрузился въ самую мрачную задумчивость и что его мысли витаютъ гдѣ-то далеко, далеко. Онъ не слушалъ того, что говорилъ Лемъ Бибъ; а когда свидѣтель кончилъ, Томъ все еще находился въ той же мрачной задумчивости. Нашъ адвокатъ легонько подтолкнулъ его, и Томъ вздрогнулъ и сказалъ:

— Примитесь сами за перекрестный допросъ, если хотите. Не мѣшайте мнѣ—я долженъ подумать.

Это поразило меня. Я ничего не могъ понять. А Бенни и ея мать — ахъ!—они казались такими испуганными, такими встревоженными. Они откинули свои вуали, чтобы какънибудь поймать взглядъ Тома, но это имъ не удалось, и я тоже не могъ привлечь его вниманія. Такимъ образомъ, нашъ мямля-адвокатъ началъ перекрестный допросъ и, конечно, изъ этого не вышло никакого толку.

Вызвали Джима Лена и онъ повторилъ показаніе Лема Биба отъ начала до конца. Томъ и этого свидѣтеля совершенно не слушалъ, а сидѣлъ, все думая и думая о чемъ-то, и мысли его были далеко. Опять нашъ адвокатъ принялся за свидѣтеля и опять потерпѣлъ такую же неудачу. Прокуроръ казался очень довольнымъ, но лицо судьи выражало негодованіе. Томъ, видите ли, былъ все равно что настоящій адвокатъ, такъ какъ въ Аркенсю существовалъ законъ, дозволявшій преступнику выбирать кого угодно въ помощники своему адвокату. Дядя Сайльсъ выбралъ Тома, а теперь Томъ губилъ его дѣло своимъ равнодушіемъ и разсѣянностью, и судья, конечно былъ возмущенъ этимъ. Нашъ адвокатъ-мямля только и придумалъ, что спросить у Лема и Джима:

— Почему вы не донесли о томъ, что видѣли?

— Мы боялись впутаться въ эту исторію. Кромѣ того, мы отправились на охоту и пробыли въ отсутствіи цѣлую недѣлю. Когда мы вернулись и узнали, что отыскиваютъ тѣло убитаго, мы пошли къ Брэсу Дунлапу и рассказали ему обо всемъ.

— Когда это было?

— Въ субботу вечеромъ, 9 сентября.

Тутъ судья возвысилъ голосъ и сказалъ:

— Господинъ шерифъ, арестуйте этихъ двухъ свидѣтелей за соучастіе въ убійствѣ.

Прокуроръ вскочилъ съ мѣста и въ волненіи сказалъ:

— Господинъ судья! я протестую противъ этого экстраордина...

— Извольте сѣсть на мѣсто! — отвѣчалъ судья. — Прошу васъ относиться съ почтеніемъ къ суду.

Прокуроръ повиновался. Вызвали Билля Уитерса.

Биль Уитерсъ подъ присягой показаль:

— Въ субботу, 2 сентября, передъ солнечнымъ закатомъ, я проходилъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ Джо мимо поля, принадлежавшаго обвиняемому. Въ это время мы увидѣли чело- вѣка, который несъ что-то тяжелое на спинѣ и подумали, что это негръ, и что онъ несетъ мѣшокъ съ украденнымъ хлѣ- бомъ; присмотрѣвшись, мы разглядѣли, что это одинъ чело- вѣкъ несетъ на спинѣ другаго и, должно быть, пьянаго, по- тому что руки и ноги его висѣли неподвижно. По походкѣ мы узнали, что это пасторъ Сайльсъ, и подумали, что онъ, вѣроятно, подобралъ на дорогѣ пьянаго Сама Купера и не- сетъ домой, такъ какъ мы знали, что пасторъ Сайльсъ всегда старался исправить Сама и отучить его отъ пьянства.

Публика содрогнулась, услышавъ, какъ спокойно несъ бѣдный дядя Сайльсъ тѣло убитаго на свое табачное поле, гдѣ потомъ собака вырыла его изъ земли; на всѣхъ лицахъ выражалось отвращеніе и я слышалъ, какъ кто-то сказалъ:

— Только самый хладнокровный злодѣй можетъ нести та- кимъ образомъ тѣло убитаго человѣка и зарыть его, гдѣ по- пало, какъ собаку. И это сдѣлалъ пасторъ!

Томъ продолжалъ думать, ничего не замѣчая. Опять на- шему адвокату пришлось ловить свидѣтеля на перекрестномъ допросѣ, и опять изъ этого ничего не вышло. Вызвали Джо Уитерса и онъ повторилъ слово въ слово показаніе своего брата Билля. Наконецъ, вызвали Брэса Дунлапа. Онъ казался очень печальнымъ и чуть не плакалъ. Въ залѣ началось дви- женіе, всѣ готовились слушать, женщины шептали: «Бѣдный! бѣдный!» и многія изъ нихъ вытирали себѣ глаза.

Брэсъ Дунлапъ подъ присягой показаль:

— Я уже давно началъ сильно беспокоиться о своемъ бѣдномъ братѣ, но никогда я не предполагалъ, что можетъ случиться такое ужасное несчастье, никогда не думалъ, что чья нибудь рука подыметъ на такое бѣдное, невинное суще- ство (я готовъ побожиться, что Томъ въ эту минуту слегка вздрогнулъ, но потомъ опять сталъ равнодушенъ) тѣмъ болѣе рука пастора—это было бы невозможно,—а потому я и не подозрѣвалъ ничего. Не будь я такъ доврчивъ, мой бѣдный братъ остался бы живъ, а не лежалъ бы тамъ, зарытый въ землѣ,—бѣдная, невинная душа!

Туть онъ какъ будто совсѣмъ потерялъ силы, голосъ у него прервался и онъ замолчалъ. Кругомъ слышался жалостливый шопоть; женщины плакали, а старый дядя Сайльсъ громко простоналъ, бѣдняга. Наконецъ, Брэсъ продолжалъ:

— Въ субботу, 2 сентября, онъ не вернулся домой ужинать. Я немного встревожился и послалъ за нимъ негра на ферму къ обвиняемому; негръ вернулся назадъ и сказалъ, что брата тамъ нѣтъ. Я начиналъ тревожиться все болѣе и болѣе и не находилъ себѣ покоя; я легъ въ постель, но мнѣ не спалось; я всталъ ночью и вышелъ изъ дома. Я дошелъ до самой фермы обвиняемаго и долго ходилъ кругомъ, въ надеждѣ, что встрѣчу гдѣ нибудь своего бѣднаго брата, нимало не подозрѣвая, что всѣ его тревоги кончились навсегда и онъ переселился въ ту страну, откуда...

Туть голосъ его опять прервался и на этотъ разъ почти всѣ женщины плакали. Вскорѣ онъ успокоился и продолжалъ:

— Надежды мои были тщетны и, наконецъ, я ушелъ домой и попробовалъ хоть немного уснуть, но не могъ. Черезъ день или два всѣ стали тревожиться, припоминали, что обвиняемый грозилъ брату и стали поговаривать, что братъ мой убить. Принялись разыскивать его тѣло, осмотрѣли всѣ окрестности, но ничего не нашли и оставили это дѣло. Я же думалъ, что онъ просто ушелъ куда нибудь на время, чтобы отдохнуть отъ всякихъ непрятностей и затѣмъ снова вернуться домой. Но въ субботу вечеромъ, 9-го числа, ко мнѣ въ домъ пришли Лемъ Бибъ и Джимъ Ленъ и рассказали мнѣ все объ этомъ ужасномъ убійствѣ; сердце мое было разбито. Туть я припомнилъ одно обстоятельство, на которое въ то время не обратилъ вниманія, потому что мнѣ еще раньше было извѣстно, что обвиняемый имѣлъ привычку ходить во снѣ и въ такія минуты совершенно не сознавалъ, что дѣлаетъ и гдѣ находится. Теперь я скажу вамъ, какое мнѣ припомнилось обстоятельство. Въ ту ужасную роковую ночь, когда я бродилъ вокругъ фермы обвиняемаго, печальный и встревоженный, я очутился на углу табачнаго поля и туть услышалъ шорохъ, похожій на тотъ шумъ, который происходитъ, когда копаютъ песчаную землю. Я подкрался поближе и, заглянувъ черезъ виноградныя лозы, обвивавшія рѣшетчатую изгородь, увидалъ обвиняемаго, который бралъ землю лопатой

и сыпаль ее въ большую яму, уже почти наполненную до верха; онъ стоялъ ко мнѣ спиной, но луна свѣтила ярко, и я тотчасъ же узналъ его по старому, зеленому байковому платью, съ бѣлой заплатой между плечами, точно кто нибудь бросилъ въ него комкомъ снѣга. *Онъ зарывалъ въ землю чело-вѣка, котораго убилъ!*

Онъ опустился на свое мѣсто, плача и рыдая, и почти всѣ присутствующіе вздыхали, плакали и говорили: «О, это ужасно, ужасно! чудовищно!» Поднялся такой шумъ и волне-ніе, что невозможно было собраться съ мыслями. И среди всей этой суматохи старый дядя Сайльсъ вскакиваетъ съ мѣста бѣлый, какъ полотно, и восклицаетъ:

— *Это все правда, все, до послѣдняго слова—я убилъ его хладнокровно!*

Всѣ были поражены этимъ. Публика вскочила съ мѣста, всѣ шумѣли и волновались, каждый старался пробиться впе-редь, чтобы лучше разглядѣть обвиняемаго; судья стучалъ своимъ молоточкомъ, а шерифъ кричалъ: «къ порядку, гос-пода! къ порядку!»

А старикъ, между тѣмъ, продолжалъ стоять, дрожа всѣмъ тѣломъ; глаза его лихорадочно горѣли и, не обращая внима-нія на жену и дочь, которыя прильнули къ нему, умоляя успокоиться, онъ все твердилъ, что хочетъ очистить свою черную душу отъ грѣха, что долженъ сбросить эту страшную тяжесть, которая давитъ его и которую онъ не въ силахъ выносить болѣе ни одной минуты! И съ неудержимой силой отчаянія онъ началъ свою ужасную исповѣдь; всѣ слушали его, притаивъ дыханіе, не отводя отъ него глазъ—и судья, и присяжные, и адвокаты, и публика, а Бенни и тетя Салли такъ плакали, что сердце у нихъ готово было разорваться. А Томъ, клянусь Богомъ, ни разу не взглянулъ на него! Ни разу—и все продолжалъ смотрѣть куда-то впередъ, и что онъ тамъ видѣлъ, я не знаю.

А рѣчь старика лилась между тѣмъ, неудержимая и бур-ная, какъ огненный потокъ.

— Я убилъ его, я виновень! Но никогда не приходило мнѣ раньше на умъ ударить его или сдѣлать ему какое ни-будь зло; никогда я не задумывалъ этого, вопреки всѣмъ лживымъ показаніямъ, что я будто бы грозилъ ему и только

въ ту минуту, когда подыалъ дубину—только тогда мое сердце стало безчувственнымъ, только тогда всякая жалость исчезла изъ него и я нанесъ смертельный ударъ! Въ этотъ послѣдній моментъ, всѣ прошлыя оскорбленія воскресли предо мной; вспомнились всѣ обиды, какія нанесъ мнѣ этотъ человѣкъ, вмѣстѣ со своимъ негодяемъ-братомъ, который сидитъ теперь вонъ тамъ; вспомнилось, какъ они вдвоемъ съ братомъ рѣшились погубить меня во мнѣннн прихожанъ, опозорить мое доброе имя, вовлечь меня въ какое нибудь дѣло, которое могло разорить меня и мою семью, между тѣмъ какъ мы,—Богъ мнѣ въ томъ свидѣтель!—никогда не сдѣлали имъ никакого зла. И они добились этого, ради гнусной мести! Но за что же они мстили? За то, что моя невинная, чистая дѣвочка, которая сидитъ здѣсь возлѣ меня, не захотѣла сдѣлаться женой этого богатаго, грубаго, невѣжественнаго труса, Брэса Дунлапа, хныкаваго сейчасъ о своемъ братѣ, на котораго онъ при жизни не обращалъ ни малѣйшаго вниманія (тутъ я замѣтилъ, что Томъ привскочилъ на мѣстѣ и лицо его выразило радость). И только въ этотъ моментъ, какъ я уже говорилъ вамъ, я, забывъ своего Бога, помнилъ только горечь обиды—да проститъ мнѣ Богъ!—и нанесъ смертельный ударъ. Въ тотъ же моментъ страшная жалость овладѣла мной; сердце мое наполнилось раскаянiемъ. Но я вспомнилъ свою бѣдную семью, понялъ, что *долженъ* скрыть свое злодѣянiе ради семьи,—и спряталъ трупъ въ кустахъ. Потомъ я перенесъ его на табачное поле, поздно ночью пришелъ туда съ лопатой и зарылъ его...

Вдругъ Томъ вскакиваетъ съ мѣста и кричить:

— Наконецъ, я понялъ въ чемъ дѣло!—тутъ онъ махнулъ рукой старику съ самымъ величественнымъ видомъ и прибавилъ:

— Садитесь! Убийство было совершено, только вы никогда не принимали въ немъ участiя!

Настала такая тишина, что можно было слышать паденiе булавки. Старикъ опустился на свое мѣсто, смущенный и растерянный, а тетя Салли и Бонни до того были поражены, что смотрѣли на Тома, разинувъ ротъ и не понимая, что творится кругомъ. И всѣ присутствующiе находились въ такомъ же ошолбененiи. Никогда еще я не видалъ людей въ

такомъ безпомощномъ недоумѣннѣ, никогда еще не видалъ столькохъ глазъ, такъ бессмысленно вытаращенныхъ и такихъ неподвижныхъ.

— Господинъ судья, могу я говорить?—спросилъ Томъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— Ради бога, говорите!—отвѣчалъ судья, до того пораженный и смущенный, что рѣшительно ничего не понималъ.

Томъ постоялъ на мѣстѣ нѣсколько секундъ, не говоря ничего—чтобы вышло «эффѣктнѣе», какъ онъ называетъ это—потомъ началъ своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ:

— Около двухъ недѣль тому назадъ, на дверяхъ этого судебного зданія было вывѣшено небольшое объявленіе, предлагавшее награду въ двѣ тысячи долларовъ тому, кто доставитъ пару брилліантовъ, украденныхъ въ Сень-Луизѣ. Эти брилліанты были оцѣнены въ двѣнадцать тысячъ долларовъ. Но я возвращусь къ этому вопросу впослѣдствіи. А теперь перейдемъ къ убійству. Я расскажу вамъ объ этомъ убійствѣ все—какъ оно произошло, кто совершилъ его—словомъ всѣ детали.

Можно было видѣть, какъ всѣ стали усаживаться удобнѣе, чтобы слушать съ полнымъ вниманіемъ.

— Брэсъ Дунлапъ, такъ жалобно хныкавшій сейчасъ о своемъ убитомъ братѣ, на котораго онъ, какъ вамъ извѣстно, не обращалъ никакого вниманія, хотѣлъ жениться на этой молодой дѣвушкѣ, но она отказала ему. Тогда онъ пригрозилъ дядѣ Сайльсу, что заставитъ его пожалѣть объ этомъ. Дядя Сайльсъ зналъ, что Брэсъ Дунлапъ—человѣкъ вліятельный, что съ нимъ трудно бороться, а потому былъ испуганъ этой ссорой и сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы временное несогласіе поскорѣе забылось. Ради этихъ соображеній, онъ взялъ даже къ себѣ на ферму Юпитера Дунлана и платилъ ему жалованье изъ своихъ скудныхъ средствъ, когда онъ вовсе не нуждался въ работникѣ. А Юпитерь, между тѣмъ, по наущенію своего брата, дѣлалъ все, чтобы оскорбить дядю Сайльса, раздражить его, вывести изъ себя и принудить къ такому поступку, который погубилъ бы его въ общественномъ мнѣннѣ. И цѣль была достигнута. Всѣ начали относиться враждебно къ дядѣ Сайльсу, распространяли о немъ самую низкую клевету, и это постепенно разбивало ему

сердце. Онъ былъ такъ оскорбленъ и такъ измученъ, что временами терялъ разсудокъ. Ну, такъ вотъ, въ ту субботу, которая доставила намъ столько безпокойства, двое изъ свидѣтелей, присутствующихъ здѣсь, Лемъ Бибъ и Джимъ Ленъ, проходили мимо того мѣста, гдѣ работали дядя Сайльсъ и Юпитеръ Дунлапъ—до этого пункта показанія ихъ справедливы; все же остальное ложь. Они не слышали, чтобы дядя Сайльсъ говорилъ, что убьетъ Юпитера; они не слышали никакого удара дубиной; они не видѣли убитаго человѣка; и они не видѣли, чтобы дядя Сайльсъ пряталъ что нибудь въ кустахъ. Взгляните на нихъ—вотъ они сидятъ передъ вами, сожалья, что позволили такъ много наболтать своимъ языкомъ; во всякомъ случаѣ я заставлю ихъ пожалѣть объ этомъ, прежде чѣмъ кончу. Вечеромъ, въ эту же самую субботу, Билль и Джо Уитерсы *видѣли*, какъ одинъ человѣкъ тащилъ на спинѣ другаго. До этого пункта ихъ слова тоже справедливы, но остальное—ложь. Сперва они подумали, что это негръ тащить въ мѣшкѣ украденный у дяди Сайльса хлѣбъ—замѣьте, какъ они недовольны и смущены тѣмъ, что кто-то—оказывается—слышалъ, какъ они говорили объ этомъ. Они недовольны, потому что имъ извѣстно, кто именно несъ убитаго человѣка; они знаютъ, также, почему говорили здѣсь, что у этого человѣка была походка дяди Сайльса, между тѣмъ какъ имъ извѣстно, что это былъ не онъ, и однако же они показывали эту ложь подъ присягой.

— Видѣли также, при лунномъ свѣтѣ, что какой-то человѣкъ зарывалъ убитаго въ землю на табачномъ полѣ, но этотъ человѣкъ не былъ дядя Сайльсъ. Дядя Сайльсъ въ это время спалъ на своей постели.

— Теперь, прежде чѣмъ я буду продолжать далѣе, позвольте мнѣ спросить у васъ, не замѣчали ли вы, что люди, находящіеся въ задумчивости или чѣмъ нибудь взволнованные, имѣютъ привычку дѣлать какія нибудь произвольныя движенія своими руками, причемъ они совершенно не замѣчаютъ этихъ движеній. Иные поглаживаютъ себѣ подбородокъ; другіе трутъ себѣ носъ; третьи проводятъ рукой по шеѣ; четвертые крутятъ цѣпочку отъ часовъ; пяты вертятъ пуговицу; а нѣкоторые имѣютъ привычку рисовать пальцемъ букву или цифру на щекѣ, на шеѣ, или на нижней губѣ. У меня

*

есть такая привычка. Когда я встревоженъ, раздосадованъ или задумаюсь о чемъ нибудь глубоко, я вывожу пальцемъ прописное V у себя на щекѣ, на нижней губѣ или на шеѣ и всегда только одно прописное V, причеъъ я долго не замѣчаю, что дѣлаю это.

Какъ это странно! И у меня есть такая привычка; только я пишу O вмѣсто V. Тутъ я замѣтилъ, что присутствующіе кивали головой другъ другу, точно хотѣли сказать: «Это правда».

— Теперь я буду продолжать. Ночью, наканунѣ этой же самой субботы, присталъ пароходъ къ лѣсному берегу, на сорокъ миль выше нашего мѣста. Ночь была темная, дождливая и бурная. На этомъ пароходѣ скрывался воръ, укравшій тѣ два брилліанта, за которые объявлена награда. Онъ украдкой сошелъ на берегъ, съ дорожной сумкой въ рукѣ, и скрылся въ темномъ лѣсу, надѣясь безопасно добраться до нашего мѣстечка. Но за нимъ слѣдили на пароходѣ два его товарища, и онъ зналъ, что они убьютъ его при первой возможности и возьмутъ себѣ брилліанты; потому что они втроемъ украли эти брилліанты, а онъ ихъ стащилъ у товарищей и скрылся. Не прошло и десяти минутъ, какъ его товарищи уже знали, что его нѣтъ на пароходѣ. Они тотчасъ же сошли на берегъ и кинулись въ погоню за нимъ. Вѣроятно, при помощи зажженныхъ спичекъ, они нашли его слѣды на мокрой землѣ. Какъ бы то ни было, но они преслѣдовали его весь день въ субботу, стараясь, чтобы онъ ихъ не замѣтилъ. Передъ солнечнымъ закатомъ онъ пришелъ къ группѣ сикоморъ, позади табачнаго поля дяди Сайльса; онъ пришелъ сюда затѣмъ, чтобы, спрятавшись подъ сикоморами, переодѣться въ другое платье, которое лежало у него въ сумкѣ и тогда уже появиться въ нашемъ мѣстечкѣ—замѣтите себѣ, что все это онъ продѣлалъ вскорѣ послѣ того, какъ дядя Сайльсъ ударилъ Юпитера дубиной по головѣ—потому что онъ, *дѣйствительно*, ударилъ его. Но какъ только преслѣдователи увидѣли, что воръ скрылся подъ сикоморами, они выскочили изъ кустовъ и проскользнули вслѣдъ за нимъ. Они кинулись и дубинами убили его наповаль. Да, не смотря на всѣ его крики и вопли, они безъ всякой жалости заколотили его до смерти. Но двое людей, которые шли въ это время по дорогѣ, услышали крики и прибѣжали на помощь. Убійцы, видя, что они открыты, ки-

нулись бѣжать, а два человѣка гнались за ними нѣкоторое время; но вскорѣ они вернулись подъ сикоморы. Чтò же они стали дѣлать, вернувшись? Я сейчасъ расскажу вамъ, чтò они стали дѣлать. Вернувшись, они увидѣли, что воръ успѣлъ вынуть изъ сумки платье, готовясь переодѣться; тогда одинъ изъ нихъ надѣлъ это платье на себя.

Томъ остановился на минуту, для большаго «эффекта», и затѣмъ сказалъ:

— Человѣкъ, который надѣлъ на себя платье убитаго, былъ—*Юпитеръ Дунлапъ!*

— Великій Боже!—крикнули всѣ въ одинъ голосъ, а старый дядя Сайльсъ казался совершенно пораженнымъ.

— Да, это былъ Юпитеръ Дунлапъ. Онъ не думалъ быть мертвымъ, какъ видите. Послѣ этого они сняли съ мертвеца сапоги, надѣли на него старые стоптанные башмаки Юпитера Дунлапа, а на Юпитера Дунлапа—сапоги, снятые съ убитаго. Послѣ этого Юпитеръ остался подъ сикоморами, а другой человѣкъ, перенесъ мертвое тѣло на табачное поле дяди Сайльса. Затѣмъ, поздней ночью, онъ отправился въ домъ къ дядѣ Сайльсу, взявъ его старое, зеленое рабочее платье, всегда висѣвшее въ коридорѣ, между домомъ и кухней, отыскавъ на дворѣ лопату съ длинной ручкой и, отправившись на табачное поле, зарылъ въ землю убитаго человѣка.

Томъ остановился, помолчалъ съ полъ-минуты и вдругъ спросилъ:

— Какъ вы думаете, кто былъ этотъ убитый человѣкъ? Это былъ—*Джекъ* Дунлапъ, пропавшій безъ вѣсти воръ!

— Великій Боже!

— А какъ вы думаете, кто такой этотъ кривляющійся идиотъ, который сидитъ здѣсь теперь и который притворялся все это время глухимъ и нѣмымъ? Это—*Юпитеръ* Дунлапъ!

Боже мой! Всѣ такъ завыли и закричали, такой подняли гвалтъ, что я никогда въ жизни не слыхалъ ничего подобнаго. А Томъ подскочилъ къ Юпитеру, сдернулъ съ него очки и фальшивые бакенбарды, и всѣ увидѣли передъ собой убитаго человѣка совершенно здоровымъ и невредимымъ! А тетя Салли и Бенни, рыдая, повисли на шеѣ стараго дяди Сайльса, и такъ усердно цѣловали и ласкали его, что послѣ ихъ объятий онъ казался еще болѣе смущеннымъ, обезумѣвшимъ и расте-

ряннымъ, чѣмъ когда бы то ни было. Затѣмъ публика начала вопить:

— Томъ Соуэръ! Томъ Соуэръ! Замолчите всѣ, дайте ему говорить. Томъ Соуэръ, продолжай!

Это было для Тома чрезвычайно лестно, потому что онъ страшно любилъ играть первую роль въ обществѣ, быть знаменитостью, героемъ дня, какъ онъ называлъ это. Когда все утихло, онъ началъ:

— Мнѣ остается досказать немного. Когда Брэсъ Дунлапъ довелъ дядю Сайльса до такого раздраженія, что онъ, внѣ себя отъ гнѣва, ударилъ дубиной Юпитера, тогда Брэсъ, я полагаю, вздумалъ воспользоваться этимъ случаемъ. Юпитеръ спрятался въ лѣсу, намѣреваясь, вѣроятно, съ наступленіемъ ночи, бѣжать отсюда. Тогда Брэсъ постарался бы убѣдить всѣхъ, что дядя Сайльсъ убилъ Юпитера и спряталъ его тѣло гдѣ нибудь въ лѣсу. Это погубило бы дядю Сайльса, принудило бы его покинуть страну, и даже, можетъ быть, довело бы его до висѣлицы. Но когда они нашли подъ сикоморами своего убитаго брата, не узнавъ его—такъ обезображено было его лицо—они увидѣли, что могутъ устроиться гораздо удобнѣе: перерядить *обоихъ*—и живаго и мертваго—похоронить Джека въ одеждѣ Юпитера, а затѣмъ подкупить Джима Лена, Билля Уитерса и остальныхъ, чтобы они дали подъ присягой ложныя показанія—вотъ каковъ былъ ихъ планъ и они привели его въ дѣйствіе. Они сидятъ теперь здѣсь и, какъ я предсказалъ имъ, что они пожалѣютъ о своей лжи еще раньше, чѣмъ я кончу,—такъ это и случилось, судя по ихъ виду. Я и Гекъ Финнъ, присутствующій здѣсь, ѣхали на одномъ пароходѣ съ этими тремя ворами, и тотъ изъ нихъ, который теперь мертвъ, рассказалъ намъ все насчетъ бриллиантовъ и говорилъ, что товарищи навѣрное убьютъ его, если представится случай. Мы обѣщали помочь ему, чѣмъ только возможно. Сойдя съ парохода, мы направились къ сикоморамъ, но вдругъ услышали оттуда крики и поняли, что кого-то убиваютъ. Однако, на другой день утромъ, когда мы пришли на это мѣсто, тамъ не оказалось никакого трупа. И когда послѣ этого въ нашемъ мѣстечкѣ появился Юпитеръ Дунлапъ, расхаживавшій по сосѣднимъ фермамъ въ томъ самомъ костюмѣ, который собирался надѣть Джекъ, и притво-

равшійся глухонѣмымъ, — какъ хотѣлъ притворяться и Джекъ, — мы, конечно, приняли его за Джека. Когда всѣ уже перестали искать трупъ, мы съ Гекомъ принялись за поиски и нашли его. Мы гордились этимъ; но дядя Сайльсъ вдругъ поразилъ насъ громовымъ ударомъ, сказавъ, что это онъ убилъ Юпитера. Тутъ мы сильно опечалились, что нашли этотъ трупъ, и рѣшили спасти дядю Сайльса отъ висѣлицы во что бы то ни стало; а спасти его было нелегко, потому что онъ не согласился, чтобы мы помогли ему бѣжать изъ тюрьмы, какъ старому негру Джиму, прошлымъ лѣтомъ. Я сдѣлалъ все, что могъ. Цѣлый мѣсяць, день и ночь, придумывалъ я средства спасти дядю Сайльса, но ничего не могъ придумать. И сегодня, когда мы вошли въ судейскую залу, въ головѣ у меня было пусто и я нигдѣ не видѣлъ спасенія. Но, мало по малу, кое-какіе ничтожные факты начали привлекать мое вниманіе и заставили меня думать: они такъ маловажны сами по себѣ, что о нихъ не стоитъ и упоминать, но они заставили меня думать и *наблюдать*, когда всѣ воображали, что я только задумываюсь и не замѣчаю окружающаго. Когда же дядя Сайльсъ началъ рассказывать о томъ, какъ онъ убилъ Юпитера, опять мое вниманіе было привлечено однимъ маленькимъ обстоятельствомъ, которое имѣло громадное значеніе, потому что, благодаря ему, я узналъ *напрное*, что передо мной сидитъ Юпитеръ Дунлапъ, а не Джекъ. Я узналъ его по тому жесту, который онъ имѣлъ привычку дѣлать — я подмѣтилъ у него этотъ жестъ еще въ прошломъ году и теперь вспомнилъ его.

Тутъ онъ остановился и подумалъ съ минуту — ради «эффекта», — я это хорошо зналъ. Затѣмъ онъ повернулся, какъ бы собираясь уходить на свое мѣсто, и произнесъ лѣнивымъ, равнодушнымъ тономъ:

— Ну, теперь, я сказалъ все.

Вы не можете себѣ представить, какой тутъ поднялся вой! Вся публика завопила, какъ одинъ человекъ:

— Почему вы его узнали? Стойте на мѣстѣ маленький дьяволъ! Какой жестъ онъ дѣлалъ? Отвѣчайте!

Теперь вы видите, что онъ все это продѣлалъ ради «эффекта». Онъ не ушелъ бы на свое мѣсто безъ «эффекта», даже еслибы его тащила туда пара воловъ.

— О, въ этомъ нѣтъ ничего особенно важнаго, — отвѣчалъ

онъ.—Я замѣтилъ, что онъ казался нѣсколько взволнованнымъ, когда дядя Сайльсъ выказалъ рѣшимость повѣсить себя за убійство, котораго онъ никогда не совершалъ. Съ каждой минутой онъ становился все болѣе нервнымъ и безпокойнымъ,—а я пристально слѣдилъ за нимъ, хотя другимъ казалось, что я даже не смотрю на него,—и вдругъ его руки стали тревожно двигаться, а вскорѣ лѣвая рука поднялась къ его лицу и *вывела пальцемъ на его щеку крестъ*;—вотъ тогда я и узналъ его.

Тутъ всѣ принялись кричать, и выть, и топать ногами, и аплодировать, пока Томъ Соуэръ былъ такъ гордъ и счастливъ, что не зналъ, чтò дѣлать съ собой. А потомъ судья посмотрѣлъ на него съ своей каеедры и спросилъ:

— И вы, мой мальчикъ, видѣли собственными глазами, какъ разыгралась эта странная и ужасная трагедія, которую вы намъ только что рассказали?

— Нѣтъ, господинъ судья, я ничего не видѣлъ.

— Ничего не видѣли! Но вы рассказали намъ всю эту исторію такъ подробно, какъ будто она происходила передъ вашими глазами. Какъ вы могли все это узнать?

Томъ отвѣчалъ безпечно и непринужденно:

— О, я узналъ это, господинъ судья, сопоставляя вмѣстѣ факты и очевидность. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; это могъ бы сдѣлать каждый сыщикъ.

— Этого не сдѣлалъ бы никто! Изъ цѣлаго милліона не нашлось бы двухъ, способныхъ сдѣлать это. Вы необыкновенный мальчикъ!

Тутъ опять начался вой и аплодисменты, и крики, а Томъ—онъ не промѣнялъ бы своего успѣха ни на какія богатства. Затѣмъ судья продолжалъ:

— Но увѣрены ли вы въ томъ, что эта исторія справедлива?

— Совершенно, господинъ судья. Здѣсь на лицо Брэсъ Дунлапъ—онъ можетъ опровергнуть мои слова, если захочетъ. Вы видите—онъ молчитъ. И его братъ молчитъ; и четыре свидѣтеля, которые такъ хорошо лгали подъ присягой за деньги, тоже молчатъ. А что касается дяди Сайльса, онъ хорошо дѣлаетъ, что молчитъ; ему-то ужъ я не повѣрю и подъ присягой!

Публика стала кричать и хлопать, и даже судья не выдержалъ и засмѣялся. Томъ сіялъ отъ счастья. А когда прекратился смѣхъ и крики, онъ взглянулъ на судью и произнесъ:

— Господинъ судья, въ этой залѣ сидитъ воръ.

— Воръ?

— Да, сэръ. И при немъ находятся эти два бриллианта, оцѣненные въ двѣнадцать тысячъ долларовъ.

Великій Боже, какой тутъ поднялся шумъ! Всѣ кричали:

— Кто онъ? Кто онъ? Укажите!

И судья сказалъ:

— Укажите его, мой мальчикъ. Шерифъ, арестуйте его! Кто же онъ?

Томъ отвѣчалъ:

— А вотъ этотъ убитый человѣкъ—Юпитеръ Дунлапъ.

Тутъ опять начались оглушительные крики и страшное волненіе. Но Юпитеръ, который уже и раньше былъ достаточно пораженъ, теперь былъ внѣ себя отъ изумленія. Чуть не со слезами онъ заговорилъ:

— Вотъ ужъ *это* ложь! Господинъ судья, это нехорошо; я довольно черенъ и безъ того. Я виноватъ во многомъ—Брэсъ принуждалъ меня къ этому и уговаривалъ, и обѣщалъ сдѣлать меня богатымъ; я и послушалъ его, а теперь жалѣю, что сдѣлалъ это, и раскаиваюсь; но я не крадъ бриллиантовъ, и при мнѣ ихъ нѣтъ; пусть у меня руки и ноги отнимутся, если это не такъ! Можете обыскать меня, если хотите.

— Господинъ судья,—заговорилъ Томъ,—я былъ неправъ, когда назвалъ его воромъ и долженъ исправить свою ошибку. Онъ укралъ бриллианты, но не знаетъ этого. Онъ укралъ ихъ у своего брата Джека, когда тотъ лежалъ мертвый, а Джекъ укралъ ихъ у своихъ двухъ товарищей; но Юпитеръ крадъ ихъ, не зная; и онъ расхаживалъ съ ними здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Да, сэръ, цѣлый мѣсяцъ носить при себѣ этотъ нищій драгоценности, оцѣненный въ двѣнадцать тысячъ долларовъ. Да, господинъ судья, эти бриллианты при немъ и теперь.

— Обыщите его, шерифъ,—сказалъ судья.

Ну, что же, сэръ? Шерифъ обыскалъ его самымъ тщательнымъ образомъ, осмотрѣлъ даже его шляпу, носки, складки и швы на платьѣ, сапоги,—однимъ словомъ, все,—а Томъ про-

должалъ стоять совершенно невозмутимо, подготавливая новый «эффектъ». Наконецъ, шерифъ кончилъ обыскъ, лица у всѣхъ сдѣлались разочарованными, а Юпитеръ сказалъ:

— Ну, что? Развѣ я не говорилъ вамъ этого?

Тогда Томъ сдѣлалъ видъ, что глубоко о чемъ-то задумался и сталъ почесывать затылокъ. Вдругъ онъ поднялъ голову и сказалъ:

— А, теперь я понялъ, въ чемъ дѣло! Я совсѣмъ забылъ объ этомъ.

Это была неправда: я зналъ, что онъ ничего не забылъ.

— Не будетъ ли ктонибудь такъ добръ,—продолжалъ Томъ,—чтобы одолжить мнѣ маленькую, маленькую отвертку? Такая отвертка была въ сумкѣ вашего брата, Юпитеръ, но, конечно, вы не принесли ее сюда.

— Нѣтъ, не принесъ. Мнѣ не нужна была отвертка и я ее бросилъ.

— Это случилось потому, что вы не знали, для чего она предназначалась.

Юпитеръ, тѣмъ временемъ, надѣлъ сапоги, и когда, наконецъ, отвертка, переходя изъ рукъ въ руки, достигла Тома, онъ сказалъ, обращаясь къ Юпитеру:

— Положите вашу ногу на этотъ стулъ.

И, опустившись на колѣни, онъ сталъ отвинчивать пластинку каблука, между тѣмъ какъ всѣ слѣдили за нимъ съ напряженнымъ вниманіемъ. А когда онъ вынулъ изъ каблука огромный брилліантъ и сталъ поворачивать его во всѣ стороны, такъ что онъ сіялъ, сверкалъ и сыпалъ огненные искры, у всѣхъ захватило дыханіе. А Юпитеръ казался такимъ огорченнымъ и печальнымъ, что жаль было смотрѣть. Когда же Томъ вынулъ другой брилліантъ, Юпитеръ огорчился еще болѣе. Да оно и понятно. Вѣдь онъ могъ бы сдѣлаться богатымъ и независимымъ гдѣнибудь на чужой сторонѣ, еслибы только догадался, зачѣмъ лежала маленькая отвертка въ сумкѣ его брата! Да, это было ужасно веселое время и Томъ упивался славой. Судья поднялся во весь ростъ на каедрѣ, взялъ брилліанты, сдвинулъ свои очки на лобъ, прочистилъ горло и началъ:

— Я буду хранить эти брилліанты, пока найдутся собственники; а когда они пришлютъ за ними, для меня будетъ

истиннымъ удовольствіемъ вручить вамъ двѣ тысячи долларовъ, потому что вы заслужили эти деньги,—да, и заслужили, кромѣ того, искреннѣйшую и глубочайшую благодарность всего нашего общества, за то, что спасли оскорбленную, невинную семью отъ гибели и позора, за то, что избавили добраго и почтеннаго человѣка отъ позорной смерти на висѣлицѣ, и дали средства правосудію наказать двухъ жестокихъ и гнусныхъ преступниковъ вмѣстѣ съ ихъ лжесвидѣтелями!

Да, сэръ, это было торжественное зрѣлище, и Томъ сказалъ мнѣ потомъ то же самое.

Тутъ шерифъ арестовалъ и Бреса Дунлапа и всю его шайку, а черезъ мѣсяцъ ихъ судили и заключили въ тюрьму. Прихожане снова начали толпиться въ маленькой, старой церкви дядя Сайльса и были всегда ласковы и добры къ его семьѣ, не зная, какъ доказать свою любовь и преданность. А дядя Сайльсъ ревностно исполнялъ церковную службу и его проповѣди были такъ величественны, туманны и запутанны, что послѣ нихъ вы чувствовали какое-то помраченіе и съ трудомъ находили дорогу къ себѣ домой. Но прихожане слушали его съ благоговѣніемъ и, хотя ровно ничего не понимали изъ его проповѣдей, однако, находили ихъ вѣрхомъ совершенства и плакали, слушая его, отъ любви и жалости. Благодаря этой любви и возвратившемуся уваженію прихожанъ, умъ старика прояснился,—онъ сталъ крѣпокъ и духомъ, и тѣломъ. Тетя Салли и Бенни были веселы и счастливы, какъ птицы, и ничѣмъ нельзя выразить ту любовь и благодарность, которую они выказывали къ Тому, а также и ко мнѣ, хоть я не сдѣлалъ для нихъ ничего. А когда были получены двѣ тысячи долларовъ, Томъ далъ мнѣ половину, но и не подумалъ никому рассказывать объ этомъ, чему я вовсе не удивился, потому что хорошо зналъ его.

К о н е ц ъ .

Н о ч и.

I.

Посмотри, мое дитя,—
Вотъ горитъ звѣзда надъ нами,
Между мелкихъ звѣздъ блестя
Разноцвѣтными огнями.

Пусть бы жизнь твоя была,
Какъ звѣзда небесъ далекихъ,
Разноцвѣтна и свѣтла
Свѣтомъ радостей высокихъ,

И осталась бы чиста,
Какъ звѣзда, краса ночная,
Гордыхъ мыслей красота,
Не тускнѣя, не сгорая.

II.

Лѣсъ, озаренный луною,
Ждетъ, не дождется чудесь.
Тѣни плывутъ надъ рѣкою.
Звѣзды сияютъ съ небесъ.

Въ полѣ, подъ ризой туманной,
Ходитъ невѣдомый сонь...
Въ сонѣ, непонятный и странный,
Лѣсъ, какъ душа, погружень...

III.

Проглядѣвъ я очи,
Глядя на дорогу;

Провожалъ я ночи,
Все моляся Богу.

Я молилъ спасенья,
Ждалъ любви и друга.
Горькаго томленья
Моего недуга,

Время не цѣлило,
Люди не узнали,—
Да, близка могила
И моей печали.

Федоръ Сологубъ.

НАША КРЕДИТНАЯ ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА.

I.

Какъ устраивалась наша кредитная денежная система?

Наша кредитная денежная система, окончательно установленная манифестомъ императора Николая Павловича, 1 июня 1843 г., вырабатывалась графомъ Канкринымъ въ теченіе двадцатилѣтняго управленія имъ министерствомъ финансовъ, при совершенно иномъ положеніи государственныхъ финансовъ и совершенно иныхъ условіяхъ денежнаго обращенія, чѣмъ въ настоящее время.

До Канкринна, въ Россіи не было никакой точно опредѣленной и твердо установленной денежной системы. Ассигнаціи впервые были выпущены на основаніи манифеста императрицы Екатерины II, отъ 1 декабря 1768 г. (обнародованнаго 1 февраля 1769 г.), на одинъ милліонъ рублей «ради удобства»; но никто не былъ обязанъ брать ассигнаціи, а только было предписано, чтобы, при платежахъ въ казну на сумму не менѣе 500 р., казенныя учрежденія требовали одну 25-ти-рублевую ассигнацію. Карамзинъ въ запискѣ «О старой и новой Россіи (1810 г.)» говоритъ, что «Екатерина II изданіемъ ассигнацій сперва изумила, но скоро облегчила народъ во всѣхъ платежахъ и торговыхъ сдѣлкахъ; увидѣли удобство и пользу: дотолѣ знатные купеческіе обороты производились у насъ векселями; съ сего же времени ассигнаціи заступили мѣсто векселей и распространили внутреннюю торговлю. Правительство обязалось выдавать металлическія деньги за оныя, но предоставило каждому на волю брать или не брать ассигнаціи. Но публика, удостовѣренная въ дѣйствительности бумажекъ, охотно брала ихъ и требовала отъ банка единственно малыхъ размѣнныхъ суммъ серебромъ, нужныхъ для мелочныхъ расходовъ. Такъ было въ началѣ, къ пользѣ государственной и народной. Казна пріобрѣла знатный капиталъ и могла въ чрезвычайныхъ случаяхъ обходиться безъ умноженія податей, народъ не сталъ нуждаться въ деньгахъ, и се-

ребро, уже менѣе необходимое, долго держалось въ одной цѣнѣ съ ассигнаціями, послѣ возвысилось бездѣлицею и, наконецъ, въ полтора раза, вслѣдствіе большихъ выпусковъ ассигнацій—въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, когда правительство не могло уже удовлетворять народному требованію въ выдачѣ мелкой разнѣнной монеты. Время Павлово не произвело никакой важной перемѣны въ государственномъ хозяйствѣ, ибо казна не умножила ассигнацій. Но въ нынѣшнее царствованіе (Александра I) несчастныя войны—французская, турецкая и шведская—заставили казну умножить количество ассигнацій, можетъ быть, на 500 милл. руб., и случилось необходимое: курсъ упалъ, а разрывъ съ Англіею довершилъ сіе бѣдствіе. Грузные товары наши могутъ быть единственно отпускаемы моремъ, а произведенія фабрикъ европейскихъ легкія, драгоценныя, входили къ намъ моремъ и сухимъ путемъ. Исчезло всякое равновѣсіе между ввозомъ и вывозомъ. Правительство наше крайне затрудняется о лучшемъ курсѣ, но хочетъ невозможнаго. Пока не возстановится морская торговля и вывозъ не будетъ превышать ввоза настолько, чтобы уплачивать всѣ наши иноземные расходы съ избыткомъ, металлическая монета въ Россіи не накопится, а будетъ уходить и та, которая есть; а потому и курсъ можетъ только еще больше упасть, а не подниматься. Только такое превышеніе вывоза надъ ввозомъ приведетъ иностранцевъ захотѣть переводить къ намъ свои капиталы, мѣнять свои гинеи и червонцы на русскія ассигнаціи и не считать оныхъ подозрительными векселями.

По заключеніи тильзитскаго мира (1809 г.), особенно вслѣдствіе личныхъ дружескихъ завѣреній Наполеона I, императоръ Александръ I, въ твердой надеждѣ на обезпеченіе мира въ Европѣ, обратилъ особенное вниманіе на упорядоченіе совершенно разстроившагося денежнаго обращенія въ Россіи,—именно на возстановленіе курса ассигнацій. Въ этихъ видахъ, манифестомъ отъ 2 февраля 1810 г., ассигнаціи были объявлены *государственнымъ долгомъ*, подлежащимъ уплатѣ рубль за рубль серебряною монетою, а 20 іюня того же года послѣдовалъ манифестъ, *впервые* установивавшій «главною, непремѣняемою законною мѣрою (монетною единицею) всѣхъ монетъ въ Россіи» серебряный рубль 83 $\frac{1}{2}$ пробы и повелѣвавшій съ 1811 г. «всѣ акты, крѣпости, векселя, условія и сдѣлки писать на російскую серебряную монету». Но этотъ манифестъ не могъ быть исполненъ, потому что уже въ 1810 году начались новыя пререканія съ Наполеономъ I, приведшія къ отечественной войнѣ, и явилась необходимость въ новыхъ выпускахъ ассигнацій. Вслѣдствіе сего, 9 апрѣля 1812 г., былъ изданъ мани-

фестъ «о введеніи повсемѣстнаго однообразнаго обращенія банковыхъ ассигнацій». По этому манифесту, «во всемъ пространствѣ имперіи счеты и платежи основывались на государственныхъ ассигнаціяхъ», и на семъ основаніи «учреждались всѣ денежные обороты, состоящіе въ платежахъ между казною и частными лицами, и частныхъ лицъ между собою». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлки между частными лицами предоставлено было «заключать и писать на ассигнаціи и серебро, по добровольному согласію», причемъ платежъ по онымъ не могъ быть «отринутъ ассигнаціями, по промѣну ихъ на серебро въ день платежа». Но никакого опредѣленнаго обязательнаго курса ассигнацій въ народномъ обращеніи этотъ манифестъ не установилъ.

По замиреніи Европы (1815 г.), наше правительство, во исполненіе манифеста 2 февраля 1810 г., объявившаго ассигнаціи государственнымъ долгомъ, приступило въ 1817 г. къ уничтоженію ихъ посредствомъ 6% займовъ и другими способами, и до 1824 г. было уничтожено ассигнацій на 241 милл. руб. именно изъ всего количества выпущенныхъ ассигнацій на 836 милл. руб., въ обращеніи осталось на 595 милл. руб.; курсъ же ассигнацій поднялся всего лишь на 3 коп., съ 23³/₄ коп. до 26³/₄ коп.

Канкринъ, назначенный министромъ финансовъ въ 1823 году, въ первой же рѣчи своей въ совѣтѣ кредитныхъ установленій (1823 г.) «предъявилъ правило, потомъ и въ другихъ государствахъ признанное, что непомѣрно усиленное употребленіе капитала выкупа (ассигнацій) не ведетъ къ ожидаемой цѣли, и потому система была отмѣнена» ¹⁾.

¹⁾ «Обзоръ замѣчательнѣйшихъ дѣйствій по финансовой части, въ теченіе 20-ти послѣднихъ лѣтъ (1823 — 1843)», написанный самимъ графомъ Канкринымъ императору Николаю 1-му въ 1844 г.

Канкринъ былъ научно-образованный финансистъ-практикъ, обладавшій необыкновеннымъ умѣніемъ примѣнять общія—научныя экономическія и финансовыя—положенія къ практическимъ потребностямъ данной страны и народа, что доказываетъ его главное сочиненіе: «Die Oeconomie der menschlichen Gesellschaften und der Finanzwesen» (Stuttgart, 1845 г.), о которомъ извѣстный постоянный критикъ «Journal des économistes» (1830 — 1846) Théodore Fich говоритъ слѣдующее: «L'économie des sociétés humaines» a été écrite d'un point de vue pratique, sans que l'auteur ait pour cela dérogé aux principes généraux qui dominant la science. Il a d'abord considéré l'économie politique dans sa plus grande universalité, et puis il a cherché quelles étaient les modifications qu'il fallait y introduire pour l'appliquer aux besoins de tel ou tel peuple. Cette dernière vue forme un caractère distinctif de l'ouvrage de M. de Cancrin. Elle renferme en quelque sorte une transaction entre la science et les nécessités pratiques d'un pays, qui sont déterminées soit par les conditions physiques, soit par la politique, soit par les institutions, sait enfin

«Положеніе финансовъ,—говоритъ Канкринъ,—представляло вообще многіе неблагоприятныя виды, и самое внутренне благосостояніе государства было въ колеблющемся положеніи. Не всѣ еще раны 1812 года зажили. Свободный тарифъ 1819 г. убилъ многія фабрики, которыя потомъ съ 1822 года едва, мало по малу, стали оживать; обороты денегъ шли медленно; хлѣбъ сдѣлался очень дешевъ, а деньги были дороги, поступленіе податей было слабо; казенныя мѣста имѣли въ публикѣ мало довѣрія по неакуратности платежей. Система денежнаго обращенія была въ разстройствѣ. Ассигнаціи внутри имперіи ходили по *разному курсу*. Ввелись *простонародныя лажы*, по коимъ назначались серебру и ассигнаціямъ особые высшіе, но между собою несоразмѣрные курсы, и притомъ не только въ обѣихъ столицахъ, но и въ губерніяхъ разнообразныя. Очевидная цѣль сего злоупотребленія состояла въ томъ, чтобы безперерывнымъ повышеніемъ произвольныхъ лажей платить менѣе за долгъ, нѣсколько времени назадъ сдѣланный. Лажъ сей, сначала незначительный, возросъ до неимовѣрной степени и, наконецъ, на серебро и на ассигнаціи добавлялось до 27%. Эти лажы сдѣлались прямымъ народнымъ бѣдствіемъ».

Такое совершенно разстроенное денежное обращеніе, не имѣющее ничего подобнаго въ настоящее время, сдѣлалось главною побудительною причиною для Канкринна къ *установленію въ Россіи правильной, точно опредѣленной денежной системы*, и онъ началъ исполненіе этой великой, благодѣтельной для всего народа и государства, задачи принятіемъ мѣръ къ постепенному уничтоженію главнаго зла — произвольныхъ лажей—и, ради сего, къ *установленію одною общаю обязательнаго для всей имперіи курса ассигнацій*.

Въ чемъ же должны были заключаться эти мѣры?

Звонкая монета, золотая и серебряная, вслѣдствіе выгоднаго баланса по внѣшнимъ платежамъ ¹⁾, *обращалась въ народъ въ изо-*

par des précédents qu'il serait dangereux de changer d'une manière brusque et inattendue. Relativement aux taxes à l'entrée M. de Cancrin quitte ses vues ordinaires libérales pour se faire le champion—du système protecteur. Cette anomalie s'explique en partie par l'administration même de l'auteur, qui pendant la longue période de son ministère, a introduit le système prohibitif. En traitant cette question si controversée, il se place principalement au point de vue des intérêts de la Russie, c'est-à-dire dans une position exclusive, de laquelle il est assez difficile de juger scientifiquement la valeur économique des douanes. Aussi il attache une importance exagérée à la balance du commerce».

¹⁾ Среднее ежегодное превышеніе отпуска товаровъ надъ привозомъ было: въ 1823—1827 годахъ на 7.020,680 р., въ 1828—1833 гг. на 14.493,160 р., въ 1834—1838 гг. на 9.135,425 р. и въ 1839—1843 гг. на 11.994,380 р.

Средній годовой излишекъ привоза золота и серебра надъ отпускомъ былъ въ 1823—1827 гг. на 2.128,940 руб., въ 1828—1833 гг. на 11.080,720 руб., въ

били; подати же и другіе казенные платежи, согласно манифесту 9 апрѣля 1812 г., должны были быть вносимы только *ассигнаціями*. Вслѣдствіе этого, при наступленіи сроковъ казенныхъ платежей, плательщики принуждены были доставать ассигнаціи, вымѣнивая ихъ на звонкую монету, причемъ на ассигнаціи устанавливались совершенно произвольные лажи, различные въ разныхъ мѣстностяхъ. Для прекращенія такого злоупотребленія, надо было *разрѣшать приемъ казенныхъ платежей звонкою монетою по установленному курсу*, о чемъ ходатайствовали и многіе генералъ-губернаторы и губернаторы въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ. Съ другой стороны, и казна нуждалась въ увеличеніи количества своей звонкой монеты, въ виду предстоявшей войны съ Турціею. По этимъ главнымъ соображеніямъ, 11 ноября 1827 года, состоялся *первый именной указъ* императора Николая I министру финансовъ о приемѣ въ казну серебряной монеты въ уплату за паспорта и, частію, за гербовую бумагу, по курсу *3 руб. 70 коп.* Затѣмъ послѣдовали именные указы отъ 3 апрѣля, 19 мая и 24 іюня 1829 г., разрѣшавшіе уплату серебромъ еще нѣкоторыхъ сборовъ, по курсу 3 руб. 60 коп. Въ 1829 г. казенныхъ платежей серебряною монетою поступило на *13,8 милл. руб.*, что уже представило фактическое доказательство достаточнаго обилія серебряной монеты въ народномъ обращеніи. Вслѣдствіе сего, 11 декабря 1830 г., состоялся именной указъ, въ которомъ сказано слѣдующее:

«Указомъ отъ 11 ноября 1827 года допущенъ приемъ въ казну серебряной монеты за паспорта и частію за гербовую бумагу. Принявъ нынѣ въ соображеніе *избытокъ звонкой монеты въ народномъ обращеніи* и что *приемъ оной въ бѣльшемъ количествѣ въ казну послужитъ обезпеченіемъ для плательщиковъ, избавляя ихъ отъ излишнихъ издержекъ при вымѣнѣ ассигнацій*, мы признали за благо постановить:

«1) При платежахъ, въ указѣ 1827 г. поименованныхъ, принимать серебряную и платиновую монету на всякую сумму.

2) Сверхъ того, дозволяется вамъ, по мѣрѣ избытка серебряной монеты въ одной губерніи противъ другой, распространять приемъ оной, *по желанію плательщиковъ*, и на всѣ вообще подати, равно и на прочіе платежи въ казну, кои исчислены на ассигнаціи, *объявляя о томъ каждый разъ въ губерніи повсемѣстно* и донося правительствующему сенату для свѣдѣнія.

3) На сей конецъ устанавливается на 1831 годъ, при приемѣ въ 1834—1838 гг. на 3.479,000 р. и въ 1839—1843 гг. на 6.641,560 руб. Кроме того, собственного золота, съ 1830 по 1842 г., было добыто 5,300 пудовъ на сумму около 70.000,000 р. (см. таблицы Рассады).

казначейства, курсъ серебряному рублю, безъ различія крупной и мелкой монеты, по *три рубля шестидесяти копѣекъ*.

4) Съ симъ вмѣстѣ мы разрѣшаемъ вамъ и къ израсходованію въ случаѣ надобности, по означенному въ ст. 3 курсу, поступающей въ казначейства звонкой монеты на мѣстныя штатныя выдачи, а при значительномъ накопленіи оной и на другія издержки, также и на отпуски по другимъ вѣдомствамъ по удобности».

Далѣе, именнымъ указомъ 10 мая 1833 г., было повелѣно «во всѣ подати и сборы, по коимъ приѣмъ платежей въ казну серебряною и платиновою монетою разрѣшенъ указомъ 11 дек. 1830 г., принимать впредь и *золотую російскую монету*, считая въ 1833 г. золотой рубль, по соразмѣрности съ курсомъ на серебро, въ 3 р. 75 к. ассигнаціями, а въ послѣдующіе годы назначать всегда курсъ на золото вмѣстѣ съ курсомъ на серебро. Въ 1834 году былъ разрѣшенъ приѣмъ золотой, серебряной и платиновой монеты въ уплату *земскихъ повинностей*, «еслибы губернское начальство того требовало», причѣмъ податной курсъ на серебро и золото оставленъ тотъ же, т. е. 3 р. 60 к. и 3 р. 75 к. ассигнаціями, хотя биржевой курсъ былъ 3 р. 50 к.

Вслѣдствіе сего указа, начинается быстрое возрастаніе поступленія звонкой монеты въ казну:

Въ 1832 г.	поступило монетою на	15,8	мл. руб.		
» 1833 »	»	»	»	23,9	»
» 1834 »	»	»	»	25,8	»
» 1835 »	»	»	»	38,5	»
» 1836 »	»	»	»	38,0	»
» 1837 »	»	»	»	43,9	»
» 1838 »	»	»	»	58,2	»
» 1839 »	»	»	»	96,2	»

Наконецъ, когда платежей въ казну звонкою монетою поступило 96,2⁰/₀, въ томъ числѣ податей и пошлинъ 62,2⁰/₀, Канкринъ вошелъ въ государственный совѣтъ съ планомъ денежной реформы. При обсужденіи этого плана, возникъ вопросъ, какой курсъ слѣдовало бы принять для ассигнацій: средній ли биржевой курсъ въ 3 р. 50 к., совершенно свободно установившійся съ 1834 года, какъ предлагалъ Канкринъ, или въ 3 р. 60 к., назначенный для взноса податей. Три члена государственнаго совѣта находили невозможнымъ принять этотъ послѣдній курсъ, такъ какъ онъ былъ установленъ исключительно для взиманія податей и *никогда не распространялся на сдѣлки между частными лицами*, слѣдовательно, въ отношеніи ихъ онъ былъ совершенно произвольный. При этомъ графъ

*

Канкринъ объяснилъ, что «установленіе произвольнаго курса произведетъ замѣшательства въ коммерческихъ и долговыхъ сдѣлкахъ и возбудитъ жалобы на *несправедливость мѣры*. Кроме того, установленіе такого произвольнаго курса *несообразно и съ достоинствомъ правительства*, потому что *представляетъ видъ банкротства*. Кто платитъ кредиторамъ не весь капиталъ, а только часть его, есть банкротъ». Наконецъ, «принятіе курса произвольнаго или принужденнаго противно истиннымъ началамъ государственнаго кредита. И какъ рѣшиться правительству самому, безъ всякой крайней необходимости, поколебать кредитъ сей, который оно возстановляло въ теченіи 22 лѣтъ (съ 1817 г.) съ непрерывною заботливостью и съ большими, со стороны казны, пожертвованіями,—рѣшиться тогда, когда само же оно предполагаетъ нынѣ утвердить его упроченіемъ кредитной и денежной системы»? Это мнѣніе, принятое въ общемъ собраніи государственнаго совѣта девятью членами, удостоилось утвержденія императора, и манифестомъ 1-го іюля 1839 г. былъ окончательно опредѣленъ курсъ ассигнацій «отнынѣ впредь, единожды и навсегда постояннымъ и не премѣняемымъ, считая серебряный рубль, какъ въ крупной, такъ и въ мелкой монетѣ, въ 3 р. 50 коп. ассигнаціями». Одновременно съ этимъ послѣдовалъ высочайшій указъ правительствующему сенату объ учрежденіи при государственномъ коммерческомъ банкѣ особой *депозитной кассы* «для выдачи депозитныхъ билетовъ на первый разъ въ 3, 5, 10 и 25 р. сер., а потомъ, смотря по надобности, и въ 1, 50 и 100 р. сер. подъ вклады серебряною монетою російскаго чекана», чтобы убѣдиться въ возможности образованія *размѣннаго фонда*. Эта мѣра удалась вполне: въ 1840 году поступило вкладовъ въ депозитную кассу на 24 м. р., преимущественно цѣлковыми. Черезъ два года, манифестомъ 1 іюля 1841 года разрѣшенъ былъ сохраннымъ казнамъ и заемному банку выпускъ, подъ залогъ недвижимыхъ имѣній, *кредитныхъ билетовъ*, но въ ограниченномъ размѣрѣ (всего на 30,000.000 р. сер. и притомъ только билетами 50 рублеваго достоинства), съ открытіемъ обмѣна этихъ билетовъ на звонкую монету и ассигнаціи (по 3 р. 50 к.). Наконецъ, еще черезъ два года, манифестомъ 1 іюня 1843 г., окончательно былъ объявленъ замѣнъ, какъ ассигнацій, такъ и депозитныхъ и кредитныхъ билетовъ заемнаго банка и сохранныхъ казенъ, *государственными кредитными билетами*, размѣннымъ, по предъявленіи и нарицательной цѣнѣ, на *звонкую серебряную или золотую російскую монету, по желанію приносителей* (ст. XI маниф. 1843 г.). При этомъ въ манифестѣ было объявлено, что уже четыре года тому назадъ (при изданіи манифеста 1839 г.,

опредѣлившаго постоянный курсъ ассигнацій) имѣлось въ виду необходимость замѣнить ассигнаціи другими знаками, представляющими ту именно монету (серебряный рубль), которая признана основною въ имперіи; но тѣмъ не менѣе это совершалось не вдругъ, а съ принятіемъ сперва разныхъ переходныхъ мѣръ, дабы «не потрясти вдругъ народныхъ привычекъ, и въ этихъ же видахъ ассигнаціи замѣняются нынѣ кредитными билетами, какъ знакомыми уже народу, обезпеченными по ихъ цѣнности и боспріявшими уже повсемѣстно ходъ наравнѣ съ серебряною монетою». Можно, конечно, съ строго формальной точки зрѣнія, считать обмѣнъ ассигнацій на государственные кредитные рубли, не по нарицательной цѣнѣ ихъ, а по установленному курсу 3 р. 50 к., *нѣкоторою девальвациею*; но при этомъ надо имѣть въ виду, что *ассигнаціи никогда не имѣли опредѣленнаго курса въ народномъ обращеніи*, и что *принятый для размѣна курсъ въ 3 р. 50 к. былъ самый высочайшій курсъ ассигнацій въ текущемъ столѣтіи и притомъ свободно и естественно установившійся уже съ 1834 года*. Слѣдовательно, канкриновская денежная реформа, въ дѣйствительности, на практикѣ нисколько не нарушила права и интересовъ частныхъ лицъ. Но и при этомъ правительство не рѣшилось тотчасъ же, въ 1839 г., приступить къ окончательному обмѣну ассигнацій на кредитные билеты по этому курсу, а признано необходимымъ испытать прежде его устойчивость въ теченіе четырехъ лѣтъ (1839—1843), и только когда онъ блистательнымъ образомъ выдержалъ испытаніе на практикѣ, объявленъ окончательный обмѣнъ ассигнацій по курсу 3 р. 50 к.

Нижеслѣдующая таблица показываетъ постепенный ходъ обмѣна ассигнацій и депозитокъ на государственные кредитные билеты съ 1843 по 1852 годъ и размѣръ размѣннаго металлическаго фонда, который долженъ былъ составлять не менѣе $\frac{1}{6}$ части находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ.

Находилось въ обращеніи въ милліонахъ рублей:

	Кредит. бил.	Ассигнат.	Депозит.	Всего.	Равнѣнный фондъ.	
Въ 1843 г.	30,30	160,67	31,49	222,47	35,92	около $\frac{1}{6}$
» 1844 »	121,30	93,08	17,81	232,62	59,40	болѣе $\frac{1}{4}$
» 1845 »	189,42	55,12	8,59	253,12	86,81	» $\frac{1}{3}$
» 1846 »	226,17	34,92	4,38	265,47	101,29	» $\frac{1}{2}$
» 1847 »	289,58	18,85	1,94	310,57	147,17	около $\frac{1}{2}$
» 1848 »	306,32	4,53	0,28	311,13	146,84	» $\frac{1}{2}$
» 1849 »	300,32	1,62	—	301,94	136,94	болѣе $\frac{1}{2}$
» 1850 »	301,58	0,62	—	302,20	137,22	» $\frac{1}{2}$
» 1851 »	303,30	0,41	—	304,21	139,43	около $\frac{1}{2}$
» 1852 »	311,28	—	—	311,28	146,79	» $\frac{1}{2}$

Венгерск. походъ.

Но Канкринъ не ограничился вышеизложеннымъ, постепеннымъ и крайне осмотрительнымъ, такъ сказать, однимъ *внѣшнимъ* устройствомъ кредитной денежной системы; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ озаботился, съ неменьшею предусмотрительностью, о *прочномъ установленіи* этой денежной системы и объ *обезпеченіи* металлическаго денежнаго обращенія и свободнаго размѣна государственныхъ кредитныхъ билетовъ на серебряную и золотую монету. Въ этомъ отношеніи, главными устоями кредитной денежной системы были: 1) *строго наблюдаемый покровительственный таможенный тарифъ* и 2) *избѣжаніе всякихъ новыхъ займовъ* ¹⁾. Эти два устоя обезпечивали Россіи постоянно выгодный внѣшній расчетный балансъ ²⁾, вслѣдствіе котораго *привозъ драгоцінныхъ металловъ* въ Россію постоянно превышалъ вывозъ ихъ, и потому звонкая монета, серебряная и золотая, обращалась въ Россіи въ изобиліи и размѣнъ кредитныхъ билетовъ производился совершенно свободно ³⁾. Кредитный рубль стоялъ твердо, иногда даже ходилъ съ премією 2—3 коп., за исключеніемъ 1848 и 1849 гг. (венгерская война и революціонное движеніе во Франціи и Германіи), когда онъ понижался временемъ до 98 и 96 коп.

Но кромѣ постояннаго обращенія звонкой монеты и свободнаго размѣна бумажныхъ денегъ, правильно устроенная денежная система должна удовлетворять еще одному существенно важному условію,—именно чтобы количество мѣноваго средства въ обращеніи удовлетворяло дѣйствительной потребности въ немъ. Канкринъ, хорошо изучившій денежное обращеніе въ великихъ западно-европейскихъ государствахъ, зналъ, что звонкая монета и банковые

¹⁾ Съ 1841 по 1853 г. новыхъ займовъ было заключено всего на 102 м. р. сер.: для усиленія размѣннаго фонда—25 м. р., на кавказскую и венгерскую войны—46 м. р. и на постройку никол. жел. дороги—5½ м. ф. стерл. (31 м. р.) у Ротшильда.

²⁾ Н. М. Ротшильдъ, основатель всесвѣтнаго банкирскаго дома, на вопросъ управляющей комисіи англ. банка въ 1832 году: „могутъ ли вексельные курсы быть управляемы (ruled) какимъ либо лицомъ, или ассоціаціею лицъ?“—отвѣчалъ, что „ни англійскій банкъ, ни какой либо капиталистъ пли товарищество капиталистовъ, не въ состояніи управлять вексельными курсами долѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ; что единственный факторъ, отъ котораго зависить положеніе вексельныхъ курсовъ, есть балансъ *платежей по внѣшнему счету страны*. Англійскій же банкъ, искусственно поддерживая вексельные курсы, можетъ причинить только недостатокъ въ деньгахъ (make the money scarce).“

³⁾ Съ 1840 по 1853 г., драгоцінныхъ металловъ было привезено въ Россію на 75½ м. р. болѣе, чѣмъ вывезено. Собственнаго золота за то же время было добыто на 17,138 пуд., на сумму около 226.750,000 р. сер. (Отчеты госуд. кред. установл. и таблица Растрелли).

билеты составляют лишь незначительную часть мѣноваго средства въ обращеніи, и что главнымъ такимъ средствомъ служатъ чеки на банки и банкирскія дома. Чековой системы въ то время въ Россіи совсѣмъ не существовало и, взаи́мъ ея, Канкринъ воспользовался дополненнымъ имъ въ 1830 году новымъ устройствомъ государственнаго земельного кредита, которое состояло, въ главныхъ чертахъ, въ слѣдующемъ: источниками для выдачи 5% *долгосрочныхъ* банковыхъ ссудъ подъ залогъ населенныхъ имѣній служили денежные капиталы, вносимые въ банки по 4% *до востребованія*. Обыкновенно дѣлалось такъ: помѣщикъ, получивъ изъ расходной кассы банка 5% долгосрочную ссуду подъ залогъ своего имѣнія наличными деньгами, тотчасъ же вносилъ ихъ въ приходную кассу того же банка и получалъ 4% банковые билеты (въ 100 р. 500 р. 1,000 р. 5,000 р. и 10,000 р.). Эти билеты, называвшіеся въ публикѣ «вкладными билетами», а между торговыми людьми «вкладничками», будучи уплачиваемы по востребованію, представляли какъ бы *процентные чеки* на государственные земельные банки, обращались, какъ денежные знаки, и особенно охотно принимались во всѣхъ торговыхъ платежахъ. Такъ, на нижегородской ярмаркѣ, на кievскихъ контрактахъ и др. всѣ торговые расчеты производились обыкновенно на вкладные билеты. Появляясь въ обращеніи въ различномъ количествѣ, смотря, главнымъ образомъ, по требованіямъ промышленности и торговли, вкладные билеты регулировали количество мѣноваго средства по дѣйствительной надобности въ немъ, уменьшая тѣмъ потребность въ кредитныхъ билетахъ ¹⁾. Такъ, къ 1-му января 1844 г. вкладныхъ билетовъ въ обращеніи находилось около 547 м. р., къ 1-му янв. 1847 г. около 651 м. р., къ 1-му янв. 1853 г. 848 м. р. Для прежнихъ государственныхъ кредитныхъ учреждений опасаться внезапнаго сильнаго востребованія капиталовъ и необходимости выпуска, взаи́мъ ихъ, кредитныхъ билетовъ,—при обращеніи банковыхъ вкладныхъ билетовъ наравнѣ съ кредитными билетами,—было гораздо менѣе основанія, чѣмъ теперешнимъ банкамъ опасаться внезапнаго

¹⁾ Рѣчь мин. фин. Княжевича 14 сент. 1860 г. при представленіи отчета госуд. кред. уст. за 1859 г.—Особенное вниманіе на финансовую систему и денежную реформу гр. Канкринна было обращено въ Англии, гдѣ въ 1843—1844 гг. читались объ этомъ публичныя лекціи въ лондонскомъ университетѣ и въ торговыхъ палатахъ въ Ливерпулѣ, Манчестерѣ и др. гор., причемъ подробно разсматривалось и вполне одобрилось устройство госуд. зем. кредита въ Россіи, доставлявшаго оборотные капиталы торговлѣ и промышленности и регулировавшаго количество мѣноваго средства по дѣйствительной потребности въ немъ. Подробные отчеты объ этихъ лекціяхъ печатались въ „Times“ и др. газетахъ и журналахъ.

востребованія денегъ по ихъ текущимъ счетамъ и вкладнымъ билетамъ, не смотря на краткосрочность ихъ ссудъ. «Замѣчательно,—говоритъ Канкринъ въ своемъ вышеназванномъ отчетѣ за 20 лѣтъ управленія,—что когда бѣольшая масса публики сохранила къ банкамъ прежнее довѣріе, въ нѣкоторыхъ члснахъ правительства возникли на сей счетъ чрезмѣрныя опасенія, коихъ министръ финансовъ не раздѣлялъ и былъ оправданъ послѣдствіями».

Если къ мѣновому средству прибавить еще билеты государственнаго казначейства ¹⁾, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ они принимались казною въ уплату и служили платежнымъ средствомъ между частными лицами и въ торговыхъ расчетахъ,—то окажется, что къ 1-му января 1853 г., передъ крымскою войною, въ обращеніи у насъ находилось, кромѣ обилія серебряной и золотой монеты:

Кредитныхъ билетовъ на	333.443,000 р.
Казначейскихъ билетовъ (серіи) . .	57.000,000 »
Вкладныхъ банковыхъ билетовъ. . .	848.420,459 »
Итого на	1.238.863,459 р.

Размѣнный фондъ содержалъ 161.362,372 руб. мет. Вексельные курсы на Лондонъ были $33\frac{1}{4}$ пенсовъ, т. е. кредитный рубль=100 коп. зол.

Во время крымской войны (1854—1856 г.) наша внѣшняя торговля могла производиться только по западной сухопутной границѣ и торговый балансъ далъ дефицитъ въ 30 мил. р. с. На покрытие военныхъ расходовъ было заключено два займа: въ іюнѣ 1854 г. 5-й—5% на 50 мил. р. кред. и въ ноябрѣ 1855 года 6-й—5% на 50 мил. р. мет.; кромѣ того, было выпущено кредитныхъ билетовъ на 400 мил. р. и казначейскихъ на 30 мил. р. и занято въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ 190 мил. р., всего—720 мил. р. Средній курсъ кредитнаго рубля на Лондонѣ въ 1854 году былъ $36\frac{9}{16}$ пенс. (96 к.) и въ 1855 г.—36 пенс. ($94\frac{1}{2}$ к.).

¹⁾ Въ 1831 г., для усиленія средствъ казны по случаю польскаго мятежа, былъ сдѣланъ 1-й выпускъ билетовъ государственнаго казначейства на 30 мил. руб. ассигнац., срокомъ на 4 года, съ раздѣленіемъ всего выпуска на 3 серіи; по 40 тыс. билетовъ въ 250 р. номинальной стоимости каждая. На основаніи высочайше утвержденнаго, 13 іюня 1831 г., положенія, проценты по этимъ билетамъ уплачивались по 90 к. ассигн. въ мѣсяць на каждый билетъ, что составляетъ 10 р. 80 к. въ годъ, или $4\frac{82}{100}$ % на сто. Съ установленіемъ кредитной денежной системы въ 1843 г. казначейскіе билеты выпускались серіями по 3 мил. р. каждая и по 50 р. сер. каждый билетъ, приносящій $2\frac{16}{100}$ р. сер. въ годъ.

По заключеніи мира, вывозъ нашихъ товаровъ, особенно хлѣба, быстро и значительно увеличился, такъ что торговый балансъ за 1856 годъ далъ въ нашу пользу болѣе 48 мил. р. Къ 1-му января 1857 г. въ обращеніи находилось, кромѣ обилія золотой и серебряной монеты:

Кредитныхъ билетовъ на	735.297,006 р.
Казначейскихъ »	87.000,000 »
Вкладныхъ банковыхъ билетовъ . .	1.013.000,000 »
Итого	1.835.297,006 р. ²⁾ .

Размѣнный фондъ составлялъ 141¹/₂ мил. р. мет. Курсъ кредитнаго рубля на Лондонъ во второй половинѣ 1856 и въ первой четверти 1857 года былъ 39 пенс., т. е. за 100 руб. кредитныхъ платили 102 р. золотомъ. Слѣдовательно, не смотря на увеличение количества кредитныхъ билетовъ на 400 мил. р. и другихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ почти на 200 мил. р., при уменьшеніи размѣннаго металлическаго фонда, курсъ кредитнаго рубля послѣ крымской войны не только не понизился противъ 1857 года, но еще повысился на 2 коп.

II.

Неудачи крымской войны и особенно обидный парижскій миръ (1856 г.) глубоко оскорбили нашу народную гордость, наше народное самолюбіе. Мы не давали себѣ отчета въ томъ, что Россіи пришлось бороться не съ одною Турціей, а съ коалиціей двухъ могущественнѣйшихъ, на сушѣ и на морѣ, государствъ—Франціей и Англіей, при вооруженномъ нейтралитетѣ Австріи, готовой въ каждый моментъ двинуть 300,000-ную армію въ наши предѣлы. Причины нашихъ военныхъ неудачъ мы видѣли исключительно въ нашихъ устарѣлыхъ государственныхъ порядкахъ, въ нашей отсталости отъ западной Европы.

Въ этомъ отношеніи наша канкриновская государственная финансовая система должна была казаться особенно устарѣлою и отсталою. Главные устои этой системы: государственный земельный кредитъ, покровительственный таможенный тарифъ и избѣжаніе новыхъ займовъ—совершенно противорѣчили ученію о свободной торговлѣ (фритредерство тожь), которое въ то время господствовало во всей западной Европѣ, особенно въ Англіи и Франціи ²⁾, отвергало торговый балансъ, считало покровительственныя та-

¹⁾ Отчетъ о госуд. кред. установл. за 1857 г.

²⁾ Въ 1860 г. былъ заключенъ свободный торговый договоръ между Франціею и Англіею—Мишелемъ Шевалье, членомъ института и главою француз-

моженныя пошлины преступнымъ посягательствомъ на естественныя права свободнаго обмѣна товаровъ и проповѣдывало, что страна, нуждающаяся въ денежныхъ капиталахъ для своего экономическаго развитія, *должна домогаться, а не избывать займовъ*. Государственнаго же земельнаго кредита, и вообще казенныхъ кредитныхъ учреждений, ни въ Англіи, ни во Франціи не было. Франція играла первую роль въ международной политикѣ и новогоднія рѣчи Наполеона III ожидались, какъ изреченія оракула. Удивительно ли, послѣ всего этого, что и у насъ ученіе о свободной торговлѣ получило быстрое распространеніе и преобладаніе даже въ правительственныхъ сферахъ, и что наши финансисты-реформаторы, увлеченные этимъ ученіемъ, направили свои преобразовательныя стремленія къ разрушенію канкриновской государственной финансовой системы?

Это разрушеніе началось уже въ январѣ 1857 года введеніемъ новаго таможеннаго тарифа съ сильно пониженными ставками по всѣмъ заграничнымъ товарамъ, особенно по дорогимъ мануфактурнымъ издѣліямъ. Такимъ образомъ, былъ уничтоженъ одинъ изъ трехъ главныхъ устоевъ нашей кредитной денежной системы — *покровительственный таможенный тарифъ*. Вместе съ тѣмъ былъ разрѣшенъ русскому обществу пароходства и торговли и главному обществу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, основанными въ 1856 и 1857 гг., беспошлинный ввозъ изъ-за границы пароходовъ, баржъ, паровозовъ, вагоновъ, рельсовъ и всѣхъ судовыхъ и желѣзнодорожныхъ принадлежностей. Кромѣ того, начались миллионныя заграничныя заказы военнаго и морскаго вѣдомствъ и цѣлая масса русскихъ отправилась путешествовать по западной Европѣ, издерживая также миллионы рублей. Вслѣдствіе всего этого, нашъ внѣшній расчетный балансъ въ 1857 году далъ значительный дефицитъ, внѣшній курсъ кредитнаго рубля со второй половины этого года началъ замѣтно понижаться, серебряная и золотая монета стала быстро уходить за границу ¹⁾, такъ что уже въ 1858 году пришлось приостановить размѣнъ кредитныхъ билетовъ.

Тогдашній министръ финансовъ А. М. Княжевичъ, воспитан-

скихъ фритредеровъ, и Кобденомъ, основателемъ и президентомъ фритредерскаго манчестерскаго клуба въ Англіи. Мишель Шевалье доказывалъ въ одномъ ученomъ собраніи въ 1875 г., что «еслибы торговые трактаты 1860 года, не смотря на ихъ ограниченія и несмѣлость, были заключены раньше, то не было бы и войны 1870 года». (M-r Chevalier proceeded to argue that «the commercial treaties of 1860, also restricted and timid, had been longer in existence, the Wen of 1870 might have been averted». «Economist» 1875).

¹⁾ Въ 1857—1858 гг. было вывезено изъ Россіи золота и серебра на 40½ мил. р. болѣе—чѣмъ привезено.

ный въ школѣ Канкринѣ, въ рѣчи своей при представленіи отчета государственныхъ кредитныхъ установленій за 1858 г., говорилъ, что «нельзя, однако же, не обратить здѣсь вниманія на то, что балансъ этотъ (торговый) едва ли возстановится въ желаемой степени, пока будутъ вывозиться изъ государства огромныя суммы за границу, какъ на безпошлинную выписку оттуда разныхъ принадлежностей желѣзныхъ дорогъ, машинъ, пароходовъ, рельсовъ и пр., такъ, и въ особенности, на казенные заграничныя заказы и на проживаніе тамъ нашихъ соотечественниковъ, въ послѣднее время чрезмѣрно усилившееся. Переводъ же денегъ туда, на покрытие расходовъ по тѣмъ предметамъ, должно считать одною изъ главныхъ причинъ, склоняющихъ балансъ въ денежныхъ оборотахъ Россіи съ иностранными государствами въ ея невыгоду, *причемъ не можетъ упрочиться и возвышеніе вексельнаго курса. А пока сей послѣдній не поднимется въ надлежащемъ размѣрѣ, свободный размѣръ кредитныхъ билетовъ не можетъ быть возстановленъ безъ измѣненія размѣнной кассы въ самое непродолжительное время*». Но Княжевичъ не имѣлъ достаточно твердаго характера и авторитета, чтобы устранить преобразовательные проекты нашихъ финансовыхъ реформаторовъ, не признававшихъ торговаго баланса и продолжавшихъ утверждать, вопреки дѣйствительнымъ фактамъ, что паденіе курса кредитнаго рубля есть прямое слѣдствіе выпуска кредитныхъ билетовъ на 400 мил. руб. во время крымской войны и значительнаго количества вкладныхъ банковыхъ билетовъ въ обращеніи, и что поѣтому необходимо преобразовать наши казенныя государственныя кредитныя установленія въ частныя банки на общеевропейскихъ началахъ. Одинъ изъ главныхъ финансистовъ-реформаторовъ писалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «Въ рукахъ правительства отличный случай *открыть теперь новую эру кредитной системы, не потрясая ничего, кромѣ предразсудковъ, и обезпечить навѣки блистательное развитіе промышленности*. Средство это и есть та самая *консолидація вкладовъ*, которая одна въ состояніи доставить банкамъ и частнымъ вкладчикамъ обоюдныя выгоды. Кромѣ этого средства, мы не знаемъ другаго. Къ счастью Россіи, правительство рѣшилось на эту спасительную реформу отверженія вкладовъ. Цѣль ея заключается въ устройствѣ нашихъ банковъ на такихъ же *прочныхъ началахъ*, какъ они существуютъ за границею» ¹⁾).

Съ 15-го іюня 1856 г. до 15-го іюня 1859 г. я жилъ въ домѣ министра иностранныхъ дѣлъ князя А. М. Горчакова, въ качествѣ

¹⁾ Е. И. Ламанскій «Вклады въ банкахъ, или билеты непрерывнаго дохода». «Русск. Вѣстн.», мартъ 1859 г.

наставника его сыновей, и велъ мой дневникъ. 14-го марта 1859 года обѣдалъ у Горчакова, въ числѣ другихъ лицъ, статсъ-секретарь А. В. Головиннъ, принимавшій весьма вліятельное участіе почти во всѣхъ великихъ реформахъ императора Александра II и бывшій потомъ министромъ народнаго просвѣщенія (1862—1866 гг.). Разговоръ шелъ о кредитной реформѣ, и когда Головиннъ сообщилъ, что рѣшено ликвидировать наши государственные земельные банки, у меня невольно вырвалось: «Какъ? рѣшено уничтожить государственный земельный кредитъ наканунѣ крестьянской реформы?! Вѣдь это нанесетъ сильный ударъ нашему земледѣлію и сельскому хозяйству, составляющимъ главный источникъ государственныхъ доходовъ и главное обезпеченіе народнаго и всего государственнаго благосостоянія»!..—Que dites vous, mon cher,—прервалъ меня кн. Горчаковъ,—можно ли строить государственное благосостояніе на погодѣ¹⁾?—Головиннъ внимательно посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Уже назначена при министерствѣ финансовъ особая комісія для составленія проекта частныхъ земельныхъ банковъ на основаніи взаимности и акціонерскомъ началѣ, какъ въ западной Европѣ».

1-го сентября 1859 г. состоялся высочайшій указъ объ окончательномъ преобразованіи государственныхъ кредитныхъ установленій, причемъ было повелѣно «упрочить долгъ банковъ выпускомъ 5% банковыхъ билетовъ», которымъ были предоставлены особыя преимущества; «дабы онѣ могли обращаться и на иностранныхъ биржахъ».

Такимъ образомъ, наканунѣ великой крестьянской реформы, былъ уничтоженъ въ Россіи государственный земельный кредитъ, составлявшій краеугольный камень всего нашего государственнаго хозяйства, доставлявшій обильные оборотные капиталы торговлѣ и промышленности, и регулировавшій мѣновое средство въ обращеніи на дѣйствительной потребности въ немъ. Мы перестали строить государственное благосостояніе «на погодѣ», а передали благо-

¹⁾ Въ 1858 году, въ одномъ изъ журналовъ была напечатана статья: «Земледѣльская или мануфактурная страна Россія»? весьма хлестко написанная и донавивавшая, на основаніи искусно подобранныхъ историческихъ фактовъ, что славяне никогда не были земледѣльческимъ народомъ и что Россія есть и должна быть страной мануфактурной. Статья окончивалась слѣдующими словами: «Да, наконецъ, можно ли строить благосостояніе государства *на погодѣ*». Этотъ афоризмъ мнѣ пришлось слышать и отъ генерала Чевкина, бывшаго, послѣ графа Клейнмихеля, главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями, и потомъ предсѣдателемъ департамента государственной экономіи. Чевкинъ почему-то считался авторитетомъ въ государственныхъ финансовыхъ и экономическихъ вопросахъ.

устройство его частнымъ банкамъ и биржѣ. Отсюда, главнымъ образомъ, и пошло разстройство нашихъ государственныхъ финансовъ и экономическаго положенія помѣщиковъ и крестьянъ.

Къ 1-му сентября 1859 г. было денежныхъ вкладовъ въ государственныхъ земельныхъ банкахъ 968.959,665 р., изъ нихъ казенныхъ 242.032,080 р. и частныхъ 725.074,956 р., изъ которыхъ *болѣе 600 мил. р. принадлежало помѣщикамъ*. Въ коммерческомъ банкѣ вкладовъ было всего 69.239,800 р.

5% банковые билеты, которыми, главнымъ образомъ, были уплачены банковые вклады, реализовались въ то время по 75 р. за сто, такъ что помѣщики потеряли на своихъ вкладахъ около 150 мил. р. Столь значительная потеря была тѣмъ чувствительнѣе для помѣщиковъ, что они не были приготовлены къ освобожденію крестьянъ и не имѣли оборотныхъ капиталовъ для устройства своихъ хозяйствъ на вольнонаемномъ трудѣ.

Но, говорятъ, помѣщики получили значительныя выкупныя суммы. Известно, что при заключеніи выкупныхъ сдѣлокъ, изъ причитавшихся помѣщикамъ выкупныхъ суммъ удерживались всѣ долги ихъ бывшимъ государственнымъ кредитнымъ учреждениямъ. Съ 1862 по 1866 г., когда въ Россіи никакого опредѣленнаго земельного кредита не существовало, выкупныхъ сдѣлокъ было заключено по 25,850 имѣніямъ (3.300,000 душъ) на 329,4 мил. р., изъ которыхъ, за удержаніемъ 156,3 мил. р. долговъ бывшимъ государственнымъ кредитнымъ учреждениямъ, было выдано помѣщикамъ 173,1 мил. р. 5% выкупными свидѣтельствами и 5¹/₂% рентами, реализація которыхъ была очень затруднена и за нихъ давали по 65 р. и даже по 60 за сто, такъ что помѣщики потеряли еще болѣе 60 мил. р. и получили собственно только 110 мил. р., слѣдовательно, по 30 р. за земельный надѣлъ, въ среднемъ по 3¹/₂ десятины на душу. Такимъ образомъ, помѣщики потеряли въ общемъ болѣе 200 мил. р., безъ всякой, съ своей стороны, выгоды и притомъ въ такое время, когда имъ особенно нужны были деньги.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности не было никакой необходимости ни въ прекращеніи государственнаго земельного кредита, ни въ удержаніи изъ выкупныхъ суммъ долговъ прежнимъ государственнымъ кредитнымъ учреждениямъ.

Задолженность помѣщиковъ, подъ залогъ 7.107,184 душъ (изъ всего числа 10.844,902 души по X ревизіи) въ 1859 г. составляла 425.473,061 р. Изъ оставшейся у помѣщиковъ, за крестьянскими надѣлами, земли—30.438,118 десят. были заложены въ новыхъ земельныхъ банкахъ къ 1-му января 1887 года за 761.095,558 р., то есть за сумму, превысившую означенную задолженность на

335.622,497 р. Слѣдовательно, долгъ помѣщиковъ вполне обезпечивался оставшеюся у нихъ землею и можно было безъ всякаго риска переложить его на эту землю.

Редакціонныя комисіи по освобожденію крестьянъ, работавшія въ то же время въ Петербургѣ, настойчиво заявляли не только о необходимости сохраненія государственнаго помѣщичьяго земельного кредита, но и о распространеніи его на крестьянскія земли, такъ какъ предвидѣлось, что потребность освобожденныхъ крестьянъ въ деньгахъ сильно увеличится: дѣйствительно, крестьянскія подати и государственные сборы, составлявшіе въ 1862 г. около 17 м. р., въ 1863 г. увеличились до 28 м. р., въ 1864 г.—до 34 м. р., въ 1865 г.—до 40 м. р. Прибавились: новые выкупные платежи (въ 1862 г.—291,092 р., въ 1863 г.—2,86 м. р., въ 1864 г.—7.930,251 р., въ 1865 г.—16.784,586 р.), новыя общественныя и земскія повинности; прежнія натуральныя повинности переложены были въ денежныя и пр. Кромѣ того, крестьяне должны были покупать лѣсъ для своихъ построекъ, дрова, лучину и даже лыко на лапти; нанимать покосы, выгоны для скота и пр., причемъ они уже не могли рассчитывать на прежнюю обычную помощь отъ помѣщиковъ въ несчастныхъ случаяхъ: неурожаяхъ, градобитіи, падежахъ скота, пожарахъ и пр. Во всѣхъ означенныхъ новыхъ денежныхъ нуждахъ, единственными кредиторами-благодѣтелями бѣдныхъ крестьянъ являлись и до сихъ поръ являются свои же мужики-булаки и кабачики за 100 проц. и болѣе въ годъ!..

Въ отношеніи исправленія нашего разстроившагося съ 1858 г. денежнаго обращенія и упроченія курса кредитнаго рубля, преобразование прежнихъ государственныхъ банковъ (1858—1863 гг.) дало также совершенно отрицательные результаты. Къ 1-му января 1861 г. въ обращеніи находилось:

Кредитныхъ билетовъ на .	712.978,569 р.
Казначейскихъ	108.000,000 »
Вкладныхъ билетовъ . . .	237.061,104 »

Итого на . . . 1.058.039,673 р.

Изъ этихъ цифръ видно, что, кромѣ совершеннаго исчезновенія звонкой монеты изъ обращенія, и бумажное мѣновое средство сократилось противъ 1857 г. (1.835.297,000 р.) почти на 800 м. р. и даже стало менѣе, чѣмъ было въ 1853 г. (1.238.863,459 р.) почти на 200 м. р. Но, по теоретическимъ соображеніямъ финансовъ-преобразователей, консолидація банковыхъ вкладовъ, посредствомъ обращенія ихъ въ 5% банковые вклады, должна была доставить больше денежныхъ средствъ, ибо эти билеты должны были ходить выше пари. Однако, практика денежнаго обращенія не

замедлила доказать всю ошибочность такихъ теоретическихъ соображеній: тогда какъ оставшіеся еще въ обращеніи вкладные билеты, приносившіе съ 1858 г. только 2%, ходили наравнѣ съ кредитными билетами, за новые 5% банковые билеты давали только по 75 р. за сто. Основатели новой «кредитной эры» въ Россіи совершенно упустили изъ виду, что вкладные билеты, размѣнные по востребованіи и нарицательной цѣнѣ на кредитные билеты, представляли государственную процентную *бумагу-деньги* и обращались, какъ денежные знаки. Забывшіе же ихъ 5% банковые билеты представляли государственную процентную *бумагу-товаръ*, которая продавалась и покупалась по биржевому курсу.

Столь значительное сокращеніе мѣноваго средства, и притомъ въ такое время, когда вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, замѣны крѣпостнаго труда вольнонаемнымъ, переложенія многихъ натуральныхъ повинностей въ денежные, увеличенія государственныхъ податей и сборовъ, образованія разныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій и пр., явилась несравненно большая потребность въ наличныхъ деньгахъ, не могло не причинить сильнаго стѣсненія денежнаго рынка, со всѣми разорительными оттого послѣдствіями, особенно для торговли и промышленности. Для смягченія этого денежнаго кризиса новый государственный банкъ, учрежденный (1860 г.) «для содѣйствія развитію торговыхъ оборотовъ и упроченію кредитной денежной системы», вынужденъ былъ прибѣгнуть къ временнымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ, — иодъ предлогомъ подрѣшленія своихъ расходныхъ кассъ. Между тѣмъ, именно въ уменьшеніи количества кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, по увѣреніямъ нашихъ финансистовъ-преобразователей, и заключалась вся суть исправленія нашего разстроившагося денежнаго обращенія: «Истинная единственная цѣльность кредитнаго рубля, — пишетъ Е. И. Ламанскій въ «Современной лѣтописи» («Русск. Вѣстн». № 24, 1859 г.), — могла быть восстановлена не иначе, какъ изыятіемъ излишняго количества кредитныхъ билетовъ. Уменьшеніе количества кредитныхъ билетовъ до прежней цифры 300 мил. р. возвратило бы кредитнымъ рублямъ цѣнность, равную съ серебряными рублями и еслибы цифра 300 мил. р. оказалась недостаточною для потребностей внутреннего денежнаго обращенія, то *недостающее число денегъ, по необходимости, было бы привезено въ Россію изъ-за границы въ видѣ иностранной звонкой монеты*; а такъ какъ за эту монету пришлось бы заплатить русскими товарами, то чрезъ это усилился бы отпускъ нашихъ продуктовъ за границу и оживилось бы внутреннее производство». Должно быть, авторъ полагалъ, что иностранцы покупаютъ наши

продукты не потому, что они въ нихъ нуждаются, а потому что намъ нужно ихъ золото (1).

Средній годовою курсъ кредитнаго рубля въ 1857 г. былъ на Лондонъ 37¹/₄ пенсовъ (97¹/₂ коп. зол.), а въ 1861 году онъ понизился до 34³/₄ пенс. (91 коп. зол.).

Для поддержанія и восстановленія денежнаго курса государственнй банкъ предпринялъ въ 1861 г. *вексельную операцію*, причинившую болѣе 30 мил. р. зол. чистаго убытка, а съ апрѣля 1862 г. по октябрь 1863 г.—*размѣнную операцію*, ради которой былъ заключенъ самый значительный изъ нашихъ прежнихъ займовъ: 5% заемъ у Ротшильда на 15 м. ф. стерл., доставившій около 96 м. р. зол., изъ которыхъ болѣе половины поступило въ размѣнный фондъ, въ которомъ было 79¹/₂ мил. руб. мет. Результаты этой операціи были таковы: размѣнный фондъ уменьшился до 55 м. мет.; изъ Россіи было вывезено золота на 82 м. р. болѣе, чѣмъ привезено; курсъ кредитнаго рубля, доведенный до паритета, тотчасъ по прекращеніи операціи, понизился до 91 коп.—до того уровня, на которомъ онъ стоялъ передъ началомъ ея.

Англійскій «Economist» писалъ по поводу этой злополучной операціи въ декабрь 1863 года: «Мы удивлялись мудрости русскаго правительства, съ которою оно такъ спокойно и благополучно разрѣшило вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, сдѣлавъ ихъ земельными собственниками и не прибѣгнувъ для этого къ новымъ займамъ. Теперь намъ приходится удивляться совершенно противоположному. Мы рѣшительно не можемъ объяснить себѣ, по какимъ особеннымъ причинамъ и соображеніямъ то же правительство и почти въ то же самое время, съ необыкновенною быстротою и энергіею, разрушило свою превосходную практическую государственнo-земельную кредитную систему, составлявшую прочный фундаментъ всей финансовой системы и обладавшую неопѣнимымъ свойствомъ всегда регулировать количество мѣноваго средства въ обращеніи по потребности въ немъ промышленности и торговли. Ликвидация этой государственной кредитной системы, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшей земледѣльческой странѣ, уже произвела разстройство въ русскомъ денежномъ обращеніи и,—какъ показываетъ только что прекращенная разорительная размѣнная операція,—поставила Россію на широкій, скользкій наклонный путь займовъ и биржевыхъ спекуляцій. Надо надѣяться, что русское правительство сознаетъ свою разорительную ошибку, пойметъ, что внѣшніе займы суть только затычки (stopgaps), скрывающія опасную течь и содѣйствующія все болѣшему и болѣшему расширенію бреши въ плотинѣ, и восстановить, въ возможной при измѣнившихся

условіяхъ формѣ, свою прежнюю государственную кредитную систему».

Эта замѣтка «Economist'a» была перепечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» съ *предостереженіемъ*: не слѣдуетъ-де довѣрять такому трогательно-сострадательному указанію нашихъ финансовыхъ ошибокъ, и скорѣе надо видѣть въ словахъ англійскаго журнала скрытое опасеніе, что обновленная Россія, при своей новой государственной кредитной системѣ, вызвавшей уже образованіе множества разныхъ новыхъ акціонерныхъ, промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, въ скоромъ времени сдѣлается «опасною соперницею» Англій въ фабричныхъ и заводскихъ производствахъ и въ международной торговлѣ.

И вотъ мы стали особенно часто практиковать одинъ изъ главныхъ принциповъ фритредерства: *«страна, нуждающаяся для своего экономическаго развитія въ денежныхъ капиталахъ, должна домогаться, а не избывать внѣшнихъ займовъ»*, и новые займы заключались почти ежегодно, то на покрытіе государственныхъ бюджетныхъ дефицитовъ, помимо введенія новыхъ и увеличенія прежнихъ налоговъ и податей, то для усиленія средствъ государственнаго казначейства, а съ 1866 г. на постройку—желѣзныхъ дорогъ ¹⁾. Наши государственныя долговыя обязательства возрасли въ 14 лѣтъ мирнаго времени (1862—1876 гг.) болѣе, чѣмъ на 1.700 м. р. утратили твердое помѣщеніе, спекулировались въ большихъ количествахъ на иностранныхъ биржахъ и угнетали нашъ внѣшній расчетный балансъ и денежный курсъ. Такимъ образомъ былъ уничтоженъ и третій главный устой нашей кредитной денежной системы и отъ нея остались, такъ сказать, только внѣшніе значки—неразмѣнные кредитные билеты съ постоянно колеблющимся курсомъ, большею частью въ понижательномъ направленіи, такъ что въ теченіе 14 лѣтъ мирнаго времени, съ 1862 г. по 1876 г., ни средніе годовые, ни средніе мѣсячные курсы не достигали уже тѣхъ размѣровъ, въ какихъ они держались до вышеупомянутой размѣнной операціи. Между тѣмъ, въ эти 14 мирныхъ лѣтъ была сооружена въ Россіи цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ, болѣе 17 тысячъ верстъ, учреждены общества взаимнаго кредита, разные акціонерныя коммерческія и частныя земельныя банки; внутренніе и внѣшніе торговые обороты значительно увеличились, особенно вывозъ нашихъ хлѣбовъ за границу и проч. Казалось

¹⁾ Только нынѣшній министръ финансовъ С. Ю. Витте доказалъ возможность сооруженія великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути на кредитные рубли (Всепопд. докладъ при Госуд. росписи на 1893 г.).

бы, что все это должно было имѣть благотворное вліяніе и на улучшеніе нашего денежнаго обращенія, на повышеніе и упреченіе нашего внѣшняго денежнаго курса? Въ дѣйствительности же наше денежное обращеніе все больше разстраивалось и внѣшній курсъ кредитнаго рубля становился все менѣе устойчивымъ, постоянно колебался и преимущественно въ понижательномъ направленіи. Это прямо доказываетъ, что достигнутое, въ означенныя 14 мирныхъ лѣтъ, развитіе Россіи въ экономическомъ и торговомъ отношеніяхъ не соотвѣтствовало тѣмъ средствамъ, какія были для этого употреблены и что самыя исходныя начала этого развитія были неправильны и не соотвѣтствовали дѣйствительнымъ пользамъ и нуждамъ Россіи—страны земледѣльческой по физической природѣ своей и по занятіямъ $\frac{9}{10}$ всего населенія ея. Остановлюсь нѣсколько на болѣе крупныхъ фактахъ, именно на сооруженіи желѣзныхъ дорогъ и учрежденіи акціонерныхъ комерческихъ и частныхъ земельныхъ банковъ.

Съ 1866 по 1876 г. была построена въ Россіи цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ, болѣе 17 тысячъ верстъ, на иностранныя капиталы, для чего было заключено 5% золотыхъ консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ въ Англіи на 69 м. ф. стерл. Изъ употребленныхъ для этихъ дорогъ около 134 мил. пудовъ рельсовъ, купленныхъ за границею было 110 мил. пудовъ, изъ которыхъ только $4\frac{3}{4}$ мил. пудовъ были оплачены пошлиною. Русскихъ же рельсовъ было употреблено всего $23\frac{1}{2}$ мил. пуд., считая въ томъ числѣ около 15 мил. пудовъ, приготовленныхъ на петербургскихъ заводахъ перекаткой изъ старыхъ заграничныхъ рельсовъ. При этомъ уральская горнозаводская дорога была построена послѣднею (окончена въ 1878 г.) и ее пришлось соорудить на $\frac{2}{3}$ изъ англійскихъ рельсовъ, какъ бы въ насмѣшку надъ нашими желѣзными богатствами Урала (Докладъ Л. П. Юсса въ Русск. технич. общ. въ концѣ 1878 г.). Паровозы и вагоны были куплены также за границею. Поэтому сооруженіе такой большой желѣзнодорожной сѣти почти нисколько не содѣйствовало развитію въ Россіи туземнаго производства желѣзнодорожныхъ принадлежностей и устройству собственныхъ желѣзодѣлательныхъ и машиностроительныхъ заводовъ, а вліяніе его на нашъ внѣшній расчетный балансъ и, вслѣдствіе того, на нашъ денежный курсъ было угнетательное. Постройка желѣзныхъ дорогъ производилась дорогимъ концессионерскимъ способомъ, причемъ концессионеры-хозяева и инженеры-строители наживали большіе капиталы, а рабочіе спаивались и приносили домой только крохи заработковъ, какъ доказала извѣстная комисія графа Э. Т. Баранова, особенно относительно поля-

ковскихъ желѣзныхъ дорогъ. — При постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, относительно направленія ихъ, подвижнаго состава и устройства станцій и складочныхъ пунктовъ, менѣ всего были приняты въ соображеніе потребности передвиженія нашихъ главныхъ хлѣбныхъ уѣздовъ, что отзывается и въ настоящее время; о подѣздныхъ же путяхъ было совершенно забыто. Наконецъ, при постройкѣ и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ какъ бы нарочито давали имъ такое направленіе, при которомъ Пруссія и ея балтійскіе порты дѣлались передаточными станціями и посредниками товарнаго движенія между Россіей и западною Европою, какъ по ввозу, такъ и еще болѣе по вывозу изъ Россіи товаровъ, въ прямой ущербъ нашимъ портамъ. Особенно невыгоднымъ для насъ послѣдствіемъ такого конечнаго направленія нашихъ желѣзныхъ дорогъ было то, что прямыя торговыя связи съ главными потребителями нашихъ продуктовъ ослаблялись и что, когда воинственная сосѣдка наша начинала воевать, отпускъ нашихъ продуктовъ задерживался и наши вексельные курсы сильно понижались, что намъ пришлось испытать въ 1864, 1866 и 1870—71 годахъ, во время войны Пруссіи съ Даніей, Австріей и Франціей.

Вышеизложенное преобразование нашей прежней государственной кредитной системы имѣло послѣдствіемъ развитіе въ Россіи банковаго дѣла, учрежденіе частныхъ акціонерныхъ банковъ и обществъ взаимнаго кредита. Эти частныя кредитныя учрежденія облегчили денежныя обороты и операціи съ процентными бумагами; но по отношенію къ вѣдшему расчетному балансу и вексельнымъ курсамъ содѣйствовали болѣе ихъ угнетенію, чѣмъ улучшенію. Причиною этого было то, что частныя акціонерныя коммерческіе банки и общества взаимнаго кредита затрачивали довѣряемые имъ владчиками капиталы преимущественно на ссуды подѣ фонды и вообще процентныя бумаги и разныя, такъ называемыя, биржевыя спекулятивныя финансовыя операціи (*financing business*), чѣмъ на учетъ торговыхъ и промышленныхъ векселей. Этими они оказывали сильную поддержку спекулянтамъ фондами и вообще процентными бумагами, особенно играющимъ на повышеніе. Поднимающія цѣны спекулятивныхъ бумагъ и закладывая ихъ, по мѣрѣ приобрѣтенія въ банкахъ, спекулянтамъ нашей фондовой биржи не разъ удавалось, безъ всякаго раціональнаго основанія, доводить цѣны ихъ до ни съ чѣмъ несообразныхъ размѣровъ, чѣмъ не успевали пользоваться иностранныя капиталисты для сбыта такихъ бумагъ въ Россію съ большими барышами. Когда же наступала реакція и цѣны бумагъ падали еще быстрѣе и сильнѣе, чѣмъ повышались, иностранныя капиталисты вновь скупали ихъ, но уже по

цѣнамъ на нѣсколько десятковъ процентовъ ниже цѣнъ, по какимъ сами продали ихъ. Понятно, что при этомъ вся разница въ цѣнѣ, т. е. весь барышъ иностранныхъ капиталистовъ ложился на нашъ внѣшній расчетный балансъ и служилъ къ вящему угнетенію его и вексельныхъ курсовъ.

Съ 1866 года начался въ Россіи частный земельный кредитъ, и землевладѣльцы поспѣшили закладывать свои имѣнія въ частныхъ земельныхъ банкахъ. Но этотъ частный земельный кредитъ, устроенный на коммерческихъ началахъ, доходилъ до 10—12 процентовъ, пока не было принято нынѣшнимъ министромъ финансовъ нѣкоторыхъ мѣръ, побудившихъ частные земельные банки понизить ссудные проценты. Но это произошло лишь въ 1894 г., такъ что частный земельный кредитъ не только не облегчилъ тяжелаго экономическаго положенія землевладѣльцевъ, но они попали въ новые кредитные тиски и, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ сдѣлались неоплатными должниками частныхъ земельныхъ банковъ. Но, не смотря на свое стѣсненное положеніе, наша земледѣльческая производительность одна только и поддерживала внѣшній курсъ рубля, благодаря тому, что Америка еще не выступила нашою конкуренткою въ хлѣбной торговлѣ съ западною Европою.

Въ 1866 году средній годовой вексельный курсъ на Лондонъ былъ 29½ пенса. (78 коп. сер.). Сильный вывозъ хлѣба изъ Россіи, вызванный неурожаемъ въ западной Европѣ въ 1867—1868 гг. и 1872—1874 гг. значительно улучшилъ нашъ торговый балансъ, содѣйствовалъ поднятію внѣшняго курса кредитнаго рубля въ концѣ 1875 г. до 90 коп. зол., такъ что, постепенно повышаясь естественнымъ путемъ, вслѣдствіе увеличенія выгоды нашего внѣшняго расчетнаго баланса, достигъ бы въ 1876 г. паритета; тѣмъ болѣе, что съ 1868 по 1874 г. въ Россіи было добыто собственнаго золота около 14,600 пуд. на сумму свыше 190.000,000, руб. Но государственный банкъ, въ видахъ ускоренія полнаго возстановленія курса кредитнаго рубля и обращенія звонкой монеты, прибѣгнувъ къ искусственнымъ мѣрамъ. Пользуясь повышеніемъ курса, банкъ началъ съ 1-го августа 1868 г. покупать золото по 5 р. 98 к. за полуимперіаль ¹⁾ для увеличенія разнѣннаго металлическаго фонда, и успѣлъ увеличить этотъ фондъ съ 65 м. р. на 1 января 1868 г., до 229 м. р. на 1-е января 1876 г. ²⁾,

¹⁾ Съ 21 января 1874 г. цѣна полуимперіала была понижена до 5 р. 87 к., а съ 1-го февраля 1875 г.—до 5 р. 75 к.

²⁾ Въ томъ числѣ, въ 1868 г., золота было на 59.930,572 р. 40 к. и серебра на 5.069,154 р. 30 к., а въ 1876 г.—золота на 199.741,320 р. и серебра на 29.657,031 р. 50 к.

т. е. на 164 м. р. *металлическихъ*. Для усиленія средствъ на покупку золота было выпущено новыхъ кредитныхъ билетовъ на 82 м. р., такъ что количество ихъ въ обращеніи увеличилось за то же время съ 715 м. р. до 797 м. р. 1-го января 1876 г. началась *вторая вексельная* операція, продолжавшаяся девять мѣсяцевъ. Она отличалась отъ первой (1861 г.) тѣмъ, что тратты выдавались не самимъ госуд. банкомъ, а по его порученію, однимъ частнымъ акціонернымъ банкомъ; государственный же банкъ только выдавалъ для покрытія траттъ золото изъ размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ. Результатомъ второй вексельной операціи было уже уменьшеніе размѣннаго фонда къ 1-му янв. 1877 г. до 148.985,490 рублей; т. е. болѣе чѣмъ на 80 м. р. зол., количество же кредитныхъ билетовъ въ обращеніи уменьшилось до 790 м. р., т. е. всего лишь на 7 м. р. Драгоценныхъ металловъ было вывезено изъ Россіи въ 1876 г. на 98 м. р. металл. больше чѣмъ привезено, такъ что, сверхъ 80 м. р. изъ металлич. фонда, было вывезено еще почти все количество золота, добытаго въ Россіи въ этомъ году. Кредитный рубль въ декабрѣ понизился до 29³/₈ пенс. (77 к. зол.). Кроме того, уменьшеніе металлическаго фонда на 80 м. р. металлич. предъ самымъ наступленіемъ восточной войны имѣло слѣдствіемъ значительное ухудшеніе нашего финансоваго положенія, особенно, государственнаго финансоваго кредита. Не будь эта сумма истрачена на вторую вексельную операцію, не было бы никакой необходимости въ 1877 г. заключать внѣшній 5% заемъ на 94.000,000 р. зол. по 74 за сто, — самый невыгодный изъ всѣхъ нашихъ внѣшнихъ займовъ.

Наше положеніе въ финансовомъ отношеніи было весьма затруднительное; впервые приходилось вести войну при совершенномъ отсутствіи звонкой монеты въ обращеніи. Министръ финансовъ Рейтернъ внесъ представленіе въ комитетъ финансовъ о разрѣшеніи заключать сдѣлки на золото, съ уплатою полуимперіалами по нарицательной цѣнности—5 р. 15 к. въ видахъ введенія хотя нѣкотораго количества золотой монеты въ обращеніе. Но это представленіе не было одобрено, изъ совершенно вѣрнаго опасенія, что золото уйдетъ за границу, а были введены *золотыя таможенныя пошлины*, увеличившія почти вдвое всѣ таможенныя ставки. Такимъ образомъ, необходимость имѣть золото для войны принудила начать *возстановленіе покровительственнаго таможеннаго тарифа* — одного изъ устоевъ нашей кредитной денежной системы.

(Окончаніе будетъ).

Н. Вессель.

Михаилъ Павловичъ Озмидовъ.

Бывшій редакторъ „НОВОРОССІЙСКАГО ТЕЛЕГРАФА“.

(† 24 янв. 1897 г.).

М. П. Озмидовъ.

Михаилъ Павловичъ Озмидовъ, портретъ котораго предлагается читателю, принадлежитъ къ числу очень видныхъ русскихъ людей. На аренѣ нашей общественной жизни, немногимъ дѣятелямъ выпадаетъ такая замѣтная роль, какую игралъ М. П. Озмидовъ въ продолженіе болѣе четверти вѣка. Въ лицѣ его русская журналистика потеряла одного изъ сильныхъ и стойкихъ борцовъ за *національную идею*; русское общество лишилось энергичнаго и отважнаго защитника отъ давящаго его кагала; югъ же Россіи, кромѣ того, потерялъ, въ лицѣ его, выдающагося общественнаго дѣятеля. Всю жизнь, можно сказать, Озмидовъ провелъ въ борьбѣ за русское дѣло на разноплеменной южной окраинѣ; боролся онъ и словомъ, и дѣломъ,— и эта непрерывная 35-лѣтняя борьба тяжело отозвалась на его здоровьѣ. Застарѣлый недугъ обострился внезапно осенью прошлаго года, вынудивъ М. П. оставить всѣ занятія и уѣхать на дальній югъ, въ Грецію (Пирей). Тамъ онъ и скончался 24 января текущаго года, на 61 году жизни.

М. П. Озмидовъ, уроженецъ бессарабской губерніи, среднее образованіе получилъ въ кишиневской гимназіи, по окончаніи которой прибылъ въ Петербургъ и поступилъ въ институтъ гражданскихъ инженеровъ императора Николая I (бывшее строительное училище). По окончаніи его, въ 1860 году, началась служебная и общественная дѣятельность М. П., прекратившаяся только съ его смертію. Служба его началась въ Одессѣ, затѣмъ мы видимъ его въ сѣверо-западномъ краю, далѣе—въ черниговской губерніи. Наконецъ, въ 1864 году, М. П. навсегда уже поселяется въ Одессѣ, посвящая всѣ свои силы городскому служенію. Одновременно же начинается и публицистическая дѣятельность его.

Въ качествѣ городского техника и архитектора, М. П. много содѣйствовалъ благоустройству Одессы; самыя важныя сооруженія города, какъ-то: мостовыя, газовое освѣщеніе, водопроводъ и проч.— все это въ значительной степени обязано своимъ осуществленіемъ М. П. По его же инициативѣ, основано въ 1864 году въ Одессѣ «Общество инженеровъ и архитекторовъ», поставившее своею цѣлью—разъясненіе и разработку насущѣйшихъ вопросовъ техническо-строительной дѣятельности. Подъ псевдонимомъ «Техникъ», М. П. Озмидовъ началъ помѣщать статьи свои въ «Одесскихъ Вѣ-

домостяхъ» (нынѣ уже не существующихъ),—статьи, касавшіяся важнѣйшихъ вопросовъ городского хозяйства и указывавшія способы улучшения дѣла въ видахъ общественной пользы. Статьи эти, представляющія и общій интересъ, не разъ вызывали благодарность ихъ автору со стороны гласныхъ думы и домовладѣльцевъ¹⁾. Одновременно съ сотрудничествомъ въ «Одесскихъ Вѣдомостяхъ», М. П. корреспондировалъ и въ «Голосѣ».

Дѣятельная натура и любовь М. П. къ газетному дѣлу не могли, однако, довольствоваться скромною, сравнительно, дѣятельностью газетнаго сотрудника или корреспондента; онъ ищетъ болѣе широкаго поприща,—и въ 1875 году становится во главѣ «Новороссійскаго Телеграфа», въ качествѣ редактора, издателя и главнаго сотрудника этой старѣйшей и до сихъ поръ единственной *русской по духу газеты* въ Одессѣ. Съ этого времени дѣятельность М. П. Озмидова сразу принимаетъ широчайшіе размѣры: возлѣ него группируются всѣ лучшіе люди Одессы; къ голосу его начинаетъ прислушиваться весь югъ. «Новороссійскій Телеграфъ» расширяется до размѣровъ большихъ столичныхъ газетъ и приобретаетъ огромный, небывалый кругъ читателей.

Съ перваго дня выступленія своего на литературное поприще, въ качествѣ руководителя большаго ежедневнаго органа, М. П. Озмидовъ объявилъ войну еврейскому кагалу, систематически и непрерывно разоблачая его плутни, злоумышленія и козни. Онъ одинъ идетъ противъ несмѣтныхъ полчищъ кагала и, хотя принято думать, что «одинъ полѣ не воинъ»,—онъ идетъ смѣло и неуклонно по намѣченному пути, высоко держа въ рукахъ знамя, на которомъ кагалъ, съ дикою злобой и скрежетомъ зубовъ, читалъ: «*Руки прочь!*»! Остановить побѣдоносное шествіе израиля, сильнаго и численностью, и солидарностью своей,—одному человѣку, конечно, не по силамъ. Но борьба Озмидова съ жидовствомъ была, во всякомъ случаѣ, *не безплодною*: его ненавидѣлъ кагалъ, но и боялся, — и эта боязнь естественно сдерживала хотя нѣсколько его ермольные порывы. Уже въ этомъ одномъ заслуга Озмидова—громадна! Это былъ популярнѣйшій человѣкъ на всемъ югѣ: его уважали даже враги, за исключеніемъ, конечно, евреевъ, которые не могутъ никого уважать, а могутъ только трусить и бояться....

Борясь съ кагаломъ, свившимъ себѣ такое прочное гнѣздо на югѣ, особенно въ Одессѣ, М. П. Озмидовъ съ одинаковою же энергіей возставалъ всегда и противъ всякихъ другихъ инородческихъ вліяній и вождѣлнй. Нашествіе иностранцевъ, для которыхъ южная Россія представляетъ такой лакомый кусокъ, нѣмецкіе захваты, штунда, румынизация Бессарабіи—все это встрѣчало всегда рѣшительный отпоръ со стороны М. П. Не было вопроса болѣе или менѣе важнаго, затрагивающаго національные и государственные

¹⁾ Къ числу главнѣйшихъ изъ этихъ статей Озмидова принадлежать: «Проекты преобразованія способа содержанія мостовыхъ, шоссе и вообще улучшения городского сообщения», «Способы уничтоженія сырости въ еданиахъ», «Критическій обзоръ способовъ производства общественныхъ работъ», «Объ устройствѣ водосточныхъ трубъ и канавъ» и мн. др.

интересы Россіи, который бы не былъ поднять и не разработывался Озмидовымъ. Какъ истинно-русскій человѣкъ, онъ былъ глубоко преданъ отечеству и крѣпко держался за основныя идеи нашего государственнаго и національнаго строя. Мнѣнія свои М. П. излагалъ всегда прямо и рѣзко, безъ всякихъ кривотолковъ и недомолвокъ. Эта манера придавала особенную ясность его мысли, онъ попадалъ всегда «не въ бровь, а прямо въ глазъ». За это еврейская и еврействующая братія облыжно прозвали его фанатикомъ, ретроградомъ и *человѣкомъ ненавистникомъ* (вотъ ужъ точно: «съ больной головы на здоровую!!»). Но какими, въ дѣйствительности, «ретроградомъ» былъ Озмидовъ, видно изъ того, что основой всей его борьбы, какъ съ кагаломъ, такъ и съ иными инородческими массами, являлось благо народное, идея *независимости* и *самобытности* русскаго народа. Онъ могъ ошибаться въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ, въ подробностяхъ дѣла, но не въ *общемъ духѣ* своей журнальной карьеры. Также точно и вся общественная дѣятельность М. П., особенно въ послѣднее десятилѣтіе, когда онъ занималъ выдающееся положеніе въ думѣ, — являлась откликомъ всего честнаго, добраго и полезнаго въ интересахъ меньшей братіи, за которую онъ неустанно боролся и которую всегда старался ободрить и поддержать. Это-то служеніе интересамъ *меньшой братіи* и сталкивается у насъ всегда съ вождѣльнѣйшими жидовъ и всякихъ иныхъ пришельцевъ: вотъ почему «Новороссійскій Телеграфъ», — какъ и «Наблюдатель», — истинное бѣльмо на глазу у всѣхъ этихъ паразитовъ русскаго народа; среди же еврейства эта газета пользуется такою ненавистью, какая возможна только у евреевъ. Съ ихъ стороны употреблены были всѣ усилія, всѣ средства (до *херема* включительно), чтобы погубить руководителя газеты, но все напрасно: при сочувствіи и поддержкѣ лучшей части южно-русскаго общества, онъ шелъ неуклонно своею дорогою. Этой же дороги продолжаетъ держаться «Новороссійскій Телеграфъ» и послѣ смерти М. П. Озмидова, чему нельзя, конечно, не порадоваться искренно, — въ виду тѣхъ ликованій кагала, которымъ онъ сталъ было уже предаваться, полагая, что «Наблюдатель» лишился сильнѣйшаго изъ своихъ союзниковъ...

В Д В О Е М Ъ .

Какъ тѣни гигантскія, сосны качались...
Угрюмо сидѣли они подъ окномъ;
А съ хмураго неба страднымъ лучемъ
Двѣ яркія звѣздочки имъ улыбались.
«Взгляни!—это мы,—какъ похожи на насъ»...
Прижавшись къ нему, она нѣжно шепнула.
Вдругъ туча надвинулась,—свѣтъ ихъ погасъ...
Она, улыбаясь, на друга взглянула.
Онъ молвилъ печально: «похожи... о, да»!..
Чело наклоня въ тяжеломъ раздумѣ.
А лѣсъ завываль, тучъ носились стада,
Рыдали валы въ непонятномъ безумѣ.
Она еще ближе склонилась къ нему,
Съ улыбкой ласкаясь и страстно цѣлуя...
Она разгоняла души его тьму,
Въ любви неразлучной надъ нимъ торжествуя.

А. Гангелинъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

(Очерки и картинки).

Новая Россія; ея объемъ, населеніе, положеніе въ ней русскихъ людей.—Иностранцы у Новороссійска.—Историческая справка о Новой Россіи.—Потемкинъ, Екатерина II и Александръ I-й; нѣмцы и ихъ претензіи.—Восточная половина Новой Россіи и армянская народность; ея захваты; значеніе евреевъ и ихъ нынѣшнія отношенія къ казакамъ.—Народное образованіе.—Кто преобладаетъ въ учебныхъ заведеніяхъ?—Городское управленіе.—Что сдѣлано для русскихъ на Кавказѣ?—Создатели Одессы и кто теперь ею владѣетъ.—Одесскіе порядки въ городскомъ хозяйствѣ.—Еврейская нравственность въ Одессѣ и повсемѣстно.—Мелитополь и его дума.—Харьковъ и торговля шерстью.—Тифлисъ и армянская дума.—Исключеніе изъ гласныхъ русскихъ и грузинъ.—Баку и нравы керосинщиковъ.—Нефтяной пожаръ.—Кто тутъ въ убыткѣ?—Русская колонизація.—Еврейская ночная процессія, сопротивленіе властямъ и отзывы еврейскихъ газетъ объ этомъ.—Каспійское рыболовство.—Рыбоистребители.—Нравы и порядки на рыбныхъ ватагахъ; положеніе рабочихъ.—Движеніе населенія въ богатой Астрахани.—Преобладаніе незаконнорожденныхъ.—Астраханская дума и ея попечительность о городѣ.

Наша нынѣшняя картинка провинціальной жизни, въ территориальномъ отношеніи, будетъ очень большихъ размѣровъ; мы будемъ обозрѣвать область, равную нѣкоторымъ первокласснымъ державамъ Европы. И представьте себѣ: это будетъ, если не уголокъ, то во всякомъ случаѣ только уголъ Россіи. Мы будемъ говорить о Новороссіи—этомъ южномъ государствѣ, въ государствѣ, считая Новороссіей всю *Новую Россію*, а не одинъ, средней величины и довольно неопредѣленныхъ границъ, край на нашемъ югѣ. Всѣ земли, составляющія территорію, которую мы здѣсь назвали Новороссіей, совершенно отличны и почти несхожи со *старой* внутренней Россіей, съ торговымъ Поволжьемъ, съ разными крайнами.

Новороссія—фактическая Новая Россія,—начиная съ Одессы и Севастополя, тянется, опираясь на Новороссійскъ, до Батума въ одну сторону и до Баку, Петровска и Астрахани въ другую. Два моря—Черное и Каспійское—омываютъ этотъ край. На сѣверѣ онъ

доходить до Дона и нижней Волги; заключаетъ въ себѣ города Екатеринославль, Херсонъ, Ростовъ на Дону—среди почти неизмѣримаго (правильнѣе: плохо измѣреннаго) степнаго простора. Новороссія больше Германіи и гораздо богаче одарена природою, чѣмъ сама прекрасная Франція; вино, шоль, табакъ и лучшая въ мірѣ пшеница растутъ на ея тучной почвѣ; въ нѣдрахъ земли лежатъ неистощимые запасы каменнаго угля, желѣза и другихъ рудъ. Одно только не хватаетъ Новороссіи,—этой неотъемлемой частицѣ россійской имперіи,—а именно: русскаго элемента; русскихъ въ ней какъ будто маловато въ западной половинѣ и вовсе не оказывается въ восточной части. Инородецъ заполонилъ прекрасный край; жидовская болѣзнь, какъ ржа, поѣдаетъ его природныя богатства, а дѣльныя нѣмецкія руки сотнями своихъ колоній протянулись далеко, далеко въ новороссійскую дѣлину.

Наше опредѣленіе Новой Россіи, какъ географической единицы, вѣрно, въ силу рѣзкихъ особенностей почвы, климата, обычаевъ, промысловъ и самаго строя тамошней гражданской жизни. Русскій человѣкъ еще кое-какъ тутъ живетъ, особливо въ западной половинѣ, но говорить уже на особомъ малорусскомъ нарѣчій; на Дону, на Кубани, на Терекѣ, является типъ обособленный и своеобразный—казацкій. Настоящій русачокъ бѣтается особливо, дальше къ востоку, точно дни доживаетъ, уступая боязливо дорогу—жиду, греку, армянину, въ особенности жиду. Приведемъ и доказательства сказаннаго. Е. Л. Марковъ въ своихъ очеркахъ говоритъ: «Въ Новороссійскѣ и домѣ, и предпріятія, и люди—все уже не характерное русское, а какое-то космополитическое, международное, одинаково-общее всѣмъ городамъ южныхъ морей: турецкому Синопу, нашей Одессѣ, французской Марсели. Вездѣ встрѣчаются восточныя фizioноміи... На палубѣ много такихъ фигуръ.—Что это за народъ такой?!—спрашиваю я помощника капитана.—А кто ихъ разберетъ! породы разныя... турками ихъ зовутъ: армяшки турецкіе, греки; все въ свои руки захватили. Кромѣ ихъ, никого тутъ и не увидите.—И въ самомъ дѣлѣ, вплоть до самаго Батума, во всѣ три дня нашего путешествія, къ намъ ни разу не подплывалъ никто, кромѣ этихъ армяно-грековъ. Ни казакъ, ни черкесъ, ни русскій не попадались. Центральная кавказская администрація прежняго времени (очень недавняго) дѣлала всевозможное и всѣми мѣрами боролась противу заселенія Черноморія русскими или хотя бы казаками. *Край отдали инородцамъ...* Ученый агрономъ изъ армянъ Хатисовъ, съ товарищемъ своимъ, тоже армяниномъ, были посланы главнымъ управленіемъ Кавказа—изучать вопросъ о заселеніи края (лису въ курятникъ послали судьбою! диво!) и онъ пришелъ

къ заключенію, что русскіе колонисты здѣсь бесполезны; что садовая, виноградная и табачная культура требуетъ армянъ. И Хатисову поручили вызывать турецкихъ армянъ-переселенцевъ..

Трудно этому повѣрить, а, между тѣмъ, это фактъ. Тотъ же г. Марковъ свидѣтельствуетъ, что вокругъ Новороссійска красивѣйшія земли отданы чехамъ почти даромъ. Никакого особеннаго хозяйства они тамъ не устроили: перебиваются, какъ и безземельные пришлые русскіе, мелкими заработками въ порту; села ихъ бѣдны и грязны, но подаренныя имъ земли теперь, благодаря порту и желѣзной дорогѣ, достигли высокой стоимости 500 и 1000 р. за десятину. Русскаго землевладѣнія тутъ нѣтъ ни синь-пороха, какъ говорятся!

Возвратимся къ общему опредѣленію Новой Россіи. Еще Потемкинъ,—баловень счастья: кирасирскій подпоручикъ, кандидатъ въ архіереи и неограниченный, капризный распорядитель всѣхъ русскихъ силъ,—носился съ идеей Новой Россіи. Человѣкъ, болѣе увлекающійся блестящими миражами, чѣмъ серьезный государственный мужъ, онъ и этой великой идеѣ придалъ какую-то декоративную, эфемерную оболочку: ему желалось болѣе понравиться и выслужиться, чѣмъ что либо совершить. Всѣ его начинанія на почвѣ тогдашней Новой Россіи—совершенная противоположность начинаніямъ Петра I-го, серьезнымъ въ основѣ, настойчиво проводимымъ и зрѣло обдуманымъ. Потемкинскіе починны въ степяхъ новороссійскихъ, какъ и большинство грандіозныхъ начинаній временъ «великой монархини», не имѣя фундамента, рухнули, поглотивъ десятки милліоновъ и жизнь десятковъ тысячъ людей. Чего стоили всѣ эти начинанія, можно судить по намекамъ въ мемуарахъ князя де-Лия и, въ особенности, изъ переписки австрійскаго императора Иосифа II, видѣвшаго потемкинскія чудеса. Идея *Новой Россіи* побудила монархиню совершить путешествіе на югъ; она ѣхала точно восточная Семирамида, употребляя на каждой станціи по 1,700 лошадей. Остроумцы въ родѣ де-Лия сопровождали ее и развлекали; король Станиславъ Понятовскій и императоръ Иосифъ II поспѣшили ей навстрѣчу. Составился противоестественный союзъ съ Австріей противъ турокъ, т. е. новая тяжелая война, когда государство и отъ прежнихъ войнъ не оправилось; что-то неопредѣленное сулили королю Станиславу, добывавшемуся благоволенія Потемкина; Императрица наивно восхитилась планами и предположеніями этого послѣдняго; высокія персоны скупали гдѣ-то въ степи яичницу, ими самими приготовленную. Затѣмъ Потемкинъ потѣшалъ монархиню декораціями зачинающихся городовъ, сель

не существующихъ, съ якобы богатымъ и счастливымъ населеніемъ. Статисты, изображавшіе это населеніе, издалека сгонялись и принаряжались для сей цѣли. Не замѣтивъ ни особенностей новаго края, ни его условій, ни богатствъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ или лежащихъ на поверхности почвы, Екатерина II вернулась въ Петербургъ и тутъ только совершенно случайно узнала, что во всей «старой Россіи», разоренной войнами, свирѣпствуетъ голодъ, нѣтъ правосудія, а взамѣнъ его процвѣтають лихоимство, насиліе правителей, злоупотребленіе дворянства и т. д.

Идея Новой Россіи, со смертью Потемкина, и совсѣмъ замерла,— была, такъ сказать, положена подъ сукно. Александръ I любилъ этотъ благодатный край, сдѣлалъ для него кое-что и, вѣроятно, сдѣлалъ бы еще больше; онъ ѣздилъ обозрѣвать свою имперію не такъ, какъ путешествовала не въ мѣру захваленная его бабка, а по образу своего великаго пращура Петра I—четверкой, много на восьми лошадахъ, при двухъ-трехъ экипажахъ. Но Александру I не удалось совершить многого на благо людей вслѣдствіе войнъ съ Наполеономъ, во имя защиты австрійцевъ и во имя цѣлости Пруссіи, благостояніе которой и по сей день намъ, почему-то, очень дорого. Императора окружали нѣмцы со Штейномъ во главѣ, и вліяніе ихъ, кромѣ сферы внѣшней политики, сказалось на новороссійскихъ дѣлахъ: благодатную страну колонизовали исключительно нѣмцами, дабы они показали русскимъ примѣръ «хорошаго хозяйства». Но, разумѣется, къ русскимъ людямъ нѣмецкіе примѣры плохо прививаются. Впрочемъ, Александръ I относился къ колонистамъ-нѣмцамъ безпристрастно и не очень поощрялъ ихъ претензіи: на ихъ жалобы, лично ему поданныя, онъ отвѣтилъ:

— «Кому здѣсь не нравится, можетъ вернуться въ Германію!» Цвѣтущая пора нѣмецкихъ колоній началась уже со смертью этого императора.

Но мы не зададимся неблагоприятною работою перечислять нѣмецкіе захваты. Скажемъ кратко: отъ границъ германскихъ, занимаемая, какъ этапами, цѣпью колоній всѣ стратегическіе пункты, переправы, водораздѣлы и пункты соединенія желѣзныхъ дорогъ—идутъ нѣмецкіе захваты до благодатныхъ степей Новой Россіи и глубоко внутрь края до самаго Чернаго моря. Въ Берлинѣ существуетъ таинственный банкъ, дающій нѣмцамъ средства скупать, во что бы то ни стало, русскія земли. Въ то время какъ бельгійцы, французы и англичане строятъ заводы, покупаютъ мѣсторожденія угля и рудъ, нѣмцы, которымъ еще сподручнѣе было бы заняться этимъ дѣломъ, идутъ *тихой сапой*, захватывая край—ихъ будущій *новонѣмецкій фатерландъ*;—они несутъ въ народъ штунду и

вытѣсненіе православія, чуждаются русскаго языка, обособляются отъ русскихъ порядковъ и ждуть...

Чего ждуть?! отвѣтъ не труденъ: наступленія войны между Россіей и Германіей. Напрасно наши ученые стратеги ожидаютъ нашествія нѣмцевъ чрезъ Польшу и западную Двину на Псковъ и Петербургъ, или на Смоленскъ и Москву:—этой ошибки Карла XII-го и Наполеона I-го новые Мольте не совершать! Путь для нихъ готовъ и обслѣдованъ — по дорогѣ нѣмецкихъ колонистовъ, чрезъ Волынь и Подольскую губернію въ Новую Россію, гдѣ армія ихъ очутится среди «своихъ», и притомъ давнишнихъ хозяевъ этой страны, нынѣшнихъ нѣмецкихъ колонистовъ. Немного русскаго придется преодолѣвать ихъ арміямъ: богатѣйшій въ мірѣ край и нынѣ почти не русскій. Не внесеніе своего «чернаго орла» въ кремль московскій — явится для пруссаковъ цѣлью и задачей войны съ Россіей, а отобраніе у московскихъ варваровъ побережья Чернаго моря. И отъ этого разбоя намъ мудренѣе будетъ отдѣлаться, чѣмъ отъ старыхъ угрозъ Москвѣ и Петербургу: тылъ нѣмецкихъ армій въ Новой Россіи прикроетъ дружественный Гогенцолернъ румынскій; нѣмецкія колоніи дадутъ шпіоновъ и перевозныя средства, а армяне, греки и крымскіе татары не очень-то яро будутъ отстаивать русскую власть... Одессу, Севастополь, Новороссійскъ возьмутъ такъ, какъ ловятъ скорпіоновъ сзади за хвостъ, т. е. съ сухаго пути.

Новая севастопольская компанія съ ея цѣлью: — захватомъ западной части Новой Россіи,—можетъ кончиться въ пользу нѣмцевъ, и намъ, съ сѣвера, долго, долго не выбить изъ позиціи засѣвшего на нашемъ югѣ нѣмца. Задача 1812 г.—выгнать французовъ изъ Москвы—просто дѣтская шутка въ сравненіи съ предстоящимъ изгнаніемъ пруссаковъ, разъ они доберутся до Черноморья...

Восточная половина Новой Россіи, можно сказать, еще богаче одарена природою сравнительно съ западною; эта мѣстность только вчера окончательно, фактически, присоединена къ имперіи, послѣ рѣшительныхъ мѣръ графа Евдокимова, заставившаго до 400,000 горцевъ выселиться въ единовѣрную имъ Турцію. Страшны были картины этого насильственнаго выселенія, записанныя въ мемуарахъ и очеркахъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» и другихъ журналахъ. Но, говорятъ, что такъ поступить было необходимо. Допустимъ и это. Вопросъ, однако, въ томъ: кто воспользовался землями и угодьями прогнанныхъ горцевъ? Къ сожалѣнію, приходится отвѣтить: русскіе ничѣмъ не воспользовались; земли, купленные кровью русскаго солдата, достались армянамъ...

Поднимаясь къ сѣверу, переходя на правый берегъ Кубани, мы попадаемъ въ стародавнюю Новороссію. Тутъ русскаго человѣка больше сравнительно, чѣмъ въ предгорныхъ равнинахъ лѣваго берега Кубани; тутъ онъ еще удержался на своихъ земляхъ, но очевидно и здѣсь не онъ хозяинъ страны, не онъ — первенствующій элементъ въ основанныхъ имъ городахъ. Заглянемъ въ Екатеринодаръ—столицу кубанскаго казачества, гнѣздо бывшихъ запорожскихъ молодцовъ. Еще недавно онъ былъ совсѣмъ не тотъ, что теперь. Въ немъ не было ни мощеныхъ улицъ, ни настоящихъ городскихъ домовъ, ни заправскихъ магазиновъ. Даже казенныя зданія строились изъ камыша и глины, какъ въ любой приднѣпровской слободѣ; гнѣзныя дубовыя рощи наполняли собою дворы и осѣняли вѣчныя болота пустынныхъ улицъ.

На главной площади стоялъ настоящій казацкій соборъ—запорожское зданіе. Казаки срубили его изъ собственныхъ огромныхъ дубовъ, собственными топорами, по собственному плану, безъ всякаго участія архитекторовъ и чиновниковъ. Соборъ, въ которомъ не было ни одного желѣзнаго гвоздя, со своими башенками и многими этажами, стоялъ безконечное число лѣтъ. По валамъ земляной крѣпости стояли пушки и ходили часовые. Теперь казацкая столица—городъ, какъ всѣ города. Большая часть улицъ вымощена; въ немъ шестьдесятъ тысячъ жителей и всякія учрежденія, какія бываютъ во всѣхъ губернскихъ городахъ. Худо одно — *жидъ одолеваетъ* и здѣсь. Лучшіе магазины и гостинницы—еврейскіе; крупныя подрядчики, капиталисты, заправила городскихъ дѣлъ—все евреи и евреи. Кто бы повѣрилъ факту, сообщаемому газетѣ «Кавказъ»: «Ѣдетъ по Екатеринодару въ фаятонѣ на собственныхъ рысакахъ жидокъ, важный такой, одѣтый джентельменомъ, перстни—тысячные брилліанты; только и осталось жидовскаго, что лисья морда да глаза хищника. Навстрѣчу попадается важный чинъ казацкой администраціи; кланяется, улыбается. Еврей приостанавливаетъ фаятонъ и казацкій саванникъ, который тридцать-сорокъ лѣтъ назадъ отдулъ бы Цибульберга нагайкою,—пѣтушкомъ, пѣтушкомъ выскочилъ изъ своей пролетки, подбѣжалъ къ жидку и торопливо пожалъ руку, которую удостоилъ ему протянуть вельможа изъ Бердичева». Таково-то нынѣ положеніе дѣлъ въ Екатеринодарѣ.

Городамъ дано «самоуправленіе». Но оно здѣсь, въ новороссійскихъ степяхъ, еще дальше отъ своего идеала, чѣмъ гдѣ либо. Приводимъ иллюстрацію къ засѣданію «отцовъ города»:

«Въ Новороссійскѣ, въ публичномъ засѣданіи думы, между гласными Сарсенти и Контессини, возникъ недавно слѣдующій ожесточенный споръ:

Гл. Сарсенти. Я честный человекъ.

Гл. Контессини. Ну, это еще нужно подумать.

Гл. Сарсенти. Нечего и думать, а вотъ я вамъ взятку дамъ...

Звонокъ, шумъ, протоколъ — и засѣданіе переносится въ залу новороссійскаго мирового судьи. Мировой судья вынесъ резолюцію, которую Сарсенти призналъ виновнымъ въ нанесеніи оскорбленія гласному новороссійской думы Ант. Контессини въ публичномъ засѣданіи думы и оказаніи явнаго неуваженія къ присутственному мѣсту, и постановилъ: подвергнуть Сарсенти тюремному заключенію на 2 мѣсяца».

Нечего сказать: мудро рѣшили! Публично упрекаютъ нѣкоего Контессини, что ему дали взятку, что онъ—не честный человекъ и Контессини остается гласнымъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Беремъ изъ газетныхъ корреспонденцій характеристику почвы Закубанья.

«За Кубанью тянется плодородная равнина съ нетронутою еще степной цѣлиной, съ «адамовой» землею, какъ называютъ ее мужики-переселенцы. Урожай здѣсь баснословные: самъ тридцать, самъ сорокъ; сѣютъ все дорогой товаръ: пшеницу, табакъ; начинаютъ разводить виноградъ и разные фрукты. Табакомъ исключительно овладѣли такъ называемые турки, то-есть анатолійскіе греки и армяне, проникшіе въ страну казачества чрезъ Новороссійскъ. «Недавно еще эта полоса была сплошнымъ лѣсомъ и двадцать лѣтъ назадъ я,—пишетъ г. Марковъ,—охотился здѣсь на кабановъ среди непроходимой дебри. Но желѣзная дорога расчистила лѣсныя чащи, а, открывая удобный сбытъ хлѣбовъ, заставила жителей истреблять деревья, чтобы расширить поле. Чтобы не тратить понапрасну силъ на борьбу со столѣтними велканами, новые поселенцы (греки и армяне) попросту выжигаютъ уцѣлѣвшія чащи лѣсовъ, благо сухое дерево скорѣе упадетъ, чѣмъ зеленое. Мы то и дѣло видѣли, проѣзжая по старой дорогѣ, мрачныя пожарища».

«Дикое варварство!»—скажетъ читатель,—и, однако, оно здѣсь, въ этомъ новомъ краю, свободно допускается. Хозяева здѣсь казаки, то-есть ихъ казачье начальство. Вотъ другой отзывъ, достаточно опредѣляющій степень развитія почтенныхъ военныхъ старшинъ: «Я не экзаменовалъ ихъ,—говоритъ корреспондентъ,—ни изъ грамматики, ни изъ ариметики, но по непосредственности и непочатой цѣльности ихъ натуры и міросозерцанія, никто не вправе заподозрить ихъ, хотя бы въ отдаленныхъ сношеніяхъ съ грамотностью и письмомъ. Бдѣть они уму непостижимо; пьютъ еще непостижимѣе и, кромѣ горѣлки, карты и охоты, не признаютъ никакихъ иныхъ радостей жизни... Еще и теперь въ кубанщинѣ вездѣ

папахъ, кинжалы, патроны на груди... Всадникъ на каждомъ шагу. Онъ весь надвинулся къ шеѣ коня, туго затанувъ поводья и задралъ къ верху оскаленную морду своего «кабардинца», который сердито чеканитъ копытами землю, выставивъ впередъ свой характерный сильный кадыкъ... А рядомъ по тротуарамъ, тихимъ ходомъ, идутъ новые дѣльцы этой Новой Россіи: жида, почти по еврейски одѣтые, армяне—хищные и грязные, какъ всегда и вездѣ; хитрые греки и разные наносные нѣмцы и другіе иноплеменники... У нихъ-то въ рукахъ все, съ арматуры всадника до его «кабардинца» включительно.

«Черноморскій Вѣстникъ» приводитъ изъ отчета попечителя кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго о состояніи учебныхъ заведеній за 1895 г. любопытныя выдержки, рисующія довольно грустную картину положенія народныхъ учителей на Кавказѣ.

«Народное образованіе,—говорится въ отчетѣ,—поставлено въ зависимость отъ такихъ постоянно измѣняющихся условій, которыя, въ своей совокупности, иногда пріостанавливаютъ, а иногда и совершенно задерживаютъ и извращаютъ естественный ростъ школьнаго дѣла. *Народная школа постоянныхъ и опредѣленныхъ источниковъ содержанія не имѣетъ*, и не только открытіе новыхъ, но и самое существованіе уже открытыхъ нерѣдко зависитъ отъ случайнаго мѣстнаго недорода, отъ размѣра обложенія населенія обязательными повинностями, отъ того или инаго взгляда низшихъ, высшихъ и среднихъ чиновъ администраціи; оно зависитъ не только отъ взглядовъ этихъ лицъ на народное образованіе вообще, но даже отъ личныхъ счетовъ старосты или атамана станицы съ учителемъ, отъ того, нравится или нѣтъ инспекторъ народныхъ училищъ уѣздному начальнику, начальнику отдѣла, хорошъ ли онъ съ приставомъ, въ добромъ ли согласіи между собою губернскіе представители властей административной и учебной».

При такихъ условіяхъ, на учительскихъ мѣстахъ могутъ удержаться одни лишь Талефраны въ педагогій, умѣющіе вести себя дипломатически съ капризнымъ начальствомъ.

Здѣсь, впрочемъ, не упомянуто про главное: въ гимназіяхъ преобладаютъ ученики армяне, грузины, татары—словомъ, азіаты; ихъ нравственность, дозволенное и недозволенное ихъ совѣстью, совершенно различно отъ того, что принято считать за совѣстливое и хорошее въ русскихъ семействахъ; русскія дѣти объармяниваются, отатариваются, не только выучиваясь говорить по армянски или татарски,—что было бы еще не великой бѣдой,—но восприимая многія непозволительныя привычки, свойственныя азіатамъ.

Хорошему ученику татарину изъ высшихъ классовъ родители, на-примѣръ, подарятъ, въ знакъ поощренія, хорошенькую наложницу, и онъ не преминетъ этимъ похвастать въ гимназіи предъ товарищами; армяне-товарищи, конечно, какъ нѣчто похвальное и хорошее, передадутъ всѣ ухищренія своихъ старшихъ въ духанахъ, всѣ продѣлки хищничества, столь свойственныя этому народу. Предоставляемъ судить: каковъ будетъ уровень нравственности у русскихъ воспитанниковъ, тѣсно, по товарищески и ежедневно, соприкасающихся съ этой Азіей! Грубость нравовъ, отсутствіе юношеской совѣстливости, приверженность къ вину, картамъ и женщинамъ—вотъ тѣ нежелательныя черты, которыя выносятся русскими изъ переполненныхъ армянами среднихъ учебныхъ заведеній Кавказа. Никто не говоритъ о недопущеніи въ гимназіи юношей армянъ, татаръ и даже жидовъ, но никого не можетъ радовать 95% армянъ и татаръ въ тифлисской гимназіи, или преобладаніе жидовъ въ одесской и кишиневской.

«Новое Время» сообщаетъ, что въ послѣднее время при городскихъ выборахъ на окраинахъ русскій элементъ терпитъ постоянныя пораженія. Сплошною армянскою оказалась новая дума въ Тифлисъ, хотя русское населеніе этого города — многочисленно. Слѣдуетъ при этомъ вспомнить, что отъ думы и ея тенденцій зависитъ ходъ народнаго образованія въ городскихъ училищахъ (выборъ учителей, безуспѣшность или успѣшность преподаванія русскаго языка и пр.).

Беремъ снова изъ очерковъ Кавказа Е. Л. Маркова слѣдующія характерныя строки: «Наши администраторы всегда отличались прозорливостью. Такъ, они народонаселеніе Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи—финское по происхожденію,—цѣлыя сотни лѣтъ учили нѣмецкому языку и онѣмечивали; въ западныхъ губерніяхъ тоже дѣлалось въ интересахъ малочисленныхъ католиковъ; киргизовъ букеевской орды, исповѣдывавшихъ *безобидное* шаманство, наша администрація превратила въ магометанъ. На Кавказѣ администраторы поступаютъ еще проще; тамъ абхазцы, издавна христіане, были выселяемы почти насильно въ Турцію, наравнѣ съ горцами Чечни и Дагестана. Абхазцевъ еще уцѣлѣло до 100 тысячъ на родныхъ пепелищахъ. Какъ же относится къ нимъ мѣстная администрація? Она ихъ насильно огрузиниваетъ. Абхазецъ равно непонимаетъ какъ по русски, такъ и по грузински; ненавидитъ грузинъ—и, однако же, мы ввели у абхазцевъ богослуженіе на чужомъ для нихъ языкѣ грузинскомъ и священниками у нихъ поставлены грузины. Правда, основанъ нынѣ и русскій монастырь»...

«Я видѣлъ на пароходѣ,—продолжаетъ авторъ—монаха, посланнаго изъ стараго Аеона въ новый. Это былъ рослый, молодой монахъ, котораго дебелое тѣло, казалась, распирало черную люстриновую рясу, а курчавая поросль черныхъ волосъ отбѣняла румяныя щеки. Этотъ ли человекъ дастъ здѣсь торжество православію?! И зачѣмъ только посылаютъ»...

На заводѣ «Общества черноморскаго цементнаго производства» по сухумскому шоссе,—пишетъ С. О. Шараповъ,—на сдѣланный директору нѣмцу вопросъ, сколько у него техниковъ иностранцевъ и техниковъ русскихъ, онъ чистосердечно объяснилъ: русскихъ техниковъ и мастеровъ нѣтъ ни одного; до сихъ поръ не было даже практикантовъ изъ русскихъ. По восточному берегу Чернаго моря практикуется культура высокихъ сортовъ табаку. Знаюкъ табаководства Ашкинадзе говоритъ, что ни въ Крыму, ни на всемъ Кавказѣ нѣтъ болѣе благоприятной почвы. Участки арендуются греками и армянами—турецкими подданными. Но они, по свидѣтельству г. Шарапова, ведутъ дѣло самымъ хищническимъ образомъ до полнаго истощенія земли, благо она не своя. Затѣмъ все табаководство находится въ страшныхъ ростовщицескихъ тискахъ у армянъ: снабдивъ табаковода капиталомъ, они обращаютъ его въ своего раба. Доходы съ табака изумительные: обработка десятины стоитъ отъ 125 до 150 руб.; средній сборъ равенъ 70 пудамъ, пудъ продается на мѣстѣ 6 и 7 руб. И, при всемъ этомъ, тутъ же расположенныя въ такомъ божьемъ раю русскія деревни, въ родѣ Кабардиновки, наполнены нищимъ и больнымъ населеніемъ...

Основное благо и вѣрнѣйшій способъ благоустройства страны—самоуправленіе, дарованное городамъ и земству. Посмотримъ же, на какой степени стоитъ самоуправленіе въ благодатной Новороссіи? Придется начинать, конечно, съ Одессы—самаго значительнаго портоваго и торговаго города на Черномъ морѣ. Одессу создали два француза Ришелье и Ланжеронъ; выстроили и населили, когда она была еще порто-франко, итальянцы и греки и... и прибавимъ: заграбили, опозлили, превратили въ городъ плутовства и гешефтажиды. Здѣсь нажили колоссальныя состоянія разные Эфрусы, Рафаловичи, Финкельштейны, Цибульштейны и т. д.; они ничего не дали Одессѣ: ни фабрикъ, ни заводовъ; не открыли новыхъ рынковъ, не завели каботажа и не выстроили торговаго флота. Скупать пшеницу за полъ-цѣны, пользуясь нуждою производителей, портить зерно несѣдобной примѣсью, соромъ и простымъ пескомъ—вотъ что значить торговать хлѣбомъ по еврейскому способу. Кто не помнитъ, какъ во время голода отправлялись закупленные земствомъ цѣлые вагоны, не хлѣба а «сметья» въ Самару,—и от-

правлялось это негодное зерно не какими либо мелкими оборотами жидовскаго сброда, а великимъ во израилѣ, самымъ большимъ изъ большихъ—Дрейфусомъ...

До какого самомнѣнія о себѣ доходятъ жида, которымъ удается разбогатѣть, лучше всего явствуетъ изъ слѣдующаго смѣшнаго случая. «Южный Край» сообщаетъ, что за какое-то плутовство судили въ окружномъ судѣ нѣсколькихъ жидовъ и, въ числѣ ихъ, богатаго банкира Финкельштейна. вмѣсто того, чтобы усѣсться съ прочими на скамью, банкиръ обратился къ суду съ просьбою дозволить ему сѣсть отдѣльно, такъ какъ ему «унизительно» засѣдать рядомъ съ прочими. Судъ, послѣ краткаго совѣщанія объявилъ: если Финкельштейну не нравится сидѣть рядомъ съ прочими подсудимыми, онъ можетъ постоять... Банкиръ обидѣлся. Спросить бы его слѣдовало: на какомъ основаніи этотъ іудей, попавшійся вмѣстѣ съ другими, считалъ себя выше ихъ?! Онъ бы отвѣтилъ: «я ихъ богаче, я—милліонеръ». Таковъ характерный, основной взглядъ жидовства: богатство для него *все* и все оправдываетъ. Даже въ синагогѣ богачамъ предоставлены первыя мѣста... Мы сдѣлали эти оговорки и характеристики, чтобы читателямъ понятнѣе были: упадокъ Одессы, дезорганизация ея городского хозяйства и превращеніе нѣкогда, цвѣтущей торговли въ одинъ гнусный жидовскій гешефтъ. Жида завладѣли красавицею Одессою...

Что же они сдѣлали въ столицѣ Черноморья? Между прочимъ, много лѣтъ они выбирали думу и городскую управу по своему вкусу; повсюду засѣли юдофилы, оскверняющіе терминъ либерализма тою грязью, которою переполнены все ихъ дѣянія; городское хозяйство въ Одессѣ, больничные порядки сдѣлались притчею во языцехъ; хищничество, потачка всяческимъ гешефтамъ до торговли живымъ товаромъ и проституціи малолѣтнихъ включительно,—все это терпѣлось юдофилами, попавшими въ отцы города. *Новороссійскій Телеграфъ*, *Одесскій Листокъ* и *Одесскія Новости* рисуютъ грандіозную картину общественнаго хозяйничанья города Одессы. Денегъ одесская дума тратитъ на народное образованіе очень много. Такъ, въ 1896 году, ею израсходовано на этотъ предметъ болѣе двухсотъ тысячъ рублей. Ежегодно открываются новыя школы и строятся для нихъ прекрасныя по виду зданія. На повѣрку же оказывается, что «прекрасныя зданія» нигде въ санитарномъ отношеніи не годятся, крыши протекаютъ, изъ стѣнъ дуетъ, полы представляютъ мозаику изъ обрѣзковъ досокъ и какихъ-то заплата. Педагогическій персоналъ въ этихъ школахъ далеко не въ полномъ объемѣ отличается безупречностью. Нѣкоторые учителя принимаютъ учениковъ «съ разборомъ», отдавая предпочтеніе дѣтямъ

состоятельныхъ родителей предъ дѣтьми бѣдняковъ. Такъ, одному низшему полицейскому чиновнику пришлось обойти съ ребенкомъ пять школъ, пока предъ нимъ отворились двери шестой, и то лишь благодаря «хитрости» чиновника: вмѣсто своего настоящаго званія, онъ назвался *торговцемъ*. Отличаясь разборчивостью указаннаго свойства, одесскіе учителя отличаются также и большимъ усердіемъ. Многіе изъ нихъ не желаютъ принимать неграмотныхъ дѣтей и требуютъ предварительной подготовки. Какъ все это вяжется съ задачей, преслѣдуемой *начальными* училищами—понять нетрудно.

Но учебное дѣло стоитъ въ Одессѣ прямо превосходно, по сравненію съ порядками въ богоугодныхъ заведеніяхъ. По словамъ *Новороссійскаго Телеграфа*, «порядки» въ Одесской городской богадѣльнѣ могутъ быть охарактеризованы тремя словами: «карцеръ», «смирительная рубаха», «самоубійства». Смотритель богадѣльни пользуется безграничною и безконтрольною властью. Ему «доставляетъ удовольствіе» заставить бывшую гувернантку, семидесятилѣтнюю старушку, страдающую притомъ сильною одышкой, *жить пом.* Еще большее удовольствіе доставляетъ смотрителю, что его «любимцы» и «любимыя служанки» говорятъ бывшей институткѣ, *дочери генераль-адъютанта*, и другимъ дворянкамъ-богадѣленкамъ: «скотина» и всячески издѣваются надъ ними. Чтò касается удовольствія призраваемыхъ въ богадѣльнѣ, то объ этомъ уже и говорить не приходится.

Страшныя безобразія, растраты и хищенія процвѣтали въ Одесскомъ городскомъ *сиротскомъ домѣ*, изъ воспитанниковъ котораго *выходили форменные преступники*. Новый директоръ заведенія, въ своемъ докладѣ управѣ, признаетъ сиротскій домъ «находящимся въ состояніи полнаго разложенія». Чтòбы спасти не окончательно испортившихся дѣтей, директору пришлось на первыхъ же порахъ исключить болѣе двадцати мальчиковъ, какъ неисправимыхъ негодяевъ.

Предполагали, что хотя въ *санитарномъ отношеніи* Одесса заслуживаетъ созданной ея хвалителями лестной репутаціи. Но ревизовавшій Одессу въ санитарномъ отношеніи профессоръ Калустинь разрушилъ и эту иллюзію. Одесса, по компетентному свидѣтельству профессора, переполнена нечистотами; въ городскихъ скотобойняхъ убой скота производится весьма неопрятно; многіе частныя дома и дворы содержатся въ высшей степени грязно, завалены всевозможнымъ мусоромъ и отбросами, портовая территорія, съ многочисленнымъ рабочимъ населеніемъ, представляетъ настоящій очагъ для разведенія какихъ угодно эпидемическихъ болѣзней. Базары содержатся отвратительно. Что касается торгово-промышлен-

ныхъ заведеній, то профессоръ Капустинъ не нашелъ почти ни одной части города и ни одного заведенія, гдѣ санитарныя условія можно было бы признать мало-мальски удовлетворительными.

Такимъ образомъ, чуть ли не во всѣхъ отрасляхъ одесскаго городского хозяйства обнаружены или крупнѣйшіе промахи и недостатки, или же вопіющія безобразія и явныя преступленія.

Послѣ злоупотребленій по городскому хозяйству—этихъ безобразій и «гешефтовъ» общесѣнными средствами, перейдемъ къ излюбленнымъ промысламъ господъ жидовъ: къ кабаку и культивированію всякихъ сортовъ проституціи. Кабакъ дѣлается казеннымъ, и мы о немъ пока не будемъ говорить. Но проституція была и останется любимымъ (по доходности) занятіемъ,—конечно, личнымъ, а при посредствѣ несчастныхъ «гоимокъ»,—у всѣхъ евреекъ и евреевъ, даже изъ наиболѣе почтенныхъ въ кагалѣ. Вотъ что пишетъ газета «Народъ» о проституціи въ Одессѣ.

«Тайные притоны терпимости разсыяны въ Одессѣ всюду, по всѣмъ главнымъ улицамъ и прилегающимъ переулкамъ. Двѣ-три «хозяйки» обыкновенно снимаютъ одну квартиру, въ которую на ночь собираются гости и приглашаются несчастныя жертвы на пиръ чудовищнаго разврата, устраиваемаго въ складчину. Каждый гость обязанъ внести за удовольствіе не менѣе 10 рублей и, сверхъ того, уплатить особо по счету за вино и лакомства. Въ пользу «хозяекъ», такимъ образомъ, въ одну ночь оставляются сотни рублей. На эти оргіи, въ качествѣ гостей, часто являются лица, занимающія официальное положеніе. «Хозяйками» квартиръ организована цѣлая система для того, чтобы завлекать дѣтей въ свои вертепы. Взрослыя жилицы этихъ многочисленныхъ притоновъ, состоя въ должности агенто́въ, обязаны выслѣживать 12—13-лѣтнихъ дѣвочекъ на улицахъ и площадяхъ Одессы, приводить ихъ въ квартиру и давать имъ уроки разврата. Каждый такой агентъ-дѣвица должна имѣть всегда наготовѣ одну—двухъ дѣвочекъ. Бѣдныя жертвы, живя даже и въ домѣ своихъ родителей, успѣваютъ настолько подчиниться вліянію своихъ наставницъ, что по требованію ихъ являются въ притоны къ назначенному времени, гдѣ должны оставаться извѣстное число часовъ. Но ни одинъ гость не имѣетъ права покуситься на дѣвственность юной проститутки безъ разрѣшенія той, которая сумѣла ее поймать, завлечь и обучить. Ей принадлежитъ первое слово и право назначить цѣну за добычу, хотя въ ея пользу поступаетъ не болѣе $\frac{1}{3}$, а остальные $\frac{2}{3}$ платы остаются «хозяйкѣ». Съ этого момента позорной сдѣлки, 14-лѣтняя женщина становится *собственностью* притона, удостоивается наименованія «сестрицы», допускается старшими, какъ равная, въ ихъ среду и получаетъ право участія во всѣхъ оргіяхъ.

Если дѣвочка начинаетъ сознавать свой проступокъ и, чувствуя раскаяніе, обнаруживаетъ желаніе вырваться изъ притона, то ее стараются задержать нарядами или угрозами. Ее запугиваютъ разсказами объ ужасныхъ случаяхъ, когда такихъ испорченныхъ дѣвочекъ убивали, душили, топили, рѣзали на куски и отправляли въ тюкахъ по желѣзнымъ дорогамъ. Кромѣ того, систематическое спаваніе виномъ является также хорошимъ пособникомъ для того, чтобы закрѣпить жертву. Но пока позорный торгъ на тѣло дѣвочекъ-проституттокъ не состоялся, пока онѣ не поступили въ «сестрицы», бездушныя проститутки, — чтобы вѣрнѣе удержать ихъ въ своихъ чудовищныхъ лапахъ и развить въ нихъ вкусъ къ разврату, — кромѣ всякихъ другихъ средствъ, содержать еще на жалованьи мальчиковъ отъ 16 до 20 лѣтъ, которымъ вмѣняется въ обязанность дѣйствовать всячески на чувственыя стороны бѣдной жертвы, оставляя ей ея несчастную дѣвственность. Эти развратители по профессіи получаютъ отъ «хозяйки» посуточную плату, столъ, и могутъ пользоваться услугами жилищъ».

Хороша ли красавица Одесса въ рукахъ евреевъ?! — спросимъ мы. Не лучше идутъ дѣла и въ другихъ городахъ, гдѣ жидовство преобладаетъ на городскихъ выборахъ и ставитъ на всѣ посты «своихъ» людей, вѣдающихъ городское хозяйство,

Въ Мелитополѣ послѣднее собраніе думы ознаменовалось крупнымъ скандаломъ. Членъ управы, завѣдывающій финансовою частью, Рубцовъ доложилъ гласнымъ, что имъ обнаружены систематическія злоупотребленія во взиманіи мѣстоваго базарнаго сбора. Обстоятельства этого дѣла очень характерны. Г. Рубцовъ, обходя базаръ, замѣтилъ, что у 30 торговцевъ хлѣбомъ, вмѣсто установленныхъ марокъ 25-копѣчнаго достоинства, имѣются только 5-копѣчныя. Справившись объ этомъ обстоятельствѣ, онъ узналъ, что торговки всѣ заплатили г. С—ву по 25 к., но онъ выдалъ имъ квитанціи меньшаго достоинства, съ вырѣзанной цѣной въ 5 копѣекъ. На слѣдующее утро г. С—въ отсчитался въ управѣ по чековымъ книжкамъ и не доплатилъ 30 двугривенныхъ. Тогда г. Рубцовъ подалъ официальный рапортъ головѣ. Спрошенный по этому поводу, С—въ сильно разсердился и, швырнувъ чековыя книжки и 30 двугривенныхъ, проговорилъ: «когда сами воры, то и другихъ подозреваете въ томъ же». Слова эти, произнесенныя публично, г. Рубцовъ принялъ на свой счетъ и потребовалъ, чтобы С—въ сейчасъ же подалъ въ отставку. Тотъ не согласился и все это грязное дѣло доложено было думѣ. Тутъ говорилось о томъ, что злоупотребленія велись систематически, что С—въ многіе годы собиралъ базарныя

деньги, а Рубцовъ, завѣдывавшій финансовою частью, ни разу не заинтересовался провѣрить слухи объ этихъ злоупотребленіяхъ. Затѣмъ выяснилось, что чековыя книжки заказывались въ типографіи безъ счета, выдавались С—ву безъ провѣрки и контроля. С—въ забиралъ ихъ сотнями къ себѣ домой, даже не прошнурованными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ думѣ обнаружилось, что марочными книгами завѣдывалъ самъ Рубцовъ, а потому, если С—въ и виноватъ въ злоупотребленіяхъ, то Рубцовъ отвѣтственъ за попустительство и небрежность въ контролированіи книгъ и поступленіи сборовъ, ибо, какъ завѣдующій финансовою частью городской управы, онъ не могъ выпускать денежныхъ книгъ не прошнурованными. Въ настоящее время, мѣстное общество находится въ ожиданіи дальнѣйшихъ разоблаченій. Пока же вопросъ о преданіи суду С—ва пущенъ былъ на баллотировку и 11 голосами противъ 5 отвергнуть.

Это очень поучительно. Нѣкогого С—ва уличили въ плутовствѣ и все же не предали суду. Какъ можно?! Да развѣ гласные не понимаютъ: согласись они предать суду одного изъ своихъ, каждый изъ нихъ можетъ надѣяться попасть въ лапы прокуратуры. Въ думѣ, выбираемыхъ при участіи израиля, едва ли много гласныхъ, у которыхъ нѣтъ «пушка на рыльцѣ».

Вотъ еще иллюстрація. Корреспондентъ «Новаго Времени» пишетъ: «по части безопасности, одесскія «предмѣстья» приобрѣли печальную извѣстность. Драки, нападенія, грабежи составляютъ такую же неотъемлемую ихъ принадлежность, какъ и невозможное антисанитарное состояніе. Но и для одесскихъ окраинъ побоище 22 июня, на Серединской площади,—безспорно, выдающееся. Одесскія газеты не дали полныхъ свѣдѣній объ этомъ «прискорбномъ происшествіи». Въ Одесѣ самымъ дерзкимъ образомъ останавливаютъ ночью запоздавшихъ прохожихъ и снимаютъ часы, сапоги, нялпы, а иногда и все платье. Кричатъ и звать на помощь бесполезно: это значить—рисковать быть избитымъ. Серединская площадь кишитъ безшабашнымъ, пьянымъ людомъ (до 7 тысячъ), воровскими притонами, шакалами бродягъ и грабителей.

«— Часть ли у васъ кражи? — спросилъ я одного изъ домовладѣльцевъ.

«— Кражи?.. Очень даже часты... Крадутъ по нѣскольку разъ въ день. Взгляните на наши сараи и кладовыя: они безъ замковъ. Чуть повѣсишь замокъ—сейчасъ же и отобьютъ.

«— А что у васъ хранится въ сараяхъ и кладовыхъ?

— Ничего не держимъ,—все равно унесутъ. Окна нельзя открывать ни днемъ, ни ночью. Ужъ обязательно заберутся и унесутъ все, что плохо лежитъ и даже хорошо лежитъ»...

22 іюня бунны разнесли домъ какихъ-то Жульеновъ. Вытребовали сотню казаковъ; домъ или, вѣрнѣе, развалины дома Жульеновъ производятъ тяжелое впечатлѣніе. Крыша разрушена, всюду груда камней. Окна выбиты, двери задѣланы досками. Тамъ, гдѣ былъ извѣстный на всю Одессу «тайный» притонъ, «заведеніе» и кабакъ — все пусто. Куски разорваннаго въ клочки платя, перья, пухъ, разбитая посуда и бутылки—и ни души.

Насколько запутано и запущено денежное хозяйство Одессы, показываетъ докладъ одесскаго головы П. А. Крыжановскаго, внесенный имъ въ думу. Положеніе городской кассы признается г. Крыжановскимъ далекимъ отъ нормальнаго состоянія; деньги, необходимые для текущихъ смѣтныхъ расходовъ, берутся изъ такихъ источниковъ, которые по силѣ правилъ, приложенныхъ къ статьѣ 140 городского положенія, «должны почитаться неприкосновенными». По справкѣ бухгалтеріи, независимо отъ суммъ, находящихся на храненіи въ одесской конторѣ государственнаго банка и на текущихъ счетахъ въ частныхъ банкахъ, въ городской кассѣ къ 16-му іюня должно было бы находиться еще въ наличности суммъ, принадлежащихъ: театральному страховому капиталу 77,957р., пенсіонному капиталу 139,791 р., прочимъ специальнымъ капиталамъ 1,440 р., партикулярнымъ суммамъ 257,193 р., херсонской губернской земской управѣ 32,853 р., запасному капиталу 31,454 р.; итого 540,688 р. Въ дѣйствительности же имѣлось на лицо такихъ суммъ всего на 112,366 р. 66 к. На городскія нужды израсходована была сумма въ 428,321 р. 34 коп., которая должна бы быть неприкосновенной. Это—результатъ прежнихъ годовъ одесской безхозяйственности.⁴

Заглянемъ въ Харьковъ—самый сѣверный городъ благословенной Новой Россіи, о которой ведемъ здѣсь рѣчь. И тутъ мы сейчасъ же натыкаемся на «мудрый» гешефтъ достопочтеннаго израиля. Еще недавно русская шерсть считалась одною изъ лучшихъ на рынкѣ. Но жида, забирая все въ свои руки, забрали,—послѣ хлѣба, который они систематически *замусориваютъ*,—и торговлю шерстью. И вотъ результатъ: въ «Новомъ Времени» сообщаютъ изъ Харькова, что евреи за послѣднее время изобрѣли новый, доходный для нихъ, гешефтъ. Они отправляютъ изъ харьковской, воронежской, курской и черниговской губерній большія партіи сырой щетины,—иногда перемѣшанной со снѣгомъ и льдомъ, — въ западный край. Щетина, пробывъ въ дорогѣ нѣсколько дней, вывѣтривается и высыхаетъ, черезъ что теряетъ вѣсъ и даетъ евреямъ-товарополучателямъ право предъявлять многочисленныя претензіи на болѣе или менѣе значительныя суммы.

Очень остроумно! хотя такое жидовское остроуміе грозитъ упадкомъ видной отрасли русской отпускной торговли. Въ «Южномъ Краѣ» сообщаютъ: на ярмаркѣ скупщики шерсти искали преимущественно *мытую* шерсть и болѣе обращали вниманіе на *сухость* товара, чѣмъ на его качество и тонкость волоса. Причина та, что еврейская немытая шерсть изъ семи пудовъ иногда даетъ послѣ промывки два пуда, а то и меньше. Песокъ, камешки и вода — вотъ чѣмъ, скупивъ партію шерсти, жидокъ сдабриваетъ ее и наживаетъ крупныя деньги.

Въ Симферополѣ дума занята вопросомъ: надо ли оставить по прежнему трехъ членовъ въ управѣ или только двухъ? Дѣло въ томъ, что симферопольскія «партіи» (въ каждомъ углу у насъ завелись партіи не изъ политической розни, а изъ-за общественнаго пирога!) не сошлись между собою: каждая желала посадить въ управу *своихъ* и кандидаты были взаимно забаллотированы. Тогда губернаторъ представилъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ утвердилъ членомъ управы достойнаго и энергичнаго человѣка. Породоставскаго. Мелитопольскіе отцы города заволновались и рѣшили оставить только двухъ членовъ управы, а *чиновника* Породоставскаго, принудили выбыть...

Въ другой столицѣ юга — Тифлисѣ, — хотя господствуютъ не евреи, какъ это практикуется въ горемычной Одессѣ, но во всякомъ случаѣ первенствуютъ *не* русскіе. Армяне здѣсь фактически захватили всѣ мѣста и даже въ администраціи изъ десяти чиновниковъ — восемь непременно армяне. Господство армянъ врядъ ли лучше еврейскаго. У еврея есть во всякомъ случаѣ «своя» правда, часто діаметрально противоположная тому, что мы привыкли считать за правду; но во всякомъ случаѣ что-то въ родѣ «правды» у израиля имѣется. Армяне, кажется, совершенно эмансипированы въ этомъ отношеніи, не говоря уже о дикихъ политическихъ претензіяхъ, о ненависти ко всему русскому и т. п. вещахъ, безъ которыхъ армяне немислимы. Тифлисская дума почти поголовно армянская; въ ней всего пять русскихъ гласныхъ и болѣе сорока чистокровныхъ армянъ; остальные — татары. Грузинъ въ думѣ совѣмъ не полагается.

Посмотримъ же, какъ армяне распоряжаются въ Тифлисѣ — этой грядущей столицѣ «Великой Арменіи», когда, съ помощью англичанъ, русскіе варвары будутъ прогнаны за хребетъ Кавказа, а то за Кубань и Терекъ. Среди самаго сильнаго зноя, когда термометръ показывалъ 48° и даже выше тепла, Тифлисъ остался безъ воды: не только для поливки улицъ, непроходимыхъ за пылью, но и для питья не хватало воды. Корреспондентъ пишетъ, что тифлисцы стали пить какую-то мутную жидкость, приподносимую имъ

городскимъ водопроводомъ. Оказалось, что за недостаткомъ воды въ авчальскихъ источникахъ, отцы города разбавили ее водою изъ рѣки Куры и этой-то бурдой угощали горемычныхъ горожанъ. Но этимъ, конечно, не исчерпывается тифлисское «благоустройство». Всевозможныя лѣтнія перестройки, ремонты и новыя постройки, въ свою очередь, увеличиваютъ пыль, внося также немалую долю въ общій хаосъ антисанитарности. Городская управа же настолько занята, что не имѣетъ времени слѣдить за чѣмъ либо происходящимъ въ городѣ; такъ напримѣръ, мѣста, гдѣ производится ремонтъ или постройка домовъ, слишкомъ часто оказываются не огражденными, представляя собою и днемъ-то мѣста крайне опасныя для пѣшихъ, вечеромъ же и ночью, да при нашемъ наличномъ «освѣщеніи» это — сущія волчьи ямы. Есть переулки, положительно заваленные всевозможными строительными матеріалами, горами извести, песку и т. п. По такимъ переулкамъ съ трудомъ удается пройти, причѣмъ дышать приходится известью, всевозможной пылью, но только не воздухомъ. Горе тому, кто въ силу необходимости принужденъ въ позднее время проходить по такимъ опаснымъ мѣстамъ. При самомъ лучшемъ зрѣніи, это крайне рискованно. Что касается болѣе сноснаго освѣщенія, то пока дума только торгуется съ подрядчиками, желая удешевить эту статью: оказывается, что у города Тифлиса нѣтъ средствъ на улучшеніе городского освѣщенія. Нечего и говорить, что газовое и электрическое освѣщеніе «не про насъ писаны».

Въ Тифлисѣ есть новые дома, стѣны которыхъ дали трещины сверху донизу; такія стѣны въ Тифлисѣ подпираются жердями, что, конечно, не особенно красиво, но, по убѣжденію заботливыхъ домовладѣльцевъ, уже вполне безопасно. Дома съ «подпорками» здѣсь вовсе не рѣдкость и стоятъ въ такомъ видѣ въ теченіе мѣсяцевъ, угрожая обрушиться въ ту или другую сторону. «Подпорки» дѣлу не мѣшаютъ: дома отдаются внаймы за крайне высокую плату и не пустуютъ. Но и это — пустыки въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается на городскихъ базарахъ. Съ наступленіемъ жаровъ, эти послѣдніе представляютъ собою живой примѣръ вопіющей антисанитарности; конечно, и здѣсь, какъ при разрушеніи обывательскихъ домовъ, дѣло не обойдется безъ человѣческихъ жертвъ, ибо происходятъ случаи отравленія базарными продуктами не только единичныхъ личностей, но даже цѣлыхъ семействъ. Торговцамъ прямой расчетъ сбыть свой товаръ, а каковъ бываетъ послѣдній при страшно высокой температурѣ, — догадаться нетрудно. Достаточно того, что здѣсь недавно былъ случай отравленія бараниной: отравилась цѣлая семья, которую съ трудомъ удалось отхо-

дять. Чѣмъ же при такихъ условіяхъ питаться? Мясо оказывается равно отравѣ, зелень, «освѣженная» грязной или гнилой водой,—также; сыръ и того не лучше, молочные продукты фальсифицированы, не говоря уже о рыбѣ, хотя бы таранкѣ, которую у насъ продаютъ по просту съ червями, разглядѣть которыхъ не требуется никакой «глядѣлки». Лавки находятся въ такомъ антисанитарномъ состояніи, что хуже ни въ какомъ случаѣ быть не могутъ. Человѣкъ брезгливый рискуетъ въ Тифлисѣ умереть съ голода. Торговцамъ отсутствіе присмотра и безконтрольность дѣйствій вполне на-руку, и пользуются они тѣмъ и другимъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Хлѣбопеки (пурщики) не отстаютъ отъ остальныхъ своихъ товарищей, и въ общемъ получается прекрасная гармонія омерзительной грязи и антисанитарности. Станетъ ли нетифлисецъ ѣсть хлѣбъ изъ нашихъ «пурень», видя, какъ на этихъ же столахъ, гдѣ раскладывается хлѣбъ для продажи, вытянувшись во весь ростъ, съ босыми ногами, спитъ пурщикъ?

Спустимся еще южнѣе и заглянемъ въ г. Баку—нефтяное царство, Эльдорадо Россіи. И что же?!

Бакинскій корреспондентъ «Рус. Вѣд.» читаетъ отходную русскому владѣнію въ мѣстной нефтяной промышленности. Послѣ продажи англичанамъ фирмы Шибаяева, русскихъ фирмъ въ Баку уже нѣтъ, и кажется недалеко то время, когда и разные армянскіе и персидскіе предприниматели (по своему званію—все таки русскіе подданные) принуждены будутъ уступить свое мѣсто иностранцамъ. Виноваты, конечно, они сами въ своемъ положеніи.

Бакинскіе нефтепромышленники за время существованія нефтянаго дѣла, при сотняхъ милліоновъ добычи нефти, лишь сумѣли понастроить дворцы, не сдѣлавъ ровно ничего ни въ усовершенствованіи способовъ добычи и обработки нефти,—хотя бы ради той же конкуренціи съ американцами,—ни въ улучшеніи образовательнаго и экономическаго положенія служащихъ и рабочихъ на промыслахъ и заводахъ.

Дѣйствительно, по части народнаго здоровья, 200 заводовъ раскопеливаются всего на 20 тысячъ рублей,—т.-е. по 100 рублей съ завода въ годъ на медицинскую часть! До сихъ поръ не было церкви и только недавно,—какъ сообщалось у насъ,—заводчики сложившись, ассигновали на нее тоже 20 тысячъ. Рабочіе, за исключеніемъ двухъ-трехъ заводовъ, помѣщаются въ какихъ-то логовищахъ.

Кругомъ буровыхъ скважинъ видишь одни озера нефти и зданія съ вывѣской: «Духанъ, распивочно и на выносъ»—больше ничего. Куда идти рабочему отдохнуть и развлечься? То же самое и на

заводахъ; разница лишь въ томъ, что напротивъ одного большаго завода сплошь и рядомъ воздвигается батарея въ 10—15 духановъ, трактировъ, харчевенъ... И такова изо дня въ день беспросвѣтная жизнь рабочаго люда.

Въ «Нижегородскомъ Листѣ» пишутъ:

«Въ Баку пропвѣтаютъ милые нравы. Обыватели нисколько не стѣсняются здѣсь и, въ виду царящей жары, по ночамъ переселяются на улицы. Бакинскій полицмейстеръ, заботясь о благолѣпнн ввѣреннаго ему города, издадеъ поѣтому слѣдующій приказъ:

«Обращаю вниманіе гг. приставовъ, что на тротуары улицъ граждане позволяютъ себѣ выносить стулья и даже столы и постельную принадлежность, загромождая тѣмъ самымъ тротуары, которые отнюдь не могутъ служить для частнаго пользованія обывателей дома, а составляютъ принадлежность общаго пользованія. Разрѣшается гражданамъ имѣть на тротуарахъ достаточной ширины крашенныя, небольшія скамьи садоваго типа».

Татары и армяне очень удивились такому приказу «полицмейстера» и порѣшили:

— Что съ нимъ сталося?! Глупости все это!—стѣсняетъ только народъ.

Народъ въ Баку, впрочемъ, очень мало стѣсняется, если считать за народъ однихъ владѣльцевъ фонтановъ, заводовъ, складовъ и домовъ. Настоящій народъ живетъ здѣсь мало чѣмъ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ грѣшники у чорта въ аду. Но не о немъ теперь рѣчь. Отъ «нестѣненія» народа вдругъ загорѣлся городокъ керосиновыхъ корольковъ. Телеграфъ сообщилъ: 4 іюля вечеромъ начался пожаръ и, быстро усиливаясь, принялъ грандіозные размѣры. Корреспондентъ пишетъ:

«Сгорѣли заводы Тараева, Юзбашева, Тумаева, два завода Муса-Нагіева и пристань Восточнаго общества. Рабочіе сосѣднихъ заводовъ выселены. Приостановлена работа на тридцати заводахъ... Есть человѣческія жертвы, но число погибшихъ пока не опредѣлено. Получили ожоги, болѣе или менѣе сильныя, восемь человѣкъ. Для того чтобы понять ужасный смыслъ этой телеграммы, необходимо знать, какое колоссальное количество легко воспламеняющагося матеріала имѣется въ настоящее время тамъ, гдѣ свирѣпствуетъ пожаръ... Нефть, какъ извѣстно, добывается артезианскими буровыми скважинами: около Баку имѣется 500 буровыхъ скважинъ, расположенныхъ на простанствѣ 8 кв. верстъ и достигающихъ до 150 сажень глубины... Изъ этихъ скважинъ, иногда только въ началѣ, а иногда довольно долго, бьютъ сильныя фонтаны нефти, изъ которыхъ оно собирается въ особые бассейны. Нефтяные фонтаны очень часто достигаютъ 20 сажень высоты и бьютъ съ громадной силой—до 12 атмосферъ давленія... Нефть вылетаетъ изъ нихъ, смѣшанная съ горючими газами, съ пескомъ, иногда даже съ водою и камнями... Каждая скважина должна давать не менѣе 1,000 пудовъ въ сутки, но сильныя фонтаны даютъ гораздо больше—до 500,000 пудовъ...

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1892 года одинъ фонтанъ участка Нобеля далъ 1.000,000 пудовъ въ день!.. Изъ этихъ огромныхъ цифръ видно, какое страшное море огня можетъ разлиться около Баку, если пожаръ не удастся локализовать или остановить во время... А какія имѣются для этого средства? Какъ бороться съ такими пожарами?

«Я спросилъ объ этомъ извѣстнаго знатока нефтянаго дѣла А. И. Курникова, неоднократно бывавшаго въ Баку и присутствовавшаго при нефтяныхъ пожарахъ...

— Средство для борьбы съ нефтяными пожарами имѣется одно—бѣгство.. Какъ только нефть загорается въ скважинахъ или въ фонтанахъ, надо спастись—бѣжать...

— Оставить пожаръ на произволъ судьбы?..

— Да... дожидаясь его конца... А кончится онъ, когда вся нефть выгоритъ... На заводѣ Муса-Нагѣева сгорѣло до 2.000,000 пудовъ керосина.

Керосинщики скажутъ: «наше дѣло! вѣдь наше добро сгорѣло. А все же мы не допустимъ *стѣснять* нашу комерцію не только какому нибудь полицмейстеру, но даже самому губернатору».

Но относительно того, что «сгорѣло только ихъ добро», они нѣсколько ошибаются; сгорѣло собственно у каждаго изъ насъ, благополучныхъ россиянь, по значительной суммѣ денегъ; потерпѣли и потерпятъ наши карманы отъ возвышенія цѣны на керосинъ. вмѣсто 1 р. 50 к. за пудъ въ Петербургѣ, керосинъ поднялся на 1 р. 70 к. т. е. поль-копѣйки на фунтъ. Муса-Нагѣевы, этимъ увеличеніемъ цѣны на продуктъ, теперь столь же необходимый, какъ и хлѣбъ, покроютъ убытки отъ сгорѣвшихъ по ихъ собственному неосмотрѣнью и невѣжеству, двухъ миллионovъ пудовъ нефти; покроютъ убытки и остальные Тараевы, Юзбашевы, Тумаевы и tutti quanti; только парходчики на Волгѣ, только русскій потребитель керосину охнутъ...

Но нельзя же стѣснять въ Баку разными противопожарными выдумками достопочтенныхъ промышленниковъ, дающихъ работу тысячамъ батраковъ... Они чуть ли не пальцемъ просверлили дыру на захваченномъ участкѣ нефтеносной земли; фонтанъ забилъ, заливая все кругомъ озеромъ нефти, а промышленникъ началъ помаленьку продавать таковую. Больше онъ ничего не затрачивалъ и ничего не дѣлалъ.

И почти всѣ азіаты-нефтяники ведутъ дѣло хищнически:—половина добытой нефти уходитъ въ землю. Страдая отъ пожаровъ, замаривая рабочихъ, выпуская вмѣсто нефтяныхъ *остатковъ*, идущихъ на отопленіе парходовъ, *сырую нефть*,—они «торгуютъ» на армянскій манеръ и роняютъ русскій керосинъ на европейскихъ рынкахъ. Въ Баку даже нѣтъ русскихъ хозяевъ. Да ихъ и не пустятъ въ это Эльдорадо.

Е. Л. Марковъ пишетъ: «Стыдно вспомнить, какъ разлетѣлось дождевымъ пузыремъ, единственно вслѣдствіе несочувствія мѣстныхъ властей, составившееся въ 1869 г. очень солидное общество русскихъ капиталистовъ для пріобрѣтенія земель въ Ширакской степи и другихъ мѣстахъ Кавказа... Еслибы не совершенно случайное обстоятельство,—именно насильственная ссылка за Кавказъ, цѣлыми толпами и въ теченіе долгихъ лѣтъ, нашихъ наиболѣе преслѣдуемыхъ сектантовъ: духоборцевъ, скопцовъ, молоканъ, субботниковъ, начавшаяся еще при императорѣ Николаѣ I-мъ,—то мы, конечно, не увидали бы ни одного чисто русскаго поселка ни въ одной изъ закавказскихъ губерній. Армянская народность была гораздо счастливѣе и достигла теперь господствующаго положенія. Удалились и попытки нѣмецкаго племени—водвориться на Кавказѣ... Можно сказать безъ преувеличенія: всѣ кровопролитныя войны на азіатскомъ театрѣ, велись въ пользу нѣмцевъ и армянъ, и эта послѣдняя народность переселялась къ намъ послѣ каждой войны, съ согласія нашихъ властей, самовольно въ огромномъ множествѣ, и захватывала въ свои руки всю экономическую жизнь страны. Грузины—рабы армянъ»...

Но это было правдиво въ 1891 году, а теперь, кромѣ нѣмцевъ и армянъ,—по крайней мѣрѣ, въ керосиновомъ царствѣ, въ Баку,—проявились и новые владыки: *жиды*. Газета «Народъ» въ одномъ изъ номеровъ за іюль сего года пишетъ о столкновеніи въ Баку полиціи съ евреями, участвовавшими въ процессіи перенесенія «свитковъ завѣта» въ новую синагогу. Въ результатѣ арестованы 21 человекъ за сопротивленіе властямъ.

Является вопросъ: что это за еврейская процессія и какъ могли евреи не послушаться распоряженія полиціи?

«Одесскія Новости»—эта архи-жидовская газета—такъ объясняетъ дѣло:

«Проживающіе въ Баку евреи получили отъ начальства дозволеніе перенести свои «заповѣди» изъ частнаго дома въ общественную синагогу. Въ часъ ночи нѣсколько десятковъ евреевъ, держа въ рукахъ зажженные свѣчи, съ пѣніемъ молитвъ, приступили къ перенесенію своей святыни. Такъ какъ низшіе полицейскіе агенты не были предувѣдомлены о разрѣшеніи этой процессіи, то они ее и остановили, приглашая участниковъ въ полицію. Евреи, считая *справедливо такое требованіе незаконнымъ* и противорѣчащимъ данному имъ дозволенію на перенесеніе «заповѣдей», полиціи не послушались и продолжали свой путь.

«Полиція приступила къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, вслѣдствіе чего произошла свалка, къ счастью, окончившаяся сравни-

тельно благополучно, такъ какъ серьезно раненыхъ не оказалось. Въ концѣ концовъ, участники процессіи были арестованы. И все это произошло только по недоразумѣнію, благодаря тому, что полиція не была извѣщена о разрѣшеніи духовной процессіи и сочла себя вправѣ оскорбить религіозныя вѣрованія евреевъ незаслуженно и жестоко. Они видѣли неисполненіе ея, будто бы, законныхъ требованій, а евреи, съ своей стороны, конечно, видѣли въ данномъ случаѣ грубый произволь, можетъ быть, на подкладѣхъ вымогательства (?). Ничего нѣтъ мудренаго, что въ результатѣ возникаетъ судебное дѣло, по обвиненіямъ случайныхъ и невольныхъ преступниковъ въ сопротивленіи власти».

Невольно приходится удивляться *смѣлости* и даже *нахальству* еврейскихъ публицистовъ. Подъ ихъ перомъ еврей, осыпавшіе полицейскихъ камнями и бывшіе ихъ чѣмъ попало, являются только *невольными преступниками*. Они, оглушая городъ въ 1-мъ часу ночи своими дикими воплями,—въ запрещеніи полиціей столь чудовищной процессіи, увидѣли *грубый произволь*; они считали себя *вправѣ не послушаться властей*!!..

Да гдѣ же мы живемъ? въ Америкѣ или Россіи? Но и въ Америкѣ всякое дикое сборище нарушителей общественной тишины и порядка,—сборище, не повинующееся приказаніямъ полиціменовъ, разгоняется выстрѣлами изъ револьверовъ; а въ Россіи требованія полиціи должны быть выполнены безпрекословно, а потомъ вы можете жаловаться на ихъ несогласіе съ закономъ. И жидкамъ-публицистамъ Одессы все это извѣстно; извѣстно и то, что самое пребываніе жидовъ въ Баку и повсемѣстно за Кавказомъ—фактъ вопіющій и незаконный. Но что до этого?! Они пишутъ: бѣдные жидки обижены; ихъ будутъ судить, но судить бы слѣдовало не ихъ, а полицію!..

Удивляться ли послѣ этого, что полиція безсильна на Кавказѣ, что разбои тамъ повсемѣстны и что русскіе люди, присмирѣвъ, сидятъ по угламъ, не смѣя шевельнуться, а армяшки и жиды господствуютъ, игнорируя самыя простыя и обязательныя общеполіцейскія требованія.

Домъ бакинскаго губернатора на приморской набережной стоитъ на самомъ красивомъ и здоровомъ мѣстѣ. Передъ нимъ стелется широкая скатерть Каспія, съ его далекими островками, съ пестрою и шумною суетою многолюдной бакинской гавани. Каспійское море въ сущности не простое море, а настоящій *живоробный садокъ*, съ самыми дорогими и ходкими, въ смыслѣ товара, сортами рыбы. Вся она тутъ—въ этомъ садкѣ и уйти ей некуда.

ловите какъ угодно и сколько хотите. Тутъ же и запасы лучшей въ мѣрѣ соли; и яркое солнце высушить сотни тысячъ пудовъ, только умѣйте сушить и вялить. Товару—рыбы—хватитъ на всю Европу. Рѣки: Волга и Уралъ,—куда каспійская рыба идетъ ежегодно съ ранней весны и осени,—русскія рѣки. И, однако же, мы, владѣя этимъ живорыбнымъ садкомъ — Каспиемъ,—не сумѣли по сей день воспользоваться, какъ слѣдуетъ, нашимъ рыбнымъ богатствомъ: мы его гноимъ, дурно приготовляемъ, разводимъ рыбный ядъ, чуму (напримѣръ, въ Ветлянкѣ!) и опустошаемъ Каспій насколько это возможно, какъ *несомненно уже опустошили Волгу и Уралъ.*

Въ Каспій всѣ берега, гдѣ ловъ рыбы возможенъ, захвачены армянами и татарами подъ самыми городами,—захвачены по какимъ-то ханскимъ ярлыкамъ, записямъ и, наконецъ, просто: на основаніи «давности владѣнія». Но стоитъ ли и говорить объ азіатскихъ захватахъ береговыхъ рыбныхъ ловель Каспія, когда устья самой Волги захвачены еще болѣе безправно и нагло двумя-тремя фамиліями, давно уже нажившими миллионы и ведущими свои рыбныя дѣла до того плохо, хищнически, неумѣло, что подобное хозяйничанье вызывало и вызываетъ осужденіе всѣхъ посѣтившихъ рыбныя станы Базилевскихъ, Сапожникова и т. д., которымъ принадлежать уже болѣе ста лѣтъ устья Волги. Они загородили рыбъ своими сѣтями ходъ изъ моря и губятъ какъ рыбу, идущую метать икру въ рѣку, такъ и волжскую рыбу, идущую въ море. Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, въ своихъ описаніяхъ рыболовства въ устьяхъ Волги, говоритъ, что *сомъ* слышна уже въ Астрахани за 30—40 верстъ отъ рыбацкихъ становищъ. Внутренности рыбы, отъ сотенъ миллионновъ штукъ воблы и болѣе крупныхъ сортовъ, ежегодно выбрасываются прямо на берегъ и гниютъ. Мрутъ люди, зарождаются болѣзни, но миллионеры,—рыбные монополисты,—до сего дня сумѣли заставить молчать всѣхъ—и никто ничего не видитъ и скоро ли увидитъ, Богу одному вѣдомо.

Вотъ иллюстрація къ вышесказанному. «Астраханскій Вѣстникъ» даетъ свѣдѣнія о рыболовномъ хищничествѣ. Въ настоящее время, у двухъ крупнѣйшихъ рыбопромышленныхъ фирмъ имѣется въ посолѣ мелкой рыбы—вѣрнѣе малька—до 20,000 пудовъ. По словамъ очевидцевъ, рыба эта до того мела, что десятокъ экземпляровъ тянетъ около 1 фунта, слѣдовательно, въ пудѣ такой рыбы около 400, что составляетъ приблизительно въ 20,000 пудахъ—8.000,000 рыбъ; родъ рыбы: сопа, тарань, бѣлоглазка, лещь-бѣлякъ, чехонь и т. п. сорта. Въ настоящее время, упомянутымъ фирмамъ предлагаютъ по 10 к. за пудъ, что составляетъ

за всю партію (8.000,000 рыб.), около—2,000 р.,—для данныхъ фирмъ сумма ничтожная. Но что же это за «промыселъ»? Не загуби этихъ 8 милліоновъ мальковъ, дай имъ вырасти до известной величины—то изъ 8.000,000 рыбъ (если положить наименьшій вѣсъ по 8 пуд. на 1,000), вышло бы 64,000 пуд. Нормальная цѣна этой рыбѣ: софъ до 1—20, тарани до 85 к., лещу до 1—50, чехони до 90 к. Если положить въ общемъ 1 р. за пудъ, то стоимость этой рыбы—64,000 руб., а не 2,000. Но это только у *двуухъ* фирмъ, а если взять у *восьухъ* фирмъ, то сколько загублено у нихъ этой рыбы?!

Это не первый и не послѣдній годъ, конечно.

Что можно сказать на это «дикое и непростительное» варварство? Одно только: надзора нѣтъ, а надзоръ нуженъ за этими башбузуками рыболовства. У нихъ одинъ аргументъ: «наше добро! что хочу, то и дѣлаю съ нимъ... хочу берегу, хочу—огню, чуму разведу, опустошу рѣку и море!» Но, разумѣется, давно пора внушить милліонерамъ, захватившимъ низовья Волги и не пускающимъ рыбу идти выше, что они не *собственники*, а присвоители общегосударственнаго достоянія; что если, накопивъ сотни милліоновъ, старая фирма рыболовства не сумѣла ничего сдѣлать для улучшенія промысловъ, для своихъ рабочихъ, даже для лучшаго приготовленія товара-рыбы, которымъ питается вся Россія,—то не пора ли государству объявить своею собственностью крупное богатство, захваченное во время бѣды, благодаря капризу временщика, котораго и кости уже давно истлѣли.

Вотъ отрывокъ изъ очерковъ Оленина, бывшаго прикащикомъ на одномъ рыбномъ промыслѣ: «рабочіе получаютъ немного: въ весеннюю путину мужикъ получаетъ отъ 18 до 23 р. за два съ половиною мѣсяца. Правда, кромѣ сего идутъ еще потысячныя, — это деньги со всего улова рыбы; платятся разное отъ 5 к. до 20 к. съ тысячи. Содержаніе рабочихъ хозяйское: чай калмыцкій, далеко не вдоволь и не съ молокомъ, а на водѣ; еще дадутъ рыбу, муку, пшено... Говядины нѣтъ и въ поминѣ». Неустройство повсемѣстно великое: жилища сырыя, грязныя, тѣсныя; для приготовленія пищи каждая артель имѣетъ свою бабу. Женщины-работницы получаютъ еще меньше, всего 12—16 руб. за два съ половиною мѣсяца. Работы женщинъ болѣзненныя; напримѣръ, укладка сельдей совершенно портитъ руки; послѣ двухъ-трехъ-дневной работы руки покрываются волдырями и пальцы едва сгибаются, а работать надо волею-неволею, иначе запишутъ прогуль.

Живется хорошо только артельщикамъ и артельщицамъ, да, разумѣется, прикащикамъ. Развратъ на промыслахъ необрази-

мый: сотни женщинъ находятся въ полномъ распоряженіи, въ далекой безлюдной степи, у нѣсколькихъ пьяныхъ и грубыхъ прикащиковъ *кутецкой* складки; живутъ рабочіе, мужчины и женщины, въ однихъ сараяхъ...

Бѣдный народъ! И никому до этого дѣла нѣтъ; всё только дивятся миллионамъ гг. Сапожниковыхъ, Базилевскихъ и т. д. Оленинъ пишетъ: «по окончаніи работъ, я пошелъ еще по промыслу; пройдя конюшню, я зашелъ въ бараки,—лѣтнее помѣщеніе для рабочихъ; недалеко отъ нихъ, на бугрѣ находилось кладбище; грустный видъ оно представляло: ни деревца, ни былинки,—глина, да выступившая кое-гдѣ соль, блестящая на солнцѣ; вдали та же пустыня, далеко только виднѣлись озера и ракиты чуть-чуть зелѣвшія... Полѣвѣй раскинулся корсацкій аулъ и паслись верблюды. На кладбищѣ кое-гдѣ кресты, а то и просто насыпи, означали мѣста, гдѣ успокоились отъ житейскихъ тревоженій бѣдные труженники... Здѣсь, на промыслахъ, и хоронять-то безъ священника,—гдѣ его въ нужную минуту достанешь въ этой глуши? Умеръ человекъ—сколотятъ ему гробъ изъ досокъ, прочтутъ молитву, да и зароютъ въ глинистую почву—быть можетъ, за тысячи верстъ отъ родины... а найдетъ попъ—и отслужитъ по списку по всемъ усопшимъ панихиду... за отошедшихъ безъ покаянія въ вѣчность помолится»...

Объ обиліи рыбы можно судить по слѣдующему описанію:

«Когда мы подъѣхали къ ловцамъ, неводъ былъ уже на половину выметанъ; вода, имъ окруженная, была совершенно полна рыбой (я втыкалъ палку въ эту массу и палка стояла въ ней отвѣсно). Двѣ рыбицы были уже наполнены рыбой, наливали третью. Корсаки напѣвали какой-то однообразный мотивъ, мнѣ показалось всего въ два слова: въ родѣ «эй, ухнемъ!» Видно всякому народу цѣсня помогаетъ работать. Всѣ они до половины тѣла были въ вымоленныхъ бахилахъ и похожи на эскимосовъ...

«Экая жизнь!»—подумалъ я,—«все-то въ водѣ; привыкли бѣдные». Я такъ и ахнулъ, увидѣвъ столько рыбы; даже вообразить себѣ ничего подобнаго я не могъ; положительно изъ-за сельдей воды вовсе не было видно, мошья ходила, какъ живая».

Основное зло на всѣхъ рыбныхъ ватагахъ: наловить какъ можно больше, больше того, сколько могутъ убрать, посолить и распластать; главная забота: не пускать рыбу вверхъ, гдѣ ее тоже поймаютъ промышленники помельче и еще, пожалуй, уронять цѣну. Надзора за рыбными ватагами никакого!

«Астраханскій Листокъ» пишетъ: по официальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1896 году считалось въ астраханской губерніи *остылаю* насе-

ленія 595,919 душъ обоего пола; въ томъ числѣ 306,512 мужчинъ и 289,407 душъ женскаго пола. Изъ этого общаго числа, проживало въ городахъ 73,192 муж. и 61,731 женщ.; изъ послѣднихъ въ Астрахани 60,850 мужчинъ и 50,045 женщинъ, а всего—110,895 душъ обоего пола. Родившихся за отчетный годъ было 17,049 муж. и 16,230 женскаго пола, а всего 33,279 душъ; изъ этого числа, незаконнорожденныхъ состояло 519 муж. и 491 женскаго пола, а всего 1,010 д. или: получимъ 550 незаконнорожденныхъ, 1,7 процентовъ общаго числа рожденій. Изъ 550 незаконнорожденныхъ падаетъ на города 313 (въ томъ числѣ, на Астрахань 294) и на уѣзды 237. Эти цифровыя данныя показываютъ, съ одной стороны, на большой процентъ незаконнорожденныхъ въ г. Астрахани, что объясняется массой пришлаго народа, стекающаго сюда въ навигаціонное время, съ другой—на недостаточность медицинскаго персонала въ уѣздахъ, благодаря чему изъ 38 случаевъ мертворожденій на уѣзды приходится 33 случая, хотя на содержаніе сельско-врачебной части въ губерніи за прошлый 1896 годъ истрчено изъ средствъ губернскаго сбора 56,980 р. 42 к.).

Какъ-то грустно и совѣстно, послѣ описанія миллионныхъ богатствъ рыболовства у устьевъ Волги и вообще торговли по Волгѣ, возвращаться къ разговорамъ о дѣятельности астраханской думы. Собрались господа гласные, сидятъ и дремлютъ; секретарь докладываетъ «о пожертвованіи вдовою А. Г. Богдановой 3,000 р. на содержаніе въ городской больницѣ кроватей для неизлечимо-больныхъ». «Принять!»—рѣшаютъ гласные.—«И благодарить вдову!»—прибавляетъ гласный С. «Благодарить!»—поддерживаютъ нѣкоторые. Оказывается, однако, что вдова Богданова умерла. «Ну, отслужить панихиду!»—воскликнуть одинъ гласный—и всѣ снова погружаются въ дремоту. Большая часть улицъ въ Астрахани не мощенная, площади грязны до невѣроятія; больницы изъ рукъ вонъ плохи; персы-рабочіе и калмыки умираютъ чуть не на улицахъ; городъ переполненъ «веселыми домами». Но когда вы подъѣзжаете къ Астрахани, особливо, если вѣтеръ не несетъ вонь къ вамъ—видъ города очень красивый; зеленый берегъ, тысячи судовъ; на горѣ старая крѣпостная стѣна съ зубцами и великолѣпный соборъ постройки, кажется, еще времени Грознаго.

Много еще можно сказать о Новой Россіи, но нашъ очеркъ и безъ того великъ. Пока—довольно.

Новый Аргусъ.

А с т р ы.

(Изъ А. Асныка).

Вянетъ зелень, всюду вянетъ...
Только астры, словно лѣтомъ,
Серебрятся, залитыя
Луннымъ свѣтомъ.

Какъ печальна эта осени!
Ахъ, печальнѣе, чѣмъ прежде,
Хоть цвѣты, что блекнуть, тѣ же
Въ ихъ одеждѣ.

Та же грусть въ сяннѣ лунномъ,
Та же тишь вокругъ нѣмая,
Также вѣтеръ будить липы,
Пролетая.

Только радость упоеній
Сердце въ жизни потеряло—
Все, что прежде эту осень
Оживляло.

Эта осень въ дни были
Вся дышала красотою,
Потому что ангелъ кроткій
Былъ со мною.

Вспоминаю блѣдный профиль
Словно весь изъ алебаstra,
Змѣи косъ, а въ черныхъ косахъ—
Вянетъ астра...

Вижу глазъ лучистыхъ бездну,
Ласку въ нѣжномъ ихъ привѣтѣ,
Ночью тихою осенней
Въ лунномъ свѣтѣ.

М. Гербановскій.

БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ.

Романъ Мешини, въ трехъ частяхъ.

(Съ итальянскаго).

Часть первая.

I.

Беличественные, захватывающіе душу, звуки органа разливались могучими волнами въ вечернемъ воздухѣ; солнце почти закатилось. Два пѣшехода, направлявшіеся по одной изъ большихъ дорогъ плодородной Ломбардіи, остановились, прислушиваясь къ этой музыкѣ, нарушавшей мирную сельскую тишину.

Путники, одѣтые зажиточными крестьянами, были такъ схожи между собою, что не могло быть сомнѣнія въ ихъ близкомъ родствѣ. И, дѣйствительно, это были отецъ и сынъ. Молча, кивнувъ головою по направленію, откуда доносились звуки органа, молодой человѣкъ вопросительно взглянулъ на старика.

— Донъ Бруно,—лаконически отвѣтилъ тотъ, пожавъ плечами.

— Ага!—протянулъ юноша, довольствуясь этимъ краткимъ сообщеніемъ.

И пѣшеходы снова быстро зашагали по дорогѣ. Какъ это часто случается, сходство между отцомъ и сыномъ было болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Характерное лицо молодого человѣка выказывало присутствіе мысли, выработанной умственнымъ трудомъ и усидчивыми занятіями. Фигурою, манерами и выраженіемъ осмысленнаго взгляда, онъ рѣзко отличался отъ отца, представлявшаго типъ управляющаго изъ крестьянъ. Въ молодомъ человѣкѣ какъ-то скрадывался отпечатокъ его низкаго происхожденія, и трудно было сразу высказать какое либо сужденіе о немъ.

— Давно онъ тутъ?—спросилъ юноша, немного спустя.

— Съ тѣхъ поръ какъ окончили училище... У него есть и фортепіано, но онъ предпочитаетъ органъ и церковную музыку!

— Значить, по старому? — произнесъ молодой человѣкъ, насмѣшливо улыбаясь: — неужели донъ Бруно до сихъ поръ не излѣчился отъ своей меланхоліи?

— Кажется, что нѣтъ. Одно время думали, что онъ вступить въ духовное званіе, даже радовались этому, но надежды не сбылись. Правду сказать, донъ Бруно живетъ, какъ святой, и развлекается только тѣмъ, что бродить по полямъ и лѣсамъ, собирая всякихъ насѣкомыхъ и подыскивая имъ имена въ какихъ-то большихъ книгахъ, которыя грудами навалены въ его кабинетѣ. По моему, у него что-то тутъ не ладно.

И старикъ ткнулъ себя пальцемъ въ лобъ.

— Да не все ли равно! — презрительно отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Вѣдь донъ Бруно — второй сынъ; ну, и пусть себѣ пользуется и живетъ на даровщину на чужой счетъ; пока старики-то живы, можетъ пить и ѣсть всласть.

Вѣтеръ снова донесъ до собесѣдниковъ нѣсколько тактовъ торжественнаго *adagio*.

— Полно, что ты! — воскликнулъ старикъ со смѣхомъ: — не тѣ мысли у него въ головѣ! Повѣришь ли, что онъ не пьетъ вина и постится черезъ день и знаетъ только съ бѣдными и больными.

— Понимаю: значить, донъ Бруно ударился въ святошество.

— Ничуть не бывало: просто онъ видитъ, что ему не мѣсто между своими. И вотъ онъ задумалъ уѣхать.

— Уѣхать? Куда же?

— Не знаю, право!.. Куда-то далеко: въ Азію или въ Америку. Во всякомъ случаѣ, я думаю, мало кто объ немъ пожалѣетъ.

Опять раздались звуки органа; но это были уже не тѣ нѣжныя и тихія мелодіи, которыя за минуту передъ тѣмъ наполняли воздухъ: взрывъ дикихъ и страстныхъ аккордовъ бурно пронесся въ вечерней тишинѣ и замеръ гдѣ-то вдали.

— А донъ Фебо? — внезапно спросилъ молодой человѣкъ.

— О, этотъ совсѣмъ другое дѣло! — весело отвѣтилъ старикъ. — У донна Фебо голова не набита всякимъ ученымъ вздоромъ. Его чаще можно видѣть въ трактирѣ «Трехъ Королей», нежели въ церкви: молодой маркизъ только и думаетъ какъ бы повеселиться, поохотиться, да полюбезничать съ деревенскими красотками. Впрочемъ, ему и невѣста уже готова!

— Вотъ какъ! Кто жъ такая?

— Сиротка, только что выпешшая изъ монастыря; наши и пріютили ее у себя, такъ какъ ей некуда было дѣваться. Теперь всѣ за ней такъ и увиваются... Да и немудрено: больно ужъ она богата! Посмотрѣлъ бы ты, Батисто, однѣ земли чего стоятъ — все рисовыя плантанціи въ нижней Ломбардіи! А вѣдь чуть было дѣло-то не сорвалось! Сначала опекунь ея и

слышать не хотѣлъ объ этомъ бракѣ, находя жениха не довольно богатымъ для такой невѣсты. Но когда донъ Бруно отказался въ пользу брата отъ наслѣдства епископа, тогда все пошло, какъ по маслу! Свадьба ихъ состоится въ недалекомъ будущемъ, также какъ и твоя.

На послѣднія слова, произнесенныя отцомъ съ особенною гордостью, со стороны сына не послѣдовало отвѣта. Старикъ также замолкъ и погрузился въ свои думы.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, Батисто слылъ въ семьѣ за хитраго и предусмотрительнаго малаго. Теперь же, побывавъ въ земледѣльческой школѣ,—гдѣ ему удалось приобрести серьезныя познанія,—онъ сдѣлался такимъ знатокомъ своего дѣла, что самъ отецъ ступевывался и терялся передъ сыномъ. Старикъ во всеуслышаніе восторгался юношей и гордился тѣмъ, что Батисто провелъ нѣсколько лѣтъ *въ ученъи*, само собою разумѣется, на хозяйскій счетъ, но вѣдь такимъ образомъ *они* сами же приобрѣтали на будущее время вѣрнаго человѣка и хорошаго управляющаго!..

— Кто повелѣваетъ здѣсь?—вдругъ сухо отрѣзаль Батисто.

— Повелѣваетъ всякій, кому вздумается, — съ добродушной усмѣшкой отвѣтилъ отецъ: — маркизь Маттео, маркиза Клара, донъ Фебо, донъ Бруно; скоро будетъ повелѣвать и синьора Біанко, будущая супруга молодаго маркиза... Распоряжаются и хозяйничаютъ здѣсь всѣ, а старый Андреа Ботаччи, угождая каждому, ведетъ весь домъ по своему.

— Я спрашиваю, кто будетъ впредь управлять имѣньями? — произнесъ Батисто, пожавъ плечами и выразительно взглянувъ на отца.

— Разумѣется, донъ Фебо,—серьезно отвѣтилъ старикъ.— Но ты не бойся—хлопотъ съ ними большихъ не будетъ: молодой маркизь характеромъ весь въ отца. Всѣ д'Арчелло на одинъ покрой.

— Посмотримъ!—холодно сказалъ молодой человѣкъ.

Въ эту минуту внезапно замолкли звуки органа. Андреа Ботаччи и сынъ его, свернувъ съ большой дороги влѣво и пройдя въ высокія желѣзныя ворота, очутились на узенькой, извилистой дорожкѣ, тщательно усыпанной пескомъ. Они шли молча, замедливъ шаги и пытливо поглядывая по сторонамъ. Дорога постепенно поднималась въ гору. Направо и налѣво разстилались луга, на которыхъ были разбросаны группы цвѣтушихъ кустарниковъ. Невдалекѣ виднѣлась роца каштановыхъ деревьевъ, сквозь листья которыхъ проглядывало изящное швейцарское шалѣ, съ фасадомъ, сплошь заросшимъ зеленью вьющихся растений. Подъемъ оканчивался площадью, посреди которой возвышалась небольшая, изящной архитектуры, часовня.

Площадь была окружена роскошною мраморною баллюстрадою, которая открывалась съ двухъ противоположныхъ сторонъ, давая проходъ къ небольшимъ лѣсенкамъ, спускавшимся къ саду. Въ пространствѣ между лѣсенками былъ устроенъ, изъ кусковъ туфа и гранита, искусственный гротъ, темный и прохладный, въ глубинѣ котораго царила, повелевшая отъ времени и сырости, статуя Нептуна. Высокая стѣна, поросшая густымъ мохомъ, окружала садъ съ трехъ сторонъ. Всюду были разбиты узенькія дорожки, извивавшіяся между высокими старинными деревьями и громадными клумбами самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ, наполнявшихъ воздухъ благоуханнымъ ароматомъ. Большой барскій домъ, простой, но удобный, стоялъ съ правой стороны сада. Наступили уже сумерки, и въ воздухѣ чувствовалась свѣжесть, предвѣщавшая приближеніе ночи, когда Ботаччи, отецъ и сынъ, подошли къ дому и, никѣмъ не замѣченные, могли въ теченіе нѣсколькихъ секундъ быть свидѣтелями мирной, семейной картины.

На террасѣ, уставленной цвѣтами и тропическими растениями, собралось небольшое общество.

Маркизь Маттео д'Арчелло, маленькій старичокъ, сѣдой, какъ лунь, съ волосами, выбивавшимися изъ-подъ черной бархатной шапочки, разглядывалъ съ напряженнымъ вниманіемъ розанъ, который онъ держалъ въ рукахъ. Маркиза Клара, пожилая съ внушительнымъ видомъ дама, утопала въ старинномъ, обитомъ желтымъ атласомъ, креслѣ. Рядомъ съ нею, на маленькомъ дачномъ столикѣ, лежали: большой японскій вѣеръ, бархатный мѣшочекъ, изъ котораго выглядывали крупныя перламутровыя четки, и флаконъ съ солями. Въ своихъ полныхъ, унизанныхъ дорогими перстнями, пальцахъ, маркиза вертѣла изящную серебряную табакерку.

— Представь себѣ, Клара, — смиренно произнесъ старичокъ, — гусеницы объѣли всѣ мои розаны!

— Сами виноваты! — возразила маркиза. — Развѣ не говорила я вамъ, что розовые кусты необходимо обдавать сѣрными парами?

Маркизь не былъ вполне убѣжденъ въ томъ, что уже слышалъ отъ супруги этотъ благой совѣтъ, но не осмѣлился вступить въ споръ, рѣшивъ мысленно, что, вѣроятно, самъ позабылъ полезное наставленіе жены. По странной случайности, всѣ домашнія несчастія, большія и малыя, предвидѣлись всегда маркизою, какъ это оказывалось впоследствии.

Глубоко вздохнувъ, старичокъ удалился въ кабинетъ, гдѣ снова принялся разсматривать и изучать свои любимыя цвѣты.

Молодой маркизь Фебо д'Арчелло стоялъ немного въ сторонѣ, облокотясь на высокую спинку стула, на которомъ сидѣла его невѣста, Біанка д'Анкрасерра. Юноша былъ въ полномъ смыслѣ слова олицетвореніемъ силы, мощи и красоты.

Его открытый взгляд, веселый и полный жизни, радушное обхождение, звучный голос производили на всѣхъ самое приятное впечатлѣніе. Дѣятельная жизнь, которую велъ молодой человѣкъ, частыя охоты и рыбная ловля, не утомляли его желѣзнаго здоровья. Это былъ добрый и веселый малый, не желавшій никому зла и не задававшійся никакими возвышенными теоріями. Невѣсту свою онъ любилъ по просту, не мучась и не страдая отъ этого чувства, а, напротивъ, отдаваясь ему радостно и довѣрчиво.

Въ эту минутоу юноша хохоталъ отъ всей души, указывая Біанкѣ на небольшое озеро, серебрившееся невдалекѣ отъ террасы, на поверхности котораго чинно плавали три гуся. По мнѣнію донъ Фебо, средній изъ гусей поразительно напоминалъ старую Терезу, кастеляншу виллы.

Дѣвушка, громко смѣясь, отрицала это сходство, причемъ смѣялся не только ея хорошенькій ротикъ, но и все сіявшее весельемъ лицо, а въ особенности большіе каріе глаза. Семнадцатилѣтняя Біанка д'Анкрасерра была прелестна. Густые каштановые волосы, заколотые большимъ пучкомъ, не скрывали классической формы ея головки и изящнаго, поразительной бѣлизны, затылка, на которомъ отъ малѣйшаго дуновенія вѣтерка вздрагивали легкіе, свѣтлые локончики. Это было доброе, милое, разумное дитя, до котораго еще не успѣли коснуться людскія страсти и житейскія невзгоды. Первою, замѣтившей присутствіе обоихъ Ботаччи, была маркиза Клара; она привѣтствовала отца и сына милостивымъ восклицаніемъ, обратившимъ на нихъ общее вниманіе. Возвращеніе Батисто изъ земледѣльческой школы было новостью для всѣхъ. Пришедшіе были встрѣчены радушной улыбкой и дружескимъ привѣтомъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ никто не тронулся съ мѣста, чтобы принять ихъ. Завида издали молодаго человѣка, донъ Фебо громко крикнулъ: «здорово, пріятель!» въ то время какъ Біанка съ любопытствомъ взглянула на сына управляющаго: молодой маркизъ не разъ говорилъ невѣстѣ объ этомъ товарищѣ своихъ дѣтскихъ игръ.

— Наше вамъ почтеніе! — произнесъ старикъ Ботаччи, кланяясь направо и налево. — Я вижу, всѣ веселы и здоровы, слава богу!.. А вотъ и мой Батисто, который тотчасъ же по возвращеніи пожелалъ явиться къ своимъ господамъ и поблагодарить ихъ за...

— Полно, полно — не стойте! — перебила маркиза Клара. — То-то, я думаю, Марта радуется возвращенію сына!

— Помилуйте, ваше сіятельство, какъ же не стойте? Батисто знаетъ, чѣмъ онъ обязанъ своимъ хозяевамъ, и пришелъ нарочно, чтобы выразить свою благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить, что нынче осенью онъ собирается жениться.

Со всѣхъ сторонъ раздались радостныя восклицанія. Донъ Фебо, подойдя къ своему бывшему товарищу, дружески похлопалъ его по плечу.

— Каковъ разбойникъ!—воскликнулъ смѣясь молодой маркизъ.—А хороша твоя невѣста? Ужь вѣрно маленькая, толстенкяя и румяная, какъ гранать?

— Нѣтъ, нѣтъ!—возразилъ отецъ, въ то время какъ сынъ сдержанно улыбался,—она ни то, ни се: ни маленькая, ни большая, ни худая, ни толстая, но зато вѣжливая, послушная и работница, какихъ мало, а главное,—добавилъ старикъ съ гордостью,—ея отецъ—самый крупный торговецъ свиньями во всей Наваррѣ!

Это торжественное сообщеніе было встрѣчено общими поздравленіями, причемъ на лицахъ присутствовавшихъ мелькнула насмѣшливая улыбка. Молоденькая невѣста маркиза едва сдерживалась, чтобы не разразиться громкимъ смѣхомъ, и все ея подвижное личико озарилось плутовскимъ весельемъ. Батисто прекрасно замѣтилъ впечатлѣніе, произведенное словами его отца: онъ до крови закусилъ губу, но улыбался вмѣстѣ со всѣми приниженною, лстивою улыбкою...

Когда замолкъ общій хоръ шумныхъ поздравленій и желаній, молодой Ботаччи позволилъ себѣ сдержанно освѣдомиться о донѣ Бруно. При этомъ вопросѣ, маркизъ Матео, снова появившійся на террасѣ нѣсколько минутъ тому назадъ, сдѣлалъ нерѣшительное движеніе, а маркиза равнодушно пожала плечами. Донъ Фебо, съ одушевленіемъ восхвалявшій старому управляющему достоинства недавно прибрѣтенной охотничьей собаки, не обратилъ вниманія на слова Батисто.

— Донъ Бруно, вѣроятно, въ часовнѣ,—колеблясь, произнесла молодая дѣвушка.

— Опять!—воскликнула съ неудовольствіемъ донна Клара.— Это становится невыносимо: тотчасъ же послѣ обѣда онъ забирется туда на цѣлые часы. Біанка, дочь моя, поди позови его.

Дѣвушка нерѣшительно поднялась съ своего мѣста; ея тонкія ноздри дрогнули, какъ бы выражая внутреннюю борьбу. Но тотчасъ же, овладѣвъ собою, она направилась къ часовнѣ. Въ крохотной церкви было уже почти совсѣмъ темно. Ея единственный алтарь чуть освѣщался послѣдними слабыми вечерними отблесками, врывающимися чрезъ боковое разноцвѣтное окно. Съ каждой стороны алтаря теплилось по одной лампадкѣ. Возлѣ рѣшетки, передъ распятіемъ, стояла какая-то темная колѣнопреклоненная фигура.

Это былъ донъ Бруно—онъ молился, закрывъ руками лицо. Когда Біанка окликнула юношу по имени, нервная дрожь пробѣжала по его болѣзненному тѣлу, а блѣдное лицо съ вопрошающимъ взглядомъ быстро повернулось къ дѣвушкѣ.

— Бруно,—повторила она,—тебя зоветь мама.

Онъ нетерпѣливо покачалъ головой—по всѣмъ вѣроятіямъ, молитва юноши была не въ-время прервана.

— Пойдемъ,—ласково настаивала Біанка,—пришелъ сынъ управляющаго и...

Дѣвушка вдругъ остановилась: въ головѣ ея промелькнуло воспоминаніе о будущемъ тестѣ Батисто и его свиньяхъ. Все это показалось ей такъ смѣшно, что невольная улыбка скользнула по ея губамъ и отразилась въ веселыхъ карихъ глазахъ.

Медленно поднялись вѣки молодого человѣка и изъ-подъ нихъ сверкнулъ на Біанку такой строгій и холодный взглядъ, что она мгновенно потупилась, а живое личико мигомъ утратило шаловливое выраженіе.

— И что же?—тихо, почти беззвучно произнесъ Бруно.

— Мама зоветь тебя,—повторила на этотъ разъ совершенно серьезно дѣвушка: теперь ея неумѣстное веселіе уже не нарушало мирнаго покоя этого святаго мѣста.

Строго-классическій профиль Біанки рѣзко выдѣлялся на темномъ фонѣ маленькой церкви. Постоявъ молча съ минуту, дѣвушка преклонилась предъ алтаремъ и затѣмъ медленно вышла изъ часовни. Бруно сдѣлалъ движеніе, какъ бы намѣреваясь немедленно послѣдовать за Біанкою, но, послѣ минутнаго колебанія, онъ снова упалъ на колѣни и закрылъ лицо руками. Когда шаги дѣвушки совсѣмъ затихли вдали, молодой человѣкъ медленно поднялся и, выйдя изъ часовни, не торопясь, направился къ дому. Онъ шелъ тихо, короткими шагами, и слегка прихрамывая. Блѣдное, худое лицо Бруно было неправильно и некрасиво: лобъ былъ чересчуръ высокъ, глаза слишкомъ велики.

— Посмотри, кто у насъ!—закричалъ Фебо, завидя издали брата.

— А, Батисто!—радостно произнесъ донъ Бруно, слѣша на встрѣчу гостю.

Лицо молодого человѣка какъ бы преобразилось, при видѣ прежняго товарища, а въ большихъ темныхъ глазахъ засвѣтилось доброе, теплое чувство. Батисто, между тѣмъ, рассыпался въ короткихъ, льстивыхъ фразяхъ. Какъ, неужели донъ Бруно удостоилъ вспомнить своего бывшего пріятеля? Пресвятое небо, какіе добрые господа!.. Да, хорошее было времячко, какъ припомнишь всѣ шалости, которыя тогда продѣлывались!.. Зато теперь всему конецъ... Надо самому заботиться обо всемъ... Говорять, донъ Бруно много занимался съ тѣхъ поръ и сталъ знаменитымъ ученымъ...

— А ты что подѣлываешь? — прервалъ этотъ потокъ краснорѣчія молодой человѣкъ.

— Ахъ, да!—воскликнулъ весело донъ Фебо,—ты вѣдь

еще не знаешь: Батисто также женится и страстно влюбленъ въ свою невѣсту...

— Какъ! неужели и ты?—произнесъ Бруно, быстро обращаясь въ сторону молодаго Ботаччи и пристально взглядывая на него.

— Конечно!—смѣясь продолжалъ Фебо.—Невѣста его ни болѣе, ни менѣе, какъ дочь самаго богатаго торговца свиньями въ Наваррѣ!

Бруно молчалъ, но на его блѣдныхъ губахъ змѣилась горькая, презрительная усмѣшка.

— Что же дѣлать?—униженно и какъ бы извиняясь, проговорилъ Батисто.—Намъ, бѣднымъ крестьянамъ, волей-неволей приходится жениться. Въ домѣ необходима хозяйка, а мать становится стара и не можетъ обойтись безъ посторонней помощи.

— Что же! радуюсь за тебя,—холодно и насмѣшливо, отвѣтилъ донъ Бруно.—Ну, а что ты подѣлывалъ въ школѣ?

Между молодыми людьми завязался на эту тему довольно оживленный разговоръ, къ которому прислушивалась донна Клара, лѣниво обмахивавшаяся японскимъ вѣеромъ. Фебо и Біанка шептались о чемъ-то, раздражаясь не временамъ веселымъ, по сдержаннымъ смѣхомъ.

Молодой Ботаччи держалъ себя въ присутствіи хозяевъ приниженно и съ должнымъ почтеніемъ; но по мѣрѣ того, какъ становилось все темнѣе и темнѣе, его до сихъ поръ скромно опущенные глаза поднимались и украдкой окидывали всѣхъ испытующимъ, пронизательнымъ взглядомъ.

Каменная, поросшая густымъ мохомъ, стѣна, окружавшая садъ, казалась теперь совсѣмъ черной; летучія мыши тяжело сновали въ воздухѣ взадъ и впередъ; кой-гдѣ въ травѣ мерцалъ и потухалъ фосфорическій огонекъ свѣтящагося червяка; невдалекѣ отъ террасы трещалъ кузнечикъ. Отовсюду слышался какой-то странный, непрерывный шумъ, точно слабое эхо, повторяющее жужжаніе прядки богини, прядущей нить человѣческой жизни.

II.

Маркизь д'Арчелло съ семьей проводилъ три зимнихъ мѣсяца въ одномъ изъ маленькихъ городковъ Ломбардіи, бывшемъ нѣкогда феодальнымъ владѣніемъ ихъ предковъ, вслѣдствіе чего все семейство пользовались величайшимъ уваженіемъ со стороны жителей, но вмѣстѣ съ тѣмъ мирныя политическія возрѣнія потомковъ древнихъ владѣтелей города, отдаляли отъ нихъ все общество и принуждали маркизовъ д'Арчелло жить въ строгомъ уединеніи, въ ихъ величественномъ и мрачномъ замкѣ.

Зато, какъ только проходили зимніе холода и наступали теплые весенніе дни, вся семья перекочевала обратно въ виллу Арчелло, гдѣ проводила большую часть года, не выѣзжая нигде и довольствуясь тихою сельскою жизнью. Маркизь Маттео былъ страстнымъ любителемъ розъ; маркиза Клара по цѣлымъ днямъ съ увлеченіемъ вязала и шла для бѣдныхъ; Фебо охотился, а Бруно занимался своими науками. Д'Арчелло пользовались въ окрестностяхъ всеобщою любовью; хотя крестьянамъ, селившимся на ихъ земляхъ, жилось нелегко, но всѣ знали, что причиною этому были не сами хозяева имѣнья, а распорядившійся всѣмъ, по своему усмотрѣнію, старшій Андреа Ботаччи. Болѣе другихъ входила въ хозяйство маркиза Клара; что же касается до маркиза Маттео, то этотъ добрый и ничтожный старичокъ всегда преклонялся передъ своей супругой, предоставляя ей заботиться обо всемъ.

Когда подростъ донъ Фебо, въ головѣ старой маркизы зазѣла мысль поскорѣе женить сына, подыскавъ ему, конечно, выгодную и подходящую партію. Будущая маркиза д'Арчелло должна была быть богата, знатна и не принадлежать къ семьѣ, зараженной современнымъ либерализмомъ. Подобныя требованія сильно усложняли вопросъ о женитьбѣ молодаго человѣка, но, не смотря на это, маркизь Кларъ удалось разыскать эту сказочную принцессу во образѣ своей же собственной племянницы. И, дѣйствительно, дѣвушка, на которую палъ выборъ заботливой матери, была молода, хороша собой, скромна и очень богата. Въ довершеніе всего, Біанка д'Анкрасерра съ юныхъ лѣтъ потеряла отца и мать, и находилась на попеченіи старика дяди, камергера. Все это было бы прекрасно, еслибы только старый придворный не былъ самымъ несноснымъ человѣкомъ въ мірѣ. Въ качествѣ опекуна Біанки, онъ рѣшительно воспротивился браку своей воспитанницы съ ея двоюроднымъ братомъ: во-первыхъ, вслѣдствіе слишкомъ близкаго родства молодыхъ людей; а, во-вторыхъ, по мнѣнію старика, д'Арчелло не были достаточно богаты. Вся дипломатія донны Клары разлеталась въ дребезги отъ этихъ двухъ препятствій. Опекунъ, конечно, ничего не имѣлъ лично противъ Фебо и, еслибы на счастье молодаго человѣка, богатый епископъ завѣщалъ все свое состояніе въ пользу старшаго сына, вмѣсто того чтобы назначить своимъ наслѣдникомъ Бруно, то, безъ сомнѣнія, разговоръ былъ бы инаго рода и можно было бы все уладить... Въ семьѣ д'Арчелло пристрастіе епископа къ младшему брату было встрѣчено съ неудовольствіемъ.

Хотя донна Клара съ одинаковою нѣжностью любила обоихъ своихъ сыновей; но, не смотря на это, она считала, что Фебо, какъ перворожденный, имѣетъ болѣе правъ на богатство и счастье, неужели младшій сынъ. Къ тому же бѣдняжка Бруно никогда не будетъ въ состояніи воспользоваться вполнѣ этимъ

громднымъ богатствомъ: онъ не красивъ, не ловокъ и навѣрно никогда не женится, тѣмъ болѣе, что онъ нашелъ занятія, къ которымъ пристрастился всей душой. Нельзя сказать, чтобы маркиза Клара вполне одобряла карьеру, которая манила ея младшаго сына; но, принимая во вниманіе его болѣзненное здоровье, она смотрѣла сквозь пальцы на прихоть молодаго человѣка.

Бруно давно уже свыкъся съ мыслью, что между положеніемъ старшаго брата и его собственнымъ, была громадная разница; но, будучи ребенкомъ, онъ долгое время не могъ постигнуть этого и возмущался всякій разъ, когда Фебо, въ ихъ дѣтскихъ играхъ, требовалъ себѣ, какъ старшему, повиненія и уступокъ отъ младшаго брата. Ребенокъ сдѣлался завистливъ и золь. По счастью, съ теченіемъ времени, эти дурныя задатки сгладились, но тѣмъ не менѣе мальчикъ глубоко страдалъ при видѣ тѣхъ ласкъ и поцѣлуевъ, которые въ быткѣ расточались перворожденному.

Съ годами Бруно смирился и вполне призналъ первенство старшаго брата; мысль о величій и процвѣтаніи рода д'Арчелло стала для него выше всѣхъ другихъ соображеній. Юноша любовался братомъ и, — что еще страннѣе, — всей душой привязался къ нему. Всѣ эти перевороты совершались въ самомъ сокровенномъ тайникѣ души Бруно и не замѣчались никѣмъ изъ его близкихъ. Когда мальчику исполнилось восемь лѣтъ, у него появилось стремленіе къ изученію естественныхъ наукъ, перешедшее въ скоромъ времени въ настоящую страсть. Но все это выражалось какъ-то странно и поэтому не нравилось его роднымъ. Бруно исчезалъ иногда изъ дому въ самое неудобное время; скитаясь въ чащѣ лѣсовъ, онъ охотился, собиралъ травы, насѣкомыхъ и бабочекъ.

Наконецъ, девятилѣтнему мальчику было объявлено, что онъ долженъ поступить въ училище. Бруно и тутъ смолчалъ, но въ глубинѣ его сердца поднялась страшная буря. Онъ былъ уязвленъ и въ самолюбіи, и въ привязанности къ своимъ роднымъ. Уѣзжая, мальчикъ холодно простился со всѣми, но когда, уже сидя въ экипажѣ, онъ замѣтилъ слезы, навернувшіяся на глазахъ его матери, Бруно внезапно разразился громкими рыданіями. Черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ возвратился домой послѣ успѣшнаго окончанія занятій. Легче всего давались Бруно математика, естественныя науки и музыка. Ректоръ училища, въ письмѣ къ маркизу д'Арчелло, совѣтовалъ обратить особое вниманіе на способности юноши и предсказывалъ ему блестящую научную карьеру. Маркизь и маркиза, читая это посланіе, насмѣшливо переглянулись. Хороша карьера, нечего сказать... Карьера ученаго для потомка такого знатнаго рода и наслѣдника монсиньора д'Арчелло!

Завѣщаніе епископа въ пользу Бруно было встрѣчено съ удивленіемъ и даже неудовольствіемъ всею семьею. Почему Бруно, а не Фебо? Болѣе всѣхъ пораженъ этимъ извѣстіемъ самъ Бруно. Онъ мучился угрызениями совѣсти, считая брата обиженнымъ и смиренно переносилъ холодность, которую ему высказывали его домашніе, оскорбленные несправедливостью богатаго дяди. Юноша видѣлъ, что его подозрѣвали въ томъ, что, живя въ городѣ, онъ постарался частыми посѣщеніями расположить епископа въ свою пользу... Эти подозрѣнія глубоко обижали и возмущали Бруно, но его непреклонная гордость не допускала даже и мысли объ оправданіи. Вслѣдствіе этого, онъ удалялся отъ семьи, предпочитая одиночество и усидчивыя занятія. Иногда, чтобы развлечься, онъ отправлялся въ гости къ старику управляющему. Андреа Ботаччи былъ первостатейный болтуна и любилъ при случаѣ поговорить о своихъ хозяевахъ. Бруно, сидя въ углу у камина, молча прислушивался къ болтовнѣ старика. Однажды, во время одного изъ такихъ посѣщеній, молодой человекъ узналъ изъ разговора управляющаго о затрудненіяхъ, возникавшихъ по поводу женитьбы Фебо.

— Разумѣется, — говорилъ Ботаччи, — это будетъ большая неприятность для всѣхъ, а въ особенности для самой маркизы, если...

Онъ остановился, видимо не рѣшаясь продолжать.

— Если?.. — переспросилъ почти непроизвольно Бруно.

— Если женитьба донна Фебо не состоится...

— Ужь, право, не знаю, — продолжалъ старикъ, съ сомнѣніемъ покачивая сѣдой головой, — слѣдуетъ ли говорить вамъ объ этомъ... все равно вы ничѣмъ не можете помочь!.. И всему-то причиною эти проклятыя деньги... всѣ люди помѣшаны на нихъ! Вотъ, хотя бы этотъ окаянный опекуна... никакъ не уломать его!.. Дѣвушка-сирота и во всемъ зависитъ отъ него!

— Кто же она такая? — спросилъ Бруно, внезапно заинтересованный.

— Племянница маркиза, Біанка д'Анкрассера. Пока она еще въ монастырѣ, но по выходѣ оттуда опекуна хочетъ тотчасъ же выдать ее замужъ, такъ какъ самъ онъ старый холостякъ и не хочетъ брать къ себѣ въ домъ подобной особы... Съ другой стороны, дѣвушка, какъ близкая родственница маркиза, могла бы поселиться здѣсь, но этого-то именно и не хочетъ опекуна, опасаясь чтобы воспитанницѣ его не пришлось въ голову выйти замужъ за маркиза Фебо.

— Какъ! — воскликнулъ Бруно съ гордымъ взглядомъ, — неужели онъ находитъ, что д'Арчелло...

— О, нѣтъ... старикъ того мнѣнія, что донна Біанка должна сдѣлать партію, болѣе подходящую въ денежномъ отношеніи!.. Ужь вѣрно самъ онъ давно позаботился припасти какого нибудь племянника или друга-пріятеля... Знаемъ мы этихъ

опекуновъ!.. Лично противъ дона Фебо онъ ничего не имѣеть, и, будь молодой маркизъ единственнымъ сыномъ, дѣло было бы въ шляпѣ; или вотъ, еслибы дядюшка-епископъ позаботился надѣлать и втораго племянника,—въ такомъ случаѣ...

Старикъ не кончилъ фразы и, глубоко вздохнувъ, многозначительно качнулъ головой. Донъ Бруно просидѣлъ еще нѣсколько минутъ, затѣмъ молча всталъ, простился съ управляющимъ и медленно направился къ дому. вмѣсто того чтобы по обыкновенію пройти прямо въ свою комнату, юноша зашелъ въ гостинную, гдѣ сидѣли маркиза и Фебо. Никто не обратилъ вниманія на вошедшаго.

— Покойной ночи,—тихо сказалъ Бруно.

Въ отвѣтъ на эти слова, маркиза съ достоинствомъ кивнула головой, а Фебо нетерпѣливо промывчалъ что-то себѣ подъ носъ.

Вслѣдствіе неудачныхъ свадебныхъ переговоровъ, и мать, и сынъ были въ прескверномъ настроеніи духа, а тутъ еще совсѣмъ некстати вздумалъ приставать къ нимъ этотъ чудакъ Бруно! А чудакъ этотъ, придя къ себѣ въ комнату, сталъ укладывать въ небольшой чемоданчикъ кой-какія необходимыя для дороги вещи, намѣреваясь отправиться въ Монцу, чтобы повидаться съ дядей-епископомъ.

Блѣдныя губы Бруно чуть-чуть улыбались, а его серьезное, почти суровое лицо совершенно преобразилось подѣ влияніемъ какого-то нѣжнаго чувства.

Окончивъ свои приготовления, юноша легъ и вскорѣ уснулъ тихимъ, спокойнымъ сномъ.

Бianка д'Анкрасерра поселилась въ Арчелло на правахъ племянницы маркиза и невѣсты дона Фебо.

Вопросъ о свадьбѣ былъ немедленно рѣшенъ къ общему удовольствію, какъ только, по полученіи письма отъ епископа, выяснились денежные недоразумѣнія. Измѣнивъ свое первоначальное намѣреніе, дядюшка формально обязывался завѣщать послѣ смерти все свое состояніе Фебо д'Арчелло.

Молодые люди, которые видѣлись два или три раза въ приѣмной монастыря, спрошенные каждый въ отдѣльности, не задумываясь, выразили желаніе соединиться навѣки. Однако, окончательное рѣшеніе было отложено на шесть мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ молодая дѣвушка должна была ближе ознакомиться съ женихомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть восемнадцатилѣтняго возраста. Теперь она жила въ Арчелло, наслаждаясь впервые деревенскою жизнью, счастливая и довольная ласками, которыя ей расточали старики, и любовью Фебо, ухаживаніе котораго и нравилось дѣвушкѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то странно и непонятно смущало ее... Молодой человекъ былъ очарованъ своей хорошенькой невѣстой и не-

терпѣливо ожидалъ окончанія своего испытанія, находя, что время тянется нестерпимо медленно, хотя уже августъ подходилъ къ концу, а свадьба была назначена на первые дни октября.

Письмо епископа къ маркизу д'Арчелло начиналось слѣдующею фразою. «По неотступной просьбѣ Бруно»... Итакъ, значить, Бруно убѣдилъ добраго прелата измѣнить свое завѣщаніе! Какой хорошей и разумный мальчикъ этотъ Бруно!.. Безъ сомнѣнія, мысль отказаться отъ наслѣдства въ пользу старшаго брата была такъ великодушна и выказывала его съ такой прекрасной стороны!..

Въ началѣ все шло превосходно. Бруно относился къ своей двоюродной сестрѣ теплѣе и привѣтливѣе, чѣмъ этого можно было ожидать отъ него. Біанка была первая дѣвушка, которую юноша этотъ видѣлъ въ тѣсномъ семейномъ кругу. Дружба, начавшая было возникать между молодыми людьми, не страшила юношу вначалѣ, но, къ общему удивленію, съ теченіемъ времени между ними постепенно начала появляться какая-то необъяснимая и непостижимая преграда. Бруно сталъ холоденъ къ своей будущей невѣсткѣ, избѣгалъ ея общества, стараясь при всякомъ удобномъ случаѣ уязвить молодую дѣвушку. Ихъ добрыя отношенія были, наконецъ, сразу порваны юношей. Однажды Біанка, поймавъ въ саду роскошную бабочку, отнесла ее въ комнату Бруно и положила на письменный столъ. Узнавъ объ этомъ, молодой человѣкъ рѣзко заявилъ, что терпѣть не можетъ, когда входятъ въ его кабинетъ и рожутся въ его вещахъ. Сконфуженная дѣвушка обѣщала, что это болѣе не повторится и внутренно дала себѣ зарокъ никогда не переступать порога этой мрачной комнаты, гдѣ ей сдѣлалось такъ страшно при видѣ чучель животныхъ, смотрѣвшихъ на нее своими неподвижными стеклянными глазами, и большаго чернаго распятія, у подножія котораго лежалъ человѣческой черепъ.

— И подѣломъ тебѣ, — говорилъ Фебо, — не ходи другой разъ въ эту медвѣжью берлогу! Оставь *его* въ покоѣ.

И Бруно, дѣйствительно, оставили въ покоѣ. Его религіозность усилилась еще болѣе, доходя иногда чуть не до бреда.

Юноша сталъ постепенно отрѣшаться отъ земныхъ привязанностей, не понимая, какимъ образомъ это пустое чувство могло занимать такъ много мѣста въ человѣческомъ сердцѣ. Онъ съ раздраженіемъ выслушивалъ любовныя изліянія брата, отстраняясь отъ него всякій разъ съ отвращеніемъ и ужасомъ. Любовь молодаго человѣка къ Фебо замѣнилась враждой и глухой неприязнью; онъ даже не могъ слышать голосъ брата безъ того, чтобы имъ не овладѣвало какое-то странное нервное состояніе. Удивительнѣе всего, что голосъ и присутствіе Біанки производили на юношу то же самое впечатлѣніе, хотя,

*

впрочемъ, къ чувству этому примѣшивалось нѣчто другое — какая-то необъяснимая нѣжность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то болѣзненное. Желая избѣгнуть этихъ тяжелыхъ ощущеній, Бруно отдалялся отъ Фебо и его невѣсты, предаваясь со страстью своимъ научнымъ занятіямъ. Но чѣмъ болѣе старался онъ уединиться, тѣмъ болѣе его охватывало какое-то мучительное любопытство и желаніе знать, чтó происходитъ вокругъ него. Тогда, бросивъ науку, онъ прибѣгалъ къ молитвѣ. Но—увы!—и молитва не давала ему ни покоя, ни забвенія. Напрасно, стоя на колѣняхъ и простирая къ небу руки, старался несчастный произнести имя Господа: — его горячіе, искривленные судорогою, уста съ отчаяніемъ повторяли только одно и то же слово: «Біанка, Біанка, Біанка»!

Вскорѣ Бруно понялъ все,—заблуждаться долѣе было невозможно: онъ любилъ невѣсту своего брата! Еще нѣсколько дней—и чувство это станетъ преступленіемъ... Въ церковныхъ постановленіяхъ и гражданскихъ законахъ для подобнаго рода любви существуетъ даже особое названіе... Молодому чело-вѣку оставался одинъ исходъ—бѣжать, бѣжать подь первымъ попавшимся предлогомъ.

По временамъ, въ головѣ его зарождалась и другая мысль: отправиться къ епископу, признаться ему во всемъ и уговорить старика переимѣнить завѣщаніе. На минуту юноша останавливался на этомъ рѣшеніи, съ наслажденіемъ предвкушая препятствія, которыя оно могло вызвать—препятствія, о которыя неминуемо должно было разбиться счастье Фебо... Но черезъ мгновеніе Бруно, охваченный ужасомъ и отвращеніемъ къ самому себѣ, отталкивалъ это преступное намѣреніе... Къ тому же, еслибы даже ему и удалось привести въ исполненіе свою низкую месть, на что могъ онъ рассчитывать? Вѣдь Біанка любила Фебо, а не его...

Надо было бѣжать, бѣжать во чтобы то ни стало, для того чтобы страдать и мучиться не здѣсь, а гдѣ нибудь вдали.

Бруно рѣшилъ, тотчасъ же послѣ свадьбы брата, принять участіе въ одной ученой экспедиціи. Когда молодой чело-вѣкъ сообщилъ родителямъ о своемъ желаніи, старый маркизъ возымѣлъ сильное поползновеніе противопоставить свое родительское veto этому намѣренію; но маркиза Клара, какъ и всегда, привела супруга къ болѣе разумному заключенію. Съ проникательностью матери, она уже давно замѣчала тайныя волненія и душевную борьбу Бруно. Хотя маркиза и не отдавала себѣ отчета въ томъ, чтó именно вызвало всю эту бурю, но тѣмъ не менѣе состояніе младшаго сына страшило и безпокоило ее.

Вотъ почему Андреа Ботаччи, разговаривая съ Балисто, сообщилъ ему о скоромъ отъѣздѣ Бруно д'Арчелло.

(Продолженіе будетъ).

СОВРЕМЕННОЕ ПОВОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Визитъ императора Вильгельма II-го.—Нѣмецкія, австрійскія, англійскія и французскія газеты о свиданіи двухъ Императоровъ.—Изолированность Англии.—Проектъ расчлененія Турціи.—Проектъ европейской федераціи.—Продолженіе мирныхъ переговоровъ въ Константинополѣ.—Уже установленные главные пункты мирнаго договора.—Учрежденіе контроля надъ финансами Греціи, по предложенію Германіи.—Прекращеніе торговаго договора между Англійей и Германіей.—Возможныя послѣдствія этого прекращенія.—Болгарія.—Слухи о предстоящемъ провозглашеніи Болгаріи независимымъ королевствомъ.—Князь Фердинандъ въ Константинополѣ.—Процессъ Бойчева и участіе въ немъ болгарскаго правительства.—Убійство Кановасадель-Кастильо.

Какъ и слѣдовало ожидать, пребываніе императора Вильгельма II-го въ Петергофъ и Петербургъ вызвало въ европейской печати цѣлый рядъ всякаго рода политическихъ соображеній относительно политическаго значенія этого знаменательнаго событія. Многое въ этихъ соображеніяхъ имѣетъ характеръ болѣе или менѣе досужей фантазіи, побудительными причинами которой, безъ сомнѣнія, являются субъективные взгляды и симпатіи ихъ авторовъ; съ этой точки зрѣнія, они не заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Но взгляды, высказанные болѣе серьезными органами печати, являющимися болѣе или менѣе непосредственными отголосками или общественнаго мнѣнія, или вліятельныхъ политическихъ кружковъ въ европейскихъ столицахъ, имѣютъ свое значеніе и не могутъ быть обойдены молчаніемъ.

Первое мѣсто, въ этомъ отношеніи, безспорно принадлежитъ вліятельной германской печати, которая непосредственно заинтересована въ болѣе или менѣе близкихъ будущихъ сношеніяхъ между двумя державами. Берлинская «National Zeitung», между прочимъ, посвящаетъ взаимнымъ отношеніямъ Россіи и Германіи большую передовую статью, не лишнюю интереса. Зрѣлище, которое будетъ происходить въ столицѣ Россіи, говоритъ газета, явится, конечно, блестящимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ

германскаго императора сопровождают имперскій канцлеръ князь Гогенлоэ и нынѣшній руководитель министерства иностранныхъ дѣлъ, г. фонъ-Бюловъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что присутствіе обоихъ представителей германской вѣдшей политики придаетъ прїѣзду императора Вильгельма значеніе не одного только личнаго дружескаго посѣщенія. Это доказывается тѣмъ фактомъ, что послѣдній прїѣздъ императора Франца-Иосифа въ Петербургъ привелъ къ соглашенію Россіи и Австро-Венгріи въ восточномъ вопросѣ. Было бы ошибочнымъ полагать, что нынѣшнее свиданіе двухъ императоровъ приведетъ къ разрѣшенію многочисленныхъ текущихъ вопросовъ. Согласного образа дѣйствія во всѣхъ частностяхъ ожидать нельзя, и это противорѣчило бы тому положенію, которое занимаютъ оба августѣйшихъ вождя. Германскій императоръ прежде всего является главою германскихъ интересовъ, равно какъ русскій царь—верховный владыка и глава русскихъ интересовъ. Политика же каждаго государства прежде всего заботится о національномъ благоденствіи своего народа. Но сочетаніе этой идеи съ дружественными отношеніями къ другимъ народамъ—одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ національной политики въ лучшемъ значеніи этого слова. Германское официальное положеніе, прибавляетъ нѣмецкая газета, по отношенію къ Россіи—корректное и добропорядочное. Это обуславливается тремя факторами: близкими личными отношеніями между обѣими императорскими семьями; тѣмъ, что оба монарха—носители идеи мира и, наконецъ, тѣмъ, что Россія и Германія не имѣютъ какихъ либо значительно сталкивающихся и противорѣчащихъ другъ другу интересовъ. Дружба между Гогенцолернами и Романовыми—древняя и традиціонная, она особенно процвѣтала при императорѣ Вильгельмѣ I-мъ, и хотя съ тѣхъ поръ и бывали періоды омраченія, тѣмъ не менѣе императоръ Вильгельмъ II счумѣлъ ее снова скрѣпить. Но между Германіей и Россіей существуетъ иная связь, не менѣе прочная; связь эта—стремленіе къ миру. Германія за послѣднюю четверть вѣка показала, что она является твердой охранительницей мира, и императоръ Вильгельмъ направляетъ всѣ свои усилія къ мирнымъ задачамъ. Россія точно также «миролюбива до костей» и мирная политика послѣдняго времени дала ей гораздо больше выгодъ, чѣмъ многія войны. Вотъ почему обѣ стороны могутъ спокойно смотрѣть на будущее и направлять свои силы лишь на поддержаніе этого великаго принципа. Кромѣ того, у Россіи и Германіи не только нѣтъ противоположныхъ интересовъ, но многіе интересы, какъ политическіе, такъ и экономическіе, схожи настолько, что требуютъ взаимной поддержки. Послѣдствія японско-китайской войны и послѣдній кризисъ на востокѣ фактически доказали это. Доказали онѣ, что недобѣріе, которое одно время оттолкнуло Россію отъ Германіи, было безусловно излишнимъ. И это сознаніе въ значительной степени способствовало сближенію обоихъ

государствъ. Такимъ образомъ, общихъ точекъ соприкосновенія между обоими государствами достаточно и можно надѣяться, что свиданіе императоровъ дастъ хорошіе политическіе результаты. Ожидать чего либо большаго — неблагоприятно. Не слѣдуетъ никогда забывать, что Германія и Россія противоположны другъ другу въ смыслѣ національно-психологическомъ. Полная, обусловленная искренними симпатіями, дружба между славянами и нѣмцами врядъ ли возможна: слишкомъ противоположны эти двѣ расы, слишкомъ различны ихъ характеры. Нѣмецкій умъ совсемъ далекъ отъ сантиментальныхъ, экспансивныхъ проявленій братанья, какое было въ Кронштадтѣ, Тулонѣ и Парижѣ. Вотъ почему соглашеніе между Россіей и Германіей никогда не будетъ дѣломъ чувства; оно всегда будетъ строиться на холодной разсудочности и строго взвѣшенной реальной политикѣ. Подобно тому, какъ въ прошломъ году послѣ бреславльскаго свиданія послѣдовали парижскіе восторги, такъ и въ нынѣшнемъ году за блестящимъ торжественнымъ пріемомъ германскаго императора послѣдуетъ прибытіе французовъ со своимъ президентомъ во главѣ. Политическій результатъ обоихъ визитовъ дастъ будущее. Да послужитъ это добрымъ результатомъ миру. Пусть и франко-русскій союзъ, подобно союзу Германіи съ Австро-Венгріей и Италіей будетъ способствовать идее, что миръ—величайшее и необходимое благо для культурнаго развитія человѣчества.

Съ своей стороны, бисмарковская газета «Hamburger Nachrichten», говоря о свиданіи двухъ императоровъ, замѣчаетъ: повидимому, въ Петербургѣ произойдутъ теперь переговоры подобные тѣмъ, какіе были во время посѣщенія его императоромъ Францомъ-Иосифомъ, который тоже пріѣзжалъ въ сопровожденіи своихъ министровъ. Тогда изъ Вѣны официально сообщалось, что совѣщанія касались лишь тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ заинтересованы, съ одной стороны, Россія и съ другой— Австрія, такъ что Германія въ нихъ никакого участія не имѣла. Мы полагаемъ, что нынѣшнія совѣщанія явятся дополненіемъ прежнихъ. Специально германскихъ интересовъ на востокѣ,—такихъ, которые нуждались бы въ соглашеніи съ русскими,—не существуетъ, но Германія является тамъ великой державой, преслѣдующей на востокѣ специально мирныя цѣли. Вскорѣ за германскимъ императоромъ, въ Петербургъ придетъ президентъ французской республики. Вотъ почему предстоящіе русско-германскіе переговоры являются особенно важными. Мы не считаемъ невозможнымъ, не смотря на существованіе во Франціи идеи реванша, проявленіе тройственной кооперации между Россіей, Германіей и Франціей, подобно той, которая уже разъ была достигнута въ восточно-азиатской политикѣ трехъ державъ, изъ-за антогонизма между Россіей и Англійей на Востокѣ. Мы выждемъ свѣдѣній изъ Петербурга, но уже теперь привѣтствуемъ поѣздку императора въ Россію, какъ признакъ про-

долженія между Берлиномъ и Петербургомъ добрыхъ отношеній, которыя мы считаемъ важнѣйшей основой всей нашей внѣшней политики.

Въ Австро-Венгріи свиданіе двухъ императоровъ, повидимому, произвело тоже весьма успокоительное впечатлѣніе, если судить по отзывамъ вліятельныхъ газетъ. Такъ напримѣръ, вѣнская офиціозная «*Fremdenblatt*» говоритъ, между прочимъ: путешествіе германскаго императора является по формѣ отвѣтомъ на торжественное посѣщеніе русскимъ царемъ Бреслава. Тогда еще не было извѣстно, по какимъ путямъ пойдетъ Россія. Теперь устранено всякое сомнѣніе въ мирныхъ основахъ русской политики. Ни въ одномъ фазисѣ восточныхъ осложненій Россія не отрѣшилась отъ миролюбиваго пути и не дѣлала опыта вести политику исключительно личнаго почина. Обращеніе Россіи къ маленькимъ балканскимъ государствомъ, во время пребыванія въ Петербургѣ австрійскаго императора, съ поразительной ясностью доказало нежеланіе Россіи дѣйствовать изолированно въ восточномъ вопросѣ и полное совпаденіе интересовъ и взглядовъ петербургскаго кабинета со взглядами заинтересованнаго въ этомъ же вопросѣ австрійскаго правительства. Къ такимъ же миролюбивымъ и высоко культурнымъ дѣламъ уже много лѣтъ направлена и политика германскаго императора. Вотъ почему врядъ ли можно ожидать какого нибудь измѣненія политики отъ обмѣна мнѣній между двумя монархами. Обмѣнъ мнѣній приведетъ лишь къ укрѣпленію тѣхъ основъ, которыя до сихъ поръ служили путеводною нитью всей политики послѣдняго времени. Съ этой точки зрѣнія, свиданіе императоровъ въ Петергофѣ является лишь новой гарантіей мира. Но истинное значеніе этого свиданія заключается въ традиціонныхъ семейныхъ отношеніяхъ между берлинскимъ и петербургскимъ дворами, въ дружескихъ чувствахъ между двумя могущественными государями. Поддержаніе ихъ считается въ Берлинѣ дѣломъ высокой важности и они, конечно, укрѣпятся вслѣдствіе свиданія въ Петергофѣ. Въ Австро-Венгріи привѣтствуютъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ встрѣчу нашего царственнаго союзника съ повелителемъ великой сосѣдней намъ державы.

Нѣсколько съ другой точки зрѣнія отзывается о свиданіи двухъ императоровъ другая вѣнская газета—«*Neue Freie Presse*». Хотя въ Россіи и Германіи,—читаемъ мы тамъ,—имѣется основаніе не бить въ набатъ, тѣмъ не менѣе визитъ германскаго императора—важное событіе. Не безъ основанія престарѣлый имперскій канцлеръ князь Гогенлоэ отправился вмѣстѣ съ императоромъ въ Петербургъ. Еслибы дѣло шло лишь о торжествахъ, объ отвѣтномъ визитѣ изъ-за соображеній вѣжливости, канцлеръ врядъ ли подвергъ бы себя тяжести столь долгаго путешествія. Теперь ясно видно, что періодъ взаимнаго недовѣрія между Россіей и Германіей пришелъ къ концу; что въ Россіи поняли, что полезнѣе и благоразумнѣе имѣть въ лицѣ Германіи друга, чѣмъ сердиться на нее за то, что она

сдѣлалась великой державой. Извлечь изъ этого взгляда послѣдствія — благодарная работа для дипломатіи. Въ Россіи говорятъ теперь, что тройственный союзъ «пересталъ быть» угрожающей для Россіи и Франціи комбинаціей, хотя на самомъ дѣлѣ тройственный союзъ такой комбинаціей никогда и не былъ, и его назначеніе было всегда однимъ и тѣмъ же — поддержкой европейскаго мира. Но если теперь въ Россіи признали, что тройственный союзъ «пересталъ быть» угрозою, и въ Германіи и Австріи готовы признать, что франко-русскій союзъ не нуженъ, ибо онъ былъ составленъ съ цѣлью противовѣса тройственному союзу.

Совершенно другое впечатлѣніе произвело свиданіе двухъ императоровъ на англійскую печать и на англійское общественное мнѣніе. По поводу застольныхъ рѣчей, которыми обмѣнялись императоры русскій и германскій, въ англійской печати сейчасъ же раздались тревожные голоса, указывающіе на возможность новой международной комбинаціи, основанной на сближеніи Германіи съ Россіей и Франціей. Этотъ взглядъ въ особенности ясно формулируется консервативной газетой «Morning Post», которая говоритъ, что отнынѣ является возможность возникновенія соглашения между Германіей, Россіей и Франціей. Если эти три державы будутъ взаимно поддерживать другъ друга, то разрастаніе Англій должно будетъ прекратиться и даже болѣе того, — сфера ея вліяній постепенно начнетъ суживаться. Вотъ почему англійскому правительству слѣдуетъ принять всѣ мѣры для того, чтобы воспрепятствовать такой политической комбинаціи. Замѣтка газеты «Morning Post» имѣетъ для насъ значеніе вовсе не потому, что предполагаемый новый тройственный союзъ между Россіей, Германіей и Франціей возможенъ при нынѣшнихъ политическихъ условіяхъ, а потому, что въ словахъ «Morning Post» излагаются въ сжатомъ видѣ главные штрихи будущей политической программы Англій. Англія не только боится франко-русскаго союза; она по преимуществу опасается сближенія Германіи съ Россіей и Франціей, потому что такое сближеніе прикончитъ разрастаніе британскаго вліянія. Вотъ почему консервативная лондонская газета предлагаетъ всякія средства, чтобы расторгнуть франко-русскій союзъ, а если это окажется невозможнымъ, то и самой войти, въ качествѣ третьяго лица, въ этотъ союзъ. Въ этомъ же духѣ высказывается и такой солидный журналъ, какъ «Quarterly Review». Тамъ говорится уже не о простомъ «entente cordiale» съ Франціей, но о соглашеніи между Англійей, Франціей и Россіей. Повидимому, въ Англій рѣшили строящійся между Лондономъ и Парижемъ мостъ продолжить до Петербурга. Говоря о восточномъ вопросѣ, журналъ предполагаетъ, вмѣсто расчлененія Турціи на мелкія автономныя государства, просто раздѣлить ее на подобіе раздѣла Польши. Англія удовлетворилась бы полученіемъ Египта и Сиріи и отказалась бы отъ европейской части Турціи (ее отдали бы Австро-Венгріи), а Россія по-

лучила бы Армению и Малую Азію. Подъ конецъ, журналъ съ тѣмъ большею настойчивостію настаиваетъ на непосредственномъ соглашеніи съ Франціей и Россіей, что Германія теперь замышляетъ коалицію съ этими двумя державами противъ Великобританіи.

Еще отчетливѣе и даже рѣзче эта идея проявляется въ статьѣ Прессанса, помѣщенной въ «Nineteenth Century», подъ заглавіемъ «Франція, Россія и Англія». Этотъ французскій публицистъ давнымъ давно извѣстенъ своей приверженностію къ идеѣ союза Англіи, Франціи и Россіи; по его мнѣнію, между Россіей и Англіей не существуетъ никакой обязательной вражды ни относительно Индіи, ни относительно Турціи. Соглашеніе возможно и тутъ, и тамъ. Русско-германскія отношенія, съ одной стороны, и русско-англійскія отношенія—съ другой—вынуждаютъ Англію оставить политику блестящей изолированности (*splendid isolation*). Борьба между Германіей и Англіей—вопросъ времени и поэтому послѣдней необходимо примкнуть къ Россіи и Франціи. Если не будетъ препятствія для соглашенія между Россіей и Англіей, то что же можетъ помѣшать Франціи быть третьимъ участникомъ въ этой комбинаціи? Необходимо помнить лишь одно,—и этого въ Англіи не должны забывать,—что ухаживать за Россіей безъ Франціи—безполезно. Нельзя, однако, не видѣть, что всѣ эти планы англійскихъ и нѣкоторыхъ французскихъ публицистовъ имѣютъ характеръ платоническихъ мечтаній, очень далекихъ отъ дѣйствительности. До сихъ поръ, въ Россіи остаются совершенно глухи къ льстивымъ, заманчивымъ рѣчамъ англичанъ. Но и во Франціи,—насколько можно замѣтить,—еще много лицъ не сочувствуютъ братанію съ Англіей, эгоистическіе планы которой тамъ прекрасно понимаютъ. Во всякомъ случаѣ, какое либо соглашеніе между Россіей, Франціей и Англіей — дѣло весьма далекаго будущаго. Что же касается до пресловутаго плана раздѣла Турціи, съ которымъ выступила «Quarterly Review», то газета «le Nord», имѣя въ виду по преимуществу англо-австрійскія притязанія на востокъ, заключаетъ: хотя оттоманская имперія и осуждена исторіей и нравственностью, но это еще не вакантное имущество, и въ случаѣ смерти владѣльца, законные наследники явятся, и ни одна держава, уважающая право другихъ, не захочетъ лишитъ ихъ законныхъ владѣній. Первою державою, появившею свои гуманитарныя обязанности по отношенію къ турецкимъ христіанамъ — была Россія, эта великая и благородная покровительница своихъ единовѣрцевъ. Не говоря о царяхъ первой династіи, которые открыли свою имперію для христіанъ, бѣжавшихъ отъ турецкаго ига и находившихъ пріютъ и помощь въ Россіи, но и императоры дома Романовыхъ всѣ посвятили себя съ Петра Великаго освобожденію восточныхъ христіанъ. Великій проектъ эмансипаціи христіанъ, составленный Екатериною II и Потемкинымъ, и извѣстный подъ именемъ «греческаго проекта», останется одной изъ самыхъ славныхъ

страницъ этого удивительнаго царствованія. Александръ I освободилъ Румынію, Николай I—Грецію, а Александръ II—Болгарію. Слава Россіи состоитъ главнымъ образомъ въ томъ безспорномъ фактѣ, что, освобождая балканскія народности отъ варварскаго ига османлисовъ, она никогда не желала присвоить себѣ ни одной части балканской территоріи. Какъ всегда, Дунай составляетъ сѣверную границу этого полуострова, и хотя императорскіе орлы Романовыхъ не однажды проходили черезъ Балканы, но Россія никогда не хотѣла присоединить себѣ частицу балканской территоріи. Она ходила всегда войной на Турцію только для эмансипаціи христіанъ, а не для замѣны одного господина надъ ними—другимъ. Девизъ русскихъ императоровъ съ Александра I состоялъ въ томъ, что востокъ долженъ принадлежать своимъ народамъ, и пока Россія будетъ существовать и останется съ помощью Божіей во главѣ государствъ-эмансипаторовъ, никакой проэктъ не возьметъ верха надъ этимъ девизомъ. Когда пробьетъ послѣдній часъ Турціи, Россія, съ помощью своихъ союзниковъ и всѣхъ благородныхъ сердецъ, до конца выполнитъ свой долгъ.

Наконецъ, обозрѣвая отзывы французскихъ газетъ о свиданіи двухъ императоровъ, приходится убѣдиться, что французы вполне спокойно относятся къ этому свиданію и не находятъ въ немъ никакихъ тревожныхъ элементовъ для Франціи. Это въ особенности ярко констатируетъ «Journal des Debats». Тосты,—говоритъ эта газета,—которыми въ Петербургѣ обмѣнялись императоры Россіи и Германіи, не внесли никакого новаго элемента въ европейскую политику, но обращаютъ на себя вниманіе своею сердечностью. Особенно тостъ Вильгельма II, даже если принять во вниманіе обстоятельства, живость и демонстративный характеръ императора, проявляетъ горячее желаніе убѣдить міръ въ существованіи добрыхъ отношеній между Россіей и Германіей. Никто во Франціи не долженъ, однако, этимъ тревожиться. Франко-русское соглашеніе стоитъ твердо; сами державы тройственнаго союза проявляютъ большую преданность къ этой политической системѣ, а газеты на берегахъ Дуная и Шпрее не упускаютъ случая настаивать на прочности этого соглашенія даже среди толковъ о сердечности, обмѣнъ которой теперь совершается въ Петербургѣ. Но существованіе группировокъ,—мы готовы даже сказать: особыхъ синдикатовъ гарантіи,—не обусловливаетъ непремѣнной натянутости между державами, которыхъ раздѣляетъ эта группировка. Между континентальными державами много общихъ интересовъ; одинъ интересъ по сохраненію мира могъ бы служить оправданіемъ для тѣхъ международныхъ отношеній, которыя подтверждены петербургскими тостами. Они, несомнѣнно, тѣмъ естественнѣе, что въ то время какъ Россія обращаетъ свои взоры на дальній востокъ, другія главныя державы, со своей стороны, проявляютъ возрастающій интересъ къ предпріятіямъ

отдаленнымъ, колониальнымъ или коммерческимъ, которыя все болѣе и болѣе привлекаютъ ихъ взоры за предѣлы старой Европы.

Мысль о томъ, что между европейскими державами много общихъ интересовъ и что, слѣдовательно, не прибѣгая ни къ какому формальному союзу, они могутъ уживаться отлично другъ съ другомъ,—давно уже существуетъ въ Европѣ и медленно, но, какъ кажется, настойчиво подкапывается подъ старинные политическіе взгляды. Мысль эта, очевидно, находится въ связи съ проектомъ раздѣла Турціи, выдвинутымъ журналомъ «Quarterly Review» и уже упомянутымъ нами. Англійскіе публицисты ни за что не хотятъ примириться съ фактомъ, что руководящая роль въ международной политикѣ уже не принадлежитъ Англій; они только стремятся къ изобретенію новыхъ проектовъ политическихъ преобразованій Европы. Къ такимъ проектамъ принадлежитъ и проектъ раздѣлить оттоманскую имперію, причемъ Англія скромно удовольствуется Египтомъ и Сиріей, предоставивъ Россіи Малую Азію и Армению, а Австріи—государства Балканскаго полуострова. Другой проектъ—интереснѣе и новѣе. Онъ былъ недавно высказанъ въ «Review of Reviews» и заключается въ союзѣ всѣхъ европейскихъ государствъ. Это—нѣчто въ родѣ федераціи всей Европы. По мнѣнію автора этого проекта, вся политическая исторія XIX вѣка указываетъ на то, что Европа неудержимо и фатально стремится къ сліянію въ одинъ государственный организмъ. Съ этой именно точки зрѣнія авторъ разсматриваетъ исторію великихъ европейскихъ державъ. Первая роль въ этомъ отношеніи принадлежитъ Россіи. Она устояла противъ монгольскаго нашествія. Наводненная сама, она тѣмъ не менѣе спасла Европу отъ дикихъ кочующихъ ордъ. Затѣмъ, свергнувъ ихъ иго послѣ двухсотлѣтней борьбы, она принялась за свою вѣковую миссію,—освобожденіе христіанскаго востока. Отчасти, по крайней мѣрѣ, это уже сдѣлано. Теперь, отъ береговъ Адриатическаго моря до Прута всѣ, кто свободны, обязаны Россіи своимъ освобожденіемъ. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка она встрѣтила свою грудь татарскія копыя,—такъ въ началѣ текущаго столѣтія она остановила и разсѣяла наполеоновскія полчища. Пожаръ ея древней столицы былъ зарею европейской свободы. Уже на нашихъ глазахъ она уничтожила рабство въ центральной Азіи, смирила дикихъ обитателей ея и этимъ оказала новую услугу человѣчеству. Однако, по мнѣнію автора статьи въ «Review of Reviews», не Россія явится основательницей и главою европейскаго союза. Созданіе въ Европѣ новыхъ Соединенныхъ Штатовъ составляетъ задачу, которая можетъ быть выполнена только Англійей и Германіей. Именно эти государства, по своимъ расовымъ особенностямъ, призваны къ осуществленію великой культурной миссіи. Верховнымъ главою будущаго союза будетъ, по мнѣнію автора, императоръ Вильгельмъ, какъ повелитель той страны, которая трудной борьбой достигла своего единства. Уже и теперь Германія слу-

жить центромъ союза, власть котораго распространяется отъ Билы до Бриндизи. Можетъ случится, что Вильгельму II удастся привлечь на свою сторону Россію и Францію, но созданіе европейской федераціи безъ Англіи все таки невозможно. Одна только владычица морей обладаетъ тѣми колонизаторскими способностями, которыя распространили ея власть на всѣ другія части свѣта, гдѣ она находитъ рынки для сбыта продуктовъ своей промышленности и свободныя земли для излишковъ своего населенія. Безъ Англіи Европа не будетъ достаточно сильна. Таковъ, въ общихъ чертахъ, проэктъ европейской федераціи, помѣщенный въ англійскомъ журналѣ. Не самъ по себѣ, конечно, онъ имѣетъ значеніе, а какъ любопытный симптомъ того, что среди англійскихъ политиковъ, въ виду, главнымъ образомъ, современныхъ событій, явились желанія и стремленія слить англійскіе интересы съ интересами всей континентальной Европы. Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни было прекрасно подобное стремленіе, къ нему, однако, нельзя не отнестись скептически, въ виду той эгоистической политики, которая въ Англіи сдѣлалась традиціонной, и отъ которой едва ли Англія такъ скоро освободится. А безъ этого непремѣннаго условія таковая европейская федерація, разумѣется, невозможна.

Вотъ ужь, кажется, больше мѣсяца, какъ каждая передовая статья въ европейскихъ и русскихъ газетахъ начинается со словъ: «Мирные переговоры въ Константинополѣ на этотъ разъ, кажется, серьезно приходятъ къ концу»;—и тѣмъ не менѣе, мы и по сей день этого конца не видимъ, хотя телеграфъ ежедневно приноситъ намъ извѣстія о томъ, что мирный договоръ чуть ли не подписанъ, а если еще и не подписанъ, то будетъ подписанъ непремѣнно, какъ только будутъ улажены нѣкоторыя подробности, не имѣющія существеннаго значенія. До сихъ поръ намъ приходится утѣшаться этою мыслью. Одно только несомнѣнно: Порта по прежнему практикуетъ систему проволочекъ. Повидимому, дѣлая всяческія затрудненія и откладывая со дня на день подписаніе мирнаго договора, турецкое правительство до сихъ поръ надѣется что-то выторговать, имѣя, можетъ быть, въ виду крайне тяжелыя условія, въ которыя она ставитъ Грецію своими проволочками, и въ то же время рассчитывая, что державы не найдутъ удобнымъ прибѣгать къ новымъ мѣрамъ побужденія, будучи увѣрены, что рано или поздно онѣ достигнутъ главной цѣли своего посредничества, т. е. заключенія окончательнаго мира между Греціей и Турціей.

Ео всякомъ случаѣ, переговоры эти настолько уже подвинулись впередъ, что заключеніе мирнаго договора можно предвидѣть въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что главные пункты мирнаго договора уже окончательно установлены и задержка происходитъ вслѣдствіе кое-какихъ подробностей, которыя въ свою очередь бу-

дуть такъ или иначе устранимы. Эти пункты, насколько можно судить по отзывамъ наиболѣ компетентныхъ газетъ, сводятся къ слѣдующему. Установленіе пограничной черты происходитъ согласно планамъ, выработаннымъ предварительнымъ договоромъ и приложеннымъ къ тексту. Работы по установленію границы должны начаться—самое позднее—черезъ четырнадцать дней послѣ подписанія предварительнаго договора и производиться делегатами Турціи, Греціи и великихъ державъ. Послѣдніе должны явиться посредниками на случай несогласія между первыми двумя. Греція уплачиваетъ Турціи четыре милліона фунтовъ. Великія державы принимаютъ мѣры для того, чтобы уплата военнаго вознагражденія не нарушала правъ прежнихъ кредиторовъ Греціи. Съ этою цѣлью державы берутъ подъ свой контроль управленіе доходами, которые должны покрыть платежи по новому и старымъ займамъ. Привилегіи и прерогативы, которыя Греція имѣла въ Турціи до войны, остаются неприкосновенными. Самое позднее, черезъ четырнадцать дней послѣ подписанія предварительнаго договора или раньше, въ Константинополь прибываютъ спеціальныя уполномоченныя Греціи для заключенія окончательнаго мира. Они при этомъ рѣшаютъ вопросы объ обмѣнѣ плѣнныхъ, о всеобщей амнистіи, о свободѣ судоходства и уплатѣ убытковъ, понесенныхъ различными лицами изъ-за войны. Кромѣ того, они заключаютъ три конвенціи: 1) конвенція объ установленіи національности, 2) конвенція объ отношеніяхъ между греческими консулами и турецкой администраціей, 3) конвенція о преступленіяхъ и проступкахъ на территоріи обѣихъ договаривающихся сторонъ, если виновники бѣжали съ одной территоріи на другую. Непосредственно за подписаніемъ предварительнаго договора, отношенія воюющихъ сторонъ между Греціей и Турціей немедленно прекращаются. Турецкія войска немедленно отступаютъ до линіи Саламврія и занимаютъ лишь нѣсколько важныхъ для Турціи стратегическихъ пунктовъ, до тѣхъ поръ пока Греція не выплатитъ окончательно военной контрибуціи. Непосредственно за подписаніемъ предварительнаго договора, между обѣими сторонами возобновляются нормальныя отношенія. Подданные обѣихъ государствъ пользуются полной свободой въ своихъ занятіяхъ. Турція оставляетъ за собой право представить великимъ державамъ для ревизіи султанскій фирманъ, который составленъ на основаніи конвенцій, заключенныхъ между нею и Греціей 9 мая 1897 года. Представители великихъ державъ учреждаютъ посреднической судъ, которому будутъ подлежать, до заключенія окончательнаго мира, всѣ вопросы, вызывающіе разногласія. Державы оставляютъ за собой право принимать участіе въ этомъ судѣ или лично, или черезъ своихъ замѣстителей. Всѣ пункты предварительнаго договора должны получить санкцію султана восемь дней спустя послѣ ихъ принятія.

Что же касается до устройства контроля надъ финансами Греціи,

то онъ долженъ быть организованъ въ слѣдующей формѣ. Международная комісія вѣдаетъ опредѣленными доходными статьями Греціи, которыя должны служить для оплаты процентовъ и для погашенія какъ военнаго вознагражденія Турціи, такъ и прочихъ греческихъ займовъ, слѣданныхъ въ Европѣ. Еслибы доходы повысились, то они тоже поступаютъ на усиленное погашеніе долговъ, какъ это и раньше предлагалось кредиторами Греціи. Комісія не заботится о государственныхъ расходахъ Греціи, ровно какъ и доходахъ, которые получаются изъ необложенныхъ международной комісіей статей. Комісія должна направлять свои силы лишь на обезпеченіе правильной оплаты займовъ и отнюдь не вмѣшиваться въ какія либо иныя отрасли государственнаго управленія Греціи.

Въ настоящее время стало извѣстно, что вопросъ о контролѣ надъ греческими финансами былъ рѣшенъ благодаря особому мнѣнію Германіи. Судя по заявленіямъ офиціозныхъ вѣнскихъ газетъ, вѣнскій кабинетъ первый призналъ справедливость германскаго требованія, за нимъ послѣдовала Россія, согласіе которой побудило и другія державы не противиться этому требованію. Первоначально, это вмѣшательство германской дипломатіи вызвало тревогу въ политическомъ мірѣ, такъ какъ нѣмецкія газеты стали распространять слухъ, что настойчивость Германіи относительно контроля надъ греческими финансами объясняется желаніемъ обезпечить султану уплату слѣдующаго ему вознагражденія. Къ счастью, этотъ щекотливый вопросъ объясняется гораздо проще. Оставаясь при особомъ мнѣніи по вопросу о контрибуціи, германское правительство просто на просто выступило защитникомъ денежныхъ интересовъ прежнихъ кредиторовъ Греціи, большинство которыхъ, какъ извѣстно, — нѣмцы. Оно возражаетъ противъ признанія за контрибуціею первенствующаго права на уплату передъ прежними греческими долгами и желаетъ учрежденія европейскаго контроля надъ финансами эллинскаго королевства главнымъ образомъ для того, чтобы интересы прежнихъ кредиторовъ не пострадали. Для Порты, какъ это само собой разумѣется, по всей вѣроятности не представляетъ особеннаго интереса вопросъ, будутъ ли исправно получать свои проценты нѣмецкіе кредиторы Греціи и останутся ли въ прежней цѣвѣ имѣющіяся въ ихъ рукахъ бумаги греческихъ займовъ. Точно также она не можетъ особенно дорожить и европейскимъ контролемъ надъ греческими финансами. Если державы-посредницы сумѣютъ внушить константинопольскому правительству увѣренность, что оно получитъ такъ или иначе полностью присужденное ему военное вознагражденіе, то вопросъ о контрибуціи будетъ рѣшенъ такъ, какъ желаютъ этого державы, не смотря на особое мнѣніе Германіи. Во всякомъ случаѣ такой оборотъ дѣла значительно облегчилъ дальнѣйшіе переговоры. И въ самомъ дѣлѣ, какъ только державы рѣшили между собой, — и рѣшили безповоротно, — что ручательствомъ для

Порты въ уплатѣ присужденнаго ей военнаго вознагражденія должны служить европейскій контроль надъ греческими финансами, и эллинское правительство согласилось подчиниться этому контролю, то о дальнѣйшемъ пребываніи турецкихъ войскъ въ той или другой части Фессаліи не можетъ быть и рѣчи. Такое рѣшеніе имѣетъ ту выгоду, что окончательно убѣждаетъ эллинское правительство въ томъ, что у него нѣтъ другого выхода, кромѣ безусловнаго подчиненія воли всѣхъ державъ, а Портъ доказываетъ полную тщету ея надеждъ добиться болѣе выгодныхъ для нея условій мира, путемъ возникновенія разногласій между посредствующими кабинетами.

Недавно телеграфъ сообщилъ сенсационное извѣстіе, что торговый договоръ между Англійей и германскимъ таможеннымъ союзомъ, существующій съ 30 мая 1865 года, объявленъ Великобританіей прекращающимся съ 30 мая 1898 года. Въ Германіи, насколько можно судить по отзывамъ газетъ, прекращеніе это не вызвало никакого удивленія. Народъ ожидалъ его уже нѣсколько мѣсяцевъ. Берлинская печать относится къ этому факту довольно спокойно. Германское правительство, повидимому, смотритъ на возможную таможенную войну съ Англійей безъ всякаго страха, такъ какъ по статистическимъ даннымъ 1895 года Германія вывозитъ въ англійскія колоніи на 98 милліоновъ марокъ, тогда какъ колоніи ввозятъ въ Германію на 303 милліона марокъ. Такъ высказывается и «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*», которая говоритъ, что нѣмцамъ не о чемъ беспокоиться: они достаточно сильны съ экономической точки зрѣнія, а нѣмецкій торговый флотъ и вообще нѣмецкая торговля достаточно подвижны, чтобъ выдержать борьбу на всемірномъ рынкѣ. Впрочемъ Англія, повидимому, не желаетъ вызывать этой борьбы; она только желаетъ устранить препятствіе для своего торговаго сдѣланія съ Канадой. Съ этой цѣлью она имѣетъ въ виду заключить новый торговый договоръ съ Германіей. «*Times*», по поводу того же прекращенія торговаго договора, дѣлаетъ слѣдующія поясненія: прекращеніе договора съ Германіей является отвѣтомъ британскаго правительства на желаніе, выраженное Канадой, создать болѣе тѣсныя торговыя отношенія съ метрополіей. Уничтожая трактатъ, англичане этимъ самымъ гарантируютъ своимъ колоніямъ полную таможенную свободу. Очень можетъ быть, что въ Германіи раздадутся неприятыя комментаріи по адресу англійскаго правительства, что ему будутъ грозить невозможностью заключить съ Германіей новый торговый договоръ; но это для Англійи, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ значенія. И, дѣйствительно, англійскій вывозъ въ Германію ничтоженъ сравнительно съ англійскимъ общимъ вывозомъ и прекращеніе торговаго договора съ Германіей составитъ для англичанъ лишь 7% потери. Съ другой стороны, германскія пошлины на англійскіе товары непомерно велики. Поэтому таможенная война не можетъ ухудшить англійской торговли. Если же по-

ложеиіе даже и ухудшилось бы, то и въ такомъ случаѣ выгоды отъ новыхъ отношеній съ Канадой представлять превосходную компенсацію. Тѣмъ не менѣе, очень многіе въ Англіи увѣрены, что Германія не удовольствуется такимъ толкованіемъ и отвѣтитъ таможенной войной въ силу того, что британское правительство отказывается возобновлять нынѣ дѣйствующій торговый трактатъ изъ политической враждебности къ Германіи. Такое толкованіе несомнѣнно имѣетъ свои основанія. Враждебность Англіи къ Германіи безспорно существуетъ со времени извѣстнаго вмѣшательства императора Вильгельма въ трансваальскія дѣла. Англичане раздражены очевиднымъ нежеланіемъ германскаго правительства содѣйствовать своекорыстнымъ политическимъ планамъ министерства Салюбюри. Весьма возможно, что, подъ благовиднымъ предлогомъ предоставленія таможенныхъ льготъ Канадѣ, сенъ-джемскій кабинетъ надѣется вынудить германское правительство невозобновленіемъ торговаго договора искать «благосклонности» Англіи и одного изъ тѣхъ «сближеній», которыя всегда оказываются выгодными только Англіи. Недаромъ лондонскіе министерскіе круги такъ настойчиво толкуютъ все это время о томъ, что Германіи невозможно будетъ обойтись безъ заключенія новаго торговаго договора съ Англіей, потому что иначе она, въ близкомъ будущемъ, попадетъ въ исключительную зависимость отъ ввоза русскаго хлѣба. Однако, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы подобнаго рода соображенія могли остановить германское правительство отъ объявленія таможенной войны Англіи, если оно признаетъ нужнымъ начать такую войну. Совершенно ясно, что, при условіи самыхъ удовлетворительныхъ отношеній ко всѣмъ континентальнымъ державамъ и къ Соединеннымъ Штатамъ, Германіи нетрудно будетъ обойтись безъ Англіи въ торговомъ отношеніи. Если таможенная война и принесетъ ей нѣкоторые убытки, то она будетъ сугубо вознаграждена возможностью того возрожденія «континентальной системы» Наполеона I-го, о которомъ теперь много толкуютъ въ политическихъ кружкахъ.

За послѣднее время, на политическомъ горизонтѣ совершенно неожиданно выступила Болгарія. Въ Европѣ уже нѣкоторое время носились слухи о предстоящемъ провозглашеніи Болгаріи независимымъ королевствомъ. Слухи эти были настолько настойчивы, что о нихъ рѣшилась объявить даже такая серьезная газета, какъ «Frankfurter Zeitung». Ея софійскій корреспондентъ, между прочимъ, пишетъ: «Если признаки, наблюдаемые мною, не ошибочны, то мы стоимъ наканунѣ провозглашенія Болгаріи независимымъ королевствомъ. Многіе министры, всѣ высшіе чины и выдающіеся депутаты уѣхали въ Русукуъ, гдѣ 2 (14) августа состоится празднованіе десятилѣтія правленія князя Фердинанда. Войска всѣхъ родовъ оружія сосредоточатся въ Русукуѣ. Къ признакамъ готовящагося coup d'étatъ нужно причислить и то, что дипломатическій кор-

пусъ не получил приглашенія въ Русукъ и что оппозиціонная печать ни словомъ не обмолвилась ни о торжествѣ, ни о независимости Болгаріи. Моментъ, однако, выбранъ княземъ Фердинандомъ неудачный, хотя разсчитывать на нарушеніе мира и не приходится, если только султанъ изъявитъ свое согласіе на независимость Болгаріи». Вслѣдъ за этимъ слухомъ, телеграфъ сталъ сообщать сенсаціонныя извѣстія о поѣздѣ князя Фердинанда въ турецкую столицу, въ сопровожденіи своего перваго министра Стоилова. Подробности, сообщаемыя о приѣмѣ князя Фердинанда въ Константинополѣ, тоже немало удивили европейскую публику. Приѣмъ этотъ, какъ оказывается, былъ самый радушный, причемъ присовокупляютъ, что князь Фердинандъ, не упускалъ ни малѣйшаго случая показать, что онъ признаетъ свои данническія отношенія къ «повелителю правовѣрныхъ». Константинопольскія телеграммы разсказываютъ, что въ султанскомъ дворцѣ князь появляется не иначе, какъ въ мундирѣ турецкаго маршала и при первой встрѣчѣ привѣтствовалъ султана въ формѣ, не оставляющей никакого сомнѣнія въ политической его зависимости отъ державнаго главы оттоманской имперіи (князь Фердинандъ поцѣловалъ руку султана). Само собою разумѣется, что изъ всего этого нельзя было не вывести заключенія, что въ Софіи признали необходимымъ успокоить султана и Порту насчетъ упомянутыхъ нами слуховъ о намѣреніи князя Фердинанда провозгласить независимость Болгаріи и принять титулъ болгарскаго короля. Должно быть, эти слухи имѣютъ основаніе, если князь Фердинандъ рѣшился сдѣлать такой необычный шагъ. Цѣль путешествія князя Фердинанда оказалась достигнутой, но вслѣдъ за этимъ явилось новое осложненіе, на этотъ разъ болѣе строгаго характера: изъ Софіи былъ отозванъ австрійскій дипломатическій агентъ, причемъ выяснилось, что представитель Австріи оставитъ болгарскую столицу вслѣдствіе предложенія вѣнскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, имѣвшаго въ виду выразить свое неудовольствіе главѣ болгарскаго министерства, г. Стоилову.

Дѣло это, какъ передаетъ телеграфъ, сводится къ слѣдующему: въ бесѣдѣ съ однимъ корреспондентомъ болгарскій первый министръ имѣлъ неосторожность объяснить скандалъ, вызванный процессомъ бывшаго капитана Бойчева и его сообщниковъ, желаніемъ дипломатическаго представителя Австріи въ Софіи «скомпрометировать» софійскій дворъ. Сейчас же послѣ опубликованія этого интервью Стоилова, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ устно далъ знать завѣдвающему болгарскимъ агентствомъ въ Вѣнѣ, что ожидается немедленное опроверженіе Стоиловымъ злостнаго отзыва, который, очевидно, ложно ему приписанъ. Болгарскій агентъ, по порученію Стоилова, заявилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, что слова Стоилова были переданы въ искаженномъ видѣ и что исправленіе имъ уже предпринято. Такъ какъ день спустя

въ министерство не поступило никакихъ дальнѣйшихъ сообщеній, то австрійскій дипломатическій агентъ, баронъ Каль, потребовалъ, чтобы въ теченіе 48 часовъ было сдѣлано рѣшительное опроверженіе и австро-венгерское правительство было о томъ увѣдомлено. Вскорѣ послѣ того, «Correspondenz Bureau» получило отъ «Балканскаго агентства» телеграмму, въ которой было сказано, что содержаніе интервью было не точно передано и что инструкціи не соотвѣтствовали ни истинѣ, ни взглядамъ Стоилова. Заявление это ни по содержанію, ни по формѣ не удовлетворяло поставленнаго требованія, тѣмъ болѣе, что оставался открытымъ вопросъ, сдѣлалъ ли Стоиловъ тѣ заявленія, которыя собственно и послужили поводомъ къ требованію. Такъ такъ болгарскія правительственныя газеты въ то же время проводили въ своихъ статьяхъ ту же мысль, которая высказана была въ интервью Стоилова, то требованіе категорическаго опроверженія было тѣмъ справедливѣе. Каль, поэтому, увѣдомилъ болгарское правительство, что опроверженіе «Балканскаго Агентства» недостаточно. Хотя Стоиловъ не сдѣлалъ своевременнаго исправленія, соотвѣтствующаго обстоятельствамъ, но австрійское правительство дало пройти нѣсколькимъ днямъ, прежде нежели приняло дальнѣйшее рѣшеніе, имѣя въ виду, во-первыхъ, возможность возраженія, что отсутствіе Стоилова въ Софій вызвало замедленіе и недоразумѣніе; а, во-вторыхъ, желая по возможности избѣжать нарушенія существующихъ добрыхъ отношеній. Такъ какъ Стоиловъ не воспользовался и дальнѣйшимъ срокомъ, изъ чего можно вывести заключеніе о намѣренной небрежности къ должному сосѣдней имперіи уваженію, то министерство иностранныхъ дѣлъ и увидѣло себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ отозванію своего агента.

Газета «Neue Freie Presse», говоря объ этомъ инцидентѣ, намекаетъ достаточно ясно, что если г. Стоиловъ и теперь не извинится надлежащимъ образомъ передъ вѣнскимъ правительствомъ, то хорошія отношенія между Австро-Венгеріей и Болгаріей можно будетъ возстановить только путемъ отставки нынѣшняго болгарскаго министерства. Такимъ образомъ, приходится заключить, что если князь Фердинандъ не хочетъ ссориться съ австрійскимъ правительствомъ, онъ принужденъ будетъ отказаться отъ услугъ г. Стоилова и организовать новое министерство, на этотъ разъ «угодное» Вѣнѣ.

Собственно о самомъ процессѣ Бойчева не стоитъ распространяться: это—дѣло объ убійствѣ кафе-шантанной пѣвицы Анны Симонъ, австрійской подданной. Дѣло это интересно не само по себѣ, а тѣмъ, что характеризуетъ болгарскіе порядки въ удивительномъ свѣтѣ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ мѣста привести характеристики трехъ героев этого дѣла; скажемъ только, что убійство было совершено Бойчевымъ—ротмистромъ генеральнаго штаба, состоявшемъ при особѣ князя, затѣмъ

*

Барломъ Новеличемъ — бывшимъ пловунскимъ градоначальникомъ и, наконецъ, Богданомъ Васильевымъ — бывшимъ коннымъ жандармомъ. На судѣ выяснилось, что всѣ эти три героя были очень близки къ княжескому двору, а правительство очень часто прибѣгадо къ ихъ услугамъ. Всѣ эти разоблаченія, конечно, не могли быть пріятны болгарскому правительству, не говоря уже о фактѣ, что къ суду былъ привлеченъ княжескій адъютантъ, высшій чиновникъ гражданской администраціи и жандармъ. Вотъ почему, въ «Politische Correspondenz» появилось офиціозное письмо изъ Софіи, въ которомъ разъясняются нѣкоторыя обстоятельства дѣла и доказывается, что при первоначальномъ дознаніи правительство было введено въ заблужденіе и нисколько не стремилось замять всю эту исторію. Дѣло въ томъ, что въ первой стадіи дѣла, когда о виновникахъ преступленія ходили лишь темные слухи, правительство обратилось къ содѣйствію Новелича, не подозрѣвая, конечно, что онъ былъ заинтересованъ въ скрытіи слѣдовъ преступленія. Вслѣдствіе этого, возникъ рядъ недоразумѣній, которыми воспользовалась оппозиція, а также часть иностранной прессы. Стали распространяться слухи, будто правительство стремится спасти преступниковъ отъ вполне заслуженной ими кары. Княжескій дворъ, — говоритъ далѣе офиціальное сообщеніе, — бесспорно огорченъ тѣмъ, что въ числѣ приближенныхъ его состоялъ такой недостойный человѣкъ, какъ бывший ротмистръ Бойчевъ, а болгарское правительство очень скорбитъ, что такого субъекта, какъ Новеличъ, оно назначило градоначальникомъ, но какъ дворъ, такъ и правительство были далеки отъ мысли покровительствовать этимъ двумъ лицамъ послѣ того, какъ были обнаружены ихъ преступныя дѣянія. Что касается упрека въ томъ, что вообще подобныя лица принимаются на службу, то должно принять въ соображеніе, что въ такомъ юномъ государствѣ, какъ Болгарія, гдѣ ощущается еще сильный недостатокъ въ семейныхъ традиціяхъ, воспитаніи и профессиональной чести, нельзя при назначеніи на государственныя должности руководствоваться такими строгими правилами, какъ во вполнѣ благоустроенныхъ европейскихъ государствахъ.

Тѣмъ не менѣе, едва ли можно вполнѣ довѣрять этому заявленію. Дѣло Бойчева открыло неизвѣстныя до сихъ поръ стороны правосудія въ Болгаріи, довольно непривлекательныя. Такъ напримѣръ, между княжескимъ дворомъ и министерствомъ юстиціи, съ одной стороны, и судомъ — съ другой — происходили такія постоянныя сношенія, которыя выходили за предѣлы простыхъ донесеній. Ротмистру Бойчеву и Новеличу еще до начала процесса было обѣщано, что единственное наказаніе, которое должно было ихъ постигнуть, — смертная казнь, — къ нимъ пригнѣно не будетъ (такъ оно въ дѣйствительности и оказалось). Такъ какъ честь князя была сильно затронута злоупотребленіемъ его имени адъютантомъ,

то онъ не могъ дать помилованія, не подвергая себя нападкамъ со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ, Бойчевъ и Новеличъ дали обѣщаніе молчать о томъ, что видѣли и слышали при княжескомъ дворѣ. Поэтому суду было предписано, какъ бы ни кончилось дѣло, найти смягчающія вину обстоятельства. Этими небольшими добавленіями уже впередъ исключалась возможность присужденія къ смертной казни, которую влечетъ за собою убійство съ зараніе обдуманнѣмъ намереніемъ.

Многія газеты не безъ основанія дѣлаютъ изъ этого процесса выводы относительно общаго культурно-нравственнаго состоянія балканскихъ народностей. На долю Европы, — замѣчаетъ между прочимъ «National Zeitung», — выпадаетъ очень мало радостей отъ балканскихъ народовъ. Изъ-за симпатіи къ нимъ, она пролила немало крови и принесла немало жертвъ. Тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ Румыніи, гдѣ, не смотря на остатки варварства, все же выработался заслуживающій уваженія государственный порядокъ, въ остальныхъ, созданныхъ усиліями Европы, государствахъ самымъ симпатичнымъ элементомъ останутся тѣ самыя турки, противъ которыхъ были направлены усилія державъ. Это одинаково вѣрно для государствъ по сѣверную и по южную сторону Балканскихъ горъ. Печальнымъ доказательствомъ правильности такого воззрѣнія были недавно греки и теперь процессъ Бойчева. Этого ротмистра-убійцу и полицейскаго префекта Новелича судъ приговорилъ къ пожизненному тюремному заключенію, изъ котораго оба, послѣ кратковременнаго пребыванія въ самыхъ лучшихъ условіяхъ, преспокойно удалятся на всѣ четыре стороны. Есть основаніе думать, что приговоръ этотъ закончится тѣмъ, что князь Фердинандъ помируетъ обоихъ убійцъ. Случалось и раньше, что злодѣй убивалъ надовшую ему любовницу. Его постигала кара и дѣло кончалось тѣмъ, что получался новый «document humain». Но процессъ Бойчева характеризуется иначе. Тутъ имѣется дѣло съ развратнымъ буйнымъ человѣкомъ, который не смотря на свое возмутительное поведеніе, долго не подвергался изгнанію изъ прежней среды. Мало того, убійство несчастной Анны готовится и совершается съ помощью полицейскаго префекта, считается дѣломъ пустымъ, безнаказаннымъ. Очень можетъ быть, что и самаго процесса не было бы, еслибы убитая была болгаркой, но, на несчастіе убійцъ, она оказалась австрійской подданной... Разумѣется, за такое преступленіе болгаръ не отдадутъ вновь въ управленіе Турціи. Этого Европа не допуститъ, какъ не допустила она, чтобы надъ аѳинскимъ Акрополемъ опять засіялъ турецкій полумѣсяцъ. Но греки передъ послѣдней войной и во время нея горестно испытывали на себѣ, какъ тяжело потерять симпатіи культурныхъ народовъ. Такое же испытаніе можетъ предстоять и болгарамъ.

Изъ Мадрида получено извѣстіе о трагической кончинѣ перваго испанскаго министра Кановаса-дель-Кастильо, убитаго въ Санть-Агуадо

анархистомъ-итальянцемъ, по фамиліи, Микеле Анджоллио. Во многихъ отношеніяхъ это убійство напоминаетъ злодейство Козеріо Санто, убившаго президента Карно ровно три года тому назадъ. Анджоллио былъ другомъ барселонскаго анархиста Аскіери, казненнаго за известное покушеніе въ улицѣ Камбасъ. Какъ и Козеріо Санто, онъ мстилъ за своихъ политическихъ единовѣрцевъ, подвергшихся вопль заслуженной ими карѣ правосудія. Первый испанскій министръ, точно также какъ и Карно, поплатился жизнью за то, что имѣлъ мужество исполнить свой долгъ, не согласившись на помилованіе приговоренныхъ къ смерти барселонскихъ динамитчиковъ.

Кановасъ-дель-Кастильо принадлежалъ къ числу выдающихся государственныхъ людей не только въ Испаніи, но и вообще въ Европѣ. Онъ родился 28 февраля 1828 года. Въ молодости онъ изучалъ философію и юридическія науки. Политикъ онъ посвятилъ себя съ 1854 года и принадлежалъ въ началѣ, въ качествѣ депутата отъ Милиги, къ либеральной партіи. Затѣмъ онъ быстро пошелъ впередъ въ служебной карьерѣ. Черезъ 10 лѣтъ онъ занималъ попеременно посты министра внутреннихъ дѣлъ, колоній и финансовъ. Въ 1868 году Кановасъ былъ изгнанъ, а въ 1869 году объявилъ себя сторонникомъ Бурбоновъ, за ихъ реставрацію въ лицѣ Альфонса XII, котораго онъ былъ воспитателемъ. Затѣмъ все время онъ былъ душою реставраціонной партіи. Въ началѣ 1875 года Кановасъ принялъ президентство въ министерствѣ съ полномочіями регентства, а послѣ вступленія на престолъ Альфонса XII, въ сентябрѣ 1875 года, вышелъ, вслѣдствіе ссоры съ римскою куріей, изъ среды правительства. Еще въ томъ же году онъ былъ снова призванъ къ власти, и во время его президентства въ министерствѣ было подавлено возстаніе въ Кубѣ и второе карлистское движеніе. Но и тутъ онъ не сошелся съ маршаломъ Мартинесомъ Кампосомъ и въ 1879 году уступилъ ему постъ министра президента. Въ концѣ 1879 года вспыхнуло второе возстаніе на Кубѣ; Кановасъ энергично подавилъ его. Постоянное напряженіе силъ противъ мятежниковъ постепенно измѣнило его образъ мыслей и изъ прежняго либерала получился строгій консерваторъ. Въ 1881 году онъ уступилъ мѣсто либералу Сагастѣ. Затѣмъ, въ 1884, 1890, 1895 годахъ Кановасъ снова стоитъ во главѣ правительства, а въ промежуткахъ является главой оппозиціи и много разъ избирается президентомъ палаты депутатовъ. Враждебное отношеніе ко всеобщей подачѣ голосовъ подорвало его популярностъ въ народѣ, а высокоуміе вызвало нелюбовь къ нему придворныхъ сферъ. Трижды, начиная съ 1892 года министромъ-президентомъ назначался либераль Сагаста. Но въ 1895 году кубинское движеніе и неуспѣхъ маршала Кампоса вынудилъ королеву-регентшу призвать снова Кановаса. Онъ замѣстилъ Кампоса генераломъ Веллеромъ и принялся жестокими мѣрами восстанавливать порядокъ. Но звѣзда его

закатилась. Въ Испаніи возникалъ скандалъ за скандаломъ. Тогда, по настоянію королевы-регентши, Кановасъ рѣшился на реформы и послѣднимъ его дѣломъ былъ проектъ реформъ на Филиппинскихъ островахъ.

За нѣсколько дней до своей трагической смерти, Кановасъ-дель-Кастильо отправился въ Сантъ-Агуэдо, извѣстный своими сѣрными водами курортъ, въ 50 километрахъ отъ Сантъ-Себастьяно. 8 августа по новому стилю Кановасъ услышалъ колоколь, призывавшій обитателей гостинницы къ завтраку, и спустился внизъ въ столовую вмѣстѣ съ своей женой. По дорогѣ г-жа Кановасъ остановилась для бесѣды съ однимъ изъ знакомыхъ, а мужъ ея прошелъ въ галерею гостинницы, выходящую въ садъ. Въ галереѣ находилось двое больныхъ и еще одинъ неизвѣстный чело-вѣкъ. Послѣдній вдругъ вытащилъ изъ кармана револьверъ и, стоя въ трехъ метрахъ отъ Кановаса, выстрѣлилъ въ него. Пуля попала въ правую часть головы; затѣмъ вторымъ выстрѣломъ преступникъ ранилъ министра въ грудь на вылетъ, и третьимъ въ область сердца. Четвертую пулю неизвѣстный выпустилъ въ потолокъ и закричалъ: «да здравствуетъ Италія!» На выстрѣлы прибѣжали жандармскій офицеръ и начальникъ тайной полиціи, состоявшіе при особѣ министра-президента. Они схватили преступника, который, впрочемъ, нисколько не сопротивлялся.

Шумъ привлекая въ галерею г-жу Кановасъ; она бросилась къ мужу, который въ безсознательномъ состояніи, безъ движенія, лежалъ на полу. Тѣло его покрыли простыней и унесли въ комнату перваго этажа. Когда г-жа Кановасъ поняла, что мужъ ея серьезно раненъ, она бросилась къ убійцѣ и ударила его вѣромъ по лицу, называя убійцей и разбойникомъ. Неизвѣстный вѣжливо поклонился ей и сказалъ: «Я не разбойникъ, я отомстилъ за своихъ братьевъ-анархистовъ, и мнѣ не о чемъ съ вами, сударыня, разговаривать». Во время свалки съ публикой и жандармами (публика хотѣла расправиться съ нимъ судомъ Линча) убійцѣ подарапали лицо. Затѣмъ его отвели въ комнату, которая служила телеграфной станціей, гдѣ преступникъ и оставался до прибытія судебного слѣдователя. Оказывается, что покойный министръ уже въ предыдущіе дни замѣтилъ убійцу и спрашивалъ нѣсколько разъ у своего секретаря: кто такой господинъ, такъ вѣжливо и мило съ нимъ раскланивающійся? Секретарь отвѣтилъ, что это какой-то итальянецъ, котораго всѣ считаютъ необыкновенно молчаливымъ. Къ несчастію, ни прислуга, ни тайная полиція не обратили надлежащаго вниманія на неизвѣстнаго. Впрочемъ, онъ производилъ впечатлѣніе чело-вѣка безобиднаго. Онъ дня за четыре до этого поселился въ гостинницѣ, во второмъ этажѣ, и въ комнатѣ его нашли чемоданчикъ съ багажемъ, табакомъ и со вторымъ, заряженнымъ двумя пулями, револьверомъ. Записанъ былъ убійца подъ именемъ Эмиліо Ромульдини, корреспондента итальянской газеты «Il Popolo», но въ показаніи своемъ полиціи и судебному слѣдователю онъ

назвался Микеле Анджоло, неаполитанцемъ, холостымъ; 20 лѣтъ отъ роду.

Канова съ скончался полтора часа спустя послѣ поразившихъ его выстрѣловъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

П. И. Ковалевскій. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Изданіе третье. С.-Петербургъ, 1897 г.

Какъ подспорье для исторіи подобнаго рода, психіатрическіе эскизы и этюды безусловно полезны и могутъ проливать, по временамъ, яркій свѣтъ на явленія и событія, остающіяся темными или не выясненными въ такъ называемой политической исторіи. Для примѣра вспомнимъ хотя бы брошюру проф. Ковалевскаго объ Іоаннѣ Грозномъ и его душевномъ состояніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что брошюра эта въ извѣстной степени способствовала оживленію вопроса о замѣчательной личности Іоанна Грознаго. Она, конечно, не рѣшила этого вопроса, наши историки не раздѣляютъ взгляда г. Ковалевскаго, но во всякомъ случаѣ г. Ковалевскій указалъ на ту точку зрѣнія, единственно правильную, съ которой вопросъ о личности Іоанна Грознаго можетъ быть рѣшенъ болѣе или менѣе раціонально. Но подлежитъ сомнѣнію, — какъ справедливо замѣчаетъ проф. Ковалевскій, — что весьма часто судьба народа или государства зависитъ отъ воли, характера и направленія дѣятельности лица, стоящаго во главѣ даннаго народа или государства. Геніальный умъ, мощный характеръ и широкая государственная дѣятельность выдвигали госудства и народы, дѣлали исторію и доставляли славу, могущество и господство. Но очень нерѣдки случаи и другаго рода: какъ слабые, неспособные, узкіе и слишкомъ себялюбивые правители губили государства. Геній, умъ, характеръ, душевная мощь государа составляютъ одно изъ важныхъ началъ государственной жизни этого народа, но это начало, а слѣдовательно, частью и судьбы народовъ, подвержены различнымъ колебаніямъ, въ зависимости отъ наслѣдственныхъ качествъ, воспитанія, образованія, здоровья и болѣзни и т. д. Правители, какъ люди, — точно также, какъ и всѣ мы, — не ограждены и не застрахованы ни отъ смерти, ни отъ болѣзни. И эти болѣзни могутъ касаться какъ тѣла, такъ и души челоуѣка. Припомнимъ Навуходносора, который свитался по лѣсамъ въ скотоподобномъ состояніи, Камбиза — жестокаго тирана, Саула, страдавшаго приступами тоски, доводившей его до покушенія на убійство своего любимца Давида и т. д. Исторія императоровъ римской имперіи даетъ намъ цѣлый рядъ сумасшедшихъ лицъ. Новѣйшее время тоже не далеко

ушло отъ древности въ этомъ отношеніи: оно представляетъ намъ цѣлый рядъ коронованныхъ лицъ,—какъ напримѣръ, короля Нидерландскаго, королевы Румынской, султана Турецкаго, короля баварскаго Оттона,—страдавшими или страдающими той или иной формой душевной болѣзни.

Въ настоящей книжкѣ проф. Ковалевскій помѣстилъ четыре психіатрическихъ этюда, одинъ изъ новѣйшей (Людовикъ II, король баварскій) и три изъ древней исторіи (Навуходоносоръ, Саулъ, Камбизъ). Этюдъ о Людовикѣ II представляется наименѣ интереснымъ, потому что трагическая кончина короля, случившаяся въ 1886 году, еще у всѣхъ на памяти. Комисія психіатровъ подъ предѣлательствомъ проф. Гудена пришла къ заключенію, что король Людовикъ страдалъ рѣзко развитою формою душевнаго расстройства, извѣтнаго подъ именемъ на-рапоа. При этомъ расстройствѣ, въ обычный кругъ мышленія, въ обычное сочетаніе представленій, въ обычный образъ жизни и дѣйствій, врывался кругъ безумныхъ идей въ видѣ ограниченнаго бреда; развиваясь, болѣзнь переходить въ манию преслѣдованія и большой, чаще всего, кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Такъ было и съ королемъ Людовикомъ баварскимъ. Другая душевная болѣзнь, которую проф. Ковалевскій изучаетъ на историческомъ примѣрѣ, носитъ названіе ликопротіи. Это такое душевное состояніе, при которомъ человѣкъ чувствуетъ себя волкомъ, думаетъ, какъ подобаетъ волку, и поступаетъ, какъ дикое животное. Такую болѣзнью страдалъ и Навуходоносоръ, царь Вавилонскій. Проф. Ковалевскій подробно разсматриваетъ болѣзнь Навуходоносора на основаніи свидѣтельства библіи, и во второй части своего этюда выясняетъ симптомъ болѣзни съ точки зрѣнія научной психіатріи. На основаніи той же библіи, авторъ рассказываетъ намъ исторію царя Саула. «И въ наши дни,—говоритъ онъ,—духъ зла иногда овладѣваетъ людьми. И въ наши дни находятъ люди, которые теряютъ доброту и любовь, счастье и радость, миръ и спокойствіе, надежду на благодать божію и привязанность къ жизни. Душа такихъ людей теряетъ добраго духа и одержима становится духомъ зла. Такое ужасное, такое мучительнѣйшее нравственное и душевное состояніе носитъ у насъ названіе предсердечной тоски (*anxietas proecordialis*) и составляетъ одно изъ проявленій душевныхъ страданій». Это состояніе часто испытывается и въ здоровомъ состояніи, но въ болѣзненномъ оно достигаетъ крайней напряженности и можетъ продолжаться цѣлые мѣсяцы и годы. Въ полномъ своемъ развитіи болѣзнь представляетъ ужасающее зрѣлище: больной до невѣроятія раздражителенъ. Лицо выражаетъ отчаяніе, взглядъ боязливъ, блуждающій, сердцебіеніе усилено, дыханіе затруднено, лицо блѣдное или красное, конечности синеватыя, движенія быстрыя и порывистыя; мысли спутаны и неясны и представляютъ хаотическій беспорядокъ; въ полномъ развитіи припадка, теченіе мыслей какъ бы прекращается и вся картина

завершается сценой самой ужасной жестокости, направленной против себя или окружающих, или даже против неодушевленных предметов. Эту картину болѣзни проф. Ковалевскій очень удачно иллюстрируетъ исторіей царя Саула, причемъ приводитъ нѣсколько очень интересныхъ мѣстъ изъ второй книги «Царствъ».

Третій этюдъ г. Ковалевскаго посвященъ исторіи царя персидскаго Камбиза, какъ она рассказана Геродотомъ. Группируя симптомы, которыми проявлялось душевное состояніе Камбиза, нашъ авторъ приходитъ къ заключенію, что Камбизъ былъ помѣшанный, страдалъ священной болѣзнію (т. е. эпилепсіей) и злоупотреблялъ спиртными напитками. Очень интересны научные выводы, которые дѣлаетъ г. Ковалевскій изъ сочетанія эпилепсіи съ алкоголизмомъ, какое было у Камбиза. Вообще, вся книжка проф. Ковалевскаго представляетъ большой интересъ не только для медика, но и для всякаго образованнаго человѣка, желающаго уяснить себѣ важный вопросъ: какимъ образомъ то или иное ненормальное душевное состояніе отражается на дѣятельности человѣка. Въ этюдѣ о Камбизѣ, г. Ковалевскій, между прочимъ, дѣлаетъ любопытное замѣчаніе: такъ называемый эпилептический неврозъ, говоритъ онъ, часто сочетается съ гениемъ. Такими являются: Магометъ, Цезарь, Наполеонъ I, Достоевскій, Петрарка. Въ этихъ случаяхъ, рядомъ съ чрезмѣрнымъ накопленіемъ двигательной энергіи, отъ времени до времени разражающейся необычными судорожными приступами, въ полномъ согласіи состоитъ и чрезмѣрная умственная мощь, превышающая обычный умственный уровень людей и ставящихъ ихъ свѣточемъ даннаго времени. Понятно, однако, что не къ этой категоріи принадлежитъ Камбизъ.

Признаніе душевно-больныхъ въ С.-Петербургѣ. Алкоголизмъ и возможная борьба съ нимъ. *Александра Чехова* (Сѣдова). Изданіе А. С. Суворина, 1897 г.

Авторъ указываетъ на фактъ, что первый изъ государей, обратившихъ вниманіе на необходимость признанія душевно-больныхъ былъ Петръ III, и что Екатерина II только подтвердила указы этого государя, идеи котораго вообще у насъ еще недостаточно поняты и опѣнены исторіей. Далѣе авторъ приводитъ слова психіатра Н. Н. Баженова, сказавшаго на парижскомъ международномъ конгрессѣ: «Всѣ приволжскія губерніи, отъ Твери до Саратова, и многія центральныя и южныя губерніи обладаютъ удовлетворительными и даже, на первый взглядъ, прекрасно обставленными и правильно дѣйствующими психіатрическими лѣчебницами. Любой иностранецъ, посѣтивъ эти учрежденія, пришелъ бы къ заключенію, что дѣло признанія душевно-больныхъ организовано у насъ хорошо. Но это было бы громаднымъ заблужденіемъ. Всѣ эти больницы рассчитаны на 200—400 больныхъ, тогда какъ на каждую губернію приходится до 5000 страдающихъ психически, идіотовъ и имбециловъ».

Въ такому же нерадостному заключенію приходитъ г. А. Чеховъ и въ дѣлѣ приарвінія душевно-больныхъ въ Петербургѣ. Не говоря уже о переполненіи всѣхъ больницъ,—неразумная экономія нашей безтолковой городской управы оставляетъ больныхъ безъ бѣлья и платья. Такъ, по словамъ г. Чехова, больныхъ выпускаютъ гулять по очереди: на всѣхъ платья не хватаетъ. Служителя, получая жалкую плату (11 руб. въ мѣсяць, съ вычетомъ за дурную пищу 4-хъ рублей) бѣгутъ изъ больницъ. Отопленіе въ больницахъ—водяное; освѣщеніе—керосиновое, т. е. опасное. Все это прямо говоритъ, что даже столичныя психіатрическія лѣчебницы—больное мѣсто нашего общественнаго благоустройства.

Заглянувъ въ земскіе бюджеты,—напримѣръ, хотя бы въ саратовской губ.,—изслѣдователь поражается крупной суммой, затрачиваемой на психіатрическія лѣчебницы; то же самое мы видимъ въ Москвѣ, Астрахани и во многихъ другихъ городахъ. Разъясненіе загадки заключается въ томъ, что всѣ эти лѣчебницы—*показныя*. Онѣ устроены съ огромными затратами, съ примѣненіемъ всевозможныхъ системъ и улучшеній, съ роскошью, доступною развѣ въ Англии, а не въ бѣдной Россіи. Земцы и думцы желаютъ «блеснуть»; психіатры, — что ужъ гораздо непростительнѣе, — поддерживаютъ ихъ тщесловіе, и въ результатѣ получается дворецъ для двухъ сотъ больныхъ, когда въ губерніи ихъ пять—шесть тысячъ. Остальные несчастливцы остаются, разумѣется, безъ всякаго приарвінія.

Въ Петербургѣ лучше другихъ поставлена больница св. Пантелеймона на ст. Удѣльной. Здѣсь примѣнена система шотландская, т. е. больные свободно ходятъ и занимаются по желанію, въ предѣлахъ больничной территоріи. Но и въ Удѣльной, и у св. Николая, въ больницахъ тѣснота и вѣчно ноющая жалоба: людей нѣтъ. Г. Чеховъ приводитъ слѣдующій курьезъ: одинъ изъ директоровъ провинціальной психіатрической больницы, къ побѣгамъ больныхъ, по его словамъ, относится вполне равнодушно: «пусть ихъ бѣгаютъ!» говоритъ онъ. «Если бѣгаютъ изъ моей лѣчебницы, это только доказываетъ, что больница не тюрьма»...

Достопочтенный сынъ Эскулапа очевидно позабылъ, что душевно-больной—не нормальное существо, неотвѣтственное за свои дѣла; пороку онъ хуже, чѣмъ дикій звѣрь. Наконецъ, если его помѣстили въ больницу, то, кромѣ излѣченія, едва ли даже возможнаго въ десяти случаяхъ изъ ста, общество вправѣ еще требовать изолированія его,—другими словами, настаивать на томъ, чтобы неразумный субъектъ былъ поставленъ въ положеніе, при которомъ онъ не могъ бы вредить другимъ. Можно ли игнорировать такое справедливое требованіе во имя звонкой фразы: «больница — не тюрьма»? Убѣжавшій больной вѣдь можетъ убить, ранить, поджечь, напугать... Неужели это пустяки? Больница не увеселительное заведеніе, въ которое входятъ и выходятъ по желанію.

Кстати замѣтимъ: евреевъ-докторовъ между психіатрами набрался огромный процентъ. Не оттого ли въ этой сферѣ болѣе *показнаю*, чѣмъ дѣйствительнаго призрѣнія страдающаго человечества, какъ это произошло, на нашихъ глазахъ, въ Одессѣ?!

Вся книга А. Чехова написана живо, образно, и читается легко. Это скорѣе — талантливныя беллетристическія картинки, чѣмъ сухое научное изслѣдованіе.

Призывъ. Литературный сборникъ въ пользу престарѣлыхъ и лишенныхъ способностей къ труду артистовъ и ихъ семействъ. Изданіе *Гарина-Видина*. Москва, 1897 г.

Книга эта имѣетъ болѣе тридцати четырехъ печатныхъ листовъ; напечатана на хорошей бумагѣ, недорого стоитъ (всего 3 р. 50 к.) и — что важнѣе всего: — въ сборникѣ попадаются нѣсколько интересныхъ и вполне литературныхъ статей. Въ числѣ именъ писателей, сдѣлавшихъ свои вклады, находимъ много именъ извѣстныхъ литераторовъ. Въ сборникѣ напечатаны статьи: Альбова «Тѣни», В. Щеглова «Миша Овцынъ», Гнѣдича «Коммаръ нашей сцены», Еруглова: «Изъ забытой тетради», Баранцевича «Исторія»; очерки А. Чехова, Мамина-Сибиряка, Потапенко, и даже «маститый» нашъ писатель П. Д. Боборыкинъ далъ небольшой отрывокъ: «На репетиціи *Ребенка*». Мы, разумѣется, не будемъ разбирать и оцѣнивать работу вышеперечисленныхъ беллетристовъ; они давно и вполне оцѣнены критикою, и не по статьямъ, даваемымъ ими для благотворительнаго сборника, подобаешь добавлять или умалять что либо изъ заслуженной, или даже незаслуженной, ими извѣстности. Имена ихъ мы привели, чтобы показать, что призывъ Гарина-Видина не остался безъ отклика и что желаніе помочь престарѣлымъ артистамъ и ихъ семьямъ заявили очень многіе. Да иначе и быть не могло: русскіе люди отзывчивы на доброе, а русскія сердца понимаютъ чужія страданія и нужду.

Кромѣ болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей, въ сборникѣ «Призывъ» встрѣчаются и диллетанты. Такъ, г-жа А. Догановичъ напечатала: «Ф. М. Достоевскій на нашемъ вечерѣ» Это былъ вечеръ фельдшерницъ Георгіевской школы. Достоевскій принялъ депутацію фельдшерницъ, помѣшавшую ему обѣдать, сначала довольно нелюбезно, и все допрашивалъ: «если мнѣ не дадутъ времени обѣдать, то какъ же я долженъ поддерживать свое существованіе?!» Подходя къ намъ, — пишетъ г-жа Догановичъ, — в нервно жетикულიруя, онъ твердилъ:

— Мой организмъ требуетъ отдохновенія, настоятельно требуетъ...

Депутація собралась уже бѣжать, но когда, на вопросъ Достоевскаго уже изъ-за двери, ему отвѣтили, что это курсистки и фельдшерницы приходили просить его прочитать на ихъ вечерѣ, расположеніе духа Федора Михайловича мгновенно измѣнилась. Онъ терпѣливо переспросилъ

— Великъ у васъ контингентъ нуждающихся?

— Очень великъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ надо читать. Хорошо... я вамъ общаю.

Въ уборной, передъ чтеніемъ, онъ былъ очень взволнованъ, возмущался, что съ курсистокъ взяли за помѣщеніе 75 р. и, хлопая Пальма по колънѣ, восклицалъ: «Мошенники! съ нищихъ сдираютъ суму». Все небольшое сообщеніе г-жи Догановичъ написано живо и полно интереса. И. Саловъ напечаталъ рассказъ «Шамилиха»—эпизодъ о томъ, какъ простая русская баба была женою имама Шамиля, а потомъ служила кухаркою у купца, сохраняя титулъ Шамилихи.

Стихотвореній въ сборникѣ въ особенности много; между другими имѣется длинное предлинное, нѣкоего Юрія Веселовскаго: «На смерть Надсона». Жаль Надсона, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ, но зачѣмъ же дѣлать изъ него то, чѣмъ онъ не былъ и никогда не могъ быть?! Зачѣмъ придавать заурядному и лишенному оригинальности поэту, подражавшему и безъ того подражаніямъ Плещеева, какой-то ореолъ величія?! У насъ въ оцѣнѣ писателей, большихъ и малыхъ, зачастую вѣтъ настоящей правды, а непременно пристрастіе въ ту или другую сторону. Въ цѣломъ объемистомъ томѣ стиховъ Надсона вы не найдете двухъ-трехъ пьесъ, выдержанныхъ и написанныхъ безъ риторики. И, однако же, не только о немъ много пишутъ, но и «съ нему» пишутъ посланія! Хорошо еще, что Надсонъ, какъ умершій, не читалъ строфъ г. Веселовскаго: ему навѣрное сдѣлалось бы не по себѣ...

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Пятнадцатилѣтнее управленіе гр. И. Д. Делянова министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Заслуги министерства и надежды на будущее.—Неравномѣрность обложенія у насъ; недвижимая собственность въ роли легендарной «сидоровой козы».—Русская «стройка» и какъ она везетъ?—Привилегированные коньки: заводская промышленность и банковъ-биржевое дѣло.—Доходность акціонерныхъ предпріятій; ихъ обложеніе; дополнительное обложеніе акціонерныхъ предпріятій; пробѣлы въ нынѣ дѣйствующей инструкціи и сведеніе дополнительнаго обложенія «на нѣтъ».—Земства и ихъ средства.—Что они могутъ облагать?—Примѣръ рыболовныхъ ватагъ въ устьяхъ Волги.—Банки и банкирскія конторы, ничего я никому не платящія.—Ростъ крупныхъ капиталовъ за счетъ подачекъ казны; отсутствіе энергіи и пониманія.—Роль иностраннаго капитала.—Открытіе новыхъ судовъ въ Сибири.—Грядущія реформы судебнаго вѣдомства; комерческіе суды и ихъ порядки.—Конкурсъ и его адепты.

Въ № 7-мъ «Наблюдателя» мы помѣстили уже портретъ графа И. Д. Делянова, причеиъ сдѣлали краткій очеркъ его государственной дѣятельности. Но, совершившееся въ нынѣшнемъ году, *пятнадцатилѣтне* управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія подъ высшимъ руководствомъ графа заслуживаетъ того, чтобы мы остановились на немъ съ болышей подробностью.

Въ 1882 году, когда графъ *И. Д. Деляновъ* занялъ постъ министра народнаго просвѣщенія, существовалъ почти исключительно одинъ типъ средней школы—*гимнази*,—а *реальная училища* представляли неудачныя учебныя заведенія, которыя въ шести классахъ не давали ученикамъ вполнѣ законченнаго общаго образованія, а въ седьмомъ, раздѣлявшемся на химико-техническое и механико-техническое отдѣленія, съ годичнымъ лишь курсомъ, не подготовляли учащихся и къ практической дѣятельности, такъ какъ приобрѣсти въ одинъ годъ специальную подготовку по техническимъ наукамъ—невозможно. Такимъ образомъ, единственныя среднія школы—гимнази—изобиловали весьма значительнымъ числомъ учениковъ, а реальныя училища, въ большинствѣ, были малолюдны. Графъ Деляновъ отлично сознавалъ этотъ недочетъ въ системѣ своего предшественника и поспѣшилъ направить среднія, а затѣмъ и низшія училища такъ, чтобы они давали не одно *образованіе*, но и *практическую подготовку*. Въ этомъ важномъ дѣлѣ графъ нашелъ прекраснаго совѣтника въ лицѣ И. А. Вышнеградскаго, который все время, до назначенія своего членомъ Государственнаго Совѣта, былъ членомъ совѣта министра народ-

наго просвѣщенія. Результатомъ энергической дѣятельности ближайшихъ сотрудниковъ графа,—спеціалистовъ по вопросамъ устройства техническихъ училищъ,—явился выработанный въ 1887 году планъ промышленнаго образованія въ Россіи, и съ этого времени открыто 70 промышленныхъ учебныхъ заведеній различныхъ типовъ, отъ высшаго техническаго до низшихъ ремесленныхъ училищъ. Насколько успѣшно насаждается промышленное образованіе, можно судить потому, что въ теченіе настоящаго 1897 года открываются 14-ть промышленныхъ учебныхъ заведеній: два среднихъ техническихъ—въ Казани и въ Костромѣ, два низшихъ техническихъ—въ Казани и Рыбинскѣ, двѣ школы ремесленныхъ учениковъ и 8 низшихъ ремесленныхъ училищъ.

Рядомъ съ открытіемъ значительнаго числа промышленныхъ училищъ, графъ обратилъ вниманіе на преобразование школъ, существовавшихъ до него. *Реальныя училища были преобразованы исключительно въ общеобразовательныя учебныя заведенія*, и курсы ихъ стали одинаковы съ курсомъ гимназій, но только безъ древнихъ языковъ, причемъ онъ устроенъ такъ, что ученики, пройдя 5-ть или 6-ть классовъ, могутъ безпрепятственно переходить въ среднія техническія училища, а по окончаніи седьмаго дополнительнаго класса получаютъ полную подготовку для поступленія въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, куда держатъ лишь конкурсное испытаніе. Надо надѣяться, что съ увеличеніемъ числа высшихъ спеціальныхъ училищъ (въ послѣдніе года, открыты уже инженерное училище и земледѣльческій институтъ въ Москвѣ, а также начата постройка технологическаго института въ Томскѣ) доступъ въ нихъ ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній расширится и большая часть лицъ, оканчивающихъ курсы гимназій и реальныхъ училищъ и желающихъ посвятить себя изученію техническихъ наукъ, найдетъ мѣсто въ спеціальныхъ высшихъ училищахъ. Относительно гимназій графъ призналъ нужнымъ *измѣнить программы и способъ преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ, а особенно древнихъ языковъ*, сдѣлавъ это преподаваніе болѣе цѣлесообразнымъ для лучшаго ознакомленія учениковъ старшихъ классовъ съ древнимъ міромъ; для этого обращено особое вниманіе на чтеніе авторовъ и толковое пониманіе ихъ. Чтобы дать возможность родителямъ обучать дѣтей дома, не посылая въ школу, предоставлено право представлять мальчиковъ на переводныя испытанія послѣдовательно изъ одного класса гимназій въ другой, причемъ каждое испытаніе зачитывается имъ, какъ и учащимся въ гимназій, и выдержавшій испытаніе считается какъ бы находящимся въ соответствующемъ классѣ гимназій. Такимъ образомъ, каждый можетъ учиться дома и, выдержавъ послѣдовательно рядъ годовыхъ испытаній, наравнѣ съ учениками гимназій, получить одинаковыя права съ окончившими курсы этого учебнаго заведенія. Льгота эта распространена и на женскія гимназій.

Забывая о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и промышленныхъ училищахъ, графъ не упускаетъ изъ виду и низшихъ городскихъ и сельскихъ школъ. Число ихъ значительно увеличилось, не смотря на возникновеніе рядомъ съ ними, съ 1884 года, училищъ духов-

наго вѣдомства: школъ церковно-приходскихъ и грамотности, которымъ графъ всегда выражаетъ сочувствіе и оказываетъ поддержку. Число сельскихъ школъ возрасло за послѣднія 15 лѣтъ на нѣсколько тысячъ, а земства, городскія и сельскія общества увеличили въ значительной мѣрѣ отпускъ средствъ на начальное народное образованіе. Теперь земства и сельскія общества ассигнуютъ на начальныя училища министерства народнаго просвѣщенія ежегодно болѣе 8.000,000 р., а городскія общества—болѣе 3.000,000 р. Такое ассигнованіе свидѣтельствуетъ о сочувствіи общества къ народнымъ училищамъ, находящимся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи, надо отдать полную справедливость осторожному, тактичному и крайне миролюбивому направленію дѣйствій почтеннаго графа Ивана Давыдовича, благодаря чему онъ умѣетъ привлекать расположеніе общества и устранять тѣ столкновенія, которыя зачастую возникаютъ вслѣдствіе стремленія того или инаго вѣдомства къ распространенію своей власти на другія сферы, иногда совершенно чуждыя прямому его назначенію.

За тотъ же 15-лѣтній періодъ прибавилось довольно много женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній; преобразованы с.-петербургскіе высшіе женскіе курсы, а осенью текущаго года откроется *женскій медицинскій институтъ*, отсутствіе котораго вызывало столько жалобъ въ нашей прессѣ. Наконецъ, недавно возникъ новый типъ женскихъ учебныхъ заведеній — Маріинскія четырехклассныя училища, приближающіяся по курсу къ городскимъ мужскимъ училищамъ, но имѣющія и профессиональный характеръ. Вообще, и мужскимъ низшимъ городскимъ училищамъ, и сельскимъ школамъ графъ желаетъ придать, кромѣ общеобразовательнаго, и практическое направленіе, для чего въ весьма многихъ изъ нихъ введено занятіе ручнымъ трудомъ или обученіе ремесламъ, а въ сельскихъ школахъ вводятъ садоводство, огородничество, пчеловодство и шелководство. Недавно въ Государственномъ Совѣтѣ рѣшенъ вопросъ о *надѣленіи сельскихъ школъ землею изъ угодій, принадлежащихъ вѣдомству министерства земледѣлія*. Во всѣхъ учительскихъ институтахъ ученики обязательно занимаются ручнымъ трудомъ, а во всѣхъ учительскихъ семинаріяхъ, находящихся въ селеніяхъ и небольшихъ городахъ, производится обученіе садоводству и огородничеству. Начальныя городскія и сельскія училища, въ которыхъ большинство учащихся принадлежитъ къ инославнымъ исповѣданіямъ, находились прежде въ различныхъ вѣдомствахъ; теперь же, благодаря настоянію графа И. Д. Делянова, они сосредоточены въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія: въ 1886 году передано было изъ министерства внутреннихъ дѣлъ болѣе 2,000 лютеранскихъ и католическихъ школъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, затѣмъ всѣ католическія и лютеранскія школы въ другихъ мѣстностяхъ Россіи и, наконецъ, недавно—всѣ армянскія школы на Кавказѣ. Такое *сосредоточеніе школъ въ одномъ вѣдомствѣ* должно способствовать единству ихъ направленія и служить къ лучшей постановкѣ ихъ въ научномъ и материальномъ отношеніяхъ.

Съ 1882 года, число высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія увеличилось открытiемъ въ Томскѣ университета, а въ Харьковѣ—технологическаго института, и передачей изъ вѣдомства учрежденій Императрицы Марiи московскаго техническаго училища. Со введенiемъ устава 1884 года, послѣдовало значительное измѣненiе въ условiяхъ существованiя университетовъ, причемъ матеріальная сторона ихъ поставлена за эти 13 лѣтъ гораздо лучше. Достаточно упомянуть, что на клинки московскаго университета, которыя по обширности и благоустройству превосходятъ многія подобныя учрежденiя въ Европѣ и Америкѣ, затрачено изъ средствъ казны, отъ московскаго городского общества и изъ пожертвованiй частныхъ лицъ болѣе 7.000,000 р. На устройство учебно-вспомогательныхъ учрежденій прочихъ университетовъ отпущено, въ теченiе послѣднихъ 10 лѣтъ, изъ казны болѣе 3.000,000 р. Послѣ введенiя устава 1884 года, значительно усилился составъ профессоровъ и преподавателей университетовъ и теперь неванятны кафедры попадаютъ рѣдко, между тѣмъ какъ прежде въ иныхъ университетахъ ихъ насчитывалось болѣе 20-ти. Пополненiю личнаго состава университетскихъ преподавателей много способствуетъ, съ одной стороны, институтъ приватъ-доцентовъ, а съ другой—гораздо лучшее, сравнительно съ прежнимъ, обезпеченiе профессоровъ.

Что касается до *общаго упадка научнаго духа* въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ,—на что жалуется нѣкоторая часть нашей печати,—то, и признавъ таковой упадокъ не преувеличеннымъ, не слѣдуетъ отнюдь ставить его на счетъ одному министерству народнаго просвѣщенiя. Онъ находится въ тѣсной зависимости отъ узко-утилитарнаго направленiя, овладѣвшаго почти всей нашей современной «интеллигенціей», къ которой такъ справедливо примѣняется вдохновенный укоръ величайшаго русскаго поэта:

*«Но мраморъ сей—вѣдь богъ!.. Такъ что же?..
Печной горшокъ тебѣ дороже—
Ты пиши въ немъ себѣ варшю!»*

Нѣтъ сомнѣнiя, что на этихъ мѣрахъ къ повсемѣстному распространенiю народнаго образованiя не остановится дѣятельность нашего министерства народнаго просвѣщенiя,—если судьбою суждено гр. Делянову еще долго стоять во главѣ этого вѣдомства. Эта дѣятельность, по всей вѣроятности, найдетъ себѣ широкое приложение въ развитiи и упроченiи нашихъ *народныхъ школъ*, въ виду отсталости, которую обнаруживаетъ, въ этомъ отношенiи, наше отечество сравнительно съ европейскими государствами, включая сюда и славянскія земли. Великому народу, стоящему во главѣ славянскаго міра, подобаетъ и въ просвѣтительномъ смыслѣ служить для всѣхъ славянскихъ національностей («славянскіе-ль ручки сольются въ русскомъ морѣ»?) образцомъ и колонновожатымъ на пути прогресса. Откуда бы ни шла къ нашему народу эта благодать *христіанскаго просвѣщенiя*, въ противоположность корыстной и грубо-матеріалистической лжемудрости шуланъ-аруха,—изъ министерскихъ ли, земскихъ, или церковно приходскихъ школъ,—народъ приметъ его съ одинаковой благодарностью, и оно поможетъ ему

сознательно вырабатывать свою национальную физиономию, превращая въ свою плоть и кровь многочисленные инородческіе элементы, полагая должный предѣлъ инородческимъ притязаніямъ. Господство *русскаго государственнаго языка* на всемъ пространствѣ нашей территоріи есть первый шагъ къ образованію мощнаго и цѣльнаго государственнаго организма, застрахованнаго отъ всякихъ сепаратистическихъ посползновеній. Къ нашимъ народнымъ учителямъ мы и обратимся теперь съ добрымъ пожеланіемъ другаго, почти современнаго, поэта:

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное;
Сѣйте! спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!

Эти пожеланія особенно умѣстны, въ виду оживившихся у насъ толковъ о *всеобщемъ народномъ обученіи*,—толковъ, поднятыхъ еще 22 года тому назадъ незабвеннымъ дѣятелемъ народнаго просвѣщенія, А. С. Вороновымъ (см. статью: «Значеніе обязательности начальнаго обученія въ дѣлѣ народнаго образованія», «Отеч. Записки» 1875 г.).

Важнѣйшій вопросъ финансоваго и экономическаго положенія всякаго государства—безъ сомнѣнія, вопросъ *равнообразнаго обложенія*. Идеальное обложеніе, при которомъ всякій платитъ совершенно ровно въ процентномъ отношеніи съ тѣмъ доходомъ, которыми пользуется со своего имущества, разумѣется, на практикѣ недостижимо. Неравнообразность платежей, къ сожалѣнію, фактически неизбѣжна. Но отъ этого сознанія еще очень далеко до попустительства кричащихъ неправильностей въ обложеніи; до вопиющихъ несправедливостей, въ силу которыхъ много имѣющей и много получающей за сравнительно ничтожный трудъ, въ силу какихъ-то странныхъ комбинацій, меньше платитъ на государственное и общественно-земское дѣло, сравнительно съ подавленнымъ и малодоходнымъ земледѣльческимъ трудомъ, который у насъ обремененъ платежами сверхъ мѣры и добавимъ: вопреки благо разумію.

Въ настоящемъ обзорѣни мы намѣрены поговорить о бросающихся въ глаза неправильностяхъ государственнаго обложенія; о томъ, какъ недоступны для земскаго и городскаго обложенія многія весьма доходныя профессіи, въ силу чего бюджеты городовъ и земствъ не удовлетворяютъ многимъ настоятельнымъ нуждамъ по народному образованію, благоустройству, медицинѣ и другимъ отраслямъ. За все, про все «отдувается» одна недвижимая собственность, одинъ родъ труда—наименѣ доходный—земледѣльческій.

Наши поземельная собственность и земледѣліе очень напоминаютъ легендарную «сидорову козу», которую, по традиціи,—вѣроятно, въ видахъ ея собственнаго благополучія, — нещадно драли; наше земледѣльческое хозяйство можно охарактеризовать обычнымъ російскимъ приемомъ: «вали на бурога—бурый свезетъ»... Везетъ-то онъ везетъ, но и надорвать «бурога» очень легко. Наряду съ этимъ злополучнымъ «бурымъ», на котораго взвалили всѣ земскія тяготы

и до восьмидесяти процентовъ общегосударственныхъ налоговъ—единственно потому, что онъ везетъ,—шествуютъ, выхваленные особымъ вниманіемъ, поигрывая отъ сытости, лихіе коньки, изображающіе заводскую промышленность и банково-биржевое дѣло. Они опустили постромки; они совсѣмъ не везутъ, на нихъ не взвалено почти никакой таготы! Государственную и экономическую колесницу двигаетъ — допускаемъ, что недостаточно проворно, — одинъ традиціонный *бурый*, обремененный и переобремененный всяческой кладью.

Этотъ нашъ, неравномѣрно и со скрипомъ движущійся, экономическій поѣздъ невольно напоминаетъ метафору Гоголя въ «Мертвыхъ душахъ», гдѣ онъ уподобляетъ Россію быстро несущейся тройкѣ и задаетъ вопросъ: «Тройка, тройка! куда ты мчишься?!».

Да, куда ты мчишься, наша экономическая русская тройка съ нагруженнымъ черезъ силу легендарнымъ бурымъ — земледѣльемъ и землевладѣніемъ,—съ игривыми отъ сытости пристязными: заводскою промышленностью и банково-биржевымъ дѣломъ? Не къ благосостоянію народному, можно только отвѣтить на этотъ роковой вопросъ.

Въ газетахъ заговорили, хотя недостаточно громко и съ нѣсколько легкими приемами по части доказательности, о предстоящемъ увеличеніи обложенія, въ пользу земствъ, мѣстной торговли и промысловъ.

Какъ извѣстно,—говоритъ одна газета,—ислѣдованіемъ, произведеннымъ министерствомъ финансовъ, выяснено, что въ очень многихъ мѣстностяхъ земли къ настоящему времени обложены въ такомъ высокомъ размѣрѣ земскимъ сборомъ, что этотъ источникъ земскихъ доходовъ можетъ считаться уже совершенно исчерпаннымъ, хотя еще многія мѣстныя нужды, завѣдываемыя земскими учрежденіями, до сихъ поръ остаются недостаточно удовлетворимыми. Мало того, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земское обложеніе въ настоящее время является прямо обременительнымъ, поглощая чрезмѣрно большую часть доходности земли. Причина такого ненормальнаго положенія вещей давно уже указана земствами. Стоитъ она въ томъ, что земства до сихъ поръ не имѣютъ возможности распредѣлить земскую окладную тягость правильно между земледѣльемъ, торговлей и промышленностью. Въ то время какъ земледѣліе приноситъ у насъ ничтожный доходъ, торговля и промышленность до сихъ поръ даютъ и еще будутъ долго давать доходность, во много разъ превышающую доходность земледѣлія.

Факты на лицо: въ «Вѣстникѣ Финансовъ» №№ 21, 22 и 25 говорится о доходности разныхъ акціонерныхъ предпріятій за 1896 годъ. Поразительно-ненормальна эта доходность, если сопоставить ее съ тѣмъ обложеніемъ, какому подвергнуты у насъ эти предпріятія.

Въ настоящее время, въ Россіи 4 — 5% можно считать нормальнымъ рыночнымъ процентомъ. По крайней мѣрѣ, за такой процентъ находятъ деньги учрежденія ипотечнаго кредита, равно какъ и казна, такъ какъ государственная рента даетъ именно 4%, а серіи казначейства — и того менѣе, и «Вѣстникъ Финансовъ»

*

перечисляеть цѣлый рядъ предприятий, получающихъ такой нормальный доходъ. Мы не повторимъ этого перечисленія, ограничиваясь только указаніемъ, что къ этой категоріи (дающей 5%) отнесено «Общество печатнаго дѣла Гуттенбергъ», едва народившееся и издающее газету. Далѣе идутъ болѣе выгодныя предприятия: 6 — 7% получили: «товарищество усовершенствованныхъ мостовыхъ», «общество астраханскихъ водопроводовъ», «товарищество конно-железныхъ дорогъ въ Петербургѣ», «общество южнорусской каменноугольной промышленности»; 8%: «бакинское акціонерное общество конно-железныхъ дорогъ», «общество бумажныхъ мануфактуръ Карла Шейблера», «общество пробочной фабрики Крэгсмадъ»; 9% дали: «общество полушерстяныхъ мануфактуръ Киндлера», «товарищество чайной торговли Попова».

Засимъ идутъ уже указанія на такую доходность нѣкоторыхъ акціонерныхъ обществъ, о которой за русской пограничной чертой и слыхомъ не слыхали, да, пожалуй, и не повѣрятъ, услышавши. Отъ 10 до 12% получили: «петромарьевское общество каменноугольной промышленности», «общество кievской городской желѣзной дороги», «россійское общество страхованія и транспортиванія кладей», «товарищество мукомольной мельницы Солодова», «товарищество чугунно-литейнаго завода Цыплаковыхъ», «общество сѣверной ткацкой мануфактуры», «общество бумажныхъ мануфактуръ Познанскаго», «товарищество механическаго завода Стольдъ», «общество вѣнской мебели Конъ».

Еще болѣшій процентъ, отъ 13 до 15, дали: «московское товарищество золотоканительнаго производства» и «товарищество вознесенской мануфактуры».

Отъ 16 до 20% получили: «общество мальцевскихъ заводовъ», «промышленное товарищество Мамонтовыхъ» и «общество бумагопрядильной фабрики Заверце».

Какъ ни велики доходы только что перечисленныхъ предприятий, но они совершенно блѣднѣютъ предъ барышами другихъ предприятий, которыя мы сейчасъ назовемъ.

Отъ 20 до 30% дохода имѣли: «товарищество Рождественской мануфактуры», «общество бетонныхъ и строительныхъ работъ», «товарищество россійско-американской резиновой мануфактуры», «новороссійская компанія каменноугольнаго желѣзнаго и рельсоваго производствъ», «общество коломенскаго машиностроительнаго завода», «товарищество Романовскихъ сахарныхъ заводовъ», «товарищество Дзюньковецкаго сахарнаго завода».

Затѣмъ, «товарищество спиртоочистительнаго завода Токарева» получило 32% на основной капиталъ, а «общество Брянскаго завода» и «товарищество чайной торговли: Василій Перловъ съ сыновьями» — по 50% (!!).

Но найдутся же, скажутъ намъ, и такія акціонерныя предприятия, которыя даютъ доходъ менѣе нормальнаго и даже убытокъ? Какъ же! имѣются и такія. «Вѣстникъ Финансовъ», однако, говоритъ, что ихъ всего два-три, да и тѣ несутъ убытки едва ли не по собственной винѣ, или правильнѣе: находятъ для себя такой ходъ дѣла наимыгоднѣйшимъ. Убытокъ дали: «Товарищество произ-

водства глиняныхъ и гончарныхъ издѣлій въ гор. Боровичахъ» и каменно-угольное общество «Сахалинъ». Знакомаясь съ отчетами этихъ предприятий, нельзя не видѣть, что для нихъ убытки должны быть всегда неизбежными при томъ удивительномъ способѣ веденія дѣла, какого они придерживаются. Въ самомъ дѣлѣ, боровичское товарищество, затративъ въ 1896 году на заработную плату рабочимъ 25,151 руб., въ то же время употребило на жалованье директору и служащимъ 21,077 руб. Что касается общества «Сахалинъ», то оно, истративъ въ теченіе года на все свое дѣло 43,798 руб., ухитрилось истратить на содержаніе правленія, находящагося въ Петербургѣ, 20,854 руб. При такомъ способѣ веденія дѣла, очевидно, никакая доходность предприятия не спасетъ отъ убытковъ.

Теперь посмотримъ, какъ эти, пошадивающія отъ сытости акціонерныя предприятия, платящія зачастую своимъ директорамъ десятки тысячъ жалованья, поставлены относительно государственнаго обложенія. Тутъ еще болѣе приходится удивляться.

Акціонерныя предприятия у насъ обложены ординарно, т. е., — какъ и всякое купеческое дѣло, — съ капитала, въ видѣ гильдейскихъ и другихъ сборовъ. Нечего и говорить о недостаточности подобнаго обложенія. Акціонерныя предприятия — многомилліонныя дѣла; доходъ съ десятковъ и даже сотенъ милліоновъ трудно вмѣстить въ рубрику гильдейскихъ взносовъ, развѣ создать, кромѣ 1-й гильдіи, еще какую нибудь «акціонерно-фабричную». И вотъ, въ виду этого недостаточнаго обложенія, акціонерныя предприятия въ 1884 году были подвергнуты «дополнительному процентному сбору», въ размѣрѣ 5% съ чистой прибыли за истекшій операционный годъ.

Налогъ въ сущности ничтожный, особливо если взять во вниманіе, что во многихъ предприятияхъ директора-распорядители получаютъ, кромѣ своего болѣе чѣмъ министерскаго жалованья (отъ 20 и до пятидесяти тысячъ въ годъ) еще *процентныя отчисленія* съ чистыхъ прибылей въ размѣрѣ пяти и десяти процентовъ. Но представители нарождающагося у насъ капитализма находятъ, что «дополнительный налогъ 5% съ чистой прибыли» — есть все, что *справедливо* можно требовать съ акціонерныхъ предприятий; что дальнѣйшія «посягательства» государства, а тѣмъ болѣе земствъ и городовъ, могутъ уже быть названы почти вредною задержкою въ накопленіи и ростѣ крупнаго капитала въ Россіи. Въ этомъ пунктѣ представители акціонернаго дѣла, мнѣнія которыхъ постоянно спрашиваются во всѣхъ комисіяхъ, никогда не сойдутся съ самыми разумными и умѣренными планами реформъ податнаго обложенія. Они игнорируютъ свой огромный дивиденды и упрямятъ на фактъ, что съ нихъ взято даже *дополнительное обложеніе*. Взято-то взято, но, оставляя въ сторонѣ прямую ничтожность этого грошеваго обложенія, разсмотримъ, какъ обложеніе это поставлено? Не является ли оно просто фиктивнымъ?!

Сначала у насъ дѣйствовала инструкція 25 іюня 1885 года, открывавшая широкій просторъ для уменьшенія размѣровъ той чистой прибыли, опредѣленный процентъ которой (сначала 3, а

не 5) долженъ поступать въ распоряженіе казны. Изъ валового дохода инструкция 1885 г. допускала массу самыхъ разнообразныхъ вычетовъ. Благодаря этимъ вычетамъ, размѣръ чистой прибыли *понижался до послѣднихъ предѣловъ*, вслѣдствіе чего и казна несла крупныя потери, въ размѣрахъ причитающагося дополнительнаго процентнаго сбора. Эти потери побудили пересмотрѣть инструкцію 1885 г. и замѣнить ее новой инструкціей 24 февраля 1888 г.

При составленіи этой послѣдней инструкціи, конечно, спрашивали мнѣнія представителей акціонернаго дѣла и они устроили въ инструкціи нѣкоторые тайные ходы и подходы, и снова свели пятипроцентное дополнительное обложеніе въ пользу казны почти «на нѣтъ». Мы не можемъ детально проштудировать всю инструкцію по параграфамъ и ограничимся нѣсколькими указаніями: по инструкціи (пар. 1. ст. 54) изъ суммъ чистыхъ прибылей, подлежащихъ 5% налогу, допущены исключенія суммъ, списываемыхъ на погашенія цѣнности строеній, машинъ, инвентаря и проч... въ размѣрѣ, опредѣленномъ уставомъ, а если уставъ не содержитъ опредѣленнаго постановленія по сему предмету, то въ размѣрѣ: для каменныхъ строеній и для желѣзныхъ и стальныхъ судовъ — не свыше 5 процентовъ, а для деревянныхъ строеній и судовъ, машинъ и инвентаря — не свыше 10% съ суммы, показанной по балансу.

Не говоримъ уже о томъ, что по смыслу этого параграфа инструкціи два совершенно равномѣрныхъ предпріятія облагаются неравномѣрно, т. е. несправедливо. Такъ, если въ уставѣ одного изъ этихъ предпріятій будетъ сказано, что на погашеніе цѣнности строеній, машинъ, инвентаря и т. д. отчисляется *не менѣе* 5, 8 или 15 процентовъ; то по смыслу инструкціи такое предпріятіе можетъ допускать вычеты въ любомъ размѣрѣ, предусмотрѣнномъ его уставомъ, и можетъ списать даже болѣе 20 процентовъ для уменьшенія чистой прибыли, такъ какъ въ его уставѣ сказано «не менѣе» 5, 8 или 15%, а болѣе, — само собою разумѣется, — сколько угодно. Другое же предпріятіе, не опредѣлившее въ своемъ уставѣ размѣра указанныхъ вычетовъ, должно будетъ довольствоваться 5 и 10 процентами, указанными въ самой инструкціи.

Сама казна, при этомъ порядкѣ, терпитъ очень большіе убытки: даже гроши дополнительнаго 5% налога доходятъ до нея сильно уменьшенными, какъ тотъ комъ масла въ баснѣ, который, перебывавъ въ лапахъ всего собранія звѣрей, сдѣлался маленькимъ комочкомъ. Дѣло въ томъ, что по дѣйствующей инструкціи 1888 года всѣ вычеты, допускаемые въ п. 1. ст. 54, могутъ быть производимы въ двойномъ и тройномъ размѣрѣ, и по нѣскольбу разъ. Вычеты, допускаемые въ п. 1. ст. 54, предусматриваются и въ предшествующемъ ему п. 6. той же 54 статьи. Тотъ и другой пункты ужь слишкомъ усердно поддерживаютъ другъ друга въ пользу крупнаго капитала и въ ущербъ интересамъ казны. По п. 6. ст. 54, изъ валового дохода, для опредѣленія подлежащей обложенію чистой прибыли, допускается вычитать «издержки на содержаніе, ремонтъ, возобновленіе и страхованіе движимаго и недви-

жимаго имущества». Слѣдующій п. 2, той-же 54 ст., разрѣшаетъ производить вычеты изъ валоваго дохода на погашеніе цѣнности строеній, машинъ, инвентаря и проч. Въ виду этого, суммы, полноты списанныя на основаніи п. 2, подлежатъ затѣмъ еще и частичному ежегодному погашенію въ видѣ опредѣленныхъ процентовъ, указанныхъ въ уставѣ предпріятія или въ самой инструкціи (5 и 10 проц.). Вычеты изъ валоваго дохода, допускаемые въ п. 2, еще могли бы быть оправданы въ томъ случаѣ, еслибы въ предшествующемъ ему п. 2 не допускались вычеты на погашеніе расходовъ не только на содержаніе, ремонтъ и страхованіе, но даже и на *возобновленіе движимаго и недвижимаго имущества*. Подъ понятіе о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ подходятъ всѣ тѣ строенія, машины и инвентарь, о погашеніи стоимости которыхъ говорится въ п. 2, ст. 54. Подъ понятіе о «возобновленіи» подходитъ и приобрѣтеніе вновь машинъ, и возведеніе вновь построекъ.

Въ одной изъ петербургскихъ газетъ прямо указывается на тайные ходы и выходы инструкціи 1888 года и поясняется вся эта бухгалтерія на примѣрѣ. Въ 1897 г. куплена машина въ 100,000 р. На основаніи пункта 2, въ томъ же 1897 г. вся чистая прибыль, подлежащая обложенію въ пользу казны, будетъ уменьшена на 100,000 р. и вся цѣнность машины будетъ погашена. Въ балансѣ того же 1897 г. чистая прибыль, кромѣ того, будетъ уменьшена на 10 процентовъ, вычитаемыхъ на погашеніе въ силу п. 2. цѣнности машины, уже полностью погашенной. На слѣдующій 1898 годъ, 10 процентовъ не будутъ вычтены изъ 100,000 р. и отчисленія на погашеніе стоимости машины будутъ производиться не съ 90,000 р., какъ бы слѣдовало, а со 100,000 р., т. е. съ первоначальной стоимости машины. На слѣдующій 1899 г. отчисленія будутъ производиться не за вычетомъ 20 уже вычтенныхъ процентовъ, т. е. не съ 80,000 р., а опять со 100,000 р. и т. д. Само собою понятно, что, при всѣхъ подобныхъ вычетахъ на погашеніе первоначальной стоимости, казны, въ видѣ недоборовъ по процентному сбору, платитъ проценты на всю сумму вычетовъ, уже произведенныхъ въ предшествующіе годы. Одна акціонерная компанія бумажныхъ мануфактуръ въ привислянскомъ краѣ начала свою дѣятельность при стоимости имущества въ 2.500,000 р., а черезъ 10 лѣтъ, *именно за счетъ вычетовъ*, допускаемыхъ дѣйствующей теперь инструкціей 1888 г., довела стоимость своего имущества до 4.000,000 р. Кажется, дальше идти некуда.

Земства и города поставлены относительно акціонерныхъ предпріятій, въ вопросахъ обложенія, еще болѣе неудовлетворительно: они могутъ облагать *одни корпуса строеній фабрикъ и заводовъ (?)* не касаясь внутренняго содержанія таковыхъ, т. е.: машинъ, приспособленій, доходности и склада выработанныхъ продуктовъ. Фабрика, портящая воду, заражающая воздухъ, развращающая населеніе,—словомъ, тяжело приходящаяся городу или земству,—платитъ самую ничтожную сумму на больницы, дороги, на благоустройство города; платитъ наравнѣ съ *жилымъ* домомъ, къ которому приравнивается строеніе фабрики; платитъ менѣе даже чѣмъ трактиръ или театръ. Но вѣдь въ общественныя больницы

болѣе всего поступаютъ люди, потерявшіе здоровье на фабрикахъ; люди, заразившіеся сифилисомъ на тѣхъ же фабрикахъ; земскими дорогами пользуются фабриканты при доставкѣ и отвозѣ выработанныхъ продуктовъ; огромные фабричныя обозы, разумѣется, портать земскія дороги болѣе простой телеги мужаика; благоустройство городовъ портать заводы; воду портать и въ городахъ, и въ уѣздахъ тѣ же заводы своими отбросами—и, однако же, земства и городскія думы не могутъ привлечь богатѣйшихъ акціонерныхъ предприятий къ пополненію своихъ бюджетовъ. Предъ ними только «корпуса фабрикъ», которые можно обложить не свыше обыкновенныхъ жилищъ домовъ. И ни одной копѣйкой больше!

Пояснимъ примѣромъ. На рыболовныхъ ватагахъ астраханской губерніи строятся (сарай для жилья рабочихъ, сарай для повода и хранения рыбы, и кое-какіе флигельки для прикащиковъ) представляютъ цѣнность нѣсколькихъ тысячъ и *они одни только подлежатъ обложенію*. Наоборотъ уловъ рыбы,—равный сотнямъ тысячъ рублей ежегодно,—никакому обложенію не подлежитъ. Рыба, родившаяся въ верховьяхъ Волги и идущая въ море; рыба, выросшая въ морѣ и идущая въ рѣку метать икру, изъ года въ годъ, не можетъ, по здравому смыслу, составлять исключительную собственность какихъ нибудь Базилевскихъ, Сапожниковыхъ, Рогожниковыхъ и т. п., владѣющихъ только нѣсколькими верстами береговъ. Подобно среднеазіатскимъ разбойничьимъ баронамъ или хищнымъ среднеазіатскимъ ханамъ, они взимаютъ *за проходъ рыбы* мимо ихъ укрѣпленій (ватагъ) въ свою пользу страшный магарычъ и ничего никому не платятъ... Рыба, видите ли, ихъ собственность. Но она не можетъ быть ихъ собственностью: она только проходитъ мимо ихъ берега. За ловъ они должны платить, т. е. брать его на откупъ.

Еще неудовлетворительнѣе поставлены банки и банкирскія конторы. Съ чистой прибыли они ничего не платятъ,—ни казнѣ, ни городамъ, ни земству. Зайдите въ любой банкъ; тамъ обрѣтается трипять и болѣе директоровъ съ многотысячнымъ содержаніемъ и отчисленіями; обрѣтается директоръ-распорядитель, еще богаче обставленный. И не подумайте, чтобы это были какіе-либо техники, спеціалисты, мудрецы... Обыкновенно это самыя простыя, едва ли вполнѣ грамотныя, жида. Они вытягиваютъ изъ городского населенія, изъ всѣхъ предприятий, торговли, изъ всякаго сшитаго сапога или выкованнаго гвоздя свои милліоны—и ничего никому не платятъ, или почти ничего свыше обычныхъ гильдейскихъ пошлинъ. Вотъ съ кого слѣдовало бы назначить дополнительное обложеніе не менѣе 20% съ чистой прибыли. Въ заключеніе, по этому вопросу скажемъ: ростъ большихъ капиталовъ въ государствѣ желателенъ, но они должны наростать за счетъ энергіи и ума своихъ владѣльцевъ, а вовсе не *за счетъ щедротъ казны*. Казна не можетъ быть щедрою непосредственно: чтобы дать одному, ей надо взять у другаго; приходилось до сего дня брать у малоимущихъ, чтобы усиливать и безъ того сильныхъ и многоимущихъ. Здравой экономической политики мы тутъ не видимъ. Сахарозаводчики получаютъ огромные барыши, благодаря нормировкѣ, нынѣ хитро наз-

ванной «союзомъ сахароводчиковъ», т. е. благодаря синдикату, и это въ то самое время, когда безъ нѣры обремененныя имѣнія, чисто земледѣльческія, уже не могутъ оплачивать банковыхъ процентовъ и лучшія изъ нихъ, даже въ хорошіе для хозяйства годы, даютъ всего 2—3 процента чистаго дохода.

У насъ большіе капиталы получили слишкомъ скорый ростъ, благодаря неправильному понятію, будто Россія бѣдна, потому что въ ней нѣтъ большихъ капиталовъ (не успѣли нароести); слѣдуетъ дать нуждающемуся капитализму всевозможныя льготы. Но все искусственно взрощенное обыкновенно непрочно и неблагоотворно; новые капиталисты, правда, у насъ народились, но они не умѣютъ управлять своимъ могучимъ оружіемъ—крупнымъ капиталомъ. Замоксворѣче держать его подъ замкомъ, а кто и пускаетъ въ оборотъ—тотъ наввно думаетъ, что старыхъ приемовъ, прежнихъ рынковъ и прежней техники достаточно и при удесатерившихся силахъ капитала. Отсюда вытекаетъ, что на всѣ крупныя предпріятія по прежнему требуются иностранныя капиталы; что даже въ банковомъ дѣлѣ русскій капиталистъ не играетъ подобающей ему роли, а уступилъ «за чечевичную похлебку» свое первородство жиду. Финляндская компанія пароходства заняла всѣ воды въ самомъ Петербургѣ; бельгійцы, французы, англичане, евреи и нѣмцы овладѣли всѣмъ въ южномъ горнопромышленномъ округѣ; Лодзь и Сосновицы, орудующія на иностранныя капиталы, забиваютъ Москву, а богатые новые рынки на востокѣ не сегодня-завтра тоже попадутъ въ нерусскія руки. Нашъ крупный капиталъ—дѣтище не собственной энергіи, а *результатъ казенныхъ льготъ и подачекъ*. И еще наше промышленное сословіе попрекаетъ этими «подачками» помѣщиковъ! Слѣдуетъ съузить его привилегированное положеніе—и оно обрѣтетъ недостающую ему энергію... Крупный капиталъ безъ энергіи и предпримчивости—не благо, а тягота для государства.

Въ Сибири совершилось знаменательное событіе, долженствующее повліять на нравы и благосостояніе этой огромной страны. Въ одинъ и тотъ же день открылись новые суды въ западной и восточной Сибири.

Въ Иркутскѣ, 2 іюня, открылъ судебную палату и окружный судъ самъ министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ; на торжествѣ открытія присутствовалъ главный начальникъ края, генераль-лейтенантъ Горемыкинъ, архіепископъ Тихонъ и все, что имѣется въ Иркутскѣ выдающагося и пользующагося значеніемъ.

Въ тотъ же день въ Томскѣ открытъ былъ окружный судъ. Судъ правый, скорый и милостивый насталь и «для страны изгнанія», какъ назвалъ Сибирь въ своей рѣчи преосвященный Тихонъ. Государь Императоръ на телеграмму, извѣщавшую Его объ открытіи въ Сибири новыхъ судебныхъ учреждений, изволилъ всемилостивѣйше отвѣтить телеграммою на имя министра юстиціи: «Съ живѣйшей радостью получилъ ваше донесеніе объ одновременномъ введеніи новыхъ судебныхъ установленій во всей Сибири. Убѣж-

день, что новые дѣятели правосудія приложатъ все свое умѣніе и стараніе къ честному исполненію лежащихъ на нихъ долга и ответственности; радъ, что вамъ лично удалось быть свидѣтелемъ этого важнаго для Сибири событія».

Сибирь—страна съ населеніемъ чисто русскимъ; хотя въ ней много инородцевъ и сословныхъ разноплеменныхъ лицъ; но строй жизни въ ней—чисто русскій и она пока не вышла еще изъ русскихъ рукъ, не захвачена инородцами, какъ напримѣръ, Кавказъ, югъ Россіи и почти всѣ наши окраины. Тѣмъ грустнѣе было видѣть Сибирь безъ новыхъ судебныхъ учреждений, со старыми, въ далекихъ городахъ пребывающими коллегіальными судилищами, далекими отъ народа, вмѣсто мировыхъ судей, каковыя теперь введены. Министръ юстиціи, указавшій въ своей рѣчи выгоды замѣны мировыхъ судьями старыхъ коллегіальныхъ судовъ и окружными судами—прежнихъ негласныхъ судовъ съ нѣсколькими инстанціями, провелъ параллель между старымъ судомъ и новыми судебными учрежденіями, и твердо, категорически высказался за уставы Александра II во всей ихъ неприкосновенности. Это даетъ право считать вздорною болтовнею выходки нѣкоторыхъ газетъ о грядущихъ, будто бы уже рѣшенныхъ, измѣненіяхъ въ судебномъ вѣдомствѣ.

Мы и сами убѣждены, что реформы въ судебномъ вѣдомствѣ неизбежны, но они коснутся не суда присяжныхъ, вѣроятно, не *связать* сферы вѣдѣнія окружныхъ судовъ, не *ослабить самостоятельности* членовъ суда и судебныхъ слѣдователей. Мы вскорѣ снова вернемся къ идеѣ о пользѣ для правосудія несмѣняемыхъ судей и судебныхъ слѣдователей, что составляетъ, какъ извѣстно, палладіумъ судовъ во всей Европѣ. Реформы же могутъ и должны коснуться прежде всего коммерческихъ судовъ съ ихъ отжившею канцелярскою процедурою, всемогущими секретарями и столоначальниками; съ ихъ «присяжными стряпчими»,—въ Петербургѣ на 80% евреями, или вчера только окрестившимися сынами израиля. Странное дѣло! въ число присяжныхъ повѣренныхъ приемъ жидовъ свыше извѣстнаго процента воспрещенъ, а въ коммерческой судъ эти юридическіе пролазы набиваются, какъ тараканы въ теплыя щели на кухнѣ. Еврей тамъ—*persona grata*. Нашъ процессъ о торговой несостоятельности по истинѣ—верхъ безобразія. Открыто и всѣмъ вѣдомо существуютъ въ обихъ столицахъ и въ другихъ городахъ, гдѣ имѣются коммерческіе суды, особые «мастера конкурсныхъ дѣлъ», которые, при утаеніи должникомъ важныхъ суммъ отъ кредиторовъ, всегда и неизмѣнно выведутъ его цѣлымъ и невредимымъ изъ бѣды, т. е. обѣлятъ злостнаго банкрота, который могъ бы заплатить. Съ другой стороны, настоящій неосторожный, или прямо несчастный, торговецъ—попадаетъ въ тюрьму за ничтожные долги и окончательно погибаетъ тамъ. Его давятъ въ тюрьмѣ единственно потому, что ему нечѣмъ заплатить; онъ ничего не припряталъ. На дняхъ, въ одномъ городскомъ листкѣ, сообщалось, что содержавшійся въ долговомъ отдѣленіи нѣкій петербургскій 2-й гильдіи купецъ не могъ явиться въ судъ *по неимѣнію одежды* (!). Присяжный стряпчій (еврей) прибылъ въ тюрьму для полученія

показаній и нашель должника *въ одной рубахѣ*. Несчастливцу товарищи по заключенію дали: кто сюртукъ, кто панталоны, дабы онъ могъ переговорить съ присяжнымъ страпчимъ и выпросить изъ своего имущества, попавшаго въ конкурсную массу и тамъ расхищаемаго, хотя бы на одежду для себя. Надо ли говорить, что его моленія остались тщетными и онъ по сей день остается въ тюрьмѣ въ одномъ бѣльѣ?!

Не смѣшно, ли напримѣръ, что въ Харьковѣ,—гдѣ торговля широко развита, гдѣ есть купеческая биржа,—иски предъявляются и считаются вполне обезпеченными компетенціей окружнаго суда, а по такимъ же самымъ сдѣлкамъ, совершеннымъ, напримѣръ, въ таврической губерніи, тажущіеся отправляются въ Керчь, въ тамошній комерческій судъ?

Еще большіимъ анахронизмомъ являются суды національно-духовные, магометанскіе, въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ, какъ пермская, оренбургская, таврическая и инныя. Тутъ мы встрѣчаемся не только съ юридическимъ, но даже и съ государственнымъ абсурдомъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели наши общіе суды менѣе компетентны въ рѣшеніи гражданскихъ споровъ и въ дѣлѣхъ наслѣдства, нежели судъ какого нибудь кадія, воспитаннаго на мертвящей восточной схоластикѣ?

Мусульманское наслѣдственное право составляетъ особую науку ульмъ-уль-фараизъ, и выводамъ этого «фараиза» кассационный департаментъ заставляеть слѣдовать русскихъ подданныхъ магометанскаго вѣроисповѣданія.

То же самое можно сказать и о евреяхъ: ихъ духовный судъ бетъ-динъ, хотя и не признаваемый закономъ, дѣлитъ наслѣдство и удерживаетъ въ свою пользу, т. е. въ пользу кагала, большія суммы.

Третьимъ анахронизмомъ, хотя и съ меньшимъ значеніемъ, является судъ ремесленной и цеховыхъ управъ, представляющій изъ себя остатокъ стариннаго «магдебургскаго» права. Всѣ эти споры между мастерами и подмастерьями, между заказчиками-работодателями и цеховыми работниками могли бы съ большимъ успѣхомъ разрѣшаться въ камерахъ городскихъ и мировыхъ судей, а мастера могли бы вызываться въ качествѣ экспертовъ по этимъ дѣламъ, гдѣ требуется специальная цеховая экспертиза.

Если мы къ перечисленнымъ категоріямъ, въ которыхъ желательна судебная реформа, добавимъ адвокатуру, нотаріатъ и вексельное право—мы получимъ болѣе или менѣе вѣрную программу тѣхъ измѣненій, какихъ вправѣ ожидать Россія отъ работающей нынѣ комисіи по урегулированію нашихъ судебныхъ уставовъ.

Ф О Н О Г Р А Ф Ъ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

„И на солнцѣ есть пятна“...

Безобидный и добрый народъ,—
Мы имѣемъ натуру простую:
Снисходительность верхъ въ насъ беретъ,
Гнѣвъ правдивый туша зачастую.
Для житейскихъ грѣшковъ каждый разъ
Намъ найти оправданье пріятно,
И реченіе свято для насъ
До сихъ поръ: «и на солнцѣ есть пятна»...

Въ ворахъ дѣлъ углубясь безъ конца,
Бюрократъ посѣдѣвшій, по праву,
Въ высшихъ сферахъ слыветъ за дѣльца,
Заслуживъ себѣ громкую славу.
Кое-гдѣ подь шумокъ говорить,
Что его секретарь акуратно
«Корректируетъ» каждый докладъ...
Ну, такъ что жь? «И на солнцѣ есть пятна»!

Пуританинъ до мозга костей,
Врагъ вина съ головы и до пятокъ,
Публицистъ, противъ пьянства, статей
Каждый мѣсяцъ готовить съ десятокъ.
Къ развлеченьямъ отъ дѣла влекомъ,
Если ночью изъ клуба обратно
Онъ вернется порой подь хмѣлькомъ—
Ну, такъ что жь? «И на солнцѣ есть пятна»!

Управляющій банкомъ однимъ—
 Финансистъ гениальный, безспорно;
 Есть одинъ недостатокъ за нимъ:
 Онъ на биржѣ играетъ упорно.
 Взявъ для дѣлъ своихъ кругленькій кушъ,
 Забывалъ возвратить многократно
 Деньги въ кассу разсыянный мужъ...
 Ну, такъ что жь? «И на солнцѣ есть пятна»!

Самъ читать лишь умѣя съ трудомъ,
 Да и то научась изъ-подъ палки,
 Возвеличилъ торговый свой домъ
 Комерсантъ при посредствѣ смекалки.
 Округлялся его капиталъ
 Не всегда безупречно, понятно:
 «Рубль ломать» онъ при сдѣлкахъ усталъ...
 Ну, такъ что жь? «И на солнцѣ есть пятна»!

Дама юная—врагъ всѣхъ затѣй,
 Тѣму достоинствъ въ себѣ обнаружа,
 Идеальная мать для дѣтей
 И всецѣло подруга для мужа.
 Средь завистницъ есть слухъ, что тайкомъ
 Пребыванье бываетъ пріятно
 Ей съ кузеномъ—лихимъ морякомъ...
 Ну, такъ что жь? «И на солнцѣ есть пятна»!

Дней новѣйшихъ поэтъ—«символистъ»
 Въ своемъ гѣніи твердо увѣренъ;
 Стихъ его мелодиченъ и чистъ,
 И размѣръ, разумѣется, вѣренъ.
 Восхищаемся риемъ мы игрой;
 Если жь вовсе для насъ непонятно
 То, о чемъ онъ болтаетъ порой,—
 Ну, такъ что жь? «И на солнцѣ есть пятна»!

Хмурый Бардъ.

Предусмотрительность.

По привычѣ поступая
 Всюду въ жизни осторожно,
 Не гнушался никогда я
 Даже мелочью ничтожной,
 И, исполненный желанья
 Добиваться доли лучшей,
 Все достойное вниманья
 Я берегъ... *на всякій случай.*

Со ступени низшей самой
 Началь и свою карьеру
 И съ энергіей упрямой
 Въ лжи отбросилъ честь и мѣру,
 Ибо быть «особой» важной
 Мыслью мучился гнетущей,
 И повтому отважно
 Лгалъ и льстилъ... *на всякій случай.*

Мой начальникъ относился
 «Слишкомъ» къ женщинамъ любезно...
 Я, подумавъ, убѣдился,
 Что жениться мнѣ полезно;
 Что найду я состраданье
 Предъ бѣдою неминучей,
 И прелестнаго созданья
 Мужемъ стану... *на всякій случай.*

Опуская робко взоры
 И клоня свои колѣни,
 Я прошелъ довольно скоро
 Всѣ служебныя ступени.

Хоть и не былъ я лѣнивцемъ,
 Но, въ дѣлахъ себя не муча,
 Очень часто сослуживцамъ
 Гадилъ я... *на всякій случай.*

Не гнушался за труды я
 Отъ просителей даяньемъ:
 Справки сдѣлавши пустыя,
 Простиралъ свою я длань имъ,
 На скупцовъ же неотступно
 Я смотрѣлъ громовой тучей
 И скопилъ довольно крупный
 Капиталь... *на всякій случай.*

Убѣжденья наши хрупки,—
 Кто изъ насъ, друзья, не грѣшенъ?..
 Разъ въ двусмысленномъ поступкѣ
 Оказался я замѣшанъ.
 Дѣла я не ждалъ раскрытыя
 И, враговъ испуганъ кучей,
 Увольненье испросить я
 Поспѣшилъ... *на всякій случай...*

Старый Капраль.

СОДЕРЖАНИЕ № 8-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

	СТРАН.
I. Снеговъ огонь и воду. Романъ С. Орлицкаго.	7
II. Въ отлету! Стихотвореніе Л. А. Афанасьева.	101
III. Темы и мотивы лирики Я. П. Пелонскаго. Бритическій этнодъ. Н. М. Соколова.	102
IV. Признаніе. Стихотвореніе А. Лукьянова.	141
V. Хлопскій льдцарь. Украинская быль-повѣсть изъ временъ гайдамачины. Н. Вериги (Оконч.)	142
VI. Громкое дѣло. И. А. Гофштеттера.	169
VII. Въ полуснѣ. Стихотвореніе Д. Ратгауза.	187
VIII. Наша музыкальная жизнь. В. С. Васкина.	188
IX. Томъ Союзъ. Романъ Марка Твена (Съ англійскаго).	220
X. Ночи. Стихотвореніе Ф. Солегуба.	284
XI. Наша кредитная денежная система. Н. Х. Весселя.	286
XII. М. П. Озмидовъ. (Съ портретома).	310
XIII. Вдвоемъ. Стихотвореніе А. Гангелина.	314
XIV. Провинціальная жизнь. (Очерки и картинки). Новаго Аргуса.	315
XV. Астры. (Изъ А. Асныка). Стихотвореніе М. М. Гербанов- скаго.	342
XVI. Безъ вины виноватый. Романъ Мемини, въ трехъ частяхъ. (Съ итальянскаго).	343

Современное обозрѣніе.

XVII. Политическая хроника	1
XVIII. Новая книги	20
XIX. Наши внутреннія дѣла	26
XX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). Стихотворенія: Хмураго Барда и Старога Капрала.	40

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція просить гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы точно направлять книги журнала. Въ противномъ случаѣ, Редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, Редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Жалобы должны присылаться *непосредственно* въ Главную Контору. Утраченный не по винѣ Редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 руб. 50 коп. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его номеръ и, при каждомъ заявленіи, прилагать *пять семикопеечныхъ почтовыхъ марокъ* за напечатаніе новаго адреса. Перемѣна адреса должна быть получена въ Главной Конторѣ *не позже 20-го числа* каждого мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу. 4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный, уплачивается 2 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—1 р. Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору Редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ Редакцію, благоволятъ прилагать почтовые марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко переписанными*. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, — если не будутъ потребованы обратно, — уничтожаются. *Статьи менѣе 200 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются*. По поводу доставляемыхъ стихотвореній, Редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовые марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи, доставленные безъ опредѣленія условій гонорара, считаются бесплатными или оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ Редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами и бандеролями*. Рукописи, принятые *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію Редакціи. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращенію и измѣненію. Статьи неизвѣстныхъ Редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются бесплатными. 7) Контора открыта съ 1-го октября по 1-е мая—отъ 12 до 4 часовъ пополудни, въ остальное же время года—до 3 часовъ, *кромя праздничныхъ и воскресныхъ дней*. Приемъ въ Редакцію—*по четвергамъ, отъ часу до двухъ*. 8) Объявленія для напечатанія въ журналъ принимаются съ платою: за страницу—25 руб., за $\frac{1}{2}$ стр.—13 руб., и за $\frac{1}{4}$ стр.—7 р. 9) Конторы газетъ и журналовъ, печатающихъ наши публикаціи, приглашаются доставлять свои счета въ Редакцію *не позже полугода со дня напечатанія*: иначе теряется возможность контроля надъ правильностью уплаты. 10) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ: 25-го числа, отъ часу до 3-хъ пополудни*. Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналъ, не допускаются*.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА, НА 1897 Г., НА ЛИТЕР.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЬ

ГОДЪ XVI „**НАБЛЮДАТЕЛЬ**“ ГОДЪ XVI.

Вступивъ въ шестнадцатый годъ своего существованія, журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, въ томъ же *прогрессивно-національномъ* направленіи.

«**НАБЛЮДАТЕЛЬ**» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, **безъ предварительной цензуры**, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

Въ 1896 г., для подписчиковъ нѣкоторыхъ категорій, была сдѣлана скидка въ размѣрѣ 2 руб. съ годовой платы. Въ настоящемъ же году редакція нашла возможнымъ сбавить подписную цѣну для всѣхъ подписчиковъ безъ различія.

Годовая цѣна: 12 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою иногороднымъ; за границу—14 р. **За полгода:** 6 руб. съ доставкою и пересылкою въ Россіи; за границу—7 р. **За три мѣсяца:** 3 руб. съ доставкою и пересылкою въ Россіи; за границу—4 руб. **За одинъ мѣсяць:** 1 р. съ перес. въ Россіи; за границу—1 р. 50 к. Гг. служащимъ разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ. Книгопродавцамъ уступка—50 коп. съ годов. экз. При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается.

Съ января 1897 г. «**НАБЛЮДАТЕЛЬ**» выходитъ съ иллюстраціями въ текстъ журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Пушкинская ул., близъ Невского просп., № 8), въ конторѣ «*Новаго Времени*» и во всѣхъ извѣстныхъ книжн. магазинахъ (Фену, Вольфа, Цинзерлинга, Риккера, Стасюлевича и др.); въ *Москвѣ*—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), въ книжн. магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ университета) и въ отдѣленіи конторы «*Новаго Времени*»; въ *Одессѣ*—въ книжныхъ магазинахъ Распопова и «*Нов. Времени*», и въ конторѣ «*Новоросійскаго Телеграфа*»; въ *Кіевѣ*—въ кн. магазинахъ Оглоблина, Идзиковскаго и Литова; въ *Харьковѣ* и *Саратовѣ*—въ кн. магазинахъ «*Нов. Времени*».

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала на почту только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Газета «**ГЛАСНОСТЬ**» возобновится съ 1-го октября текущаго года.

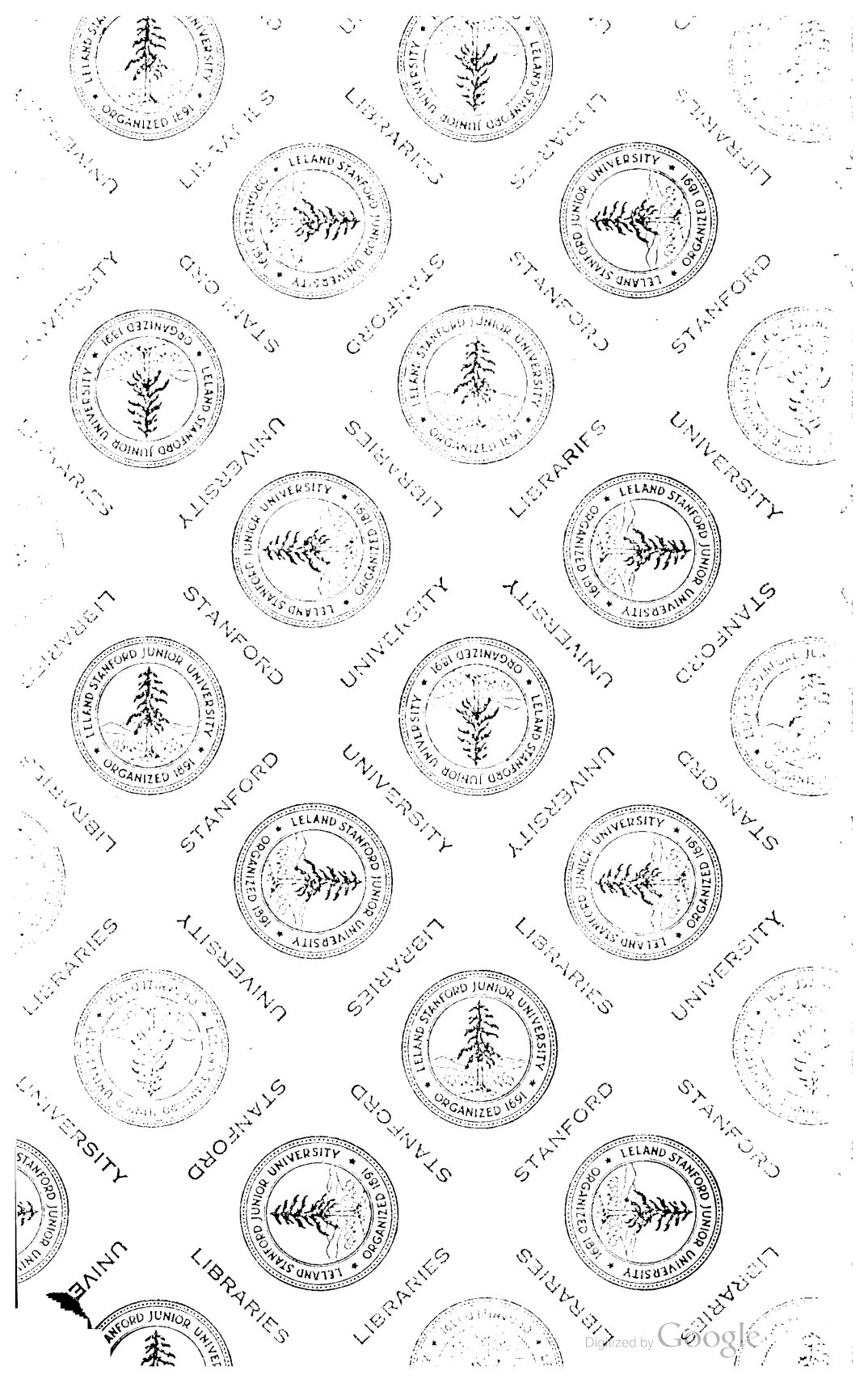
Газета будетъ выходить въ *прежнемъ* объемѣ и форматѣ (форматъ «**ГОЛОСА**»), но по уменьшенной цѣнѣ. Подписная цѣна: за *годъ* съ дост. и перес. 10 р.; за *полгода*—5 р.; за 3 мѣс.—2 р. 50 к.; за 1 мѣс.—1 р. Прежніе подписчики получаютъ удовлетвореніе по уменьшенной цѣнѣ: такъ напр., имѣющіе за редакціей 5 руб. будутъ получать газету 6 мѣс. по возобновленіи, и т. д.

Редакторъ-Издатель А. П. ПЯТКОВСКИЙ.

AP
50
N33
v16
no 8
1877

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

